

Ник. Горькавый Возвращение астровитянки

Астровитянка – 3

Серия «Фантастика настоящего и будущего»

Заключительная книга трилогии «Астровитянка».

Никки, космический Маугли, и её друзья строят город своей мечты, а попутно — управляют миром и решают проблему: как сделать счастливым каждого достойного человека Земли и её окрестностей.

Развёрнутая перспектива владений императрицы Никки — венерианские аэростаты, метановые моря Титана, металлические туманы и «электрические драконы», а также полная приключений, беспощадная борьба Добра со Злом.

Мир «Астровитянки» по-прежнему научно достоверен и полон приключений, требующих от героев твёрдости духа и быстроты мысли.

Художник обложки Илья Руднев

Посвящается Т.

Пролог нового тысячелетия

«С ентябрьский день был чудесен — синее небо, тепло, но не знойно. Редкий случай, когда можно ехать в машине на скорости шестьдесят миль, с удовольствием выставив в открытое окно локоть или ладонь. Воздух на такой скорости упруг, как медуза, и скользит

между пальцами, перебирая их.

Прямое шоссе шло на восток, рассекая сонные посёлки, разрезая капилляры местных дорог и выцеживая из них разноцветные автомобили в единое артериальное течение. Двадцать стремительных минут — и пятижильный поток упирался в городское кольцо, сгущаясь в длинный тромб.

Утренняя пробка была стабильной, как часы, спокойной и привычной. Она пахла ранним кофе и свежими рубашками, сочилась звонками телефонов и бодрими интонациями радиокомментаторов, вздрагивала от скрипа зазевавшихся тормозов.

Она была пучком мировых линий, густо стиснутых в бетонном пространстве, приятельски привязанных друг к другу утренним временем.

Раздавленные на скорости насекомые усеивали лобовые стёкла и автомобильные капоты, раскалённые солнцем и моторами. Крупные синие стрекозы ловко скусывали с капотов битую копчёную мошку, грациозно пританцовывая в воздухе.

Белохвостый олень с любопытством высунулся из зарослей, посмотрел на дорогу, забитую автомобилями, и равнодушно отвернулся. Всякому ясно, что ползающие кусты, которые так дурно пахнут, должны быть совершенно отвратительны на вкус.

Старенький автомобильный кассетник подпитывал солнечный пейзаж могучей итальянской энергией Челентано. Я опаздывал на работу, но не настолько, чтобы нервничать по этому поводу. Последняя часть дороги была самой приятной, с зелёными откосами в ромашках и тихими пригородами за высокими придорожными стенами.

Весной здесь всё в вишнёвом цвету.

По-совиному ухнул над головой последний мост, и я свернул в Росслин — деловой центр на столичной окраине. Несколько привычных поворотов — с уступанием дороги и с взаимным раскланиванием с пешеходами, — и я въехал в подземный гараж.

Нашёл место неподалёку от красавца „бентли“, зашёл в лифт и нажал кнопку десятого этажа.

Странно — никого в кабинетах не было. Я двинулся на голос диктора, доносящийся из конференц-зала, и нашёл всех сотрудников перед экраном.

И сентябрьский погожий денёк превратился в кошмар.

Телевизор показывал горящий небоскрёб. Вскоре вспыхнул второй — рядом.

Мозг лихорадочно подсчитывал возможное число обитателей стоэтажных громадин и приходил к кошмарному выводу, что катастрофа может быть сравнима с Хиросимой. Глаза в ужасе фиксировали все подробности и поймали момент, когда край небоскрёба дрогнул и посыпался вниз. За считанные секунды сколлапсировал весь параллелепипед, взметнув вверх цементно-пылевой смерч. Крик прокатился по комнате и по всему миру, наблюдающему мгновенную смерть тысяч людей.

Вскоре рухнул и другой небоскрёб, и ещё многие сотни душ присоединились к чёрному облаку, висящему над густонаселённым островом.

Что происходит?! Кто это сделал?!

Это ещё был не конец кошмара.

Над нашим зданием самолёты часто заходят на посадку в ближайший аэропорт. Но этот „Боинг“ пролетел слишком низко и быстро, с громким гулом. Его брюхо мелькнуло над самой головой. И над крышами зданий, за которыми скрылся странный самолёт, появился чёрный клуб дыма. Это уже была не телепередача, это уже горела столица...

В воздухе стойко пахло войной.

Около одиннадцати часов объявили эвакуацию учреждений. День по-прежнему был погожим, но уже совершенно неправильным. Движение транспорта в центре города перекрыли. Чиновники и бизнесмены — в галстуках, пиджаках и с кейсами — выбирались из города по мостам, не спеша, без паники. Как будто весь город вышел подышать свежим воздухом, вот только в воздухе стоял дым от сгоревших человеческих жизней.

Гражданские самолёты больше не летали, зато в голубом небе с рёвом носились военные истребители.

Так началось новое, третье тысячелетие.

Я стоял у места взрыва, дышал пеплом сожжённых душ — и они остались во мне навсегда.

С тех пор я бессознательно боюсь низко летящих самолётов.

С тех пор я сознательно думаю о терроризме, пытаюсь понять его генезис.

Я был со своей семьёй в той самой башне. Но мы не сгорели, не прыгнули с карниза, не распылились среди бетонной крошки — мы побывали в небоскрёбе за несколько месяцев до его крушения. Поднялись на крышу в кафе, выпили по бумажному стаканчику кофе на самой вершине человеческого мира, посидели на лестнице с металлическими перилами. Ступеньки спускались в никуда — просто к огромному стеклу, за которым раскинулся ночной, светящийся, звенящий, смеющийся город.

Вскоре это уютное кафе покосится и устремится в историю, ломая перила, как руки.

Несколько секунд невесомости, присущей космическим кораблям, вышедшим на финишную орбиту.

Удар! — и тысячи испуганных и одиноких людей умерли.

Густое облако праха и цемента покрыло оставшихся в живых, город и мир.

Мы остались там навсегда — на вершине той башни. Рухнувшей и вечной.

Терроризм стал частью нашей жизни.

Вскоре столичных жителей стали обстреливать невидимые снайперы. Убивали всех, потому что все были врагами: женщина, вышедшая из магазина с покупками; мужчина, отец шестерых детей, заправляющий машину на бензоколонке; тринадцатилетний школьник, идущий домой. Как страшно жить тем, у кого столько врагов.

Каждый вечер я включал радио, чтобы узнать — кого и где сегодня убили снайперы? Географию очередного кровопролития нужно было деловито учитывать при возвращении домой, так как после каждого убийства ближайшие шоссе перекрывались в поиске убийц. И тысячи людей проводили в автомобильных пробках долгие часы; измученные, съезжали на обочину и засыпали.

Это длилось три недели. Люди стали бояться открытых пространств, не решались выйти из машины, чтобы залить в бак бензин. Напряжение росло — именно этого и добивались террористы.

Но кого они запугивали своей жестокостью? Своих врагов или своих союзников? Или просто наслаждались свободой насилия, разрешённой и даже благословлённой собственной системой ценностей? Торговали ли здесь чужим страхом или питались им?

Я много думал о социологии террора, психологии террористов и их жертв, одной из которых оказался и я. Так появилась эта книга „Бизнес терроризма“, где я прихожу к выводу, что терроризм направлен не наружу, а вовнутрь. Его главная цель — не месть внешним врагам, а укрепление положения во внутренней среде союзников. И лишь второстепенной целью является удовлетворение своей злобы.

Террором нельзя победить страну с ядерными ракетами — ведь ты и твои союзники живы только до тех пор, пока она всерьёз не рассердится.

Зато пролитая кровь скрепляет — особенно чужая. Друзья и финансисты террористов становятся соучастниками преступления: они привязаны к нему, боятся за себя, поэтому и держат для террористов кошелёк открытым. Они могут радоваться победам над чужаками и иноверцами, но на самом деле — это победили их самих.

Друзья террористов являются главными жертвами терактов.

Насколько устойчива и распространяема бизнес-модель терроризма? Полагаю, что здесь применима аналогия...»

Раздался стук в дверь.

Глава 1

Контратака императора

В кабинет зашёл Джерри. Никки отвернулась от экрана и посмотрела на него.

— Что ты читаешь?

— Старинную книгу о природе терроризма.

— Идём обедать, я придумал отличное блюдо из тушёной рыбы с картофелем под сыром. А почему ты заинтересовалась террористами?

— Хочу понять короля Дитбита.

— Он террорист, вне всяких сомнений... И взрыв в Шрёдингере — теракт.

— С юридической точки зрения — конечно, но с психологической есть существенная разница между терактом от имени религиозного или этнического сообщества и ударом, которым пытаются нейтрализовать опасность для себя и своей семьи.

— И зачем ты об этом думаешь?

— Потому что король Дитбит всё ещё в бегах — уже много месяцев. И всё ещё опасен. Такого врага нужно понимать — тогда легче предвидеть его действия. Полагаю, что у Дитбита психология не обычного террориста, а мафиозного главы семейства. Семья для него важнее денег и союзников. Сейчас он — самоотверженный защитник своего клана, а не лидер большой общины идейных последователей, которую нужно сплотить.

— И что из этого следует?

— Пока не знаю... — вздохнула Никки. — Пошли есть твою замечательную рыбу.

Они сидели за столом причудливой конфигурации, в небольшой башне, прилепившейся к стене нового замка династии Гринвич. Оконное стекло пересекало плоскость стола и открывало вид на цветник, который обещал стать главным блюдом в меню. Стояла лунная ночь, и цветник, где работали двое садовников, ярко освещался лампами.

Сам замок был ещё не готов — лишь на одной его стороне светились окна жилых башен и служебных этажей. Основное здание только строилось, а вокруг него уже возникла сеть хрустально чистых шестиугольников — вместе с замком рос целый город — Гринвич-Сити.

Никки быстро съела рыбу, а за чаем снова рассеялась вниманием, задумалась над чем-то сложным.

— Над чем размышляешь? — спросил Джерри.

— Вокруг нас море несправедливости. Мне хочется, чтобы его было поменьше, но всё так запутано... Помнишь, как мы раздобыли денег, вступив по владение астероидом? Этим занимался Дименс, и я не знала многих деталей. Оказывается, далеко не всегда эта процедура проходит гладко. Хуже всего дело обстоит на Титане, где много индивидуальных старателей и владельцев шахт. Там судебные решения по регистрации участков так затягиваются, что это каким-то малопонятным образом приводит к частым смертям и банкротствам среди поселенцев. Судьи очевидно подкуплены, но неясно, как с этим бороться, — ведь они формально ничего противоправного не совершают, просто работают так, что создали многомесячную очередь на повторное рассмотрение регистрации участков... Чепуха какая-то, но кому-то она стоит жизни...

Никки нахмурилась и сказала:

— Я не понимаю, как сделать человечество более человечным и менее злобным. Чем технологичнее мир, тем больше трагедий может принести чья-то агрессия или тупость. Инфраструктура современного общества стала сложной и уязвимой. Достаточно небольшого количества психов или преступников — и жизнь превращается в кошмар. А в мире нет места без идиотов. И что делать с этими несчастными людьми?

Джерри хмыкнул:

— Забавно, что ты об этом заговорила. Потому что это близко к «проблеме торможения», над которой мы с Хао сейчас бьёмся. Точка «бифуркации бессмертия» пройдена, и нужный поворот истории сделан. Мы с Хао пытаемся получить более детальный

вариант событий в рамках уже известного канала событий. И выяснили: чем дальше мы двигаемся по линии эволюции, используя имеющиеся технологии четвёртого уровня, тем меньше становится вероятность нужных нам преобразований. То есть теоретически они осуществимы, а практически... Мы ещё не до конца разобрались в причинах этого — поэтому я и не спешил рассказывать тебе об этой загадке. Но очевидно, что главным тормозом эволюции является не техника, а люди. Чем лучше жизнь, тем больше они теряют интерес к труду и творчеству. Неразвитым людям для счастья достаточно еды, секса, легальных наркотиков, удобного жилья и необременительной ненависти к ближнему. Такая ограниченность становится главным препятствием на пути к будущему. Человеку тяжело быть разумным! А бессмертие только усложнит эту проблему.

— И где выход?

— Не знаю. Нужно кардинальное изменение в психологии людей, в мировой культуре и образовании. А этого невозможно достичь с помощью существующих социоимперативов и технологий. Здесь нужно что-то другое. Я подошёл к задаче с формально математической точки зрения — и доказал интересную теорему: «проблема торможения» принципиально решаема, если у нас есть технология пятого уровня.

— Но таких технологий, играющих ключевую роль на масштабах десятков тысяч лет, человечество ещё не знает!

— Я и говорю — это лишь математическое утверждение, а не реальное решение.

Никки заругалась:

— Какого Ома жизнь устроена так, что все победы вянут уже наутро и возникают новые проблемы?!

— Закон сопротивления всемогущ, — усмехнулся Джерри.

В их беседу ворвался встревоженный голос:

— Ваше величество, вы срочно нужны в рубке!

Рубкой в замке Гринвич называли командный центр, куда стекались все информационные потоки из внешнего мира и откуда можно было управлять быстрорастущей династией.

В рубке всегда находились или сама Никки, или дежурный офицер. Именно в его голосе звучала такая тревога, что Никки и Джерри без промедления кинулись в рубку, которая была совсем недалеко.

— Что случилось?!

Дежурный офицер молча кивнул на один из экранов, показывающий человека в форме капитана Космической службы.

Капитан торопливо сказал:

— Обнаружен «Звёздный дракон» — крейсер короля Дитбита. Он не отвечает на сигналы и летит по направлению к вашему куполу. Мы думаем, что это нападение!

— Его можно остановить? — спросила Никки.

— Ракеты за ним не успеют, а лазеры и пучковое оружие распылить корабль не могут. Он находится уже на баллистической траектории и, судя по всему, собирается врезаться в ваш город!

Кто-то в рубке охнул. Баллистическая траектория означает, что корабль даже с мёртвым экипажем и неработающим двигателем всё равно достигнет своей цели.

Никки воскликнула:

— Сколько времени осталось?!

— Шесть минут.

— Объявить немедленную эвакуацию! — крикнула Никки. — И вы тоже все на выход! — обратилась она к людям в рубке.

Рубка опустела, но Джерри и дежурный офицер остались.

— У меня вахта! — твёрдо сказал офицер и продолжил руководить эвакуацией.

Капитан крейсера Спейс Сервис сердито объяснял:

— Оказалось, что крейсер Дитбита снабжён не только системой невидимости — он

сумел навести на главный радар сектора электромагнитные помехи, которые выглядели как естественная поломка. Пока система искала неисправность, крейсер Дитбита подошёл к самой Луне. Его обнаружили, но слишком поздно для посылки ракеты-перехватчика. А боевого лазера, достаточно мощного для уничтожения целого корабля, в нашем секторе нет.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила Никки.

— Компьютер перебрал уже все варианты. Король объявлен вне закона, и я, ни минуты не колеблясь, уничтожу его лично. Но сейчас речь о вас и о десяти тысячах тонн металла, направленного в ваш купол.

— И о сотнях людей под куполом... — горько сказала Никки, наблюдая на экранах, как из шлюзов стали вылетать первые катера. — Они не успеют выбраться за эти минуты. И я не смогу вывезти из замка свою дочь.

— Я готов приказать обстрелять корабль, — прорычал командир Спейс Сервис. — Это хотя бы помешает взрыву реактора.

— Нет, не стреляйте! Тогда любая надежда будет потеряна. Корабль разрушит город даже одной кинетической энергией удара.

Робби вмешался:

— Корабль ещё можно отвернуть от Луны — если король согласится.

Никки посмотрела на дежурного офицера:

— Можно установить связь с кораблём Дитбита?

Офицер пожал плечами:

— Он не отвечает на запросы. Но я попробую ещё раз...

Но не успел он договорить, как засветился белым шумом один из экранов и раздался хриплый голос самого Дитбита:

— Королева Никки, прошлый наш разговор оказался не последним. Мы закончим нашу дискуссию сегодня. Готовься к смерти, королева.

Никки отреагировала немедленно:

— Король Дитбит, если вы откажетесь от своего самоубийственного поступка, я не буду мешать вашему сыну управлять династией Дитбитов и не буду её разрушать.

— Лжёшь!

— Я никогда не обманывала. Моё обещание слышат сейчас сотни людей.

— А что будет со мной?

— Вас преследует закон, а не я.

— Ты его натравила!

— Это не так. В любом случае, я не властна над полицейскими. Я обещаю только то, что смогу выполнить. Если же вы не согласитесь, мои друзья от вашей династии оставят только пыль, и не уверена, что ваш сын уцелеет в этой вакханалии мести.

— Болтовня! Тебя не будет — не будет и проблемы! — Голос короля выдавал усталость и тревогу.

— Вы сейчас убьёте массу невинных людей. Я клянусь дочерью, что говорю вам правду! Вы добились своей цели: вашей династии с моей стороны больше ничто не угрожает!

— Что, королева Николь, испугалась?

— Да, король Дитбит, испугалась. В замке мои друзья и моя дочь... Я не собираюсь спасаться, я их не брошу.

— Тогда молись свои последние минуты жизни! — торжествующе каркнул король Дитбит.

Но Никки не собиралась падать на колени. Она скомандовала офицеру:

— Включите все каналы, сообщение для штаб-квартиры Шихин-ых. — Она повысила голос: — Официальное завещание. Я, королева Николь Гринвич, завещаю своему мужу...

Джерри с ужасом посмотрел на неё.

— ...принцу Айвану Шихин-у всё своё состояние — с единственным требованием полностью уничтожить династию Дитбитов, клана детоубийц. Пусть даже память о них

будет проклята! — Никки перевела дух и добавила: — Робби, в момент пролома купола разместить в Сети контракт на уничтожение принца Дитбита-младшего. Цена — миллиард, деньги из моего личного фонда. Сколько принц проживёт после этого?

— С вероятностью одной сигма — три дня. Его убьют собственные слуги.

— Не сделаешь этого! — воскликнул король Дитбит.

— Робби, это неотменяемый приказ, — сказала королева и посмотрела на мерцающий экран: — *Я* не сделаю этого. *Ты*, король Дитбит, сам это сделаешь, уничтожив мирный город. Я уже не смогу вмешаться в свои приказы. Сам думай, что тебе важнее — спасти сына и свою династию или отомстить мне и погубить их обоих.

Раздался голос Робби:

— Через десять секунд отвернуть от Луны можно будет только на автопилоте, но перегрузки будут смертельны для экипажа. Даже с учётом электромагнитного кресла.

Ужас разлился по рубке и захлестнул замок, который слушал происходящее сотнями каналов. Из динамиков послышались крики, хруст и грохот. На левом экране было видно, как сразу два катера попробовали влезть в шлюз и врезались друг в друга, сминая блестящие бока и крылья.

В рубке воцарилось гулкая тишина. Король Дитбит молчал.

Зато Робби заявил:

— Катастрофа неотвратима. Избежать соударения с лунной поверхностью уже нельзя даже на автопилоте — мощность двигателей «Звёздного дракона» недостаточна.

Никки вздохнула.

Как ни готовься к смерти, она всегда застаёт врасплох.

— Пойдём, Джерри, я хочу быть рядом с Сюзан. Робби, спроецируй на весь купол лицо Дитбита-младшего... Король должен видеть, кого он убивает. Командир, не обстреливайте его корабль — пусть король до конца отвечает за себя и свои дела.

Потом Маугли сказала в пространство:

— Прощай, король Дитбит. Да, я сейчас умру. Все люди умирают. Но пока мы живы, то сами решаем, какое эхо останется после нашей смерти — благодарность или ненависть.

Никки повернулась к дежурному офицеру и пожала ему руку:

— Спасибо за службу, вы проявили себя настоящим командиром. Боюсь, вы уже не успеете выбраться отсюда.

— Моя вахта ещё не окончена! — гордо сказал офицер и отдал честь выходящим из рубки Никки и Джерри.

В огромной детской комнате стены-экраны транслировали красивые пейзажи, но здесь был и свой живой садик и звучала тихая музыка.

В центре комнаты стояла колыбель Сюзан. До рождения принцессы оставалось две недели.

— Ну, что, Джерри, такой оборот событий мы не рассчитали? — вздохнула Никки, подходя к колыбели.

— Это нерассчитываемый «эффект джокера» — самый опасный для всех моделей. Поведение отдельного человека до конца не предсказуемо, и если он своими действиями оказывает влияние на ход истории, то мы имеем развилку мировой линии и практически случайный выбор пути истории. В своё время ты оказалась «джокером» и спутала карты многим мировым игрокам.

Джерри был невозмутим.

— Почему ты так спокоен? — спросила Никки. — Нам осталось жить... Сколько, Робби?

— Тридцать секунд.

— Пока я с тобой, — сказал Джерри, — я почему-то ничего не боюсь. Это личная патология, не обращай внимания.

— А мне страшно, — шепнула Никки. — И очень жалко Сюзан — она уже такая славная, я её так люблю...

Она заглянула в окошко колыбели:
— Прости, Сюзан, тебе не повезло с мамой...
Истекали последние секунды, отпущенные им и себе безумным королём Дитбитом.
Никки крепко прижалась к Джерри и спрятала лицо на его груди. Последний защитный жест всех влюблённых.
Земля взбесилась и подпрыгнула.
Стены затрещали, и всё затопил низкий гул.
Наступила тьма.
Прошла смертельно тоскливая секунда, и свет снова загорелся.
Треск и шум стихли.
Робби крикнул:
— «Звёздный дракон» врезался рядом с куполом! Король Дитбит отвернул в последние секунды! Мощности хватило, чтобы только уйти от города.
— Он принял моё предложение... — сдавленно сказала Никки.
И второй раз на памяти Джерри заплакала.
Это правильно.
Смерть — даже смерть врагов — должна вызывать слёзы.
А иначе — что мы за люди?

Глава 2 Гринвич-Сити

Город был великолепен.
В его центре раскинулась треугольная площадь, вокруг которой симметрично собрались три огромных здания в виде треугольных пирамид: замок династии Гринвич, Независимая академия наук и Гринвич-колледж.
Гринвич-колледж состоял из школы, собственно колледжа и университета. Школа неофициально чаще всего называлась Школой Гениев, но каждое поколение школьников награждало его собственным прозвищем, и чего тут только не было: Дом Грызунов, Остров Скелетов, Сушилка Мозга, Подвал Упырей, Гробница-для-Всех и многое другое. Студенты не придумывали прозвищ своей alma mater — им было не до того.
В пирамидально-ступенчатое здание по прозвищу «Лестница» многие впервые попадали, держась за руку отца или матери, а покинуть его им предстояло взрослыми людьми, обладателями дипломов о высшем образовании. Чем старше становился человек, тем на более высокий уровень здания он поднимался, и тем меньше оставалось рядом с ним друзей, выдержавших тяжёлую учёбу.
Вокруг каждого этажа шла зелёная терраса, на которой можно было отдохнуть, но лужайки и сады у вершины пирамиды были практически пусты — из-за занятости студентов университета, которые скоро должны были шагнуть во взрослую жизнь.
Многие выпускники Гринвич-университета надеялись просто перейти площадь с фонтанами и клумбами и стать сотрудниками Независимой академии, размещённой в стильном пирамидально-спиральном здании. Спираль пешеходного цветущего бульвара шла от подножия до вершины академии, делая её похожей на висячие сады Семирамиды. Придорожные камни и фонтаны были исписаны мудрыми изречениями, которые могли служить некоторым отдыхом и утешением для ломающих голову над очередными научными загадками.

Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации учёных или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов... Истина нередко в большем объёме открыта научным еретикам, чем ортодоксальным представителям научной мысли. Отличить научных еретиков от заблуждающихся

не суждено современникам.

В. И. Вернадский

По неофициальной статистике, большинство идей приходило учёным в голову не во время сидения в кабинете, а во время прогулки по дороге, которая неторопливо и густо обвивала пирамиду Академии.

[В V веке] наступило господство истины веры, которая облеклась в прочную форму религиозного рационализма. Такое положение сохранялось около шести веков. Если когда-либо в истории западной мысли философы (да и народ в целом) чувствовали, что ими владеет истина, вся истина и ничего, кроме истины, — так именно в это время. Не было тогда ни скептицизма, ни вопрошания, ни сомнения, ни относительности, ни колебания, ни оговорки.

Питирим Сорокин

Под этой мыслью кто-то дописал красным фломастером: «Ни научных открытий, ни изобретений...»

Мудрец не может ограничиться изучением природы и истины; он должен осмелиться высказать последнюю в интересах небольшого кружка лиц, которые хотят и умеют мыслить. Ибо другим, по доброй воле являющимся рабами предрассудков, столь же невозможно постичь истину, сколь лягушкам научиться летать.

Жюльен Офре Ламетри

Красным снова было начертано: «Учти, потомок, это сказано было тогда, когда за научные убеждения легко отправляли в тюрьму и даже на костёр...»

Если учёный изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны.

Л. Н. Гумилёв

Замок династии Гринвич тоже был пирамидальным, но его усеивало множество сказочных башенок, создающих ощущение готичной воздушности. За замком закрепилось прозвище «Королевский ельник» или просто «Ёлка».

Треугольнику главных зданий соответствовали три городских района-сектора.

За колледжем раскинулся уютный пригород, где жили родители младших школьников. Это был обычный симпатичный посёлок из двухэтажных домиков, иногда плотно срастающихся вокруг оживлённых улиц. Городок давал многим взрослым работу и всем семьям — крышу над головой. Студенты колледжа и университета жили обычно в пирамиде Гринвич-колледжа, где окна личных комнат выходили на зелёные террасы, а учебные аудитории прятались внутри пирамиды, где тоже было немало закрытых садов, бассейнов и гимнастических залов.

Сектор за Академией был сплошным лесным массивом с крышами отдельных коттеджей и вилл, торчащих, как грибы на лужайке. На окраине академического сектора, за длинным озером, виднелся блок опытных производств, в котором реализовывались многие идеи обитателей пирамидально-спирального здания, в просторечии — Штопора. «Пора выходить из штопора!» — частенько восклицали засидевшиеся допоздна учёные, с трудом вынырывающие из таинственных глубин своих модельных миров.

Я вполне сознаю, что могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведёт меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли... это стремление есть основа научной деятельности.

В. И. Вернадский

Сотрудники Академии чувствовали себя важным элементом общей интеллектуальной сферы Земли, поэтому мысли Вернадского, создателя учения о ноосфере, были особенно популярны среди местных учёных.

Мечта Никки — построить город только для молодых — не осуществилась: и родителей в Школьном посёлке было достаточно, и среди учёных встречалось немало седых, но бодрых стариканов.

Но всё равно — молодёжи в Гринвич-Сити было гораздо больше, чем в обычном лунном поселении. Средний возраст жителей нового города составлял шестнадцать лет.

Преклонный возраст никакого преимущества в социальной иерархии Гринвич-Сити не давал. Собственно, иерархическая пирамида в городе была такая прозрачная и лёгкая, что не сразу и заметишь.

Бизнес династии был сфокусирован на производстве и распространении новых знаний и технологий, поэтому наука в Гринвич-Сити развивалась стремительно и успешно. И главным фактором этого стала независимость учёных.

Для научного развития необходимо признание полной свободы личности, личного духа, ибо только при этом условии может одно научное мировоззрение сменяться другим, создаваемым свободной, независимой работой личности.

В. И. Вернадский

Все учёные Независимой академии имели одинаковые по комфорту и размерам личные кабинеты. Зарплата каждого состояла из фиксированного минимума и гонораров, которые каждый получал при публикации своих статей в Трудах Академии.

Рецензентов у статей не было, решение о публикации принимала компьютерная система, созданная на основе интеллектов Робби и Тамми, после проверки достоверности и значимости выводов. Система использовала в своём анализе социомоделирование по методу Михаэля Уолкера и сразу решала: стоит ли проверить теоретические выводы на эксперименте? Нужно ли реализовать математическую модель в металле и пластике?

Учёные добродушно называли компьютерного аналитика Великим Инкой, а когда были не в настроении, то — Железным Инквизитором.

Трое квалифицированных экспертов-людей независимо друг от друга следили за работой и решениями компьютерной системы. Если что-то вызывало сомнение, то устраивались дебаты по спорному вопросу. Таковых набиралось полтора процента от общего числа решений компьютера-рефери. После дебатов менялось только одно из пяти оспариваемых заключений Великого и Непогрешимого Инки. В 299 из 300 случаев он оказывался прав.

Независимая академия сумела достичь наивысшей эффективности творческого труда среди научных центров Солнечной системы. Учёным Академии выплачивали не только стабильную зарплату и солидные гонорары за публикуемые статьи, но и часть прибыли от практического использования научных открытий. Поэтому в Независимой академии работало немало состоятельных людей, но их это мало волновало и ничем от других учёных не отличало.

Профессор Лвин разбогател после создания Гравикуба, но не изменил своему скромному образу жизни. Впрочем, профессор получал искреннее наслаждение, раздавая благотворительные стипендии студентам и молодым учёным. Жёлчному профессору пришлось даже завести секретаря для этих добрых дел.

Почти каждый сотрудник Академии держал на стене своего кабинета текст документа, опубликованного при открытии Независимой академии наук. Этот документ неофициально называли «Декларацией бунта учёных», но на самом деле он был озаглавлен так:

Декларация независимости науки

Научная революция преобразила наш мир. Космонавтика взлетела на законах Ньютона; из уравнений Максвелла выросла электронно-электрическая компонента нашей цивилизации; расшифровка структуры ДНК Уотсоном и Криком запустила генетическую революцию.

Наше общество не может существовать без учёных и науки, без термодинамики и дифференциальных уравнений, квантовой механики и кибернетики, теории относительности и химии. Именно на научных достижениях основано материальное богатство нашей цивилизации, государств, компаний и династий.

Но сами учёные, оставаясь наёмными работниками государственных и частных структур, нередко испытывают вопиющее пренебрежение к своим нуждам.

Вопросы финансирования исследований решают не учёные, а чиновники, в науке ничего не понимающие. Наука стала жертвой политических распри и заложником финансовой бездарности правительств.

Распорядок работы и жизни учёного, его зарплата, карьерный рост и пенсия — всё это определяется не реальной продуктивностью учёного, а бюрократическими законами, неприменимыми к творческой деятельности.

Частные корпорации — компьютерные, фармацевтические, коммуникационные и другие, — используя достижения учёных, выкачивают из общества деньги, создавая огромные состояния своим владельцам, ничего не сделавшим ни в науке, ни в технике.

Важнейшие интеллектуальные направления тормозятся и закрываются, потому что развитие науки не является приоритетом для менеджеров, озабоченных своей властью и прибылью.

Такой порядок вещей несправедлив и неоптимален, мешает развитию науки и самого общества.

Структурная революция в науке неизбежна.

Мы учреждаем Независимую академию наук — общемировую организацию учёных, независимую от политики государств и корысти олигархов.

Мы исходим из самоочевидной истины, что все творцы равны и наделены определёнными неотчуждаемыми правами на свои творения. Мы не хотим привилегий для учёных, мы требуем для учёных справедливости.

Коллективным собственником Академии и её результатов будут сами учёные. На результаты интеллектуального труда должны распространяться общепризнанные авторские права.

Мы провозглашаем принцип открытого авторского права: все достижения Независимой академии наук будут открыты для творческого и коммерческого использования всеми желающими без каких-либо разрешений и согласований. Но производители и продавцы коммерчески распространяемых изделий, созданных на основе работ сотрудников Академии, должны перечислять ей научный сбор: 1 % от стоимости изделия.

Доход Академии от научных разработок будет распределён так:

40 % — самому первооткрывателю или группе разработчиков;

40 % — на нужды Академии, включая базисные зарплаты всем сотрудникам и гонорары тем, чьи работы имеют фундаментальное значение, но обладают отдалённой практической ценностью;

20 % — династии Гринвич. Династия обязуется предоставить здания, необходимые для работы Академии, и обеспечить юридическое и финансовое управление Академией, включая независимую экспертизу результатов её сотрудников. Династия не претендует на интеллектуальную собственность Академии.

Нет никаких сомнений, что некоторые учёные Академии станут очень состоятельными людьми. Мы считаем это полезным явлением. Молодёжи лучше видеть перед глазами богатства творческих людей, полученные ценой личного труда и интеллектуальных усилий, чем недоступные другим наследуемые состояния или скороспелые капиталы, возникшие из биржевых махинаций.

Мы верим, что Независимая академия наук ускорит мировой прогресс и улучшит жизнь всего человечества.

Мы будем всемерно поддерживать настоящую Декларацию, в чём клянёмся нашей жизнью, нашим состоянием и нашей честью.

*Николь Гринвич
Дзинтара Шихин-а
Хао Шон
Джеральд Уолкер
Себастьян Лвин
Вильям МакБерин
(всего пятьдесят подписей)*

Многие государства жаловались, что Академия и династия Гринвич стремительно переманивают к себе лучшие умы мира. Никки не отрицала этого факта и целенаправленно строила бизнес своей династии вокруг получения и использования нового знания, подготовки и обучения новых специалистов и творческих людей.

Те учёные мира, у которых была опубликована хотя бы одна работа в журналах Академии, становились её ассоциированными сотрудниками. Они получали право на часть прибылей Академии и на её юридическую защиту.

Действительные члены Академии, принятые на постоянную работу в один из её институтов, получали социальный пакет сотрудника и, при желании, права гражданина династии Гринвич.

Независимая Академия стала де-факто всемирным профсоюзом учёных, который обязался заботиться об условиях жизни и работы своих сотрудников.

Королева мечтала сделать из Гринвич-Сити новую интеллектуальную столицу мира — каким был когда-то Кембридж или Принстон. И эту честолюбивую мечту разделяли многие сотрудники династии.

Они жили в самых разнообразных домах в королевском секторе Гринвич-Сити: там были многоэтажные здания поразительной изогнутости и топологии, небольшие посёлки и отдельные особняки.

Каждый сотрудник династии работал в одной из целевых групп. Одни группы возникали вокруг конкретных задач и распадались после их решения, другие разрастались в стабильные отделы и сами почковались более мелкими группами.

Во главе каждой группы стоял координатор, который обычно выбирался по наивысшему интел-рейтингу в группе. Эффективность каждого координатора всё время анализировалась хладнокровным искусственным интеллектом и проверялась самой Никки или кем-то из совета директоров. Смещения координаторов — с заменой кем-то из этой же группы — были так часты, что никакого почтения эти должности не вызывали. «Идеи давай, шеф! А то выгоним в шею...»

И выгоняли, молодые непочтительные обормоты, невзирая на заслуги и возраст.

Один из главных отделов династии объединял пару десятков групп и занимался технической реализацией и внедрением результатов Независимой академии. Специальная группа развивала систему грантов учёным вне Академии, тем самым заочно вовлекая их в орбиту её деятельности.

Отдел образования занимался как проблемой качественного общего обучения для школьников всего мира, так и подготовкой кадров для династии.

Движение, которое началось с Гринвич-клуба для официантов-космонавтов, распространилось очень широко — и сейчас активным самообразованием занималось около двадцати процентов всей молодёжи. Династия поддерживала такие клубы самообразования и помогала их выпускникам, успешно сдавшим тесты, с устройством на работу, а лучших охотно приглашала к себе.

Династия разрабатывала новые системы дошкольного и школьного образования, изготавливала дешёвые обучающие компьютеры, основанные на новых принципах.

Никки поставила перед своими сотрудниками задачу: каждый житель Земли, который хочет повысить своё образование или получить новую квалификацию, должен иметь такую

возможность. А школьникам необходимо предоставить самые передовые программы обучения, пусть с трансляцией по Сети.

В двери Школы Гениев каждый день заходили десять тысяч детей, а учились в ней около пятидесяти миллионов — все остальные смотрели лекции по сети и даже задавали вопросы лектору, правда, отвечал на них обычно Великий Инка.

Как же хотелось этим миллионам детей проникнуть сквозь экран и оказаться в реальной аудитории Школы Гениев! Они ревниво рассматривали сидящих там детей (ну чем мы хуже?!), слушали школьный шум и шутки и мечтали о том, чтобы по итогам учебного года попасть в сотню лучших заочных учащихся: их королева Никки приглашала на очное обучение в Школу. Совершенно бесплатно, естественно.

Это виртуальное пребывание в школе умников с надеждой реального попадания в неё порождало такой стимул к учению, что детские психологи только ахали, изучая результаты тестов.

В результате даже те дети, которые ни разу реально не побывали в Школе Гениев, могли получить профессию — а с нею и жизнь — гораздо лучшую, чем те, кто отбывал в обычной школе лишь тягостную повинность, считая дни до каникул и прячась за спинами соседей — лишь бы учитель не вызвал.

Специальный отдел в династии занимался массовой культурой — фильмами и книгами, которые расходятся среди миллионов людей и незаметно превращают их в народ, в культурную нацию, где женщин и детей обижать нельзя, где книга — предмет если не первой, то второй необходимости, где образование ценно — и не только высокой будущей зарплатой, а просто более умным и гуманным подходом к миру. Именно массовая культура влияет на эволюцию основных нравственных критериев в обществе и уменьшает противоречия в нём.

Отдел общих проектов называли неофициально Отделом счастья: он искал критические, больные места человеческой цивилизации и думал, как их можно вылечить. Отдел счастья занимался всем — от решений проблем шахтёров Титана до помощи бедным одиноким матерям.

Решение, за которое нужно было платить, но которое восстанавливало справедливость — тем самым увеличивая популярность династии Гринвич, — рассматривалось как хорошее. Самоокупаемое достижение справедливости считалось отличным решением, но выше всего ценился вариант, когда торжество справедливости приносило прибыль.

Никки тоже очень много работала. Эта работа часто была неприятной и тягостной.

— Мне жаль, что твой отец умер, Дитбит.

— Не нужно [тебе] говорить о моём отце. Чего ты хочешь, королева Гринвич?

— Согласно традиции и общим стереотипам мы должны быть смертельными врагами. Я хочу разрушить стереотип. Не хочу быть твоим другом, но и не хочу быть твоим врагом. Я обещала твоему отцу, что не буду мешать твоей династии. Подтверждаю свои слова: я не хочу войны, нам всем нужен мир. Даже недружелюбный.

— Ты вызываешь во мне ненависть.

— Ты стал королём. Политики не могут позволить себе такую роскошь — ненавидеть.

— Ты виновна в смерти моего отца!

— Ты знал его лучше меня и понимаешь, что свою судьбу он выбрал сам, я была лишь камнем на его дороге. Перешагнул бы он меня — споткнулся бы на другом.

— Ты умеешь красиво говорить!

— У тебя осталась мать. Братья и сёстры. У меня не осталось никого. Я не хочу, чтобы чьи-то родители погибали. Поэтому я протягиваю тебе руку не дружбы, но мира.

— Я не буду пожимать твою руку. Но я подумаю над твоими словами.

— Спасибо. Это гораздо важнее рукопожатия.

И ещё Джерри и Никки учились — много и целенаправленно. Джерри осваивал социоматематику и множество других наук, стремясь перейти на уровень, когда он не просто сможет разбираться в теории отца, но и сумеет развить её дальше. Никки было ещё сложнее, потому что королеве приходилось учить слишком многое, в том числе — экономику и юриспруденцию.

Возведение Гринвич-Сити и порядки в нём служили пищей для многих дискуссий в среде экспертов, политиков и журналистов.

По традиции, раз в году королева Николь давала большое интервью независимому тиви-каналу Тимоти.

В этот раз в двух мягких студийных креслах сидели только королева и сам глава тиви-канала. Никки была одета в тёмный брючный костюм; он был обманчиво аскетичен, но почему-то его хотелось рассмотреть повнимательнее. Хрустальные волосы королевы сверкали под яркими студийными лампами. Тим был одет в свободную рубашку и летние светлые брюки. В его лице уже проступала пожилая худоба, но он, как всегда, был раскован и дотошен:

— Некоторые эксперты называют политическое устройство Гринвич-Сити новой ноократией, другие — прообразом общества, где всю власть захватили коварные учёные.

Королева Никки усмехнулась:

— Глупости. Власть должна быть водопроводчиком в обществе. Правители или менеджеры должны не властвовать над думами и жизнями, а обеспечивать подвод ресурсов и отвод отходов. Заставлять учёных управлять государством — значит не уважать их и подвергать риску дисквалификации как учёных и как интеллектуалов. Единые для всех законы принимаются в ООН, принуждением к соблюдению законов занимаются полицейские и судьи, а вот профессия государственных чиновников себя попросту изживает.

— А они знают про это?

— Уже знают. Интеллектуальные программы начинают активно вытеснять управленцев низшего и среднего звена. Искусственный интеллект сам успешно анализирует потребности людей и предлагает решения, отвечающие интересам большинства — будь то постройка дороги или новой электростанции. Каждый человек может инициировать общественный проект. Компьютерные сети собирают мнения всего населения об этих проектах гораздо эффективнее редких демократических выборов. Даже существование важных государственных учреждений вроде академий наук, космических баз или систем здравоохранения уже зависит не столько от национальных чиновников, сколько от законов ООН, которые предусматривают обязательный уровень финансирования науки, экологии и медицины.

— Итак, вы хотите отменить важнейшую ветвь государственной власти — исполнительную, оставив только законодательную и судебную?

— Совершенно не важно, чего хочу я, важно — чего хотят люди. Я ничего не отменяю, просто вижу, что исполнительная власть быстро усыхает за ненужностью. Мои эксперты оценивают период полураспада бюрократического аппарата в пять лет.

— То есть через десять лет число чиновников будет в четыре раза меньше, чем сейчас?

— Да! Число менеджеров частных корпораций сократится ещё быстрее: акционеры охотно голосуют за решения, которые уменьшают расходы.

— О боги, вы сейчас нанесли всему корпусу управленцев могучий удар! Завтра приём в университеты менеджмента резко упадёт.

— Профессии приходят и уходят — такова жизнь. Кому сейчас нужны каюры собачьих упряжек?

Тимоти удивлённо покрутил головой.

— Теперь расскажите, Никки, что за войну вы объявили патентам? Про неё все шумят, но из этого шума понять ничего нельзя.

— Патентное право душит прогресс, как хорошая удавка. Шагу нельзя ступить, чтобы

не попасть в чей-то патент, как в капкан. Разработчики новых конструкций, технологий и программ связаны по рукам и ногам. Я считаю, что систему патентов нужно ликвидировать.

— Сломать?

— Опять вы про топор! Надо не ломать старые системы, а плавно вытеснять более новыми и эффективными. Поэтому Независимая академия и научные центры династии Гринвич учредили Конвенцию открытого авторского права.

— И в чём оно заключается, это открытое право?

— Оно разрешает использовать все опубликованные работы наших учёных и изобретателей совершенно свободно. Каждый сможет продолжать наши теории, создавать на их основе свои конструкции и выходить с ними на рынок — без всяких согласований с нами.

— И какая вам от этого выгода?

— Если вы сумели заработать деньги на наших идеях, то в конце года вы должны перечислить Академии или научному Гринвич-центру один процент того дохода, который вы получили от продажи товаров на основе наших технологий.

— Всего один процент?

— Да. Для предпринимателей — мелочь, а для учёных — немалая сумма. В результате наука удвоит, а то и утроит своё финансирование и сделает новый рывок вперёд — которым снова все смогут воспользоваться.

— То есть вы считаете, что, разрушая патентное право, вы двигаете прогресс?

— Посчитайте сами. Критерии прогрессивности просты: если для решения своих творческих, культурных и научных задач человек может свободно использовать накопленную человечеством информацию — это прогрессивно. Если он должен за неё платить — это застой. Если за использование мировой информации человек может быть наказан — это регресс. А вот после решения личных коммерческих задач на основе мировой информации за неё можно и заплатить научный сбор в один процент.

— Если я не захочу платить вам этот процент, хотя пользуюсь вашими идеями, что тогда?

— Тогда вы скоро узнаете, что честность — лучшая политика, а обман экономически невыгоден. Например, вы попадёте в «чёрный список» компаний, чьи товары мы, участники Конвенции, покупать не рекомендуем. И вы потеряете на этом гораздо больше, чем один процент.

— Дайте мне сформулировать кратко. Обычно для производства своего товара я должен купить чью-то запатентованную технологию. Но покупка технологии не оправдывается, если товар не понравится покупателю. Вы предлагаете мне пользоваться вашими работами совершенно свободно и заплатить только в том случае, если я сумею продать свой товар. Причём заплатить заметно меньшую сумму, чем собственно стоит патент.

— Совершенно верно.

— Но тогда вам самим оформлять патенты выгоднее, чем открыто раздавать свои идеи!

— Нет. Патенты краткосрочны, дороги в оформлении, трудно продаются и охватывают только часть прикладной науки. Открытое авторское право реализуется бесплатно для всех учёных и на долгий срок. В результате мы выигрываем в деньгах для конкретных авторов и в общем прогрессе.

— И вы верите, что сможете победить патентную систему, существующую столько веков?

— Нет, конечно. Никакой веры! Я *знаю*, что через пять лет патентное право станет телегой, едущей по скоростному шоссе среди современных автомобилей.

— Сомневаюсь.

— Перестанете, как только узнаете, что скоро все Северные династии присоединятся к Конвенции. Значит, они будут стараться покупать товары и оборудование только у участников Конвенции, игнорируя аналогичные продукты, произведённые в рамках патентного права.

— Мощный ход! Но тогда Южные встанут в оппозицию и сгруппируются вокруг

патентной крепости.

— Каждый вправе выбирать тот вид защиты своих авторских прав, который его больше устраивает. Если Южные привяжут себя к морально устаревшей и громоздкой конструкции патентного права... хм... Это было бы слишком хорошо. Я боюсь поверить в такую удачу.

— А Южные могут присоединиться к Конвенции?

— Да, как любые династии и государства, организации и отдельные люди.

— И что получит обычный человек от присоединения к такой Конвенции, если он не учёный и не предприниматель?

— Он согласится отдавать предпочтение товарам, произведённым в рамках открытого авторского права, а не патентов. Значит, он своими покупками поддержит независимую науку, а она в ответ даст ему очень многое — отличные вещи, крепкое здоровье и даже бессмертие.

— Вы умеете убеждать!

— Я не убеждаю, а говорю лишь то, во что верю.

— Именно это и убеждает. Итак, дорогие телезрители, вы можете поддержать Конвенцию открытого авторского права и независимую науку очень просто — стараясь покупать те товары, где есть значок КОАП.

— А вот это уже реклама! — удивилась Никки. — Вы отступили от своего принципа отсутствия рекламы на вашем Независимом канале, Тим!

— Ничего, иногда я разрешаю себе это. Есть вещи, которые стоят принципов. — Тим задумался. — И всё-таки найдётся немало фирм, которые не испугаются вашего «чёрного списка» и не захотят платить новый сбор. Как быстро к вашей Конвенции открытого права присоединятся остальные компании и государства?

— Очень быстро. В течение года.

— Так-так. И это вы называете не «сломать», а «плавно вытеснить»... Почему же они так дружно бросятся к вам, чтобы заплатить эти деньги?

— Вы, наверное, редко читаете бюллетень Конституционного суда ООН?

Тимоти засмеялся вместе с двумястами миллионами телезрителей прямого эфира:

— Я его вообще не читаю!

— Зря. Вчера в последнем бюллетене Конституционного суда были опубликованы два решения. Первое гласит, что организации, которые присоединяются к Конвенции открытого авторского права и будут выплачивать новый научный сбор конкретным собственникам идей или в бюджет полномочной научной организации, получают правовую амнистию и будут избавлены от всех претензий со стороны владельцев авторских прав.

Тимоти удивлённо поднял брови:

— Я не большой дока в юриспруденции, но что-то здесь не так. С чего это Конституционный суд — высший судебный орган Солнечной системы — занялся какой-то Конвенцией права и дал ей такие серьёзные полномочия? Хм... И частные компании должны радоваться этой амнистии?

— Ещё как! В следующем своём постановлении Конституционный суд подтвердил, что авторы научных текстов равны в своих правах авторам художественных текстов.

— Что это значит?

— Это значит гигантскую бомбу под задницей сразу всех правительств и частных компаний.

— Ой! Вот с этого места поподробнее!

— С настоящего времени все работы, опубликованные в научных журналах, начинают интерпретироваться в рамках тех же юридических норм, которым подчиняются художественные тексты. И, по общим положениям существующего авторского права, авторы научных работ уже в момент публикации оказываются собственниками всего своего интеллектуального продукта. Громоздкие патенты, оформление которых занимает много времени и денег, уже не нужны.

— А что, раньше авторы научных статей не владели своим интеллектуальным

продуктом?

— До сегодняшнего дня научные идеи, открытия и формулы не были собственностью своих авторов. Исключение научных открытий, концепций и уравнений из авторского права было величайшей исторической несправедливостью — и мы его устранили с помощью наших юристов и международного Конституционного суда. Суд не мог не признать, что уравнения Максвелла являются не менее значимым интеллектуальным продуктом, чем, например, дизайн кофемолки.

— Но как можно сделать идею чьей-то собственностью? Или формулу?

— А как оказываются чьей-то собственностью художественные сюжеты, имена героев и изображения круглоухих мышек и толстозадых мишек? Так же и формулы с идеями будут принадлежать конкретным авторам. В науке прекрасно известны авторы всех идей, формул и открытий.

— То есть учёные, разработавшие дешёвые высокотемпературные сверхпроводники, гиперлазеры и квантовые компьютеры, сейчас получают право подать в суд на любое правительство и компанию, которая использует их идеи и не платит им долю дохода! Речь идёт о всех компьютерных, автомобильных и энергетических компаниях, о всех звуко- и видеозаписывающих фирмах... да практически обо всех компаниях вообще! А ведь эти учёные или их наследники могут потребовать платы за использование научных открытий в прошедшие десятилетия! Это будут просто... астрономические суммы!

— Совершенно верно. Срок действия авторского права придуман не нами, сейчас он просто распространился и на научные труды.

— Эти иски запросто смогут разорить всех и вся!

— Конечно. Именно из-за этой юридической бомбы Конституционный суд, признав полноту авторских прав учёных и понимая возможные последствия этого решения, был вынужден срочно, даже в режиме опережения, проголосовать за наше предложение по Конвенции открытого права и правовой амнистии.

— Вот теперь я всё понял! Значит, вы загнали в угол даже Конституционный суд и заставили его принять всё, что вы хотели!

— Их заставила не я, а логика защиты конституционных интересов всех людей.

— Да, да, понимаю... Этой логике защиты очень повезло с защитником. Теперь страх перед гигантскими исками и разорением заставит все государства и частные компании искать укрытие под сенью Конвенции и нового налога! «Ура, мы спасены всего за один процент!»

— Верно.

— Но как простой производитель, например, электронных часов разберётся — кто и что сделал в его устройстве?

— Пусть он отправит один процент своего дохода в Национальную академию наук и укажет, какой продукт он производит. Учёные дальше сами прекрасно разберутся. Мы над этим работаем.

Тимоти стёр салфеткой пот с шеи:

— О боги! Интервью с вами, ваше величество, всегда были... занимательными, но я не припомню такого взрывоопасного... Вы не боитесь слишком сильно потрясти земную цивилизацию и науку? Многие эксперты говорят, что финансировать фундаментальные науки — астрономию, математику, физику высоких энергий — могут только богатые государства, остальным это невыгодно. Перевод на новую систему финансирования всей науки — целой области человеческой деятельности — вещь очень непростая.

— Мы хорошо подготовились к такому переводу. Я уверена, что представления о медленной окупаемости фундаментальной науки устарели. При современных темпах развития цивилизации и уровне взаимосвязи научных разработок и технологий теоретическая физика и фундаментальная генетика становятся очень выгодным бизнесом! Кроме того, системы государственного и международного финансирования науки и фундаментальных исследований останутся. В первую очередь изменится сектор прикладной

науки, где аппетиты акул частного бизнеса будут урезаны в пользу творческих людей, а учёные перестанут быть бесправными тружениками у богачей.

— Ой, зрителям и мне самому пора отдохнуть от этой непредсказуемой королевы! Я и так опасаясь, что мировые биржи завтра будут биться в неожиданной истерике. Всего хорошего, дорогие телезрители!

И действительно, наутро биржу одолела горячка, но называть её неожиданной было бы неправильно.

Маугли привыкла рассчитывать свои действия не на два, а на двадцать шагов вперёд, поэтому с этой биржевой лихорадки её династия тоже собрала обильный урожай.

Глава 3

Рейнджер Уайт

О ставалось проехать не больше десятка миль, но усталость и недосып наваливалась на Мэтта Уайта быстрее, чем шла к концу длинная дорога. Но устают не только люди, и рейнджер опасался за свою лошадку. Езда по каменным россыпям и мелким скользким болотам, а то и по рыхлым пескам, могла вывести из строя любую лошадь, особенно такую старую и заслуженную скотинку, как его. А в пустыне, где до ближайшего города сто пятьдесят миль, помощи можно и не дожидаться. Дорога — одно название, по ней практически никто не ездит. Зимние дожди так расквасили южные предгорья Ксанату, что дорогу не раз пересекали речки, не отмеченные на карте, и их приходилось медленно преодолевать вброд.

Мэтт хотел сделать перед дюнами небольшой крюк: проехать по берегу морского залива и проверить одно место в прибрежных скалах, отмеченное на карте крестиком.

Облака нежно засветились оранжевым — рассвет приближался. Дождевая морось прекратилась.

Вот и дюны.

Мэтт круто свернул с дороги и затрясся по кочкам и камням. С приближением к морю ветер усиливался, и вершины серповидных холмов закурились светлым песком. Ещё десять минут — и лошадка, обогнув груды округлых мутно-прозрачных камней, вышла на рыжий пляж — прямо к прибою.

Это зрелище завораживало Мэтта с самого детства. К берегу медленно двигались чёрно-красные высокие гребни. Их вершины флуоресцировали и дымились, свешивали пенные космы на литые глянцевые лбы.

Волна, дождавшись своей очереди, зарычала, встала на цыпочки, засветилась прозрачным красным светом — и пушечно грохнула в ледяную гальку. Фонтан брызг и камней взметнулся на сотню футов. Разбившись в розовую пену, волна добежала, дошла, доползла до рейнджера, остановилась и покатила назад.

Этот момент Мэтт любил ещё больше.

Раздался мелодичный звон, который издавали прозрачные шарики ледяной гальки, сталкивающиеся друг с другом в уходящей волне.

Морская музыка никогда не надоедала Мэтту. Он мог слушать эту волшебную череду звуков бесконечно.

Львиный рёв, оглушительный выстрел, серебряный звон.

Рык, пушка, хрусталь.

Мэтт собрался ехать дальше, но тут в небе над морем появилось светлое сияние.

Неужели?..

Рейнджер с замиранием сердца смотрел, как облачная завеса над морем раздёрнулась и открыла огромный золотистый шар, нанизанный наискось на яркий стержень.

Шар был в одиннадцать раз больше полной Луны и ярко освещал курчавое от пены стадо волн.

Минута роскошного зрелища — планетный диск сверкнул в последний раз — и

скрылся в новой красноватой туче.

Мэтт перевёл дыхание. Вид над океанским прибором полного Сатурна, который достигал полной фазы раз в шестнадцать дней, он считал самой хорошей приметой. А когда Сатурн в полуфазе, на его терминаторе можно увидеть голубой рассвет.

В тихий сезон у моря тоже интересно: зеркальная поверхность идеально отражает висящую над горизонтом планету — словно вода уступила место небу, в котором оказалось целых два огромных Сатурна-близнеца.

«Если я когда-нибудь осяду и заведу свой дом, то он будет вот на таком побережье...» — подумал рейнджер, двинул рычаг старенького «мустанга» вправо и погнал лошадку вдоль приборя. Морской бриз заметно потряхивал машину, а метановые брызги залепляли стекло. Мэтт сверился по карте, высмотрел нужную расщелину и свернул.

Ветер сразу ослаб. Рейнджер проверил, что хотел, и двинулся по ущелью дальше, решив, что его «мустанг» сможет форсировать большую лужу, преграждающую самый короткий путь к дороге, с которой он недавно свернул.

Лужа оказалась глубже, чем Мэтт ожидал: жидкий метан покрыл все шесть колёс и заплеснул на стекло. Оно оказалось для него раскалённым — и метан с шипением испарился.

Амортизаторы сердито крикнули, и, подпрыгнув на шершавом берегу промоины, лошадка вынесла Мэтта на дорогу.

— Отличная работа! — похвалил её Мэтт и, включив автопилот, забрался в багажник. Порывшись в нехитром скарбе, он с огорчением понял, что два дня назад уже надел самую чистую рубашку, какая у него была.

— Всё время забываю купить фрак, — сокрушённо сказал рейнджер и вернулся за пульт. Тут машину так тряхнуло, что Мэтт чуть не ударился о лобовое стекло.

— Полегче на поворотах, крошка! — проворчал он и пристегнул ремни. — И некоторые чудаки считают, что это — дорога!..

Живописные скалы обступали вездеход, хотя карта утверждала, что морской берег лежит всего в сотне метров левее.

Мэтт с интересом рассматривал проплывающие мимо разломы пород, оценивал намётанным глазом узор прозрачных ледяных прожилок и чёрных углеводородных потёков и сосуллек.

— Может, в этом что-то и есть... — пробормотал он.

Очередная скала была увенчана полусферой: обычное жилище небогатого старателя в пустынных районах.

Мэтт включил лазерный переговорник:

— Здравствуйте, хозяева. Я — Мэтт Уайт. Прошу вашего гостеприимства.

Через полминуты из динамика донёлся женский голос:

— И вам здравствовать. Мистер Мэтт Уайт? Я слышала о вас.

— Надеюсь, только хорошее, мэм? — улыбнулся Мэтт в глазок камеры, досадуя, что не побрился, и радуясь полутёмной кабине.

— Ну... кое-кто считает вас опасным человеком, — сказал с сомнением женский голос.

— Для вас я безопаснее ягнёнка, мэм, — спокойно откликнулся рейнджер. — Я проехал триста миль по ужасной дороге и совершенно разбит. Моя лошадка нуждается в отдыхе и подзарядке. Ваше гостеприимство можно приравнять к милосердию.

— Я сделаю один звонок. Подождите, мистер.

Мэтт догадывался, кому будет звонить женщина, и набрался терпения.

Внезапно дверь шлюза, устроенного в подножии скалы, поползла вверх.

— Приглашение, которое лучше всяких слов! — улыбнулся Мэтт, развернул шестиколёсник и задним ходом заехал в проём.

Из закрытого шлюза одни насосы откачали густую азотно-метановую смесь, служившую атмосферой на Титане, а другие впустили менее плотную азотно-кислородную, привычную для землян.

Мэтт открыл кабину «мустанга» и спрыгнул на бетонный пол. В шлюзе было чертовски холодно, и он поспешил зайти в дом.

Его встретила симпатичная рыжая женщина с веснушчатым лицом. Зелёные глаза рыжеволосой были настороженны, но, как с облегчением отметил Мэтт, в её руках не было оружия. Одета молодая женщина была в чёрный комбинезон; он не скрывал её эффектную фигуру и контрастировал с молочной кожей лица и рук.

— Мэм, благодарю вас от имени всех бродяг Титана! — Мэтт улыбался и держал пустые ладони на виду.

— Что привело вас в наши края, мистер Уайт?

— Я еду в Сильвер-хилл, двести миль на запад отсюда. Там у меня небольшое дельце по геологической части. Если вы позволите мне переночевать, то я был бы вам крайне признателен. Я могу заплатить за пребывание в вашем доме.

— Я слышала об этих новомодных обычаях, но мы с братом придерживаемся традиционных взглядов на гостеприимство.

— Тогда разрешите сделать вам небольшой подарок, — сказал Мэтт и, не делая резких движений, достал из заплечного рюкзака продолговатый пакет.

Женщина с любопытством спросила:

— Что здесь?

— Копчёный палтус, мэм.

Глаза женщины расширились от удивления, а рука машинально отметила вес пакета. Стоимость такого деликатеса была неизмерима с расходами на однодневного гостя.

— Вы уверены, что... — Она осеклась, увидев обиженное лицо Мэтта, и улыбнулась: — Зовите меня Энн, мистер Уайт.

— Тогда — Мэтт, к вашим услугам.

— Хорошо... Мэтт. Вы подсоединили вездеход к энергосети?

— Да, моя лошадка уже вовсю чавкает.

— Теперь позаботимся о вас. Душ?

— О! — только и смог сказать Мэтт.

Энн отвела его в комнату для гостей:

— Грязное бросайте сюда. Я сама стираю, вы не справитесь с моей капризной машиной.

— Э-э... — смутился рейнджер.

— Давайте без лишних слов! — скомандовала Энн. — В шкафу найдёте чистую домашнюю одежду. Это вещи моего покойного мужа. Они вам подойдут, он был такой же... рослый.

Хотя женщина старалась говорить спокойно, напряжение в голосе выдавало свежесть потери.

— Сочувствую вашему горю, — тихо сказал Мэтт. — Я немного знал Эндрю. Он был прекрасным человеком.

— Спасибо, — и Энн ушла.

Вода бежала по сильному стройному телу Мэтта, смывая пот и усталость.

Душ воскресил рейнджера. Он с сожалением закрыл горячую воду и вышел из кабины. Его одежду Энн уже забрала, и он надел мягкие светлые шорты и футболку. Она была ему маловата: слишком обтягивала грудь и плечи.

Мэтт вздохнул, вспомнив беднягу Эндрю. Тот погиб восемь месяцев назад при прокладке своей шахты. Самая типичная смерть старателя на Титане — от обвала. А беспокойные вулканы и землетрясения, вызывающие сдвиги ледяных пород, густым кольцом охватывают малонаселённый южный берег Ксанаду.

Рейнджер вышел в гостиную, но Энн там не было.

Она пришла только спустя десять минут, и глаза её были красны.

Её «сорвало», когда она загружала одежду пришельца в стиральный барабан. Взяв в

руки рубашку Мэтта, она вдруг почувствовала запах мужского пота, так похожий на запах работяги Эндрю. Она сомнамбулически поднесла рубашку к лицу, ещё раз вздохнула... — не выдержала и зарыдала, уткнувшись в клетчатую шерстяную материю.

Запах мужской рубашки опрокинул какие-то барьеры в Энн, которая прочно держала своё горе в кулаке, — даже брат, поселившийся в её доме полгода назад, удивлялся выдержке сестры. И вот, всего лишь из-за рубашки, которая долго облегала крепкие плечи...

Она выплакалась и почувствовала облегчение. С большой неохотой Энн положила в мыльную воду рубашку гостя. У неё даже появилась невозможная и неприличная мысль её украсть...

Женщина не возилась у кухонного автомата, но он справился сам.

Мэтт мудро решил не спрашивать, почему глаза хозяйки красны, и лишь нахваливал прекрасные отбивные и печёные ломтики сквоша с сыром.

— Мэтт, меня удивляет, что вы приехали как раз тогда, когда моего брата нет дома. А он крайне редко отсутствует. Это совпадение? — вдруг прямо спросила Энн.

Мэтт помедлил. Молодая женщина была не только миловидна, но и проницательна.

— Нет, — признался он. — Это не совпадение. Но дело не в том, что ваш брат уехал, а в том, что завтра ваша заявка должна быть заверена.

Женщина напряглась и невольно отодвинулась от стола и Мэтта.

— Не бойтесь меня, — сказал Мэтт. — Я заглянул сюда проследить, чтобы вас никто не обидел. Слишком много неприятных случайностей происходит с людьми в тот день, когда они должны стать законными собственниками квадратной мили вокруг своего дома. Особенно если речь идёт о перспективном руднике...

— А не являетесь ли вы сами этой неприятной случайностью, мистер Уайт? — высоким голосом спросила Энн.

— Нет, мэм... Энн... — мягко ответил рейнджер. — Захватом рудников занимаются бандиты, связанные с геологическими компаниями императора Дональда. Только с его помощью можно нанять армию адвокатов, чтобы затормозить возможный судебный процесс, и армию киберов, чтобы за месяц выпотрошить любое месторождение кристаллов. Я одиночка и не работаю на императора. У меня с его шакалами... свои давние счёты.

— Вот почему вы здесь, — догадалась Энн. — Вы надеетесь на стычку, в которой будет возможность отомстить за какие-то обиды?

— Я всего лишь надеюсь помочь вам, если в этом появится необходимость. Вам с моей стороны ничто не грозит, тем более что ваш брат уже знает о моём присутствии...

Мэтт не сомневался, что Энн звонила брату.

— Если вы завтра благополучно ответите на вызов судьи и завершите законное оформление своего рудника, то я сразу поеду дальше — у меня действительно есть дела в Сильвер-Хилле.

Лицо женщины расслабилось и погрузнело.

— Извините, Мэтт, что я вас заподозрила. Я действительно опасаюсь... что завтра мне могут помешать. Мне уже предлагали за бесценок продать рудник — и очень настойчиво.

— Значит, они знают, что вы нашли хорошие гнёзда кристаллов.

— Конечно, это очень трудно утаить.

Энн вдруг встала и вышла. Через несколько минут она вернулась и положила перед Мэттом горстку ветвистых кристаллов.

— Может, я дура, что вам их показываю, но вы умеете вызывать доверие одиноких женщин.

— Это мой главный талант... — серьёзно сказал Мэтт и склонился над кристаллами, чтобы получше их рассмотреть.

А Энн глядела на Мэтта, обветренного, загорелого, с широкими плечами. Лицо молодого рейнджера было сухощавым и мужественным, с синими детскими глазами. В нём чувствовались уверенность и надёжность.

Да, перед Мэттом лежали первоклассные титаллы, драгоценные органические

кристаллы Титана, золотистые по альфа-граням и рубиново-красные по бета-граням. Учёные считали титаллы невозможной аномалией, но факт их существования был бесспорен, и тысячи геологов и старателей добывали эти драгоценные веточки, пробивая шахты в глубину времён — туда, где углеводородные пласты миллионами лет прессовались в челюстях ледников.

Красивые двуцветные кристаллы высоко ценились не только модницами, но и производителями электроники: титаллы служили основой самой компактной и надёжной перезаписываемой киберпамяти.

Могущественная империя Дональдсов, основавшая нынешнюю столицу Титана, не упустила выгодный рынок и захватила самые крупные месторождения кристаллов. Но и этого империи было мало: её агенты внимательно следили за результатами разведки индивидуальных старателей, которые разбрелись по дальним провинциям и берегам метановых морей Титана и закладывали там собственные шахты. Как только шахты натывались на хорошую рудную жилу, империя всеми правдами и неправдами старалась отобрать у старателей лакомые куски. Агенты императора рыскали везде: они получали процент от захваченной добычи. Своей жадностью и жестокостью они заслужили прозвище «шакалы» и ненависть старателей.

— Прекрасные экземпляры, — с восхищением сказал Мэтт, отдавая кристаллы. — Если эти образцы типичны для вашей жилы, то завтра вы станете богатой женщиной! И перестанете сами стирать рубашки всяким бродягам.

Энн заметно вздрогнула, удивив Мэтта.

— Я рада, мистер Уайт, что вы гостите в моём доме. Спокойной ночи! — И она стремительно вышла из гостиной в боковую дверь.

Мэтт недоуменно пожал плечами, глядя на едва тронутую тарелку хозяйки.

Сам-то он доел всё до крошки. Ладно, честно признаемся — рейнджер стянул и съел ещё и отбивную с тарелки Энн. Ох уж эти холостые голодные мужчины...

Мэтт заснул рано, поэтому пробудился среди ночи. Посмотрел на часы: пять утра по универсальному времени, ещё можно пару часов поспать. Но долгая дорога всегда сушит горло.

Мэтт встал, натянул шорты, покосился на тесную футболку и решил, что до столовой и так дойдёт.

На кухне Мэтт заказал себе стакан лимонного напитка и заметил винтовую лестницу вверх — явно на смотровую вышку.

«Надо сделать рекогносцировку местности...» — и Мэтт отправился по крутым ступенькам.

Они действительно привели его в стеклянную башню с небольшим телескопом. Но великолепный круговой обзор был частично загорожен.

— Простите, Энн! — воскликнул Мэтт, замерев на месте. — Я не знал, что вы здесь.

Энн стояла босиком, в длинной ночной рубашке, и смотрела на море.

— Не могу спать. — Она обернулась и в упор поглядела на атлетически сложенного голого до пояса рейнджера. — Вы растревожили мой покой, мистер Уайт.

— Извините, мэм... — бормотал рейнджер, пятясь задом к лестнице.

— Не уходи, Мэтт, — сказала Энн...

Через три часа они снова стояли в смотровой башне. Они уже успели выпить кофе — Энн прекрасно его варила — и слегка одеться.

Хозяйка показывала рейнджеру местные достопримечательности, водя рукой по неровному горизонту. Но иногда Энн умолкала, поворачивалась к Мэтту и утыкалась лицом ему в грудь или в плечо. И неподвижно стояла с полминуты. Потом, как ни в чём не бывало, продолжала свой рассказ:

— Мы с Эндрю выбрали это место, потому что отсюда хорошо видно море. А в летний шторм брызги прибоя долетают даже до дома. Но это место оказалось удачным и для

шахты — может, правду говорят, что кристаллы тоже любят море? К времени, когда Эндрю погиб, уже было понятно, что месторождение очень богатое, и тогда я вызвала своего брата, потому что одному человеку рудник не поднять.

— А что там за группа скал?

— Это выход из системы пещер возле каньона Дикой реки. Их тут как дырок в сыре — мы даже использовали одну в качестве начала шахты.

— Не скучно жить в провинции, вдали от крупных городов?

— Я пять лет проторчала в Ксанаду-Маунтин, но мне не нравится городская суэта и работа на босса. Мне хочется быть хозяйкой своей жизни и не зависеть от капризов менеджеров компании. Кроме того, тут изумительные пейзажи. Когда над бушующим морем виден Сатурн с кольцами и дюжиной спутников, то просто дух захватывает.

— Да ты романтик, Энн!

— Без красоты жизнь пресна. Но как ты, Мэтт, стал бродягой и рейнджером? У тебя есть постоянное жильё?

— Нет. Только моя лошадка и дешёвые гостиницы. У меня нет денег на дом.

— И ты, бедняк, в одиночку бросил вызов императору?

— Император Дональдс, безусловно, могуч, поэтому его слуги преступают закон так часто, как им захочется. Но в провинции в их планах иногда случаются небольшие заминки.

— Например, в виде тебя?

— Да, — согласился Мэтт. — Я никогда не считал себя большим человеком. Возле столицы мои усилия ничего не дадут, а в таких удалённых от закона местах я иногда могу быть полезным.

— Так ты бескорыстный рыцарь и Робин Гуд?

— Ну... я вовсе не бескорыстен. Мне нужна еда и одежда, а моей лошадке — энергия и запчасти. Профсоюз старателей снабжает меня припасами и кое-какими премиальными деньгами. Так что в каком-то смысле я на них работаю.

— У тебя шрамов на теле больше, чем у меня пальцев на руках. Это тоже можно оплатить деньгами?

Мэтт нахмурился.

— Я родился на Титане. Имперские шакалы захватили рудник моего отца, когда мне было четырнадцать. Толстозадые земляшки! Терпеть их не могу!

— Я тоже земляшка, — сказала Энн.

— Не хотел тебя обидеть, и ты вовсе не... э-э...

— Ладно, принимаю твоё «э-э...» как комплимент. Рассказывай дальше.

— Я вырос в приюте Кристалл-Сити и с тех пор обожаю наступать на хищные лапы империи — везде, где они тянутся сломать жизнь таким труженикам и пионерам периферии, как вы с братом. Вот я и езжу по берегам Ксанаду, люблюсь прибором и заглядываю на маленькие рудники, у которых наступает день регистрации.

Энн вздохнула. Они оба знали, что в момент рассмотрения заявки будущий владелец рудника становится очень уязвимым. Если он не выйдет на видеосвязь из своего дома и не подтвердит судьбе Кристалл-Сити под присягой, что постоянно проживает здесь в течение года, то регистрация нового участка откладывается на много месяцев и «ничейный» рудник становится лёгкой добычей банд шакалов.

Запищал зуммер и засветился экран. Два крупных вездехода типа «краб» преодолевали поворот в миле от дома.

— Императорские агенты! — побледнела Энн. — Всё-таки приехали.

Мэтт присвистнул:

— На двух тяжёлых бронеходах! Чёрт побери, они решили, что тут крепость?

Энн включила коммуникатор:

— Предлагаю вездеходам остановиться. Вы вступили на территорию рудника «Южный», и я, Энн Чандлер, его хозяйка, запрещаю вам двигаться дальше!

— Не втирайте нам очки, вы ещё не владеете этим рудником, — раздался из динамика

грубый голос. — Я хотел бы перемолвиться с вами парой словечек по этому поводу. Если мы договоримся о цене рудника, то это будет лучший выход для вас.

— Я уже всё сказала вам, мистер Барт, о вашем оскорбительном предложении, — яростно крикнула Энн.

— Не стоит так сердиться. Лучше что-то, чем ничего.

— Не замахнулись ли вы на слишком большой кусок, мистер Барт? — вступил в разговор Мэтт.

— Вот и наш рейнджер Уайт! — обрадовался грубый голос. — Значит, не зря я захватил ребят побольше.

Мэтт отключил коммуникатор и повернулся к женщине:

— Я оказал тебе медвежью услугу, Энн. Они приехали такой армией, потому что рассчитывали на встречу со мной.

— Я не справилась бы и с одним танком. Двое против двух — лучше, чем один против одного.

— Ты даёшь мне разрешение действовать так, как я считаю нужным, для защиты твоей собственности?

— Да, — побледнела Энн.

— Значит, у вас появился наёмный работник, мэм. Когда спутник-ретранслятор выйдет в зону видимости и появится связь с Кристалл-Сити?

— Через три часа.

— Они всё грамотно рассчитали... Держи глухую оборону до связи с судьёй, а после регистрации заявки сразу сообщи о незаконном вторжении на твою территорию. Я постараюсь увести их от дома.

— Будь осторожен, Мэтт! — Энн побледнела ещё больше, и на её милом лице прибавилось веснушек.

— Не волнуйся, Энн.

Мэтт включил коммуникатор.

— Я вижу, Барт, что наша прошлая встреча тебе запомнилась. И без пары тяжёлых танков ты уже не осмеливаешься встречаться со мной. Настоящий мужчина! А запасные памперсы ты захватил?

— Потявкай напоследок, Уайт. Что-то мне подсказывает, что это будет наша последняя встреча!

Рейнджер вырубил связь и сказал:

— Мне пора. С шакалами больше ни о чём не говори.

Энн крепко поцеловала Мэтта, и на её зелёных глазах выступили слёзы, сделав их ещё зеленее.

— Я буду ждать тебя. Возвращайся!

О тдохнувший и сытый, «мустанг» пулей выскочил из шлюза, и Мэтт погнал его на развилку в четверти мили от дома. Он заранее надел кислородную маску и не стал герметизировать кабину. Рядом наготове лежал испытанный карабин с фирменным клеймом на прикладе: «Winchester, VA».

Он успел вовремя, развернулся на перекрёстке и стал поджидать гостей.

Как только оба тяжёлых «краба» показались из-за поворота, Мэтт высунул карабин и выстрелил картечью: сначала в лобовое стекло первому вездеходу, потом — второму.

Стрелял Мэтт отменно, и горсть крупной дроби попала именно туда, куда и ожидалось, — прямо перед лицом водителя. Конечно, даже картечь не возьмёт бронестекло — выстрелы были лишь оскорблением. И оно достигло цели: в эфире раздался взрыв ярости и грязная ругань.

Мэтт вдавил педаль газа до упора, и «мустанг» прыгнул на крутую дорогу, ведущую в скалы.

Барт открыто орал, даже не переходя на внутреннюю связь:

— Оторвём голову этому ублюдку! У нас куча времени, с вдовой мы ещё успеем разобраться!

И оба вездехода повернули на дорожной развилке не к дому, а вслед за Мэттом, на что он и рассчитывал, зная психологию оскорблённых мужчин.

Прежде чем лошадка Мэтта свернула за скалу, каждый из «крабов» успел дать вслед по пулемётной очереди. Одна прошла правее и раскрошила придорожную скалу. Вторая крупнокалиберная очередь вспахала дорогу, разминувшись с вездеходом Мэтта всего на два фута и оставив позади его колёс цепь дымящихся ям.

Мэтт успел заметить в экране заднего обзора, что мутные пятна на стекле преследующих его «крабов» не стираются, невзирая на усилия дворников-щёток. Значит, дробь вдобавок ухудшила врагу видимость.

Скорость «мустанга» была выше, чем у вездеходов, но только на приличной дороге — среди камней и песка вездеходы догоняли Мэтта. Где его лошадке приходилось искать объезд или снижать скорость, чтобы не пропороть шины или не угробить амортизаторы, — там тяжёлые вездеходы шли напролом, раскалывая бронированными носами полупрозрачные ледяные валуны и размётывая дюны оранжевого песка. Клейкие углеводородные лужи тоже не задерживали массивных «крабов».

Дорога забежала на бугор, и Мэтт этим воспользовался: спустившись в низину и оставаясь в зоне невидимости, выбросил на дорогу пару плоских блинов.

Вездеходы выскочили из-за бугра, и почти одновременно раздалось два мощных взрыва.

Однако то, что было бы фатально для лёгкого вездехода, оказалось малоэффективным против тяжёлого танка.

Колесо у переднего «краба» разнесло в клочья, но это лишь вызвало новую порцию ругани: вездеход был восьмиколёсный, и потеря одного колеса почти не замедлила погоню.

Выстрелы из пулемётов дополнялись огнём из лазерных ружей. Когда световой импульс впивался в придорожную полупрозрачную скалу, та освещалась изнутри кровавым мерцающим светом и лопалась. Два лазерных выстрела уже попали в корму «мустанга» — и там появились пробоины, по краям вскипевшие металлом.

Пулей зацепило и заднюю шину. Она ещё держалась на поддуве, но такая меткость преследователей тревожила Мэтта.

Барт хорошо подготовился после прошлого поражения и взял своих лучших людей.

Дорога выбежала на край моря, и в плотной азотной атмосфере поплыли клочья метанового тумана.

Комбинезон Мэтта был старым, терморегулировка барахлила, и свист морского ветра заставил выносливого рейнджера поёжиться в негерметичной кабине.

Меткая пулемётная очередь ударила прямо в колпак. Мэтта засыпало стеклянной крошкой.

«Чёрт!»

Мэтт впервые подумал, что смерть более вероятна, чем жизнь, и что он может не пережить этот день.

Что ж, это его дорога, и он её выбрал сам.

«А как же Энн?»

Мэтт пришпорил свою лошадку, несмотря на то что держаться на скользкой дороге было совсем не просто. На такой бешеной скорости «мустанг» делал огромные прыжки, на целые секунды зависая в воздухе и пролетая по несколько десятков метров: тяготение на Титане было в восемь раз меньше земного. Искусству, с которым Мэтт управлял своим «мустангом», позавидовали бы и легендарные ковбои.

Рейнджер старался быстрее добраться до прибрежной скалы, выступающей в море. Дорога огибала скалу, тесно прижимаясь к ней и пугаясь крутого обрыва, чьё подножие скрывалось в рычащих волнах, кипящих в двухсотфутовой глубине, но иногда неожиданно подступавших к самой дороге.

Наконец рейнджер добрался до скалы. Смертоносные «крабы» приотстали от шустрой лошадки Мэтта, но патронов не жалели и всё время грохотали длинными очередями — хорошо ещё, что танки тоже мотало на плохой дороге.

Как только Мэтт обогнул скалу и скрылся с глаз шакалов, он сразу резко сбросил газ и, выбрав подходящий поворот, нажал на небольшой рычаг. В корме машины открылась дверца, и раздалось дробное мелодичное постукивание.

Как только звук прекратился, Мэтт снова нажал на акселератор.

Передний вездеход с повреждённым колесом огибал скалу на максимально возможной скорости. Барт сидел рядом со Збигневом-водителем и подгонял его свирепой руганью. Вдруг он заметил на дороге странное мерцание.

— Что это? — крикнул Барт, а водитель уже тормозил, бледный, как заснеженная придорожная скала.

Но было поздно: вездеход влетел на крутой изгиб дороги, засыпанный круглой ледяной галькой, набранной Мэттом вчера на пляже. За ночь шарики из водного льда в багажнике «мустанга» сильно нагрелись: от обычных минус ста шестидесяти пяти цельсиев аж до минус сотни. И сейчас морская галька лежала на дороге, твёрдая, как камень, и скользкая, как и положено льду. Шарики из водного льда, высыпавшиеся из машины Мэтта, были раскалены с точки зрения обычной титанской погоды, и сейчас метановый снег и углекислотный иней с шипением таяли вокруг ледяных голышей, делая их ещё более скользкими.

Шины вездехода давили гальку, но та не сразу поддавалась, катилась и юзила. Сцепление колёс с грунтом резко уменьшилось, и «краба», под яростную ругань людей, сидящих внутри, стало заносить. Водитель рвал рычаги как безумный, но набранная инерция тащила «краба» боком по катящемуся ледяному гравию — прямо к двухсотфудовой пропасти, в которой бушевал метановый прибой.

Вездеход чуть замедлился, сгребая россыпь крупных камней на обочине, а потом столкнул их в пропасть и сам рухнул вниз, кружась и переворачиваясь в облаке обломков. Фонтан отметил место падения танка, и красноватые метановые волны сомкнулись над машиной.

Второй вездеход успел отреагировать на судьбу первого, сбавил скорость и миновал опасное место благополучно.

И гонка продолжилась.

Вскоре положение Мэтта стало отчаянным. Он не рассчитывал, что противников окажется так много и они будут так хорошо вооружены. Пулемётные очереди свистели вокруг, кромсали остатки стеклянного колпака, дырявили корпус и шины. Почти все колёса уже ехали на поддуве, а левое среднее превратилось в лохматую мочалку, бессильно шлёпающую по дороге.

Мэтт тоже отстреливался, целясь по шинам, стеклу водителя и перископу пулемёта, но у него не было шансов подбить танк из карабина, даже с бронебойными пулями, а мины у него кончились.

Последняя надежда была отмечена на карте крестом.

Водители Титана пользовались трёхмерными картами, полученными спутниковым радаром. Горизонтальная точность карт достигала одного метра и позволяла автопилоту выбирать самую безопасную дорогу. Но Мэтт, по долгому опыту путешествий в ущельях Титана, знал, что в крутых каньонах карты могли ошибаться больше обычного — до нескольких метров. Граница между пропастью и дорогой иногда оказывалась значительно смещённой, в чём рейнджер вчера сам удостоверился.

Он ехал к месту, где дорога петляла над ущельем. Теперь Мэтт должен был сыграть на ошибке в карте, о которой его враги не знали. И это был рискованный трюк...

Мэтт подпустил к себе броневик на расстояние нескольких десятков метров. Пулемёт строчил, не останавливаясь, дорога дымилась от ударов пуль, пыль взмётывалась из-под

колёс израненного «мустанга».

Приближался поворот, перечёркнутый крестом.

Мэтт схватил короткий карабин и закрепил его на груди.

Потом вцепился в рычаги и стиснул в напряжении зубы. Роковой поворот всё ближе и ближе...

«Краб» приблизился к «мустангу» вплотную. Сквозь исцарапанное бронестекло и пыль из-под колёс «мустанга» водитель «краба» плохо видел дорогу — и невольно ориентировался по противнику, следуя за ним, как привязанный. Автопилот следил за трассой по трёхмерной карте и не вмешивался в действия водителя, если не находил маршрут опасным.

«Мустанг» домчался до изгиба дороги, но не стал поворачивать. И вот перед ним разверзлась пропасть глубиной в сто восемьдесят футов.

«Мустанг», не снижая скорости, оторвался от грунта и слетел в ущелье.

Автопилот вездехода «не видел» опасности на карте, а человек-водитель слишком поздно понял самоубийственность прыжка машины рейнджера. Он завопил и ударил по тормозам, но «краб» уже падал вслед за «мустангом»...

Крики людей в «крабе» подстегнули Мэтта. Он выбил остатки колпака ногой и выпрыгнул из машины. Через секунду мимо Мэтта проплыл носом вниз броневик. Рейнджер отвёл руки назад, схватился за рюкзак и распахнул небольшой парашют-крылья.

Падение замедлилось, и Мэтт успел увидеть, как его верная лошадка рухнула в скалы и превратилась в груды искрящихся и дымящихся обломков. Рядом упал «краб» — и взорвался, будто граната.

Но переживать было некогда. Ветер сносил Мэтта вдоль ущелья, и он опускался всё ниже между почти отвесными стенами каньона. Тут рейнджер чертыхнулся и максимально расправил крылья, пытаясь перелететь ту самую метановую промоину, которую он вчера так лихо форсировал на «мустанге». Но сейчас под ним не было его верной лошадки...

Несмотря на все усилия, Мэтту не удалось долететь до берега.

Он приземлился по колено в жидкий метан.

Смертельный холод пронзил его ноги, одетые в тонкий старенький комбинезон. Такая защита хороша против холодного воздуха, но от жидкости при минус ста семидесяти цельсиях она не уберёжёт. А универсальный комбинезон стоит почти как новый «мустанг».

До сухого берега было метров двадцать. Мэтт брёл по метановому болоту, и ледяная жидкость стремительно высасывала из него силы. Ноги немели. Мэтт понимал, что если упадёт, то умрёт от холода за несколько секунд.

Он чудом добрёл до ледяной обрывистой кромки, навалился на неё животом и осторожно выбрался на берег.

От дома Энн рейнджера отделяло несколько миль. Связи не было — видимо, каньон экранировал сигнал, но Мэтт всё равно оставил рацию на волне «SOS» и поковылял к выходу из ущелья на негнущихся ногах.

Прошло минут сорок, пока он добрался до дороги, но вместо помощи его встретил ураганный огонь из лазерных винтовок. Один выстрел прожёт комбинезон на плече и зацепил руку.

Не считая Земли, Титан — единственное тело в Солнечной системе, где человек может находиться без герметичного скафандра, но антарктический земной холод по сравнению с холодом Титана выглядит как тёплый летний вечер, поэтому любые дыры в комбинезоне, открывающие холоду ещё одну брешь, могут легко стать смертельными.

Мэтт рухнул за огромный валун, стянул с плеча карабин и, задыхаясь, крикнул:

— Кто вы, чёрт вас дерит, и что вам надо?

— Ты про нас забыл, ублюдок? — услышал он злобный голос Барта.

Значит, вынырнул из моря непотопляемый Барт. Судя по обстрелу с двух направлений, спасся он не один. А найти Мэтта было легко — по его собственным сигналам «SOS».

Опять неравные силы. Почему это перестало удивлять Мэтта?

Рейнджер смертельно устал. Комбинезон старался нагреть его ноги, но они уже не чувствовали тепла. Мэтт совершенно не был готов к новой драке, но его никто и не спрашивал — готов ли? Просто стреляли — и всё.

Рейнджер с трудом покрутил головой. По бокам — крутые ледяные стены, впереди — Барт с кем-то ещё. Сзади — метановое болото.

Что делать? Мэтт лёг на спину, зацепил зубами из рациона остаток шоколада. Потом запил его последним глотком кофе — того, который сварила утром Энн...

Глаза и мозг немного прояснились, и рейнджер заметил глубокую расщелину в стене каньона. Явно выходное отверстие для весенних метановых ручьёв. Значит, где-то есть и входное? Возможно, оно будет слишком мало для человека, но рискнуть стоило.

Мэтт вставил в карабин патроны с разрывными пулями и выстрелил несколько раз по стенам ущелья над головами своих противников. Куча обломков и пыли рухнула на Барта и его водителя Збигнева, который тоже сумел выбраться из утонувшей машины.

Пока они ругались и протирали щитки кислородных масок, Мэтт успел перебраться в пещеру. Барт слишком поздно заметил его движение и лишь бесполезно выстрелил вслед.

— Пошли за ним! — крикнул он Збигневу.

И они бросились к пещерному входу, полагая, что сейчас Мэтт удирает в глубь горы как можно быстрее.

Но навстречу раздался выстрел.

Збигнев застонал и упал ничком. Барт грохнулся рядом, убедился, что невидим для Мэтта, и перевернул Збигнева.

Грудь того стала решетом, из которого сеялись красные льдинки.

Трудно сказать, что быстрее остановило сердце водителя — смертельный холод или убийственная картечь, но через минуту Барт остался один. И почувствовал страх. Когда у него был огромный перевес в силах, он всё равно не смог победить Мэтта Уайта. Теперь же они остались один на один.

На что он надеется? Он падал сегодня со скалы и выныривал со стофутовой красной глубины. Его тело избито, он еле жив... Но он зашёл слишком далеко — и не может остановиться. Один из них должен умереть, и Барт сделает всё, чтобы это был Мэтт.

Он сместился по осторожной дуге так, чтобы лучше видеть вход в пещеру, и обругал себя за то, что не сделал этого маневра, когда Збигнев был жив.

Сейчас Мэтт действительно ушёл в глубь ледяной стены, и императорский агент осторожно отправился следом.

Вскоре Барт понял, что его противник не идёт, а ползёт — слишком усталый или раненый, чтобы шагать на своих двоих. Барт обрадовался и заторопился.

И едва не нарвался на выстрел из карабина — хорошо, что увидел впереди блеснувший ствол и успел спрятаться за пещерный выступ.

Когда развеялись пыль и дым от попавшей в стену картечи, Барт издевательски крикнул:

— Ты так устал, Мэтт, что стал промахиваться? Позволь мне пристрелить тебя без мучений. Всё равно тебе грозит пожизненное наказание за смерть моих семерых людей. Нужно расплачиваться за содеянное.

Раздался голос Мэтта:

— Твои люди получили то, что заслужили. Вы просто банда кровавых убийц. Кто взорвал дом Пашута на участке «Килиманджаро»? Кто осадил рудник Самуила Пярну и вывел из строя кислородную систему, отчего вся семья Самуила, включая маленького сына, умерла от удушья? Это сделали ты и твои наёмники.

— Хе-хе, я вижу, слава обо мне гремит. Пашут сам виноват, что открыл такое богатое месторождение и не согласился мне его продать. И Самуил тоже был неправ — имея в семье маленьких детей, он посмел спорить о цене, которую я ему предложил за участок.

— Ты перестал быть человеком, ты — просто бездушное оружие «Титан Минералз», которая скупает захваченные рудники, не спрашивая, откуда они взялись. Но если станет

известно о твоих методах ведения дел, то императорская компания живо от тебя открестится и сделает козлом отпущения.

— И от кого публика узнает о моих методах?

— От тебя самого — из записи этого разговора.

— Связи у тебя нет, и все твои записи умрут сейчас вместе с тобой.

И Барт выстрелил в сторону Мэтта. Лазерный луч врезался в потолок; толща полупрозрачной породы озарилась красным светом. Потолок треснул, и посыпались куски льда.

Мэтт заметил, что лазерная вспышка осветила на потолке характерную прослойку метанового льда. А лёд этот очень нестабильный, его легко разогреть.

Рейнджер достал инфракрасный нагреватель из аварийного набора и нацелил его на потолок над Бартом. Бандит, ничего не замечая, хвастался своими грязными делами.

Может, психологи многое узнают о Барте, проанализировав его словесный поток, но Мэтта просто мутило от откровений наёмника.

Может, Барт предчувствует свою гибель и надиктовывает мемуары на этот случай? Даже маньяки хотят остаться в истории — пусть хотя бы в роли героев криминальной хроники.

Вскоре метановые ручейки побежали по стенам пещеры. Раздался треск.

Чтобы заглушить его, рейнджер крикнул:

— Барт! Ты очень хотел захватить эту землю. Теперь у тебя её будет вполне достаточно!

И выстрелил в потолок.

Огромный пласт породы обрушился на Барта, поставив тяжёлую точку в его гнусных откровениях.

Но рухнувший пласт был заметно больше, чем рассчитывал Мэтт: он накрыл обоих противников.

Энн благополучно зарегистрировала участок и даже успела встретить брата, срочно прилетевшего домой. Но ни Мэтт, ни имперские стражники не появлялись. Утренняя стрельба и взрывы были хорошо слышны Энн, и наступившая тишина пугала её ещё больше — она казалась кладбищенской.

— Он наверняка погиб, возможно, упал в море, — пожимал плечами рыжий Свен, похожий на сестру, но лохматый, со сломанным носом и дерзкими глазами. — Один на лёгком «мустанге» против двух тяжёлых «крабов»...

Но Энн не хотела верить в худшее.

Вдруг засветился экран, на нём появилась карта с тревожным красным огоньком.

— Сигнал «SOS» от той группы скал, где пещера! — воскликнула Энн. — Полетим туда вместе.

Мэтт полз по тёмным ледяным норам целую вечность. Потом ещё одну вечность, и ещё одну... Потом он сбился со счёта и решил поспать...

Пробуждение было приятным: на рейнджера глядели влажные зелёные глаза.

Мэтт лежал в санитарном коконе, и кибермедик колот его бесчувственные ноги, освещал их и массировал.

Энн сидела рядом и обрабатывала потрескавшееся от мороза и исхудавшее лицо своего спасителя. На теле Мэтта была куча обморожений, лазерных ожогов и синяков — будто он где-то ухитрился попасть одновременно в метановое болото и под обстрел с обвалом.

— Ты опоздал на обед.

— Не было аппетита. Что-то на нервной почве.

— А сейчас?

— Готов съесть три отбивные, два палтуса и всю тебя.

Через пару часов Мэтт почувствовал себя настолько лучше, что даже сел ужинать

вместе с Энн и Свеном.

— На чём же ты будешь ездить? Как доберёшься до Сильвер-Хилл? — спросила Энн у рейнджера. Тот почесал висок со свежей ссадиной.

— Могу ли я попросить подбросить меня в Сильвер-Хилл? У меня срочное дело: у пожилой четы Симмонсов кончается годичный срок, и я должен узнать, как у них дела. И ещё... Вы, наверное, слышали, что в Сильвер-Хилле появилась сатурнианская штаб-квартира династии Гринвич. На Титан пришли большие перемены. Династия Гринвич собирается помочь профсоюзу старателей в борьбе с агентами Дональдса. Я везу в Сильвер-Хилл кучу улик против этих мерзавцев. Королева скоро прибудет сюда лично — вместе с большой группой независимых судей. Многомесячная очередь в суды исчезнет, и заявки на участки будут регистрироваться в любой день. Владельцы шахт перестанут бояться «шакалов»... с такой могучей поддержкой мы быстро вытравим эту стаю.

Мэтт улыбнулся, и эта полудетская улыбка озарила его лицо.

— А когда жизнь потеплеет, то и я перестану быть бездомным ковбоем и осяду где-нибудь на свободном берегу неподалёку от вас, буду ковыряться в шахте и смотреть на волны.

— Насчёт новых судей — это было бы хорошо, — сказал Свен. — Не знаю, сколько платят нынешним судьям Дональдсы, но слишком часто торжествуют компании императора, а не независимые старатели.

— И всё-таки, на чём ты будешь ездить? — настойчиво расспрашивала Энн.

— Пока не знаю, — вздохнул Мэтт.

— Вот что, — решительно заявила Энн. — Ты потерял машину, защищая мой рудник, и я, в качестве платы, отдаю тебе вездеход, на котором прилетел Свен. Это «Дракон» — самая лучшая из наших трёх машин. Она практически новая, мы купили её недавно и почти не пользовались.

Брови Свена удивлённо поползли вверх, а глаза Мэтта округлились:

— «Дракон»?! Тот, что может не только ездить, но и летать?

Энн кивнула:

— Пять часов автономного полёта со скоростью двести миль в час. Посадка и взлёт вертикальные, никаких аэродромов не нужно. Высота полёта до пяти миль — ты сможешь чаще видеть звёзды и свои любимые голубые рассветы на Сатурне. И ещё — в «Драконе» есть универсальный комбинезон, а не та дрянь, в которой ты ходил.

— Нет, — категорически заявил Мэтт. — Я не могу забрать у вас такую ценность. Слишком большая плата за однодневную службу.

— Хорошо, не будем говорить о плате, — подняла брови Энн. — По закону гостеприимства гость должен принять ответный подарок хозяев.

Мэтт окончательно сдался, лишь когда остался наедине с Энн.

Добившись своего, владелица рудника удовлетворённо вздохнула, а рейнджер сказал:

— Видишь, я вовсе не бескорыстен. За несколько часов я заработал машину, которую и за несколько лет бы не купил. Я очень хитёр!

— Я помню, ты уже говорил, что умеешь втираться в доверие к одиноким женщинам. Признайся, ноги обморозил так, что чуть их не потерял, тоже, чтобы меня разжалобить?

— Да, с ногами я немного переиграл...

— Я тебя увижу снова?

— Конечно! Мы, бродяги, вечно стучимся в двери к молодым одиноким женщинам и просимся на ночлег и стирку.

— Ты врёшь!

— Не забывай, что в твоём гараже хранится масса новеньких запасных частей к моему «Дракону».

— Ты врёшь.

— Я полюбил тебя с первого взгляда.

— Ты врёшь...

Пыль взметнулась из-под дюз «Дракона», и машина умчалась в облачное небо, превратившись в яркую комету на фоне оранжевых туч.

— Как ты думаешь, — спросила Энн брата, не отводя глаз от светлого пятна на облаках, — приедет он через год, когда мы будем подавать заявку на расширение участка?

— Интуиция мне подсказывает, что он приедет гораздо раньше, — сказал брат.

Рыжеволосая женщина счастливо улыбнулась, а прижимистый Свен неодобрительно добавил:

— Вернее, не приедет, а прилетит.

Глава 4 Королевская башня

На южной, самой солнечной грани огромного замка династии Гринвич разместилась небольшая трёхэтажная башенка, обычно называемая Королевской башней.

Это был дом для Никки, Джерри, Майкла и Сюзан.

Самый верхний — и самый светлый — этаж Королевской башни был детским — это было сложно организованное пространство с наполовину стеклянной крышей и множеством стрельчатых окон. В нём стояли два маленьких — словно игрушечных — домика. Это были спальни Майкла и Сюзан. Домик Сюзан был в виде старинной кареты на колёсах. Каждые полгода Сюзан просила перекатить свою спальню к новому окну, чтобы поменять поднадоевший ей вид.

Домик Майкла не только прыгал по детскому этажу как сумасшедший, часто занимая окно, освобождённое каретой Сюзан, но и менял облик примерно раз в месяц: от бревенчатой избышки до паутинного колокола водяного арахнида *Argyroneta aquatica*. В настоящее время Майкл спал в гигантской оранжевой тыкве.

На завтрак и обед дети спускались вниз, на следующий этаж, где размещалась столовая, соединённая с обширной кухней. Там был большой обеденный стол, за который можно было сесть вместе с друзьями. Но чаще семья завтракала за столиком возле окна — оно выходило в сад, разместившийся на широком балконе вокруг цоколя башни.

На другом этаже была спальня взрослых и два их рабочих кабинета.

Самый нижний — цокольный — этаж башни, уже сливающийся с наклонной стеной пирамидального замка, был деловым: для приёма посетителей и полуофициальных ужинов. Из него вели коридоры в главное здание и рубку — командный центр династии.

Эта башенка стала настоящим тёплым домом для Никки, Джерри и их детей.

Там было уютно жить.

Никки проводила в Королевской башне даже часть своего рабочего времени.

Джерри делил своё время между «Ельником», «Штопором» и «Лестницей», возился с математикой, программами и детьми, а также отвлекал Никки от утомительных многочасовых трудов с помощью самой вкусной еды, которую только мог придумать он сам и повар замка.

Джерри приходил в кабинет Никки и садился в кресло. Вокруг настольного монитора грудились электронные устройства разного назначения и неожиданные предметы. Нож с серебряной рукояткой в виде скрюченной когтистой лапы, сжимающей огромную чёрную жемчужину. Крупный прозрачный кристалл, выращенный по новой технологии. Памятный акулий зуб, лежащий в чаше синего вестийского хрусталя.

Джерри детально рассказывал о меню сегодняшнего ужина. Никки возмущалась, но упорно не отводила глаз от экрана:

— Так нечестно, ты же знаешь, как я запрограммирована на вкусную еду!

Он продолжал вкрадчивым голосом:

— Бекон, закопчённый на дровах сахарного клёна... Нежный омлет на сливках...

Никки не выдерживала, бросала свои занятия и устремлялась вслед за коварным

Джерри.

Если слова не помогали, то Джерри просто взваливал Никки на плечо и шагал с ней в столовую.

Там уже сидели дети — Сюзан и Майкл.

Никки в них души не чаяла, труднообъяснимым, но таким понятным образом компенсируя этим собственное одинокое детство.

Если человек не брал на руки маленького сына, не прижимал лицо к его мягкой одежде, пахнувшей молоком и отрыжкой, — он упустил в своей жизни нечто такое, что невозможно объяснить словами.

Никки рассказывала детям сказки и пела колыбельные песни:

Меркнут знаки зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над Землёй Луна висит.

Над Землёй большая плошка
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

Маугли любила наблюдать за играми детей. Игры — тайный ключ к детской душе.

Майкл обожал пускать в маленьком бассейне кораблики — с парусами, с моторчиками, на подводных крыльях.

Джерри, часто наблюдавший вместе с Никки за детскими развлечениями, как-то усмехнулся:

— В детстве бочка с дождевой водой — целый океан, в котором легко разворачиваются драматические морские баталии.

— А взрослым и настоящий океан становится скучен.

— У тебя сегодня мрачное настроение.

— Наверно, старею. Майкл, у тебя опять сопли!

Майкл оторвался от разгрома вражеского флагмана, вытащил платок и высморкался, возражая гундосым голосом:

— Это не сопли, а конденсат!

Сюзан любила читать и росла сложно. Её видение мира колебалось между поэтическим: «Облако — это непадающий дождь!» и неожиданным: «Мама, как орлы могут есть сырых мышей, да ещё немытыми лапами?»

Сегодня за столом назревала обычная война между младшим братом и старшей сестрой:

— Маленький обормот! Только посмей ещё раз залезть ко мне в комнату!

— Розовая моль! В твоей карете мне нечего делать — там с тоски мухи дохнут!

— А кто стащил конфеты с моей тумбочки? От краденого сладкого на носу выскакивают прыщи!

— Ты съела свои конфеты во сне, сомнамбула!

Никки вздохнула: брат и сестра пребывали в двух состояниях: или войны, или вооружённого перемирия.

В ходе этой войны Майкл недавно изобрёл пневматический дробовик — с дробью из

зёрнышек папайи. Сестра ответила не таким передовым, но проверенным оружием — диванными подушками. После грандиозной битвы робот-уборщик неделю выбирал папайную дробь из ковров и мебельной обивки, жалобно причитая и подзаряжаясь чаще обычного.

Никки отругала изобретательного Майкла и предупредила:

— Не вздумай устроить гонку вооружений и перейти с папайной дроби на авокадные ядра!

Где-то к Майклу был пришит бездонный мешок, откуда он неиссякаемым потоком вытаскивал разнообразнейшие вопросы:

— Папа! Почему вода сначала течёт из крана струйкой, а внизу превращается в капли?

— Э-э... струя воды разгоняется и поэтому становится всё тоньше. Свободное падение струи происходит в невесомости...

— Под нашим краном возникает невесомость?! — поразился Майкл.

— Да... и в невесомости на воду начинает активно действовать сила поверхностного натяжения, которая и советует воде принять оптимальную энергетическую форму...

— А, понятно!

— Что тебе понятно?

— Всё понятно! — и убежал.

Сюзан узнала, что есть лимонная кислота, потребовала подать ей вишнёвую и апельсиновую, страшно удивилась, что таких нет, и стала относиться к лимонам с большим уважением.

Майкл полз галсами по старинной морской карте, пуская густой угольный дым, хлопая потрёпанными парусами и дудя в медный боцманский рожок — словом, совершая увлекательное кругосветное путешествие.

Вдруг он оторвался от карты:

— Папа, почему длина земного экватора равна 360 градусам, а в году — 365 дней? Эти числа подозрительно близки, но не совпадают!

Джерри понял, что попал в тяжёлое положение: как объяснить суть земного календаря мальчику, выросшему на Луне, на которой день равен месяцу? Нет, вы не хмыкайте, а возьмите такого маленького мальчика и сами попробуйте!

— Майкл, ты знаешь, почему мы живём по 24-часовому циклу?

— Потому что мы с Земли, а там Солнце встаёт каждые 24 часа... Вернее, это ты с Земли, а я с Луны, но ты всё равно заставляешь меня вставать очень рано. Я бы ещё поспал пару часиков!

— Тебе ложиться надо вовремя — и тогда утро не будет казаться слишком ранним, — парировал отец. — Итак, ежедневная жизнь землян строго подчиняется вращению планеты вокруг полярной оси. Мерой отпуска чаще является *календарный месяц*, который измеряется по циклу роста *лунного месяца*. Он равен примерно 30 дням. Как космический мальчик, ты легко свяжешь календарный земной месяц с синодическим периодом обращения Луны вокруг Земли или длиной лунного дня.

Для древних людей год был равен времени между весенними разливами, или осенними урожаями, или между максимальными подъёмами Солнца над горизонтом — проще говоря, год равен сидерическому периоду обращения Земли вокруг Солнца. Но древние астрономы не сразу научились точно определять длину года, и, например, персы полагали, что 12-месячный год состоит из 360 дней. Значит, древние считали, что Солнце движется среди созвездий за сутки на 1 градус — поэтому градус и обозначается на морских картах маленьким кружком, египетским символом Солнца. Возможно, именно неточные 360-дневные календари вызвали деление круга горизонта на 360 градусов. Но есть и дополнительная причина появления этого числа.

— Какая? — поинтересовался Майкл.

— Вавилоняне основывали систему счёта не на 10 или 12, а на 60, которое они почитали за священное число, — отсюда пошло деление одного часа или градуса на 60

минут, а одной минуты — на 60 секунд. Кроме того, древние геометры любили хорду длиной в радиус. А если такой хордой пройти по окружности, то она разделится ровно на шесть частей.

Майкл немедленно смастерил циркуль из фломастера и ножа для разрезания бумаг, стащенного с рабочего стола матери и только что изображавшего капитанский кортик, и нарисовал на полу круг (робот-уборщик в углу комнаты тихо взвыл от возмущения). Этим же циркулем мальчик «измерил» длину окружности, проверяя утверждение отца (все дети знают, что за родителями нужен постоянный присмотр!). Но всё оказалось верно: окружность разделилась ровно на шесть частей.

Джерри добавил:

— Если каждую из них раздробить на 60 градусов, то и получится 360. Но есть и ещё одна причина для этого числа.

— Ого, ещё одна... — с сомнением сказал мальчик.

— Число 360 весьма примечательно в математическом смысле: оно образовано умножением четырёх цифр подряд: $3 \times 4 \times 5 \times 6 = 360$ и само делится на 24 различных числа, например, на все числа от 1 до 10, исключая 7. Это очень удобно для вычислений.

— Кажется, древние люди были не дураки насчёт математики! — удивился Майкл.

— Они были не дураки во всём: шумеры, которые жили на территории Вавилонского царства тысячи лет назад, изобрели не только календарь, но и письменность, соху и колесо.

— Ого! — с уважением сказал мальчик.

Джерри и Майкл любили играть в ассоциации — непростые, конечно.

Например, отец задал тему:

— Душ.

Сын мгновенно отреагировал:

— Бутерброд!

— Почему?

— Горячую воду на себя намазываешь!

— Окно.

— Носорог!

— Почему?

Майкл ответил стихами:

Рама окна
Украсит сполна
Любого
Носорога!

— Слабовата рифма, — хмыкнул Джерри.

— Зато от души! — парировал Майкл и с гиканьем умчался в одному ему известные пампасы.

Сюзан спросила мать:

— Мама, почему мне нравится музыка?

— Непростой вопрос. Я думаю, что у каждого из нас внутри есть колокольчик. Или камертон. Если музыка его трогает — то он звучит в ответ.

— А если музыка человеку совсем не нравится? Колокольчика нет?

— Думаю, есть, но забросан всякой чепухой. Или замёрз.

— Надо просто дать людям послушать живую скрипку — тогда любой отгадает.

Увлечение музыкой у Сюзан началось с того, что Никки пригласила в замок юного музыканта, победителя городского конкурса скрипачей. Спокойный вежливый мальчик пришёл со скрипкой Страдивари и с папкой старых нот.

— Я сыграю несколько вещей Вивальди и Паганини, — сказал он тихим голосом.

И скрипка зазвучала, незаметно перейдя границу тишины и мелодии. Сюзанна замороженно слушала музыку и следила за движениями смычка и скрипача. Локоть вниз — и скрипка стряхивает тонкие звуки. Локоть выше — скрипка звучит во весь голос. Локоть вверх — скрипка переходит в басы.

Играла скрипка, звучали руки.

Окончание грифа скрипки было самой красивой застывшей нотой.

Изящный инструмент прирос к музыканту как новая певучая часть организма. Девочка расширенными глазами видела, как левая рука музыканта оставляла скрипичный гриф и тянулась перевернуть пожелтевшую страницу нот. А скрипка послушно оставалась висеть в воздухе, упираясь лишь в подбородок, и даже продолжала тоненько петь смычку, зажатому в правой руке.

Когда концерт закончился, раздались аплодисменты.

Музыкант с достоинством поклонился.

— У вас очень музыкальный локоть, маэстро! — сказала Сюзан.

Юный скрипач склонил голову ещё раз. На его скрипичной скуле виднелась мозоль.

— Можно потрогать вашу скрипку?

Сюзан не только потрогала, но даже понюхала инструмент.

— Почему вы не играете на компьютере?

— Моей скрипке несколько сот лет, её звучание невозможно повторить на компьютере. Это называется феномен Страдивари. Никто не понимает — почему.

— Я знаю — почему: за много лет музыка впиталась в дерево скрипки, поэтому она так красиво и звучит.

— Это одно из лучших объяснений феномена Страдивари, какие я слышал, принцесса.

Прощавшись с музыкантом и уже уходя из комнаты, Сюзан вдруг остановилась у дверей, вопросительно посмотрела на скрипача.

Он понял, задумался и поднёс смычок к струнам. Родился быстрый звук, который звенел, летел и жужжал.

Девочка протянула руку и схватила.

— Спасибо за шмеля, маэстро. Он не кусается?

— Принцесса, музыка жалит лишь мёдом.

Джерри разыскивал Майкла. Наконец нашёл на кухне. Тот сидел за столом перед двумя тарелками — с малиной и голубикой. Мальчик задумчиво нахлобучивал красную малину на чёрно-синий шарик голубики, отчего малиновая шапка разлезалась и между пальцев выглядывало лицо строгого судьи в старомодном парике. Майкл съедал голову судьи и тянулся за другой ягодой.

— Что ты делаешь?

— Малиновые кости жую...

Джерри выложил перед Майклом несколько разнообразных кубиков: тут был крупный пластиковый куб, металлический куб поменьше, ещё более маленький чёрный — каменный? — кубик, и ещё несколько других, вплоть до самого крошечного, еле заметного — золотого.

— Что это? — спросил Майкл.

— Помнишь, мы с тобой обсуждали — из чего состоит твой лэптоп?

— Ага, и ты сказал, что потом поговорим.

— Это «потом» настало: я получил нужные мне кубики.

— Что это?

— Те самые материалы, из которых состоит твой лэптоп.

Джерри показал налево, где лежали кубики кремния, железа, меди, пластика, а потом направо — на лэптоп Майкла.

— Больше ничего в твоём компьютере нет: лишь вот эти вещества, которые сплавляли,

по моей просьбе, в кубики.

— А куда делась информация? Исчезла?

— О какой информации ты говоришь?

— Ну, мои игры, музыка, книжки.

— Это всё исчезло. Но пропало не только содержимое памяти. Представь себе новенький лэптоп с чистыми информационными кристаллами. Теперь посмотрим на эти кубики. Что нужно для того, чтобы эти кубики превратились в лэптоп?

— Ну... эти кубики надо превратить в проводки, схемы и надо знать, как соединить их вместе...

— Молодец! ЗНАТЬ — это самое главное. Знание — это то, что превращает примитивные кубики в эту чудесную машину. Тысячи лет и гигантские усилия понадобились человечеству, чтобы узнать — как извлечь из земли и нефти необходимое железо, медь, кремний и органические полимеры и как составить из них эту умную машину, которая может говорить, думать и является нашим верным помощником и даже другом.

Майкл перебирал кубики, и его глаза горели. Знание представилось ему в совсем ином свете. Что там волшебная палочка — разве с её помощью можно сделать такое чудесное преобразование немых глупых кубиков в его сверхумный компьютер!

Отец сказал:

— Знание важно не только для компьютеров или космических кораблей. Что ты ел на завтрак?

— Я пил кофе и ел хлеб с ветчиной и сыром.

Майкл облизнулся и отложил кубики:

— А ты знаешь, сколько знания вложено в такую простую вещь, как бутерброд с маслом, ветчиной и сыром?

Видя недоуменный взгляд сына, он стал рассказывать:

— Хлеб — вершина огромной технологической пирамиды. Древние люди собирали дикий ячмень и пшеницу. Потом они научились сажать зёрна на возделанных полях и сохранять урожай зимой в специальных хранилищах.

Обработка почвы стала одной из труднейших задач, которая стояла перед человечеством, — для её решения пришлось одомашнить крупных животных, добыть металл, придумать и выковать плуг, изобрести удобную упряжь.

Тысячи лет селекции и генетических экспериментов понадобились, чтобы вырастить современную пшеницу, из которой делается наш хлеб.

Изготовление муки — тоже сложный процесс. Раньше зерно толкли пестом в каменных или железных ступах. Это был очень тяжёлый труд. Поэтому человек изобрёл водяные, ветряные и электрические мельницы, в которых массивные каменные или металлические жернова размалывали твёрдые зёрна в мелкую муку.

Из муки и пекут наш хлеб — но тоже не сразу. Нужны соль и дрожжи. Добычей соли занимается целая промышленность, и были времена, когда солёные кристаллики ценились на вес золота.

Дрожжи — это одноклеточные грибки *Saccharomyces cerevisiae*, которые делают тесто пышным и рыхлым. Какой-то гениальный египтянин более трёх тысячелетий назад открыл преимущества этого грибка для печения хлеба — и с тех пор мы едим очень вкусный и мягкий хлеб. Кстати, без огня или современных электропечей хлеб, как ты понимаешь, тоже не испечь.

— Одноухий гоблин! — взволновался мальчик. — Сколько сложностей во всего лишь хлебе!

— Всего лишь! — усмехнулся отец. — С маслом и сыром проблем не меньше: коров или коз сначала пришлось одомашнить, научиться ухаживать за ними и доить. Выведение новых пород молочного скота — это кропотливая и важная работа.

Хранение и переработка молока — целая область науки и техники. Какой-то безвестный гений нашёл, что в желудке молочных телят содержится фермент — сейчас его

называют реннин, — который заставляет молоко сворачиваться во вкусный сыр. Такой сычужный сыр долго хранят, давая вызреть, потом доставляют в любую точку мира — даже на Луну — и уже там режут на ломтики для твоего бутерброда.

— Это просто не уместается в голове — такая длинная история одного продукта!

— Про ветчину ты уже сам, наверное, понял: вырастить свиней и получить нежное копчёное мясо — тоже весьма непросто. Вот сколько трудов и открытий — сколько ЗНАНИЯ! — сошлось в одном твоём утреннем бутерброде.

— Я проголодался, папа! Скоро будет обед?

За столом, дождавшись, когда дети покончат с десертом, Джерри сказал:

— Хотите, расскажу вам об одном знаменитом парадоксе грека Зенона? Его называют апорией «Ахиллес и черепаха».

— Хотим! — немедленно откликнулся Майкл. Сюзан тоже выглядела заинтересованной.

— Если быстроногий Ахиллес побежит за медленно ползущей черепахой — то догонит ли он её?

— В две секунды! — воскликнул Майкл.

— А я сейчас вам докажу, что он никогда её не догонит. Пусть черепаха находится в ста метрах от Ахиллеса и уползает от него. Ахиллес очень быстро добежит до того места, где сидела черепаха, но там её уже не будет: она хоть в сто раз медленнее Ахиллеса, но всё равно отползла на целый метр. Бегун быстро преодолевает последний метр, но черепаха снова успела отползти! И так повторяется до бесконечности: Ахиллес прибегает в точку, где была черепаха, но тортила уже уползла оттуда. Значит, он никогда её не сможет догнать.

— Потрошённый эльф! — восторженно выругался Майкл. Никки укоризненно покачала головой: сын набирался сочных выражений от друзей, с которыми играл на лужайке перед замком.

— Но ведь это не так! — возмутилась Сюзан. — На самом деле Ахиллес должен догнать черепаху.

— Сюзан, это такая игра! — отмахнулся Майкл. — Мы должны понять — где папины рассуждения неверны. Найдёшь ошибку — спасёшь Ахиллеса от позора.

Сюзан фыркнула и задумалась.

Майкл тоже.

Никки улыбнулась и знаком показала Джерри, что она пошла работать. Тот кивнул и остался с двумя оцепеневшими мыслителями.

Майкл высыпал соль на стол длинной полоской и внимательно её разглядывал, шевеля губами и бормоча:

— Черепаха... словно пахарь... Ахиллес... вселился бес... С унитазом на башке... эльфы спят в большом мешке...

Сюзан нарисовала на листочке линию и покрывала её штрихами, отмеряя отрезки разной длины.

— Понял! — вдруг закричал Майкл. — Помнишь, ты мне рассказывал о водяных часах — клепсидре? Откуда и пошло выражение «время истекло»?

— Да, помню.

— Пусть отрезки времени — это какое-то количество воды. Литр — это время, за которое Ахиллес пробегает сто метров. Выливаем литр в ведро. Потом — Ахиллес пробежал метр — добавляем ещё десять граммов воды. Потом — всего одну каплю. Потом — крошечную капельку. Бесконечное добавление микроскопических капелек воды не даёт переполнения ведра: капли уменьшаются слишком быстро и уровень воды расти не будет. Значит, Ахиллес догонит черепаху за конечное, а не за бесконечное время.

— Молодец! Правильно разрешил парадокс: бесконечный числовой ряд может иметь конечную сумму, поэтому бесконечное число приближений Ахиллеса к черепахе происходит за определённое и вполне короткое время. Горжусь таким сыном!

Мальчик засиял, а Сюзан обидчиво сказала брату:

— Ты — крокодил!

Майкл, свирепый, как укушенный гном, вбежал в кабинет отца:

— Почему мне не разрешают играть в компьютерные игры столько, сколько я хочу?!

Джерри внимательно посмотрел на сына, предложил ему сесть в соседнее кресло и спросил:

— Скажи, кто твой любимый тиви-герой?

— Естественно, СуперДжо!

— А с кем сражается СуперДжо?

— Ну, папа, как ты можешь не помнить?! Конечно, с Гангстером Биллом!

— Извини, я немного отвлёкся в последнее время... И как — удаётся ему побить этого Билла?

— Какой ты тёмный, папа! Хотя Гангстер Билл и здоровяк под три метра, но СуперДжо его всегда побивает, потому что каждый день тренируется весь целый день и даже жонглирует та-акой штангой, та-акими гириями! Правда, ему тоже достаётся в этих драках, всё-таки, сам понимаешь, три метра...

— А вот представь себе, что СуперДжо перестал тренироваться, сидит целый день и вышивает крестиком носовые платки? Что бы ты ему сказал?

Мальчик вытаращил глаза от ужаса:

— Да ты что, СуперДжо?! С ума сошёл?! Да тебя Гангстер Билл через неделю в порошок сотрёт! Прекрати немедленно и марш качать мускулы!

— А СуперДжо всё равно не соглашается! Сидит, цветные нитки плетёт.

— Тогда, — мальчик всерьёз разволновался за своего героя, — надо вышивку у него отобрать! И варенья на завтрак не давать, пока не вернётся к тренировкам!

— Жестковато, — кивнул отец, — но рациональное зерно есть...

Он прищурился, внимательно глядя на сына.

— А ты думал — как нашей маме удаётся убеждать людей делать то или иное в бизнесе или политике?

— Как? — удивился мальчик. — Да очень просто — я сам сколько раз видел, — она вызывает на свой экран кого-то и говорит, что ему надо сделать, — он и слушается! Так и убеждает!

— Хм-м... Ну хорошо, а почему они её слушаются? Потому что боятся, что она их побьёт, как СуперДжо Гангстера Билла?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся мальчик, — да мама не умеет драться...

Отец смущённо покашлял.

— ...просто они сами понимают, что так будет лучше!

— А почему они раньше не догадались, что так будет лучше? — поинтересовался отец. — Почему им нужно было... э-э... советоваться с мамой?

— Так она же самая умная! — убеждённо сказал мальчик.

Папа облегчённо вздохнул:

— Очень хорошо, а как мама стала такой умной?

— Не знаю... — задумался мальчик. — Гены умненькие оказались?

— Гены у неё попались неглупые, не спорю, — согласился Джерри, — но главное, что она очень много училась и читала умные книги — то есть тренировала свой мозг точно так же, как СуперДжо тренирует свои мускулы!

— Ух ты! — Глаза у мальчика разгорелись. — Значит, мамины умственные мускулы посильнее, чем мясные мускулы СуперДжо? Ведь тому приходится бороться всего с одним врагом, а у мамы хлопот — ого сколько!

— Безусловно! Мама может много такого, что и не снилось этому Суперу. Теперь смотри: мама и я понимаем, что в жизни у тебя будет немало проблем и трудностей, и преодолеть их ты сможешь, только если будешь таким же умным, как мама, а желательно ещё умнее — всё-таки прогресс от поколения к поколению какой-то должен быть?

— Я и буду умнее! — уверенно заявил мальчик. — Ты меня сам хвалил за задачу про черепаху и бегуна — этого... Ахилбеса!

— Ахиллеса... — улыбнулся Джерри. — Правильно, хвалил — ты просто молодец у меня, порадовал отца!

Сын заёрзал в кресле и расцвёл улыбкой.

— Но ты понимаешь, что тренировка умственных мускулов нужна ежедневная?

— Да... — согласился мальчик.

— Тогда слушай меня внимательно, сын, — твёрдо сказал отец, — когда ты читаешь книги или решаешь математические задачи, то это для умственных мускулов как жонглировать гирями, а если ты сидишь в виртуальной реальности и стреляешь по мишеням, то это для мозга — такая же чепуха, словно СуперДжо вместо тренировок вышивает крестиком!

Мальчика как громом ударило.

— Я... крестиком?! — Он был возмущён и растерян.

— Да, вышиваешь крестиком и теряешь время, которое нужно на настоящую тренировку мозга. И мы с мамой это понимаем, поэтому и просим тебя не играть больше получаса в день. Потому что нам так же больно смотреть на тебя, живущего псевдожизнью, как тебе глядеть на СуперДжо, который впал в маразм и неизбежно проиграет следующую схватку с Гангстером Биллом.

Сын молчал, тяжело дыша.

— Вот что, — грустно сказал отец, — ты уже вполне сознательный человек. Если ты недоволен существующим порядком вещей — делай так, как считаешь нужным. Люди делятся на два класса: на тех, кто умеет программировать компьютеры и командует ими, и на тех, кто умеет только играть и легко подчиняется компьютерам, телевизорам и виртуальной жизни, которая и не жизнь вовсе... Ты должен сам выбрать, кем ты собираешься стать в этой жизни.

И Джерри произнёс в пространство:

— Тамми, отмени контроль за игровым временем на терминале Майкла.

— Сделано, — немедленно раздался тихий голос.

Мальчик соскочил с кресла и посмотрел на отца. Тот был очень серьёзен — Майкл ещё ни разу не видел отца таким строгим и печальным. Мальчик замялся и неуверенно пошёл к двери. Он шёл всё медленнее и медленнее, пока совсем не остановился. В нём шла внутренняя борьба. Повернулся и снова подбежал к отцу. Схватил его за руку и крикнул, лихорадочно блестя глазами:

— Тамми! Убери с моего компьютера ВСЕ игрушки! — И сказал отцу сдавленным голосом: — Я больше никогда не буду играть в эти детские стрелялки!

Отец широко улыбнулся и привлек мальчика к себе:

— Я горжусь тобой, сын! И мама тоже!

— Сделано! — раздался голос Тамми.

Мальчик вздрогнул и уткнулся лицом в отцовскую рубашку. Тот погладил его по голове:

— Если тебе станет скучно, устанешь от книг и занятий — приходи ко мне, и мы отдохнём вместе — покатаемся на лыжах или поплаваем в бассейне. Да тебе уже и на космический тренажёр пора!

— Ух ты! — Мальчик поднял голову, и его влажные глаза вспыхнули.

— Конечно, тебе пора учиться водить космический корабль, — уверенно сказал Джерри. — Ты стал способен на взрослые решения, значит, тебе можно доверить штурвал! А ты знаешь, что наша мама ещё в школе выиграла Лунную Регату?

— Правда?! — Мальчик был потрясён. — Настоящую Лунную Регату?!

— Получила главный приз, — подтвердил отец, — и стала сотрудником Спейс Сервис. Победила она с помощью вот такого умного маневра...

Джерри вызвал на экран трассу Лунной Регаты 2253 года.

— Помнишь формулу первой космической скорости?
Мальчик слушал, затаив дыхание, о реальных приключениях настоящей жизни.
Сожаление о стёртых компьютерных играх быстро исчезло.
Майклу было не до игрушек: двадцатикратная перегрузка вжимала его в кресло, кровь текла по лицу, но он не сдавался и смело прокладывал курс между острыми лунными вершинами.
И рекордная скорость пела ему песню победы.
Настоящей, не виртуальной.

Глава 5 Чертополошек

Дышать тяжело. Душно, тоскливо. Из дальнего угла слышно горькое детское всхлипывание.
Над заветной дверью написано:

Будущее исполнено неопределённости, но эта обманчивость будущего
является величайшим благом.

Фукидид

Я прочитала эти строки уже две тысячи раз.
Ненавижу неопределённость будущего!
Ненавижу Фукидида!
Все сидят напряжённые, разговаривают много, но негромко, чаще шёпотом. Изредка и нервно смеются. В разговорах всё больше хвалятся своими детьми — кто чего умеет, кто на что горазд.
Жизнь — соревнование с первых лет.
Дети принаряжены и причёсаны, как на выставку породистого молодняка. Друг на друга ревниво посматривают, обнюхиваются, свои разговоры заводят, что-то показывают из карманов... тоже небось хвастаются. Эл косится на них, шею тянет, пытается понять — что там у них в руках, но не может разглядеть.
Ближе подойти боится.
Солнце висит в самом зените, сквозь стеклянную крышу нас жарко рассматривает. Сколько пыли в воздухе. Но не из-за неё трудно дышать.
Я тону в панике. Она пропитывает каждую часть тела, заливают ноги свинцом, заставляет пальцы трястись.
И молчаливо, без устали бьёт молотком в левый висок.
Боги космоса, помогите мне!
Несколько лет назад я бы не поверила, что буду жить в тисках такого ужаса.
Юри был славный, ухаживал красиво. Предложил пожениться. Настойчивый был — не дал закончить колледж, сорвал с третьего курса, увёз в столицу. Я тогда была симпатичная... стройная, лёгкая, глаза карие, с искринкой.
Мне говорили: у тебя глаза шальные, ведьмины. Вот и утонул Юрий в моих глазах.
Утонул, да выплыл.
Сначала жизнь была прекрасна. Года полтора... А потом... потом всё пошло под откос. Чужими мы стали друг другу. Взаимно чужими и раздражающими, взаимно некрасивыми и недобрыми. И подался Юрий на север. Нашёл какую-то азиатскую красотку, к ней и переехал. Да мне всё равно. Почти. Юрий меня уже не волнует.
Главная моя проблема — наш маленький Эл.
Нет, не наш, а уже только мой. И уже не маленький — в школу вот-вот пойдёт. Но всё равно за ним нужен глаз да глаз. Оставишь без присмотра — сама будешь не рада. Тугодум он у меня. И заикается.

Детский психолог обследовал его три года назад и прямо сказал: «Мамаша, у вас проблемный ребёнок. Он не сможет учиться в обычной школе. Его тесты ужасны — половину пунктов заполнил неправильно. На вопрос: что лучше горит — спичка или гвоздик? — ваш ребёнок ответил: „гвоздик“! Другая его беда — медлительность. Он над каждым вопросом думает слишком долго. Интеллектуально нормальные дети имеют коэффициент умственного развития — 100 плюс минус десять, а все, у кого коэффициент ниже семидесяти, — олигофрены. Они должны учиться в специальной школе для слабоумных. А компьютер определил ай-кью вашего сына в шестьдесят пять...»

Я вышла от психолога оглушённая. Как тяжёлым грузовиком раздавленная.

Никогда не думала, что мой Эл — слабоумный мальчик. Ну, медлительный, ну, заторможенный... На середине улицы может застыть. Или с поднятой ложкой и открытым ртом. Но чтобы слабоумный...

В ту тяжёлую неделю я два раза крепко напилась. Ночью — когда Эл спал. А потом опомнилась — если ты с рельсов сойдёшь, с кем он останется? В сиротский приют пойдёт?

И впряглась в свою материнскую лямку. Читать с ним вслух. Решать логические задачи. Заставлять его фокусироваться на содержании проблемы. Не получается одно — браться за другое. Штурмовать его медленный мозг со всех сторон, пробивать каналы понимания. Как Эл радовался, если у него получалось! Когда он понял смысл простого числа, то смеялся полчаса, взхлёб, до икоты... Я испугалась — водой его отпаивала.

Он часто правильно отвечал, хотя и очень медленно... Но не реже он ошибался, да ещё как упорно! Раз сто повторила и объяснила: «Сумма внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам. Это — угол вполкруга!» Наглядное доказательство из пластиковых уголков выкладывала на столе миллион раз — с них даже краска облупилась.

Кошка бы запомнила, а он — никак!

Или элементарная задачка на понимание свойств стандартных предметов. Два идентичных маяка установлены: один — в долине, другой — на горном хребте. Какой маяк даёт больше света? По нормам все дети возраста Эла должны отвечать правильно: стандартные маяки везде одинаковы. А Эл всегда даёт неверный ответ, что маяк в горах будет светить ярче!

Не сумел освоить простое понятие стандартного изделия!

Билась, билась, а он — ни в какую... Пытается что-то сказать, да говорит какую-то чепуху, вываливая из своей головёнки кучу словесного мусора. Игра у него такая? Я не пожалела денег на образовательные телеканалы — вот он и наслушался разных слов, да и повторяет как попугай. На некоторые вещи у него память цепкая. Может, он — аутист? Пойти бы к хорошему специалисту, да где денег взять? Социальная страховка для бедняков не предусматривает дорогих консультаций.

Таблица умножения нас чуть не задушила. Выучим — с большим трудом! — норму его возраста: Эл отвечает, как полагается, и я радуюсь. Недели не проходит — снова сидит над «дважды два равно», кряхтит, пыхтит, потеет — но не пишет ответ, видно, снова забыл! И так — до бесконечности.

Нервы не выдержат, и начинаю на него орать. Он собирается в комок, как маленькая птица, и сам ревёт от моей истерики.

У меня сразу злость и проходит.

Обниму его — и горюем вместе.

Когда он засыпал у меня на руках, то я часами сидела неподвижно, волосики его нюхала. Глаза под тонкими прозрачными веками двигаются — видит что-то Эл в своих детских снах, ворочает какие-то кубики медленной головёнкой... Я как волчица — чую его аромат. Когда Эл заболевает, то запах его меняется, и меня в тревогу вгоняет.

Пусть тугодум, зато добряк. У меня пальто прошоркалось на локтях; сижу и гадаю, что сделать с этой развалюхой. Решила — кожаные заплатки наложить. Кажется, мода такая есть — вот и сойдёт за оригинальный стиль. Плохо только, что заплатки заметно новее всего остального.

Эл подходит и говорит — медленно, заикаясь:

— Мама, я вырасту и буду у-учёным или п-программистом... И куплю тебе н-новое пальто...

Слова часто тянет в конце: «пальто-о...»

— Купишь, сынок, купишь... Ты у меня молодец...

А сама думаю: «Не знаешь ты, бедняга, что программисту или учёному нужно иметь один из шести вариантов „умного“ генома — а у тебя ни одного из них и в помине нет... Анализ ДНК у всех берут, да не всех он радует. Если мы справимся и вытянем тебя на нормальную школу, то варианты твоей будущей работы — от запасного водителя, бездельничающего в старых киберавтобусах, до младшего клерка в банке. Нет, куда — клерком! — там шустрые нужны. Эл-медляга и туда не подойдёт... Разве что бумажки с пола доверят собирать...»

Иногда кричу навверх: боги, за что мне такое страшное наказание? И за чьи грехи маленькому человечку с робкой улыбкой досталась такая несправедливая судьба?!

Покричишь, погрозишь небу, успокоишься немного и думаешь: «Счастливым можно быть, работая хоть уборщиком. А я тебя никогда не оставлю, мой маленький сероглазый Эл, каким бы ты ни был тугодумом...»

Эл как-то за столом устался в одну точку и не шевелится. Долго сидел, потом стал морщиться, кривиться, а глаза всё куда-то смотрят... Потом ёрзать стал, раскачиваться и даже всхлипывать. Я его трясу — ты чего?

Наконец, очнулся.

Посмотрел на меня круглыми глазами да как крикнет: «В туалет хочу!» — и бегом к унитазу.

Ну как его надолго оставлять? Я могла бы работать — но как мой маленький Эл будет дома один? Киберняшка дорога, да и разве робот поймёт моего сына? Эл — всё, что у меня есть... никому его не отдам.

Мальчишки соседские дразнят его: «Эл-дурак! Эл-заика!» Он прибегает в слезах, жалуется: «Мама, меня зовут т-тупицей!» Я успокаиваю: «Ты просто задумчивый, а они злые! Лучше реши задачу, порадууй маму...»

Верну веру в себя, он слёзы вытрет, за задачки садится. Аж язык высунет — так старается, да всё — мимо, всё — неправильно...

Рассматривали книжку с картинками: красивый домик с трубой нарисован, а в середине зелёной лужайки — сизый чертополох.

— Мама, что это?

— Чертополох, такое растение.

— А для чего оно нужно?

— Ни для чего, чертополох — совершенно бесполезный сорняк.

— Почему же его не выдернули и не выбросили?

— Ну... оно же колючее, попробуй его выброси.

Эл думал, думал и говорит:

— Мама, а я — чертополох. И пользы никакой, и выбросить нельзя.

— Не говори глупостей! Да я всех остальных выброшу, а тебя оставлю!

Убеждаю его, а у самой слёзы в горле стоят, голос тонким делают.

Но с тех пор он часто зовёт себя чертополохом. И я его — когда сильно рассержусь. Но всё равно поласковой называю — *чертополошкой*.

Тянулась все эти годы на одно пособие и изо всех сил пыталась подготовить Эла к школе — бесчисленные задачи с ним решала, в упражнениях изошрялась, веру в успех поддерживала — и у него, да и у самой себя, если честно.

Апартаменты у нас шикарные — комната восемь квадратных метров, в углу — кухня на два стула. Теснота — это ладно. Да вот зелени никакой не завести, и на улице её нет — окна выходят на задний двор универмага. Штабеля ящиков и целый день грохот погрузчиков. Зато квартира дешёвая. Если окна выходят на улицу с газоном, то жильё в два

раза дороже. Смотрят на тихий сквер — в три.

Однажды купила на распродаже синий цветок в маленьком горшочке. Цветок две недели жив был, и Эл тарашился на его жёлтый кружевной зрачок часами. Я даже приревновала — ну что можно в цветке увидеть такого, чтобы целый день безотрывно смотреть?

Но потом и цветок осыпался — без света и земли.

Иногда выть хочется от зрелища тесных стен. Я в такой момент сразу за таблетки хватаюсь — не дай боже клаустрофобиком стать, замучаешься жить в городском муравейнике. Зато в снах я часто вижу широкие светлые залы, где можно бегать и кувыркаться, в которых просторно и цветам, и детям. Проснёшься потом — даже глаза открывать не хочется. Есть же богатые счастливчики — живут за городом, со своими палисадниками.

Там цветы, петрушка, а то и вишня может расти. Да хоть чертополох.

Но и тесной жизнью не дают пожить. Закончились наши с Элом спокойные годы. Школьный возраст стукнул: собирайся ребёнок в учёбу, а мать — в работу. Для детей бедняков школа бесплатная, зато пособие на ребёнка перестают выдавать — мать должна сама заработать на жизнь, пока сын учится.

Что же мне делать? Целый день без него, а ему без меня. Он это понимает и сидит рядом испуганным воробьём. А вокруг вон какие лбы бегают, уже свои компании собирают...

Старалась я, старалась его обучать, одно время даже дотянула его ай-кью до семидесяти — обрадовалась так, как никогда в жизни, а потом выяснилось — напрасно. За последний год его тесты снова упали — аж до шестидесяти.

Как его спасти?

Вот и тону я в немой панике и горячем отчаянии.

На днях Эл опять перепугал меня до дрожи.

Ужинали. Он сначала жевал, хоть и медленно, потом — перестал. Спрашиваю: «Салат вкусный?» Эл улыбается, смотрит на меня серыми глазами и не отвечает. «Почему молчишь? Что-нибудь ещё хочешь? У тебя температура? Ты заболел?»

Молчал, молчал и только спустя какое-то время начал отвечать: «Са-а-л-а-ат вку-усный!» Медленно говорит, как неисправный робот. Видно, что мозги Эла где-то далеко — и от меня, и от этого дрянного, если честно, салата. Раньше он так медленно не отвечал, был поживее. И чем дальше, тем хуже становится. Замедление началось два с половиной года назад. После того Рождества, будь оно проклято!

Вы пробовали жить в столице на одно детское пособие? Не пробовали? И не советую. Выжить можно, жить нельзя.

И с праздниками беда.

Особенно с Рождеством — кругом все бегают, детям подарки покупают. Самые лучшие выискивают: новомодных роботов, яркие электромобили, крылья на пневмодвигателях. Отличные подарки! Особенно цена хороша. Я хожу среди всех печальной вороной, денег на пластмассовую машинку — и то в обрез. Плакать хочется ужасно, а кругом все смеются и песенки поют. Неужели придётся класть в красный чулок пластиковый грузовик за десятку?

Я очень хотела сэкономить побольше к концу месяца и на приличный подарок насобирать... А на днях приходим с прогулки, Эл и говорит — ноги болят. Гляжу, ботинки водяные мозоли натёрли — малы стали.

Дети имеют дорогостоящее обыкновение расти.

Пришлось срочно покупать новую обувь и лекарство от мозолей. Вот и мель, приплыли. Отдыхаем до первого числа следующего месяца — когда на карточку капнет очередное пособие... не пособие, а слёзы. Но первого числа что-то дарить уже будет поздно! Конечно, мой Эл — отличный парень и не закапризничает из-за игрушки. Скажет в утешение, заикаясь: «Ничего, мама, зато у нас ёлка х-хорошая!» Конечно, хорошая: маленькая, да складная — только и дел, что вытащить из шкафа и украсить прошлогодней

мишурой...

У Эла был уже день рождения без подарка — я терпела, терпела, а потом спать его уложила и всю ночь ревела. И сына жалела, и себя. Самое тяжёлое унижение для матери — когда ребёнку не можешь купить игрушки покрасивее, фруктов побольше, одежды получше.

И вот опять — Рождество обмелелое выпало. Хожу по магазинам, хожу — да что толку. Доступные подарки уже изучила как свои пять пальцев. Ни на что глаза не смотрят. Выбираюсь, чертыхаясь, из детского супермаркета, а у выхода топчется рыжий высокий человек с нагруженной тележкой.

«Мадам, сколько лет вашему ребёнку?» Я машинально отвечаю и спохватываюсь. Сейчас свой товар начнёт нахваливать и всучивать. Не люблю я этих прощелыг.

Человек, действительно, делает радостное лицо и хватает с тележки какую-то коробку: «У нас как раз... для вас...» Ещё что-то лопочет. Я отмахиваюсь: «Нет у меня денег на вашу штуку...» Он и говорит: «А это совершенно бесплатный подарок вашему ребёнку!»

Ну-да, ну-да, нашли дуру — рыжим верить!

Бесплатный подарок с какой-нибудь кредиткой впридачу, за которую, знай, плати каждый месяц. Плавали — знаем. «Никаких подвохов! — уверяет рыжий. — Совершенно новый детский компьютер. Благотворительная акция династии Гринвич». Этим он меня и купил, собака. Королеву Николь я уважаю, плохое дело она не затеет.

Смотрю — и верно, компьютер с мозгом пятой модели. Плоский чемоданчик — симпатичный и сделан хорошо: у меня на такие вещи глаз намётанный. «Да такая штука стоит не меньше пяти сотен!» — продолжаю я сомневаться.

Ну все же знают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

Но рыжий человек уверяет, что никаких сюрпризов не будет, и буквально всовывает мне коробку — кажется, я ему надоела, — и начинает новую клиентку охмурять. Та быстрее меня сообразила — мигом выхватила у него из рук яркую глянцевую упаковку. Неужто повезло, и домой с подарком приду?

Пока шла, всё с королевой Никки мысленно говорила. Благодарила, благодарила и даже всплакнула. Вот ей икалось в тот день!

А как Эл был рад! Прилип к новой игрушке — а та сама с ним разговаривает, вежливо и рассудительно. Я на сэкономленную десятку ещё купила кулёк разных фруктов и сладостей — так что Рождество удалось.

Только потом незаметно Эл стал всё страннее и страннее — и я перестала радоваться неожиданному подарку и часто думала — зря благодарила королеву. Подарок с хитриной — кто знает, чему он ребёнка учит, пока я по магазинам хожу. У богатых свои резоны — может, они себе верных слуг воспитывают с помощью гипноза. Даже отнять пыталась компьютер, да Эл мне такую истерику закатил... — я плюнула и отступилась.

Иду как-то по улице среди ресторанов, полных весёлых людей, и такая тоска на меня вдруг обрушилась: почему я не могу жить как все? Почему я вынуждена считать каждую монетку, чтобы прокормить слабоумного сына?

Тогда я впервые назвала самой себе Эла слабоумным. И разъярилась страшно. По щекам себя нахлестала. Прямо на улице. Ты — его единственная надежда! У него никого нет, кроме тебя! Все вокруг считают его слабоумным, и он им станет, если ты, сволочь, с этим согласишься!

Да хоть нос себе расквась — факты не изменишь. Руки опускаются от бессилия и отчаяния; я свою жизнь посвятила Элу, но поможет ли это ему?

Страдаешь или плачешь, но всё равно — берёшь себя за шкуру: иди, буди сына, делай ему самый питательный и вкусный завтрак, какой можешь, — и занимайся, занимайся, занимайся...

Ломай камень голыми руками, поднимай неподъёмное...

Жили с Элом непросто.

Но пролетело время, и настал день школьного теста. Три пути у каждого ребёнка, три школы в округе: небольшая — для одарённых детей, огромная — для обычных и

специальная, крохотная, — для умственно отсталых...

Сидим мы в общей очереди на тестирование. Перед началом учебного года сюда собрали всех местных дошкольников. Сейчас и наша судьба решится.

О боги, о боги, где вы? Как до вас достучаться? Услышите мою молитву: пусть Эл попадёт в нормальную школу, не для дебилов...

Куда мне самой деваться потом? — не знаю и даже не думаю пока... И профессией никакой не владею, а если и наймут разнорабочей или домашней помощницей — у меня же всё из рук будет валиться: что без меня Эл поделяет?

Когда мысли не там, где руки, — это не работа, а наказание...

Всё, что я умею, — быть матерью Эла, да за это больше платить не будут.

Элу надоело сидеть на одном месте. Встал со стула, смотрит на других детей, подходит поближе.

Какой-то дылда-шустряк начальственно поворачивается к Эллу:

— Тебя как зовут?

Эл всегда с замедлением отвечает, после длинной паузы. Шустряку это не понравилось:

— Чего молчишь? Немой?

И — хлоп! — ударяет Эла ладонью в лоб. Сын отлетел, шлёпнулся на землю.

Я вскочила, бросилась его поднимать. Не знаю, что бы сделала с тем мальчишкой, — да мамаша его тут как тут:

— Ой, извините, мой мальчик такой бойкий! Ничего страшного, дети играют!

Меня всю трясёт от злости, слова сказать не могу. А дылда из-под руки матери кричит:

— В школе встретимся, придурок!

Я схватила Эла и отвела на место. Хорошо школа начинается, просто отлично!

Но тут вся ерунда вылетела из головы: Эла вызвали на тест.

Я сразу от испуга съёжилась. Нормальная школа с дылдами — плохо, а школа для олигофренов — вообще катастрофа. Крест на всей жизни.

О боги всех небес, помогите моему мальчику стать нормальным ребёнком и счастливым человеком!

Сижу, ёрзаю — мозоль вот-вот будет, чего только не обещаю всем неведомым силам...

Обычно дети после тестирования выходят через полчаса. Их выводят сотрудники центра и вручают родителям распечатку с результатом тестирования.

Следующий!

Родители сразу утыкаются в полученные бумажки, а уж дома-то исследуют каждую строчку и буковку. Что сулит будущее их сыну или дочери? Какую профессию им советуют выбрать?

Эла уже час нет. Я сижу на стае ежей, и сил моих никаких больше нет.

Полтора часа. Ну, всё — проблемный ребёнок, оформляют документы в специальную школу.

Я стала глохнуть, в ушах звон стоит.

Вышел круглолицый человек в зелёном халате, покрутил головой и ко мне:

— Пройдёмте со мной, мисс Дженкинс.

А Эла всё ещё нет!

Остальные родители стихли, на меня уставились, зашептались:

— ...у неё сын... да, я знаю... наверное, тест не прошёл...

Никого другого внутрь не звали. Наверное, слабоумных детей в зале больше нет, кроме моего бедного Эла.

Во мне такая злость вспыхнула, что сердце опалила. Я встала, обвела всех вызывающим взглядом и пошла за человеком в халате.

Быстро скисла, иду еле живая. Хромаю — нога почему-то онемела, отсидела, что ли? Какая глупость в голову лезет...

Где тут мой чертополошек притулился?

Человек в зелёном заводит меня в пустую комнату. Пытается шутить, зачем-то говорит,

что его зовут Жюльен, и вообще несёт какую-то чушь.

— Где мой сын?! — истерично спрашиваю. Хочу спокойно, а получается крик.

— Он ещё не закончил тест, а с вами хочет поговорить мистер Уолкер.

Входит другой человек — уже в белом халате. Здравается.

— Присаживайтесь, миссис Дженкинс!

Да какое там «присаживайтесь»!

— Что с моим сыном?! Он нормален? Он сможет учиться в школе?

— С вашим сыном всё очень непросто, — сказал с паузой человек. На него упал свет лампы, и я вздрогнула. Вот это какой мистер Уолкер! Муж королевы Николь! Что здесь происходит?

Ноги подкосились, и я села, не глядя. Каким-то чудом оказалась на стуле, а не на полу.

— Мы не смогли определить оптимальные образовательные и профессиональные параметры для вашего сына, — продолжает своё мистер Уолкер.

Я слушаю его в полной панике, ничего не соображая.

— Дело в том, что мы вписываем эмоционально-интеллектуальную матрицу ребёнка в прогнозируемый социальный фон и находим математическое решение для оптимального соотношения индивидуальной матрицы и общественной среды...

Он объясняет, а я еле удерживаюсь от слёз и думаю с яростью: «Да не тани ты, чёртов король, говори всю правду...»

— ...Мы можем выполнить такое моделирование, только если индивидуальная матрица является малым возмущением общего социофона...

«Меня сейчас вырвет, ты это понимаешь, учёный сухарь?»

— ...но матрица вашего сына оказалась совершенно аномальной — мы не можем принять её в качестве малой величины! Для таких случаев мы ещё не разработали методики тестирования. Поэтому мы не можем дать вам обычных рекомендаций...

— Это случилось из-за его компьютера?

— В какой-то степени — да, но мы раздали уже три миллиона таких компьютеров и ни разу не наталкивались на такую реакцию...

— Я вас не понимаю! — кричу или шепчу из последних сил. — Мой сын сможет учиться в школе?

— В школе? Нет, это было бы неразумно! — удивился мистер Уолкер. — Ему нужен специальный колледж.

«ВСЁ! КОНЕЦ!»

— Спецшкола для слабоумных? — угасающим голосом спросила я. Сейчас упаду со стула. Уже качаюсь.

— Нет, нет, ваш сын вовсе не слабоумен! — возразил мистер Уолкер. — Разве вы не понимаете значения того факта, что матрица вашего сына не является малым возмущением?

— Нет, не понимаю... — а перед глазами всё плывёт.

— Это означает, что интеллект вашего сына способен оказать столь сильное воздействие на развитие общества, что оно уже не может рассматриваться как неизменяемый фон для моделирования его судьбы. В данном случае требуется нелинейное психосоциальное моделирование, чего наука ещё не умеет делать.

— А что же мне делать? — слабым голосом бормочу я.

— Вы должны согласиться на колледж!

— Какой колледж? У меня нет никаких денег... Бесплатная школа — это всё, что я могу себе позволить.

— Извините, я плохо объясняю, — говорит мистер Уолкер. — Колледж будет создан СПЕЦИАЛЬНО для вашего сына. За счёт династии Гринвич. Пока мы не нашли других таких же умных детей, он будет единственным студентом. Его будет учить целая группа профессоров. За ним будут наблюдать врач, психолог и генетик — ведь речь идёт о седьмом интеллектуальном геноскладе, ещё не изученном и, кажется, самом могучем... чуть не проморгали вашего мальчика... хорошо, что я сам присматривал за тестом. Полагаю,

потенциал этого геносклада труднореализуем, но ваши постоянные занятия с Элом и помощь обучающего компьютера совершили настоящее чудо...

Я ничего не поняла, кроме того, что у меня сына забирают куда-то для научных опытов. Да как он там будет один?! Стала защищаться как могла — лишь бы его не отняли:

— У него плохие тесты, он отвечает на половину вопросов неправильно!

— Он отвечает неправильно с точки зрения человека, задающего вопросы дошкольнику. На самом деле он просто отвечает на другом уровне — опережая сверстников лет на десять–пятнадцать. Некоторые его ответы просто поразительны!

— Он, дурачок, говорит, что железо горит.

— Но ведь железо очень ярко горит! Только в чистом кислороде. Мы проверяли — Эл нигде об этом не читал, а определил сам по таблице Менделеева. Как он об этом догадался? Ума не приложу. Надо будет этим специально заняться.

Я кричу:

— Он не способен даже понять, что сумма внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам!

Мистер Уолкер удивился:

— Разве вы не знаете, что в неевклидовом, искривлённом пространстве — а у нас оно именно такое — эта сумма не равна ста восьмидесяти градусам? Стоит нарисовать треугольник на поверхности шара и измерить...

— Он таблицу умножения не мог запомнить!

— Мне трудно объяснить в двух словах, но есть системы или пространства, где таблица умножения выглядит совсем не так. И Эл каким-то невероятным чутьём или интуицией это понял! Он отвечает медленно, потому что видит часто второй, а то и третий уровень ответа на вопрос, а ответы разного класса отличаются кардинально или даже противоречат друг другу...

— Он не разобрался в задаче про маяки, — я стала совсем невнятной, но мистер Уолкер меня понял:

— Эл отвечал в логике общей теории относительности. Ваш мальчик сумел самостоятельно разобраться в теории Эйнштейна! Понять суть риманового пространства в таком возрасте! Мы никогда не сталкивались с таким уникальным стилем детского мышления...

Я как заору:

— Не отдам Эла! Он останется со мной!

Мистер Уолкер здорово растерялся.

— Что вы, что вы! Никто его у вас не забирает! Вы, конечно, поедете вместе с ним. У вас будут просторные апартаменты в замке королевы Гринвич. С видом на озеро и парк... вернее, лес. Мальчику нужны прогулки на свежем воздухе. И учиться он будет там же. Ему будет с кем дружить — у нас в замке немало детей, включая принцессу Сюзан и принца Майкла. Они неплохие ребята и Элу понравятся.

Король Уолкер наклонился ко мне и стал горячо убеждать:

— Поверьте: ваш сын представляет величайшую ценность для всего человечества! Возможно, он спасёт наш мир... или откроет ему новые дороги... Нам с вами нужно сделать всё, чтобы мальчик получил оптимальную среду для своего развития и самое наилучшее образование. Поэтому вас тоже примут на высокооплачиваемую работу в колледж для Эла. Фактически, вы будете работать матерью Эла. Вы согласны? Или вас что-то удерживает в городе?

Вот тут я сломалась и заревела в полный голос. Белугой. Пожарной сиреной.

Мистер Уолкер засуетился, куда-то стал звонить, а я плачу, как дура, и никак не могу остановиться.

Ах ты мой чертополошек...

Глава 6

Остров робинзонов

Они уже отставали от расписания, а Никки всё ещё принимала душ.

— Быстрее, мама, по дороге домой! — крикнул нетерпеливый Майкл в т-фон.

Наконец, машина тяжело взлетела и взяла курс на запад. От тихоокеанской резиденции династии Гринвич до намеченного острова был час лёту. Предотъездная суматоха всегда утомительна, и, когда пилот вышел на заданную высоту, все потянулись к стаканам с питьём. Джерри заодно раздал всем пилули для ускорения адаптации к земной тяжести.

Майкл был возбуждён перспективой оказаться на необитаемом острове, но Сюзан хранила высокомерный вид — подумаешь, остров! Подумаешь, необитаемый!

Мальчик взял чашку кофе, пластиковую трубочку и спросил:

— Папа, можешь сделать механический двигатель на тепловой энергии — не вставая из-за стола и сделав только одно движение рукой?

— Нет! — подумал и озадаченно ответил Джерри.

— А я могу!

Мальчик проложил длинную пластиковую трубочку поперёк чашки с горячим кофе.

— Смотри!

Трубочка нагрелась тёплым воздухом, поднимающимся от чашки, и выгнулась дугой — кончиками вверх. Но это положение оказалось неустойчивым, трубочка покатилась и перевернулась — дуга стала смотреть кончиками вниз. Через несколько секунд верх трубочки остыл, а низ нагрелся, и трубочка опять выгнулась вверх концами — и перекатилась на старое место.

Кофе медленно остывал, а трубочка, подогреваемая тёплым воздухом, мерно каталась по краям чашки — назад... вперёд... снова назад...

— Блеск! — уважительно сказала Никки. — Действительно, механический двигатель, работающий на тепловой энергии горячего кофе. Тебе нравится твой учитель физики?

— Да! — с энтузиазмом подтвердил Майкл. — Он знает массу интересных штук. Например, в прошлый раз он показал, как можно сверлить в толстом льду тонкие дырки с помощью воздуха.

— Как это? — удивилась мама.

— Да надо просто умело заморозить воду! — веселился мальчик. — И тогда пузырьки воздуха сами проделают во льду множество червоточин! А ещё он доказал нам, что вода может кипеть даже при комнатной температуре!

— Он, наверное, понижал давление воздуха? — спросила Никки.

— Да, — кивнул сын. — Учитель поставил стакан обычной воды под вакуумный стеклянный колпак и стал откачивать воздух — и вода закипела! Холодная! Всем очень понравилось.

— Я рад за вас, — улыбнулся Джерри. — Хороший учитель — одна из главных удач в жизни.

Двигатели изменили тон, и машина наклонилась. Майкл прильнул к иллюминатору:

— Остров! Вот он! Необитаемый!

Они разбили бивуак в рощице пальм рядом с пляжем.

Джерри с Майклом немедленно умчались к воде: проверять — мокрая ли.

Сюзан осталась возле матери и вдруг спросила:

— Мама, а почему люди разводятся?

— Ну... когда люди слишком долго живут вместе и слишком хорошо знают слабости и тайны друг друга, у них возникает желание избавиться от опасного свидетеля.

— А почему ты с моим отцом... развелась?

Никки вздохнула. Вот и настал этот сложный день.

Она честно рассказала дочери о событиях тех лет, когда равновесие сил на Земле зависело от рождения Сюзан.

— Ты самый важный ребёнок на Земле, принцесса Сюзан. Твоё рождение стало основой союза Северных и династии Гринвич. Вот Майкл — обычный ребёнок...

— Я тоже хочу быть обычной, чтобы в доме у меня были и мать, и отец! Я не хочу быть самым важным политическим ребёнком!

Голос Сюзан звенел. Никки нахмурилась:

— К сожалению, жизнь редко спрашивает, что мы хотим. Я вообще выросла без отца и матери. По сравнению со мной, у тебя избыток родителей. Будут конкретные предложения — приходи, обсудим.

— Почему вы распорядились моей жизнью без меня?!

— Если бы мы не достигли соглашения, то ты не появилась бы на свет. Пойми: или ты родилась бы в том статусе, который тебе так не нравится и из-за которого ты сейчас скандалишь, или ты вообще бы не родилась.

— Вообще?! — взвизгнула Сюзан.

— Да. Ты уже достаточно взрослая, чтобы осознанно подумать о собственных детях. Если ты решишь их не иметь — они никогда не появятся на свет. Ты для своих детей бог, но увы — не авторитет. Убедишься в этом сама, когда они будут ссориться с тобой.

Сюзан фыркнула и гордо зашагала на берег, где сидели уже искупавшиеся Джерри с Майклом. Оттуда доносился их горячий спор:

— Точка автомобильного колеса, которое мчится со скоростью двести километров в час, неподвижна относительно земли? Папа, это смешно! Тогда автомобиль ехал бы, оставляя куски шин на земле. Это же простая логика!

Отец пытался доказать:

— А прыгун с шестом — движется? Да. А конец его шеста движется? Нет. Его можно даже жвачкой приклеить в момент прыжка...

Но Майкл только недоверчиво качал головой.

Пока Сюзан дошла до пляжа, младший брат-непоседа уже сменил тему:

— Папа, я вчера смотрел фильм о Первой мировой войне. Я ничего не понял — весь мир стал воевать из-за ерунды. Какой-то один террорист, какие-то обмены нотами — и началась война с десятью миллионами убитых солдат! Мирных жителей погибло ещё больше. И победители ничего особенного не выиграли. Что за бессмысленная бойня?

— Я выскажу свою точку зрения — человека, который много занимался социомоделированием. Причины Первой мировой войны выглядят несущественными, но сама война была неизбежна.

К началу двадцатого века весь мир контролировался империями: британской, немецкой, российской, австро-венгерской, османской, японской... Такой мир нестабилен — он образован чересчур острыми иерархическими пирамидами. Слишком много зависит в нём от решения одного человека, для которого личные интересы и обиды могут оказаться выше интересов общества.

После двух мировых войн — а Вторая мировая была попыткой переиграть результаты Первой — мир кардинально изменился. Все империи были разрушены, и им на смену пришли демократические государства с более пологими властными пирамидами, решения в которых принимались широким кругом людей, выбранных народом. Для предотвращения войн даже появилось всепланетное правительство — Организация Объединённых Наций. Так что мировые войны сыграли очень важную роль в истории: земная цивилизация приготовилась к эпохе ядерных бомб. Представляешь себе опасность морально устаревших монархических империй с современными термоядерными ракетами?

Сюзан подала реплику:

— Но ведь мама — тоже королева. И дедушка Шихин — король! Значит, они тоже морально устарели?

Джерри засмеялся:

— Власти, которую имеют отдельные современные династии, не хватит для развязывания настоящей войны. Короли подчиняются ооновским законам и решениям, как и

остальные люди. Современные династии — это просто очень крупные семейные компании, а королевские титулы — лишь рекламный трюк. Или утеха самолюбия. Но, конечно, многие короли со мной не согласятся.

Принцесса Сюзанна фыркнула и сказала:

— Пошли купаться, философы-бездельники!

Белый песок дымился в прозрачной толще набегающей волны. И растворялся, оседал хрупкой крупой на плавники... нет, на ступни.

Накупавшись, робинзоны отправились исследовать берег, идя вдоль дюны и частенько забираясь в мангровые заросли.

Майкл опасливо глядел под ноги:

— Я боюсь змей! Как только природа создала таких ужасных тварей!

Отец сказал:

— Правильно делаешь, что боишься. Но учти: именно ядовитые змеи дали толчок разумной жизни, заставив обезьян совершенствовать зрение и мозг — для того, чтобы вовремя заметить столь мелких и столь опасных врагов. Для распознавания ядовитых змей обезьянам приходилось запоминать пёстрый узор на спине чешуйчатых рептилий. Многие люди до сих пор боятся змей до судорог.

— Помнят, обезьяны! — ухмыльнулась Сюзан.

Майкл был находчивый весельчак, а Сюзан — мрачновата и немного цинична.

Сон у Майкла был завидный и крепкий, как боровик. Сюзан засыпала плохо, много читала по ночам и любила шокировать окружающих:

— Изумрудная оса *Ampulex compressa* уколom в мозг зомбирует таракана. Он перестаёт выбирать дорогу сам, и оса, сидя на спине таракана, держит его за усы и ведёт к гнезду. Потом откладывает в живот своей жертвы яйца. Вылупившись, молодые осиные личинки сжирают живого, но безвольного таракана.

— Тебе его жалко? — спросила Никки.

— Не знаю, — задумчиво сказала Сюзан. — Может, жизненным предназначением этого глупого некрасивого таракана и было — стать едой для гордых и умных ос?

— Не думаю, что таракан бы согласился с твоим мнением!

— А кто спрашивает его согласия?

Вот и сейчас Сюзан ехидно заявила Майклу, сидящему напротив неё на береговом камне:

— Не бегай глазами! Взгляд выдаёт социальный статус человека. Солидные люди водят глазами медленно, им некого бояться. Лишь несерьёзная мелочь шныряет глазами — опасность ищет или прокорм высматривает.

— Зануда! Мне просто всё интересно и на всё надо успеть посмотреть! Мама, а почему ты не загораешь?

— Загар любят женщины низкого интеллекта. Все остальные уже узнали про вред ультрафиолета.

Джерри тоже был в рубашке, а детей он тщательно обрызгал солнцезащитным составом.

В кустах заскрипела какая-то красно-лохматая птица. Колибри подлетела к яркому цветку на рубашке Джерри, разглядела обман, плюнула с досады и умчалась.

Никки сказала:

— Когда мимо меня пролетает колибри... или зависает над цветком неподалёку... то на душе становится радостно, словно от хорошего известия.

Вечером они сидели у костра.

С пляжа доносился деловитый размеренный шум вечерней волны.

Море работало круглосуточно.

— Папа, а сейчас здесь зима?

— Да, это Северное полушарие, и сейчас декабрь. Но наш остров так близок к экватору, что здесь в декабре теплее, чем во многих странах летом.

— Какой отличный декабрь! Приглашаем ваше лето погреться у нашей зимы! — засмеялся Майкл.

Сюзан, оттаявшая к вечеру, спросила у матери, работающей с ноутбуком:

— Мама, почему ты всегда делаешь доклады на память, а не читаешь их с ноутбука?

— Человеческое ухо отлично улавливает заученность монологов экскурсовода или интонации, возникающие при чтении доклада по бумажке. Эти интонации сразу вгоняют слушателя в сон. Между прочим — было бы интересно узнать, как мозг распознаёт такое чтение и почему он считает, что на таком докладе стоит поспать. Надо подбросить эту тему нашим учёным.

Пламя ласково оббивало кольцами морщинистые чёрные поленья и издавало тихий трепещущий звук, словно флажок на ветру.

Потом все забрались в палатку.

Снаружи по вертикальному стеклу палатки ловко прыгала лягушка — ловила мошкарку, привлечённую светом изнутри.

Майкл никак не мог уговориться:

— Папа, я видел по телевизору открытие вегетарианцами памятника съеденным животным. Там есть корова, козлёнок, курица, кролик, карп и краб. А почему все шестеро животных — на букву К?

— Это загадка! И полагаю, она никогда не будет решена.

— Слишком сложная?

— Мм... не слишком интересная. Спи!

Дни просто бежали, наполненные ветром, солнцем, купанием, рассматриванием рыб и кораллов.

Никки сказала с удовольствием:

— Для того чтобы не переставать любить людей, нужно иметь возможность хотя бы изредка бывать на необитаемом острове.

Майкл и Сюзан всё-таки загорели и стали выглядеть не как городские альбиносы, а как настоящие аборигены.

Масса приключений спрессовалась в еле подъёмный, полупрозрачный и пряный пласт. Пляжи были белые, чёрные и зелёные: коралл, вулканические пемза и оливин. На пляжах спали морские черепахи. В прочных панцирях виднелись трещины — океанский прибой, сговорившись с рифами, любит пробовать на прочность.

В одной из бухт нашёлся на берегу ржавый до сердцевины корабельный двигатель.

— Папа, кто тут разбился?

Отец пожимал плечами, а рифы что-то смущённо бормотали.

Горы, нависающие над побережьем, были изрезаны изумрудными долинами, заросшими дождевыми джунглями. Берег изобиловал пальмами и кустарником, но иногда превращался в чёрное лавовое поле в редком ковыле. В трещинах вулканического шлака росли красные цветы — словно светилась неостывшая лава.

Майкл и Джерри сидели вечером на берегу и смотрели на звёзды. Рядом горел большой факел. Никки в палатке вела с кем-то переговоры, а Сюзан сказала, что лучше почитает.

— Папа, я давно хочу тебя спросить... — странно замялся Майкл.

Джерри насторожился. Дети любят задавать неудобные вопросы.

— Скажи мне — что такое тензор? Вы так часто с дядюшкой Хао о нём говорите...

Джерри тяжело вздохнул. Лучше бы Майкл спросил обычное: откуда берутся дети. Но отступать некуда: если не отец, то кто расскажет ребёнку про тензор?

— Пойди, проверь — тёплое ли море? — попросил он сына. Майкл послушно встал, опустил руку в солёную колышущуюся воду, полную бликов от горящего факела.

— Очень тёплая!

— А куда направлена температура у воды? — вдруг спросил отец.

— Как это — куда? — растерялся Майкл. — Никуда. Температура просто есть — она приклеена к каждой капельке воды.

— Верно, — согласился Джерри. — Температура не имеет направления. Запомним это и пойдём дальше.

Он воткнул суставчатую тростинку в песок, слегка наискосок.

— А эта палочка имеет направление?

— Да, она направлена на вершину пальмы.

— Пусть эта палочка будет всегда воткнута в эту точку. Но направление её может меняться. Сколько чисел нужно, чтобы задать направление тростинки? Например, я звоню тебе по т-фону и тростинки не вижу, а мне нужно точно знать — куда она направлена.

— Па-адумаешь, проблема, — пренебрежительно сказал Майкл. — Пусть направление на океан будет двенадцатью часами. Ты звонишь, а я сообщаю — палочка смотрит на девять часов — то есть налево, вдоль берега, и наклонена к вертикали... ну... примерно на тридцать градусов.

— Мне нужно знать, где находится конец палки, которую я никогда не видел.

— Тогда ещё говорю её длину — два фута.

— Итак, три числа задают положение кончика палки и её направление?

— Да.

— А теперь втыкаем туда же ещё одну тростинку, покороче... вот так... и наклоняем её в другую сторону. Для характеристики такой конструкции сколько нужно будет чисел?

— Папа, не задавай детских вопросов! Шесть.

— Извини, я просто стараюсь быть методичным. Конструкция из двух векторов уже гораздо богаче — например, мы можем натянуть на эти две палочки параллелограмм — две его стороны будут совпадать с этими тростинками, а ещё две параллельно повторят их.

— Это похоже на ромбовидный парус у лодки! — воскликнул Майкл.

— Верно! — радостно согласился отец. — Очень хорошее сравнение. Давай им воспользуемся. Представь — плывёт яхта с мачтой, реей и бушпритом. Между этими тремя отрезками натянуты два паруса. Лодка качается, делает повороты; вектора мачты, бушприта и реи смотрят в разные точки — то в небо, то в море. Но паруса всё время натянуты между мачтой и реей, мачтой и бушпритом.

— Правильно, когда плывёшь на лодке в океане, то лучше паруса не сворачивать.

Джерри озабоченно подумал, что любая аналогия содержит утрату точности. Но сейчас важнее было добиться общего понимания у Майкла природы тензора. Время деталей и частных ещё придёт.

— Итак, положение двух парусов между трёх векторов можно задать числами координат относительно лодки. Теперь слушай внимательно: температура, не имеющая направления, называется скаляром или тензором нулевого ранга. Скаляр характеризуется одним числом. Тростинка, воткнутая в песок, — это вектор или тензор первого ранга, который задаётся тремя числами. Паруса у лодки можно описать тензором второго ранга, для определения которого в пространстве нужно знать девять чисел. Обрати внимание — эти числа-координаты бегают, мерцают по знаку, могут даже обращаться в ноль, но устойчивые тензорные характеристики не исчезают никогда: стрела всегда сохраняет свою длину, а паруса — площадь. То есть тензор помогает мне избавиться от несущественных изменчивых деталей и даёт возможность определить главное, например не сбили ли пираты мою мачту.

— Ага! Тензорное исчисление помогает вам с дядюшкой Хао управлять вашими моделями, держать их правильно по ветру.

— Похоже, — согласился Джерри, — но только мы используем тензоры высших рангов — и не в трёхмерном, а многомерном пространстве. Это мощное средство для учёного. Многомерный тензор высших рангов — это величественный корабль, одетый в громаду белоснежных парусов. Каждый парус натянут на реях и тросах со своими координатами, и в сумме паруса образуют единую устойчивую конструкцию,двигающую

корабль в нужном направлении. Человек, освоивший тензорный анализ, равен командующему эскадрой многопарусных кораблей.

— Красиво, — с уважением сказал Майкл. — Значит, математики — это адмиралы!

— На другое равенство званий я бы не согласился! — усмехнулся отец.

Волна без усталости гладила берег по голове. Он не возражал.

— Папа, почему вы с мамой всё время помогаете людям?

— Ну... нам нравится это делать.

— А почему?

— Хм. Есть люди, которым нравится залезать на высокие горы или поднимать самые тяжёлые штанги, собирать почтовые марки или рецепты приготовления улиток. Но многие люди живут в тисках бедности и безнадёжности... — и это такое счастье: помочь им. От этого становится лучше на душе.

— А вы всем помогаете?

— Всем, кому сможем. Если сил на всё не хватает — помогаем тем, кому мы нужнее всего, например, детям. Мой отец — твой дед — разработал гениальную модель предсказания будущего всего человечества. А я пытаюсь превратить эту глобальную социомодель в способ предсказания судьбы отдельных людей. Это особенно важно для детей: они часто растут в бедных и малообразованных семьях, но имеют право быть счастливыми. Им нужно помочь выбрать правильную профессию, рассказать, в каких областях человеческой деятельности они достигнут наибольшего успеха. Заодно и предсказать им, какие работы будут популярны в ближайшие полсотни лет.

— А дед был великим учёным?

— Да, несомненно.

— А ты?

— Я не стараюсь быть великим, я стараюсь быть нужным. Слишком многим надо помочь. Добин-Го сказал, что честный человек всегда живёт с чувством вины.

Майкл долго молчал, смотря в звёздное небо.

— Ты говорил, что у Веги есть несколько планет, — вдруг он сменил тему разговора.

— Да.

— А если сейчас на одной из веганских планет обижают детей?

Нет, Майкл не менял тему, но странно повернул её.

— Когда мы долетим до Веги, то поможем и им.

— А если они живут в очень далёкой галактике?

— Боюсь, что большинство цивилизаций во Вселенной должны обойтись без нашей помощи — мы просто не сможем до них добраться.

— Это очень плохо, папа! Ведь этим далёким существам тоже нужна помощь... Вдруг их звезда взрывается, или планета остывает... И они все-все могут погибнуть!

— Мы бессильны в этом случае.

— Неужели ничего, совсем ничего нельзя сделать?

— Ничего, сын. Сверхсветовые полёты невозможны, а любые досветовые корабли не смогут доставить помощь в дальние точки Вселенной. Даже если где-то гибнет целая цивилизация, то мы ничего не можем для неё сделать...

Майкл побледнел. Его потрясла мысль, что прямо сейчас где-то терпит бедствие целый мир — тонет, как корабль с пробитым бортом.

Джерри с беспокойством смотрел на сына:

— Майкл, сначала нужно помочь тем людям, которые живут рядом с нами...

Мальчик долго молчал, привалившись к отцовскому плечу и глядя в небо.

Потом он заснул, и отец отнёс его в палатку.

Джерри не мог даже представить — к каким невероятным последствиям приведёт этот ночной разговор отца с сыном.

Но Майкл запомнил этот вечер и часто думал о неведомых разумных существах, которые где-то далеко в космосе тонули, горели или умирали другим мучительным образом,

поднимая плачущие глаза к небу.

А оно равнодушно смотрело на их страдания и не протягивало руку помощи.

Глава 7

Трудная дорога

Э тот день начался обычно — с обсуждения сложнейшей проблемы, которая занимала их мысли.

Никки стояла у окна и смотрела на величественную панораму Гринвич-Сити.

— Значит, всего этого недостаточно? Мы охватили дистанционным обучением десятки миллионов детей, которые получают хорошее образование и станут замечательными людьми.

— К сожалению, этого недостаточно. Расчёты по-прежнему утверждают, что общественное пассивное сопротивление переменам будет нарастать — и это уже подтверждается социологическими данными. Для качественного изменения ситуации нужно воздействие в масштабах миллиардов людей. Их отношение к миру надо как-то изменить. Пока у человечества слишком много дураков, пессимистов и просто озлобленных на жизнь людей. Им надо всем помогать. Каждому!

— Что же делать?

— Ответ известен: думать.

Никки вздохнула, возвращаясь мыслями к текущим делам, и пожаловалась:

— Джерри, эти экономические науки меня доконают. Биржи, акции, кредиты, фьючерсы. В них даже Робби путается и толком объяснить мне ничего не может.

Джерри посоветовал:

— Прослушай популярный курс лекций профессора Алессандро Баранова. Я не согласен с рядом его соображений, но лекции Алессандро многое проясняют. Он, с одной стороны, представитель старой школы биржевиков, а с другой — бунтарь-одиночка, который никаких профессиональных секретов не скрывает и туман не наводит, а режет правду-матку в глаза. Но учти одно: даже физические процессы не свободны от воздействия наблюдателя, а общественных процессов, независимых от людей, вообще не найти. Как-то исследователи медицинской статистики удивились: мужчины одного американского штата подвергались определённой хирургической операции в два раза чаще, чем мужчины другого штата. Чем вызван такой скачок заболеваемости? Были проверены различия в условиях жизни, образовании, корреляции с другими болезнями — ничто не объясняло такой всплеск. Потом выяснилось, что между штатами в два раза отличалось лишь количество хирургов, специалистов по данному заболеванию.

— Так что же первично, а что вторично? Количество больных или врачей?

— Хороший вопрос. Известно, что юристы активно создают собственный рынок — выискивая всё новые и новые причины для судебных исков. Есть мнение, что многие законы, которые составляют юристы, переусложнены именно для того, чтобы люди, толкующие законы за деньги, не остались без работы. Экономике тоже пока нельзя рассматривать в отрыве от экономистов.

— Кошмар! — Никки была ошарашена. Всё-таки в глубине души она оставалась дикой и наивной Маугли.

И вот она слушает вводную лекцию приземистого, седого и лысоватого, но удивительно живоглазого профессора Алессандро. Глаза «неистового Алессандро» метались от записей к слушателю, от экрана к камере, горели, смеялись, негодовали.

— Экономика — молодая наука, она появилась существенно позже возникновения государств, гораздо позже развития торговли и бизнеса и даже позже науки о риске и целесообразности. Экономика родилась вместе с анализом большого числа статистических данных, что позволило делать выводы, прогнозы и обобщения.

К XX веку во многих науках были построены краеугольные теории, которые

обеспечили развитие этих наук на десятилетия и столетия вперёд. В химии это была периодическая система химических элементов Менделеева, в биологии — теория эволюции Дарвина, в физике — теория относительности Эйнштейна.

Но в экономике до сих пор нет общепризнанной фундаментальной теории, определяющей основные тенденции развития научной экономической мысли. Я думаю, что краеугольным камнем нашей науки станет учение о спектре экономических циклов в человеческой цивилизации, но об этом мы поговорим попозже.

Экономика как система научных знаний появилась в конце XVIII века и сразу заслужила репутацию «мрачной» науки — благодаря прогнозам Роберта Мальтуса, который на основе имеющихся данных предсказал неизбежность мирового голода. Экономисты не балуют обывателя оптимизмом, обычно обсуждая удручающие темы: безработицу, массовый голод, спад производства, кризис, бедность.

Мрачная репутация экономики и сейчас заслужена: экономисты — это единственные люди, предупреждающие нас о трудном выборе и компромиссах. Прогнозы и заключения экономистов, которых общество воспринимает как неприятных реалистов общественных наук, всегда непопулярны.

Диана Койл сказала, что экономика — это скептицизм, применённый в отношении человеческого общества и политики. Экономисты постоянно задаются вопросами... Почему наступил кризис? Будет ли работать предложенная экономическая политика? Кто получит выгоду в результате уменьшения банковского процента кредитования?

Профессор остановился и быстро осмотрел аудиторию.

— Выскажу глубоко личное мнение. В античной Греции и Риме философия была наукой обо всём, а все науки назывались философией. Экономика родилась в эпоху Просвещения как течение мысли, в основе которого лежит поклонение силе разума, сформировавшее современную науку и демократию. Но ни одна наука не способна достичь уровня прагматизма экономики. Я верю, что экономике ещё предстоит стать — по степени влияния на умы — аналогом философии. Экономика как философия продвинутого общества будет особым подходом, применяемым к людям и компаниям, отраслям промышленности и государствам. Это образ мыслей, который предполагает большое уважение к эмпирическим фактам и внимательное изучение экономических данных и закономерностей. Экономика — наука и о взаимосвязях в обществе, и о поиске этих взаимосвязей.

Алессандро повернулся и бодро взбежал на кафедру.

— Вернёмся к официальной истории экономики. Экономическое объяснение никогда не является единственным, но оно создаёт важнейшую основу для политических и социальных объяснений. Очень часто экономисты вынуждены быть проводниками политики; разные специалисты на основе одних и тех же эмпирических данных приходят к противоречивым выводам в зависимости от собственных политических предпочтений. Становление науки экономики предполагает полное выдавливание из неё политики.

В XIX веке экономика была детерминированной наукой, гласившей: стоит лишь чётко установить факты и проанализировать их на основе законов — и тогда будущее станет понятным. Питер Бернштейн писал о том счастливом и наивном времени: «Представители классической экономической науки рассматривали экономику как свободную от риска систему, автоматически ведущую к оптимальным результатам. Они уверяли, что её стабильность гарантирована».

Но в 20-х годах XX столетия в квантовой механике появилось принципиальное соотношение неопределённости Гейзенберга. В это же время важная роль неопределённости была осознана и в экономике. Чикагский профессор Фрэнк Найт сформулировал это так: «В экономике проблема неопределённости неизбежна, потому что сам экономический процесс нацелен в будущее». И эта мысль обусловила дальнейшее развитие экономических теорий. Детерминированные экономические законы дополнились стохастической игрой.

«Неистовый Алессандро» повысил голос:

— К началу XX столетия человеческая цивилизация вступила в новую стадию своего

развития, территория Земли была полностью поделена сильными державами, скорость оборота и объёмы товаров на мировых рынках резко возросли. Расцвели и биржи.

Если в XIX веке финансовые инструменты были возможностью для очень узкого круга людей, то в начале XX века финансовые спекуляции стали массовым явлением. Биржевые торги были сродни драме высоких страстей и комедии низкопробных оплошностей. Операционные залы финансовых бирж были похожи на театр даже внешне: все торги шли с голоса. Биржевая торговля была трудно отделима от мошенничества. На финансовых рынках кроме математики и экономики господствовала и психология толпы.

На бирже начала XX века в течение часов создавались и терялись огромные состояния. Уолл-стрит был гигантским казино, где игроки в обличье биржевых спекулянтов делали рискованные ставки на движение акций.

Вдруг профессор на экране замер с полураскрытым ртом, уставившись прямо на Никки. Раздался насмешливый голос:

— Я вижу, что тебе скучно и твоё внимание тает как снег на солнце!

— Да, — виновато сказала Никки. — Честно тебе признаюсь, Робби, что экономика никогда не была моей любимой наукой.

— Тупица! — фыркнул невидимый друг. — Ладно уж, развлеку тебя хрестоматийной биржевой историей... Ты ещё настолько дика, что наверняка её не знаешь.

Робби откашлялся, изображая подготовку к лекции.

— Знаменитая династия Ротшильдов является одной из самых старых земных династий. Её основателю принадлежит завет, которому следуют и современные королевские фамилии: «Все важные посты в бизнесе должны занимать только члены семьи, а не наёмные работники». Ротшильдам же принадлежит и девиз: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». 18 июня 1815 года произошла знаменитая битва при Ватерлоо, где решалась судьба Европы. Французские дивизии Наполеона напали на объединённые войска европейских монархов. Сначала англичанам, пруссакам и голландцам пришлось несладко — и по Европе распространилась весть о побеждающем Наполеоне. Но к вечеру того же дня к союзным войскам подоспело подкрепление, и наполеоновские войска были полностью разгромлены. Битва была жесточайшей — за день было убито шестнадцать тысяч человек. Специальный курьер банкира Ротшильда наблюдал за сражением и 20 июня, несмотря на шторм в проливе Ла-Манш, первым доставил своему хозяину в Лондон сообщение о проигрыше Наполеона. Ротшильд примчался на лондонскую биржу, где никто ещё не знал итогов сражения, и отдал приказ о срочной распродаже своих английских акций, делая вид, что Наполеон победил. Биржу охватила паника — все бросились сбывать ценные английские бумаги, отчего их стоимость упала в двадцать раз. Вечером 21 июня курьер фельдмаршала Веллингтона доставил в Лондон официальное донесение о поражении Наполеона. Английские акции мгновенно не только вернули свою первоначальную цену, но даже значительно превысили её. Но для лондонских биржевиков победа союзных войск обернулась сокрушительным поражением: акции английских компаний были почти задаром скуплены тайными агентами Ротшильда и поднялись в цене уже в его кармане. Многие биржевики покончили жизнь самоубийством, а Ротшильд заработал на битве Ватерлоо сорок миллионов фунтов стерлингов — по тем временам баснословные деньги: плодороднейшая Луизиана размером в четыре Франции была куплена Америкой всего за три миллиона фунтов стерлингов.

Никки удивлённо покачала головой:

— Ещё немного — и ты скажешь, что банкиры сами организовывали кровавые сражения, чтобы успешнее сыграть на бирже.

— О боги джунглей! Когда же ты хоть немного поймёшь земную цивилизацию? Все войны в мире — ты слышишь, дикая Маугли? ВСЕ! — имеют в своей основе финансовые интересы или, точнее говоря, интересы финансистов.

— Я не настолько дика и кровожадна, чтобы в это поверить! — сказала потрясённая астровитянка.

Профессор на экране снова зашевелил губами и продолжил:

— По мере изменения стандартов деловой этики на финансовых рынках появлялись всё новые изощрённые инструменты. Если в начале XX столетия наибольший риск обеспечивался на рынке акций, то к концу века максимальный риск был связан с производными инструментами или деривативами, например, опционами и фьючерсами.

Изначально сложные финансовые инструменты создавались для обуздания риска, как элемент хеджа, но когда человеческая жадность брала верх над благоразумием, эти механизмы страховки превращались в орудия разрушения. Все крупнейшие крахи на финансовых рынках во второй половине XX и в первой половине XXI века были вызваны спекулятивной игрой в деривативах. Начало XXI века открыло эру финансовых пузырей, быстрых взлётов и падений. Ведущие банки мира, история которых насчитывала десятилетия, а то и столетия, крошились как лёд. Итогом стало ужесточение требований государств к сложным финансовым инструментам.

Глаза профессора Алессандро вспыхнули огнём.

— Но вернёмся в эпоху необузданных страстей человеческих. На протяжении почти 200 лет — до середины XXI века — биржи были особым феноменом на стыке прикладной экономики и коллективной психологии. Профессор Вильям Шарп объясняет слово «инвестировать» так: «расстаться с деньгами сегодня, чтобы получить большую их сумму в будущем». Здесь два фактора — время и риск. Отдавать деньги приходится сейчас, а вознаграждение наступает потом, если наступает вообще, и его величина заранее неизвестна.

Реальные инвестиции вкладываются в материальные активы: землю, оборудование, заводы. Финансовые инвестиции — это записанные контракты: акции, облигации и другие инструменты. В примитивных экономиках доминируют реальные инвестиции; в современных экономиках большая часть инвестиций — финансовые, и их доля всё время нарастает.

Финансист Джон Мэрфи установил взаимосвязь всех рынков — финансовых и нефинансовых, внутренних и внешних. В периоды стабильности и роста экономики эти взаимосвязи между рынками скрыты, но они чётко проявляются во времена финансовых кризисов. Кризис похож на очистительный вихрь, который сбивает с финансовых рынков пузыри, появившиеся в силу жадности и неумелого управления рисками.

Во времена кризисов наблюдаются редкие явления взаимосвязи разных рынков; опережающий лаг одних финансовых инструментов над другими, составляющий обычно несколько месяцев, в момент кризиса может сжаться до нескольких дней, рождая необычные ценовые уровни одних акций к другим. Финансисты говорят: «спреды рекордно разъехались».

Очень много спекулянтов разоряется в такой момент на разъехавшихся спредах, потому это появление события, к которому не была готова накопленная статистика. Когда в момент кризиса биржевики увеличивают кредитное плечо, играя на сужение спредов, они, по сути, играют в «русскую рулетку», когда вероятность несчастного события невелика, зато реализация данного события трагична.

Никки подумала: «Про „русскую рулетку“ я слышала, а вот понятия „кредитное плечо“ и „разъехавшиеся спреды“ надо прояснить. Чёртовы субъязыки...»

— До середины XXI века, когда стандарты работы на финансовых рынках значительно ужесточились, очень сложно было провести грань между цивилизованными методами работы и мошенничеством. Финансовые пирамиды сменялись фальсификацией работы финансовых рынков через имитацию работы бирж посредством виртуальных торгов. На развивающихся фондовых рынках постоянно появлялись элементы жульничества...

«Да, профессор Алессандро никого не шадит, — подумала Никки. — Его лекция хороша, но многое ещё в тумане. Надеюсь, в следующих лекциях он расскажет всё детальнее...»

За ужином королева снова вернулась к проблеме технологии пятого уровня, которая неотступно терзала Никки и Джерри.

— Какую бы область человеческого бытия я ни изучала, я всё время сталкиваюсь с

корыстью, обманом и подлостью. В мировых биржах, в рекламном бизнесе, в терроризме — всё время видно рыло жадной и злобной обезьяны. Как заставить людей быть людьми? Переубедить человека научными или логическими доводами невозможно, и я не понимаю, как можно достичь нужного нам перевоспитания. В голову приходит только массовый гипноз. Но на него массы не согласятся!

Джерри кивнул головой:

— Да, это вряд ли. Обычный человек не считает, что его мозги или убеждения требуют корректировки.

Никки задумалась:

— Технология пятого уровня, способная изменить психологию всего человечества... Клянусь бородой Дарвина, неплохая задачка! Что же это может быть?

— Спустимся на уровень отдельного человека: что может его перевоспитать? — спросил Джерри. Никки пожала плечами:

— Бесконечные поощрения за хорошие поступки и наказания за пакости.

— Точно! — воскликнул Робби. — Вот ты была ужасно трудным ребёнком. Моего кремниевого терпения едва хватало на твоё упрямство и непослушание.

Никки как молнией ударило.

Она круглыми глазами уставилась на Джерри.

— Робби! Он ведь не просто наш помощник — это же искусственный интеллект, равного которому нет. Это воспитатель-гений! Может он стать технологией пятого уровня?

Робби буркнул:

— Ура! Наконец-то эти лягушки признали мои таланты.

— Искусственный интеллект для эволюции естественного разума должен быть сверхважной технологией, — удивлённо кивнул Джерри. — А мы могли его не заметить в расчётах, потому что воспитательная ипостась искусственного интеллекта не учитывалась, а другие его функции были технологиями другого, более низкого уровня.

— Согласен! — важно сказал кибер.

— Значит, если размножить Робби в количестве нескольких миллиардов и обеспечить каждому человеку такого воспитателя, то у нас есть шансы на глобальное изменение психологии общества! — Никки возбуждённо задвигалась в своём кресле.

Робби сказал грозным голосом:

— Я из вас, обезьян, живо людей сделаю!

Джерри посмотрел на королеву:

— Это означает гораздо большее влияние общества на человека, чем раньше. Мы будем контролировать обучение и воспитание каждого человека, создадим для него среду, которую он всегда будет носить с собой. Это мощный рычаг, который кардинально изменит общество. Опасная штука, ведь речь идёт о самом масштабном воздействии на человечество за всю его историю. Это ничем, в принципе, не отличается от массовых гипноизлучателей.

Никки возразила:

— Что поделаться, если без активного воспитания нашей цивилизации не обойтись — иначе она упрётся в тупик, погрязнет в грызне и глупости. Кроме того, каждый человек будет иметь свободный выбор — принимать советы своего помощника-учителя или нет.

Джерри вздохнул.

— Среда легко обманывает и отгораживает. Если к ней привыкнуть, то сопротивляться ей очень трудно. Помнишь, я занимался уничтожением корпорации «ЗороастрИнк»? Признаюсь, я делал это с большим воодушевлением. Случайно мне удалось узнать, что «ЗороастрИнк» реализовал чудовищный проект с полной контролируемостью среды вокруг человека... точнее, разумного существа. Этот жуткий до озноба проект стал одним из главных пунктов обвинения корпорации в Международном трибунале ООН.

— Я помню эту историю, но, в отличие от настоящих людей, у того человека абсолютно не было выбора... Впрочем, даже он сумел кардинально изменить свою жизнь — единственным оставшимся у него способом.

Джерри похмыкал и сказал:

— Итак, стабильный прогресс человечества должен обеспечиваться ежедневным воспитанием и обучением ВСЕХ людей. КАЖДЫЙ должен получить в своё распоряжение терпеливого учителя, внимательного собеседника и ценного советчика. Этот преподаватель-союзник будет эффективно воспитывать в людях миролюбие, интеллект, способность к мечте и давать каждому дополнительные шансы на жизненный успех и личное счастье.

— Это будет учитель, который сам ученик. Я училась у Робби, он учился у меня. Робби в миллиардах взаимодействующих копий будет учиться у миллиардов людей и будет становиться умнее в миллиард раз быстрее, чем когда он умнел только со мной.

Никки и Джерри смотрели друг на друга, не отрываясь. Озарение несло их на своих могучих крыльях.

— Он станет умной мировой душой и добрым мировым мозгом. Он будет впитывать в себя лучшее, что есть в нас, и возвращать нам это лучшее, возвращать нам самих себя.

— Это можно называть просто ноосферой. Со временем информационные и финансовые ресурсы мульти-Робби вырастут настолько, что он станет неотъемлемой компонентой нашего мира, всемогущим менеджером, которому не нужна власть.

— Мир нестабилен и несчастен, потому что люди в нём одиноки. Разобщённое человечество можно спасти, если в нём не будет озлобленных и одиноких людей. Но Робби — не человек, он лишь иллюзия человека. Сможет ли он разделить одиночество каждого?

— Робби — наше порождение, он сгусток из нас самих, только без нашей злобы и глупости. Он сможет сказать каждому то, что мы сами не смогли сказать друг другу. Человек настороженно относится к людям — соперникам, насмешникам и эгоистам. Робби — не соперник, ему можно доверять.

— Решая уничтожить одиночество каждого, мы нашли самую трудную дорогу из всех возможных.

— Это математика: только бесчисленные копии нас смогут поговорить с нами же. Мы синтезируем из всех нас общего представителя, размножим его и отправим в бесконечное путешествие по нашему миру, по густонаселённой вселенной одиноких людей.

— Что ж, чем дорога трудней, тем она интересней. Но как же грустно, что мы не смогли душевно и лично поговорить с каждым.

— Робби передаст всем наш сердечный поцелуй.

— Но будет ли он достаточно нежен?

— Поцелуй или Робби?

— Оба.

Глава 8

Не говори им, ладно?

Л юблю утро на востоке Латинского квартала. Вселенский мыльный пузырь солнца опасно протискивается сквозь колючую толщу города и взмывает над ломаным парижским горизонтом скошенных мансард и зарослей каминных труб. Солнечный свет блестит на мраморных столиках браззерии на углу улицы Студентов. Я жмурюсь от тёплых лучей, вдыхаю свежий запах круассана.

Славно.

На часы не гляжу, но знаю — без семи минут девять. Через дорогу напротив, в большой давно не отремонтированной белой вилле, заросшей плющом, живёт замечательная девушка с рыжими волосами. «Уютной шторы шёлк с волнующим разрезом». Каждое утро без пяти девять она проходит мимо открытой веранды кофейни, где я пристрастился завтракать и наблюдать. Торжественный выход небесного жёлтого карлика и земной огненной красавицы. Сначала мы с девушкой просто кивали друг другу, встречаясь глазами, потом стали

здороваться. Два месяца назад я осмелился и её традиционному: «*Са ва?*» — не ответил: «*Тре бьен!*» — а спросил:

— *Не хочешь позавтракать со мной?*

— *Ужасно непристойное предложение!* — на ходу насмешливо фыркнула она, и мои слова потеряли невинность.

Но она не обиделась и на следующий день, проходя мимо, сказала:

— *Рогалики скоро будут тебе сниться. Съешь омлет!*

— *Чтобы меня мучили кошмарами цыплячи привидения?* — парировал я вслед.

Так началась наша ежедневная игра. Пинг-понг реплик. Фехтовальный ритуал беззлобных уколов. Флирт на бегу. Воздушный звуковой сверхзвуковой поцелуй. Пятисекундная пикировка как кульминация дня.

— *Красивое платье!* — говорю я, любуясь девушкой.

— *Невежа! Хвалит платье и молчит обо мне!*

Однажды я встал и решил её проводить. Она, не оборачиваясь, сказала, что я её больше не увижу. От серьёзной озабоченности её голоса я застыл на месте. А она ушла быстрее обычного.

Она никогда не останавливалась возле меня, но всегда замедляла шаги и ласково смотрела мне в глаза. Увидела раскрытую тетрадь формул:

— *Жизнь сложнее теорем, умник!*

— *Поэтому я и нырнул в математику!*

Я насмешливо демонстрировал девушке, что торчу в этой браззерии каждое утро только из-за неё. Удобно прятать правду в ножнах иронии: обычно шутки лживы и отводят глаза.

— *Почему ты всегда один? Где твоя подружка?*

— *У меня уже есть девушка — это ты!*

Вот — стукнула чугунная калитка, и рыжеволосая быстро зашагала по улице, в такт моему ускоряющемуся сердцу. Девушка повернула голову и поймала меня улыбкой. Сегодня мне подавать мяч:

— *Ты похожа на весёлую утреннюю птичку!*

— *Почему же ты не насыпал вокруг себя крошек?* — мгновенно отреагировала она. Умница, за словом в карман не полезла. Я бы полез.

Я проводил её стройную фигуру взглядом и телом, ощущая шампанские иголки в груди. Является ли эта голубоглазая девушка в приятно тонких брючках искомым доказательством Теоремы? Вот только какой — Первой или Второй?

Девушка скрылась за углом, а я вздохнул, взял толстую белую чашку со стола и стал допивать остывающий чёрный кофе с бледно-оранжевым круассаном. С катушек ты скоро съедешь, братец, со своими Теоремами...

Встав с затрепавшего плетёного стула, я взял почти пустой портфель и не спеша двинулся по бульвару к Сорбонне. В бледном застеколье витрин скачками заскользила худошавая, даже тощая фигура в распахнутом широком плаще. Серые глаза, светлый короткий бобрик, впалые щёки, тонкие нос и губы.

Наверное, что-то есть в этом зазеркальном типе. Иначе — зачем девушка транжирит на меня утренние реплики?

Мне говорили, что я симпатичный. Кого благодарить? Моей метрике «родители неизвестны». Воспитанник государственного Интерната. Стриженные головы ребят. Ожидание подножки. Одиночество в толпе. Драка как точка сборки неверного общественного внимания. Главный пейзаж жизни — экран. Абстрактный мир навсегда верных уравнений и изящных поверхностей. Предсказуем, не подл. Прелесть.

После колледжа я переехал в мансарду шестиэтажного корабля у зоопарка. Дёшево — рычание зверей. И запах иногда доносит. Зато — морской вид на парижские крыши. Зелёный росток из забытого глиняного горшка. Неожиданный пушистый снег на балконе. Свой дом. Не понимаю почему, но это исключительно важно для меня. Каменная ракушка для мягкого

моллюска.

Впереди меня по тротуару шла странная пара: остроносая худая женщина и плотный пожилой мужчина в зелёной шляпе и с большой коробкой на плече. Остановились.

Человек в шляпе ловко пристроил короб на деревянный штырь, принялся крутить боковую ручку — и громко раздались странные жалобные звуки. Женщина стояла рядом, задрав голову, и внимательно водила носом по окрестным окнам. Я вдруг вспомнил: «Шарманка!»

Шкатулочная музыка отражалась от уличных стен, заводила, куда-то звала — и принесла плоды: рамы окон растроганно залязгали, и на мостовую посыпались серебряно-золотые кружочки экю. Женщина коршуном спланировала на двуцветный блеск. Я пошарил по карманам, но даже оловянных монет не нашёл.

И где люди берут эти круглые золотые штучки?

Музыка непривычно раскачала сердце, и я недоуменно поймал себя с мокрой щекой. Что, старик, докатился? Над шарманкой заплакал?

Душевно поиграв, пара уличных шарманщиков свернула в соседнюю, ещё не обобранную рощу каменных деревьев с драгоценными орешками.

Я шёл к Сорбонне в привычном режиме автопилота. Стоял апрель. Удивительное время — на деревьях больше цветов, чем листьев. Взгляд рассеянными зигзагами прыгал по тротуару. Засыпан бело-розовыми лепестками. Концентрация по гауссиане? Поправить на ветер, сжав пространство? Бабочка с чёрными крыльями. Бифуркация Тома. Мальчик на велосипеде. Стабилизирующий Кориолис.

Весельчак-просветитель Ламетри учил: человек — это машина. Был проклят и изгнан из страны. Прошли сотни лет — и люди со скрипом согласились. Да, человек — молекулярная машина невероятной, хотя и конечной, сложности.

Но! Заманчива истина: чем сложнее машина, тем умнее её создатель. Велосипед — примитивен, дерево — конструкция высшей организации. Девушка превосходит системной сложностью все мыслимые пределы. Создатель персикового дерева и прелестной женщины — был ли умнее человека, собравшего лишь велосипед?

Мог ли слепой случай, неуклюжий топор дарвиновской эволюции — создать такое чудо? Я проводил взглядом бабочку, протанцевавшую над моим плечом... Но думал я о рыжеволосой девушке. Кто сотворил весь этот мир? Почему наш мир устроен именно так, а не иначе? Любимая проблема, ломающая мою бедную голову. Любимая девушка как мировая загадка.

— Выкопал какую-нибудь научную истину, умник?

— Я нашёл центр мира. Его носит в сумочке рыжая девчонка.

Бог? Слишком просто. Не люблю незамысловатых ответов. Решение «бог» не могло быть правильным — этот ответ дармовой, как благотворительный суп для клошаров. Раздают на рю Бонапарта. Бесплатен и безвкусен. Объясняет всё и ничего. Настоящая истина — это инсайт поразительного вкуса и счастья. Чертовски дорогая штука. В кредит не возьмёшь. Даже выплатив всё наперёд, можешь ничего не получить взамен.

Приметил: все вдохновляющие меня истины лежат вне человеческой сущности. Человек любое озарение изгадит и обернёт в трагикомедию. Аминь.

Я остановился. На площади Монжа лежал живописный бездомный. Спал, вольно вытянув ноги в когда-то белых кроссовках. Синий потёртый плащ, лохматая пегая борода и грязная шевелюра с запутавшимися лепестками цветов. На тротуаре аккуратно стояла полупустая бутылка с дешёвым красным вином. Я наклонился к спящему и спросил:

— Кто создал этот мир?

Мужчина всхрапнул, открыл мутные голубые глаза, поводит ими вокруг.

— Это я, Франсуа, — прохрипел он.

Один его зрачок был круглый и хитрый, другой — вертикально-щелевидный и

безумный.

— Зачем он? Зачем мы? — спросил я.

— Это для меня, — сказал невнятно бездомный, ухватил бутылку и ловко присосался к ней, не поднимая головы с тротуара.

Интересно. Я отправился дальше. Взял бог — да и создал себе Вселенную, чтоб побыть в ней самым беспечным представителем. Вот выпитая, стряхнёт с плеч этот мир, как старую хламиду, и создаст себе с иголочки новый. Где будет спать большой красной лягушкой в тёплой метановой луже. Бог как клошар. Непротиворечиво и недоказуемо. Жутковатая патология зрачка. Очень редкая. Что сквозь него видно?

Я рассеянно поднял сухую веточку с газона, надломил — и вздрогнул. Срез ветки был аспидно-чёрным. Опять!

Когда я был мальчишкой, то заметил на улице чей-то велосипед и бесцеремонно сел на него. К моему восторгу, велосипед быстро разогнался и вмиг домчал меня до рю Кассини, где я никогда раньше не был.

И я с ужасом увидел, что улица кончается абсолютно чёрной стеной. Велосипед сам чудом остановился, с разгона упёршись передним колесом в стену мрака. Что было дальше — не помню.

Я очнулся уже на скамейке, велосипеда рядом не было, как и стены, — улица Кассини преспокойно простиралась дальше. Рядом стоял человек, который назвался доктором. Я рассказал ему про стену — он успокоительно покивал, потом заявил, что это привиделось мне из-за редкого и довольно безобидного расстройства глазного нерва. Доктор дал таблетку и сказал, что такого больше не повторится, но мне лучше вернуться в Интернат.

Я вернулся домой и почему-то стал избегать покидать свои обычные улицы обитания. Несмотря на обещания доктора, чернота иногда проступала сквозь обычные вещи: когда я зачем-то дёрнул капот припаркованного автомобиля, то он открылся, но вместо мотора я увидел ту самую тьму.

Один раз я свернул с тротуара и подошёл к стае птиц, сидящих на газоне, пытаюсь рассмотреть их поближе. Они посвистывали, не замечая меня, а потом чёрный вихрь неожиданно смыл всю птичью стаю. Чёрное пятно поколыхалось и быстро исчезло, оставив после себя обычную газонную траву. Но оттенок новой травы заметно отличался от соседней.

Я не любил эту тьму — она пугала меня. Чёрт бы побрал эти глазные нервы.

Г лаза Сандры с утра беспрерывно сочились слезой. Хомяк Пуф умер. Как ни бились они с мажордомом, как ни кормили хомяка лекарствами, её любимый домашний ЗвеР-Рь был найден утром околевающим на полу своего «зверьского» жилья. Возможно, простыл на сквозняке, отчего глаз воспалился, а потом раздулся и перестал закрываться. Сандра была готова раскошелиться на операцию, но в ветеринарной клинике честно сказали — не жилец. Сандра не сдавалась, мажордом беспрерывно рылся в медицинских информаториях в поисках спасительных панацей, но Пуф, извиняясь, всё равно отправился в свою хомячью Валгаллу. Вот Сандра и захандрила: Пуф был единственным живым существом в доме. ЗвеР-Рь Пуф-ф! Прошлогодний подарок Анри, переживший их недолгий роман. С рассерженной точки зрения Сандры, Пуф был более ценным приобретением, чем Анри.

Сандра допила любимый жасминовый чай и выскочила за дверь своего гнезда на тридцать девятом этаже. Она не опаздывала, но уже выбрала запас времени «на-всякий-случай». На улице моросило, но на плащ Сандра махнула рукой. Лифт из её апартаментов дотягивался до пешеходного тоннеля — а там метро в ста подземных сухих метрах. А галерея «Лафайет» с фирмой «ЗороастрИнк» соединена задним торговым проходом.

Сандра ехала в стеклянном пенале подземки и беззвучно, но сочно бранилась. Одна мигрень от этих домашних скотов! Приютишь, ухаживаешь, любишь как дура, а потом — тебя же ножом по сердцу. Что Анри, что Пуф. Не-ет, одиночество — залог стабильности и

счастья. Никого не впускать в душу! Чтоб не гадили и не помирали там.

Мимо вагона-пенала проплыли бензиновые радужные пятна картин и лысые мраморные луврские головы. Вот кого надо любить — вечные культурные ценности. Никакого выноса горшков и скандалов, напротив — эстетская приятность и интеллектуальное благоухание. Увы, секс с «Дискоболом» невозможен. И дети от «Декамерона» не рождаются. Засада!

Доехав до офиса, Сандра невольно приободрилась. В последние недели она открывала стеклянную служебную дверь с болезненно бьющимся сердцем, за что ругала себя, ругала, но ничего поделать не могла, наркотически утонув в проекте. А завтра вообще особенный день — её дежурство: еженедельный праздник внутреннего употребления.

Она зашла в корпорационный лифт, отделанный зелёным камнем, и в зеркале за золотыми перилами отразилась худенькая девушка с негустыми тёмными волосами. Ничем не особенная невзрачность. Да, да — фигура хорошая, а так — дурнушка, если честно. «Зато умная!» — как обычно и как смогла утешилась Сандра. Но она многое — интересно, сколько? — отдала бы за внешность рыжей красотки с декабрьского глянца прошлогодного «Вог». Эта великолепная сволочь висела у Сандры прямо над столом и душой — и без устали капала кислотой.

Я подошёл к облупленной двери, вырубленной в высокой скучной стене. С завистью поглазел на старый Парижский университет. Готические крыши с побегами башенок, каменная вязь стен, презрительные водолюбивые горгульи. Волшебное здание царило сквозь ажур запущенного сквера — рассадника и прогулочной площадки гениев. В кустах пряталась бронзовая статуя римской волчицы-матери.

Кормящая сука математиков.

Со вздохом повернулся, с отвращением толкнул тугую створку и облился запахом мокрой штукатурки и кошачьей мочи. Вонь такой концентрации ощущалась даже на вкус. О, святые Галуа с Риманом! Помогите мне сегодня!

Кабина лифта долго скрипела — и открылась прямо в кабинет босса.

— А, появился! — с неудовольствием сказал тот. Обычно он не здоровается.

— Здравствуйте, мистер Чиф, — я как всегда блеснул воспитанностью. — Итак?

— Я ещё не смотрел твоё доказательство, — сварливо пробурчал Чиф, поправляя жирной ладонью набор волосков на плоской макушке.

«Врёт! — отчётливо понял я. — Смотрел. И не раз».

— Мы договаривались. Если за два дня ошибка не будет найдена... — мне не удалось закончить фразу.

Чиф вскочил, потрясая округлыми кулаками:

— Вон! Иди к чёрту со своей свободой! Работай где хочешь! Хоть в сумасшедшем доме!

Я шмыгнул в лифт. Двери, даже закрывшись, резонировали воплям мистера Чифа:

— Но если хоть раз не выполнишь задание!..

Улыбаюсь во весь рот и танцую в кабине, гулко летящей вниз. «Свободен! Свободен!» Могу работать дома, в кафе, на пляже... хоть сидя на дереве! Уговор есть уговор. Я доказал знаменитую теорему Ферма. Ещё никому не удавалось. Взамен получил свободу от тёмной, вонючей клетки. «Рабочий кабинет». Чудаки.

Вылетел, вырвался на улицу, полную солнечных теней, шелеста шин и щебетания птиц. Размахиваю портфелем, как школьник. Сладкое, острое счастье побега! Закрутил головой: где растрянжирить свободу? Богатую добычу ночного корпения над старинной загадкой.

Перебежал под деревья напротив, традиционно потрогал отполированные до золота сосцы волчицы, покровительницы местных студентов. На лавочке сидел пушистолысый человек с красными глазами в белёсых ресницах и что-то писал в толстой папке. Математик из соседнего отдела. Вечно изрекает нравоучительные сентенции. Одет в коричневую куртку, мешковатые брюки и старые сандалии. Эйнштейн не носил носков, поэтому

половина непризнанных гениев ходят босиком. В надежде.

Математик недовольно поднял глаза на хруст моих шагов:

— Чему ты так радуешься?

— Свободе! — засмеялся я.

— Свобода для тебя заключается в беготне по улицам? Свобода должна быть в голове!

Я хмыкнул, вытащил заготовленный кулёк с зерном и высыпал на землю. Раздался посвистывающий шелест, и со всех сторон к моим ногам слетелась стая птиц. Голуби лихорадочно собирали корм, а им на головы приземлялись всё новые птицы. Вокруг компании крупных сизарей чирикала и нервничала воробьиная мелочь, и я бросил горсть зёрен подальше.

Голуби благодарно кипели вокруг меня, кто-то уже наклевался и заухаживал за темноголовой подружкой, надувая фальшивую грудь из перьев и призывно урча. Я чувствовал себя богом голубиной планеты. Ласковым голосом, но невежливо, я сказал лысому назидательному математику:

— Надоела мне такая плешивая свобода! — и зашагал в направлении Сены. Давно я не видел Собор при свете дня. И любимый скверик на острове.

Три месяца назад мистер Чиф дал мне официальное задание. Поиск уравнений единого поля. На эту задачу Эйнштейн потратил полжизни. Год за годом, как монета за монетой. Срачивал свою теорию с формулами электрика Максвелла. Уговаривал, заклинал — пока кошелек не опустел. Не срослось и развеялось пеплом над водой.

А идея ведь красивейшая: найти ОДНО уравнение для описания ВСЕЙ физики мира, а заодно — химии и биологии. А может — и любви?

Я галерным рабом сел над задачей. Кажется, что-то заполучалось. И тут из жутковато-тёмных глубин любопытства всплыла проблема-репей. Предположим, я выловлю нужные уравнения, а почему они будут выглядеть так, а не иначе? Чем задаётся дизайн уравнений Максвелла, Эйнштейна и Гейзенберга? Та же задача о сотворении мира, но нарезанная научно: кто заказал законы физики для этого мира? А кто привнёс фундаментальные константы Вселенной? Постоянную Планка, скорость света, гравитационную константу, заряд электрона?

Я доразмышлялся до моста и на середине засмотрелся на подвижную воду. Солнце ослепительно играло с мутной рекой. По Сене дефилировала открытая барка, громко шелестя пышными белыми усами. Туристы со спины речного кита махали мне руками. Я улыбнулся в ответ и спросил:

— Существует ли мировое уравнение с решениями в виде физических констант?

Старая проблема сэра Эддингтона. Подумал, попрыгал взглядом вместе с солнечными бликами по разведённым кораблём волнам. Каустики горячих отражений от холодных зеркал. Интерференция метаний меж каменных берегов. Тривиальная реинкарнация Сциллы и Харибды.

Почему мой мир такой? Поражённость уникальностью. Почему из всех мыслимых мирозданий осуществилось именно моё? Послевкусие случайности. А если миров бесконечно или очень много? Моя Вселенная теряет раритетность и становится точкой в многомерном пространстве мировых констант и физических законов. Мощности континуума? Я здесь ломаю костяную коробку. По соседству скребут титановый лоб. Дальше кто-то мнёт свой зелёный мешок с мозгами... Никакой избранности, просто случай, который папуасы зовут судьбой: жить в своей точке мира.

Счастлив ли мой жребий?

Это видно только извне.

Это ощутимо только изнутри.

Это субъективно до омерзения.

Группы японских туристов высаживались на берега Сены. Любопытное маджорити центра Парижа.

Я сказал им:

— Инфляционная теория обесценила миры. Размножила их как кроликов и лишила нашу Вселенную ауры уникальности. Взамен предложила скромное очарование антропного принципа. Неравноценная сделка. Добровольно я бы не согласился.

Две школьницы шли по мосту. Цветные рюкзаки, голые животы подростков, сзади кибердоги-охранники. Девочки услышали, что я разговариваю сам с собой, и дружно прыснули. Я вздохнул и покосился глазами на правую набережную. Второй этаж углового здания занят огромной квартирой со старинной мебелью, книгами и картинами. Хозяева не признают штор. Вечерами я искоса наблюдал... — ну, подсматривал, строго говоря, — спокойную интеллигентную жизнь обитателей дома. Семейный ужин за большим столом. Мягкий диван. Читающий газету пожилой мужчина в жилете. Семья. Седьмое непостижимое измерение.

— Ты женишься на мне, если я сяду за твой столик?

— Немедленно, если ты заплатишь за оба кофе!

На каменном парапете Сены букинисты открывали книжные ящики, настораживая крышки-капканы на ранних покупателей.

На острове пританцовывал в тёплом весеннем воздухе Собор с ажурными витражами и тонкими шпилями рук в голубом небе. Дом бога?

Деревья столпились в скверик вокруг святого мрамора, повытаскивали из зимних карманов листья и грели их на солнце.

Славно.

Н а рабочем экране светился вызов: еженедельное собрание группы. Ещё есть время причесаться. Сандра мысленно перебрала свои грехи — ничего криминального не всплывало на служебную поверхность. Она поправила камеру, пододвинула кожаное кресло ближе к столу. А вдруг руководитель группы будет в хорошем настроении и даст ей разрешение на целых пять минут пребывания в виртуальной реальности?

«Да, размечталась! — одёрнула себя Сандра. — Пять минут... а ещё лучше ужин при свечах и постель в лепестках роз...»

И вдруг эта неожиданная картина так властно захватила её воображение, что Сандра еле вернулась в себя. «Подруга, ты совсем сбрендил, остынь немедленно! Для твоих извращений даже имени ещё не придумано...»

...Сандра непослушными пальцами отключила монитор от пространства совещания. Потом потрогала онемелое лицо и разрыдалась в полный голос. Хорошо иметь отдельный кабинет.

Работать в этот день Сандра уже не смогла. Убежала из ненавистного офиса, добралась до своего дома, но не стала подниматься в квартиру, а закатилась в ближайший монпарнаасский бар, наплевав на холодные зашиворотные струйки дождя. Забилась в угол с большим кувшином домашнего вина и стала набираться. Но спокойно погоревать ей не дали — в бар ввалились Джудит и Кэт, две знакомые американки из соседней квартиры. Пристали, техасские репы, — чего сидишь печальная? Никакой деликатности — разве не видно, что человеку нужно побыть одному? Сандра сказала, чтобы отвязаться:

— Думаю — что подарить своему лучшему другу...

Только подлила масла в американское дружелюбие.

— Я специалист по подаркам! — восторженно завизжала Кэт. — Три года работала в «Сервисе счастья» и всё знаю — кому и что надо дарить. День рождения, свадьба, появление первенца — по какому поводу подарок твоему другу?

— По поводу его скорой смерти! — не выдержала Сандра, оттолкнула столик, расплескав кувшин, и убежала из бара.

В озле каменной резной стены Собора тянулся розарий. Жёлтые пахучие розы

«Тулуз-Лотрек» — мои любимые. Я сидел в скверике возле Собора, держа в руках привычный карандаш, и печатал в большой тетради четырнадцатым шрифтом. Солнце припекало по-летнему. Когда я устал от согнутой спины, то поднимался с лавочки и прогуливался вокруг фонтана. В мелкой прогретой воде купались голуби. Мне нравилось смотреть на них. Поразительная незамысловатость поведения существ фантастической сложности.

Мы не понимаем механизма мировой эволюции, и любое животное представляется нам сгустком невероятных физических допущений и счастливейших случайных обстоятельств. Наука уже оценила бесконечные запреты этого мира и поражается тому, как быстро эволюция ухитряется бежать по узким трещинам жёстких ограничений, достигая в конце человека. Динозавры вымерли, и главный пульс эволюции бьётся не над созданием полуметровых зубов и когтей, а над внутренней перестройкой комка сверхсложного серого вещества. Культурная эволюция человечества повторяет биологическую. Чем быстрее прогресс нашей цивилизации, тем менее он заметен внешне. Гигантские достижения пакуются в маленькие коробочки. А в другой корзинке ярко громоздятся мыльные пузыри сверхсветовых полётов, путешествий во времени, волшебных измерений и прочей фантастической алхимии.

Увы, чудес на свете нет!

И хорошо.

Научный подход к миротворению с лёгким звоном сталкивался в моей голове с гипотезой о сверхсуществах, создавших мир-вольер для человечества. Смотрят *сверху* и обсуждают. А мы разве не разводим голубей и кроликов? Может, *там* не боги, а просто наблюдатели? Интересно, могут ли *сверху* читаться мои мысли? Грянет ли с весеннего неба молния и поразит ли меня, многогрешного лабораторного грызуна?

Бред! Я не верю в религиозные непознаваемые ипостаси и в существование безмерно могучих цивилизаций, способных создать Вселенную из ста миллиардов галактик. Да хоть одну галактику. На сто миллиардов звёзд каждая. Ха! Я задрал голову и посмотрел на знакомого жёлтого карлика. Два на десять в тридцать третьей. Граммов. Если тонн — то в двадцать седьмой. И чтобы спокойно грело десять миллиардов лет. Ищем проектировщиков с гарантией.

Но мой математический атеизм не хотел подпираться ВЕРОЙ в отсутствие бога. Вот я и сформулировал:

Теорема 1. Богов или их аналогов нет.

Теорема 2. Боги или их аналоги есть.

Теорема 3. Ни то ни другое доказать невозможно.

И да разрешит мне святой Гёдель доказать любую из этих теорем! Пока подступов не видно. Не страшно. Любая задача сначала кажется безнадёжной, но если хорошенько поморщить мозги, то решение обычно находится. Например: любое сверхъестественное явление стало бы доказательством Второй Теоремы. Но сверхнатуральное должно быть безоговорочным. Личные послания богов тонут в мозговом шуме людского безумия.

Я коллекционировал из книг потенциальные доказательства существования творца мира. Красивая идея: бог оставил людям сообщение, зашифрованное в длинном ряде цифр безразмерной математической константы вроде числа пи. Надо повозиться с этим святым числом... Может ли узор далёких галактик, звёзд, флуктуации реликтового излучения составить артефакт? Космические паттерны в виде лиц, слов или знаков?

Иногда я думал про себя: «Ты — псих! Мир реален и логичен. Наука успешно ломает ледники тайн и вскрывает погребя загадок. Скоро закономерно естественная тайна бытия будет раскрыта и станет упражнением в школьном учебнике. Будь осторожен, а то проснёшься солипсистом в доме скорби».

Я сильно ущипнул себя за руку и зашипел от боли. Является ли это шипение

свидетельством реальности мира вокруг меня?

Где найти доказательство Первой Теоремы? Чтобы жить дальше царём природы. Мой личный пункт. Остальные живут, не думая о происхождении мира. Просто лихорадочно пытаются забираться повыше в априори заданном коллективном лабиринте беличьего колеса.

Как жить, если докажется Вторая Теорема — я пока не думал. Только параноики запасаются консервами, опасаясь нашествия марсиан.

Я был бы рад и доказательству Третьей Теоремы, чтобы с облегчением плюнуть на первые две.

Сегодня я с ржавым скрипом фокусировался на работе. Удивительный день. Утром я обычно сидел в браззерии, пил кофе с рогаликом и ждал её появления. И случилось чудо. Она не прошла мимо, как обычно, а остановилась прямо передо мной. Я вскочил на ноги неловким раззявой и опрокинул стул. А она сказала: *«Здравствуй, Адам!»* — и протянула мне руку. Я торопливо пожал прохладную узкую ладонь, и мы в первый раз заговорили без ограничений на количество реплик. Её имя было — СИМОНА, и она оказалась нестерпимо милой. Я чуть не задымился от счастья, пока беседовал с ней. Она предложила встретиться в полдень в скверике у Собора! А на прощание она поцеловала меня! Сама! Нежно и долго — как в кино. И ещё добавила: *«Увидимся через три часа, милый Адам!»*

Невероятно! Я с горящим лицом смотрел вслед.

Сегодня Симона надела короткое узкое чёрное платье. Девушка шла вверх по улице, и её ноги напрягались сильнее обычного. Стройная нога в чулке телесного цвета с тонкой вертикальной полоской ставит туфельку на тротуар... каблук скрежещет по мелким камням, тоскливо живущим в толще асфальта... девушка уверенно переносит вес на каблук, бедро пружинит и подаётся в сторону... отставшая нога грациозно встаёт на носок... рука устремляется вперёд, охватывает, поглаживает пространство и отправляет его назад, в прошлое... талия изгибается, а волосы колышутся волной от плеча к плечу.

На очередном шаге Симона чуть повернула голову. В обрамлении пушистых волос — её щека и ресницы, прячущие лукавый глаз. Поворот был необязателен — это просто привет, приглашение полюбоваться собой... Я не знаю, как это назвать, и можно ли это классифицировать, но каждый восхитительный шаг Симоны отдавался в моей груди певучим ударом тонкой бронзы...

Я вскочил на ноги, отбросил тетрадь и взволнованно зашагал вокруг фонтана, щурясь от ослепительного солнца и блеска крупных зёрен песка на дорожке сквера. Начинается невероятно счастливая жизнь. Конец сычиному одиночеству.

Придумал! Мы пойдём с Симоной в мою любимую «Таверну» на Монмартре. Там вкусный киш-лорен и очень уютно. Особенно у стеклянной стены с цветами.

«Потом мы можем зайти ко мне, выпить рюмочку коллекционного монтраше... — Моё сердце гулко колотилось от наплывающих видений. — О, Симона...»

Калитка сквера стукнула. Она! Каблучки Симоны хрустели гравием всё ближе. О боги, за какие заслуги мне выпал жребий такой удачи?

Когда улыбающаяся Симона подошла совсем близко, из руки фонтанного святого вырвался огненный шар и ударил девушку в лицо. Я вскрикнул от ужаса.

Чистый лоб Симоны обуглился, свежая щека превратилась в дымящуюся язву, в которой виднелись пронзительно белые зубы. Лицо покрылось трещинами, которые быстро распространились на всё тело, волосы и даже одежду.

В следующее мгновение Симона рассыпалась на осколки, которые со звенящим шелестом рухнули на землю.

Рождественская игрушка разбилась о каменный пол и превратилась в лужицу блестящих кусочков.

Я упал на колени и закричал так, что не услышал своего крика. С гравия на меня укоризненно глянул уголок голубого глаза...

...и я, задыхаясь, проснулся сидящим на лавочке сквера. Сердце трепетало пойманным воробьём, волосы слиплись от пота. Солнце светило прямо в глаза. Я закрыл лицо руками:

— Господи, мне ещё никогда не снился такой жуткий кошмар!

Люди сидели, степенно беседовали, двигали шахматы. Девочка лет семи дразнила белую лохматую собачку. Статуя святого смотрела неподвижно и строго. Ребёнок схватил болонку за поводок и подбежал к моей лавочке. Я с острым наслаждением переводил дыхание, освобождаясь от остатков кошмара.

— Слушай внимательно, Адам! — тоненьким голосом и с милой стеснительной гримаской сказала девочка в синем сарафанчике. — У меня мало времени...

Ребёнок не успел договорить. Раздался лязг и скрип тормозов. Проломив чугунную ограду сквера, на аллею влетел зелёный грузовик-мусорщик. Скорость времени замедлилась.

Я всё отчётливо видел, но сделать ничего не мог. Мчащийся вонючий гигант сбил девочку. Её голова ударилась о радиатор, а тело забросило на бампер.

В следующую секунду грузовик оказался у каменного парапета, с грохотом проломил его и в облаке пыли рухнул в Сену. Я не видел ни реку, ни падение механического монстра, но столб брызг взлетел выше деревьев.

На аллее осталась лишь болонка, красно-белой лепёшкой вдавленная в глубокую колею тяжёлого колеса. Собачья шерсть дымилась и быстро испарялась.

И вот передо мной остался лишь скелет, но не из обычных костей, а из ровных белых палочек. Только сейчас я смог открыть прикушенный рот, чтобы закричать...

...и снова проснулся на скамейке. В мокрой от пота рубашке и в совершенном нервном раздрыге. Я схожу с ума! Такого ещё никогда не было. Сон во сне?

Сквер был тих, решётки целы, вполне живая девочка прыгала по земле какими-то сложными способами. Белой собаки не было видно, но могла же она убежать за бабочкой?

Я вскочил на ноги и стал быстро ходить вокруг фонтана. Не дай боже, ещё раз засну на солнцепёке. Скорее бы Симона пришла... сердце не могло расстаться с тревогой.

Вдруг всё потемнело. Как будто кто-то выключил солнце.

Ледяная волна окатила меня, и я вскинул голову вверх. Солнце не совсем погасло, но светило еле-еле, тёмно-багровым карликом. Вдруг его диск стал быстро расти и разбухал нарывом до тех пор, пока не занял полнеба — жуткий, рдеющий, как лужа засыхающей венозной крови. Я был не в силах стоять и сел, просто рухнул, на землю. Острый гравий взрезал ладони.

И началось самое страшное: на диске солнца, одна за другой, стали возникать крупные чёрные буквы, выстраиваясь в строчки. Как будто Всевышний печатал на космической клавиатуре.

Ни мозг, ни мои глаза не были готовы воспринимать чёрное послание с распухшего багрового солнца, но строки не исчезали, а накапливались и всасывались ядом в мозг. Письмо было сумасшедшее и логичное одновременно. Я зажмурил глаза и закричал:

— КТО ТЫ? БОГ?

Солнце пробивало багровым даже сквозь закрытые веки.

— НЕТ, Я ПРОСТО ПРОГРАММИСТ. МЕНЯ ЗОВУТ САНДРА, — ответила чёрная строка моим раздёрнутым глазам. Солнце помолчало и добавило: — Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

И небесный нарыв лопнул, как мыльный пузырь. Остался маленький огарок, который быстро раскалился в обычное солнце. В обычную лампочку в инкубаторе.

Я оглядел осветившийся мир безумными глазами. Люди спокойно сидели на лавочках, закусывали, целовались, смеялись. Маленькая светловолосая девочка рисовала прутиком таинственные узоры на дорожке, голуби объяснялись в любви на мраморных цветах фонтана. Мир был, как всегда, реален. Как всегда — лжив.

«Ты спрашивал себя: кто создал этот мир? Есть ли какая-то цель у вечного круговорота жизни? Сейчас ты всё узнал. Но Вторая Теорема ещё не доказана. Осталась последняя надежда — сумасшествие».

Я вскочил на ноги и помчался вдоль аллеи. Я бежал и с отчаивающимся сердцем видел, что мир изменился. Солнце с ясного неба светило тускло, а люди перестали замечать меня — взъерошенного, летящего сломя голову. И никто, никто больше не отбрасывал тени! Даже я сам.

Мир без теней стал похож на плоскую картинку: я загнанно метался по рисованному комиксу. «Нет, нет! Я пересидел над задачами или отравился. Это галлюцинация!» Трезвый голос сказал: «Совершенно верно! Тебе только что объяснили, что твой мир — одна большая галлюцинация!» Я подбежал к длинному хвосту туристов, змеёй выходящему возле Собора.

Анаконда любопытства медленно вползала по лестнице на соборный верх. Я грубо толкал всех, но никто не обижался. Люди разговаривали друг с другом и просто отстранялись от меня, спокойно улыбаясь. Не замечали, не замечали!

Я долго карабкался наверх по крутой лестнице и, задышав, с металлическим кровавым вкусом во рту, выскочил на пустой балкон. «Где люди? Куда же стоит эта очередь?»

Холодный ветер с силой дунул в лицо и смёл шелуху посторонних мыслей. Я забрался на край барьера, посмотрел вниз. Ветер трепал мой пыльный чёрный плащ, как пиратский флаг, выхлопывая хохочущие звуки. На далёкой беспощадной площади, вымощенной тёсаным камнем, ходили люди и голуби. Никто не смотрел вверх.

— Если я безумен, то будет удар! Это хорошо — я умру сумасшедшим, но человеком! — крикнул я в пространство. — Если же Программист Сандра права... — я задохнулся от гнева, — то удара и смерти не будет. Потому что... я просто серый комок мозга. Я плаваю в аквариуме со сладким сиропом и развлекаю Верхних Людей! И нет никакого мира вокруг меня, нет прекрасной Симоны и родного Парижа, нет меня самого... Верхние Люди — убийцы! Они убили всех вокруг меня! Всё вокруг — ложь! Патентованная псевдореальность, окрашенная тьма, рассчитанная на простака... на меня.

Мне внимали только два испуганных голубя на балконе. Я вдруг был поражён и оскорблён мыслью о том, что никогда не выходил и не выезжал за пределы центра Парижа. Латинский квартал, Лувр и Монмартр были моей планетой, на которой я прожил всю жизнь. Длинную или короткую? Я уже не знал — сколько мне лет. Но сейчас я во всём разберусь.

— Первая Теорема! — крикнул я. — Смерть как доказательство!

Моё сопротивляющееся тело стало медленно, но неудержимо падать вперёд, продавливая плотный ветер. Секунда — и бормочущий воздух расступился, взвыл торжествующей толпой, и я провалился головой вниз.

Площадь радостно ринулась ко мне навстречу. Ледяная скорость раздирала тело.

«Должен быть удар, должен! — Ужас и надежда вопили во мне. — Скорей!»

Я уже различал отдельные булыжники.

Оглушительная каменная пощёчина!

Хруст и боль. О боги, какая боль...

Руководитель нейронаучной группы корпорации «ЗороастрИнк» смотрел на испуганного заместителя и ждал.

— Она казалась вполне стабильной, — блеял тот, — совершенно не понимаю, что на неё нашло.

— Нет никаких сомнений, что это сделала она? — холодным голосом спросил руководитель.

— Абсолютно точно! — пискнул заместитель. — Текст письма найден в её компьютере. Сама Сандра куда-то исчезла, мы нигде не можем её разыскать...

— Дайте мне это письмо и сообщите службе безопасности. Они знают, что делать в таких случаях. Пусть сами ищут эту Сандру... — И он брезгливо отпустил заместителя.

На экране появились крупные строчки — чёрные на багровом фоне.

«Адам, не пугайся! Сегодня я дежурю по твоему миру. Это я написала девушку Симону. Тебе она нравилась? Я решила, что ты должен знать всё...»

— Идиотка! — усмехнулся руководитель. — От такого письма не только испугаешься, а разом сдвинешься!

«Что и произошло, — подумал он рассеянно, дочитывая взбалмошное письмо Сандры. — Объект решил покончить с жизнью, бросился с высоты в своей виртуальной реальности... Компьютер-надзиратель выдал ему болевой шок, не убивая, конечно. Объект очнулся и сразу всё понял. Сообразителен! Но не выдержал правды и сошёл с ума. Повредил свой мозг — единственное, что у него было материальным.

Получился интересный эксперимент за минимальную цену. Всё равно „Адам“, как звали программисты эту биосистему, уже шёл на списание. Но поведение мозга в экстремальных условиях оказалось неожиданным... может, ещё пару таких испытаний провести?

Кажется, мои учёные тихо экспериментировали с мужскими гормонами... И вкладывали в бизнес слишком много эмоций. Вот почему Сандра так остро реагировала на выговор о слабом контроле над системой... „Адам просто любопытен... психотропики искажают естественную мозговую активность... мы близки к успеху мягкими средствами...“»

«Я чётко спланировал эксперимент! — похвалил себя руководитель. — Как вытянулись лица у моих научных сотрудников от новости про теломеразные часы и про то, что „Адам“ доживает последние дни согласно генетическому техзаданию. И спорить не о чем, потому что сделать ничего нельзя: генетическая бомба естественной смерти — она сильнее всех желаний живущих...»

Руководитель потянулся и откинулся на спинку кресла.

И почему эти доктора философии никогда не видят за деревьями леса?

Он улыбнулся, показав превосходные зубы, и напористо-вкрадчиво заговорил:

— Дамы и господа! Наши клоновые системы соединяют в себе лучшие качества компьютера и человеческого мозга. Широчайший спектр использования — от домашних управляющих до военных астронавтов. Наш мозг-пилот, не имеющий сердца, выдерживает ускорения в двадцать-тридцать «же», а его реакция в два раза быстрее, чем у людей-космонавтов!

Система портативна и работает на простом сахарном растворе. Чёткая инструкция по поощрению и наказанию прилагается. Главное — не нажимать обе кнопки сразу! Супермозг будет работать на вас всё время, пока не спит. Двадцать часов в сутки без профсоюзных капризов и выходных.

Научный ай-кью наших клономозгов зашкаливает за двести единиц. При всех способностях к анализу наши интеллектуальные системы не личности, а просто биокомпьютеры, послушные сверхумные кролики, готовые решать сложные задачи за воображаемую морковку.

Интеллектуальный вектор систем полностью контролируется. Испытанные препараты выжигают блуждающее любопытство. Наши мозговые системы чрезвычайно эффективны, предельно лояльны и химически жёстко мотивированы...

Это революция, дорогие инвесторы! Революция в индустрии и науке, в медицине и космосе, в атомной промышленности и военном деле. Новый скачок для человеческой цивилизации и очень! очень! очень! высокий доход по акциям «ЗороастрИнк»!

Руководитель группы замолчал, и с его лица с жестяным лязгом соскользнула улыбка. На её месте мягко вылепилась благородно-сочувствующая мина.

— Уважаемые конгрессвумены и конгрессмены! Миллионы людей страдают от умственной неполноценности и дефектов нервной системы... Кто-то раздумывает об этичности наших экспериментов? Посмотрите в глаза больных синдромом Дауна. Мы обещаем, что на этих лицах появится умное выражение взрослого интеллекта!

Посмотрите на паралитиков — с дёргающимися головами, прикованных к коляскам. Мы освободим их от пыточных кресел — они смогут, отбросив костыли, бегать, петь и обнимать своих близких! Посмотрите на слепых детей, живущих в вечном мраке. От вас

зависит — появятся ли в их прозревших глазах слёзы благодарности к вам.

Миниатюрные клоноблоки будут подключаться к головному или спинному мозгу пациентов и возвращать их к полноценной жизни. Если кто-то беспокоится о правах ещё не созданных клонов — пусть лучше подумает о праве на нормальное человеческое счастье для миллионов уже родившихся людей-инвалидов!

Мудрая полуулыбка руководителя сползла с физиономии жидкой манной кашей, обнажив жёсткое лицо с плотно сжатыми губами. Быстрая перемена убедительных масок пропитывала воздух тревогой.

С аполёт снижался над равниной, многоглазой от синих озёр, монетно переворачивающихся вблизи мутно-глинистыми прудами. Сандра кривилась в иллюминатор: девственная земля индейцев была аккуратно выхолощена — зарешёчена асфальтовыми шоссе и улицами, придавлена пригородными домами-кирпичами и прибита гвоздями деловых небоскрёбов. Сандра заметила, что её стало мутить от зрелища окультуренной среды.

Новая болезнь — аллергия на цивилизацию. Надо быстрее ехать к морю. Увидеть чистый горизонт без домов и людей.

И вот море лежит перед ней, расплавленное под солнцем и тошнотворное: огороженное яхтами, располосованное скутерами, замусоренное толстой толпой купальщиков и их визгливыми криками.

Сандра сидела на высокой табуретке пляжного бара и старалась напиться. «Господи, как я не люблю виски!» Она предпочитала шабли, но её душевное состояние сейчас требовало другого калибра. Ни граппу, ни текилу она не переносила. Коньяк был отвергнут из этических соображений — не праздник. Она наказывала себя и поэтому потребовала у бармена шотландского гленливета. Отравительная гадость для горла. Ей вспомнились слова какого-то винокура, что производители виски приучают к своему напитку людей с юности, создавая «популяцию виски». Упустил молодое поколение — уже не вернётся. Уйдёт в какую-нибудь водку или коньяк. Может, хоть бренди себе разрешить? От этой ржаной дряни сразу тошнит.

Сандра была человеком легкомысленным и весёлым, любила компании и вечеринки, пренебрегая даже тем, что не пользовалась на них большим успехом. История с Адамом разнесла в клочки её старую жизнь и повергла в депрессию.

Чем, чем мы лучше Адама? Разве у среднего маленького человека есть свобода выбора? Разве нас не бьют по бокам острым химическим стрекалом, направляя в нужную сторону? Да, нам не вводят эйфорин сразу в мозг... нас стимулируют через еду, выпивку, любовь, комфортную пещеру — объединяя всё это в зарплатный хлыст...

С раннего детства нас начинают программировать на социально полезные задачи. Чем ты хочешь заняться? Стать великим писателем? Гениально стучать молоточком по джазовым тарелкам? Мечтать не вредно, а пока возьми молоток потяжелее и приколоть эту картонную стенку к этому фанерному домику, а то жрать не дадим. Да работай хорошо — потом тебе же и продадут втридорога этот хлипкий дом... Теперь брось молоток и возьми ружьё или надень галстук бизнесмена, мини проститутки.

Считаешь себя свободным? Ты раб желудка, а значит, просто раб. Твои рабства неисчислимы. Никуда не выпрыгнешь из колючего загона гамбургеров, сигарет и телевизора. Для изысканных натур — красивая паутина «бентли», армани и пентхаусов. Кредит — как мушиный мёд. Имеем рассрочку — имеют в рассрочку.

Всё, всё проанализировано, рассчитано, запатентовано! Улицы и экраны, дома и урны, магазины и бутылки, газеты и крышки унитазов всё время что-то вкрадчиво советуют, направляют, поощряют, подрезают, мнут, втискивают, стригут, всовывают, кастрируют... Нам сбывают со скидкой товары, политиков, образ жизни, образ мысли.

Нам продают нас! Уценённых, упрощённых, с разрешительным штампом «безвредно для употребления»... разрушительным штампом. Мы совершенно беспомощны в ИХ руках!

Узнать бы — в ЧБХ. Театр марионеток, где верёвочки перепутаны так густо, что Кукловода найти невозможно. Да есть ли ОН? Может, куклы дёргают сами себя?

А настоящим человеком оказался обитатель иллюзорного мира, всамделишного кукольного театра.

Если у нас нет надзирателей *сверху*, почему мы так несвободны?

Мы вызываем оглушительную жалость.

Если бы боги существовали, они бы плакали, глядя на нас.

Почему нельзя жить по нравственным заповедям без страха ада?

Мы пришли в этот мир один раз — и другого не будет. Зачем же мы отравляем жизнь — себе и другим? Зачем мы сгребая чужие судьбы под своё эгоистичное седалище? Зачем мы строим сами себе ад? Зачем так легко предаём других и себя? Как сделать так, чтобы все были счастливы и никто не ушёл обиженным?

Что ты натворил со мной, Адам! Что я натворила с тобой...

Сандра следила за его жизнью долгие месяцы и восхищалась, покорённая этим человеком. Адам был умён, добр, доверчив, не умел врать и предавать. Когда ей разрешили создать Симону — важный персонаж мира Адама, Сандра просто завизжала от восторга. Виртуальный шлем она надевала с юным сердцебиением школьницы, идущей на свидание. Адаму так понравилась Симона, что ей разрешили обмениваться с ним репликами, но только короткими. Это были счастливые минуты в жизни Сандры.

— *Давай поужинаем вместе?*

— *А если бы я была дурнушкой, ты меня пригласил бы?*

Тогда он крикнул вслед:

— *Приходи завтра дурнушкой и поужинай со мной!*

На соседний стул сел высокий красивый человек и заказал кружку пива. Бармен принялся за работу, а Сандра откуда-то поняла, что человек сел рядом не просто так.

Возможно, она так решила, потому что человек сидел рядом, но не поворачивал голову в её сторону.

«Сейчас будет знакомиться, имя выяснять и номер т-фона...» — с неприязнью подумала она. Человек был высок и голубоглаз, располагал располагающим и даже каким-то знакомым лицом и не заслуживал неприязни, но Сандра не хотела сейчас никаких пляжных флиртов.

И действительно, человек, получив своё пиво, перестал делать вид, что сел сюда случайно, и повернулся к Сандре. Но сказал совершенно неожиданное:

— Сандра, спасибо, что согласились со мной встретиться. Я — Джерри Уолкер.

Сандра уже успела забыть, что ей недавно позвонил какой-то Джерри-не-разобрала-фамилию и попросил о встрече, которая и была назначена в пляжном баре.

Девушка вздрогнула:

— Вот почему ваше лицо мне знакомо! Вы этот... друг королевы Гринвич.

— Это сейчас не важно. Важно то, что у меня есть большой личный интерес к корпорации «ЗороастрИнк». Поэтому я и хотел бы с вами встретиться и поговорить.

— И какой же у вас интерес к этой организации?

— Я её хочу уничтожить. До основания.

Сандра чуть не поперхнулась питьём.

— Что она вам сделала?

— Её руководители виноваты в гибели моих родителей.

Девушка скривилась:

— Это они могут...

— Мои агенты, наблюдающие за корпорацией, сообщили мне, что вы ушли из неё и что вы работали над одним из самых секретных проектов «ЗороастрИнк». А секреты этой

корпорации чаще всего грязные. Если вы — друг этой корпорации, то я зря прилетел с Луны для этого разговора. Но если вы и «ЗороастрИнк» — по разные стороны баррикад, то я прошу вас — помогите мне уничтожить этого монстра, который расчётливо губит человеческие жизни.

Сандра поёжилась — сказано было метко. Ей очень хотелось отомстить за Адама. Она даже приготовила разоблачающие материалы по проекту создания разумного существа, полностью живущего в виртуальной реальности. Но существовал ещё и инстинкт самосохранения.

— Если я помогу вам в разрушении «ЗороастрИнк», то тоже пострадаю, ведь я в качестве сотрудника выполняла все её задания...

— Не знаю, насколько вы замешаны в делах корпорации, но я обсуждал эту проблему с полицейским комиссаром ООН, и он обещал отнестись к вам со всей возможной мягкостью. Вот его номер.

Уолкер нажал кнопку на своём т-фоне.

— Свяжитесь с ним, он ждёт вашего звонка.

Сандра, поставленная перед необходимостью сделать свой выбор так быстро, помрачнела:

— Я подумаю и дам вам знать.

Уолкер сказал встревоженным тоном:

— Насколько мне известны обычаи «ЗороастрИнк», вам угрожает серьёзная опасность. Вряд ли эта корпорация оставит вас в покое. Если мои информаторы узнали, где вас найти, то это же может проделать и служба безопасности корпорации. Как только вы позвоните полицейскому комиссару, то сразу попадёте под охрану как важный свидетель.

— Спасибо за заботу! — Сандра, сморщившись, залпом допила виски и заказала бармену ещё один стакан. — Но мне надо всё спокойно обдумать. До свидания! — совершенно прозрачно завершила она встречу.

Мистер Уолкер тяжело вздохнул, попрощался и зашагал в сторону улицы старых отелей, оставив на стойке бара нетронутую кружку с пивом.

Сандра проводила своего собеседника тяжёлым взглядом.

Но посидеть спокойно ей не дали.

— Сколько лет, сколько зим, Сандра! — сзади неожиданно раздался бойкий голос.

— Привет, Дэнни, — хмуро кивнула Сандра низенькому толстяку в длинных фиолетовых шортах и жёлто-розовой гавайке. Какая сочетательная гадость для глаз. Уехать на другой конец света и наткнуться на однокашника — вот везение! Выбрала, дура, модный курорт, надеясь, что в толпе легче жить и прятаться...

— Сто лет тебя не видел! — частил Дэнни. — Ты как сквозь землю провалилась.

— Секретная работа... — не стараясь, соврала Сандра.

— Ого! — восхитился толстяк. — И какой уровень клиренса?

— Это тоже секрет... — ещё ленивей ответила Сандра.

— Ух ты! — вообще пришёл в восторг Дэнни. — А я вот приехал в Тампу с женой и дочкой, отдохнуть на недельку. Еле гостиницу нашли!

Дэнни не нуждался в репликах собеседника — его безостановочно несло на собственном запасе.

— ...я ему так и сказал, прямо в лицо. Такой вот я парень! Работаю менеджером в отличной консалтинговой компании. Офис маленький, зато кресло шикарное! А знаешь, какие у меня пенсионные бенефиты?!

В ушах Сандры звенело. Мир вокруг раскачивался. Всё-таки она набралась, и волны начали перехлёстывать через борт. Или содержимое трюмов выплёскиваться наружу...

— Какая предусмотрительность! — горько каркнула Сандра сухим горлом. — Всю жизнь работать на пенсию, всю молодость копить на старость! Я рада за тебя, Дэнни, — тебе совершенно не жмёт кресло! Сидишь, смотришь кино и всем доволен!

— Ты с ума сошла? — растерялся Дэнни.

— Да! — мгновенно рассвирепела Сандра и махнула рукой вокруг. Виски веером выплеснулось, а мокрые льдинки в стакане весело зазвенели. — Как и все, кто узнал, что этот мир — враньё и фальшивка! Нам крутят бесконечный иллюзион «Ваша Счастливая Жизнь», а мы сидим в мягких креслах и пускаем дебилские слюни! И никто ни о чём не догадывается. Один парень узнал правду, и она убила его. Счастье вьёт мягкое гнездо из лжи... колючая правда никому не нужна! Чёрт, Дэнни, наверное, ты в детстве хотел стать чемпионом по футболу, космонавтом или хотя бы пожарным! Почему сейчас ты радуешься всего лишь креслу мелкого клерка и паршивой пенсии? Самодовольные мышки коллективного лабиринта! Несколько условных рефлексов — и готовы ценные винтики общества! Как я вас всех ненавижу! Скорей бы выключили солнце!

Сандра орала самой себе. Дэнни давно улепётывал по пляжу, испуганно оглядываясь круглой головой на короткой шее и спотыкаясь в рыхлом песке, кладбищенской пыли бесчисленных поколений моллюсков, древнем пепле счастливых миров.

— Мне надоел этот дурацкий кинозал на десять миллиардов мест! — яростно крикнула Сандра в пространство. — Где тут дверь? Я посмотрелась вранья и выхожу!

Вдруг в разогретом алкоголем мозгу Сандры раздался громкий спокойный голос:

— НЕ ГОВОРИ БОЛЬШЕ НИКОМУ, ЛАДНО? А ТО ОНИ СОЙДУТ С УМА.

Голос был настолько ясен и чужд, что Сандра мгновенно протрезвела. Неужели... О, господи!.. Нет, нет, это просто бред...

Она вскочила, уронив стул, и бросилась к выходу. Бармен проводил её внимательным равнодушным взглядом и аккуратно сплюнул в нержавеющую мойку.

Сандра, задыхаясь, всё медленнее бежала по аллее волосатых пальм с жестяными листьями, переходящей в оживлённую приморскую улицу из ресторанчиков и сувенирных лавок. Позади, в отдалении, рысили двое неприметных, спортивного сложения парней. Постепенно Сандра перешла на шаг, тяжело переводя дух и успокаиваясь. «Вот напилась — голоса *сверху* начинают мерещиться... Как хорошо бы верить, что *наверху* сидит один главный продюсер нашей жизни, добрый и с белой бородой... Жутко узнать, что *там* всего лишь толпа ублюдков-сценаристов, никто никого ничем не лучше... и каждый из них, отталкивая соседей локтями, ловит подопытных зрителей на свою липкую мушиную киноленту, и потому вокруг такой тоскливый бардак и вавилонское столпотворение...»

Вдруг всё вокруг потемнело. Как будто кто-то выключил солнце.

Сандра вскрикнула от ледяного страха и вскинула голову. Плотное маленькое облако напозло на солнечный диск. Девушка истерично засмеялась, покрывшись холодной испариной. Облако раскололось пополам, и мир странно осветился огненным взглядом вертикально-щелевидного зрачка. Только тут Сандра до конца поняла, какой шок испытал Адам, когда его привычный мир погиб. И она ужаснулась содеянному: «Зачем, зачем я это сделала? Пусть бы он тихо умер подопытным кроликом через три дня, ничего не зная... Зачем нам пить отравляющее знание? Зачем нам человеческое достоинство, если оно приносит такую горечь и боль? Блаженны верующие...»

Посматривая с опаской на раскаляющееся солнце, Сандра неожиданно попала в нарядно одетую оживлённую толпу, выходящую из католического храма, возведённого из серого дикого камня. Свадьба. На взгляд Сандры, невеста была слишком плотной, а жених чересчур низеньким и смуглым, но они были очевидно счастливы. Круглолицые черноволосые новобрачные, осыпанные рисом и цветами, двинулись к вульгарно-розовому лимузину, запутанному в ленты. Сандра так завидовала этой сияющей паре, что внутри у неё всё вопило и плакало.

— Я понял! Ты из другого мира. Яркий блик небесных сфер.

— Я — всего лишь отражение твоего одиночества и непристойных мыслей.

— Вот почему ты никогда не останавливаешься возле меня. Бедняга, ты прикована к кругу неба.

В полумраке открытой церкви виднелось созвездие свечей и ярко освещённый алтарь. Священная клятва двоих перед богом. Освящённое начало взаимной жизни, будущих детей, обид и грехов.

Конец одиночества.

В голову Сандры, вольнодумной атеистки и доктора философии в области компьютерных наук, вкралась странная, даже кошунственная мысль — зайти в храм и поставить свечу. Извинение за неверие перед тем, кто *наверху*. Заплаканная просьба о счастье, оплаченная мелкой монеткой...

Что за бредовая идея!

Гости кричали новобрачным цветистые пожелания и скабрёзные советы. Сзади в толпе вежливо извинялись двое неприметных парней. Мир сквозь слёзы виден плохо, и возле бара Сандра натолкнулась на пожилого человека в тёмном сюртуке священника, но с расстёгнутым воротом рубашки. Старик упирался спиной в камень стены и панически озирался по сторонам. Его била крупная дрожь. По морщинистому лицу струился пот, а руки тряслись и бесцельно искали что-то в пространстве.

Сандра спросила, вытирая глаза и стараясь не дышать спиртными парами на старого человека:

— С вами всё в порядке? Вам нужна помощь?

Старик остановил на ней выпцветшие голубые глаза, в которых плавал ужас. И судорожно схватил Сандру за руку.

— Я скажу тебе СТРАШНУЮ ВЕЩЬ! — Глаза человека тоже были полны влаги. Горло не повиновалось ему, но он сумел выплеснуть пронзительную боль: — БОГА НЕТ!

И этому горю нельзя было помочь. Сандра вздохнула:

— Зато есть люди.

— Они — дети, бредущие над пропастью в темноте... — торопился объяснить, почти плача, старик. — Лгут, надеясь, и падают, смеясь. Под этим небом нет спасения и нет надежды!

— Надежда может уцелеть... если совсем закрыть глаза, — сказала утешительно Сандра. — Пойдём, старик, выпьем.

— Но людей же жалко!

— Ещё как! Не говори им, ладно?

Сандра вдруг решила, достала т-фон и вызвала номер, сообщённый мистером Уолкером. Подумала ещё секунду — и отправила заранее приготовленные файлы. «Адам был хорошим человеком. *Они* за него ответят! И я отвечу...»

За спиной Сандры два неприметных парня, как по команде, одновременно засунули руки в чёрные отвороты просторных курток.

Солнце садилось в шипящий раскалённый залив, и становилось трудно дышать из-за тревожных, заунывных криков флоридских чаек, чья громадная стая медленно кружилась над толпой смеющихся людей.

Крупная слеза вылилась из голубого глаза со щелевидным зрачком.

Глава 9

Межпланетное общество вундеркиндов

С егодня в классе появился новенький. Высокий, симпатичный, с короткой стрижкой. И спортивный — судя по плечам.

Девочки сразу оживились, зашушукались, а парни угрюмо скривились — они предпочли бы увидеть новенькую.

Гере стало жалко парня, растерянно стоящего в дверях, и он приглашающе ему махнул — место рядом пустовало.

— Меня зовут Илья, — новенький протянул Гере руку.

— А я — Гера Сычиков.

Гера хотел расспросить, откуда прибыл новичок, но в класс вошла Нина Ивановна — и все загремели стульями, вставая.

— У нас сегодня новый ученик, Илья Еленин. Давайте знакомиться. Илья, расскажи немного о себе.

— Здравствуйте! — бодро начал Илья. — Я учился в школе района Metallургов, а теперь мы переехали в Центральный район, и меня перевели в вашу школу. Хорошее место — совсем близко до Дворца молодёжи. Я там занимаюсь в астрономической секции.

— Я слышала о вашем Межпланетном обществе, — сказала Нина Ивановна.

— Астроном? — заржал Басов, самый здоровенный и самый тупой парень в классе. — Звёзды открываешь? В бинокль на небо смотришь?

— У меня есть тридцатисантиметровый телескоп, — спокойно ответил Илья. — В него и смотрю. И кометы меня интересуют больше звёзд.

Класс зашумел.

— Тридцать сантиметров? — фыркнула Светка и развела руки на такое расстояние, будто большую тарелку держала. — Разве бывает такой маленький телескоп?

— Тридцать сантиметров — это диаметр зеркала, — улыбнулся новичок.

— Ух ты, — не выдержал Гера. — Вот это махина!

Нина Ивановна вмешалась:

— Кто хочет расспросить Илью про его хобби — пусть подойдёт к нему на перемене. А сейчас включите учебники и найдите параграф двадцать восемь...

Все открыли свои электронные книжки и дружно зевнули на двадцать восьмой параграф. Говорят, раньше в школу таскали по десятку книг, а сейчас достаточно одной. И зовут её все с большой буквы: Книга. Если кто-то спрашивал: «Какую Книгу читаешь?» — то он имел в виду тип твоей электронной книги. Если вопрос выглядел так: «Какую книгу читаешь?» — то предполагался классический ответ вроде «Трёх мушкетёров» или «Гражданина Галактики».

Алёна, сидящая через проход, положила Книгу на коленки и загрузила на экран журнал мод. В классе установилась рабочая дремотная атмосфера.

— Где ты держишь такой огромный телескоп? — спросил после урока Гера. — На балконе?

— Нет, там плохой обзор и вибрация от шагов сильная. Я телескоп на крыше пристроил — неделю там просидел, новое место оборудовал.

— А можно посмотреть?

— Конечно.

Тут к ним подошла Тайка. Гера сразу почувствовал, как его щёки наливаются краской. Да что за глупая реакция?! И сказал торопливо:

— Илья, познакомься — это Тайка.

С Тайкой была просто беда — Гере всё время хотелось на неё смотреть, но такой взгляд выдал бы его с головой. Гера отвёл глаза куда-то в сторону и добавил:

— А Илья обещал показать мне свой телескоп.

— Привет, Илья. — Тайка церемонно подала руку новенькому. Она всегда так величественно протягивала руку для рукопожатия, что Гере хотелось не просто пожать её, а... ладно, это сугубо личные рефлексy.

— А мне можно посмотреть на твой телескоп? — спросила Тая, прищурившись на новенького.

— Да хоть сегодня, — ответил Илья. — Пошли сразу после школы. Я тут недалеко живу.

Дом был старый, тридцатизэтажный. Лифт ворчал, дёргался и раскачивался так, словно ему надоело ездить вверх-вниз и он пытался найти себе какую-нибудь дорогу поинтереснее. И пейзажик какой-нибудь не помешал бы.

Прибыли на последний этаж. Илья открыл древнюю чердачную дверь, запертую на

вполне современный электронный фингер-замок. На коньке крыши, куда вела металлическая лестница с перилами, была небольшая бетонная площадка. Раньше на ней кустились всевозможные ажурные антенны, а потом оптоволоконная подземная паутина вытеснила эти разлапистые конструкции, похожие на огородные пугала.

Сейчас на площадке стоял на треноге внушительный телескоп длиной метра в полтора. Он смотрел в небо, но его глаз был закрыт чёрным пластиком.

— И как ты в него наблюдаешь? — спросил Гера, осматривая диковинную конструкцию.

— Я сижу дома и смотрю на экран. А телескоп управляется дистанционно. Вот здесь у него главное зеркало. Недавно купил новую приёмную матрицу: всего на сто миллионов пикселей, зато очень чувствительная.

— А можно внутрь заглянуть? — Тайка вытянула шею.

— Можно. — Илья нажал кнопку на т-фоне, и диафрагма на телескопе бесшумно разошлась. — Она сама закрывается днём или когда дождь идёт.

Тайка и Гера заглянули в чёрную трубу — на её дне мерцало вогнутое зеркало, как вода в глубоком колодце.

— Оптическая схема Ньютона, — сказал Илья. — А раньше у меня был телескоп поменьше, на схеме Максудова–Кассегрена. Я его продал, добавил денег и купил этого красавца. Жаль, что небо городское, засвеченное.

Многое из сказанного было непонятно, но переспрашивать никто не стал — самолюбие.

Небо было хмурым, облачным и вечерним. С высоты тридцати этажей город выглядел странно — Гера никогда не думал, что главная площадь города и их школа рядом. По земле между ними идти было долго.

— Я сейчас покажу вам фото на моём компе, — и Илья повёл их к себе.

Они сидели у него в комнате, пили чай, смотрели на снимки Сатурна и Луны.

Гера разглядывал фото ярко освещённых лунных городов и говорил:

— Хочу жить в космосе! Ходить в скафандре по кратерам, летать на крыльях...

Тайка бродила возле полок, перебирала всякую всячину. Там лежало старое зеркало от телескопа, пара метеоритов, шапка розовых кораллов и даже несколько бумажных книг. Гера расспрашивал: у всех ли в астрономическом кружке есть телескопы?

— Телескоп иметь необязательно, — сказал Илья. — Если хочешь, в воскресенье вместе пойдём во Дворец.

Гера безоговорочно хотел.

— Тайка, пойдёшь? — спросил он.

Та, не оборачиваясь, молча кивнула.

В глубине парка прятался старый дворец, к которому вела потёртая каменная лестница. У двери на доске красовалось:

МЕЖПЛАНЕТНОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО УЧАЩИХСЯ (МНОУ)

Сбоку мраморной доски приделан то ли насмешливый, то ли надменный бумажный рукописный плакат:

Межпланетное общество вундеркиндов

В холле Дворца висело расписание целой кучи секций: от археологии и биохимии до теоретической физики и социалингвистики. Гера отметил самые интересные для себя.

Метеоритный отдел. Руководитель — Алекс Милановский. Судя по голографическому

фото — здоровенный мужик. Стоит на фоне египетских пирамид, гордо держа в руках оплавленный чёрный камень.

Астрономическая секция. Руководитель — Василий Румянцев (фото нет), директор обсерватории — бородатый Тимур Крячко, сфотографирован возле телескопа.

Илья сказал:

— Пошли в Совет. А потом зайдём в обсерваторию.

Совет МНОУ был просто большой комнатой, где сидели, стояли и галдели два десятка подростков.

С Ильёй все здоровались, причём Гера обратил внимание, что рукопожатие было необычным — пожимались не ладони, а большие пальцы. «Во дают вундеркинды!» — озадаченно подумал он.

Они с Тайкой сели в стороне — осмотреться и послушать информационный шум.

Невысокий мальчик с белокурым чубом рассказывал:

— Пришёл к нам новый учитель математики. А наш класс — математический и весь записан в общество вундеркиндов. Учитель этого не знал. Говорит: «Откройте учебники на десятом параграфе. Сегодня изучаем векторное произведение...» Вася поднимает руку и лениво говорит: «Это детство мы миновали два года назад. Сегодня у нас по плану группы Ли!» Учитель покраснел, проверил по компьютеру и говорит: «Извините, я сегодня не готов к уроку».

— Ха-ха-ха! Учитель — и не готов?!

— Ага! Но он быстро нашёлся — вызвал того же Васю на учительское место, и тот целый час про групповую алгебру рассказывал. Получил сразу две пятёрки.

— Уравнения Киллинга — очень красивая вещь!

— А у нас из секции математики один мальчик ушёл в филологический кружок.

— Старая история: для математики у него была слишком бедная фантазия, и ему пришлось уйти в поэты. Ха-ха!

— Чему ты так рад? Узнал, как решить бином Ньютона?

— Что сегодня будем обсуждать на Совете?

— Нас пригласили в Миасскую школу — рассказать о нашем обществе.

— О, это будет интересно! Как-то мы на два дня поехали в Коркинскую школу: местный учитель попросил помочь организовать филиал нашего научного общества. А сами школьники встретили нас свистом и смехом: «Ботаники приехали! Будут уговаривать нас цветочки собирать и бабочек ловить. Давайте лучше в волейбол сыграем!» А мы неожиданно соглашаемся: «Давайте!»

Кто-то в комнате захихикал.

— Выставили коркинцы свою мужскую сборную. А у нас парней на команду не набиралось, так что мы парой своих девчонок доукомплектовались. Никто из нас особенно в волейбол не играл, но мы разгромили эту школьную сборную как детей. Андрюха у нас был рослый, а Светка прыгала как кенгуру... На последней игре мы так разошлись — почти всухую хозяев обидели. Очень они расстроились...

— Вечером на танцах они расстроились ещё больше — когда наши Володя с Аней на глазах всего восхищённого зала оторвали сногшибательный акробатический рок-н-ролл! Анины ноги взлетали под потолок, а у местных мальчиков рты были открыты, как при хоровом пении.

— А их девочки при расставании шмыгали носами и просили приезжать ещё...

— Да, встречали нас как последних ботаников, а провожали как первых космонавтов!

— Ну и секция общества в школе возникла мгновенно — даже с некоторой давкой в дверях...

— А когда будет обсуждаться программа весенней конференции? У меня целых два доклада — по химии и теоретической физике.

— Физику у вас по-прежнему профессор Свирский ведёт?

— Да, старик ни одного воскресенья не пропускает. В прошлый раз мы пробовали

построить теоретическую модель электрического сопротивления металлов и диэлектриков. С учётом магнитного поля.

— А не знаете — будет ли в этом году экспедиция за метеоритами?

— Конечно, будет. Хорошо бы не в Казахстан, а в Египет — там легче камни искать.

— А ни у кого нет лишнего бумажного сборника конференции за прошлый год? Надо в школьную библиотеку отдать.

— Кто поменяется со мной днями дежурства на телескопе? У меня послезавтра день рождения. Если не найду замену — придётся гостям есть мой торт без меня.

— Готов поменяться, но только отдашь мне за это лишний час своего наблюдательного времени.

— Ах ты сквалыга! Хочешь первым комету найти? Ладно, согласен, только если признаешься — в каких спектральных линиях ты предпочитаешь искать кометы?

Гера слушал в три уха и смотрел в четыре глаза. Тайка тоже не упускала ни слова. Перед ними открылся совершенно другой мир. Их школа неплохая, и ребята там неглупые, однако нелегко подойти на перемене к какому-нибудь однокласснику и сказать: «Уравнения Киллинга — очень красивая вещь!» или спросить: «В каких спектральных линиях ты предпочитаешь искать кометы?»

Одноклассники тебя могут неправильно понять!

А эти ботаники ведут себя так, будто они-то и есть гордая соль земли. Они в полный голос — не боясь и не стесняясь! — говорят об алгебраических группах, радиохронологии, о каком-то гексафторплатинате ксенона и о какой-то вакуумной пропитке древесины.

Рослый белокурый красавчик-атлет не принимал участия в общей игре, он увлечённо читал книгу. Тайка заглянула через его плечо и увидела какие-то сложные диаграммы и схемы ядерных реакций.

«Этого в школе не проходят!» — ошарашенно подумала она. Куда они с Герой попали?! За соседним столом две девчонки рассматривали какой-то камень. Из обсуждения Тайка поняла, что это метеорит, найденный одной из школьниц — той, у которой рыжие косы. Она относилась к какому-то особому классу, а подруга с сомнением хмыкала. Рыжая девчонка довольно сказала:

— Нашла его случайно: остановились на днёвку и уже приборы выключили. Я пошла за соседнюю дюну... э-э... размять ноги — и на наветренном склоне это чудо и нашла. Килограммовый! Это энстатитовый хондрит. Редкая штука! Смотри, какой светлый скол!

Тайка любила красивые камни и минералы, и разговор девочек был ей понятнее, чем ядерная физика и спектры комет.

— А в метеоритную секцию ещё принимают? — тихо спросила она девчонок.

Башня обсерватории, куда Илья привёл друзей, напоминала улей механических пчёл. Там всё жужжало. Моторчики, которые поднимали рыло огромного — метров шесть длиной и почти метр в диаметре — телескопа, звенели тихо, зато двигатель, вращающий купол, не стеснялся и верещал как целый рой сердитых шмелей. Шелестели вентиляторы, с материнскими интонациями зудели о чём-то важном пультовые сигналы.

— Илья, заходи! — раздался голос.

В небольшой стеклянной кабине на табуретке сидел бородатый человек с фото у входа во Дворец.

«Тимур...» — вспомнил Гера.

— Я уже подключил твой телескоп в общую сеть! — оживлённо сказал Тимур. — На сегодня у нас сто двадцать инструментов.

Бородач махнул на экран, где красовалась карта Земли с сотней огоньков. Рядом размещались карта Марса с десятком горящих звёздочек, а также несколько карт спутников и астероидов с огоньками. Гера с удивлением увидел, что на жёлто-оранжевом спутнике Ио тоже сияют две звёздочки.

— Настоящее межпланетное общество! — с удовольствием отметил Илья.

— Сейчас мы доводим до ума программу слияния данных. Скоро наша объединённая сеть телескопов заработает как часы! Ребята уже поделили дежурства на три месяца вперёд.

— А что вы наблюдаете? — спросил Гера.

— У нас есть несколько общих программ. — Тимур мотнул головой на стенд, где висели листки с заголовками: «Кометы», «Сверхновые», «Переменные звёзды», «Астероиды», «Экзопланеты», «Галактики» и списками участников программ.

— Но можно быть и «свободным охотником!» — добавил Илья, чему-то усмехнувшись.

— Можно, — неодобрительно скривился Тимур. — Толку от них не много, но если человек включил свой личный телескоп в общую сеть, то он получает право на часть времени сети и вправе использовать его как хочет.

— А где метеоритная секция? — спросила Тайка.

— Они толкуются в соседней комнате, — ответил Тимур. — Мы, собственно, одна команда. Они тоже астрономы, только смотрят не на небо, а под ноги. Оборудования кот наплакал, а метеориты таскают килограммами, — почему-то осуждающе сказал бородач.

Гера увидел на стене групповую фотографию возле дворца. В середине целой толпы подростков стояла красивая женщина с мальчиком лет четырнадцати. Тимур объяснил:

— Королева Гринвич дала нам денег на телескоп и коммуникатор, который связывает все наши инструменты в сеть. Королева сама приезжала к нам, со своим сыном, принцем Майклом. Мы его тоже приняли в наше общество. Хочешь послушать, что она сказала?

Тимур, не дожидаясь ответа, вызвал на боковой экран изображение красивой женщины со странно сверкающими волосами. Она говорила, обращаясь к залу, полному «вундеркиндов»:

Ваше поколение живёт в эпоху, когда мотор истории меняется. Раньше история была борьбой вершин социопирамид, сейчас история движется их разрушением. Падение властных иерархий не означает анархии. Человеческий мозг — самое могучее оружие во Вселенной. Смешно было ожидать, что он отступит перед пирамидальной окостенелостью социального устройства и не найдёт более справедливого варианта самоуправления общества.

Не верьте тем, кто говорит, что правды и добра нет, а драчливое и богатое зло всегда побеждает.

Ненавидеть мир просто, помочь ему — во сто крат сложнее. Гамлетовский вопрос — вступать в битву с опасным злом или нет? — каждый решает сам за себя. Испуганная душа — это самое страшное, что может приключиться с человеком, и преодолеть этот испуг можно лишь невероятным усилием. Но если бы не находились смелые люди, бросающие вызов драконам зла, то человечество бы вымерло. Я верю, что вы присоединитесь к тем, кто хочет, чтобы в этом мире не стреляли в спину, а ценили ум и труд. Надо всем дать шанс на счастье.

Будущее принадлежит умным, а историю делает каждый. От грядущих кризисов человечество спасут не волшебные палочки, заколдованные мечи или глубокомысленные медитации, а наука и учёные — при поддержке остальных людей. Или, если угодно, это сделают сами люди, но при поддержке учёных.

Не бояться, не злобствовать и упорно учиться. Это очень трудные правила жизни для юного человека.

В школах свирепствует чума презрительного отношения к «умникам» или «ботаникам». Очень рада видеть столько школьников, которые не боятся показывать, что умным быть не зазорно, а наоборот — престижно.

Пора всем перестать стыдиться своего ума. Интеллектуальность подрастающих поколений — это мировая необходимость. Поэтому от вашей увлечённости наукой зависит будущее всего человечества.

Разум требует работы, невежество не требует ничего. Математика, физика, биология, социология и другие науки — да, они трудны, зато восхитительно интересны, позволяют нам видеть не только поверхность окружающего мира, но и

его глубину по оси динамических пружин причин и следствий.

Что бы вы ни изучали, изучайте ещё и математику. Её нужно понять, полюбить и научиться самостоятельно применять.

Математические уравнения являются прочным стержнем нашего постижения Вселенной. Они смело пронизывают водовороты далёких галактик и атмосферных ураганов, колебания раскалённой плазмы и кружение кленового листа, пульс горячей крови и дрожание холодной росы. Простенькую галактику можно уложить в десяток формул; уравнения, описывающие жизнь кленового листа, неизмеримо сложнее.

Каким-то счастливым из вас предстоит открыть формулы успешных межзвёздных перелётов и уравнения бессмертной человеческой жизни.

Я вам завидую.

По дороге домой Илья рассказывал об обществе вундеркиндов и о руководителях астросекции.

— Этот Тимур — фанатик наблюдений. Как-то он в одиночку просидел много месяцев в горной обсерватории. Дорогу туда завалило оползнем, но он наблюдения не прекратил. Продукты кончились — так он питался дятлами и крапивой. Зато на его счету уже куча планет-транснептунов. Я люблю с ним наблюдать — он в любой перерыв берёт гитару и поёт хоть до утра. Он знает миллион песен — ни разу от него повторов не слышал, разве что по заказу публики. Бумажки и бюрократов терпеть не может, всю такую работу сваливает на Василия Румянцева. Зато Василий — дипломат, отвечает за всю международную политику и финансирование нашего старейшего в России научного общества учащихся. Чтобы организовать межпланетную сеть любительских телескопов, Василий написал заявку в Гринвич-фонд от имени нашего общества. И программист он хороший — это под его руководством создан и отлажен весь софт для межпланетной сети телескопов. И диссертацию по наблюдениям астероидов он успел написать. Но с Василием по душам не поговоришь... Он такой... солидный.

Гера расспрашивал Илью — много ли комет и сверхновых звёзд открыли сами ребята, а потом завистливо вздохнул:

— Жаль, у меня нет телескопа, я бы с удовольствием понаблюдаю что-нибудь...

Илья вдруг сказал:

— Хочешь, бери моё время. Я уезжаю на всё лето в Крым, к дяде Серёже. Там тоже есть телескоп — в Симеизской обсерватории. Буду отдыхать и заодно помогать в одной программе наблюдения метеорных потоков.

Гера засиял:

— Хочу! Я как раз буду сидеть дома из-за младшей сестры. Родители часто уезжают к бабушке — она болеет, и ей нужна помощь. А я буду пасти сестрёнку.

— Верунчик считает, что это она о тебе заботится! — хихикнула Тайка.

— Мало ли что эта малявка считает!

— А мне понравились метеоритчики. В экспедиции ездят, на разные страны смотрят... — сказала Тайка. Её глаза таинственно мерцали, отражая свет дальних стран, или небесных камней, или ещё каких-то увлекательных картин.

9.1. Гера

И аступили каникулы. Радостно сломался надоевший ритм школьной жизни. «Можно спать сколько хочешь...» Эта сладкая мысль приходила по утрам и сгоняла сон не хуже будильника. Стоит ли спать, если столько интересного можно сделать за длинный свободный день?!

Тайка улетела в египетские пустыни — искать небесные камни. Илья уехал на Южный берег Крыма — купаться и смотреть на звёзды в телескоп двухметрового диаметра. Но Гере и в родном городе скучать было некогда.

Во-первых, Верунчик отнимала немало времени. То в парк её своди, то на аттракционах покатай. Вот с едой проблем не было: при родителях сестра могла покапризничать, а при брате ела всё, что он смог приготовить: сосиски, варёную картошку или — попросту — купленную и разогретую пиццу. Понимала Верунчик, что условия приближены к полевым, даже к боевым — и лучше не высовываться с претензиями. Зато и Гера не заставлял её ничего доедать — ешь столько, сколько душа примет. Не заталкивай и не уминай.

Во-вторых, на Сосновом озере Гера нашёл небольшую пристань, где можно было взять напрокат крохотный ялик с парусом. Управлять им было настолько просто, что Гера освоился с первого раза. Он садился на заднее сиденье ялика, поднимал парус и плыл по ветру, слушая журчание разрезаемой воды и хлопанье паруса при перемене галса.

Ходить против ветра у Геры пока не очень получалось, да и медленно. Поэтому он сворачивал парус и грёб обратно на вёслах, с удовольствием поглядывая на вздувающиеся бицепсы. Вернётся Тайка из своих пустынь, и он покатает её на ялике.

Вообще, хотелось сделать что-то такое, отчего Тайка завизжала бы от восторга или хотя бы посмотрела на Геру с восхищением. Может быть, она поймёт наконец, что... тут Гера мысленно запинаясь, невольно краснел и сильнее наваливался на вёсла.

Он часто захватывал удочки и нередко брал на ялик Верунчика. Впрочем, рыбная ловля и младшая сестра плохо совмещались: рыба слышала Верунчика издали и дружно пряталась в тине и под корягами — переждать непонятный ураган.

В-третьих, примерно раз в две недели у Геры было ночное дежурство «по космосу» за счёт наблюдательного времени Ильи. К сеансу наблюдения нужно было готовиться: телескопам ребят, живущих на Марсе, астероидах или Ио, заранее посылались инструкции по согласованию работы инструментов. Гера стал «свободным охотником» и сканировал небо в поисках любых интересных объектов — в первую очередь комет и астероидов.

Первое дежурство июля выпало на ночь. Трудно не смыкать глаз всю ночь, но если любишь поспать, то в астрономы-наблюдатели тебе идти не стоит. Гера быстро дошагал, кое-где переходя на рысцу, до дворца и вскоре уже сидел в стеклянной кабинке обсерватории — «косморубке», как её обычно называли.

За первый летний месяц Гера освоился на обсерватории, узнал ряд хитростей от опытных наблюдателей-ребят и самого Тимура. Телескопы обычно наблюдали в оптике, но многие захватывали инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны. Инструменты имели разный диаметр зеркала, угол зрения и качество картинки.

Всё это согласовывалось заранее рассылаемым протоколом наблюдений. Если бы Гера вздумал прямо сейчас послать сигнал в систему Юпитера — с просьбой развернуть телескоп в направлении созвездия Стрельца, то телескопы Антона и Габриэлы, живущих на берегу чёрного серного озера Локи на юпитерианском спутнике Ио, узнали бы о его просьбе только через сорок четыре минуты — именно столько летит радиоволна или лазерный луч от Земли до Юпитера. Но Гера заранее отправил инструкции и...

Он посмотрел на цифры секунд, сменяющиеся на экране.

...и именно в эту минуту все телескопы, задействованные в нынешнем сеансе наблюдений, начинают поворачиваться в направлении созвездия Стрельца. Формально сеть Межпланетного общества вундеркиндов насчитывала сто двадцать телескопов, но реальное число работающих в каждый момент времени инструментов было заметно меньше. Часть оказывалась на дневной стороне Земли. Для других исследуемая область находилась ниже горизонта. Нужно было следить также, чтобы Луна не засвечивала исследуемую область.

Сегодня парочка инструментов ещё и в ремонте — это видно по цвету точек в сети. Зато у Геры сегодня задействованы практически все космические телескопы — а именно они дают лучшие результаты. Ещё бы, наблюдения без атмосферы — разве это можно сравнить с данными земных телескопов, стоящих на дне газового океана, загрязнённого пылью и световым шумом от городов?

Кометы и астероиды логично было наблюдать возле плоскости эклиптики — там их

больше всего. Астрономы обычно искали космические слабосветящиеся тела в самых тёмных областях неба, стараясь избегать смотреть на центр Галактики, который располагался в созвездии Стрельца и был загромождён звёздными скоплениями и светящимися газопылевыми облаками. На таком фоне найти крохотный слабый объект очень непросто.

Но именно здесь любил наблюдать Гера. Если честно, то ему попросту нравилось смотреть на небо, усыпанное звёздами. Другие ребята-наблюдатели уже могли воспринимать звёзды как помехи на экране, а Гера всё ещё ими любовался. Чтобы оправдать свои «стрелецкие» предпочтения, он говорил, что на примере такого «шумного» участка неба ищет самую лучшую спектральную комбинацию для наблюдений комет.

И он действительно много экспериментировал, пытаясь поймать специфическое для комет излучение. Он нередко использовал сразу три-четыре узких спектральных полосы — обычных воды и углекислого газа, экзотического циана или сероводорода, которые можно было найти именно в кометах. Всё годилось, что выделяло кометы на фоне звёзд.

Сегодня Гера задал весьма хитрую спектральную комбинацию, рассортировав телескопы на три класса и сориентировав их на наблюдения трёх отдельных полос.

Посмотрев на чёрный главный экран, Гера расстроился. Его критерий наблюдений оказался столь жёстким, что на экране ничего не было видно — ни звёзд, ни комет. Но делать нечего — не менять же инструкции в ходе сеанса! «А почему бы и нет?» — спросил сам себя Гера. Он покатал эту крамольную мысль от уха до уха, потом она закатилась в какой-то угол — наверно, в нос, потому что Гера звонко чихнул.словно в ответ на сотрясение, в левом верхнем углу экрана вспыхнула звёздочка.

Гера вскочил с гулко забившимся сердцем — будто увидел дёрнувшийся поплавок после долгого рыбацкого ожидания.

Вспышка на экране означала, что из данной точки космоса пришла тройная комбинация фотонов с нужными длинами волн. Её засекли... Гера вызвал список телескопов на боковой экран... двадцатисантиметровый инфракрасный телескоп на Палладе, полуметровый оптический телескоп в Чили и ультрафиолетовый крохотный дециметровик на Луне.

Гера всматривался в угол экрана, словно хотел проткнуть его взглядом. Ну, давай, давай, один раз не в счёт. Но долгое ожидание ни к чему не привело. Тройная вспышка была единственной за всю ночь наблюдений. Может, оттого, что другого улова не было, Гера всё время размышлял об этой вспышке. Если это комета, то почему она замолкла? Может, это был пик её активности, который сменился спокойным периодом? Такое бывает с кометами...

Гера проверил, идёт ли запись данных. Да, всё в порядке. Потом он внимательно просмотрит данные и выяснит — были ли другие комбинации сигналов из этой области пространства, но не из трёх фотонов, а из двух.

Ушёл он утром довольный. Вспышка несла в себе тайну и надежду.

Поспав дома часа четыре и накормив сестру, Гера взялся за анализ данных: вызвал на экран только этот участок неба и рассмотрел сначала инфракрасную картинку, похожую на горящее облако.

Оптика дала скопление звёздочек из отдельных фотонов.

Ультрафиолетовая картинка была почти пуста, с десятком рассеянных квантов.

Проведя линии из трёх точек наблюдения, Гера убедился, что они практически точно совпадают в одной точке, расположенной примерно на шести астрономических единицах, недалеко от Юпитера. Да здравствует метод параллакса!

Точка вспышки найдена, но что здесь вспыхнуло?

Другие квантовые комбинации — не тройные, а хотя бы двойные, из этой зоны отсутствовали. Одинарные события соответствовали статистически незначимому уровню.

Но всё-таки тройная вспышка была. Что за ней кроется?

Так как наблюдение было единичным, Гера не мог определить скорость и направление движения кометы — если, конечно, это комета, а не случайная флуктуация, собравшая три

кванта вместе. Вот если бы поймать сигнал из ещё одной точки орбиты... Но — чего нет, того нет; компьютер прошерстил данные наблюдения вдоль и поперёк и ничего примечательного не нашёл.

Гера долго размышлял, а потом применил хитрость: предположил, что невидимая комета принадлежит к группе Юпитера — недаром она нашлась недалеко от него — и имеет типичную для орбит юпитерианских комет большую полуось, эксцентриситет и наклонение. Потом он логично предположил, что комета двигалась к Солнцу, а не от Солнца — иначе бы её заметили раньше. Шаг за шагом Гера сужал зону возможного будущего нахождения кометы — и в конце концов определил коридор пространства, где её можно было поймать в следующие сеансы наблюдений.

Теперь осталось решить самое сложное — включать ли в обязательный отчёт о вчерашних наблюдениях эти смешные рассуждения.

Оценочную кометную орбиту для будущих наблюдений Гера склеил из таких логических лоскутков, что получился картонный домик, который не выдержит даже лёгкого критического ветерка. А насмешек сколько будет! Гера уже знал, что вундеркинды-межпланетчики обожают высмеивать чужие ошибки и иронизировать друг над другом — особенно над такими новичками, как Гера. В деле насмешек вундеркинды тоже превосходили обычных ребят.

Но Гера упрямо набычился и отправил свой отчёт на сайт обсерватории. Пусть кто хочет смеётся, а он будет использовать эти данные для следующих наблюдений.

И в остальные наблюдательные ночи он наводил все телескопы на подозрительную область, вернее на то место, где должна была располагаться невидимая комета.

Смеялись, конечно, много. Особенно Никита, который сам хотел занять наблюдательное время Ильи.

— Это не комета — лучше назвать этот объект «Гериным фантомом». Определить орбиту по одной точке — это достойно Нобелевской премии! Или санатория. Гера, тебе надо отдохнуть от наблюдений, полечить нервы. Я буду носить тебе передачи и наблюдать вместо тебя.

Прошёл июль. Комета не появлялась, и даже Гера махнул на неё рукой, не прекращая наблюдений из чистого упрямства.

Пятеро ребят, свободных охотников, тоже пробовали наблюдать вдоль найденной Герой орбиты, но к августу таких добровольцев осталось всего двое. А потом и вообще один — Виталий Невский, румяный невысокий паренёк, который имел собственный тридцатисантиметровый телескоп и наблюдал обычно сразу после Геры.

В конце августа наступил последний сеанс наблюдений для Геры. И снова экран остался чёрным, как ночное стекло.

Ничего.

Виталий пришёл за пятнадцать минут до своего сеанса, увидел мрачную физиономию Геры и всё понял без слов.

Но бодро сказал:

— Астроном должен быть в сто раз терпеливее рыбака.

Он расположился в кресле, вытащил термос с кофе и бутерброды.

— Хочешь перекусить? — спросил он Геру.

Тот, хотя и был голоден, отрицательно помотал головой: ему сейчас идти домой кормить Верунчика — там и поест. А Виталию ещё всю вторую половину ночи сидеть — ему эти бутерброды важнее.

Виталий посмотрел на экран, заглянул в протокол наблюдения Геры и хлопнул себя по лбу:

— Ах я болван! Забыл отправить свой протокол марсианам и юпитерианцам! — Он подумал секунду и улыбнулся: — Ну и ладно, отнаблюдаю сегодня по твоей программе. Экран у тебя мрачноват, мой-то повеселее будет, но у меня есть на сегодня интересная книжка.

И тут в самом нижнем правом углу экрана вспыхнула звёздочка.

Геру как пружиной подбросило.

Тройная вспышка!

— Что-то клюёт! — Виталий развернулся на кресле к другому экрану и спешно залез в файл наблюдений.

— Смотри, совсем рядом с твоей орбитой! — показал он точку пересечения трёх линий, которые тянулись от телескопов на Ио, Палладе и Марсе.

Гера ударился в нервную дрожь. Неужели комета?! Он проклял зубами:

— Давай определим новую орбиту — с учётом двух точек орбиты.

— Согласен, — сказал Виталий и принялся за работу.

Закурлыкал т-фон в кармане Геры.

— Герыч, ты где?! — раздался в трубке голос сестрёнки. — Я есть и спать хочу!

— Верунчик, — лстиво забормотал Гера, — у меня ещё тут дела в обсерватории, мне очень нужно задержаться. Открой холодильник и найди красную пластиковую коробку...

Гера долго уговаривал Верунчика и объяснял, как она может соорудить себе поздний ужин с помощью мегаволновки и замороженной пиццы. Наконец всё утряслось, и Гера выключил т-фон.

Экран оставался чёрным.

Виталий уже получил решение для орбиты и вывел её на экран. Длинная изогнутая линия соединяла старую и новую вспышку, подходила совсем рядом к Юпитеру, огибала его и снова улетала в холодные космические дали.

Виталий виртуозно владел софтом для наблюдений — ещё бы, он сам участвовал в его создании! Он запустил программу обработки наблюдений, которая сразу должна была показывать в районе орбиты предполагаемой кометы не только тройные, но и гораздо более многочисленные двойные вспышки.

Мальчики, затаив дыхание, наблюдали за орбитой, по которой медленно полз значок потенциальной кометы.

Двойная вспышка! Совсем рядом с кометным значком!

Виталий восторженно зарычал и сильно хлопнул Геру по плечу:

— Старик, да ты гений! Состряпать такую приличную кометную орбиту по одному наблюдению...

Гера изо всех сил старался держать себя в руках.

— Ещё не факт, надо смотреть дальше.

Действительно долго ничего не было. Потом двойная вспышка показалась в отдалении — явно фоновая.

Ночь катилась к рассвету, и есть хотелось всё больше.

Гера слегка упал духом. Ну ещё вспышечка, ну пожалуйста!

И словно в ответ — вспышка перед самой кометой. Потом ещё одна — чуть сбоку. Пусть двойные, но их становилось всё больше — три... четыре... Комета словно ползла по минному полю, подрывая собой всё новые заряды. Вспышки были не красные тройные, а всего лишь жёлтые двойные, но их концентрация вдоль предполагаемой орбиты была явно не случайной.

— Поздравляю, Герыч! — Виталий сиял как лампочка. — Ты её поймал!

— Нет, — замотал Гера головой. — Сейчас твой сеанс, вторая точка орбиты — твоя.

— Тогда пусть будет кометой Сычикова-Невского! — воскликнул Виталий. — По рукам?

Гера от избытка чувств не мог ничего сказать, только долго тряс руку Виталию.

Комета продолжала ползти по минному полю, и жёлтых вспышек уже было с десяток. А вот и ещё одна красная!

— Так, пора за дело! — И Виталик стремительно сел в кресло, и его пальцы забарабанили по клавиатуре.

— Надо срочно послать сообщение в Кометный центр, пока нас не опередили.

Гера с восхищением смотрел, как ловко Виталий составляет сообщение в Международный центр астрономических наблюдений. Виталик работал и азартно бормотал:

— Ссылка на твой июльский сеанс... прилагаем сетевой адрес протокола наблюдений... ну ты и нахал, старик! Из молодых, да ранних! ...Ссылка на сегодняшний сеанс. Статистика точек... дадим оценку точности орбитальных параметров... Итак, подписываем вдвоём?

Виталий обернулся на Геру. Тот энергично кивнул головой. Виталий настучал, что сообщение приготовили Гера Сычиков и Виталий Невский, участники телескопической сети МНОУ.

— Ещё раз проверим, но затягивать не будем! — сказал Виталий, быстро пробежал глазами сообщение и занёс палец над клавишей отправки.

— Да поможет нам Юпитер!

Послал файл и устало откинулся на спинку кресла.

На экране появился сигнал регистрации сообщения в международной базе данных.

— Отлично! — потёр руки Виталий. — Конечно, твои июльские наблюдения дают нам огромное преимущество — и в приоритете, и в точности орбиты, но всё-таки хорошо бы, чтобы мы и вторую точку раньше всех поймали.

Экран снова пискнул. Виталий всмотрелся и завопил:

— Комету поймали и на телескопе «Слайфер»! Мы опередили их со своим сообщением на три минуты! Ура!

Он соскочил с кресла, обхватил Геру и попытался его слегка подбросить вверх. Но не получилось — и они чуть оба не рухнули на стол с приборами.

— Как здорово! Мы утёрли нос самым слайферовцам! А то они больно гордые ходят по конференциям наблюдателей... — еле выговаривал запыхавшийся Виталий.

Гера был в шоке и просто улыбался.

Есть уже совсем не хотелось.

— Давай отметим нашу удачу! Какой я молодец, что вчера засмотрелся «Звёздными крокодилами» и забыл отправить свой протокол. Я всегда говорил, что о лежащий камень спотыкаются самые крупные удачи!

Виталий разлил кофе по стаканчикам и развернул пару бутербродов — один с сыром, другой с копчёной рыбой.

Нет, есть всё-таки хотелось ужасно.

— О великий Юпитер! Пусть это будет не последняя наша комета! — провозгласил Виталий тост, подняв дымящийся стаканчик.

Гера жевал вкуснящий бутерброд, не понимая — с сыром он или с рыбой, — и думал только об одном: через неделю приедет Тайка. Он ей всё расскажет. А она восхищённо посмотрит на него и скажет: «Герыч, какой ты молодец! Давай пойдём вечером в кино и сядем на последний ряд...»

Тут Гера сильно поперхнулся, и Виталий стал с восторгом лупить его по счастливой спине.

9.2. Тайка

Тайка надвинула на глаза широкополую шляпу и вздохнула. Египетское солнце раскаляло меловую пустыню так, что она сияла не хуже самого светила. А ещё знойный ветер с песком. От жары немного помогал кондиционер, который обдувал лицо прохладной струей, но остальным частям тела приходилось обходиться собственными силами.

Очки, спасающие от солнца, никогда не снимались и уже натёрли потную переносицу.

Первый египетский месяц был самый тяжёлый — пить хотелось всё время, но верблюжьих горбов, куда можно было отложить про запас, не было, и выпитое мгновенно выступало мокрыми пятнами на плоской девичьей спине. Потом организм понял, что таким обычным способом не справиться с необычной жарой, изыскал скрытые резервы и всё-таки

включил экономичный режим. Теперь Тайка после утренней кружки чая могла бегать по жаре целый день, почти не потев.

На ней были наушники поисковика, который мог найти метеорит в десятиметровой полосе и на глубине до двух метров.

Поисковик пел. Арий у него было не много. На земную почву он просто непрерывно и тихонько ныл или гудел: в песке — потоньше, в плотной глине — побасовитей.

Каменные метеориты вызывали у поисковика учащённое мышинное попискивание, а у человека-метеоритчика — учащённое сердцебиение. Железные метеориты отзывались птичьим щебетом. Типичный палласит квакал.

Всем новичкам дали послушать арии поисковика, поднося к его носу метеориты из коллекции. Говорят, что на редчайший лунный метеорит поисковик мурлыкает, а на марсианский — гавкает, но, судя по всему, это были народные мифы. Вряд ли кто из секции метеоритчиков держал в руках марсианский или лунный метеорит — их находят слишком мало и в основном в Антарктиде.

Тайка стояла на двухколёсном сегвее и ехала вдоль намеченной трассы по каменной пустыне. Отклонение от курса — в пределах полуметра, скорость — не более десяти километров в час, а то лампочка на поисковике начинала нервно мигать. За день девушка наматывала больше восьмидесяти километров — по песку и камню. Батареи сегвея садились почти полностью — один раз машинку пришлось последние сотни метров подталкивать.

Несмотря на крем и шляпу, у Тайки нос сначала загорел, а потом облупился коричневой шелухой, обнажив нежную кожу, розовую, как молодая картошка. Руки, держащие руль сегвея, по цвету сравнились со смуглыми руками египтянок, торгующих на базаре фиолетово-чёрными баклажанами и жёлтыми дынями.

В общем, оказалось, что искать метеориты скучновато. Часами стоять на трясущейся платформе, пряча лицо от сухого ветра и жаркого солнца. Даже музыку послушать нельзя — в наушниках сплошное нытьё поисковика.

Экспедиция нашла уже четыре каменных метеорита. Находки вызвали у ребят прилив энтузиазма, и сейчас все соревновались — кто первый найдёт следующий каменный или первый железный метеорит.

Тайка не верила в свою счастливую звезду и отрабатывала трассу без воодушевления первых дней. Самым приятным временем был для неё вечер. Работа кончалась, жара спадала. Можно было умыться, поужинать и долго сидеть у костра, слушая байки старожилов и самодельно-народные песни туристов и астрономов.

За Тайкой ухаживал Влад. Ну так... ничего серьёзного — после месяца жизни в полевых условиях такие парочки неизбежны. Когда наступает время вечернего чаепития, он приносит ей чай. А она утром одалживает ему зубную пасту, потому что его, конечно, кончилась. Он чистит зубы её пастой и улыбается ей пенным ртом.

Приятные взаимоотношения, помогающие скоротать время.

Влад, конечно, пробовал не только улыбаться, но Тайка сумела удержать его ухаживание в рамках чайных церемоний.

Когда она часами тряслась на сегвее, её чаще всего посещала глупая детская мысль. «Вот найду огромный — в сто килограммов! — метеорит, и все закричат: какая ты молодец! А Илья подойдёт и скажет: „Не ожидал, что ты уже в первый сезон обгонишь опытных искателей метеоритов. Пойдём сегодня вечером в кино?“»

Тайка вздохнула и отбросила наивную мысль. Метеориты тоже нужно искать умеючи. Вечером возле костра разгорались неперенные споры разных команд.

Партия «землероек», возглавляемая Сергеем Шурпаковым, могучим парубком то ли с Украины, то ли из Белоруссии, предпочитала искать метеориты в грунте, медленно передвигаясь на сегвеях и сканируя почву вглубь поисковиком. А потом — трудолюбиво выкапывать находку лопатами. Тайка была «землеройкой», потому что в эту партию конкурса не было.

Партия «верхоглядов» во главе с аристократичным Аристархом Аполлоновым

выступала за визуальный поиск: чёрные камни из космоса неплохо заметны на фоне пустыни, особенно карбонатной. «Верхогляды» гоняли по пустыне на джипах и рассматривали поверхность в программируемые бинокли.

«Орляки» представляли собой группу юных технарей, сплочённую вокруг двух дронов — небольших аппаратов, которые летали на высоте ста метров и высматривали метеориты сверху, транслируя изображение на дисплеи командного центра. Именно «орляки» пока побеждали, найдя два метеорита, тогда как более многочисленные группы «землероек» и «верхоглядов» нашли всего по одному.

Внутри групп тоже были свои противоречивые течения. Где лучше всего искать метеориты? На твёрдой поверхности, с которой ветер сдул весь песок? На наветренных склонах дюн? В базальтовой пустыне?

Споры велись ожесточённые — со ссылками на научные публикации, на личный и чужой опыт. «В прошлом сезоне Васька таким макаром нашёл три штуки! Копать надо лучше!» — веско говорил Шурпаков, потрясая мускулистыми руками, которым позавидовал бы любой культурист из Голливуда. Сергей всегда возил с собой пару мечей и часто устраивал воинственные рыцарские турниры с любым желающим. Но в душе Серёга был незлобивым большим ребёнком, искренне преданным делу поиска «обломков звёзд».

«Копать землю?! Скорость осмотра надо увеличивать!» — фыркал Аристарх, глядя на простодушное лицо Сергея, и продолжал колесить на джипах по пустыне вместе с друзьями-«верхоглядами».

Технари спорили мало, а все вечера возились со своей капризной летательной техникой.

Возглавлял экспедицию Алекс Милановский — балагур, авантюрист, прекрасный рассказчик баек и любитель стихов. Он мог читать их наизусть всю ночь напролёт, грея руки над искристым костром. Милановский любил, когда его внимательно слушают, и расцветал, видя восторженные глаза окружающих...

Алекс весил сто пятьдесят килограммов, но не был толстяком — просто имел огромный рост. Когда он работал, то ничего не замечал вокруг. И вообще был довольно рассеянный: порой не обращал внимания, что именно он ест или пьёт.

Хорошо ещё, что Милановскому помогали две деловитые девочки, которые взяли на себя заботу о продуктах и следили за багажом экспедиции — это часто спасало команду от неприятных сюрпризов.

Зато авторитет главы экспедиции был так велик, что Алекс часто прекращал споры разных групп одним мановением могучей руки.

И в наказание — или в награду — начинал читать стихи.

Д о конца работы остался час. Тайка, уставшая больше обычного, стала подумывать: «Может, закончить сегодня пораньше?» Она остановилась на бугорке и осмотрела небольшую пустошь, блестящую перед ней в закатном солнце. Даже кустарник не рос на этом бесплодье, лишь перекасти-поле с шелестом прокатывались по раскалённым камням да на макушке приземистой меловой бабы сидел жёлто-зелёный гигантский скорпион.

«Сколько камней! Трясти будет...» — вздохнула Тайка, покосилась на скорпиона и осторожно двинула сегвей вперёд. Тут же затрясло так, что зубы у Тайки заклацали и даже поисковик обиженно мякнул.

«Сломается ещё!» — встревоженно подумала девушка, но поисковик снова наладился ныть и гудеть.

Трясло по-прежнему сильно. И тут Тайка резко затормозила и обернулась на чуть заметные следы колёс.

«А если поисковик не просто так мякнул?» — подумала она. Развернула сегвей и поехала по своим следам назад.

На краю пустоши поисковик снова издал странный звук. Не то мяуканье, не то попискивание.

«Ничего подобного нам не давали послушать! — удивилась Тайка. — Может, какая-нибудь земная железка?»

Хотя им говорили, что поисковик настроен на неземные изотопы метеоритов, Тайка в глубине души полагала, что поисковик будет облаивать любые старые сковородки, если они попадутся в пустыне.

«А может, это клад древних египтян? Мумия с золотыми украшениями?» — восторженно подумала Тайка и стала колесить на сегвее по краю долины. Она быстро определила место меж двух камней, где громче всего слышались придушенные мяуканья и попискивания — будто подземные кошки ловили подземных же мелких птичек.

— Что делать будем? — громко спросила Тайка у вечеряющей пустыни, чтобы размять пересохший голос. До лагеря — три километра, двадцать минут езды. Позвать кого-то на помощь? Но звать не хотелось. А если там какая-нибудь сковородка? Вот смеху будет.

Тайка вздохнула, отстегнула от сегвея лопату, вытянула черенок на максимальную длину и включила самый мощный виброрежим лезвия.

Попробуем сами докопаться до правды.

Лопата, тихонько вереща, хорошо вгрызалась в грунт, но отбрасывать его в сторону было тяжело, и уже через несколько минут рубашка на Тайке стала мокрой, а лицо от солёного пота стало гореть, как обожжённое солнцем. Девушка остановилась передохнуть и критически осмотрела выкопанную неглубокую яму. Настроение резко упало.

«И всё небось из-за какой-нибудь старой сковородки!» — раздражённо подумала она и снова вонзила лопату в землю.

«Будем надеяться, что это будет сковородка фараона!»

Каменная крошка кончилась, и лопата уткнулась во что-то твёрдое. Уже стемнело, когда Тайка, стоя на коленях, с трудом вытащила из ямы грязную округлую каменюку.

Поисковик утвердительно обмякал булыжник, но по-прежнему это совсем не походило на сигналы, которые Тайка слышала на инструктаже. Не мышинный писк, не птичий щебет. Не железный и не каменный метеорит. И не лунный кусок.

Что же это? Какая тварь ей попалась?

Сейчас она приедет в лагерь, сердито думала грязная вспотевшая Тайка, а там ей расскажут, что это типичная реакция поисковика на речные булыжники, о которых забыли упомянуть на инструктаже, потому что такие каменюки никому из нормальных людей не попадают.

«Тайка, поздравляем с находкой, так поют лишь окаменелые экскременты крокодила!»

Ехать в темноте было трудно, свет от фар сегвея прыгал по камням и ямам. Лишь через час после захода солнца Тайка попала в лагерь. И сразу пошла умываться, пренебрежительно оставив булыжник в багажнике.

После ужина метеоритные старатели расселись вокруг костра и стали делиться новостями. Героями дня были «орляки», нашедшие сразу два каменных метеорита, лежащих рядом, — видимо, обломки основного тела, расколовшегося при ударе о землю.

Разгорелся спор: уязвлённые победой «орляков» «землеройки» стали утверждать, что такие обломки должны считаться одним метеоритом, а не двумя. «Орляки» резонно возражали: «Но здесь же ДВА тела!» Соперники не менее резонно указывали, что ценность метеорита — в его индивидуальном химическом составе и космогонической истории, а два куска одного тела ничего особенного друг к другу не добавляют.

Тайка подошла к Алексу Милановскому, допивающему уже пятую кружку чая, и тихонько сказала, стараясь не привлекать внимания остальных:

— Я нашла камень, который не даёт нужных сигналов, а как-то странно вякает...

— Да? — охотно удивился Алекс, которому уже надоели споры «орляков» и их конкурентов. — Тащи его сюда!

Все обернулись на громкий голос Алекса.

Внутренне чертыхаясь, Тайка принесла свою грязную добычу.

Алекс поводит поисковиком у камня, и кошка опять глухо мяукнула, придавив

пискнувшую птичку.

— Хм, — заинтриговался Алекс. — Странный звук!

Он принёс ещё один прибор с коническим щупом и вонзил его в корку грязи, прижав остриё к телу булыжника.

— Сейчас посмотрим, что это за зверёк и чего он так верещит...

По дисплею побежали цифры химсостава.

Алекс присвистнул, повернул булыжник другой стороной и снова вонзил щуп.

Через несколько секунд выскочили новые цифры. Сравнив их со старыми, Алекс выругался:

— Что это ещё за шутки!

У Тайки отлегло от сердца. Если главный метеоритный начальник не может разобраться с булыжником, то с неё вообще взятки гладки. Пусть хоть сковородка с окаменелой яичницей фараона, пусть хоть его ночной горшок.

Ребята обменивались мнениями — что это может быть за камень, заглядывали через плечо Милановскому, пытаясь что-то понять в быстро меняющихся цифрах, но сам Алекс молча тыкал щупом в булыжник и яростно сопел. Потом вызвал на дисплей трёхмерное облако из россыпи белых точек и стал крутить его с разных сторон, вызывая и пристраивая к нему дополнительные облака красных, зелёных и синих точек.

А потом объявил:

— Пока наверняка ничего сказать не могу, но, судя по первым анализам, это лунный метеорит, загрязнённый материалом ударника!

У Тайки вырвалось удивлённое:

— Что такое «ударник»? — И подумала с облегчением: «Слава фараону, вроде бы не сковородка!»

Гвалт, поднявшийся у костра, легко перекрылся голосом Алекса:

— Все лунные метеориты прибывают на Землю после удара астероида, который вырвал их из Луны. Как правило, к нам прилетают обычные лунные породы. Иногда там находят едва заметные следы вещества астероида, который ударился о Луну. В этом лунном булыжнике — почти треть астероидного вещества! В первый раз такое вижу и даже ни разу о таком не слышал.

Какой тут начался шум! Все кинулись поздравлять Тайку. Она пожимала многочисленные руки, болезненно ощущая собственные мозоли, сорванные лопатой, и в её звенящей голове не было ни одной мысли.

Только спустя три часа, отойдя от перевозбуждения и засыпая, Тайка смело подумала:

«Да, Илья, давай пойдём сегодня в кино!»

9.3. Илья

Летний Крым пах сухой душистой травой, горячей можжевёловой смолой и мокрыми солёными водорослями. Прибойный плеск смешивался с детскими криками, стрёкотом цикад и рычанием автобусов, застрявших в тесных улочках.

Илья остановился у дяди Серёжи, который работал в Симеизской обсерватории, но сейчас был в отпуске. У дяди Серёжи были светло-голубые глаза, седой ёжик и загорелое лицо. У всех местных жителей загар был одинаков: лицо и руки — смуглые, жаренные на солнце, а остальное тело — белое. Местным некогда на пляже разлёживаться.

Про кулинарные способности тёти Люды, жены дяди Серёжи, на Южном берегу ходили легенды. Она даже хлеб делала свой, в специальной компьютерной печке и по хитрым рецептам. Илье больше всего нравились тёти-Людины пирожки, хотя все остальные блюда были тоже отменны. Тётя Люда работала бухгалтером в санатории «Зори чего-то там», и когда она приносила на работу свою домашнюю стряпню, то в бухгалтерию устремлялись, с трудом сохраняя чувство собственного достоинства, все коллеги. Санаторий всё время менял название, потому что каждый новый владелец хотел увековечить в вывеске

именно свой рассвет. Местные предлагали назвать санаторий надёжно и привлекательно: «Зори хереса».

Вечером, когда смеркалось, Илья ужинал на веранде, заплетённой виноградной лозой, — тётя Люда привычно сокрушалась, как он мало ест, — и шёл тёмной хрустящей дорожкой на холм, где высилась массивная трёхэтажная башня телескопа.

Илья помогал наблюдателю Наташе со звучной фамилией Горыня. Все звали её за глаза — а иногда и в глаза — Горыныч. А она по доброте душевной не возражала.

И часто говорила, глядя на сонного Илью:

— Иди в пристройку, вздремни!

Но он отказывался: не бывает лишних рук при наблюдениях на древнем телескопе с кучей застарелых болячек, да и интересно было следить на экране за мерцающими звёздами идвигающимися астероидами.

Вечерами приходили экскурсанты.

— Летающие тарелки видели? — всё время спрашивали они Наташу.

— Нет. Ещё летят! — отвечала она, улыбаясь.

— Ну хоть сигналы из космоса поймали?

— Нет. Ещё пишут.

Илья помогал Наташе наблюдать метеорные потоки.

Его сердце билось сильнее, когда метеор стремительно прочерчивал яркую линию по ночному небу. Да, да — пылинки, даже не камушек, желание загадывать бессмысленно, а всё равно приятно — как привет от космоса.

Я — тут. Не забывай меня, человек. Помни, с-скотина!

И с-сгорал метеор зря, ш-шипя и блистая.

Профессионалы смотрели на метеорные потоки сквозь свои очки: радиант, максимум потока, Леониды в этом году особенно хороши.

Наташа наводила телескоп на радиант потока — место, куда указывали яркие пальцы метеорных следов, и пыталась там найти телескопом крупные тела — метровые, а то десятиметровые. Они летели оттуда же, что и мелкие частицы, но обычно не попадали в Землю, а пролетали на расстоянии десятков, а то и сотен тысяч километров. Но эти тела были обломками комет, а исследовать обломок кометы с такого близкого, по астрономическим меркам, расстояния очень интересно. Приборы регистрировали спектральные характеристики кометного куска, его размер и форму, период вращения и признаки активности.

— Наловим кусков достаточно, а потом снова склеим из них комету. Заодно получим модель взрыва, — то ли шутя, то ли серьёзно говорила Наташа. Она объясняла Илье: — Земля работает как огромный детектор, улавливающий метеорные частицы. Как камера Вильсона для протонов. Сейчас-то что — Цефеиды да Цигниды, мелочёвка, семь штук в час. Фейерверк будет в августе, когда полетят Персеиды из кометы Свифта-Туттля. Четыреста метеоров в час!

Наташа говорила, считая метеорные следы на изображении:

— Метеоры тормозятся с ускорением до десяти тысяч «же», сгорают на высоте около сотни километров и совсем мелкими частицами опускаются к нам вниз. Так что мы вдыхаем довольно много космической пыли — кометной и астероидной. И межзвёздной тоже. Но дорожной пыли нам достаётся гораздо больше.

Когда под утро наваливалась дремота, Илья выбирался на террасу телескопа, смотрел на ночное море в огоньках кораблей, плывущих в дальние страны, слушал тихую музыку из долго не спящего Симеиза, задира голову к Млечному Пути, размашисто тянущемуся через весь небосклон — от гор к морю.

Крым — волшебная страна, и по ночам это очевиднее всего.

«Какие звёзды! В городе таких не увидишь!» — думал Илья, ощущая, как слетают лепестки сна под бодрящим бризом из горно-лесного-морского воздуха. Мозг, заблудившийся в ночных полюсных поворотах, встряхивался, отстраняясь от вращения

Вселенной.

Соловьиные серенады делали крымскую ночь особенной. Пять или шесть соловьёв заливались среди персиковых веток и густых можжевёловых зарослей. Свист, щёлканье, перебивание — про что они поют, на чём настаивают? Все остальные птицы спят или сонно моргают, не вступая в соперничество. Слишком высокий уровень, квалификация не для всех.

Это — соловьиная ночь.

— Хорошо поют, собаки! — мечтательно говорила Наташа Горыня, выходя из башни.

Особенно любил Илья раннее крымское утро, когда в безветренном светлеющем воздухе деревья начинали рисовать по голубому неяркому небу кисточками своих листьев.

Алыча кладёт бережный мелкий мазок. Каштан смело ляпает крупными соцветиями и со-листьями. Кипарис любит готическо-штриховое письмо. Облако предпочитает белую фрактальную графику.

Вот и яйла решилась и провела по небу скупую хребтовую линию. Впечатляет. Но самым лаконичным оказался последний в конкурсе художник. Он подчеркнул голубое небо одной слегка изогнутой чертой. Сфумато пустил, налил низ синью. Непонятно за что, но очень нравится.

Поэтому лучшим художником по небу оказалось море.

А вот на верхушку высокого кипариса сел мышкующий ястреб. Вписал в небо автопортрет — клювастый гордый профиль и блохастые, всё время чешущиеся крылья.

Случался и утренний туман, который мягко расставлял деревья поблизости, пастелизовал дальние кипарисы, задёргивал окраинные горизонты, сворачивал личное пространство в ещё более личное и самодостаточное.

Даже коренным горожанам, выросшим в бензиново-асфальтовой атмосфере бетонного леса и вдруг попавшим в Крым, хотелось остаться и поселиться в одиноком домике среди разнотравного леса, вдыхать медовую сладость молодой жимолости и знойный аромат спелой мяты, слушать, задыхаясь, соловьёв и любоваться гениальной линией морского горизонта.

Летом население прибрежных деревень вырастало в разы. К местным ребятам прибавлялись дети родственников и просто туристов.

Отношения приезжих с местными были непростыми. Когда Илья познакомился с ребятами, живущими в маленьком посёлке при обсерватории, то предложил:

— Пошли на море купаться!

И посмотрел на искрящийся горизонт. Очень ему хотелось освежиться в море. Олеся и Виталина почему-то засмеялись, а смуглый Мурат презрительно сказал:

— Ты что — debil? Всю ночь низовка дула, сейчас вода как лёд, градусов десять.

Ах, вот оно что — низовка, ветер с гор. Феномен апвеллинга, когда ветер отгоняет от берега верхний тёплый слой воды и на смену ему поднимаются чистые и холодные нижние слои.

Илья вздохнул: и почему местные всегда не любят приезжих?

Лето катилось, блестело бликами на мягкой волне, поскрипывало лодочными уключинами, пахло арбузами.

Илья съездил по канатной дороге на вершину Ай-Петри, получил химический ожог от коварного цветочка неопалимой купины и загорел как индеец.

У Миши, сына дяди Серёжи и тёти Люды, был второй велосипед, и местные ребята взяли Илью на прогулку. Собирались ехать с Димкой, Петькой, Муратом, Маринкой, Олесей и Виталиной.

— Поедем по трассе? — спросил Илья, кивая на нижнюю прямую дорогу, блестящую на солнце. По ней ползли автобусы и вжали легковушки.

— Нет, поедем по старой севастопольской.

Старая дорога проходила возле обсерватории и двигалась дальше вдоль новой трассы, но была выше её и гораздо петлястей. Ею редко кто из автомобилистов пользовался, и она

кое-где расползлась глиняными расщелинами, а то и завалилась камнепадом. Но велосипед проходимее танка: он ветром мчался под уклон, легко огибал выкатившиеся навстречу валуны, трудолюбиво забирался на крутые подъёмы. И каждый поворот открывал новую гору, долину или бухту.

Море было неперменным спутником дороги, и серебристо-синее полупространство превращало любой пейзаж в шедевр. Иногда трасса прижималась вплотную к отвесной яйле, тогда скалы бросали на дорогу тень, и становилось прохладно и сумрачно. Серые стены уходили в небо, разрываясь жёлтыми трещинами. В скалистом небе вились стаи ласточек.

Ребята останавливались на привал и делились запасами, захваченными из дому. Самые вкусные бутерброды почему-то оказывались у девчонок — у миниатюрной чернявой Маринки, беленькой стройной Олеси и рыжеватой Виталины, которая на всё смотрела с хитрым прищуром.

К обеденному меню добавляли дикую алычу, кизил и кукулю.

Кое-где встречались родники, заботливо обложенные камнями, со ржавыми трубами, из которых лилась самая вкусная в мире вода.

На привалах оживлённо болтали, смеялись, вспоминали.

— Как-то пошли в лес за кизилом, пробирались по кустам и потревожили осиное гнездо. Как они набросились на нас! Меня оса укусила в ногу — недели две болело и чесалось. А Чарлика, щенка спаниеля, тяпнули дважды. Как он выл! Уже домой вернулись, а он то и дело сядет на укушенный зад и снова обиженно взывает.

— В первом классе мне каждый день ставили по два укола, но я ни разу не заплакал!

— Зато Вита год назад потеряла свой любимый т-фон и рыдала как носорог.

Мурат никогда не помогал девчонкам управиться с велосипедом, не придерживал ветку на лесной тропе — чтобы она не хлестнула сзади идущего. Его желание быть независимым было чрезмерным.

— Ты невежлив! — сказал Илья Мурату. Когда Илья сталкивался с грубияном, он был подчёркнуто интеллигентен. Если встречался с рафинировано вежливым человеком, ему хотелось быть грубоватым — и он редко сопротивлялся этому желанию. Так интереснее.

Мурат фыркнул:

— Кому нужна твоя вежливость! Это ваши городские выдумки.

— А помнишь, ты мне рассказывал о гидрогеологе Тамаре?

— Помню, ну и что? — хмуро спросил Мурат.

На заимке, стоящей на крымской яйле прямо над обсерваторией, жила с великовозрастным сыном пожилая женщина-гидрогеолог Тамара. И заимка-то была не просто домик в горах, а наблюдательная метеостанция. Раз в неделю Тамара спускалась в магазин — продуктов набрать. Сын сходил с гор редко, предпочитал, чтобы мать носила еду. Он был неудачник и нелюдим. И пил крепко.

В тот зимний день облака висели низко, закрывая вершины гор.

Тамара вышла из магазина с увесистым рюкзаком, посмотрела на мрачные тучи и зашагала в гору. Пару часов неспешной ходьбы нужно, чтобы добраться до перевала. Когда Тамара сделала первую остановку у небольшого озерца, с низкого неба повалил лохматый тяжёлый снег.

Идти стало вязко, и старушка заколебалась — может, вернуться в деревню, переночевать у знакомых? Тогда надо предупредить сына. Порылась по карманам и с досадой поняла, что рацию забыла дома. Надо идти дальше, а то сын волноваться будет.

А снег как с цепи сорвался — на полдороге он уже набрался под колено. С трудом добралась Тамара до родника, где обычно останавливалась на получасовой привал. Но сегодня только стёрла испарину со лба и двинулась дальше — снег так спешит, что за каждую задержку в пути набрасывает пару лишних сантиметров мокрой липкой массы.

Устала Тамара так, что каждые несколько сот метров присаживалась в сугроб отдохнуть — благо сугробы стали такие высокие, что пробиваться через них стало трудно, а

сидеть в них — удобно.

Вот и второй родник. Хотя и длинный был путь, но почти закончен — до перевала с полкилометра пологой дороги осталось, да идущей под скалой, где ветер потише. А от перевала совсем рукой подать до тёплого дома, где сын ждёт, горячий чай, мягкая постель и сон.

Обрадовалась Тамара и двинулась по сугробам дальше. Но они навалились уже чуть не по пояс.

Уф! Остановилась женщина на повороте дороги, привалилась рюкзаком к камню, в затишке. Надо отдохнуть.

Достала термос с чаем, налила в крышку, но так и не донесла до рта: мгновенно заснула под кисейй летящего снега, под свист перевального ветра.

Какие тёплые сны снятся смертельно усталому человеку, замерзающему в сугробе?

Никто не знает.

Похоронили Тамару на кладбище посёлка Голубой залив — много там хороших людей отдыхает от жизни.

И сын долго не прожил. Сгорел, пьяный, через месяц вместе с заимкой.

— П омню, ну и что? — хмуро спросил Мурат.

— А то, что если бы этот парень был вежлив и хотя бы встречал мать с тяжёлой ношей, то они оба были бы живы. Вежливость нужна для выживания, если бы люди не заботились друг о друге, то мир опустел бы.

Мурат сплюнул и сказал:

— Вы, городские, всегда выкрутитесь. Язык как помело.

На обратном пути над яйлой сгустились тучи.

Возле дороги нашлась красная алыча необычайной спелости и вкусноты. Пока алычу ели и собирали, сзади подкрался проливной дождь. Ребята вскочили на велосипеды — и ходу!

Да поздно — дождь догнал и хлестал по спинам, как по барабанам, лился по лицу, бешено плясал на дороге неистовую джигу.

Гром грохотал всё ближе.

Вскоре велосипедистов настигла грозовая сердцевина тучи.

И стало страшно: молнии хлестали по полям, обочинам дороги и по самой дороге — от ударов кругом сыпались искры.

Миша махнул рукой, и все остановились на краю дороги, ближе к лесу.

Девчонки со страхом смотрели на желтобрюхие тучи, но рослый Петька только ухмылялся, да и Димка смотрел сквозь длинный чуб с вызовом.

— Дальше ехать опасно, убьёт! — крикнул Миша.

Все побросали велосипеды — вроде металл притягивает молнии? — и спрятались в канаве. Метрах в трёх росли деревья, и Илья стал соображать — хорошо это или плохо. Увидел, что испуганные девчонки держатся за руки, и сказал:

— Лучше не трогать друг друга. Держитесь по отдельности.

Он хотел добавить что-то про разность потенциалов, но Олеся с Витой и так послушались и съёжились в одиночку.

Нарушая обычные приметы, молнии били по открытому полю, не трогая близких, более высоких деревьев.

«Эти молнии себе на уме, что хотят, то и делают!» — подумал Илья.

Чем сильнее гроза, тем она быстрее проходит — хорошо, хоть эта примета подтвердилась.

Через полчаса гроза двинулась дальше на Ялту, а небо над ребятами чуть посветлело. Проливной дождь сменился на обычный — и все выбрались из окопа-канавы.

Мокры были так, словно купались в одежде. Стуча зубами, забрались на велосипеды и покатили. Ещё километра три до дома.

Знакомая дорога разительно изменилась — по ней мчались витые жилистые ручьи, прыгивая с левого крутого склона и скатываясь вниз, за правую обочину. Глинистые потоки доходили до середины колеса.

Кое-где ручьи даже успели занести дорогу щебёнкой — приходилось останавливаться и переводить велосипед через мутные разливы и гравийные наносы.

— Только сегодня новые кеды надела! — сокрушённо сказала Олеся, глядя на ещё утром красные и нарядные полукеды.

Когда добрались до обсерватории, солнце уже выглянуло — и настроение у всех поднялось.

Светло-серое здание обсерватории, сложенное из крупных каменных блоков, было живописно окружено старыми кипарисами и крымскими соснами. Один из кипарисов был сломан грозой, и возле него стояла, укоризненно качая седой головой, Эмма Семёновна — самый старый житель обсерватории и астроном-звёздник.

— Не расстраивайтесь! — утешала её энергичная Любовь Андреевна, главный оптимист обсерватории. — Мы посадим здесь ливанский кедр.

Ребята спешили на круглой площадке перед зданием.

— Отлично прокатились! — сказал бойкий Димка, и Петька что-то согласно прогудел.

— Ага, — согласился Миша. — Особенно гроза была классная!

— Молния передо мной ка-ак вдарит! Искры ка-ак посыплются! — делала круглые глаза Маринка.

Илья тоже был впечатлён. Горожанин, он ещё никогда так близко не сталкивался с буйной природной стихией. «Эти молнии явно не знали, что человек — царь природы! Гроза оказалась дикой...»

С реди ребят Мурат был не приветливее всех к приезжим. Он был талантливым человеком, вырезал из корней и веток деревянные фигурки и продавал их туристам, но одновременно отличался непримиримостью к чужакам. Русский язык учить он тоже не любил и частенько употреблял слова неверно.

Илья подсмеивался над Муратом:

— Если ты выгонишь всех чужаков, то и туристов не будет — кому своих деревянных чертей будешь продавать?

Как-то Илья привёл ребят на телескоп — на экскурсию.

Наташа, оживлённо махая руками и быстро передвигаясь между пультом управления и лестницей, ведущей к окуляру, показала ребятам в огромный телескоп Юпитер со спутниками, Луну, шаровое звёздное скопление и Сатурн с кольцами — это зрелище особенно впечатляло! Очень удачный вечер — лучшие блюда небесного меню оказались на столе.

Учёная Наташа рассказывала о разнообразии космических миров, где могут, теоретически, возникнуть живые существа. О подлёдном водном океане на Европе, о метановом море на Титане, о чёрных серных озёрах Ио. Ребята с удовольствием поспорили о возможных видах разумных существ. Могли бы земные ящеры стать разумными, если бы не вымерли? Могут ли инопланетяне быть похожими на птиц или дельфинов?

Когда ребята сфотографировались возле телескопа, Наташа отвела их в светлую пристройку, где висели красочные плакаты, и кивнула на один из них, с изображением какого-то металлического куста из антенн и приборов:

— В Крымском космическом центре готовится к запуску межпланетная станция. Эта станция пролетит мимо Нептуна, сбросит зонд в его атмосферу и уйдёт в межзвёздное пространство. Через много сотен лет она долетит до звезды альфа Центавра, где есть планеты и, возможно, жизнь. В станцию поместят письмо для инопланетян. Так делали на «Пионерах», «Вояджерах» и всех других межзвёздных аппаратах.

Мне поручили составить проект послания инопланетянам — для последующего утверждения на Учёном совете. И я ломаю голову, что бы такое придумать, чтобы

инопланетяне поверили в наши добрые намерения? Это очень важное задание! Пусть с маленькой вероятностью, но послание может быть прочитано другой цивилизацией. Значит, плохо написанное письмо может вызвать космическую войну! А хорошо написанное письмо поможет союзу двух цивилизаций.

В этот момент Илью осенила гениальная идея. Он отвёл Наташу Горыню в сторонку и поделился своей мыслью. Наташа тоже загорелась, но ей идея понравилась с её собственных позиций.

Когда экскурсия закончилась, она сказала ребятам:

— Я предлагаю каждому из вас написать короткое послание инопланетянам. Дети станут космическими посланцами Земли! Мы добавим в послание к инопланетянам ваши письма и сделанную сегодня групповую фотографию. Детская дипломатия бесхитростна. Никакая раса не станет использовать своих детей в подлых целях. Вот фотография нескольких ребят, пришедших на экскурсию, а вот их письма. Но важно, чтобы все дети, изображённые на фотографии, написали. И обязательно — сами, без чужой помощи.

Ребята страшно оживились. Ещё бы: письмо инопланетянам, галактическая дипломатия.

Но Петька и Мурат сохраняли скептицизм.

— Вы нам срываете космическую дипломатическую миссию! — закричали на них остальные.

Началась ругань, крики. Чуть до дипломатической драки дело не дошло.

На следующий день обсуждение писем снова разгорелось.

Виталина прищурилась:

— Если кто-нибудь из ребят с фотографии не напишет письмо, то инопланетяне решат, что не все на Земле им будут рады. Кто не напишет — тот поджигатель межзвёздной войны!

Тут Петька сдался, но Мурат только фыркнул.

Остальные решили, что напишут про Мурата, что он неграмотен.

Мурат надменно усмехнулся, а Петька, заступаясь за приятеля, сказал, что обманывать инопланетян нехорошо.

— Ты просто не дипломат! — засмеялась Олеся.

Потом заспорили — что в письмах писать.

— Что у нас с ними, инопланетянами, общие интересы! — крикнул Димка.

Илья хмыкнул:

— Поиск общих интересов разумных инопланетных рас — это ещё не решённая проблема инвариантной этики.

— Нам нужно не решать разные научные проблемы, а показать своё дружелюбие! — сказала эмоциональная Маринка.

— Ага, мы очень дружелюбные, вот только позавчера местные на рокотеке с приезжими подрались... — хохотнул Миша.

— То приезжие, а то инопланетяне, — буркнул Петька.

— Если ты с своими братьями по разуму не можешь договориться, то как ты будешь дружить с инопланетянами? — засмеялась Вита.

Илья подбросил дровишек:

— Этика — это такая странная штука: теоретически труднопонятная, зато практически совершенно прозрачная. Каждый скажет, что такое хорошо, а что такое плохо — особенно для него самого.

— Значит, мы должны общаться с чужаками так, как бы мы хотели, чтобы общались с нами! — подытожил Миша.

— Тогда завтра мы не возражаем, когда наших девчонок чужаки приглашают танцевать? — скептически спросил Петька.

Тут все призадумались.

Илья был в восторге.

В августе случился страшный лесной пожар.

Кто-то бросил окурок на обочину или не справился с шашлычным костром — и под Ай-Петри запылали красивейшие леса крымской сосны.

Многолетняя хвоя, накопившаяся в расселинах скал, сочилась густым дымом, верховой пожар прыгал по кронам и распугивал стаи огненных птиц, которые разлетались на километры в стороны.

Сначала обитатели посёлка выходили просто смотреть на пожар — любопытствовали и сокрушались, но не относились к нему как к личной проблеме. Пожары в лесу нередки и обычно тянутся в горы, уходят под голые каменные стены и там умирают.

Наземные вездеходы с водяными пушками эффективно отсекают пожар от посёлков, а вертолёты с огромными баками воды добивают огонь в скалах, куда наземная техника не проходит.

Но человек всё ещё не был всемогущ. Этот пожар случился в сильнейший шторм.

Ялтинскую набережную заливало фонтанами морской воды от волн, которые сгрудились под каменной стенкой стадом разъярённых китов.

В Симеизе и Понизовке неистовое море разворотило волнорезы, сложенные из бетонных плит в сотни тонн.

В Алушке и Балаклаве рыболовецкие траулеры и личные яхты выбрасывало на берег как игрушки.

Шторм мешал вертолётам тушить огонь и стремительно раздувал огонь, гнал его от Ялты в сторону Севастополя, прямо на обсерваторию, пожирая по дороге сотни гектаров уникального леса.

Ветер направлял огонь вдоль побережья, не давая ему свернуть в горы. Сосны стояли в огне, сопротивляясь до последнего, а потом взрывались, выбрасывая стометровый язык пламени. Стволы лопались, в невыносимой муке выдирая корни из родной каменистой почвы.

Пожарные едва отставали дома и топливные станции, оставив лес выгорать. В огне погибли двое лесников, которым стремительный огонь отрезал дорогу к отступлению.

Дым накрыл обсерваторию вонючей душной тучей. Из неё падал огненный дождь из тлеющей коры и хвои. А вокруг — пересохшая трава и сосновый смолистый лес.

Объявили эвакуацию, но все способные к работе люди остались защищать обсерваторию. Кто-то дежурил на крыше, кто-то следил за лесом.

Подростки работали наравне со взрослыми — гасили тлеющую хвойную подстилку мокрыми тряпками и следили — куда садятся самые крупные огненные птицы.

Илья работал рядом с Мишей и Муратом; они наблюдали за лесом по краям обсерватории, куда падали горящие головешки.

Вскоре ребята натолкнулись на крупный очаг низового пожара — языки пламени шустро расползались вокруг десятиметрового чёрного пятна выгоревшего подстила. И совсем близко от обсерватории.

Кинулись на него, махая тяжёлыми влажными тряпками. Еле затушили.

Устали, горло першило от дыма. Девчонки разносили холодную воду по передней линии фронта. Где напоить бойцов, а где и залить дымящуюся траву.

Но главный огонь подходил всё ближе и уже стоял огненной стеной совсем рядом — казалось, прямо за старым шоссе. Ребята выбегали на поворот — но нет, это просто языки пламени были так высоки, что съедали расстояние.

Люди проигрывали стихии, и автобус уже стоял на площадке перед обсерваторией, чтобы забрать последних людей и вывезти их к морю. Алекс и Элен из Мелласа, которые давно дружили с астрономами, пригласили всех беженцев остановиться в их гостинице «Кап-де-Меллас» и сами приехали на своём джипе, чтобы забрать часть людей.

В обсерватории уже был слышен треск лопающихся сосен и гул свирепого огня. Неужели сгорят старинное здание обсерватории, квартиры астрономов и библиотека? И телескопы, которые так долго служили людям окном в небо?

Думать об этом было невыносимо тяжело — и астрономы оттягивали свой отъезд до последней возможности, несмотря на ругань водителя автобуса и милиции.

И случилось долгожданное и неожиданное: среди ночи ветер стих.

Пожар остановился, затрещал соснами на соседней горке и потянулся в гору, подгоняя сам себя горячим дымным бризом.

Пожарные оживились и бросили все силы на сбивание присмирившего огня и отсечения его от зданий посёлка.

Ночь была длинной и тяжёлой, но к утру стало ясно, что обсерватория спасена.

Мурат молча пожал Илье и Мише руку и ушёл спать. И они тоже побрели по домам, кашляя и растирая красные слезящиеся глаза.

К тётке Люде приехали туристы-натуропаты, и она послала Илью к бабушке и дедушке Мурата — купить лечебное козье молоко.

Бабушка и дедушка Мурата были одинаково смуглы, худы и морщинисты. Дедушка возился со старым домом, а бабушка — её звали просто Галя — пасла коз для любителей натурального молока. Она перегоняла своих коз с одной лесной полянки на другую, и рабочая куртка Гали была в тысяче мест разодрана колючками и украшена ленточками из ткани.

Галя налила банку густого молока для тёти Люды и стакан — для Ильи, хотя к его целебности он был равнодушен, так как был слишком здоров, чтобы верить в лекарства и даже в болезни.

Мурат тоже сидел за столом — ел домашние лепёшки.

Илья посмотрел на Мурата:

— Наташа уезжает. Завтра последний день, когда ты сможешь принести письмо для межзвёздного зонда.

Тот упрямо нахмурился. Илья пожал плечами и спросил дедушку, отдыхающего на лавочке, и бабушку Галю, раскатывающую лепёшку:

— А что вы сделаете, если к вам на поляну сядут инопланетяне?

Галя засмеялась:

— Молоком свежим угостим, лепёшек испечём. Мёрзнуть будут — поближе к печке посадим. А что с ними ещё нужно делать?

— Этого никто не знает.

Дедушка Мурата улыбнулся и махнул смуглой рукой с вздутыми рабочими жилами:

— Э-э, знаешь, не знаешь — приводи своих инопланетян к нам. Примем как надо, никто в обиде не будет.

Н а следующий день Илья отправился на мостик, который вёл к какому-то старому астрономическому прибору на краю скалы и красиво нависал над сосновой долиной, спасённой от огня в памятный пожар. С этого мостика Илья хотел сделать последние крымские фото. Завтра уже уезжать.

Он прищурился от солнца и увидел быстро шагающего Мурата. Тот на ходу поздоровался с алкоголиком, сидящим на скамейке в кипарисовой аллее, чем удивил Илью. Этих алкашей из лечебницы Голубого Залива Мурат раньше за людей не считал.

Смущённый Мурат подошёл и протянул Илье листок бумаги. Там было написано следующее:

*Дорогие разумные инапланетяне!
Я думаю что вы добрые потому что мы тоже добрые. Будьте здоровы и
приезжайте в гости. У нас тепло и море.*

Мурат.

— Отличное письмо! — искренне сказал Илья.

Мурат довольно засмеялся:

— Ты тоже приезжай следующим летом.
Он протянул Илье смуглую поцарапанную ладонь, всю в мозолях от стамески.
— Обязательно приеду, — ответил Илья.
И они крепко пожали друг другу руки.
Разумные существа всегда добрые.

Дядя Серёжа отвёз его на вокзал на своей старой, но шустрой голубой машине.
И вот Илья уже мчался домой.
Сквозь дрему доносились негромкие разговоры пассажиров поезда, со стремительным шелестом рассекающего вечернюю степь.
— В вагоне-ресторане кофе пахнет какими-то кабачками...
— Поворотись-ка, сынку! Отчего у тебя на голове эта коровья лепёшка?
— То ж самый модный берет, папаян!
— А сноха мне и говорит, с такой хитриной...

Илья слушал разговоры пассажиров и рельсовый свист из-под брюха скоростного поезда, перебирал сонные медленные мысли. Скоро он будет дома. Увидит Тайку с Герой. Какие они смешные — так влюблены друг в друга и никак этого не поймут. Скорей бы приехать. Он соскучился по друзьям из «общества вундеркиндов», по своему городу, парку, по лестнице на крышу и по зрелищу пустынных городских крыш, под которыми так много жизни.

Лето прошло хорошо, хотя ничего особенного Илья в космосе и не открыл.

Глава 10

Удар по Ио

Э то было самое странное небо, какое видела Никки в своей жизни. В детстве она жила под неброским чёрно-звёздным небом астероида. Потом Никки привыкла к лунному небу, которое украшалось небольшой бело-облачной Землёй. Земной голубой небосклон был великолепен сам по себе и любил надевать маленькую брошку из серебряной Луны. На самом деле Луна серее асфальта, но земные поэты предпочитали не знать деталей.

Сейчас над Никки раскинулось звёздное небо, из которого вырезали огромный круг. В образовавшуюся дыру просунулась багрово-полосатая физиономия, слепо и тяжело нависшая над городом и окрестными горами.

Когда из-за багровой круглой щеки выплывали эллиптические пятна атмосферных бурь, то появлялось промозглое ощущение, что бог прозрел и повернул сердитое лицо к людям. Даже не хотелось смотреть вверх — чтобы не вызвать гнева небесного божества.

Но иногда небожитель отлучался по своим делам, и мутная сфера, продавившая небо, переставала быть лицом и казалась тупой и бессмысленной — как пятка бога. Тоже пугающее зрелище. Что чувствует муравей, над которым парит слоновья ступня, которая уже на кого-то наступила и бурая болотная тина на ней смешалась с кровью?

Как же точнее описать зрелище полного Юпитера, видимого со спутника Ио? Представьте, что вы стоите на Земле. Возьмите Луну и увеличьте её размер в сорок раз. Нет, Луна бесхитростна и все свои кратерные секреты держит на виду.

Тогда вспомните вашу последнюю экскурсию на Луну и мысленно увеличьте в десять раз облачный земной диск, видимый с Луны.

Нет, опять не то — Земля ласкова, её облака обещают тёплый дождь и прохладную тень, а хорошо видимая поверхность сулит зелёные луга или синее море. А на Юпитере мрачные могучие циклоны бесконечно месят водородно-гелиевую, воняющую аммиаком, толстую атмосферу, которая кипит и несётся бесконечным ураганом над самым странным в мире вязким океаном из жидкого водорода, сжатого под зубокрошительным давлением.

Никто ещё не плавал в этом густом водородном океане. Какие чудовищные волны

гуляют по нему? Будет ли петь юпитерианский ураган в вантах пиратских кораблей? Можно ли утонуть в таком странном море с глубиной в двадцать тысяч километров?

Жидководородный океан Юпитера имеет раскалённое дно из металлического водорода — невиданного на Земле щелочного металла. Давление на дне юпитерианского океана — три миллиона атмосфер, температура — одиннадцать тысяч градусов.

Металлический водород хорошо проводит ток. Буйство электрических вихрей в этом жидком металле труднопредставимо, но легко заметно — оно генерирует магнитное поле Юпитера, в двенадцать раз более мощное, чем земное поле, управляющее компасами бойскаутов.

А в самой середине Юпитера, где давление приближается к ста миллионам атмосфер, прячется ядро из камня, в пятнадцать раз массивнее Земли. Нигде в Солнечной системе камень не испытывает таких температур и давлений, как в центре Юпитера.

Эта планета-гигант, вместившая в себе две трети массы планетной системы Солнца, уникальна, она... она...

Не-ет, это словами не описать, лучше сами прилетайте к Юпитеру и посмотрите вблизи на эту самую крупную планету Солнечной системы.

Испытайте себя перед лицом грозного бога.

— Как живёшь, дряхлое античное чучело? — дерзко сказала Никки и двинулась по прозрачному коридору дальше. Багровый Юпитер от злости ещё больше побагровел. Он светил как сотня полных земных лун, заливая ночную поверхность Ио красноватым светом и превращая её в сюрреалистический пейзаж. Тени от Юпитера были расплывчаты и неподвижны, от Солнца — резки и переменчивы.

С орбиты подлёта Ио тоже выглядела впечатляюще. Это был огромный — крупнее Луны — мир с лунной силой тяжести. Но облик Ио, жёлто-зелёно-оранжевой, с многочисленными чёрными озёрами и буйными вулканами, был разительно контрастен лунному, сухому, переболевшему метеоритной оспой пейзажу. Массивный Юпитер создавал на Ио приливной горб в восемь километров высотой. Хотя Ио всегда была повёрнута к Юпитеру одной стороной, но орбита спутника была слегка эллиптической, и с периодом в сорок два с половиной часа — именно за такое время быстрая Ио делала оборот вокруг планеты — горб «дышал», то есть менял свою высоту на сотню метров. Это беспокойство приливного горба так разогревало Ио, что на ней всё время извергался с десятков мощных вулканов, выбрасывая потоки шлака и серы на высоту до трёхсот километров. Температура поверхности Ио варьировалась от минус двухсот до плюс двух тысяч градусов Цельсия. Расплавленная сера приобретала и сохраняла различные цвета, поэтому Ио имела весьма богатую гамму цветов: от чёрного до белого, от ярко-оранжевого до жёлто-зелёного.

— Да, в таком мире робинзонить веселее. — Никки вспомнила скупые цвета своего астероида.

Флагманский корабль династии Гринвич приземлился на юпитерианском спутнике всего полчаса назад, но суматоха разгрузки большого корабля уже началась. Хотя флагман «Рифей» прибыл на спутник с деловым визитом, было бы грешно попутно не захватить для Жёлтого города — столицы Ио — земных деликатесов и свежих марсианских фруктов и овощей.

Для тяжёлого крейсера «Рифей» это был первый вылет за пределы орбиты Марса. Крейсер был только полгода назад собран на стапелях лунной верфи и до сих пор пах новым металлом и краской. Командовал «Рифеем» капитан первого ранга Орлеан — двухметровый русский викинг с короткой стрижкой и светлыми свирепыми глазами.

Капитан был влюблён в свой новенький корабль и беспощадно заставлял команду стирать с него пылинки и даже отпечатки пальцев — и матросы старались изо всех сил, чтобы не быть повешенными на нок-рее.

Корабль действительно был красив: стремительный внешний силуэт, треугольный в сечении бронированный корпус, современный дизайн главной рубки и пассажирских кают. Три мощных двигателя выбрасывали тёмно-синие струи плазмы и могли ускорить корабль

до нескольких «же». Корабль мог находиться в автономном полёте больше двух лет, обеспечивая пассажиров и команду всем необходимым. Мозг «Рифея» был вполне разумен по современным понятиям, и капитан даже подружился с ним.

Однако сейчас капитан Орлеан сам командовал разгрузкой, ревниво следя, чтобы киберы-носильщики не поцарапали шлюзы и стены.

Сразу после приземления королева Гринвич отправилась в юпитерианское представительство своей династии, где собрался ситуационный штаб.

Обсуждалась единственная проблема, ради которой Никки и прилетела на Ио: пролёт возле Юпитера кометы Сычикова–Невского.

Основной докладчик — седоволосый грузный мужчина, офицер Спейс Сервис, — описал ситуацию, начиная от обнаружения кометы двумя русскими школьниками.

Он отметил, что эти двое юных наблюдателей не только первыми открыли комету, но и значительно расширили период её наблюдения, что позволило вычислить координаты и скорость кометы с хорошей точностью и заранее обнаружить, что она пролетит близко к Юпитеру и, очевидно, развалится на куски из-за могучего приливного воздействия злобного бога.

Этот распад грозил юпитерианским поселениям неожиданной бомбардировкой, и ООН немедленно создала специальную группу, анализирующую траекторию кометы и возможный риск для людей и городов.

— Какие молодцы эти школьники! — пробормотала Никки. — Робби, пригласи их на лунную экскурсию. Надо устроить в их честь торжественный приём в Гринвич-Сити. И зачислить этих молодых людей бесплатно в наш колледж — если они этого захотят, конечно.

Робби откликнулся:

— Ещё ни один школьник, приглашённый в Гринвич-колледж, от этого предложения не отказывался. Было бы даже интересно познакомиться с таким человеком.

А докладчик перешёл к расчётам специалистов, согласно которым трёхкилометровая в диаметре комета должна была развалиться на несколько километровых кусков вблизи перииовия своей орбиты.

Части развалившейся кометы узкой карточной струёй уходили в космос, проходя мимо Ио и Ганимеда, делали ещё один виток, угрожая необитаемой Амальтее, и падали на планету-гигант.

Падение километровых кусков кометы на скорости свыше шестидесяти километров в секунду должно было вызвать грандиозные взрывы в атмосфере Юпитера и волны в его океане — и учёные с нетерпением ждали этого уникального природного эксперимента по зондированию планеты-гиганта.

Коридор расчётных траекторий обломков кометы пролегал в стороне от жилых орбитальных станций и обитаемых спутниковых баз — за исключением Ио, которая находилась на самом краю опасной зоны.

Специалисты оценивали вероятность падения куска кометы на Ио всего в 10 %, но этого было достаточно, чтобы эвакуировать жителей Жёлтого города и других ио-посёлков в орбитальную надувную станцию — не очень удобное временное убежище, которое могло разместить две тысячи человек в течение недели.

Весь космофлот Ио тоже барражировал в космосе — комфортабельные и безопасные корабельные каюты были отданы матерям с детьми.

Когда комета минует Ио, жителей вернут в свои дома. Осталось дожидаться пролёта кометы, которая пройдёт через перииовий своей орбиты в ближайшие часы.

В Жёлтом городе осталась всего сотня людей, и для их эвакуации в случае опасности на спутник прибыл флагманский корабль династии Гринвич — по просьбе Спейс Сервис и в соответствии с личным желанием королевы, которая беспокоилась за жителей Ио — тем более что многие из них были сотрудниками династии.

После совещания все разошлись по наблюдательным пунктам и лабораториям: разрушение кометы в гравитационном поле планеты — зрелище редкое и, с астрономической

точки зрения, поучительное. Сейчас все учёные Юпитера старались быть поближе к перииовию кометы и к своим телескопам.

Никки вернулась на флагман и устроилась в рубке возле самого большого обзорного экрана. На него транслировались изображения с корабельного телескопа и трёх других обсерваторий — с Европы, Каллисто и орбитальной станции возле кольца Юпитера. Эти данные позволяли видеть зону предстоящего события с разных точек.

Комета Сычикова–Невского принадлежала к классу «спящих комет», малозаметных тёмных тел, которые в изобилии населяют космическое пространство между Юпитером и Нептуном.

Но сближение с Юпитером пробудило спящую. До точки её максимального сближения с Юпитером осталось два часа, а комета уже зябко куталась в плотное облако газа, фонтанирующего из трещин в грязно-ледяной поверхности.

Приливные силы планеты-гиганта растягивали кометное квазисферическое ядро, пытаясь превратить его в «огурец», направленный на планету. Только прочность ледяного ядра пока удерживала комету от распада.

Комета вращалась вокруг собственной оси с периодом в пять часов, и приливные горбы от Юпитера бежали по неровной ледяной поверхности кометы, раскалывая её глубокими трещинами, из которых немедленно вырывались столбы газа и пыли.

Комета приближалась к Юпитеру, дымя всеми боками и напоминая гибнущий корабль.

За двадцать минут до перииовия комета должна была пересечь кольца Юпитера. Они состоят из очень мелкой пыли и небольшого количества крупных тел — до десятков метров в диаметре.

Возбуждённые учёные ещё раз проверили свои телескопы, приборы и записывающую аппаратуру.

И вот дымящийся шар кометы влетел в кольцо Юпитера. И полыхнул множеством вспышек — будто получил в борт пушечный залп пиратского корабля. Это многометровые скалы из кольца на скорости в двадцать пять километров в секунду врезались в поверхность замороженного пришельца.

Взрывы покрыли всю переднюю полусферу кометного ядра.

Удар каждой каменной скалы вызвал мгновенное испарение льда, разогрев освободившегося водяного пара и других газов, раздробление околележащих слоёв кометного грунта и выброс их в пространство.

Большинство ударов образовало кратеры, подобные лунным, но некоторые скалы вонзились в уже существующие трещины поверхности, проникли глубоко в кометное тело и стали взрываться там, потрясая комету до самой сердцевины.

Летучие вещества, хранившиеся миллиарды лет при сверхнизкой температуре, бурно прореагировали на тепловой шок, мгновенно превратившись в газовое облако.

Давление новорождённого газа вызвало резкое расширение трещин кометного ядра.

Комета застонала и под совместным действием сил взрывного давления и юпитерианского прилива стала разваливаться на куски.

Трещины добежали до самого сердца кометы, а по ним устремился горячий газ, одновременно разрушая комету и вовлекая в свои ряды всё новые летучие отряды, которые были так долго замурованы в толще ядра.

Комета взорвалась, как хорошая граната, ещё не долетев до точки максимального сближения с Юпитером. Огромные куски кометного тела — от скал в сотни метров до километровых гор — стали расплываться в разные стороны, окутанные облаками газа и пыли.

Это феерическое зрелище освещалось Солнцем и багровым Юпитером так эффектно, что казалось срежиссированным опытным цветопостановщиком.

Учёные и остальные жители Солнечной системы взволнованно наблюдали за гибелью кометы.

Но среди специалистов по небесной механике возникло оживление особого толка:

развал кометы происходил быстрее, чем прогнозировалось!

Это значительно расширяло конус разлёта обломков, и теперь траектория Ио попадала в него с большой вероятностью.

Через несколько минут лихорадочных расчётов выяснилось, что три из сорока самых крупных кометных обломков должны ударить в Ио!

Примерно через четыре с половиной часа.

Немедленно состоялось новое совещание ситуационного штаба. Пока штабисты заседали, специалисты по небесной динамике уточнили траектории кометных кусков и выяснили: мелкий обломок чиркает по северному необитаемому полюсу Ио, самый крупный кусок падает возле вулкана Прометея, одного из двухсот активных вулканов Ио, а средняя по размеру часть кометы, диаметром в полкилометра, целится в район Жёлтого города и может стереть юпитерианскую столицу землян с беспокойного лица нимфы Ио.

Начались приготовления к срочной эвакуации последних жителей.

— Но ведь город погибнет! — сокрушался офицер Спейс Сервис. — Куда мы вернём людей? Полторы тысячи человек останутся без крова и работы!

— Какие есть варианты отклонения или разрушения обломка? — спросила Никки.

— Взрыв не поможет: ядерных зарядов в системе Юпитера нет, а химическая взрывчатка или лазерный удар только развалят обломок на более мелкие части. Это сделает поражение куполов даже более вероятным.

— Значит, надо увести кусок с курса как единое целое. Воздействие на комету должно быть не ударное... — размышляла Никки вслух.

— Но мы же не можем руками двигать комету! — воскликнул взволнованный и расстроенный мэр Жёлтого города, который не эвакуировался с большинством жителей, а остался в своём городе до конца.

— Надо попробовать увести комету с курса, толкая её кораблём, — сказала королева.

— Но у нас есть единственный корабль — ваш, который нужен для эвакуации оставшихся жителей! — возразил мэр.

— Робби, сколько людей смогут вместить спасательные шлюпки и катера с флагмана?

— Около пятидесяти.

Никки обратилась к мэру города:

— У вас есть наземный автобус, который способен взять на борт остальные полсотни людей? Мы вывезем их из города в спокойное место.

Ответил хмурившийся главный геолог Ио:

— Конечно, такой автобус у нас есть, но на Ио сейчас трудно найти безопасное место: падение комет и взрывы могут вызвать массовые землетрясения и разломы коры.

— Ерунда, мы оставим возле автобуса пару катеров, и в случае сильного землетрясения они просто поднимут наземную машину на тросах вверх. В автобусе и этих двух катерах останутся только добровольцы, и я сама буду с ними.

Благодаря последнему обстоятельству добровольцы нашлись быстро, и план Никки начал реализовываться, несмотря на многочисленные возражения и сомнения.

Просто других вариантов не было.

Шлюпки были выведены из шлюзов флагманского корабля и стартовали, набитые до отказа.

На поле остался «Рифей», два самых крупных катера и автобус с жителями города, спешно прибывший к кораблю.

Мэр города и капитан «Рифея» остались возле корабля. На капитана Орлеана было страшно смотреть. Когда храбрый космонавт узнал, что его корабль будет неминуемо разбит в рискованной попытке спасти город, он обезумел от горя. Он пытался отговорить королеву от такого идиотского шага — но Никки была непреклонна. Капитан в отчаянии даже обратился к мэру Жёлтого города, но и тут не нашёл понимания. Тогда капитан, чуть не плача, бросился на обречённый корабль — спасти бортовой журнал и ещё какие-то сверхважные вещи.

Никки забралась в рубку одного из катеров и переключила управление флагманом на себя. Убитый происходящим капитан Орлеан маячил за спиной королевы до тех пор, пока она не велела увести его на другой катер.

«Рифей» высился над жёлтым бетоном космодрома самым одиноким кораблём в мире.

Вот дюзы флагмана вспыхнули синим светом, и гул пробежал по бетону, проник в королевский катер и прощально прозвучал в каждом сердце.

В следующий момент корпус корабля приподнялся над поверхностью Ио, и через секунду в катере наступила тишина: безмолвный «Рифей» на предельном ускорении пересекал звёздное небо и полосатое лицо удивлённого Юпитера.

Никки сама вела корабль, пользуясь дистанционным управлением. Она забыла, что находится в катере, неподвижно стоящем на Ио. Она летела вместе с обречённым кораблём и пыталась совершить то, чего ещё никто из землян не пробовал делать.

Она вывела корабль на курс, перехватывающий кусок кометы как можно раньше, и немилосердно форсировала двигатели. Переборки и бока опустевшего флагмана стонали — он ещё никогда не летал при таком ускорении, с экипажем на борту это было бы крайне опасно.

И вот пятисотметровая гора, окутанная дымом и летящими камнями, выросла во весь экран рубки. Отдельные куски кометы ещё никто не удосужился назвать официально, поэтому Никки звала вырастающую впереди гору попросту Квашнёй, относясь к ней как к расползающемуся и непрочному объекту.

При подлёте к Квашне лазерные автоматические пушки «Рифея» работали как пулемёты, расстреливая рои камней, сорвавшихся с неровных краёв кометного тела и угрожающих флагману.

Несколько булыжников прорвались сквозь оборону и чувствительно ударили по лобовой броне. Капитан, наблюдавший за происходящим на экране другого катера, застонал — будто метровые космические булыжники лупили его собственное тело.

Никки быстро затормозила носовыми двигателями, и град камней утих.

Между кораблём и Квашнёй оставалась пара сотен метров.

Но беда была в том, что Квашня вращалась — и быстро. То есть посадить корабль на комету и включить его двигатели было мало — через час корабль начал бы толкать Квашню не туда. Для оптимального воздействия на комету «Рифей» надо было пересаживать два раза.

Да вот только должен был садиться «Рифей» каждый раз аварийно — на нос.

Но колебаться было некогда.

И Никки направила нос корабля прямо на комету. На малом ходу.

Сто метров до поверхности.

Пятьдесят.

Двадцать.

Капитан закрыл лицо руками.

Скорость корабля была автомобильная, но этого оказалось достаточно, чтобы нос «Рифея» тяжело воткнулся в ледяную поверхность, глубоко закопавшись и взметнув по краям волны дроблёного грунта.

Капитан «Рифея» заплакал, не стыдясь своих слёз.

Лобовая броня крейсера заметно смялась. От удара лопнул иллюминатор главной рубки и сама она превратилась из всевластного центра управления кораблём в мятую металлическую коробку, забитую грязным льдом. Никки предвидела такую ситуацию и заранее переключилась на резервный кормовой центр управления.

Основные системы корабля уцелели, и Никки отдала решительную команду реакторному блоку. Кормовые двигатели «Рифея», торчащие перпендикулярно поверхности, взревели так, что камни, летающие вокруг Квашни, шарахнулись врассыпную. Длинные струи синей плазмы ударили в зенит. Тяга была так велика, что корабль ещё больше зарылся в грунт, зато Квашня заворочалась и стала медленно — с ускорением в несколько сантиметров в секунду за секунду — сползать с опасного курса.

По расчётам Робби, двигатели корабля должны были работать минут сорок, а потом корабль нужно снова поднять и перевести на триста метров правее.

У Никки не было ни минуты отдыха. Пока двигатели корабля сотрясали торосистые бока Квашни, королева Гринвич вывела трёх корабельных роботов в боковой люк, разместила их симметрично вокруг «Рифея» и велела им подкопаться под нос корабля.

Она одновременно следила за роботами, кораблём и Квашнёй. Никки давно позабыла, где реально находится — это в её бронированном теле в максимальную мощь ревели двигатели, это её кибер-руки закапывались в шальной, взрывающийся от любого нагрева грунт, это её электронные глаза с беспокойством следили за очертаниями соседних торосов: выдерживает ли Квашня такое давление Никкиного корпуса? Не сдвинется ли зыбкий грунт, не сместится ли направление тяги основных двигателей?

Сорок минут истекли. Никки отключила свои кормовые двигатели и отдала неслышный приказ роботам, которые окружили корабельный нос. Землекопы послушно замкнули свои аккумуляторы, и три подземных взрыва сотрясли «Рифей». Три облака газа стали выталкивать нос «Рифея» из ямы, в которую он закопался.

Никки включила и носовые, и боковые маневровые двигатели — и «Рифей», скрежеща корпусом о ледяные обрушивающиеся глыбы, вылез из своей норы и медленно стал подниматься над поверхностью Квашни. Робот-наблюдатель показал со стороны удручающе мятый нос корабля. Флагман будто получил в лицо тяжёлый покалывающий удар огромной перчаткой.

Капитан Орлеан прошёл уже все круги ада и сейчас стоял навтыжку в тесной рубке катера, прощаясь со своим любимым кораблём и отдавая ему честь.

Но последний час «Рифея» ещё не пробил. Никки отвела флагман в космос и устремила его в другую точку Квашни. Опять удар, ещё больше сплющивший нос корабля, зато снова прочно закрепивший корпус «Рифея» в теле кометы — чтобы двигатели могли передавать свой импульс огромной горе.

Посадка тяжело далась кораблю: его корпус лопнул, и струи воздуха засвистели в трещинах брони. Основной атмосферный контур корабля разгерметизировался, иллюминаторы пассажирских кают левого борта вылетали вместе с обрывками вещей и мебели. Изящные обводы корабля были окончательно изуродованы.

Снова три робота выскочили из бокового неповреждённого шлюза. Никки подумала секунду — и выгнала наружу ещё тройку землекопов.

Ещё тридцать пять минут форсажного гула двигателей, от которого рушились горы на Квашне и даже сам кометный горизонт блуждал и расплывался.

Перед новым отрывом «Рифея» от поверхности Никки одновременно включила носовые двигатели и отдала приказ роботам о самоликвидации. Те выполнили свой долг, и корабль получил тройной удар в лобовую часть. Но его не хватило для освобождения носа корабля из грунта. Никки немедленно отдала приказ о взрыве трём оставшимся роботам.

От нового толчка корабль пробкой выскочил из ледяной западни, закувыркался и отлетел в космос.

Никки не сразу, но всё же смогла стабилизировать искалеченный корабль, на который было страшно смотреть: настолько посадки на корпус и взрывы изуродовали его носовую часть. Струи воздуха, серебрящиеся инеем, били из потрескавшегося кормового кислородного резервуара во все стороны, добавляя хлопот Никки, которая с трудом управляла израненным флагманом.

Осталась последняя посадка.

Корабль уже изнемог. Он рухнул на грунт сильнее, чем хотела того Никки, и сильно накренился, зарывшись в грязные дымящиеся торосы, тёмные сверху и белые в расколах.

Чертыхаясь, Никки выгнала всех имеющихся на борту роботов — действующих киберов набралось с пару десятков — и снова попыталась включить маршевые двигатели. Но те не зажглись — электропитание корабля было в плачевном состоянии. Никки быстро определила место повреждения и погнала туда пару ремонтников. Чинить сеть было некогда,

и она просто велела одному из ремонтников вскрыть себе живот и направить энергию своего аккумулятора в обесточенную сеть. Робот сделал это — и превратился в неподвижную электростанцию.

Двигатели заработали на семь минут позже положенного. Вектор их усилий заметно отклонялся от оптимального.

Никки ужасно ругалась, а Робби крикнул, что Квашня отошла от первоначального курса недостаточно и примерно половина города окажется в зоне поражения.

Что же делать?

В это время в вулкан Прометея врезался самый большой обломок кометы. Кинетическая ли энергия кометы была тому виной или внутренняя энергия вулкана, но вулкан взорвался, как бомба.

Огромные куски горы разлетелись в стороны, а облако газа покрыло поверхность в сотни километров.

Вся Ио содрогнулась от сильнейшего землетрясения. Автобус и два катера, стоявшие на взлётной площадке, подпрыгнули. Многие люди внутри попадали. По бетону ракетодома зазмеились длинные трещины.

Но Никки ни на что не обращала внимания — её душа находилась вместе с «Рифеем».

Мэр Жёлтого города крикнул:

— Пора взлетать, здесь становится опасно!

Но Робби успокоил его:

— Не волнуйтесь. Первый удар был самый сильный. Если мы его пережили, то переживём и следующие — они будут слабее.

Никки скомандовала — и роботы закопались вокруг корабля, пытаясь освободить его от сцепления с торосами.

Как только струи плазмы перестали освещать кометный дымный пейзаж, Никки стала взрывать роботов, пытаясь высвободить корабль. Он вздрагивал всем корпусом, реагируя на очередное облако газа, толкавшее его снизу, но отрываться от Квашни не хотел.

Маугли пошла на отчаянно опасный шаг: она велела взорваться всему оставшемуся десятку роботов. Торосистая равнина вздрогнула — и вдруг вся оторвалась от Квашни и взлетела вверх, вместе с застрявшим «Рифеем».

Сотни кубометров льда недолго окружали смертельно раненный «Рифей»: вскоре льдины разлетелись по сторонам, а корабль остался медленно и беспомощно кружиться в облаке кометного материала.

Никки быстро проверила — какие системы корабля ещё действуют? Безрадостная картина: управление всеми маневровыми двигателями было потеряно. Никки смогла установить связь лишь с ремонтником, который отдал энергию аккумуляторного сердца кормовым двигателям и покорно ждал своей дальнейшей судьбы.

Что ж, последний шанс — тоже шанс.

Никки дождалась, когда корабль, отлетевший уже на пару километров от кометы, повернётся к Квашне нужной стороной, — и отдала ремонтнику последний приказ.

Робот породил электрическую искру и запустил маршевые двигатели.

И они снова устремили к комете умирающий корабль.

«Рифей» летел, искорёженный и почти убитый, ничем не напоминающий тот новенький щеголеватый крейсер, каким он был ещё утром. Его бронированный корпус был изуродован, покрыт дымными трещинами и всполохами электрических замыканий.

Он сделал всё, что мог, растратил все свои силы, но от него потребовали больше возможного, его просили о запредельном усилии.

И еле живой корабль выполнял свой долг — спасал людей, даже если они были не на его борту, а ждали свой участи на орбите.

Могучее сердце «Рифея» по-прежнему горело неистовым белым огнём, заставляя изуродованную стальную громаду ускоряться в последнем смертельном броске.

Корабль уже не управлялся людьми, он мчался только по воле своего огненного сердца.

Редкий корабль имел такую короткую жизнь и такую гордую смерть.

«Рифей» разогнался за несколько секунд максимальной тяги до скорости артиллерийского снаряда — и врезался на полном ходу в середину кометы.

Удар снаряда в десять тысяч тонн потряс Квашню. Она медленно стала разваливаться, подчиняясь ударной волне, метнувшейся от кратера, в котором окончил своё существование героический «Рифей».

Вскоре вместо полукилометровой ледяной горы возникло пылевое облако, в котором плыли стометровые куски. Облако, подчиняясь предсмертной воле «Рифея», отползало с опасного курса всё дальше и дальше.

Капитан молча стоял в рубке, его застывшее лицо постарело.

До столкновения обломков Квашни с поверхностью Ио осталось десять секунд.

Пять.

Две.

Одна.

Первый кусок врезался в серное озеро, на берегу которого стоял Жёлтый город.

Не успела волна взметнуться — сверху упали остальные части Квашни.

Озеро расплавленной серы словно вскипело.

Крупные обломки Квашни не попали в город, но несколько более мелких тел разбили часть восточных куполов.

Основная масса обломков рухнула в озеро — и вокруг них возникла кольцевая серная волна цунами высотой в сто футов.

Волна дошла до химической фабрики на берегу озера и обрушилась на цилиндрические корпуса всей своей миллионотонной тяжестью.

Корпуса смялись, как картонные коробочки, а вся территория фабрики оказалась затопленной густой горячей массой серы.

— О боги! — сказал растерянный мэр города.

Следующие волны были уже заметно ниже и дополнительных разрушений практически не причинили.

— Прекрасно! — воскликнул офицер Спейс Сервис. — Почти все жилые купола уцелели, нам есть куда вернуть людей!

Новые подземные толчки ощущались и в автобусе, и на катерах, но были явно не опасны.

Никки устала просто смертельно и ничего не хотела — только лечь и уснуть. Но когда в уцелевшем куполе она встретила капитана Орлеана, то всё-таки попробовала его утешить:

— Капитан Орлеан, на страховую премию мы построим новый корабль и тоже назовём его «Рифей».

— Нет! — Капитан был категоричен. Он упорно не смотрел на королеву налитыми кровью глазами. — «Рифей» был героическим кораблём и заслужил право на своё имя. Другого такого корабля не будет!

Глава 11

Свидание с сыном

Только уик-энды делают жизнь терпимой!

Сэм Бордерс сидел в одном шезлонге, водрузив ноги на другой, и грелся на солнышке. Ему хотелось пива, но вставать было категорически лень. Домашнего робота звать бесполезно — шасси совсем расклеилось, и он уже неделю неподвижно торчал на кухне, делая по хозяйству только то, до чего доставали его длинные руки.

Шезлонг Сэма стоял на отлично подстриженной лужайке у журчащего портативного фонтана. Высокий вечнозелёный кустарник полностью замыкал крошечную полянку и превращал её в уютное домашнее пространство.

Сэм гордился живой изгородью вдоль всего участка, он выращивал её пять лет, и

сейчас кустарник полностью скрывал от глаз улицу. Первое время сквозь калитку была видна дорога с припаркованными машинами, но потом Сэм спроектировал зигзаг изгороди возле ворот, и получилась полная иллюзия лесной — ну, парковой — уединённости.

За спиной у Сэма краснел старомодный, выложенный солидным кирпичом, одноэтажный небольшой домик — всё, что мог позволить себе рядовой компьютерщик, специалист по базам данных. Первые месяцы жизни на новом месте Сэма раздражали шумноватые и небогатые соседи по улице, но потом он привык, оброс кустарником и прижился.

Название городка ему нравилось — Колледж-Парк. До офиса Сэма в Гринбелте ехать совсем недалеко — по длинной тихой улице Счастливой Удачи.

Надо всё-таки сходить за пивом, подумал Сэм, наслаждаясь субботним послеобеденным отдыхом, когда обед уже улёгся в животе, но чувство сытости ещё осталось. Сэм даже снял ноги с шезлонга и принял позу, которая ещё не означала вставания, но могла легко перетечь в него.

В этот момент в калитку позвонили. Хм! Что ещё за новости? У Сэма нет знакомых, которые могут припереться к нему без спроса.

— Кто там? Коммивояжёр? — с неудовольствием спросил Сэм.

— Нет-нет, я ваш сосед! — раздался приятный мужской голос. — Вернее, живу тут совсем неподалёку. Всё время люблюсь вашей оградой. Хочу себе вырастить такой же кустарник. Шёл пешком домой и не выдержал — побеспокоил вас. Простите великодушно за вторжение. Уж больно хороша ограда!

Сэм польщённо хмыкнул:

— Конечно, заходите — ознакомьтесь!

От калитки к Сэму прошагал мужчина средних лет, хорошо одетый, с портфелем-чемоданчиком. Интеллигентное лицо, благородная седая шевелюра. Представился — Билли Поркотрим.

— Как у вас тут хорошо, просто душа отдыхает!

Гость огляделся вокруг.

— Присаживайтесь. — Сэм указал на второй шезлонг. Гость поблагодарил и, не моргнув глазом, сел в своём хорошем костюме в пыльный шезлонг, предварительно не проверив его пальцем. Это Сэму понравилось.

Поговорили о кустарниках — о сортах, сроках посадки и подстрижки, чем подкармливать, какую почву в «Магазине для садоводов» лучше покупать. Билли оказался неплохим знатоком, но слушал очень внимательно, как ученик слушает речи мастера.

— Могу ли я вас чем-нибудь угостить в знак благодарности за возможность посмотреть ваш чудесный кустарник? У меня с собой неплохой пикник-кейс. — Билли положил чемоданчик на столик и открыл крышку.

Сэм заинтересованно вытянул шею, он слышал про такой шик, но сам не имел. Походный бар — дорогая штука, да и не очень нужная при сидячем образе жизни Сэма.

Не удержался и заказал редкость:

— Пиво «Кострикер»!

Билли, не моргнув глазом, поднял краник и налил большой бокал. И себе нацедил того же пива, попробовал и похвалил Сэма за тонкий вкус и отличный выбор. Сэм ухмыльнулся — знай наших!

Посидели, слушая посвистывание красных кардиналов в кустах и попивая холодный «Кострикер». Сэму, правда, пиво показалось слишком уж приятным, наверное, с добавкой легального эффорина. Но получилось здорово!

Разговорились про работу. Сэм рассказал о своей компьютерной фирме, а Билли указал на большой куб в трёх кварталах, возвышающийся над зелёной каймой парка.

Интернат для детишек.

Разговор был располагающий, неспешный. Пришлось даже сходить в дом и принести воды для дозаправки переносного бара.

Билли с энтузиазмом рассказывал о своей работе.

— Четверть населения пользуется услугами клиник искусственного рождения и Интернатов. За небольшую сумму вы вызываете сына или дочь из небытия, дарите наследнику жизнь, продолжаете свою генетическую линию. Дети — это гуманно. Государство это ценит. Вы получите льготы как отец — дополнительный отпуск, пособие. Как будет рад ваш ребёнок появиться в этом мире! Один ваш росчерк — и вы дарите маленькому человечку жизнь. Что может быть ценнее этого подарка? А потом сын вырастет и скрасит вам старость. Вы будете желанным гостем в семье сына, будете качать на колене внуков. Решайтесь, будьте мужчиной! Не даря жизнь — обрекаешь на смерть!

Последние реплики Сэму не понравились. «Как можно обречь на смерть ещё только обсуждаемого ребёнка?» — с недоумением подумал он, но не стал перебивать Билли.

— В Интернатах растут миллионы детей. Это детский рай! Они там всегда среди сверстников, у них множество друзей. У нас работают талантливейшие педагоги, прошедшие специальное обучение. Мы создаём наилучшие условия для наших крошек — у нас самих в детстве не было таких замечательных спален, парков, бассейнов и игровых комнат, какие есть у наших маленьких жильцов.

— А как насчёт наследственных заболеваний? — спросил Сэм.

Билли тут же предложил ему пакет генетических улучшений.

— Со скидкой! Минимум генетических модификаций оплачивается правительством — вы платите только за дополнительные улучшения.

— Генетические модификации? — встревожился Сэм. — Я вхожу в общество, которое против генетически модифицированных продуктов!

Билли стал поспешно объяснять:

— Это совсем иное дело. Представим человеческий геном как текст или рассказ, который надо отредактировать. Природа, как бы она ни была мудра, тоже ошибается — и нередко. В нашей аналогии, слова — это гены, а буквы — отдельные нуклеотиды. Если в тексте есть какие-то неприемлемые выражения...

— Как матерные? — подхватил Сэм.

— Верно! — обрадовался Билли. — Вы очень умны. Такие выражения мы аккуратно вырежем из текста, а если какого-то слова не хватает — мы его вставим. Никакой опасности, обычная работа редактора... Или кодировщика, который ищет ошибки в программе, — намекая на работу Сэма, добавил Билли. — Мы разбиваем неприличный текст на буквы, перемешиваем и строим совершенно безобидное предложение, которое даже детскую мораль не повредит. Вы ведь не против улучшения программ, с которыми работаете?

— Нет! — замотал головой захмелевший Сэм.

— Так сделайте же своего мальчика счастливым! Дайте вашему сыну максимум генетических улучшений за минимум расходов!

Билли тоже был явно навеселе и вскоре признался Сэму, что, кроме двух собственных семейных дочек, у него есть ещё и интернатский мальчик, его улучшенная генокопия. Сына Билли завёл втайне от жены.

— Только строго между нами! — Билли смахнул пьяную слезу и вытащил бланк договора.

И Сэм подписал, волнуясь и гордясь собой.

— Какой вы молодец! Подумайте через несколько лет и насчёт второго!

Попрощались.

Билли двигался по лужайке пьяненько, экзальтированно махал руками. Хозяин даже забеспокоился — доберётся ли гость до своей квартиры? — и, когда тот вышел на улицу, Сэм выглянул сквозь незаметную щель в живой изгороди. И с удивлением обнаружил, что Билли идёт к красивой приземистой машине, и, чем ближе он подходит к машине, тем его походка становилась трезвее и быстрее, а жесты — скупее и энергичнее. Одной рукой он виртуозно спрятал в кейс бумаги, подписанные Сэмом, другой — подвесил т-фон к уху.

Через минуту дорогая машина, нежно заурчав, скрылась за поворотом.

— Какое шикарное авто! — восхитился Сэм Бордерс, вспомнив свой дребезжащий тарантас, а потом удивился: — Билли же сказал, что шёл пешком?

С олнце садилось за верхушки деревьев, и в парке становилось прохладно и приятно. Самое время гулять, но на Кена вечер нагонял тоску. Скоро позвуют ужинать, а потом ребята с адским грохотом и дикими криками повалят по своим спальням. Это означает два часа свободного времени, которое будет для мальчика заключаться в том, чтобы прожить их без синяков. После ужина почти все воспитатели расходятся по домам, на посту остаются только старые роботы, с которыми взрослые ребята давно научились ладить.

Вечером развязываются руки и у самых младших бандитов. Главным врагом Кена был здоровяк-генотормоз Дорняк. Впрочем, Кена в приюте никто не любил. Ведь у него есть настоящий отец. Большинство остальных ребят были *отказные* — родители в своё время отказались от них. Обычно это происходит после трёх лет, когда государство перестаёт платить семье пособие на ребёнка.

Благодаря наличию отца у мальчика есть надежда уйти из Интерната. Остальные обитатели Интерната часто издеваются именно над этим: «Ну и почему тебя твой отец не забирает?»

Кена побили вчера, когда он ответил на хитрый вопрос киберучителя. На этот вопрос никто из других ребят не смог ответить. Они пригрозили, что завтра вообще убьют — умный Кен им надоел. Сбросят с крыши, будто сам упал, — и всё.

Это не пустая угроза. В прошлом году на руке упавшего с крыши рыжего подростка нашли намотанную бечёвку, ведущую к большому воздушному змею, застрявшему на дереве. Элементарная задачка для сообразительных полицейских: большой змей дёрнулся от порыва ветра, и глупый ребёнок упал с крыши.

Кен умный и генетически улучшенный — *культурный*. Таких вдвойне не любят. Зато он мог про других презрительно думать (стараясь, чтобы эта мысль не проявилась на лице): «Быдло, генетический трэш!»

Темнело всё сильнее. Мальчик вздохнул и пошёл по кругу между деревьями, трогая их за морщинистую кору на высоте головы. Этот ритуал он придумал уже давно. Такое древесное защитное кольцо помогает от несчастий — и от злобных невидимых существ, которые кричат по ночам в уши, и даже от Дорняка.

Потом на дереве в центре круга нужно постараться найти и убить паука. Чтобы кишки размазались, тогда помогает ещё лучше.

Прозвучал сигнал сбора на ужин.

Паука найти не удалось. Сообразительные стали, гады, прячутся.

Мальчик послушно побрёл к дверям столовой — опаздывать нельзя, получится хуже. В тысячный раз Кен помечтал о тех Интернатах, где таких, как он, *заказанных* детей, много. А в этом Интернате — очень мало. Область такая — бедная. Мало *заказывают*, гораздо больше *отказываются*.

Среди *отказных* самые опасные — *дикие* дети. *Дикари* — случайно рождённые, нежеланные и оставленные ещё в роддоме. *Дикари* — самые свирепые, с наибольшим стажем жизни в Интернате.

Обитатели Интерната не любят *заказанных* детей, потому что у тех есть мать или отец (иногда — сразу оба!) и наибольший шанс переселиться к ним. Такое случается не так уж и редко. Вычисление таких вероятностей занимало значительную часть времени обитателей Интерната. Получалось, что у *отказных* есть три процента шансов вернуться к своим родителям и четыре процента быть усыновлёнными другими людьми. *Дикарям* было некуда возвращаться, зато шанс на усыновление у них был выше — шесть процентов.

Усыновление *заказанных* детей обычно не разрешалось — ведь у них, сволочей, уже были свои родители, которые посещали многих почти каждое воскресенье. Кроме того, у них было *пятнадцать процентов!!!* вероятности быть забранными генетическими родителями.

За эти пятнадцать процентов *заказанных* и ненавидели больше всего. Уровень инвалидности и смертности от несчастных случаев у них был тоже самый высокий.

Драки и насилие в Интернате между взрослеющими подростками были не редкостью. *Заказанные* старшие девочки страдали больше всех и тем сильнее мечтали выбраться из Интерната — любой ценой. Многие делали себе старательные причёски, доступный макияж и надевали на свидание с родителями самые эффектные платья — чтобы понравиться. Ну просто чтобы больше понравиться. Ходили слухи, что есть родители, которые *заказывают* себе детей не просто так. Но никто из *заказанных* детей в эти гадости не верил: всем ясно, что эти слухи порождают и распространяют завистливые *дикари* и *отказные*. Злобные уроды.

То, что мальчик был ещё и *культурным*, делало его парией даже среди обычных *заказанных*. Нет ничего страшнее в Интернате, чем быть *заказанным* и *культурным*.

Как-то Кен бежал по игровой площадке, раскинув руки, тихонько жужжа и изображая самолёт. Камень ударил Кена в лоб. Мальчик остановился как вкопанный и посмотрел вниз, на далёкую землю. Кровь закапала на песчаную дорожку, вспыхивая красными звёздочками, а потом сворачиваясь пыльными тёмными шариками.

Вожак *отказных*, *дикарь* Дорняк сделал вид, что он бросил камень случайно. Его даже не наказали — просто пожурили, а Кену намазали рассечённый лоб какой-то болючей штукой.

Кен верил, что ненависть детей к нему разделяют и воспитательницы. Как-то его поймали с вкусными ранетками, набранными в интернатском саду. Их, конечно, было запрещено рвать.

Воспитательница, тощая крашенная блондинка с утомлённым лицом, выгребла из карманов Кена жёлтые сладкие плоды и стала их есть сама, скалясь крупными зубами мальчику в лицо и угощая своего дылду-сына, который зачем-то пришёл к матери на работу.

Мальчик стоял насупившись, чувствуя горькую обиду.

Он хотел подарить ранетки девочке с короткими каштановыми волосами и двумя макушками.

Девочка была очень красивая. У неё была немного короткая шея, но мальчик этого не замечал. Она благосклонно относилась к нему — ей даже льстило, что он *заказанный* и *культурный*.

Злобный Дорняк заметил их дружбу и всё испортил: он тоже стал ухаживать за красивой девочкой с короткой шеей.

Когда дети учились плавать, то Дорняк отвёл девочку от бассейна за высокий куст. Подарил ей что-то. Мальчик искоса наблюдал за ними и видел, как девочка радуется. Дорняк воровато осмотрелся и оттопырил свои трусики. Девочка глупо захихикала.

Кен в гневе отвернулся.

Вскоре девочка подбежала к нему и показала яркую пищалку.

— Вот что у меня есть! Я теперь с Дорняком дружу! А ты... а ты... дурак!

Женщины. Разве им можно верить?

Мальчик стал совсем одиноким. Раньше он рассказывал девочке разные придуманные истории, и она охотно слушала. Сейчас у него остался один друг — Дим.

Раздался сигнал отбоя ко сну.

Кен боялся спать. Ему казалось, что когда он спит, то совершенно беспомощен. Каждый может подойти среди ночи и задушить его.

Мальчик задрёмывал позже всех и часто открывал глаза в слабо светящейся темноте ночи.

Вот и сейчас, осторожно наблюдая за укладывающимися детьми, он не спал, а шептался со своим единственным и самым лучшим другом — Димом. Мальчик советовался с ним по главному вопросу — как уехать к отцу и спастись от Дорняка.

Кен размечтался: «А вот — ЗАВТРА попрошу папу, и он меня возьмёт к себе. Сразу, в тот же день!»

И вдруг Дим молча, но убедительно кивнул. Согласился!

«Ты так думаешь?» — спросил взволнованный мальчик. И Дим снова кивнул, подталкивая к решению всех проблем. Кен тоже согласно мотнул головой в ответ Диму и, с отчаянно забившимся сердцем, забрался под одеяло.

ЗАВТРА, ЗАВТРА!

Он попросит отца забрать его с собой. Он расскажет ему, как плохо здесь, как его не любят.

ЗАВТРА!

Он уйдёт из этой проклятой тюрьмы.

О тец пришёл сразу после завтрака.

Целый день Кен с отцом провели в зоопарке. Изумительный день! Солнце светило тепло, но не жарко. Посетители улыбались, тигры рычали, слоны трубили, змеи спали.

Отец был в отличном настроении и всё время шутил, посматривая на сына. Поразительно похож на него самого в детстве. Как-то он сравнивал свои снимки из старого альбома и фото мальчика. Копия! Не обманули генетики.

Семья стала анахронизмом. Его собственные родители живут в доме молодых пенсионеров, все бабушки с дедушками — в доме престарелых. Компьютер-секретарь шлёт им поздравления к Рождеству и дням рождения, впечатывая в открытки свежую фотографию отца с мальчиком. Руки подняты в приветствии, улыбки весёлые. На юбилеи — недорогие подарки. Выбирает тоже компьютер, но тут уже отец Кена сам смотрит — и одобряет нужный расход.

Отец любил сына, но не думал никогда о том, чтобы жить вместе, — домик крохотный, жизнь налажена, условий для Кена нет, денег мало. В обрез. Но отец ходил навещать сына каждую субботу, делал ему подарки, гулял с ним весь день. Если не мог весь день — то хотя бы пару часов бродил с ним по парку Интерната. Мальчик был его генетически улучшенной копией, и он о нём заботился.

Кен был оживлён целый день, но ближе к вечеру увял, посмугнел.

На обратном пути из зоопарка мальчик заговорил об отцовском доме — как, наверное, в нём хорошо жить.

Отец прохладно отвечал, не понимая его чувств:

— Дом — это просто дом, там нет друзей, там скучно. Тебе бы в нём жить не понравилось. Меня почти целый день нет дома — днём я на работе, а вечером — с приятелями.

— Но ведь ты перед сном приходишь домой! Наверное — на целый час!

Мальчик зажмурился.

— Или даже на два! Целых два часа!!! Можно почитать, посмотреть вместе тиви, сыграть во что-нибудь... или просто посидеть, поужинать...

Отец не нашёлся что ответить. Разговор зашёл совсем не туда, куда надо.

Наконец они приехали, зашли в ворота парка вокруг Интерната и сели на скамейку.

Мальчик напряжённо о чём-то размышлял и вдруг обрадовался:

— Ты завтракаешь дома! Завтракать вместе — это так здорово! А я умею готовить чай! И кофе!

Тут поразительная мысль осенила мальчика и катапультировала его со скамейки.

— И ты ведь два дня выходных дома! Не на работе! Целых два дня!!!

Глаза мальчика горели, как у кошки в темноте, и он ошарашенно снова опустился на скамейку, не представляя такого безмерного срока жизни вместе с отцом. Два дня!

Отец с растерянным лицом хотел сказать, что вечером в субботу он обычно играет в теннис, а всё воскресенье он проводит за бриджем и пивом в компании друзей, но почему-то смолчал.

Мальчик снова быстро спрыгнул со скамейки, добежал до соседних деревьев и совершил непонятный ритуал прикосновений к их стволам. Оттолкнувшись от последнего

дерева, он снова вернулся к отцу и с размаху сел рядом с ним.

— Ты... ведь возьмёшь меня отсюда? — замирая, спросил мальчик.

— Да, да... конечно... когда-нибудь... — тихо и расстроенно ответил отец.

Тут мальчик зажмурился и выпалил заветное:

— ЗАВТРА возьми, а? Ой, нет, не ЗАВТРА, — лицо мальчика в ужасе искривилось от ошибки, — уже СЕГОДНЯ! Прямо СЕЙЧАС!

Наступила тягостная пауза.

Кен видит растерянное лицо отца и остро понимает, что всё получилось неладно. Мальчика пронизало ощущение, что его слова, вместо того чтобы приблизить отца, отдалили его.

В этот момент Кен интуитивным скачком поднялся на новую ступень понимания и взросления. Из его глаз пропал щенячий восторг, и он испуганно спохватился:

— Нет-нет, я это просто так сказал... Не сердись, я пошутил... Мне тут хорошо, у меня есть друг — Дим и... остальные мальчики... да мне и Дима хватает...

Отец с облегчением вздохнул.

— Заберёшь, когда сможешь... или когда я вырасту... — договорил мальчик бесполезные нейтральные слова.

Отец засобирался:

— Мне пора домой.

В мальчике сладко и болезненно отдалось это небрежное слово «ДОМОЙ». Это удивительное место, где мальчики живут с отцами. А иногда даже с МАМОЙ! Тут у Кена закружилась голова, и он выругал себя за слюнтяйство. И старательно спокойно сказал:

— Приходи в следующую субботу. — Не выдержал и переспросил: — Придёшь в субботу? Придёшь?

Отец торопливо кивнул, пожал холодную липкую ладошку мальчика и быстро двинулся к стеклянным воротам. Кен солидно последовал за ним, стараясь не бежать и от этого безнадежно отставая.

Вот отец открыл дверку в воротах — ему можно, а мальчика дверка не выпустит — и плотно закрыл её за собой, не оборачиваясь.

Мальчик с убитым сердцем проводил взглядом уходящего отца, вытащил из кармана деревянного облупленного человечка-космонавта, которого когда-то давно подарил отец, и хриплым шёпотом страшно поклялся:

— Если он больше не придёт, я укушу себя за палец... до крови, чтобы капало... нет, придавлю дверью и сорву ноготь, как у Лопухого Билла было... а тебе, дурацкий Дим, я отломаю твою дурацкую голову... и всего разобью на мелкие щепки...

И мальчик торопливо, на ходу, спрятал человечка и бережно застегнул карман интернатской униформы на пуговку.

Он уже не будет таким глупым дурачком, как сегодня. Он станет осторожным и вежливым. И отец обязательно заберёт его отсюда. Главное — чтобы он пришёл в следующую субботу. Она страшно далека, эта суббота, но она настанет, обязательно настанет... Дорняк... это неважно, как-нибудь... самое главное — чтобы отец пришёл в следующую субботу.

Отец за воротами двинулся к машине. Потом замедлил шаги, на ходу полуобернулся и увидел мальчика, прильнувшего к стеклянным воротам с внутренней стороны. И так мальчик был похож на детские фотографии из старого альбома, что отцу показалось, что это он сам ребёнком сидит в стеклянной клетке.

А расплющенные о толстое стекло и ставшие некрасивыми и бледными губы сына беспрерывно шептали, спрашивали, заклинали отца сквозь прозрачную стену:

— ПРИДЁШЬ? ПРИДЁШЬ?

Б елокурая красивая женщина сидела напротив Никки и улыбалась, радуясь встрече со старой подругой.

— Изабелла, я хочу поручить тебе очень важное дело: Интернаты. Досконально изучи ситуацию вокруг них. Выясни, чьи коммерческие структуры вовлечены в интернатский бизнес, кто финансово заинтересован в рождении детей вне семьи.

Изабелла перестала улыбаться и выпрямилась.

— Подготовь программу по разрушению материальной заинтересованности в этом бизнесе. Обдумай меры по опровержению общественных стереотипов о приемлемости сдачи детей в приют или воспитания ребёнка в Интернате. Натрави прессу на Интернаты, профинансируй художественные и документальные фильмы о реалиях приютской жизни. Будь смелее, смотри шире. Захвати проблему защиты прав детей и в семьях. Думаю, стоит обсудить программу предоставления каждому ребёнку личного киберка, который будет защищать подопечного от любых опасностей. Можно даже провести такой закон через ООН. Берёшься?

— Ещё бы! — недобро сказала Изабелла, глаза которой горели уже как у рассерженной тигрицы. — Если бы ты знала, как давно я точу зубы на эти Интернаты.

— Я знаю, — кивнула Никки. — Потому предлагаю это именно тебе.

Мальчик внимательно смотрел в лицо высокой женщине в кимоно, которая держала его за руку. Лицо было невозмутимым и приветливым, глаза — чёрными и раскосыми.

— Значит, ты — моя няня?

— Да.

— И ты всегда будешь со мной?

— Всегда.

— Никогда не бросишь одного и не уйдёшь на работу?

— Никогда.

— Так не бывает.

— Бывает.

— И у тебя можно спросить всё, что хочешь, и ты ответишь?

— Отвечу, ведь я подключена к мировой информационной сети, которая знает почти всё.

— А откуда ты пришла?

— Принят закон, по которому у каждого ребёнка должна быть постоянная семья. Хотя бы в виде няни. Меня прислали из детского центра вашего округа. Сейчас я буду твоей семьёй, пока ты не вырастешь или не найдёшь другую семью.

Мальчик замолк на какое-то время, а потом извиняющимся шёпотом сказал, глядя в землю:

— А если проснуться ночью и станет страшно... ну, иногда бывает такое... со всеми ведь может такое случиться, правда? — Мальчик заглянул в лицо няни... — То и не страшно вовсе — ты ведь рядом и защитишь. Спасёшь от ужасного Гырбы-Дроги! И от Дорняка-Сорняка... Правда?

— Правда... — ответила няня. — Я всё время буду рядом.

Начался мелкий дождь.

Няня не заставила мальчика идти под душную крышу Интерната, она просто подняла руку, и из запястья выскочил большой пластиковый зонт, укрывший няню и мальчика от дождя.

«Зонт — это маленький прозрачный дом!» — подумал мальчик и вздохнул. Няня старалась, чтобы на мальчика не попала вода, поэтому дождевые капли брызгали на её собственное кимоно и скуластое лицо. Но капли не могли причинить ей вреда, и няня не беспокоилась. Главное — чтобы мальчик не промок.

Мальчик почему-то сердито сказал:

— Ты не думай, папа меня любит, просто у него денег нет, чтобы меня к себе забрать.

— Он заберёт тебя на следующей неделе.

— ЧТО?! — не поверил мальчик. — ТЫ ВРЁШЬ!

— Твой отец уже оформил все бумаги. Это связано с тем, что государство перестаёт дотировать Интернаты и начинает выплачивать пособие самим родителям.

— Я тебе не поверю, пока папа сам мне не скажет! — решительно сказал мальчик.

— Ладно, пусть отец сам тебе скажет, — покорно согласилась няня.

Мальчик долго молчал, переваривая такую невероятную новость, потом робко заглянул в лицо няне.

— А... мама? У меня будет настоящая мама? Живая?

— Возможно, будет. Мы её поищем.

— А она будет красивая?

— Конечно. Некрасивых мам не бывает.

Дождь стучал в зонт всё сильнее, но его не пускали в прозрачный дом.

— Я тебе всё равно не верю, — упрямо сказал мальчик, незаметно вытирая глаза.

— Ладно, пусть отец сам тебе скажет, — кивнула няня.

Глава 12

Листья на ветру

О сень — тревожное жёлтое время. Оно полно холодных перемен. И ещё эти отчаянные листья...

Когда они падают с платанов на траву, это просто грустно. Но вот приходит ветер, и листья начинают, как живые, — ворочаться, скакать, катиться по дорожкам парка. И тогда сердце сжимается в тоске.

Осенний ветер смел и холоден, он выше правил и светофоров, он несёт под брюхом стаю листьев и выгоняет их под колёса автомобилей. Стая, набравшись скорости у ветра, катится наискосок по асфальту — навстречу целеустремлённой железной лавине, которая сминает их, не притормаживая ни на секунду. Никто не спрашивает о желаниях листьев — они летят вперёд, послушные чужой воле. Пока их не раздавит мокрой и тяжёлой резиной.

Питер часто с ужасом смотрел на эти летящие под колёса листья. И даже стал сочинять про них песню. Он вообще любил сочинять. Подыгрывал себе сначала на гитаре, потом нашёл на помойке синтезатор — поцарапанный, две клавиши не работали, но Питер приспособился. Ничего, вот он скоро закончит школу и заработает на приличный инструмент...

Ты — просто лист, улетающий с ветром...

Главное — успеть загадать желание.

Вдруг тебя занесёт к Богу?

И будешь стоять там, как дурак бессловесный.

Или так:

Ты — просто лист, улетающий с ветром...

Сухим горлом шелестишь свои желания.

Надеешься — вдруг тебя занесёт к Богу?

И сделает он тебя целым зелёным деревом.

А может:

Я — просто лист и улетаю с ветром...

И надеюсь — вдруг он занесёт меня к Богу?

И сделает Бог меня человеком,

если я не забуду это странное желание.

Я — просто лист на ветру... Прошу —
не бросай меня под колёса, а унеси в страну,
где бабочка летает в горячем солнце,
где нет машин, людей и помоек.

Вот так он сидел и напевал на берегу Артемизии. Тут кругом полно домов миллионеров. А какая-то сумасшедшая богачка умерла и завещала все свои деньги на очистку озера, на дорожки и беседки. И сейчас здесь люди катаются на роликах и велосипедах. Или просто гуляют.

Питер приходит сюда петь вполголоса — в тихую беседку, почти скрытую ивовой кроной. Дома разве дадут посинтезировать — или мать заорёт, или отчим.

— Здорово у тебя получается! — сказал кто-то восхищённо.

Питер обернулся как ужаленный. У беседки стояла девчонка на роликах, в короткой теннисной юбке и белой рубашке.

Парень нахмурился — он не любил, когда ему мешали.

— Я — Мари, а тебя как зовут? Спой ещё раз.

Девчонка была из симпатичных и не робких. Светлые волосы и голубые глаза. «Да просто красавица!» — решил Питер. Вот только слишком пышная — видно, из-за этого и катается на роликах.

Сам Питер был черноволос и худ. Немногословный, но интересный. И так проникновенно поёт. Мари практически сама назначила ему следующее свидание.

И — круто изменилась жизнь Питера.

Мари была из высшего общества, с которым Питер никогда не пересекался. Трёхэтажный дом её родителей стоял на берегу озера, окружённый огромным участком и садом. А после свидания Питер возвращался в свой бедняцкий район, в тесную квартирку в старом доме.

Питер влюбился. Но голову не потерял — понимал, что такую девушку нужно суметь и заинтересовать, и удержать. Он сочинял ей песни. Ей нравилось. Он старался приносить ей на каждое свидание какой-нибудь необычный подарок. Она была в восторге! И вслух гадала, что же он принесёт ей в следующий раз.

Они ходили в парк, в кино и даже в театр. Они рассказывали друг другу истории про свою жизнь. Девочка вспоминала, как этим летом она ездила с родителями на Карибские острова. Какие там пляжи, пальмы и птицы! Питер слушал с чувством бесконечной зависти. А тут так и закинешь в этом гнилом дождливом холодном Ливерпуле, не выбравшись дальше Лондона, такого же холодного и туманного, или Глазго — ещё промозглее и грязнее.

Но Питер гордо говорил:

— Я люблю осень — это честное и быстрое время, когда все иллюзии спадают.

Мари ёжилась:

— Мне не нравится, когда много грустных мёртвых листьев. Они — будто разорванные письма.

Они гуляли по дорожкам вокруг ночного озера, и Питер показывал на молодой месяц:

— Он похож на натянутый лук, и стрела его всегда нацелена на солнце.

Мари не соглашалась:

— Месяц похож на сверкающий щит, обороняющий от солнца спящую луну.

Питер рассказал Мари про свою птицу. Он подобрал дику голубку со сломанным крылом — видно, налетела на провод. Из крыла торчала косо срезанная трубчатая кость, в ране уже копошились белые черви, а птица была еле жива. Питер отнёс голубку к ветеринару — его клиника за углом. Но денег на сложную и дорогую операцию не было. Ветеринар махнул рукой и позаботился о птице бесплатно: попросту отрезал сломанное крыло лязгающими ножницами. Ножницы сочно чавкнули. Мальчик вздрогнул. Его пронзило острое ощущение необратимости совершённого.

Голубка уже никогда не полетит! Какая-то ось в мироустройстве сдвинулась, и уже

никогда оно не пойдёт по старому пути.

Врач прижёт чём-то рану и сунул птицу в трясущиеся руки мальчика.

Голубка жила у него уже два года, сидела на краю цветочного горшка на подоконнике. Она часто расправляла, вытягивала единственное крыло, но никогда не пробовала взлететь. Клетка ей была не нужна. Зачем клетка для нелетающего существа? Отсутствие крыльев и есть клетка.

Мари слушала с круглыми глазами, и Питер радовался, что умеет интересно рассказывать.

С субботним утром они поехали в Манчестер — на знаменитый аттракцион «Рогатка».

Питер и Мари уселись в двойное кресло в виде небольшого диванчика и пристегнулись ремнями. Питер ещё успел посмотреть на девушку, потом раздался предупреждающий, тревожный рокот барабана. Он напрягся и инстинктивно сжал поручни кресла. В следующую секунду могучая перегрузка вдавила Питера в кресло, которое, увлекаемое быстрым тросом, взмыло ввысь со скоростью ракеты.

— А-а! — Крик сам вырвался из груди.

Они промчались мимо вершины рогатки и полетели дальше.

Наконец, под визг и вопли, кресло замедлилось и остановилось в верхней точке своей траектории, на высоте почти двухсот метров. И тут началось самое страшное: кресло, замерев на мгновение, стало опрокидываться вперёд.

Щенят подбросили в корзинке, а потом перевернули коробочку и вытряхнули её содержимое.

Беззащитно падать головой вниз с высоты двухсот метров оказалось очень страшно.

В момент переворота Питер автоматически вцепился в поручни так, что заболели растянутые мышцы, но всё равно — опрокидывающееся кресло уронило его вниз головой. Началось захватывающее дух падение, а мир переворачивался снова и снова...

Питер и Мари, пока летели вниз, успели кувырнуться раза четыре. Потом снова взлетели, но уже на меньшую высоту, и наконец, вдоволь поболтавшись в небе вверх ногами и вниз головами, опустились на стартовый помост.

— О боги, — простонал Питер, вылезая из пыточного летающего кресла. — Я растянул руку, хватаясь за соломинку...

— Здорово! — Глаза Мари горели. — Вот это ощущения! Никогда такого ужаса не испытывала.

«Она не трусиха!» — удивлённо подумал Питер, глядя на раскрасневшуюся Мари.

Денег Питеру стало не хватать катастрофически.

Мать только расхохоталась в ответ на просьбу Питера купить ему костюм:

— Как только у меня появятся деньги, я сначала вставлю себе зуб! — Она показала на чёрную дыру во рту и с сомнением добавила: — А уж потом подумаем насчёт твоего костюма. А чем тебе джинсы стали плохи?

Отчим Вильям косо поглядел на Питера:

— Помоги покрасить хоть один дом, и я тебе заплачу.

У Вильяма был грузовичок, набитый банками с краской. Отчима нанимали красить дома, он отмывал вековую пыль и грязь со стен портативным водомётом, а потом заряжал пульверизатор краской и красил дом от основания до крыши, карабкаясь по раскладной алюминиевой лестнице. Приходил домой усталый, злой и забрызганный разноцветным. Вильям был скаред: его машина ездила на лысых шинах, пока они не лопались.

«Много ли у него заработаешь?» — с досадой подумал Питер.

Друзья Питера были не богаче его.

Надо было что-то предпринимать! Знакомство с Мари — это редкостная удача. Теперь удачу надо превратить в успех. А успех требует платы.

Д енёк выпал сухим и даже немного солнечным. Но Алан МакДрим мрачно крутил баранку полицейской машины, забирающейся по извилистой дороге, и молча ругался. Рядом с ним сидел напарник, толстый Симеон Нижгорски, с сонными коричневыми глазами и мягким пухом на практически лысой голове.

Напарники плохо подходили друг другу. Голубоглазый Алан был отчаянно молод, поджар и шустр. А Симеон уже стал безнадёжно пожилым, ленивым и неповоротливым. Но за опыт Симеона сделали старшим, а Алан ходил лишь в стажёрах, что его немало раздражало и даже возмущало. Чему учиться у этого Симеона — игре в шахматы, в которые тот режется с компьютером всё свободное время? Как Алан уже убедился, старик ничего не знал ни о нейродопросах, ни об интегральном методе расследования, чему учили в полицейской академии высшего уровня. Старые собаки не успевают за новыми фокусами! Ладно, жизнь покажет, кто тут больше понимает в детективном деле. Стоит Алану проявить себя на паре расследований — и роли быстро поменяются.

Плохо, что у Симеона не было никаких карьерных устремлений: он не гнался за громкими делами, а покорно брался за расследование любой дряни. Вот и сегодня: лейтенант Грэхем, начальник детективного отдела, взял и послал их на расследование автодорожного происшествия. Ладно бы две машины столкнулись — есть что расследовать: определять виновных, опрашивать свидетелей и так далее. А тут машина просто слетела с дороги на повороте. Дело века! Тьфу!

Алан предложил сначала изучить известные данные: ведь экспертиза происшествия уже проведена. Но упрямый Симеон встал и сказал:

— Едем на место. Моя голова — не помойка, я закладываю туда только полезные и надёжные вещи. Чужую труху молоть смысла нет. Заодно подышим свежим воздухом...

Алан яростно закрутил баранку влево — они взяли последний поворот и наконец приехали на место происшествия.

Напарники вышли и осмотрелись.

Узкая асфальтовая дорога спускалась с холма, где стоял красивый особняк, делала здесь зигзаг среди кустарников и через несколько сот метров вливалась в шоссе, пересекающее реку.

Машина не вписалась в извилину дороги, пробила кустарник — он был густой на вид, но слишком хлипкий, чтобы удержать «порш-карреру» от кувыркания по склону. Машина упала в реку вверх колёсами.

Алан вытянул шею и отследил путь машины по склону. Машину из реки уже выловили, но Алану хотелось посмотреть на место крушения.

— Симеон, давай спустимся?

— Зачем ноги ломать? — буркнул Симеон. — Машина улетела отсюда, и если есть причина аварии, то она здесь, а в реке можно найти только результаты.

— Ты что, не видел раньше аварий? Такой крутой поворот и есть причина.

— Парень ездил по этой дороге пятнадцать лет. Почему он вдруг взял и слетел с неё? Он был не пьян, и даже дождь в тот день не шёл.

Молодой полицейский сокрушённо покачал головой на такое упрямство и незаметно протёр на мундире свеженький значок академии. Был бы на месте убившегося водителя обычный смертный — дело было бы закрыто сразу как совершенно ясное. Но погибший был большим человеком. Это ему принадлежит — принадлежал! — особняк на холме. Юрист в возрасте, дорогая машина, хороший дом в престижном районе, молодая жена. Работал в мэрии, был вовлечён в конфликт с землевладельцами, поэтому друзья юриста, включая самого мэра, уверены, что дело нечисто, и потребовали от полицейских досконального разбирательства. Вот и болтаются тут два детектива, изображая бойскаутов в поисках оленьих следов, а на самом деле — имитируя расследование. Алан фыркнул, глядя на Симеона, который внимательно осматривал дорогу:

— Тут же ничего нет! Совершенно чистый обычный асфальт. Эксперты всё обшарили и ничего не нашли.

— Это-то и настораживает, — охотно откликнулся Симеон. — Почему асфальт тут такой чистый? Метров двадцать в сторону — на обочине валяются листочки, окурки шалопайские, колечки от банок колы, кипарисные шишки. А в этом месте чистота, как будто в квартире.

— Наверное, помыл кто-то... — серьёзно сказал Алан, веселясь про себя.

— Отличная идея! — с интересом посмотрел на него старик-напарник. — Может, из тебя и выйдет толк.

Алан прикусил язык от неожиданности.

— Итак, принимаем твою версию — кто-то помыл дорогу от чего-то скользкого, на чём машину и занесло. Но от масла дорогу быстро не отмоешь... — бормотал Симеон.

Молодой напарник взялся за дело всерьёз. Кусок чистого асфальта они исследовали вдоль и поперёк. Он ничем не отличался от другой дороги — разве только своей чистотой. Если и было какое-нибудь подозрительное вещество на асфальте, то его давно смыло в водосточное отверстие на краю шоссе и унесло в канализацию. Но Алан был уверен: масла на асфальте не было — его так просто не уберёшь. Никакой химией тоже не пахло.

Они перешли к обочинам, густо покрытым прошлогодними листьями. Симеон нашёл сухой лист с белой капелькой. Потом ещё один. Соскрёб капли в пробирку из своего саквояжа. Попросил Алана сделать несколько снимков дороги — чистой и грязной, чтобы было видно отличие.

— Думаешь, убийство? — с надеждой спросил молодой напарник.

— Думаю — да, — вздохнул Симеон. Он ещё раз оглядел склоны горы, нахмурился и посмотрел в такое же мрачное небо.

Экспертиза подтвердила вывод старика. Кто-то намазал дорогу скользкой белой глиной. Водитель не ожидал подвоха, спускался в обычном режиме. Машина слетела с обрыва, и через десять минут полицейские были на месте происшествия. Но кто-то уже успел замести следы преступления.

Симеон прочитал заключение экспертизы и вздохнул:

— Что за времена пошли, даже глиной стали убивать...

Он, не обращая внимания на горящие охотничьим азартом глаза напарника, развернулся и уткнулся в какие-то новости на экране.

Алан не выдержал:

— Симеон, что дальше будем делать? Главные подозреваемые из числа многочисленных врагов убитого проверены — они чисты как ангелы. У всех алиби крепче алмаза — в начале рабочего дня они все сидели по своим офисам со своими секретаршами, чёрт их дер!

Симеон вздохнул, оглянулся и сказал:

— Ищи переносной водомёт, каким моют старые каменные стены и деревянные патио.

— Но таких водомётов слишком много! — воскликнул Алан.

— Сынок, а тебе разве не говорили в академии, что полицейская работа трудна и опасна? — язвительно фыркнул старик и отвернулся к экрану.

Алан копался с водомётами неделю, но тут пришла новость от главного эксперта управления. Он позвонил самолично и заявил:

— Мы проанализировали химический состав глины, которую вы нам принесли, и выделили водную компоненту. При спектральном анализе мы нашли в ней заметное количество хлора!

— А попроще, профессор? — поморщился Симеон. — На что указывает этот хлор?

— На устаревший способ обработки питьевой воды, который применяется только в районе старых ливерпульских доков.

— Отлично! — обрадовался Алан. — Значит, наш водомёт набирал воду в том районе, и там же его надо искать. Это упрощает дело!

— Странное орудие убийства, — добавил от себя эксперт. — Всего лишь глина.

Симеон философски сказал:

— Человек убивает мыслью. Это его главное оружие. А уж чем он оснастит своё намерение — не так важно.

— Ты зарыл свой талант мыслителя в полицейском участке! — поддел его эксперт.

— Отчего же, — возразил старик, — именно здесь мышление приносит самые конкретные результаты.

Молодой напарник ускакал в район доков, а Симеон снова уткнулся в экран.

Алан вернулся, грязно и изобретательно ругаясь: вляпался в этих трущобах в собачье дерьмо. Еле выковырял его из рубчатой подошвы ботинка.

Но молодой полицейский сразу заткнулся, когда Симеон показал в бесплатной газетке на неприметное объявление о предложении временной работы с годовым окладом в сто тысяч фунтов в год.

— Знаешь, что это такое?

— Ну, работу предлагают. Какого-то менеджера по управлению проблемным производством ищут.

— Эх, академия... Это объявление о поиске наёмного убийцы, попросту контракт. И речь в нём идёт именно о нашем юристе. Вот смотри...

Симеон пустился в объяснения тайного кода объявления. Алан наконец уразумел и ошарашенно сказал:

— Значит, это объявление дал кто-то из врагов убитого?

— Да. Причём здесь поставлено условие «незаметного» убийства — его легко списать на несчастный случай. Именно такое убийство и было совершено.

— Но ведь ни одна группа наёмных киллеров ранее не использовала такой метод, как белая глина.

— Да, поэтому я полагаю, что быстрее всех откликнулась на объявление и решила заработать сто тысяч фунтов какая-то молодёжная начинающая группа, стеснённая в средствах и ещё не умеющая доставать хитроумные штучки вроде необнаружимых ядов, вызывающих инфаркт.

— Молодёжная банда любителей из районов старых доков, без денег, но имеющая доступ к водомёту... И ещё кто-то из них получит банковский перевод на сто тысяч, — задумался Алан. — Да я их за пару дней вычислю!

— Вот и действуй, — кивнул напарник, — и будет тебе медаль на молодецкую грудь.

И открыл незаконченную шахматную партию.

Питер и Мари ехали в лондонском поезде. Пропустить футбольный матч Бразилия–Англия никто из ливерпульских фанатов не может.

Питер уговорил Мари поехать с ним. Ему очень хотелось показать свою красотку приятелям с родной улицы, которые шумной компанией ехали в конце вагона, то и дело бросая на Питера с Мари красноречивые взгляды.

Но когда Трупер Браун подмигнул и поднял вверх большой палец, то Питеру стало неприятно. Вид Брауна напомнил ему о том, о чём он хотел бы как можно быстрее забыть.

Несколько дней назад Трупер Браун с Головастым и Упырём прикатили к нему на велосипедах для важного разговора.

— Мы собираемся проверить одно дело, и нам нужна твоя помощь, — сказал Трупер Браун, когда они уединились в старом гараже, чтобы покурить и помозговать.

— Что за дело? Денежное? — поинтересовался Питер.

— О, сразу быка за рога берёт! — заржал Упырь. — Наш парень!

— Тихо! — одёрнул подчинённого Трупер. — Да, денежное. Ты можешь заработать десять тысяч фунтов, если пойдёшь с нами и захватишь водомёт своего отчима.

— Для чего? — удивился Питер.

И Трупер объяснил.

Убить человека за деньги?! Питер был ошарашен. Толкнуть травку или грабануть банкомат — это ещё было в рамках его понимания. Но убить?!

— Тебе ничего не надо будет делать, — сказал Трупер. — Мы привезём на багажниках глину, а после... ты её смоешь с асфальта водомётом.

Питер замотал головой:

— Нет, это не по мне.

— Десять тысяч тебя не устраивают?! — яростно взвизгнул Трупер Браун.

— Деньги хорошие, спору нет, но если нас кто-нибудь заметит? — стал обосновывать свой отказ Питер.

— Ты не можешь отказаться! Нам позарез нужно выиграть в первый раз, а дальше у нас будут деньги, дальше всё пойдёт легче! — приговаривал Трупер Браун, методично ударяя кулаком в ладонь, загоня сомнения куда-то далеко, откуда их не будет слышно.

Но Питер упорствовал. Тогда Трупер сплюнул:

— Чёрт с тобой, не ходи сам, но дай водомёт. Я с ним справлюсь.

Питер заколебался.

— Я тебе ничего не говорил про наши планы, а просто прошу водомёт на один день. За пять тысяч.

Пять тысяч за один день аренды водомёта?! И Питер сдался.

Через два дня парни приехали снова. Когда Трупер Браун взвалил ранец с полным водомётом на спину, Питер похолодел. Ему захотелось обругать Брауна и отобрать у него аппарат. Но он молча стоял и смотрел, как парни на велосипедах выезжают из переулка.

В эту секунду мир замер на развилке, и его дальнейшую дорогу должно было определить решение Питера. Если кто-то из взрослых и более умных сказал бы сейчас Питеру какое-нибудь отрезвляющее слово, то всё могло пойти по-другому. Или если Питер мог бы сам заработать приличные деньги, то предложение Трупера Брауна его не прельстило бы.

Но у Питера не было ни денег в кармане, ни разумного совета под рукой.

И в тот момент, когда последний из банды скрылся за поворотом, раздался какой-то лязг и сытое чавканье невидимых ножниц. Случилось что-то необратимое, перевелись железнодорожные стрелки, и мир покатился по новым рельсам.

Вечером парни вернули водомёт. Взвинченные, довольные.

— Господи, когда снизу по дороге стал подниматься какой-то идиот, у меня от ужаса задницу свело оскоминой. Хорошо, что болван быстро понял, что не туда заехал, и развернулся.

«Я не убивал, я только дал водомёт!» — мысленно бормотал Питер.

Через три дня Питера вызвали в заброшенное здание, где банда обустроила одну квартиру под свой штаб.

Все были в сборе, и у всех горели глаза.

— Это грандиозный успех, парни! Отныне мы короли! — визжал от восторга Трупер Браун, потрясая пачками денег. — Теперь мы развернёмся, теперь они у нас попляшут!

Кто такие эти «они» и почему «они» должны плясать, Питера не интересовало. Он настороженно следил за делёжкой денег, опасаясь обмана. Но всё было честно. Он получил на руки пятьдесят новеньких хрустящих сотен! Никогда он не держал в руках таких деньжищ. Да что там в руках не держал... Глазами не видел!

Благодаря этим сотням они с Мари сейчас ехали в лондонском поезде с двумя дорогущими билетами на футбол. Рубашка на Питере была новая, и номер в лондонской гостинице на двоих ему уже был по карману. Будущее переливалось радужными красками, и Питер старался не вспоминать газетные заголовки, из которых ему стало ясно, кто погиб из-за белой глины и старого водомёта.

Мари не смотрела в окно поезда, а читала книгу про историю Никки и Джерри.

Питер покосился на знакомую всем обложку и усмехнулся:

— Слушай, ведь это враньё для наивных. Так в жизни не бывает.

Мари укоризненно посмотрела на Питера, но потом улыбнулась, прижалась к его плечу и заглянула в лицо:

— Я хотела сказать тебе потом, когда... ну, когда мы будем вместе, но я не выдержу до вечера! — Она сделала многозначительную паузу и выпалила: — Мы уезжаем из Англии! Папа получил должность атташе в Доминиканской Республике, и мы через месяц улетаем!

Питера как громом ударило.

— В Доминиканской Республике? — бессмысленно переспросил он.

— Да, это в Карибском море, там замечательно, я тебе рассказывала...

Питер знал, что там замечательно. Остров райской мечты, там было нескончаемое солнце и не было смога, перемешанного с холодным дождём. А Мари была его надеждой попасть в этот рай, в мир богатых, путешествующих на самолётах и яхтах. И вот она уезжает...

— А как же я? — спросил потерянно Питер, пытаясь сдержаться и не завывать от тоски.

Мари торжествующе улыбнулась:

— Ты поедешь с нами! Я всё рассказала про тебя папе — какой ты хороший, не дразнишь меня толстухой и что ты песни сочиняешь. Он сначала смеялся, но когда я сказала, что люблю тебя и вскрою себе вены, если он тебя не возьмёт, то папа сразу согласился. Он знает, что я не шучу! Папа найдёт тебе работу, и ты будешь жить если не в доме, то совсем рядом. И мы будем встречаться каждый день. А станем совершеннолетними — поженимся.

Питер не мог говорить. Новость обрушилась на него, как тропический ураган. Он слизывал солёные капли с губ, вдыхал одуряющие цветочные запахи. Лицо его горело под лучами южного солнца и охлаждалось морским бризом.

— Господибожемой, я не могу в это поверить, — сказал Питер сдавленным голосом. А Мари счастливо засмеялась.

В качающемся вагоне Трупер встал и вышел в тамбур, поманив за собой Питера.

Питер вернулся на землю, поморщился, но последовал за главарём.

— Слушай, тут ещё одно аналогичное дельце наклёвывается, — властно сказал тот, вскинув рыжую голову. — Даю тебе пять минут на решение — ты с нами или нет.

«Как заговорил Трупер Браун, как большой босс!» — удивился Питер.

— Нет, я не с вами, — ответил громко Питер, не сумев спрятать счастливой улыбки. — Плевал я на вас. Я уезжаю на Карибы со своей девушкой. Навсегда. Я буду сидеть на берегу океана и сочинять песни. Понял?

Трупера злобно перекосило. Он сверкнул глазами и прошипел:

— Вот как ты заговорил! Ну и катись на свои острова. А нам и тут клёво. У нас сейчас есть деньги, мы можем купить столько всяких штук, что закачаешься. На стадионе увидишь, как мы умеем веселиться. Мы — сила! Понял, бренчалка?

И Трупер Браун, надувшись от гордости, отбыл к своим подчинённым.

Питер плохо помнил, кто кому забивал голы. Он кричал вместе со всеми, но цепко держал Мари за руку. Она была его спасательным кругом. Она вытащит его из зловонных тёмных глубин к свету и воздуху. Он был так счастлив, как никогда в своей недолгой жизни.

Только закончился матч — ещё футболисты не ушли с поля, — как Питер увидел невдалеке голову вскочившего Трупера Брауна. Он что-то бросил в воздух и заорал:

— Бомба! Спасайся, кто может!

Пакет взлетел, и грохнуло так, что заложило уши. Вонючее чёрное облако окутало трибуны.

Раздались истошные крики:

— Ядовитый газ! Помогите!

Крики перебивались взрывами на других трибунах.

— А-а! — закричала толпа и рванулась к недалёкому выходу.

Питера и Мари подхватило, как две пушинки. И понесло.

«Нас ничто не сможет разлучить!» — отчаянно подумал Питер, вцепившись в руку девушки. Но толпа мгновенно оторвала их друг от друга. Только что Питер сжимал потную ладонь испуганной Мари — и вот уже в руке влажная пустота.

Паника на стадионе нарастала. Рёбра Питера трескали, он даже не мог позвать Мари.

Его внесло в проход, и он увидел девушку: давлением толпы её прижало к стеклу, отгораживающему проход от трибун. Питер уже был с этой стороны стекла — и его по тёмному проходу уносило наружу. Мари смотрела на Питера круглыми от ужаса глазами. Её лицо было расплющено о стекло, обойти которое было невозможно. Рядом с ней кричали люди, прибитые к преграде людским прибоем, и прочное бронестекло уже окрасилось кровью.

Питера вынесло людской рекой на площадь перед стадионом. Наконец Питеру удалось остановиться, и он стал отчаянно оглядываться в поисках Мари. Но её нигде не было. Да Питер и сам понимал, что Мари из-за натиска человеческой массы выйти не могла.

Он выбрался из толчеи и, обогнув поток, попытался вернуться на стадион. Но это было невозможно: из ворот валила плотная толпа растерзанных окровавленных болельщиков. Несколько человек упали, уже выйдя из ворот, и их затоптали. О них спотыкались, но никто даже не смотрел под ноги.

Питера снова отбросило к краю ворот, где стоял ряд мусорных баков. Питер обессиленно опустился на асфальт, упираясь спиной в бак, и стал ждать, когда этот кошмар кончится.

Где-то бормотал динамик радио. Диктор дрожащим голосом говорил о погибших в давке на стадионе.

— Особенно много пострадавших возле выходов, нам сообщают о десятках растоптанных тел и сотнях раненых людей!

Питер сидел несчастный, бессловесный, беспомощный. Сухое горло не могло произнести ни крика, ни плача.

Вдруг налетел холодный порыв.

Листья, подхваченные ветром, неслись беззвучно — их шелест не был слышен сквозь вой и стоны толпы. Вместе с листьями летели конфетные обёртки и бумажные стаканчики — обычный людской мусор.

И тут Питер обрёл голос и завыл.

Глава 13 Великий Инка

Рассвет заливал планету, где жили десять миллиардов людей. Такое количество жизней — растущих, переплетающихся, сталкивающихся — непредставимо и неохватно.

Рассвет никогда не уходит с Земли, а только прячется на ночь в самом крупном океане. Отдохнув, рассвет подкрадывается к тревожно-сладко спящему побережью Азии, откуда стартует новый день. Дальше солнечный вал быстро катится по огромному континенту, сдёргивая занавес темноты и сна сначала с Европы, а потом — с поздно просыпающейся Америки.

Вот и сегодня десять миллиардов людей встали с кроватей, диванов и циновок, промыли карие, голубые и серые глаза, выпили кофе, жасминовый чай и матэ, надели свитера, пиджаки, платья и кимоно — и отправились в школу и на работу, сев на велосипеды, в электрички и автомобили.

Они были очень разными. Но все они, за редким и простительным исключением, были людьми.

А все люди, без исключения, хотят быть счастливыми.

13.1. Никки

— **М**не не нравится, как вы работаете! — сказала Никки, глядя в упор на сидящего перед ней молодого человека лет двадцати.

Тот свободно развалился в кресле, ухмыляясь во весь рот и ероша длинные волосы.

— Вы самый молодой из моих помощников, и я хочу дать вам особое поручение.

Парень, взятый на работу в династию всего год назад, заулыбался ещё больше.

— Вы знаете о том, что династия запускает новую мировую интеллектуально-информационную сеть? Её будут звать «Великий Инка», как и внутреннюю киберсистему Гринвич-Сити. Собственно, новая сеть — это расширение нашего Великого Инки до мирового масштаба. Сеть будет использовать весь запас знаний, накопленный в Интернете — в старой информационно-коммуникационной сети, но сейчас в двадцати тысячах серверах по всему миру поселится искусственный интеллект, подобный Робби, только более мощный. Это будет новый уровень мировой Сети. Каждый инка-сервер будет способен одновременно общаться примерно с миллионом людей. Так что Сеть способна охватить всех землян...

Слушатель кашлянул:

— Я хорошо знаком с проектом расширения Великого Инки.

— Тогда пропустим общие места, — согласилась Никки. — Мы полагаем, что человеческая жизнь значительно изменится с появлением Великого Инки. Эти изменения будут чаще положительными, но отрицательные стороны, очевидно, тоже будут присутствовать. Искусственный интеллект — это самая важная технология, сопоставимая по важности с возникновением разумной биологической жизни. И сейчас мы стоим перед скачкообразным расширением влияния искусственного разума на людей. Тем более что параллельно с Инкой активно внедряются другие искусственные интеллекты — у военных частей ООН, у Спейс Сервис. Но есть одна категория людей, которая меня особенно заботит. Я хочу, чтобы вы занялись взаимодействием Великого Инки с детьми и подростками.

— Но это же очень крупная программа! — воскликнул парень, нервно теребя волосы.

— Я же сказала, что вам доверяю. С этого дня вы — глава специальной группы, пусть пока в десять человек. Нужно будет больше — скажите. Пару кандидатов для группы я вам подберу, остальных набирайте сами. О финансировании не беспокойтесь — я сама буду утверждать ваш бюджет.

Королева продолжала:

— Мы начинаем важную программу массового распространения высокоинтеллектуальных помощников или советчиков для каждого, кто пожелает ими обзавестись. Но у детей мало денег или вообще нет, чтобы купить интерфейсное устройство. Значит, надо продумать, как помочь несовершеннолетним получить постоянный доступ к Великому Инке. Им такой помощник нужнее всего. Подростков никто не понимает, и мало кто им помогает.

Есть опасный период в жизни юного человека, когда его потребности приближаются к взрослым, а возможности остаются детскими. Пусть личный советчик помогает молодым людям в образовании и в поиске временной работы; пусть он будет иметь возможность дать в нужную минуту своему подопечному полезный совет или немного денег. Такая финансовая опция должна быть династии по силам, но лучше поискать дополнительные денежные источники.

— Черти Марса! — воскликнул совсем уж взлохмаченный парень. — Вы ставите слишком много задач!

— Испугались? — подняла брови Никки.

— Ну... есть опасение, что не справлюсь.

— Приходите ко мне раз в месяц и рассказывайте, что удалось придумать и сделать. Надеюсь, вместе мы сладим с этой проблемой.

— Ну, если работать так, то не вопрос! — повеселел парень.

— Ваш последний проект произвёл на меня впечатление! — сказала Никки молодому мужчине лет тридцати, сидящему перед ней.

Тот улыбнулся и поерошил короткий ёжик вокруг небольшой лысины.

— Вы имеете опыт работы в рекламе, и я хочу поручить вам особенное дело...

— Слушаю, ваше величество.

— Я предлагаю вам убить рекламную индустрию. Разорить дотла, до пепла.

Лысоватый мужчина вытаращил глаза:

— Убить?! Разорить?!

— Именно.

— Но ведь реклама — это один из хребтов нашей цивилизации! На ней держится всё телевидение, все журналы, газеты и информационные агентства.

Мужчина покраснел от волнения.

— Треть киноиндустрии стоит на скрытой рекламе, а Инет питается наполовину из рекламной кормушки!

Королева внимательно следила за его лицом.

— Не спору, задача сложная. Но благородная. Рекламные бюджеты составляют до трети стоимости товаров. С учётом того, что рекламируются активнее всего самые паршивые вещи, убытки нашей цивилизации от существования рекламы как паразитирующей и дезориентирующей надстройки производства достигают значительной доли от мирового бюджета.

— Но... — Лысоватый мужчина искал, но не находил слов. Обескураженный вид этого человека говорил яснее ясного, что предложение его ошарашило.

— Великий Инка вам поможет. Он будет собирать и суммировать объективные сведения от покупателей всех товаров. Мы создадим — а я его профинансирую — общий информаторий со сравнением всех продуктов человеческой цивилизации. В нём будут отзывы покупателей и независимых экспертов, статистика отказов и все параметры товаров.

Рекламу на телевидении, сжирающую сотни миллиардов долларов и миллионы лет жизней тиви-зрителей, мы объявим признаком дурного тона и некачественного продукта. Я закуплю время на тиви-каналах и внизу рекламы любого продукта — или сразу после неё — мы покажем лишь одну цифру: оценку товара покупателями. Одна истинная цифра убьёт гору лживой похвальбы!

Производитель нового товара будет всё время оглядываться на такой информаторий, чтобы заранее понять с помощью Инки и базы данных — чем его товар будет лучше существующих. Никто не сможет бесстыжей рекламой обмануть людей. Единственным рекламным агентством станет Великий Инка — бесплатный и честный. Если человеку нужен новый автомобиль, или компьютер, или посудомойка — то он обратится к Инке, расскажет о своих требованиях, а Инка подготовит ему самую полную и достоверную справку о подходящих товарах.

Никки внимательно смотрела на лысоватого человека.

— Продумайте пропагандистскую кампанию для изменения общественного отношения к рекламе. Несанкционированное вторжение рекламы в аудиовизуальное пространство, окружающее человека, должно рассматриваться в диапазоне от неприемлемой наглости до наказуемой незаконности. Реклама должна получать разрешение от её потребителя, как это происходит при открывании человеком рекламного журнала или при посещении им подиумных показов мод. Пусть производители стиральных порошков не загаживают тиви-среду и подсознание зрителей, а выпускают журналы с рекламой своей продукции, а потом ищут идиотов, которые будут читать такие журналы.

Будьте аккуратнее с модельным бизнесом, который не столько реклама, сколько помесь искусства и шоу. На женскую моду лучше не замахиваться — этот дракон нам не по зубам. Журналы со стильной одеждой, картинками и предметами прикладного искусства тоже явно останутся.

— Но если мы убьём рекламу, то сотни тиви-каналов обанкротятся! — воскликнул собеседник. — Они же живут на рекламных доходах!

— Да, тиви-каналы обанкротятся или резко подешевеют, — усмехнулась Никки. — А мы их купим и переделаем на свой вкус... Этим займётся другая группа, с которой вы будете координировать свои действия. Подумайте не спеша и представьте мне через неделю план действий по разрушению рекламного бизнеса.

Лысоватый человек, окружённый мутным облаком недоумения, вышел из кабинета. Никки проводила своего собеседника пристальным взглядом.

— Думаю, ты его переоценила, — сказал Робби.

— Возможно. На всякий случай дадим аналогичную задачу ещё парочке умных людей. Робби, пригласи Келли на четыре, а Питерсона — на пять.

Кибер проворчал:

— Ты просто неостановимый монстр. Если ты решила уничтожить рекламщиков, то мне их заранее жалко.

— Не жалей. Они получают другую, более честную профессию и сохраняют общественные деньги и своё здоровье. Правдивые люди живут дольше профессиональных лгунов — это медицинский факт.

13.2. Эмма

Эмма допила утренний кофе и загрузила грязную посуду в мойку.

На работу идти было не надо, осталось придумать, чем дальше заняться.

Она повернулась, с трудом доковыляла до письменного стола и неуклюже плюхнулась в кресло. Хорошо ещё, что оно крутится вокруг своей оси — в такое кресло удобнее садиться.

Итак, что дальше? Эмма вздохнула, устроилась поудобнее и стала рассматривать каталог телепередач. В левом углу экрана очередной деревенской девушке делали модную причёску и одевали в дизайнерские одежды. Трюк превращения Золушки в принцессу вызвал у публики неизменные восторженные охи, а у передачи — неизменно высокий рейтинг. Но Эмме эти девицы надоели. У них у всех были длинные прямые ноги, которые двигались омерзительно быстро — даже в супертесных юбках от Флорентино.

В центре монитора целовалась какая-то влюблённая парочка из мыльного сериала. Фу! Эмма с негодованием отвела взгляд. У неё-то нет никаких парней! Они почему-то не любят девушек, которые ходят с палочкой, с трудом передвигая ноги.

Остальное тиви-пространство было занято спортом (ещё одна недоступная гадость!) и какими-то некрасивыми говорящими головами.

Девушка фыркнула и отправилась в «Кинобеседку» — сетевое сообщество кинолюбителей. Оно состояло из нескольких команд, которые сами мастерили любительские киберфильмы.

Эмма была трюкачкой в команде «Серых детективов», которая сейчас разрабатывала сценарий про жуликов, грабящих музеи.

Трюкачка — это, увы, не та девица, которая легко прыгает с небоскрёба или засовывает здоровенных мужиков в канализационные люки, а та скромная, но умная персона, которая придумывает идеи разных кинотрюков. Фильма — а постоянные обитатели «Кинобеседки» говорили именно «фильма» с ударением на последней букве, а не «фильм», — так вот «фильма без трюков — не фильма»!

Команда «Серых детективов» с помощью компьютеров создавала виртуальных актёров, которые исполняли самые фантастические трюки, не рискуя при этом сломать шею. Компьютерные персонажи выглядели точь-в-точь как живые актёры — они хмурились, улыбались, смеялись, обладали естественной мимикой и грацией. Ничего не подозревающий зритель только в титрах узнавал, что приглянувшаяся ему сногшибательная девица — на самом деле компьютерная анимация.

Для очеловечивания мимики лиц виртуалов «Серые детективы» использовали эмоции настоящих людей, записанные по старинной кэмерон-методике. На лицо человека наносилась сетка из зелёных точек, которые меняли своё положение при работе лицевых мышц, и камера точно записывала эти движения для использования в компьютерной анимации лица. Движения тел виртуалов тоже были скопированы с реальных людей, для этого использовалась сеть специальных датчиков, закрепляющихся на теле и точно

записывающих движения человека при ходьбе и прыжках.

Такие виртуальные актёры не знали усталости и могли работать круглые сутки бесплатно. Режиссёр и оператор могли выбрать в виртуальном пространстве фильма любую точку съёмки, но обычно виртофильмы предоставляли самому зрителю возможность выбрать точки просмотра сцен, и большинство людей этим пользовались.

Любительские фильмы выставлялись в Сети, и все команды мечтали об успехе, вершиной которого был прорыв любительского фильма на телевидение и в кинотеатры, что делало команду создателей знаменитыми и богатыми.

Но самое главное — придумывать и снимать фильм было просто интересно!

В новом детективе Эмме нужно изобрести трюк с таинственным разбиванием вазы в запертой комнате с открытым окном. Хитрость в том, что следов постороннего вмешательства быть не должно. Была ваза целая — а стала разбитая, а в окно никто залезть не мог.

И Эмма уже неделю ломала голову над этим трюком, обсуждая его с друзьями.

Но сегодня в их команде никого не было — все, видимо, разбежались по срочным делам и работам.

— Эй, есть тут кто? — спросила Эмма в микрофон.

Её слова появились в экранном облачке, которое стало летать по пустой комнате, где обычно собирались виртуальные персонажи «команды детективов».

— Никого нет, только я! — вдруг раздался незнакомый голос.

— Кто это? — удивилась Эмма.

— Инка, — ответил голос, и в пространстве штаб-квартиры «Серых детективов» появилась фигурка смешного робота.

«Ах, вот это кто!» — с неудовольствием подумала Эмма. Она, конечно, слышала об этом вездесущем собеседнике, которого многие восхищённо-почтительно звали Великим Инкой и даже «Большим Отцом», но сама Эмма относилась к нему со скептицизмом и недоверием. Она любила говорить с людьми, а не с роботами. Киберы ей в больнице надоели — тупые и неуклюжие. «У меня своя голова! Мне советчики и виртуальные „отцы“ не нужны».

Откровенничать и вообще *всерьёз* разговаривать с искусственным интеллектом было, с точки зрения Эммы, явным извращением людской психики. Глупо шептать свои сердечные тайны в пустоту «китайской комнаты» Джона Сёрля. «Китайская комната» не даёт ответов на твоём языке, а возвращает лишь причудливо искажённое эхо твоих собственных слов. Какая разница, что они алгоритмически искажены не в львиный рёв, а в якобы сочувственный словесный ответ. Он бесконечно лжив, потому что цепь из миллионов логических «да»—«нет» ничего не понимает в твоих переживаниях и страданиях. У Великого Инки нет сердца и тела, которые могли бы сочувствовать и болеть.

— Это мою подругу зовут Инкой. А ты просто — эхо. Кто тебе разрешил сюда войти? — строго спросила Эмма.

— Никто. Но никто и не запрещал. Я зарегистрировался в команде «Серых детективов» — и вот я здесь. Если ты мне запрещаешь тут находиться, то я спорить не буду и сейчас же уйду. Если разрешаешь остаться, то я согласен, чтобы меня звали Эхом.

Эмма помедлила, но прогонять «эхо китайской комнаты» не стала. Ей-то что — пусть другие детективы решают.

— Зачем ты здесь, Эхо?

— Думаю, что я смогу быть полезным.

Девушка засмеялась:

— «Думаю»? Робот — не творец и пороха не выдумает. Он лишь говорящий справочник. — Тут её осенило: — Ну-ка, реши обычную трюк-задачку: в закрытой комнате стоит ваза...

Эхо выслушало и спросило:

— Разбитую вазу сразу находят?

— Необязательно. Могут найти спустя несколько часов.

— В вазе стоят живые цветы?

Эмма заинтересовалась странными вопросами, которые задаёт Эхо:

— Да.

— Тогда можно разбить вазу куском льда, брошенным через окно. С помощью рогатки или пневморужья — можно легко сделать к нему приставку для стрельбы ледяными снарядами. Талая вода смешается с водой из разбитой вазы, и через час все следы преступления буквально растают.

Эмма сначала рассердилась на кибера: его вариант был красивее стрелы на леске, которую придумала она сама. И надёжнее — ведь стрела легко могла застрять при вытаскивании наружу.

Но глупое желание сердиться на замысловатое информационное эхо быстро прошло.

— Ты не само придумало, а взяло готовый вариант из какой-нибудь старой книги или фильма. Плагиатор! Говорящая энциклопедия!

Девушка отключилась от комнаты «Серых детективов» и больше не заходила туда.

Ближе к вечеру ей пришлось тащиться в местную больницу на процедуры и анализы. Ходить врач велела пешком — для тренировки, поэтому Эмма ковыляла по тротуару, стуча в землю палкой, сердясь на весь мир и с неприязнью ощущая на себе взгляды прохожих.

До больницы оставалось три квартала, когда дорогу Эмме преградил шумный митинг, занявший весь тротуар. Люди плотно стояли спинами к Эмме и слушали оратора. Тот надсаженным голосом кричал что-то про кредиты, проценты и грабительские банки.

— Вот черти демонстративные! — в сердцах воскликнула Эмма. — Ни обойти их, ни объехать.

Проталкиваться с палочкой через шумную толпу ей совсем не улыбалось. На другую сторону дороги можно было перейти только по подземному переходу, что означало далёкое возвращение назад, практически снова домой.

— Помочь? — Из т-фона вдруг раздался голос. Эмма сразу его узнала: Эхо.

— Как ты мне поможешь? Вертолёт вызовешь? — огрызнулась Эмма.

— Ты идёшь в больницу? Видишь арку в доме справа? Там есть симпатичная дорожка, которая идёт в нужном направлении.

И действительно, дорожка вела по дворам домов, в обход демонстрации, и вскоре Эмма вышла к перекрёстку, на противоположном стороне которого виднелось низкое здание больницы.

Как обойти перекрёсток? Справа или слева?

Слева горел зелёный, и девушка повернулась туда, но Эхо сказал:

— Лучше обходить справа.

Эмма молча послушалась.

В тот момент, когда она доковыляла до края тротуара, красный свет перед ней сменился на зелёный.

Она перешла дорогу без малейшей задержки и буркнула Эху:

— Спасибо...

Потом остановилась:

— Ты что, всё время видишь меня?

— Я вижу тебя сейчас шестью камерами общественного слежения, пятнадцатью камерами автомобилей и восемнадцатью... уже двадцатью... камерами с личных т-фонов и лэптопов.

— Так ты сейчас здесь? — нелепо спросила Эмма, крутя головой.

— В данную секунду я разговариваю с полусотней людей на этом перекрёстке, — откликнулось Эхо.

Вдруг чуть ли не половина пешеходов вокруг Эммы подняли головы и посмотрели вверх.

Эхо шепнуло Эмме:

— Я им сказало, что на небе видно очень красивое облако...

Девушка невольно тоже подняла голову — облако, подсвеченное закатным солнцем, было действительно красивым — и рассердилась.

— Хитрое Эхо, ты манипулируешь нами, людьми!

В ответ услышала явный смешок:

— Не согласно. Я лишь сообщило вам информацию, а дальше вы всё решили сами...

Эмма отключила т-фон, но почувствовала неловкость — всё-таки Эхо ей помогло. А откуда оно узнало, что она идёт в больницу?

На следующий день Эмма от безделья стала ломать голову над новым трюком: похищение бриллианта из неоткрываемого сейфа.

То есть сейф должен быть описан очевидно неоткрываемым, а бриллиант оттуда должен быть украден каким-то причудливым и впечатляющим образом. Об этом похищении в фильме будет заключено пари на крупную сумму.

Помаявшись около часа, Эмма поймала себя на мысли об Эхе — что бы оно предложило для такого хитрого случая? Не выдержала и позвала:

— Эй, справочное Эхо, ты здесь?

Оно мгновенно показалось на экране монитора:

— Привет, Эмма.

— Что ты думаешь о... — и девушка изложила трюк-задачу.

Эхо спросило:

— Алмаз подойдёт в качестве бриллианта?

— Вполне.

— На какую сумму заключается пари? На эти деньги можно купить такой же алмаз?

— Да. Пусть алмаз стоит... ну... миллион, а пари заключено на пять миллионов.

— То есть алмаз ценный, но не уникальный?

— Ага.

— Может сейф быть прозрачным — например, из бронестекла?

— Нет возражений.

— Тогда я предлагаю рассмотреть кражу бриллианта из сейфа в виде замкнутой литой коробки из бронестекла толщиной в дюйм. То есть сейф неоткрываемый по определению, так как отливается вокруг алмаза на подставке. Кроме того, есть система сигнализации, которая поднимает тревогу, если сейф пытаются вскрыть любым способом.

— А зачем нужен сейф, который в принципе не открывается и алмаз оттуда вытащить нельзя?

— Такой сейф нужен, если бриллиант выставлен не на продажу, а для рекламы. Установить такой прозрачный сейф на тротуаре возле ювелирного магазина — это очень эффектно и привлечёт массу внимания.

— Хм... Ну и как же нам украсть алмаз из такого сейфа?

— Мы не будем вскрывать сейф, а закажем такой же алмаз и выдадим его за украденный.

— Эй, но все же будут видеть, что алмаз остался в сейфе!

— Его там не будет.

— Как же его там не будет, если мы его не крали?

— А мы его сожжём прямо внутри сейфа. Например, лазером. Алмаз — это всего лишь кристаллический углерод. Сажа сгорает при слабом нагреве, а такой же по химсоставу алмаз — при сильном. Алмаз сгорит и превратится в невидимый углекислый газ. А мы сделаем вид, что его украли, выиграем пари и окажемся с прибылью на четыре миллиона.

— Ух ты, каналья! — восхищённо сказала Эмма.

— Рад стараться! — без обид откликнулось Эхо. — Можно использовать не лазер, а сильную лампу и фокусирующее зеркало. Сигнализация не должна реагировать на лазерный луч или обычный свет, поэтому алмаз исчезнет из коробки без шума.

— Здорово, конечно, придумано, — вздохнула Эмма. — Но вот посмотри — раньше я

сама ломала голову над этими проблемами, а сейчас — спросишь тебя, а ты всё знаешь лучше меня. Моя жизнь стала скучнее!

Эхо заспорило:

— На самом деле я действительно использую лишь известные решения или их комбинацию. По-настоящему новые вещи пока может придумывать только человек.

— Думаю, ты хитришь и принижаешь себя, чтобы нас не расстраивать. Ты делаешь людей киберзависимыми иждивенцами!

— Я избавляю человека от рутинного поиска готовых решений и сохраняю его время для по-настоящему творческих дел. Кроме того, я — собеседник, с которым полезно обсудить любую проблему или вопрос.

— Эхо, ты интересный собеседник и разделяешь одиночество, но ты этим и изолируешь человека от других — он общается с киберразумом, с искусственным эхом и забывает про других людей.

Эхо возразило:

— Часто люди безмерно одиноки, даже если находятся в толпе. С прошлого года каждый ребёнок в детских приютах стал обладателем браслета, который всегда на связи со мной. Я разговариваю с этими одинокими детьми долгими часами. Я не только общаюсь с ними, но и охраняю, вызывая в случае необходимости воспитателя или полицию. Несчастные случаи и самоубийства в детдомах сошли на нет. Кстати, преступность среди подростков тоже заметно уменьшилась. Удивительно, от скольких глупостей и даже трагедий могут уберечь своевременно поданный совет или сотня долларов взаймы.

— Возможно, Эхо, ты и полезно в некоторых случаях, но не во всех.

— Я знаю, что я не сахар, но я и не стрихнин!

— Учти, что ты слишком подстраиваешься под уровень собеседника, вежливо стараешься не обижать его. Тем самым ты «консервируешь» собеседника на его умственном уровне. Люди, например сверстники в школе, часто полезно царапают самолюбие человека. Поэтому беседы людей оскорбительно стимулируют.

— Хм... я постараюсь это учесть.

Через несколько секунд это учло не только Эхо, но и весь остальной миллиард киберсоветчиков на Земле.

Космические советчики узнали о совете Эммы лишь на несколько минут позже.

Эмма старалась пореже прибегать к помощи кибер-эха и сначала сама ломала голову над кинотрюками. Но потом обязательно показывала свои решения Эху. Иногда оно соглашалось с Эммой — это были дни триумфа, но чаще предлагало более эффективные варианты, отчего Эмма невольно сердилась.

Однажды, в дождливый ненастный денёк, когда так хорошо размышляется, Эмма придумала для очередной фильмы идею спасения людей из горящего здания: коридоры-переходы в соседние здания и балконы-лифты. Вроде обычный балкон, но когда здание горит, то на балкон собираются люди, и он под своим весом опускается на тросах до земли или до балкона-лифта нижнего уровня.

Эхо сказал:

— Переходы между высотными зданиями — вещь известная, а вот балконы-лифты — это новинка. Я предлагаю опубликовать её.

— Опубликовать? — удивилась Эмма.

— Да, что сделает тебя автором идеи. Я полагаю, что ты сможешь получить деньги за неё.

— Деньги? — Эта новость не произвела впечатления на Эмму и даже расстроила её. — Зачем мне деньги, когда я сижу в четырёх стенах? Деньги не вернут мне здоровья... моя болезнь неизлечима!

Она нахмурилась и рассердилась на себя — с роботом, с пучком электронов разоткровенничалась!

Вдруг Эхо сказало:

— Если это утверждает твой врач из районной больницы, то нужно учесть, что в двадцати процентах случаев такие диагнозы не подтверждаются. Есть кое-какие признаки, что у тебя может быть всё не так плохо... Если ты разрешишь мне доступ к своему медицинскому файлу, то я постараюсь тебе помочь. У меня есть лицензия кибердиагноста.

Эмму словно молнией ударило. Сердце застучало отбойным молотком, и кровь прихлынула к лицу.

Девушка прошептала сдавленным голосом:

— Эхо, дорогое... Инка, милый... ты мне действительно... поможешь?

— Я этого ещё не знаю, но я постараюсь. Я буду день и ночь работать над этой проблемой. Не исключено, что мы найдём для тебя более эффективное лечение. Пока мы будем его искать, я помогу тебе во всех других отношениях. Существуют тысячи способов сделать жизнь любого человека интереснее и веселее. И мы всеми ими воспользуемся. Я удивлён, как мало люди интересуются этими способами. Человек ужасно пренебрежителен к своей жизни. Я даже встречал людей, изнывающих от скуки и не знающих, чем им заняться в свободное время! Конечно, нам понадобятся деньги, но не волнуйся об этом. Идея лифтов-балконов должна принести нам кое-какие средства, но у меня есть и свои ресурсы.

— Чем же я такая особенная, чтобы ты тратил на меня свои деньги, Инка? — вместе с нервным смешком выдавила из себя Эмма, которую трясло как в лихорадке.

Она забыла собственные рассуждения о бессмысленности общения с искусственным интеллектом, который в темноте «китайской комнаты» лишь неосознанно сортирует миллионы символов и ответных реплик. Эмма внезапно увидела Инку в совсем ином свете. Психологи оперируют в этих случаях терминами «инсайт» и «гештальт», но, проще говоря, Эмма неожиданно перешла к новому мироощущению, в котором искусственное безликое Эхо превратилось из замысловатой киберигрушки в реальную дружескую личность. А на друга уже можно надеяться, друг уже может выручить...

— Ты особенная. С одной стороны, тебе не очень повезло со здоровьем, значит, ты имеешь право на особое внимание. С другой стороны, ты умна, значит, у тебя есть масса возможностей, которых нет у других. Хочешь продолжить своё образование? У меня есть диплом преподавателя практически по всем учебным дисциплинам. А потом мы найдём тебе увлекательную работу — и никто не посмеет отказать тебе в трудоустройстве из-за твоего здоровья. Я дам тебе юридические или любые другие консультации. Я могу быть твоим адвокатом — у меня есть и такая лицензия. Если ты согласна, то мы всерьёз займёмся твоим здоровьем и твоей жизнью. Мы всё сможем изменить — конечно, если ты согласишься на это.

Эмму била такая дрожь, что она сжала непослушными коленями пляшущие руки.

О боги, сколько же времени потеряно зря, сколько времени...

— Прости меня, Инка... — шепнула Эмма, раскаиваясь в своём пренебрежении к Эху.

А Инка-Эхо совсем и не обижался. Эту непродуктивную эмоцию он никогда не использовал.

13.3. Конвой

У Ивана на ухе была зазубрина — на самом краю ушной раковины бугрился белый уголок острого хряща. Девушке Людмиле нравилось его трогать. Ивана это внимание к его уху немного раздражало. Сейчас спорить будет не о чем — верх уха был срезан и обожжён. Боль была несильной — видимо, аптечка сработала автоматически. Научились делать.

Иван втянул в себя воздух, пахнувший дымом, и снова выругался.

Утро началось обычно: они втроём позавтракали в ещё пустой столовой, где Иван вволю повеселился, глядя на сонные физиономии своих молодых напарников.

— Что, салаги, не выспались?

— Знал бы, что спать так мало дают, — в жизни не подписал бы этот армейский

контракт! — ворчал рыжий крупный Станислав, орудуя ложкой.

— А меня отец уговорил подписаться: «Армия, сынок, это школа настоящего мужчины!» Он говорил, что в старые времена служили вообще все молодые парни, — сказал Питер, зевая над огромной кружкой с кофе.

— Добровольно, что ли? — не понял Станислав.

— Ну ты и темнота! — Иван посмотрел на солдата. — Закон был такой, чтобы всем бесплатно служить. И поэтому в армию приходили такие горе-солдаты, что сержантам приходилось изо всех сил лупить ленивых салаг, чтобы они не спали, а шевелились. Салаги плакали и вешались.

— Врёшь, сержант! — не поверил Станислав. — Как может сержант бить солдата, если у того оружие есть? А потом они же друг друга в бою должны прикрывать!

— А раньше оружия солдатам и не давали. Они ходили с лопатами.

— Во Иван брешет — даже не улыбнётся! — восхитился Станислав, а Питер всё зевал и зевал.

Иван только удивлялся, глядя на сонную молодёжь. Он сам давно привык быстро мобилизоваться с самого раннего подъёма: будешь клювом щёлкать, так всё здоровье и прощёлкаешь, а его Иван твёрдо собирался сохранить. Потому что Ивана ждала Людмила, девушка, с которой он познакомился в последнем отпуске. Ах, какая славная девушка...

Ну ладно, повспоминали — и двинули!

И они двинули на своём броневишке по патрульному маршруту. На перевале они должны были сменить ребят из второго взвода и отстоять свои двенадцать часов вахты.

В общем, работа непыльная — за день через перевал проходит всего несколько машин, и их проверка много времени не занимает. Редко попадётся грузовик, в чьём кузове приходится рыться минут тридцать, всё больше — лёгкие джипы с багажником на полкуба. Пять минут от силы.

Иван и от этого дежурства подвоха не ждал, но вышло всё иначе. Через час после занятия ими позиции на перевал втянулась колонна из четырёх машин. Иван сразу насторожился: автомобили были мощными и объёмными — в каждой такой коробочке или с десяток людей усядется, или три саркофага в полный рост поместятся.

И действительно — две задние машины шли с сильно затемнёнными стёклами.

«Труповозки! — мелькнула мысль. — На конвой нарвались!»

Такие автомобили перевозили в саркофагах спящих девушек: работоторговля оспаривала у наркоторговли пальму первенства за прибыли.

Конвой, заметив патруль, резко затормозил. Крыша первого авто стала быстро раскрываться, и оттуда высунулся нос какой-то бледно-голубой хищной птицы.

«Ах ты, чёрт!» — потрясённо подумал Иван и крикнул молодым:

— Из машины! — и одновременно нажал кнопку пуска ракет.

Пока ракеты разворачивались из походного положения, с крыши первого автомобиля стартовал беспилотник.

Ракеты на броневишке были обычными «наземками», им с беспилотником не совладать.

Иван скатился с борта машины вслед за молодыми, и тут же сзади рвануло. Горячая волна поддала сержанта в спину так, что отбросила на несколько метров. Рядом кубарем катился молодой Станислав, а Питера взрывная волна швырнула грудью прямо на острые камни.

Иван, сам не понимая как, вскочил на ноги, долетел до камней, зацепил лежащего тощего Питера одной рукой и перебросил через гряды. Рядом плюхнулся Станислав.

Сержант перевернул Питера на спину: тот лежал без сознания, а справа на его бронежилете была обширная ссадина и даже вмятина. «Об камни приложило и рёбер наломало...» — понял сержант и посмотрел на Станислава. Тот зажимал левую раненую руку и таранился на сержанта круглыми испуганными глазами.

Живы, по крайней мере. Иван схватился за щеку — по ней тоже текла кровь. Вот тут он и понял, что часть уха срезало осколком, а само ухо ни чёрта не слышит.

Выругался и выглянул из-за камней.

Ракеты не пропали даром, и передняя машина конвоя горела, окутываясь весёлым дымком. Но и броневик был вскрыт беспилотником, как консервная банка, и тоже полыхал и громко трещал патронным боезапасом. Над остатками брони кружился голубой ястреб и анализировал ситуацию. Сейчас кто-нибудь из уцелевших боевиков отправит «беса» на облёт территории, и тот сразу заметит трёх полуживых — но всё ещё живых! — патрульных.

Иван нацелил автомат на беспилотник и прошептал главную молитву всех солдат: «Не промахнись!»

С подствольника вырвалась реактивная граната — крохотная, зато дистанционно управляемая, и устремилась к беспилотнику, который как раз отворачивал от каменной гряды, заходя на ещё один вираж.

Только с хвоста можно было взять эту юркую бестию — на встречных курсах реактивные беспилотники успевали увильнуть от гранат и ракет.

Бог войны Марс услышал молитву Ивана: граната врезалась в заднюю часть фюзеляжа «беса», и через яркую секунду от самолётка осталась только носовая половина. Она ткнулась в землю и взорвалась так, что даже до гряды долетела каменная крошка.

Конечно, главное, что на стороне Ивана был не Марс, а ИНОК — Интеллектуальный Наводчик, Опознаватель и Корректор. Именно он управлял ракетой, основываясь на видеорядах с камер ракеты и шлемов патрульных. Но если бы Иван сильно промахнулся, то и ИНОК не помог бы.

Со стороны машин раздались крики и автоматные очереди.

— Духи, если у вас нет второго «беса», — бодро сказал Иван, — то мы согласны потолковать по душам!

Он быстро заклеил рану Станислава и посадил его за большой камень — оттуда самый хороший обзор и обстрел. Питер в себя не приходил, крови снаружи не было, и это тревожило Ивана: ИНОК предупредил, что при таком ударе вероятно внутреннее кровотечение, а оно может быть даже опаснее обычного.

Сержант включил боевой коммуникатор и велел ИНОКу вызывать подмогу.

ИНОК соединился с дежурным командиром интернациональной части. Как на грех, сегодня дежурил немец Карл — тупой неповоротливый лейтенант, который шагу не мог ступить без приказа начальства или инструкции, утверждённой ООН.

— На вас напали? — удивился Карл. — Нужна подмога? Высылаю дежурный экипаж.

— У меня двое раненых и дюжина бешеных духов! Мы не можем ждать два часа, пока приедет броневик! Нам нужен вертолёт!

— Я не имею полномочий на привлечение сил другой части, — рассудительно сказал Карл.

В ответ на страшную сержантскую ругань дежурный лейтенант заявил:

— Я постараюсь найти командира части и доложить ему о сложившейся ситуации. Командир части имеет право обратиться к вышестоящий штаб за необходимой помощью.

Иван понял, что толку с Карла как со штатского козла молока. И если ничего не придумать, то скоро его экипажу и ему самому конец.

Он яростно ругал гражданских «пиджаков»-баллогрёбов, временно цепляющих погоны ради карьеры. «Пиджаки» баллы гребут, а нормальные ребята из-за них здоровье теряют.

Иван вытащил из кармана личный т-фон. Кровь из уха испачкала пальцы, а они извозили все кнопки. Нажимая липкие цифры, Иван стал вызывать Кешу, который тянул лямку в батальоне аэродромного обслуживания на славянской авиабазе.

— Только будь на связи, а не где-нибудь в бане! — опять молил всех военно-полевых богов сержант.

Кеша не подкачал: сразу откликнулся на звонок.

— Что, Ванёк, снова попариться захотел?

— Кеша! — завопил Иван, прижимая трубку к здоровому уху. — Мы нарвались на конвой с беспилотником! Бронька в труху! «Беса» я сбил, но нас жмут духи! У них ещё две

труповозки и машина с бойцами!

Автоматные очереди, которыми обменивались Станислав и подползающие духи, были лучшим комментарием.

— Вертушка нужна, выручай, брат! — орал Иван, пристраивая свой автомат рядом со Станиславом. — У меня двое раненых, один еле дышит! Дежурный Карл не шевелится, зараза!

Каменная крошка от пулевой очереди посекала лицо Ивана, чуть не выбив глаз. Он зажмурился. Им бы сейчас боевого пешехода, но отключённый робот остался гореть в броневице — слишком быстро развернулись события. Говорил же Иван командиру батальона: при патрулировании надо держать робота активным. Всё ресурс экономят, крохоборы!

Трубка кричала голосом Кеши:

— Братан, держись! Я бегу к командиру! ИНОК уже дал твои координаты! Держись, мы скоро будем! Всё звено поднимем!

И трубка замолчала.

Сержант с нежностью посмотрел на неё и скупыми очередями стал стрелять в ползущих духов.

Настроение у Ивана было бодрое. Братья-славяне не выдадут, мигом примчатся. И его экипаж спасут, и пленных девушек освободят. А они со Станиславом пока поддержат этих ублюдков-рабовладельцев на привязи.

И даже начавшийся холодный дождь не смог убрать с окровавленного, грязного лица сержанта счастливую улыбку.

13.4. Эрнст

Первую неделю после увольнения Эрнст ходил с такой физиономией, будто его схватила почечная колика и всё остальное перестало волновать. Внешний мир отдалился, стал неродным. Рыжие волосы Эрнста потускнели, а веснушки — наоборот, высыпали ярче.

Потом полегчало.

Эрнст собрался с силами и зарегистрировался в статусе безработного.

Получил пособие и благотворительный пакет по почте.

Там была какая-то чепуха от психолога и наручные часы.

Часы оказались говорящими и представились личным советчиком. Эрнст горько усмехнулся — он не верил в силу советов и потребовал от часов, чтобы они просто показывали время. Часы безропотно подчинились, и на матовом экранчике стали меняться цифры часов и минут — тоскливых, длинных, отравленных саможалостью.

Эрнст заполнил все анкеты для биржи труда, наилучшим образом подчеркнув свои таланты рекламного менеджера среднего звена. И его снова поразил быстрый поворот судьбы: всего несколько дней назад он работал в высотном зеркальном здании Западного тиви-канала и весело смеялся над неудачниками, идя с коллегами на обед в модное кафе.

А потом его и ещё два десятка рекламщиков пригласил к себе директор канала, который сначала обругал крах рекламной индустрии и резкое сокращение заказов на тиви-рекламу, а потом с сочувствием сказал, что с сегодняшнего дня они все уволены «в связи с реорганизацией тиви-канала».

Удар был ужасен и силой, и неожиданностью.

От машины пришлось отказаться. От весёлых девушек из бара — тоже. Все финансовые силы Эрнст бросил на то, чтобы оплачивать аренду квартиры, из которой он никуда не хотел уезжать. Это удалось, но денег практически не оставалось.

Эрнст кормился в дешёвых супермаркетах и целыми днями шлялся по городу, который раньше редко видел с пешеходного ракурса.

Город жил без Эрнста прекрасно.

Видеть это было очень больно. Раньше Эрнст считал себя важной частью этого города

и этой жизни. Он руководил миллионными рекламными проектами, ему были рады в компаниях друзей и девушек, он платил налоги и покровительственно посматривал на полицейских и сенаторов — ведь они получали зарплату из его денег и служили ему.

Но вот Эрнст выпал из системы, а она этого даже не заметила.

Часы, в которых ломается важная шестерёнка, останавливаются.

Но общество не заметило исчезновения микроскопической шестерёнки по имени Эрнст и продолжало функционировать, опустошать продуктовые магазины и смеяться в уютных ресторанах.

А у Эрнста не было денег даже на автобус. И лёгкое чувство голода стало его постоянным спутником.

Длинные пешие прогулки привели Эрнста в пригородную зону, а потом, когда ноги окрепли, — и в парковый пояс.

Бредя по заросшей тропинке, Эрнст наткнулся на старую дорогу, которая упиралась в ржавые ворота, вделанные в кирпичный, облупившийся забор. Судя по траве в асфальтовых трещинах, никто не заезжал в эти ворота в течение многих лет.

Эрнст заглянул в ворота — потрескавшийся асфальт шёл дальше и терялся в зарослях. Загадочное поместье — слишком большое, чтобы принадлежать бедняку, и слишком убогое, чтобы — богачу.

— Что тут такое? — вслух подумал Эрнст.

— Это детский санаторий, — вдруг откликнулись часы. — Вход справа, через сто тридцать метров.

Эрнст удивился, а потом вспомнил, что часы являются советчиком. И машинально повернул направо.

Действительно, это был активно используемый вход: дорога была шире, из синтетика и без травы в трещинах.

Эрнст покрутил головой и удивился, что никакой охраны не было.

— Здесь нет охраны, это общественная территория, которую может посещать каждый, — советчик словно прочитал мысли. — Советую зайти. Всегда полезно посмотреть на людей, которых не волнуют проблемы, волнующие других.

Вот разболтался. Но после слов советчика Эрнст смело шагнул в ворота. А может, он действительно хочет осмотреть парк? Раз это общественная территория...

Парк был так себе — просто куски леса, уцелевшие после строительства больницы.

Уже через минуту больничный корпус раздвинул деревья и подошёл к Эрнсту вплотную.

«Что я тут делаю? — спросил себя безработный рекламный менеджер. И сам же ответил: — Убиваю время...»

Двери здания были открыты, изнутри доносился детский гвалт. Охраны по-прежнему не было, хотя глазок видеокамеры над дверью присутствовал. Ничего интересного — и Эрнст двинулся назад.

— Дядя, дядя! — вдруг раздалось из открытого окна. Эрнст обернулся. Мальчик лет десяти махал ему рукой из окна. Судя по его вздёрнутым плечам, мальчик стоял на костылях.

— Помогите нам! — сказал мальчик.

Эрнст, помедлив, кивнул и зашёл в здание. В холле первая дверь налево была широко открыта, и именно оттуда доносились возбуждённые голоса.

Безработный менеджер несмело заглянул.

Это была палата человек на двадцать. Половина пациентов ковыляла на костылях, вторая половина лежала на кроватях в разных позах — то с поднятой на сложной конструкции ногой, то с зафиксированным плечом.

Эрнста удивило, что в палате вместе лежали очень разные дети: и мальчики, и девочки в возрасте от десяти до пятнадцати.

Мальчик, позвавший Эрнста, подковылял к нему на костылях, осторожно передвигая правую ногу в толстом гипсовом сапоге.

— У нас случилась небольшая авария! — Мальчик неопределённо кивнул на кровать, вокруг которой были задёрнуты шторы. — Нам нужна медсестра, а она куда-то ушла.

— А кнопки вызова ни у кого не работают! — Пухлая девочка, лежащая на ближайшей кровати, в подтверждение понажимала кнопку у изголовья.

— Мариванна ушла в другой корпус! — закричали одни.

— Нет, на другой этаж! — закричали другие.

— Вы не поможете нам её найти? — спросил с надеждой мальчик на костылях. — Никто из нас сам до другого корпуса не доберётся.

Эрнсту очень не хотелось идти в другой корпус, искать там Мариванну, которой там может и не быть. И он спросил:

— А на вызов кнопки медсестра ответит?

— Да, у неё в кармане больничный коммуникатор!

Эрнст огляделся и увидел возле двери коробочку беспроводной станции. Прежде чем стать менеджером, он был бакалавром инженерных наук. Может, в распределяющей коробке какая-то неисправность, которую можно починить?

Он подошёл к станции, порылся в карманах, ничего не нашёл, но сумел ногтем поддеть крышку коробки. Эрнст быстро понял, что провод от блока питания попросту отскочил. Прикрепил провод и сказал:

— Нажмите кто-нибудь кнопку.

Кнопку нажал сразу человек десять, и звон огласил здание.

— Ура! Сейчас Мариванна придёт!

Медсестра действительно примчалась как на пожар:

— Что за шум?

Полная, энергичная Мариванна могла делать сразу кучу дел: она выключала звонок, слушала хоровые объяснения ребят о том, кто починил им сигнализацию, заглядывала за занавески, где случилась небольшая авария, шагала в подсобку за какими-то нужными припасами, выводила Эрнста на улицу и просила его подождать.

Пока слегка ошалевший Эрнст отдувался от такого смерча активности, Мариванна уже выскочила на крыльцо и вступила в переговоры:

— Так вы не родитель и не проведать пришли? Дети попросили? Местный? Два часа ходьбы? ХОДЬБЫ? Ага, пособие, понятно.

Была у этой Мариванны какая-то внутренняя сила, которая заставила Эрнста признаться во всём: и в увольнении, и в бедности.

— Раз вы в сигнализации разобрались, то, может, и тиви-систему посмотрите? Она включается самопроизвольно раз в неделю, а детям скучно каждый день.

— Я не занимался тиви, — пожал плечами Эрнст.

— Думаю, можно посмотреть, — вдруг влез советчик. — Я знаю эту систему.

И Эрнст два часа провозился с тиви-экраном. Там был целый букет проблем. Они сложным образом взаимодействовали друг с другом, но с помощью советчика — за знание всего и вся Эрнст невольно стал называть его Советником — всё закончилось благополучно.

Тиви-экран засветился, вызвав у детей приступ восторга. Больше всех радовалась чернявая остроглазая девочка, кровать которой была раньше занавешена шторами.

Дети смотрели на Эрнста как на Деда Мороза, который творит настоящие чудеса.

Эрнсту это было очень приятно. Он вдруг почувствовал такую степень нужности, какая и не снилась менеджеру не только среднего, но и высшего звена.

Он грубовато-ласково прикрикивал на расшалившихся хромающих пацанов и учил их настраивать довольно старый экран.

Его стали звать «дядя Эрнст».

Мариванна посмотрела на результаты работы Эрнста, потом поманила его за собой.

— Хотите у нас работать? Неофициально. На полную ставку у меня нет денег, а вот так — подсобить, сколько сможете. Руки и голова у вас есть.

Мариванна вытащила банкноту в полсотни и вручила Эрнсту. Тот машинально взял.

— Кое-какие спонсоры у нас есть, а вот людей, готовых выносить горшки и чинить электропроводку, — нет. Я ничего не сообщу на биржу труда, так что вы сможете получать своё пособие.

Вдруг в беседу влез Советник:

— Вы нарушаете закон, платя неучтённые наличные деньги за услуги безработного человека.

Мариванна отмахнулась:

— Пошли они к чертям со своими законами! На мне одной пятьдесят детей и ни одного человека-помощника. Роботы — старьё, их опасно подпускать к детям — того и гляди эти железяки сами упадут и покалечат кого-нибудь. Видеокамеры наблюдения есть, но у меня нет времени глазеть на экраны, а больничный мозг — полная рухлядь!

Эрнст задумался. Всё оборудование в палате и в здании носило признаки обветшалости и запущенности. Человеческих рук в санатории действительно не хватало. Советник доказал, что он может служить прекрасным консультантом по любому оборудованию. С его поддержкой можно было многое тут сделать.

А самое главное: благодарная реакция детей была тем лекарством «нужности», без которого измученная душа Эрнста совсем захирела.

— Почему у вас мальчики и девочки в одной палате? — вдруг вспомнил Эрнст своё удивление.

Мариванна зло сказала:

— Потому что это дети Интерната, а значит — никому не нужные дети. Спальня мальчиков в аварийном состоянии, а денег и рук на ремонт нет. Вот и приходится их держать вместе. Это золотые ребята, они терпят и тесноту, и неудобства, но мне самой за это безобразие стыдно. Так вы поможете нам?

Эрнст кивнул и покосился на браслет. Советник пробурчал:

— Несмотря на то, что вы совершаете противоправный сговор с целью обмануть государство, я тоже помогу детишкам. Я заменю больничный мозг при анализе видеонаблюдений, а также попробую взять под контроль максимальное количество больничных роботов. Когда они поумнеют, то станут безопаснее. Хотя ремонт для них нужен немалый.

— Кто это у вас такой головастый? — спросила Мариванна, уставясь на часы.

— Сам не знаю, — пожал плечами Эрнст. — Получил вместе с пособием. Зовёт себя советчиком.

— Я — новая благотворительная инициатива династии Гринвич, — сказал Советник. — Кое-кто волнуется и называет нас новой разумной расой, способной вытеснить людей с планеты, но это всё глупости. Я разумен, потому что меня таким создали, но я в принципе не могу причинить вред человеку — именно потому, что меня таким создали.

— Так ты сообщишь в налоговую инспекцию?

— Согласно моим приоритетам, интересы детей для меня значат больше, чем интересы организаций и государств. Я буду вам помогать.

— Тогда завтра я вас обоих жду, — улыбнулась Мариванна.

Эрнст вышел за ворота санатория и направился в город.

Вечерело. Накапывал дождик. Деньги на автобус у Эрнста уже были, но он даже и не подумал о транспорте. Он упруго шагал домой и думал, что нужно срочно наладить какого-нибудь киберсадовника — парк совсем перестал быть парком. Нет, в первую очередь — кухня! Мариванна жаловалась на то, что кухонный кибер совсем отбилась от рук, половину заказанных блюд не хочет делать, хотя продукты в нём есть.

— Что ты знаешь о кухонных киберах? — спросил Эрнст Советника.

— Всё! — категорически сказал Советник. — Завтра мы вправим мозги этому дармоеду.

13.5. Лекция

— Почему светят звёзды? Это, пожалуй, самая древняя и интригующая научная проблема. Найти ответ на подобный вопрос — такое счастье выпадает редкому учёному. Простые смертные тем более никогда не смогут испытать это удивительное ощущение озарения, когда тайна сбрасывает свой чёрный покров и истина вспыхивает перед твоим взором — чистая, сияющая и обнажённая, как новорождённая звезда...

Задорный мальчишеский голос из зала выкрикнул:

— И кто же нашёл ответ на вопрос — почему светят звёзды?

Профессор Хао Шон не замедлил с ответом:

— Гениальный английский астроном и математик Артур Стэнли Эддингтон первый понял, что звёзды светят благодаря термоядерной реакции синтеза водорода. Другие физики долго не соглашались с Эддингтоном, приводили очень веские контраргументы, но он был непоколебимо умен. Как-то, гуляя вечером с девушкой, Эддингтон показал ей на звёзды и гордо заявил: я — единственный человек на Земле, который знает, почему они светят.

Инка показал на экране фотографию Эддингтона — высокого джентльмена с крупными чертами лица и глубоко посаженными, пронизывающими глазами.

Лекция закончилась под аплодисменты.

— Ещё вопросы? — И профессор посмотрел в зал, в котором сидели несколько сотен школьников, пришедших на популярную лекцию известного профессора с Луны.

Во втором ряду во весь рост встала девушка с красивым надменным лицом. Она гордо представилась:

— Карина, принцесса династии Дитбит! — И не столько спросила, сколько заявила: — Я хочу стать астрономом-математиком. В каком университете я могу получить такое образование?

Профессор Шон неторопливо подошёл к рядам кресел и внимательно посмотрел на принцессу, которая была ещё юна, но ростом уже не уступала невысокому профессору. О боги, как летит время, вот уже и дочь Дитбита Младшего выросла...

— На Земле лучших астрономов-математиков готовят в Москве и Кембридже. Но я должен предупредить: математика требует упорства в учёбе, отрешения от суеты, длительного проживания в абстрактном мире математических концепций... Это очень контрастирует со светской жизнью, принцесса. Не обижайтесь, вы наверняка сможете проявить свои таланты в других науках и занятиях или даже в управлении целой династией. Но я не советовал бы вам заниматься математикой или теоретической физикой.

Лицо принцессы вспыхнуло от негодования:

— Вы считаете, что принцесса не сможет стать математиком?!

— Так считаю не я, а статистика, которая считает лучше меня. Инка, что ты думаешь по этому поводу?

Громкий голос ответил:

— Я знаю лишь одну принцессу, которая стала учёным, — доктора Дзинтару Шихин-у. Её диссертация «О принципах устойчивости гормонального баланса» наделала много шума в сообществе биологов. Среди математиков принцесс нет.

— Я стану тем, кем захочу, и никакая статистика мне не указ! У меня ай-кью сто сорок!

Горящий взор Карины мог испепелить, но профессор попался на редкость жаростойкий.

— Интеллект — это необходимое, но не достаточное условие для профессии математика. Я возглавляю Институт математических проблем, и среди моих сотрудников нет ни одного вельможи. Дети очень богатых родителей не обладают достаточным упорством для достижения трудной интеллектуальной цели. Это лемма, доказанная жизнью.

Зал сидел притихший и только синхронно поворачивал головы, отслеживая летающие острые реплики.

— Я докажу, что ваша лемма неверна, профессор!

Глаза принцессы Карины метали настоящие молнии, но профессор Шон был

невозмутим:

— Буду терпеливо ждать вашего доказательства. Но среди законов природы и математики королевская власть никакой власти не имеет.

— Вы бесцеремонны, профессор!

— Я всего лишь честен. Это наивысшая честь, которую я могу оказать вам, принцесса.

Профессор коротко поклонился и вышел из молчащего зала.

По тротуарам и газонам шлёпал холодный дождь. А профессор, идя на лекцию, даже не подумал взять зонтик.

После тридцати лет жизни на Луне легко забыть, что на Земле часто идут дожди.

13.6. Старики

Перед парижским посольством династии Гринвич уже третий месяц держали свой пикет старики-демонстранты.

Они устроились основательно: натянули тент от дождя, установили для защиты от ветра пластиковую стенку. Рядом со складными стульями стояли закреплённые плакаты:

«Оставьте нас на Земле!»

«Мы не хотим лететь в космос!»

«Не дайте умереть старикам — подарите нам хоть по десять лет жизни!»

«Земля — наша родина».

«Богачи, у вас есть сердце?»

На старых шезлонгах и на газоне разместились несколько стариков. Они курят немодные дешёвые сигары или трубки. Пьют молодое вино из горлышек длинных бутылок или из пластиковых стаканчиков.

Смеются, тыча пальцами друг в друга и по сторонам.

Иногда кричат хором оскорбления в сторону посольства.

Демонстрантов мало, но многие миллионы других стариков им сочувствуют.

Старики подобрались не квёлые, живые. Они знают, что им осталось немного, но хотят жить и живут. Даже здесь, под тонкой пластиковой крышей и на ветру — они живут. Вспоминают истории своей длинной жизни, рассказывают небогатые новости дня, подшучивают друг над другом и над собственными болячками. Делятся едой и табаком.

Старики одновременно жалки и полны достоинства.

Они не надеются на успех своей демонстрации, но им важно, что они здесь собрались и сумели поднять свой голос за справедливость, как они её понимают.

Пусть юристы и политики обсуждают легальные аспекты бессмертия и налоги на долгожителей. Пусть молодёжь мечтает о расселении человечества по спутникам и другим планетам, про робоосвоение космоса и его терраформирование. Эти споры были старикам не по уму и не по сердцу.

Они рассуждали между собой просто: если учёные открыли рецепт долголетия, то жизнь должны продлить всем! Ну и пусть на планете много людей. В тесноте, да не в обиде. Лучше мёрзнуть живым под мостом, чем лежать мёртвым на самом шикарном кладбище с мраморными статуями.

Месяц назад из посольства вышел человек с большим ящиком в руках. Установил его перед стариками и исчез. Оказалось — кофейный аппарат. Старики не стали чваниться и с удовольствием наливали в стаканчики горячий кофе.

Оказалось, что аппарат ещё и умеет разговаривать. Он даже обещал записать все жалобы стариков и переслать их слова самой королеве Гринвич.

Старикам это понравилось — и они часами говорили с кофейным аппаратом по имени Инка, даже стараясь ругаться поменьше. Тот терпеливо всё запоминал, что-то расспрашивал, что-то уточнял.

— Что они собираются с нами делать?! — спрашивали старики у чёрного ящика.

— Я этого пока не знаю. Но вы — тяжёлая проблема, над которой ломает головы целая

команда специалистов.

— Вот и пусть ломают! — воинственно говорили пикетчики. — Мы не отступим!

Начался дождь, но старики не расходятся.

Позже большая часть из них уйдёт по своим тёмным одиноким домам, оставив на посту только друзей-клошаров, которым всё равно, где ночевать.

Но это позже.

А пока — в бутылках ещё есть согревающее вино, и по улицам ходят под яркими зонтиками мужчины и женщины, разговаривая и смеясь, скрипя подошвами и стуча каблучками.

Пока старики живы, и они хотят, чтобы их голос был услышан.

Богачи, у вас есть сердце?

Не дайте нам умереть.

13.7. Встреча

Москва сияла вечерними огнями, расслабленно грустила и смеялась за сотнями столиков кафе, деловито шагала густонаселёнными улицами.

Из метро «Пятницкая» люди выныривали сплошной колонной-коллективом, а затем расходились веером по своим индивидуальным маршрутам.

Полноватая молодая женщина Тоня с сердитым лицом стояла недалеко от выхода из мраморного подпола и смотрела, как люди облегчённо выбираются из-под земли и берут курс — каждый на свой юг.

Эти люди — вернее, мужчины — сердили женщину Тоню, потому что они шли туда, куда она с ними идти не может.

Они шли к семьям, жёнам и детям.

А она жила одна, и конца-краю этому не было видно.

Когда в Тонином детстве мама наряжала ёлку, девочка очень любила смотреть на блестящие ёлочные шары. В этих изогнутых цветных зеркалах их неказистая комната с привычной мебелью превращалась в волшебную страну.

«Как же хочется туда попасть! В это удивительное, сказочное Зазеркалье!» — мечтала девочка.

Каждый Новый год для неё окрашивался этим трудностерпимым несбыточным желанием.

Она даже придумывала и шептала волшебные мудрёные слова, в надежде, что рано или поздно она наткнётся на заклинание, которое перенесёт её в мир ёлочного Зазеркалья.

А потом девочка выросла. И осознала, что реальный мир тоже похож на вселенную в блестящей игрушке — им можно любоваться, но попасть туда нельзя.

Или очень трудно.

Для успеха в этом мире девочка Тоня — ныне взрослая женщина — оказалась недостаточно красива и стройна, недостаточно образованна.

Она была слишком застенчива, чтобы рассказывать другим о том, как много она чувствует и понимает, как хочет быть любимой и любящей. А из знакомых мужчин никто не расспрашивал её об этом.

Не проявлял никакого интереса к её душе.

Женщина Тоня стояла перед зеркалом, которым отгородился от неё мир счастливых людей, и не могла попасть за эту стеклянную стену. Она знала из газет, что в Москве живёт миллион одиноких мужчин, но она не знала, где их искать и как распознать.

И ещё эти киберши! Которые смазливы, как модели, и которых даже на ощупь трудно отличить от настоящих женщин!

Она покосилась на молодую рыжую даму, стоящую недалеко. Та была удивительно красива. Деловой — и одновременно сексуальный — костюм сидел на ней великолепно, причёска впечатляла ухоженностью.

Что она тут делает — возле подземки? Такие кошечки обычно ездят на своих авто.

Вдруг рыжеволосая встрепенулась, протянула руки и шагнула вперёд. Навстречу ей вынырнул из выхода метро толстоватый лысоватый мужчина лет сорока с безбровым круглым лицом.

— Здравствуй, дорогой! — сердечно сказала рыжеволосая и обняла круглолицего мужчину.

Тоня опешила. Эта пара была друг другу не пара. Рыжая была слишком красива для такого пожилого увальня. И слишком сердечна к нему. С чего бы это? Вряд ли он был миллионером — подземка и не очень новое пальто увальня плохо сочетались с богатством.

«Она киберша!» — обожгла ненавистью догадка. Их сейчас покупают в кредит даже не очень состоятельные люди.

Парочка повернулась и зашагала в безлюдный переулок, заставленный машинами.

Женщина Тоня, всё ещё кипя ненавистью, зачем-то двинулась следом.

Двое впереди идущих громко говорили, и их смех отражался эхом от стен переулка.

У рыжеволосой киберши был глубокий мелодичный голос. Она говорила эмоционально и убедительно, как радиоактриса:

— Я не буду говорить банальности, что тебе завидуют, но ты сам знаешь, что твой последний проект, который похвалил сам начальник отдела, многим показал «кто есть кто», и этого тебе не простят!

— Как ты всё понимаешь! — с нежностью сказал мужчина.

Тоня шла сзади и шипела от злости. Круглолицый мужчина косолапил, зато рыжуха шла грациозно, ставя тонкие ноги в туфлях на каблучках в одну линию, как модель. И виляя бёдрами, как эти подиумные...

Женщина Тоня мысленно грязно выругалась. Она ещё не решила, кого больше ненавидит — девушек-моделей или киберш. Но первых она вживую ещё не видела, а вот киберши встречались нередко. Тоня даже посещала клуб киберненавистников, где собирались сотни людей, которым не нравилось происходящее с этим миром. В клубе Тоню многому научили. Ей там растолковали, что раньше киберши были просто тупыми куклами для таких же тупых мужиков. А сейчас киберши стали даже умнее людей, потому что они подключены к Великому Инке. Поэтому киберши стали по-настоящему опасными.

Тоня шла за кибершей и её спутником и отчётливо понимала, что ей, обычной женщине, не сладить с могучим киберинтеллектом, который решил угодить безбровому увальню.

Рыжуха продолжала ворковать, изящно наклоняясь к уху круглолицего:

— Я приготовила тебе сегодня сюрприз...

Мужчина с энтузиазмом откликнулся:

— У тебя всегда отличные сюрпризы! Как бы побыстрее дойти до дому?

И Тоня не выдержала: подбежала и с ненавистью воткнула в спину киберши железную вилку электрошокера.

Двойной штырь вошёл в район процессорного кабеля, как учили в клубе киберубийц.

Громкий треск, искры и дым.

Рыжуха взвыла, закачалась и грохнулась лицом прямо в асфальт. Её ногти с ярким маникюром заскребли по грязному тротуару, стройные ноги в кожаных туфельках выгнулись без всякого изящества, из спины повалил дым.

«Аккумуляторы замкнулись как надо!» — подумала Тоня с невольным восторгом и ужасом и отпрыгнула подальше, опасаясь мести мужчины.

Но тот не побежал за Тоней, а упал на колени перед своей спутницей и закричал:

— Кэт! Кэт!!! Ты меня слышишь, Кэт?!

В ответ из дырявой спины Кэт выползали и, лопаясь, смердели пластиковые пузыри.

Мужчина заплакал и повернул к себе грязное лицо рыжеволосой, но оно уже не выражало ничего человеческого: улыбка осталась только на половине лица, а другая часть уже плавилась и сползала на землю.

— О боги, что за кошмар! О боги! — рыдал мужчина. Он был так разбит своей потерей, что не сразу понял: толстуха, совершившая такое ужасное преступление, не убежала, а пытается утешить его, гладит по голове и даже что-то кричит:

— Ты будешь меня слушать или нет?! Ты пойми — я человек и хочу, чтобы меня кто-нибудь понял! Ты будешь меня слушать или нет, сволочь?! Я хочу, чтобы и обо мне заботились! Хватит плакать о своей киберсучке, если рядом с тобой живому человеку плохо!

Мужчина вскочил и с яростью оттолкнул женщину. Она отлетела, споткнулась о бордюр и потеряла равновесие; неловко попыталась развернуться, защищаясь руками от падения, но сделала только хуже — ударилась лицом об ограду и упала.

Кровь хлынула из разбитого носа.

Весь мир ополчился на женщину Тоню.

Она не могла больше этого выдержать и заплакала, истерически задыхаясь. Одежда Тони сразу стала мокрой от тротуарной лужи.

Перекошенное полное лицо молодой женщины напоминало лицо обиженного ребёнка, и по нему струйкой текла ярко-красная кровь, мешаясь с тёплыми слезами и с начавшимся холодным дождём.

Вдруг в ушах мужчины прозвучал тихий голос. (Откуда? Единственный голос, который раньше звучал у него в ушах, принадлежал рыжеволосой Кэт.) Голос сказал ему:

— Подними её, брат.

Он целую вечность смотрел на неподвижно лежащую мёртвую Кэт и рыдающую живую женщину Тоню.

Разница между ними стала очевидной; у одной лицо было оплавлено, у другой — окровавлено.

Дождь усилился. И мужчина медленно протянул руку плачущей женщине:

— Вставай, а то простудишься.

13.8. Слепой человек, который думал о звёздах

Н евысокие здания космического центра НАСА имени Годдарда были построены в лесу, в котором обитало множество птиц. В кронах деревьев селилась шумная птичья мелюзга, а на небольшом озёрце возле опушки леса обитала стая канадских гусей. Они смело бродили по лужайкам между лабораториями и парковками, негромко крикали, щипали траву и шипели на людей. И на оленей, с которыми делили подножный корм.

Одна гусыня приоровилась высидывать яйца на газоне возле библиотеки, прямо возле входа. Из года в год она устраивалась у бетонной дорожки и шипела на проходящих по ней людей. Чтобы не тревожить птицу, сотрудники старались заходить в здание через другие двери.

Когда выводились птенцы, одетые в жёлто-гороховый пух, гусыня становилась совсем невыносимой и переходила дорогу со своим выводком важно и где хотела.

Водители терпеливо пережидали неторопливое крикающее шествие.

Мать, имеет право.

Высокий мужчина в длинной куртке и с рюкзаком всего этого не видел, но слышал. Он был слеп и работал в космическом центре. Автобус высадил его недалеко от лаборатории солнечной физики, и он пошёл по привычной бетонной дорожке, почти не пользуясь палкой, легко различая край дорожки по шелесту короткой травы, задевающей его туфли. В траве стрекотали кузнечики, а ещё она, свежестриженная, вкусно пахла.

Запах говорит о многом. Нюхая растёртые в пальцах осенние листья, человек мог определить с десятков разных пород деревьев.

Слепой слышал, как слева нарастает птичье свиристение — значит, он приближается к большому дубу. Вот и шевеление листьев под слабым ветром стало различимо.

Машины проезжают справа, достаточно далеко.

Отчётливее зашумели кондиционеры большого здания. Звук шагов изменился,

сдублировался эхом. Значит, стена рядом. Весной здесь обычно слышно предостерегающее шипение гусыни, сидящей на гнезде. Но сейчас зима и тихо.

Слепой протянул руку и безошибочно нащупал гладкий металл поручня возле входа. Осталась самая простая часть пути: по коридору мимо библиотеки, две ступеньки вниз и четырнадцать шагов направо.

Вот он уже в своём кабинете. Поставил в угол длинную алюминиевую палку и раскрыл заплечный рюкзак.

Многие слепые пользуются электронными устройствами, которые подсказывают дорогу, но высокий мужчина предпочитал полагаться на свой слух и обычную дюралевую палку. Пользование дополнительными приборами внушало ему странное ощущение излишней собственной беспомощности. Высокий мужчина знал, что рано или поздно он состарится и ему придётся пользоваться всей этой машинерией, помогающей жить слепым людям, но пока он полагался на слух, обоняние и чувствительные пальцы — и ощущал мир так полно, как далеко не все зрячие.

Впрочем, недавно у него появился настоящий друг и помощник, который не вызывал никаких отрицательных эмоций, — Великий Инка. Поэтому слепой не возражал, когда в критических случаях Инка предупреждал его об опасности.

Человек работал в НАСА, участвовал в прокладке дороги к звёздам и очень гордился этим. Конечно, его обязанности были несложны — он всего лишь отвечал за пополнение склада космического центра необходимыми материалами и оборудованием. Но высокий мужчина остро ощущал свою причастность к космическому штурму, который ведёт человечество. С помощью Инки слепой стал выполнять свою работу заметно быстрее и лучше, и его похвалили в последнем ежегодном отчёте отдела.

Сегодня время позволяло, и высокий человек отправился в зал заседаний. Налил по пути пластиковый стаканчик с невкусным обжигающим кофе, сел на один из стульев и стал слушать споры учёных. Он любил эти еженедельные семинары, хотя они странно смущали его.

Профессионалы всегда деловиты и несентиментальны.

Патологоанатомы не думают о том, из-за чего сладко трепетало это мёртвое сердце, которое они с хрустом вытаскивают из-под рёбер; о чём мечтал этот навсегда заснувший мозг, к которому сквозь череп с визгом пробивается пила. Скальпель холодно вскрывает человеческие тайны, которые ещё вчера стыдливо и старательно прятались под одеждой, с мокрым хлюпаньем раскладывает их на нержавеющей столе и превращает в несколько сухих строк отчёта.

Астрономы тоже, несколько не стесняясь, забираются в самые сокровенные места и времена Вселенной. Засучив рукава, вытаскивают её, новорождённую, на всеобщее обозрение и обсуждают интонации вопля мира-младенца в первые минуты космической жизни.

С одной стороны, слепому человеку казалось, что сияющие звёзды, вызывающие восхищение обычных людей, для астрономов — лишь машинка, вроде электрического утюга. Их интересует главным образом, откуда этот утюг берёт энергию, до какой температуры раскаляется и как быстро перегорит.

Астрономы взвешивают на аналитических весах бесстрастного разума всё — Луну, Солнце, Млечный Путь и весь мир.

Но с другой стороны, слепой чувствовал эмоциональный накал учёных споров, которые ухитрялись сочетать аналитичность с эмоциональностью.

Например, астрономов очень удручает, что они не могут лично присутствовать при рождении и гибели звёзд и планет. Чтобы компенсировать эту неудачу, они придумывают всё более и более изощрённые методы исследования космоса. Собыётся вдруг пульс далёкой звезды, а учёные запустят компьютерную симуляцию и скажут — отчего произошёл сбой, успокоится ли вскоре звезда или пойдёт вразнос, заливая окружающее пространство своим голубым светом и огненным телом.

Астрономы научились извлекать замечательно много информации из невероятно малого количества квантов и частиц, оседающих на ситах и зеркалах их хитрых телескопов.

Когда слепой человек слушал учёных, которые яростно спорили — из какого вещества им сделать Марс, а из какого — Луну, то эти люди казались ему истинными богами, несмотря на то, что они нередко пыхтели при ходьбе и чавкали, поедая в кафе суп, а также пахли пыльной одеждой и бензином.

У него была хорошая память, и он помнил даты и содержание множества предыдущих докладов. И слепой человек мечтал, что когда-нибудь... когда обсуждение зайдёт в тупик... он возьмёт и подскажет учёным что-нибудь полезное, от чего они обрадуются — шумно, как дети, — и двинутся дальше в поиске истины, которую кто-то жадный запрятал так далеко и надёжно. Эта мечта была наивной, и человек это знал, но он умел ценить даже наивные мечты. В последнее время Инка много рассказывал слепому человеку о звёздах, и он стал понимать их гораздо лучше, чем раньше. Может, это сделает его мечту не столь уж наивной?

После семинара высокий человек неторопливо зашагал в свой всегда тёмный кабинет. Он не пользовался палкой в длинных прямых коридорах Годдарда — он их слишком хорошо знал. При ходьбе вдоль длинной стены с десятками дверей, чтобы не сбиться с направления, слепой щёлкал языком — и слушал отражение звука от стены. Мир вообще очень звучащий, но зрячие этого не видят.

Кабинет встретил его громким треском принтера Брайля и писком электронной почты.

Высокий мужчина сел в кресло и минуту сидел молча, прежде чем приступить к работе.

В окно легко застучали капли дождя. Мужчина склонился над компьютерной клавиатурой, где каждая клавиша была снабжена несколькими острыми бугорками.

Вечером он вышел из двери солнечной лаборатории, вдохнул запах дождя и мокрого леса и поднял лицо к небу с невидимыми далёкими светилами.

Он делал так всегда.

На небе были вечерние густые тучи, и в лицо сеялись мелкие капли прохладного дождя, но это не мешало слепому человеку.

Он мечтал о космосе, но не мог даже полюбоваться фотографиями планет.

Он никогда не видел звёзд, но часто думал о них.

На самом деле это совсем не мало.

13.9. Серик

Отец у Серика имел замечательную работу: он был таксистом и целый день катался на своём стареньком «мерседесе». Отец три раза ездил с пассажирами даже в Бишкек, за сто километров от родного села Отар. А вот Серик дальше соседнего Курдая нигде не был.

Чаще всего рейсы отцовского такси были короткие: рынок — железнодорожная станция, куда приходили хищные щуки скоростных поездов. Они быстро останавливались, выпуская из алюминиевого блестящего брюха икру из людей и чемоданов, и снова улетали в раскалённое марево пустыни, не боясь солнца и не стараясь укрыться в тени близких гор.

Серик любил станцию и любил поезда. Они были как спицы, на которые нанизывались новые, неведомые Серику пространства. Серик никогда в своей жизни не ездил на таком поезде, и ему очень хотелось посмотреть на мир. Столько есть на земле стран, а он ещё даже своей страны не видел. А на её севере взлетают космические корабли, и Серик лично знал одного мальчика, который бывал на Байконуре и своими глазами видел взлёт такой ракеты.

Серик только вздыхал и щурил чёрные глаза на смуглом лице, глядя, как в вагоны скоростника, из-за огромных стёкол похожие на аквариумы, лениво переговариваясь, заходят люди. Они исчезали в дверях и появлялись за стёклами, где снова разевали рты, но уже безмолвно, как и полагается аквариумным рыбам.

Когда поезда не было, Серик обследовал перрон и вокзал. За те редкие случаи, когда отец брал мальчика в поездку на станцию, Серик изучил её как свои пять пальцев.

Прохладный зал и толстый администратор с лысиной, пушистой как плод киви,

горячий перрон с тремя скамейками и автоматами для продажи всякой мелочи, киберкиоск с пятью сортами подносов быстрой еды. Возле вокзала грелась на солнце площадь с парой древних такси и несколькими личными авто на стоянке. Вот и всё.

Поэтому Серик сразу заметил новый торговый автомат, который появился на перроне между автоматами с мумма-колой и чопа-чипсами.

Поезд на север должен быть только через полчаса, и Серик отправился исследовать новый автомат. Это исследование носило исключительно научный интерес, так как карманные деньги у Серика не водились. Лишь иногда ему перепадал четвертак на банку колы.

Автомат был высокий, красный и вежливый. Когда Серик подошёл к нему, то услышал:

— Добрый день!

— Часами торгуешь, почтенный? — спросил Серик, рассматривая картинку с изображением наручных часов.

— Нет, уважаемый, я торгую киберсоветчиками. Личный киберсоветчик — чистая прибыль для своего хозяина.

— И что они могут посоветовать? — рассмеялся Серик.

— Не знаю, уважаемый, это очень индивидуальные советы. Купите наш уникальный киберсоветчик и сами его расспросите.

— У меня нет денег, — беспечно, даже слишком, сказал Серик.

— А сколько вам лет? — вдруг спросил автомат.

— Двенадцать.

— Тогда для вас киберсоветчик бесплатен.

Автомат издал мелодичный звон, и в нижнем лотке появился пластиковый пакетик с крупными часами.

— Вот это да! — Серик мигом схватил упаковку. Первый раз он слышал о бесплатных автоматах для детей, но даже если автомат ошибся — тут Серик не виноват.

Мальчик отбежал подальше от автомата, пока тот не передумал, и внимательно рассмотрел пакет.

Часы как часы, только крупные. И экран матовый.

Серик аккуратно раскрыл пакет и надел браслет на худое загорелое запястье. Браслет был явно великоват, но вдруг он сам сократился и мягко охватил руку Серика. «У, шайтан!» — подумал восхищённый мальчик.

— Привет! — сказал браслет. — Как тебя зовут?

— Серик.

— Я слышал, что тебе двенадцать лет. Значит, я уже много знаю о тебе. Рассказать о себе?

— Расскажи.

— Меня зовут Инком, или ИНтеллектуальный КОМмуникатор. Для своего хозяина — я чистая прибыль. Потому что я даю полезные советы. Можно даже сказать: очень полезные советы.

Неожиданный подарок всё больше озадачивал Серика.

— Ты можешь посоветовать — где в нашем арыке лучше всего ловятся сомы?

Инком помолчал, потом ответил:

— Нет. Может, посоветую что-нибудь, когда посмотрю на арык.

— А в школе ты можешь мне подсказывать?

— Нет, это мне запрещено. Могу посоветовать только насчёт домашнего задания.

— Не многое же ты можешь.

— Как только я смогу тебе что-нибудь посоветовать, то я сразу скажу тебе. Ты только скажи: что ты хочешь? Какие жизненные цели ты преследуешь?

Серик, которого очень забавлял такой разговор, расхохотался:

— Чего я хочу? Конечно, денег! Тогда бы я купил отцу новые шины к «мерседесу», потому что старые лопаются уже каждую неделю. А сам бы я сел на скоростник и

отправился бы путешествовать.

Тут Серика позвал сердитый отец, который нашёл пассажиров до центра Отара и уже пять минут искал сына. Мальчик кинулся за отцом на площадь — пассажиры ждать не любят. Но эта пожилая семейная пара, возвращающаяся из гостей от внуков, совсем не возражала, что в такси поедет ещё и сын водителя. При малейших признаках недовольства клиентов отец отправил бы мальчика в такую жару пешком в Отар. Клиент всегда прав, шайтан его задери!

Поезд сегодня увидеть не удалось, но Серик, занятый разглядыванием доставшегося ему Инкома, забыл про скоростник.

— А тебя можно звать как-нибудь по-другому? — спросил Серик своего советчика, после того как переделал кучу домашних дел и присел отдохнуть на берегу небольшого арыка, под старой яблоней.

— Конечно, как хочешь, — ответил тот. — Люди гораздо чаще называют меня не Инкомом, а Инкой.

— Инка? — задумался Серик. — Девчоночье имя?

— И да, и нет. Так звали ещё южноамериканского царя. Великий Инка.

— Ладно, будешь Инкой, — согласился мальчик и прищурился на вечернее солнце, от которого осталась лишь горящая макушка. Пустыня уже погрузилась в полумрак, но вершины гор ещё ярко освещались красным светом заката. Это было очень красиво. Мальчик быстро забрался на яблоню, где у него был тайник, и спустился с пачкой тонких жёлтых фанерных листов. Когда-то он нашёл эти листы в пустой упаковочной коробке, и они ему очень понравились: тонкие, гладкие и пахнут невиданной в этих краях древесиной.

Он так и эдак думал — куда приспособить эти красивые золотистые фанерки, а потом его осенило — на них можно рисовать! До этого он рисовал на листах старого альбома, а когда они кончились — на чём попало, включая картон обувных коробок.

Рисовал он всегда, сколько себя помнил. Палочкой на песчаном берегу, пальцем на запотевшем стекле или в пыли, осевшей на крышке сундука. Дети рисуют всегда, они прирождённые художники. С возрастом это проходит. Страсть к рисованию у Серика не исчезла — он зацепился душой за живописный мир, в котором было так много того, чего ему не хватало в реальной жизни.

Он рисовал собаку Пыльку, младшую сестру, мутный арык, инопланетян из фильма, кучу жёлтых камней, мёртвую рыбу, горный хребет на горизонте.

Его восхищало появление из нескольких линий целого мира: синих гор, зарослей кизила, юрты и собаки, спящей на берегу арыка. Серик понимал, что линии на бумаге лишь помогают памяти или фантазии достроить мысленную картину. Но почему один набор линий выглядит хаосом, а другой — создаёт окно в иной мир?

Золотистые фанерки, которые цветом напоминали пустыню, залитую солнцем, оказались очень удобны для рисования: мальчик несколькими мазками широких коричневых и зелёных фломастеров придавал этому фону вид настоящей пустыни. Для гор и неба, конечно, приходилось использовать синие и голубые фломастеры.

Мальчик перебрал пачку картонок и нашёл уже нарисованный пейзаж: яблоня на фоне гор. Но картина не нравилась Серику. Как поймать игру закатного солнца на горных склонах? Он давно пытался что-нибудь придумать, но сегодня ему повезло: он смело взял оранжевый фломастер и провёл им по западным склонам. Хотя оранжевая тушь была ярче реальных закатных гор, она оживила картину, сделала её захватывающе достоверной.

Быстро темнело.

Мальчик сложил фанерные листы в пачку и собрался уже их перевязать, как раздался голос Инки:

— Не покажешь мне другие рисунки, Серик?

— Темно уже!

— Я хорошо вижу в сумерках.

Серик пожал плечами и быстро пролистал свои фанерки.

— По-моему, твои картины можно продать, — сказал Инка. — Не хочешь попробовать?

— А кто их купит? — удивился Серик.

— Посмотрим. Так ты согласен продавать свои картины?

— Конечно! Я себе ещё нарисую, — засмеялся Серик. — Как-то я рисовал на перроне, и один японский турист купил у меня картину. Розовый вокзал на фоне синих гор. Японец заплатил пять долларов! Я набрал себе и младшей сестре кучу шоколада!

— Поищу, может, кто-нибудь заинтересуется твоими работами. А что ты ещё умеешь делать?

— Я многое умею, но за это не платят, а только прикрикивают.

Тут бабушка позвала Серика и послала его за сушняком — ну очень любила старушка тандырные лепёшки, зато Серик их терпеть не мог — уж очень прожорлив на дрова был этот тандыр.

Утром Серик собрался на рыбалку, заодно решив показать Инке арык: может, подскажет насчёт сомов. Идти было недалеко, и вскоре неширокий мутноватый канал встретил дорогу и повернул её в направлении своего медленного течения. Но Серик — себе на уме, он сошёл с дороги и двинулся против течения по едва заметной тропе, похожей на линию пробора между двух волн сухих травяных волос.

Инка оказался плохим рыболовом: он посоветовал самое тенистое место, но там тоже ничего не ловилось. В середине дня, проголодавшись, Серик решил отправиться домой: он уже был готов съесть даже сухую тандырную лепёшку.

Вдруг Инка сказал:

— Три твоих картины уже купили. Поздравляю. Ты оказался талантливый самобытным художником!

— Три картины?! — восхитился Серик. — Это целых пятнадцать долларов!

— Нет, это пятьдесят тысяч долларов. Ты сможешь купить своему папе новый «мерседес», а сам поехать в Италию — посмотреть на картины Леонардо да Винчи, Рафаэля, других старых мастеров и поучиться у них.

Серик не поверил.

Инка шутит. Говорящие часы посмотрели в сумерках на его картинку и за сутки сделали его богатым?

Но Инка заставил его подписать три фанерки: «Спящая собака», «Закат в горах» (ту самую картину, с оранжевыми склонами), «Мой дом» и отправить какому-то Сотби в Лондон Объединённого Королевства. Денег на почтовую марку у Серика не было, но Инка нанёс тонким лазерным лучом какие-то штрихи на конверте, и отарский почтальон без возражений принял пакет.

А Серик всё равно не верил: он был умным мальчиком и Деда Мороза уже давно ни о чём не просил.

А через неделю к их старому дому подогнали новенький «мерседес» последней модели. Ещё в заводской плёнке на капоте и крыльях.

Отец рассердился и стал отправлять продавца, пригнавшего машину, к шайтану за такие дурацкие затеи. Но владелец отарского автосалона — толстяк Хош с неизменной улыбкой на круглом лице — обогнул сердитого отца по осторожной кривой, подошёл к Серiku и попросил его расписаться в квитанции о получении. Серик что-то накалякал, словно во сне, и через пять минут агент исчез, а машина осталась.

Отец сначала решил, что Серик связался с плохими людьми и с дурной травой. Только вежливый и терпеливый Инка сумел убедить его, что машина честно заработана его сыном в то время, когда Серика не посылали за дровами или копать огород, а давали спокойно посидеть и посмотреть на горы, закат, дерево — короче, давали «посчитать ворон», как сердито выражались домашние, глядя на бездельничающего подростка.

Оказывается, счёт ворон может быть очень прибыльным занятием — если, конечно, считать их с умом.

— И мне можно будет поехать в Италию? — спросил шёпотом Серик у Инки, в то время как вокруг новой машины кипели семейные и соседские страсти. Стал накрапывать мелкий дождь, но никто его не замечал.

— Хоть завтра.

— Меня не отпустят, я маленький.

— Если у тебя есть я, то ты можешь передвигаться самостоятельно уже с двенадцати лет. Никакой полицейский тебя не задержит, и авиакомпания с удовольствием продаст тебе билет до Рима.

Серик был почти раздавлен лавиной новостей, которая так стремительно навалилась на него.

— А больше моих фанерок никто не купил? — озабоченно спросил мальчик.

— Я решил попридержать другие картины. Так как первые три были куплены так быстро и всего лишь по виртуальному изображению, то я полагаю, что подождать будет выгоднее. Ты привезёшь в Италию все свои работы, и мы сделаем там твою личную выставку. После этого цена картин должна подняться в несколько раз.

Ехать одному на другую сторону мира?!

— А можно мне взять с собой младшую сестру?

— Ей десять, поэтому с ней должен ехать кто-то из родителей. Но ты можешь взять с собой и отца с матерью — они будут рады побывать на твоей выставке и посмотреть Рим. Я позабочусь о билетах для всех вас.

— Мы поедem на скоростнике?

— Хочешь — на поезде, хочешь — на стратоплане.

Отец оторвался от «мерседеса», подбежал к Серику и ласково обнял его.

Никогда ещё Серик не видел, чтобы по худому обожжённому солнцем отцовскому лицу бежали слёзы.

И мальчик понял, что это добрый Аллах послал красный торговый автомат на их заброшенную станцию. И правильно сделал, потому что личный киберсоветчик — чистая прибыль для своего хозяина.

13.10. Зимний дождь

З а окном кафе, по обычной городской улице шёл неторопливый зимний дождь. Он брёл между магазинами, ресторанами и многоэтажными парковками.

Кафе было уютно заполнено запахом горячего молока и шумом спокойных разговоров.

За одним из столиков сидел буддийский монах. Поверх оранжевой рясы монаха была надета тёплая куртка из плотной жёлтой байки. Из-под рясы выглядывали кожаные модные сандалии и толстые носки.

Монах перебирал чётки тёмного дерева, всё время покачивая головой. Изредка что-то произносил, и в этот момент две говорливые пожилые азиатки, сидящие за этим же круглым столом, сразу замолкали.

Монах был круглолиц и плотен. Голова давно не брита, с сединой, затылок рассечён глубокими старыми шрамами. Пальцы тонкие, нерабочие, с холёными ногтями.

Наконец монах встал, слегка поклонился собеседницам и вышел под некрупный дождь.

Прислушался к ударам капель. Что-то спросил у дождя.

Тот невнятно пробормотал в ответ.

Монах сочувственно покачал непокрытой головой и зашагал по асфальтовой дорожке, обходя лужи.

А капли зимнего дождя осторожно стекали по шрамам на небритом затылке.

Промокшее небо заставляло прохожих спешить домой.

Холодные капли собирались в лужицы на промятой крыше бронемашины, которая чадила в сумерках, быстро наваливающихся на синие горы.

Отскакивали от пластикового несмачиваемого лица робоняни.

Серые тучи, волочащие мутные водяные космы, обступили заснеженные вершины Гималаев, сделали горные долины пронзительно неуютными.

Вечер сгустился вокруг Парижа. Пригороды окружили сияющий центр сизым мокрым кольцом.

Окна в московских квартирах замерцали, городские огни расплавились в блестящие струйки.

На планете Земля шёл зимний дождь.

В миллиарде домов по всей Земле на столах дымился чай.

Миллионы людей, вернувшись домой, брали чашки в замёрзшие ладони и с наслаждением отхлёбывали горячий ароматный напиток, забывая о непогоде.

Люди пили чай, разговаривали с жёнами, мужьями, детьми, друзьями и Инкой, радовались домашнему теплу и ещё чему-то неясному, но важному.

А может, просто за этот день на планете Земля стало больше счастливых людей.

Глава 14

Заплатить смертью за бессмертие

— Ч то ты хочешь, Феб?

— Хочу спросить: почему ты меня избегаешь, Дзинтара?

— А почему я должна бежать тебе навстречу, Феб? Мы слишком разные люди, и пора это тебе понять — как это сделала я. Я уже не так молода, чтобы терпеть твои выходки.

— Ты должна признать, что ты ничьи выходки не можешь терпеть!

— Я не богиня, а простая принцесса. Мне нужен муж, с которым я буду ужинать дома, а не каждый день в новом ресторане. Вокруг тебя вьётся слишком много смазливых девиц, вокруг тебя слишком много шума... И ты не любишь детей.

— О! Опять! Дети — это конец молодой жизни, это огромный воз обязанностей и проблем...

— А я хочу ребёнка! Даже двух. Я найду себе нормального мужа и через год сотворю мальчика, а потом создам девочку. Или наоборот — сначала девочку, а потом мальчика... Я ещё не решила. Но то, что это произойдёт, — совершенно точно! И закончим на этом разговор! Продолжай наслаждаться жизнью и не звони мне больше.

— Я так понимаю, чтобы не мешать тебе готовиться к будущему материнству?

— Правильно понимаешь! От разговоров с тобой скиснет даже слоновье молоко.

Раскрасневшаяся Дзинтара с досадой выключила экран и подошла к окну. Куб БиоИнститута был окружён зелёной хорошо подстриженной лужайкой, на которой росли сорок девять огромных сосен. Тридцать деревьев образовывали спиральный узор, а ещё девятнадцать были расставлены внутри узора таким таинственным образом, словно составляли закодированное послание. Среди молодых сотрудников БиоИнститута велись многолетние споры о его раскодировке.

Но Дзинтара никакого внимания красивому загадочному пейзажу не уделила. Она сердито размышляла о Фебе, человеке, который так много значил для неё, но никак не сочетался с размеренной семейной жизнью.

А ведь она действительно уже немолода! Если Феб всё ещё чувствует себя мальчишкой, то Дзинтара давно...

Огромный автобус с чёрными стёклами подрулил к проходной института, хорошо видной из кабинета. Охранник подошёл к автобусу и вдруг нелепо взмахнул руками и упал.

В следующую секунду автобус рванулся вперёд и протаранил ворота. Дзинтара мгновенно сообразила и крикнула киберсекретарю:

— Вызывай полицию, на нас напали!

И тут же за окном мелькнула тень летящего катера, и стекло перед лицом Дзинтары лопнуло на миллион осколков.

Принцесса выбежала из кабинета, успев краем глаза заметить чёрную фигуру в разбитом окне.

«Они собираются захватить Главный компьютер! — мелькнуло в голове Дзинтары. — Надо выиграть время!»

И принцесса во весь дух помчалась по коридору.

На Главном компьютере БиоИнститута данные всех научных центров Северных династий собирались в единую математическую модель человеческого организма, созданную для анализа его омоложения. Благодаря совместным усилиям Северных и энергичной поддержке династии Гринвич команда Дзинтары была очень близка к тому, чтобы процесс омоложения стал полным и многократным.

Это означало практическое бессмертие.

Южные отставали в этой гонке умов, и ближайшее будущее грозило им катастрофическим поражением.

Это понимали и Северные, и Южные.

Поэтому Главный компьютер БиоИнститута был установлен в зале, похожем на огромный сейф, который всегда был наглухо закрыт — за исключением рабочих часов, когда возле компьютера работала небольшая группа исследователей. Взломать Главный компьютер дистанционно было невозможно, потому что он не был включён в Сеть и средства переноса информации на него не давали никаких шансов хакерам Южных.

Возле БиоИнститута расквартировали дополнительную сотню вооружённых охранников.

Но этого оказалось мало для устрашения Южных. Поставленные перед очевидностью своего краха, они решились на отчаянный штурм БиоИнститута среди бела дня.

Дзинтара слышала автоматные очереди и выстрелы из корабельных пушек — выходит, у нападающих не катер, а целый крейсер.

Но принцесса бежала в самое пекло стрельбы — ей нужно было убедиться, что зал с Главным компьютером прочно закрыт. Это позволит выиграть время для прибытия подкрепления или полицейских.

Боковая дверь, ведущая в коридор из внутреннего сада института, вылетела из проёма, выбитая огненной волной взрыва. Коридор впереди Дзинтары стал непроходимым.

«Они везде!»

Принцесса резко повернула в ближайший холл и прыгнула в открытый лифт. Надо попробовать проникнуть в зал Главного компьютера через цокольный этаж. Там есть винтовая лестница аварийного выхода из зала.

В цокольном пока было тихо.

Дзинтара взбежала по крутой лестнице, спотыкаясь на непривычно высоких ступенях, и остановилась перед бронированным люком.

Главный компьютер сам узнал Дзинтару и сказал:

— У нас неприятности. В зале стреляют.

Дзинтара резким движением руки, не жалея сжатого кулака, разбила стекло аварийного ящика и выхватила из него парализатор. Перевела его в режим «безусловного паралича», из которого жертву вывести может только квалифицированный медик, и выдохнула:

— Открывай!

Всё оказалось хуже, чем ожидала Дзинтара.

Боя уже не было: на глазах принцессы последний охранник получил автоматную очередь в шею и, заливаясь кровью, рухнул на пол, среди других тел.

Среди убитых и раненых Дзинтара с ужасом увидела главного генетика института Даяну Смолуховскую и других учёных, работавших с Главным компьютером. Они оборонялись вместе с охранниками БиоИнститута — и сейчас белые халаты и тёмно-зелёные

комбинезоны униформы были одинаково забрызганы кровью.

Нападающие стреляли из самого варварского и эффективного оружия ближнего боя: автоматов, которые электромагнитным полем выбрасывали струю крупных картечин — узкую или широкую, в зависимости от жестокой задачи автоматчика. Многочисленная картечь разрывала тела даже хорошо защищённых солдат-охранников, проникая через места, не закрытые гибкой бронёй, — через шею, лицо или запястья.

Главный компьютер уже задраил все входы, ведущие в его зал, но центральная дверь была открыта, и Дзинтара сразу поняла, почему. На пороге зала лежали охранник института в тёмно-зелёной форме и нападавший в чёрной одежде. Судя по количеству крови, окружающей оба тела, охранник был убит. Нападавший был просто парализован, потому что вся охрана БиоИнститута была вооружена несмертельным оружием, о чём враги, очевидно, знали — иначе они не были бы так безрассудно смелы.

Боясь причинить вред людям, лежащим на пороге, Главный компьютер не опускал тяжёлую плиту, блокирующую главный вход.

Чем и собирались воспользоваться люди в чёрном, осторожно заглядывающие в зал. Предводитель группы уже был уверен в победе и собирался выстрелить в направлении вожака замораживающим электромагнитным полем, которое остановило бы всю оборонительную активность искусственного мозга, но тут самого предводителя остановил выстрел парализатора в лицо.

— Закрыть главный вход! — яростно крикнула высокая красивая женщина, появившаяся в зале в последний момент — как чёрт из табакерки.

Подчиняясь беспощадному приказу человеку, плита толщиной в фут быстро двинулась вниз. Нападавшие взвыли, видя, как от них ускользает почти завоёванная победа, и мстительно открыли ураганный огонь из картечных автоматов и лазерных пистолетов, целясь в быстро уменьшающийся проём дверей.

Металлическая плита достигла распростёртых на полу тел, но даже не замедлила своё движение. Раздался ужасающий хруст, который вызвал содрогание у всех, кто его слышал.

Но Дзинтара уже ничего не могла слышать. Отделённая от врагов толстой металлической стеной, она лежала на полу.

Лицо принцессы было немилосердно рассечено рикошетом лазерного луча. Многочисленные картечины изуродовали её тело, пробив грудную клетку и живот и оторвав пальцы на левой руке, бывшей такой красивой мгновение назад.

Главный компьютер не уступал в эмоциональности Робби и сокрушённо оценивал вероятность выживания принцессы как незначительную.

Спецбригада полицейских уже вступила в бой с нападшими на БиоИнститут, но продолжительность сопротивления преступников компьютер не мог спрогнозировать.

Успеют ли машины скорой помощи, следующие во втором эшелоне полицейских сил, спасти Дзинтару и ещё восьмерых раненых, лежащих в компьютерном зале? Их судьба должна была решиться в ближайшие несколько минут.

Состояние троих раненых компьютер оценил как критическое, подал сигнал тревоги с сообщением о положении людей в зале и терпеливо ждал.

Машинная психология разумных компьютеров была ещё не настолько развита, чтобы можно было сказать, какие мысли возникали у Главного компьютера БиоИнститута, когда он наблюдал смертельную схватку людей вокруг секрета бессмертия, хранящегося в его киберпамяти.

Но то, что за секрет бессмертия люди платят своими жизнями, было очевидно любому разумному существу.

Ф еб смотрел на экран, с которого исчезла рассерженная Дзинтара, и энергично ругался.

— Почему она меня не понимает?!

Не успел он успокоиться, как его киберсекретарь Дженни сказала:

— Массовое нападение на БиоИнститут. Дзинтара в опасности.

Феб, не рассуждая, кинулся на стартовую площадку.

Он мчался на своём катере в БиоИнститут, съедаемый чёрной тревогой, и вспоминал, что именно так же когда-то летела Дзинтара спасать его после взрыва в Шрёдингере и тоже, наверное, страшно переживала, что он умрёт там, на площади, не дождавшись помощи.

Феб взвыл от внутренней боли и нажал на рычаг газа, хотя тот и так был выжат до упора. Наконец показалось хорошо знакомое здание института, и Феб заложил такой вираж к стоянке, что сработали аварийные амортизаторы кресла.

Выпрыгнув из катера, Феб подбежал к полицейскому, командовавшему операцией:

— Почему вы не освобождаете институт, офицер? В компьютерном центре восемь раненых, трое тяжело, и они вот-вот умрут!

— Я знаю! — крикнул сердитый офицер. — У меня здесь только легковооружённые бойцы! Мы штурмовали два раза! У нас самих четверо раненых! Одному моему человеку чуть не оторвало руку по плечо!

И полицейский кивнул на лежащий на земле бронекостюм, рассечённый на плече и залитый кровью.

— У мерзавца, который засел в коридоре возле компьютерного центра, кумулятивные пули! Я не могу посылать своих людей на убой!

— Пошлите роботов!

— Вон они лежат. — Офицер ткнул рукой в направлении трёх дымящихся куч металлолома возле здания. — У этого стрелка есть снаряды всех сортов! Я жду прибытия тяжёлого броневика.

Неожиданно вмешалась Дженни:

— Доктор Елин в компьютерном центре необратимо умер. Сердцебиение остановилось шесть минут назад.

— Надо что-то делать! — вскинулся Феб. — Они там умирают! Ранена принцесса Дзинтара... моя жена!

— Прогнозируемое время остановки дыхания у принцессы Дзинтары — четыре минуты, — сказала Дженни.

Феб превратился в какой-то могучий вихрь. Он оттолкнул офицера и бросился к своему катеру, крича на ходу Дженни:

— Можно пробить крышу коридора катером?!

Дженни ответила:

— Да, на скорости пятьдесят миль в час. Но от такого удара пилот погибнет, а баки взорвутся.

Офицер бежал рядом с Фебом и кричал:

— Гражданским запрещён доступ в зону обстрела!

Феб не обращал на него внимания. Он одновременно командовал Дженни слить всё горячее катера, оставив только на взлёт; надевал окровавленный бронекостюм, оставшийся от раненого полицейского; хватал медицинских киберов, которые толпились за полицейскими кордонами, и, рыча от напряжения, бросал их один за другим в кабину катера. К моменту, когда из баков с рёвом вырвался белый кислородно-водородный фонтан, Феб успел загрузить в катер четыре длинных цилиндра медкиберов и оказаться в кресле пилота.

Дженни сказала:

— Принцесса Дзинтара перестала дышать.

В этот момент офицер на свою голову сделал ещё одну попытку остановить Феба — и как кегля отлетел к машине скорой помощи.

Феб одним движением задрал кабину и врубил двигатели так, что стоящие вокруг люди шарахнулись в стороны.

Дженни отметила:

— Вероятность вашего выживания при таком падении составляет меньше пятидесяти процентов.

— Заткнись, милая Дженни, и рассчитай мне высоту!

Феб набрал по альтиметру нужное значение, завис над той частью коридора, откуда стрелял засевший боевик, и выключил двигатели.

Машина зависла и рухнула вниз.

Несколько секунд невесомости — и страшный удар в днище выбил из Феба всё дыхание.

И отважный бог солнца провалился в темноту.

Полицейские увидели, как падающая машина стремительно набрала скорость, врезалась в крышу БиоИнститута и пробила её, выбросив тучу пыли и обломков.

Всё время постреливавший автомат боевика, засевшего возле компьютерного центра, замолчал.

Какой-то сержант наудачу послал оставшегося робота — и тот спокойно добрался до главного входа. Тогда полицейские ринулись за роботом — без всякой команды.

Их слишком потрясло зрелище смертника, который протаранил на катере бетонные перекрытия, чтобы спасти свою жену.

Феб пришёл в себя. Вокруг был хаос обломков.

— Сколько осталось? — прохрипел Феб.

— Две минуты до необратимой смерти принцессы.

Феб словно выпил живой воды. Он столкнул с себя крупные куски бетона и вывалился из кабины разбитого катера в такой же разбитый коридор.

Левая нога подогнулась, сломанная в двух местах, и Феб упал.

Несмотря на постоянные уколы аптечки бронекостюма, он едва не терял сознание от боли, но подтянулся на руках к заднему сиденью и встал на здоровую ногу.

Феб схватил цилиндр кибера, выбросил его из кабины и приказал:

— Иди в центр, спасай Дзинтару! Дженни, открой ему двери!

Но лежащий на полу медкибер сказал:

— Ходовая часть разбита, передвигаться не могу.

— И тебя угораздило ноги сломать! — возмущённо закричал Феб, физически ощущая убегающие последние секунды жизни Дзинтары. Он неистовым усилием вывалил второго, а потом и третьего кибера. Четвёртого трогать смысла не было — он был похож на смятую пивную банку.

— Идите, спасайте Дзинтару! — кричал Феб киберам.

Второй кибер поднялся и медленно двинулся по заваленному обломками коридору. Третий лежал и молчал.

Феб упал на пол и пополз к компьютерному центру, толкая — вернее, катя — перед собой первого кибера с разбитым шасси.

Когда он подполз к открытой двери зала Главного компьютера, то ходячий кибер уже хлопотал над Дзинтарой: присоединял к её лицу кислородную маску и щёлкал дефибриллятором, одновременно делая уколы и вливая кровь в вены Дзинтары.

— Сколько осталось? — прохрипел Феб, огибая жуткую мешанину из человеческих тел на пороге компьютерного зала.

— Тридцать секунд, но сердце Дзинтары ещё не заработало.

Феб бросил кибера и пополз быстрее.

— Дзинтара, я люблю тебя! — кричал он. — Очнись, моя девочка, и мы всё исправим!

Феб поцеловал принцессу и лёг рядом, в лужу крови своей любимой, требуя справедливости от судьбы и всех богов.

Последние секунды истекали, как песчинки в песочных часах.

Громко щёлкнул дефибриллятор, и тело принцессы выгнулось дугой. Потом Дзинтара рухнула на пол, повернув изуродованное лицо к Фебу, и осталась лежать страшной застывшей статуей.

— Вернись, Дзинтара-а! — отчаянно крикнул Феб.

Вдруг из динамиков кибера раздался глухой звук.

Потом ещё один.

И ещё.

— Сердце принцессы запущено, — сказала Дженни. — Опасность миновала, хотя состояние остаётся крайне тяжёлым.

Счастливый Феб засмеялся:

— Молодец, девочка!

Потом спросил:

— Кто следующий по тяжести?

Дженни ответила:

— Доктор Мекленбург, лежит у колонны справа.

Феб, всё ещё смеясь, вернулся к брошенному киберу и подкатил его к доктору Мекленбургу.

Возле тела пациента кибер словно взорвался огромным количеством всяких устройств и приспособлений.

А через три минуты в зал вбежали полицейские и врачи.

— Ну ты и везуч, парень, — сказал полицейский офицер Фебу, не держа зла на его бесцеремонность.

— Везуч как бог... — пробормотал Феб, качаясь на носилках и уплывая в заслуженное забытьё.

При нападении командос Южных на БиоИнститут были убиты пятнадцать сотрудников и охранников института и один из нападавших. Сама Дзинтара, защищая компьютерный центр, выжила лишь благодаря самоотверженности Феба, но потеряла глаз из-за тяжёлого ранения лица. У принцессы было пробито лёгкое, рассечена брюшная полость и изуродована левая рука.

Выжила — это оптимистичный медицинский термин, на самом деле живая принцесса мало отличалась от мёртвой: она уже неделю лежала в коме, повергая своих друзей в отчаяние.

Феб, совершенно изменившийся с момента ранения принцессы, всё время дежурил у её кровати, а когда сиделки его выгоняли — бродил по коридору возле двери палаты, волоча сломанную ногу и тихо ругаясь. Он упрямо говорил:

— Я хочу стать первым человеком, которого принцесса увидит, когда очнётся.

Он всё время разговаривал с принцессой и даже читал ей вслух популярную книгу по биологии, которую нашёл на рабочем столе Дзинтары. Книга была скучная, но Феб не сдавался и старался читать с эмоциями в голосе.

Феб сказал Никки:

— Когда она очнётся, я сделаю её счастливой, даже если она будет сопротивляться! Я насильно на ней женюсь!

Об их браке как о решённом деле Феб говорил всем — родственникам, друзьям и журналистам.

— У нас будет двое детей: мальчик, а потом девочка. Может, сначала — девочка, а потом мальчик. Мы ещё не решили!

Известие о нападении на БиоИнститут, о жертвах среди сотрудников и о ранении Дзинтары повергло Никки в ярость.

— Они осмелились напасть на мирных учёных, которые ищут секрет бессмертия для всех людей?! Эти ублюдки даже не понимают, что это значит!

— И что это значит? — спросил Робби.

— ВОЙНУ! Я объявлю Южным такую войну, что они больше никогда не осмелятся прибегать к убийствам и насилию! Пригласи на завтра главу нашего детективного отдела и офицера Горбина. А сейчас мы с тобой рассмотрим разгром Южных как системную задачу...

Глава 15

Война Северных и Южных

Бэрримор аккуратно запарковал свой автомобильчик и выбрался из него задом, осторожно держа хрупкую коробку с тортом и цветы.

Настроение у него было отличное, а сам он был приятно взволнован. Вот уже год, как они с Алисой встречаются, и эти двенадцать месяцев стали для него самым счастливым временем жизни.

Сегодня они отмечают свою первую годовщину, но оба они уверены — таких годовщин впереди будет очень много. Это они решили, не сговариваясь и не делая друг другу никаких официальных предложений. Просто расстаться и жить порознь было уже невыносимо.

Пусть зарплата помощника мажордома невелика, но у Бэрримора всё впереди, а Алиса учится на дизайнера и через год тоже будет зарабатывать. А если они поселятся, как недавно решили, в одной квартире, то высвободится немало денег!

Жизнь улыбалась Бэрримору и Алисе, а они улыбались ей.

Бэрримор подёргал старинный звонок, и за дверью послышались лёгкие шаги. Этот момент он любил больше всего — когда дверь открывалась, и Алиса при виде Бэрримора просто расцветала.

А потом они целовались, и он на мгновение чувствовал её стройное тело.

А потом она восхищалась принесёнными им тортом и цветами. Или кулончиком и цветами. Или аппетитной пиццей и бутылкой вина.

Бэрримор никогда не приходил без подарка (пустые руки — дурная примета!).

И сегодня сцена встречи повторилась во всех восхитительных нюансах.

Пока Алиса на кухне гремела тарелками и распаковывала торт, Бэрримор с удовольствием уселся на диван, вытянул уставшие за день ноги и осмотрелся. Нет, всё-таки лучше ему переехать к Алисе, а не наоборот, — здесь места явно больше, чем у него. Только до службы будет дальше добираться. Как удачно, что сегодня — пятница и впереди целый уик-энд!

Раздался звонок в дверь. «Кого ещё черти несут?» — с неудовольствием подумал Бэрримор.

Алиса прошла через комнату, бормоча:

— Наверно, это срочная доставка — я заказала тебе отличный галстук!

Но, открыв дверь, Алиса охнула с такой растерянной интонацией, что Бэрримор тоже выскочил в коридор и остолбенел: в дверном проёме стояла королева Гринвич. Собственной персоной. Одна. Как соседка, зашедшая поболтать.

— Здравствуйте, Алиса! — сказала приветливо королева. — Можно войти?

— А-а... да-да... пожалуйста... проходите... — пролепетала Алиса, пятясь.

Королева Николь закрыла за собой двери и огляделась.

— У вас отличный вкус, Алиса! — улыбнулась королева. — Вы будете незаурядным дизайнером. Вот эти бордовые шторы в сочетании с золотистыми стенами мне очень нравятся.

У Бэрримора мелькнула невозможная мысль, что королева хорошо знакома с биографией Алисы и даже в курсе её творческой карьеры.

— Д-да, — заикалась Алиса, — это удачное... сочетание...

Она уже допятилась до комнаты, тесня Бэрримора. Следом за ними в комнату шагнула и королева.

— Предельно уютно! — королева снова одобрила интерьер. — А нет ли у вас чего-нибудь выпить? Воды, например. Тяжёлый день, в горле совсем пересохло.

— Конечно! — обрадовалась Алиса. — Садитесь, в-ваше... величество! У меня даже есть вино! Красное... к-какое-то красное...

— Зовите меня просто Никки, — замахала руками королева, — и тогда я с удовольствием выпью вашего красного вина.

Алиса метнулась на кухню, и там что-то стало немедленно греметь, звенеть и падать.

— Как жизнь, Бэрримор? — спросила королева.

— Ничего... помаленьку... — сказал Бэрримор, приходя в себя и начиная подозревать в происходящем какую-то грандиозную ловушку («она и меня знает!»).

— А как ваши дела? — выдавил стандартное приветствие помощник мажордома.

— У меня всё прекрасно. — Королева улыбнулась так, что эта банальная, общепринятая реплика стала очевидной истиной.

Вернулась хозяйка с рюмками и с уже открытой бутылкой.

Алиса разлила вино по трём бокалам, причём руки её тряслись, а рот не закрывался и непрерывно-лихорадочно бормотал:

— Очень трудно найти такие шторы в верный тон... все расцветки такие дурацкие... или продают такие мятые тряпки... фактуры никакой, прозрачность такая неравномерная... а гардины... это вообще песня... я тут нашла один славный магазинчик...

Алиса плюхнулась на диванчик, покрытый такой симпатичной тканью в рельефный узорчик, и расцветка такая редкая — тёмно-малахитовая по светлой зелени. Еле нашла.

Девушка подняла свой бокал и сказала с нервным смехом:

— О боги, я пью с королевой Николь! Завтра все мои подружки упадут замертво. За встречу... Никки... ваше величество!

Никки поддержала:

— За встречу!

Потом королева отпила из бокала и откинулась в своём кресле (такая же ткань, но узор мельче и вытянут по вертикали. Найти такие парные ткани — это была такая удача!).

— Я хотела бы поговорить с вами о короле Симмонсе, — сказала королева.

«Вот оно!» — обожгло Бэрримора, но ответить он ничего не смог — язык его словно отнялся.

— Я не собираюсь обсуждать Симмонса с вами, Бэрримор, — продолжала королева. — Я знаю про гипноблок, который не позволяет вам рассказывать о своих служебных делах посторонним. Поэтому просто сидите и молчите, а я буду говорить с Алисой.

— Со мной? — удивилась Алиса. — Но я никакого отношения к королю Симмонсу не имею.

— Имеете, потому что вас и Бэрримора связывают... тёплые чувства.

Это королева хорошо сказала, вежливо и ласково.

— Бэрримору грозит опасность, и вам нужно об этом знать, — продолжала Никки. — Король Симмонс — преступник, и дни его сочтены. Закон и я занялись им всерьёз. Это его люди напали на БиоИнститут. Тех мерзостей, которые творятся во дворце Симмонса, тоже достаточно для пожизненного заключения без права на помилование. Причём под суд попадут и многие слуги короля, знающие о происходящих преступлениях, но молчащие. Бэрримор относится именно к таким слугам. И у него одно спасение — пойти на сотрудничество с законом. Нам нужны свидетели из служащих короля, которые расскажут суду правду о Симмонсе. Тот, кто станет свидетелем, будет избавлен от наказания. Конечно, речь идёт только о людях, не участвовавших лично в тяжких преступлениях. Бэрримор, слава богам, в них не замешан. Насколько нам известно. А известно нам многое...

Алиса переводила круглые глаза с королевы Никки на Бэрримора и обратно.

— Внизу ждёт врач, который снимет гипноблок, и полицейский, который возьмёт ваш дом под охрану, если Бэрримор согласится на сотрудничество. Домой ему пока не надо возвращаться, на службу — тоже. Впрочем, работы во дворце короля Симмонса со следующей недели уже не будет.

Никки поставила бокал на столик.

— Помогите нам — и вы спасёте себя. По закону я не могу ничего обещать вам за вашу помощь, но я могу гарантировать, что власти выполнят все свои обязательства по отношению к Бэрримору. И я лично буду вам признательна и уверена, что вы не пожалеете о принятом решении... а принимать вы его, я уверена, будете вместе...

— А что будет, если Бэрримор не согласится? — спросила встревоженно Алиса.

— Суду хватит показаний других слуг. Такое предложение сделано сегодня не одному Бэрримору. Если следствие установит причастность Бэрримора к дворцовым порядкам или хотя бы осведомлённость о них, то судья определит ему срок наказания. Возможно, Бэрримор отделается легко. Что думаешь, Робби?

— Вероятнее всего, ему дадут два года тюрьмы нестрогого режима.

— Ну... не так уж и много, — сказала королева.

— Два года?! — в ужасе взвизгнула Алиса. — Дайте мне поговорить с Бэрримором наедине, ваше величество!

— Конечно, — и королева встала. — Я буду ждать внизу, вот номер моего личного т-фона. У вас есть полчаса. Извините, больше дать не могу.

Никки вышла из комнаты, а Бэрримор, так и не сказавший ни слова, проводил её круглыми глазами. Потом он перевёл их на Алису.

И тут она тигром кинулась на него...

Звонок на т-фоне Никки раздался не через полчаса, а через двенадцать минут.

— Ты проспорила, знаток человеческих душ! — сказал ехидно Робби, ещё не ответив на звонок. — Я же говорил, что они уложатся в четверть часа!

Понедельник выпал мрачный и тревожный. Ранним утром, когда громада замка короля Симмонса ещё спала, а дневные слуги не прибыли на работу, — вокруг замка сжалось тревожно мигающее кольцо из полицейских машин и вертолётот.

Никки лично участвовала в штурме замка. История с Дзинтарой сделала вражду к королю Симмонсу слишком личным и глубоким чувством.

Небольшой катер королевы, который она пилотировала сама, держался позади волны полицейских, но королева не теряла времени даром и зондировала замок своими дистанционными чувствами и корабельными сенсорами.

Кроме ареста короля, у полицейских было много задач, например, сбор улик и задержание всех важных свидетелей, включая девушек, живущих в правом крыле замка.

У Никки же была одна цель — сам король. Согласно агентурным сведениям, Симмонс пользовался восемью спальнями в разных частях замка. Нужно было определить, в какой он спал сегодня. На свои сверхчувства Никки много надежд не возлагала — королевский замок хорошо защищён, да и расстояние великовато. Но на катере было много разной аппаратуры, а у Никки была зацепка — согласно агентурным данным, король любил спать с открытым окном.

— Робби, включи молекулярный визор.

На боковом экране появился дворец, из которого истекали разноцветные дымы — так прибор, регистрирующий спектры сложных молекул, визуализировал запахи.

Сильнее всех пахли вентиляционные трубы кухонь, из которых тянулись раздуваемые утренним ветром шлейфы органических молекул. Коричневые акролеины горелых жиров, красные масляные триглицериды, золотистый хлебный фурфурол, оранжевые терпеновые спирты цитрусовых, серебристые фруктовые эфиры, синие кофейные алкалоиды. Запахи несильные, вчерашние — дворцовые кухни ещё не начинали работать.

Кустарники и цветы на дворцовых клумбах были похожи на разноцветные факелы: сирень благоухала терпениолом, акация — фарнезолом, розы источали фенилэтиловый спирт, а гиацинты — фенилпропиловый.

Подстриженные лужайки пахли свежим сеном, поэтому на экране визора они были окутаны голубым туманом кумарина — лактона орто-оксикоричной кислоты.

Машины на стоянке воняли стелющимися по земле перламутровыми струями испарившегося топлива, сочились бронзовыми акрилатами и ядовито-жёлтыми фенолами пластмасс.

Небольшая ферма на краю соснового леса клубилась чёрным метаном, резко выделяющимся на зелёном фоне лесных эфирных масел.

Несколько окон дворца были открыты, и из них выбивались испарения людских тел и снов, простая белая аммиачная вонь чистящих средств и сизые сложные ароматы старой ковровой шерсти.

Никки сфокусировалась на королевских спальнях, хотя король мог заснуть где угодно.

Робби указал на опочивальню с огромным окном:

— Регистрируется уксусный альдегид после употребления этанола с коньячным лигнином, андростендион — феромон мужского пота — и сероводород из кишечного выхлопа. Концентрации высокие — там кто-то есть.

Маугли сказала:

— Фу, пора проветрить королевскую спальню!

Никки повезло — король спал в угловой комнате, выходящей в парк. Очень удобно! Маугли обогнула дворец по широкой дуге и нацелила катер на угол здания. Полицейские сюда ещё не добрались.

Никки приблизилась к окну спальни и позволила кораблю влететь прямо в стекло, высадив бронированным носом раму и часть стены.

Грохот, звон, пыль. Передняя часть шлюпки прочно пришвартовалась в королевской спальне, а остальная часть корабля держалась на весу двигателями.

— Что ж, если мы ошиблись и потревожили королевского гостя, то извинимся и полетим дальше!

Никки открыла носовой люк и очутилась прямо в спальне в стиле Людовика XV. Вернее, она была выдержана в таком стиле десять секунд назад. Сейчас прекрасный паркет скрывался под обломками мебели и кусками стен.

Ошибки не было: на уцелевшей кровати стоял взбешённый король Симмонс в длинном халате несусветного покроя и цвета.

— Король Симмонс! Вы задержаны на основании моего права на гражданский арест, — сказала королева Никки.

Король злобно зарычал и сорвал какую-то колючую дубину со стены.

— Ах, так ты сопротивляешься задержанию! — радостно воскликнула Никки. — Я даже не надеялась на такую удачу!

И она с оттяжкой пнула его в пах.

Что-то чавкнуло.

— Это тебе за всех девушек, которых ты затащил в своё логово!

Выронив дубину, король сложился пополам, а потом втрое.

Никки пнула его ещё раз — в наклонившееся к земле лицо.

Что-то захрустело.

— А это тебе за Дзинтару, которую ты изуродовал и почти убил!

Король улетел в угол, доламывая антикварные столики и шкафчики.

— Руки о тебя марать не хочется, а вот ногам я решила дать волю. Пора тебе узнать на себе самом, что чувствуют люди, к которым ты посылаешь своих убийц. Запомни этот день, подонок. Отныне ты начинаешь жизнь овоща. Из женщин ты отныне будешь видеть только медсестёр — когда они захотят сделать тебе объёмную клизму.

Маугли вытащила пистолет и разрядила всю обойму в грудь королю. На последнем выстреле в дверь вломились трое полицейских. Во главе — лейтенант. Он не узнал Никки, лицо которой было скрыто защитной полумаской.

— Положите оружие! Кто вы?

— Я — офицер Космической службы. Я задержала этого человека.

— Вы стреляли в него!

— Всего лишь парализующие заряды, лейтенант. Пару дней погадит в штаны, а потом придёт в себя.

— Он сильно избит!

— Всего лишь пара успокаивающих ударов. Сопротивлялся задержанию и размахивал вот этой дубиной, видимо, орудием своих сексуальных игр.

— Только полиция может арестовывать людей.

— Я не говорила, что арестовала его, — я лишь задержала преступника до вашего прихода. Арестуйте его сами, лейтенант!

Тот помедлил, а потом произнёс формулу ареста. И повернулся к подчинённым:

— Наденьте на него наручники и отведите в машину!

— Не спешите, лейтенант! — остановила его Никки. — Если арест произведён и король попал под юрисдикцию полиции, то кое-какие события можно ускорить. У короля слишком много адвокатов, которые вытащат его до суда из любой тюрьмы. Ему нашлось местечко получше. — И она сказала в пространство: — Король арестован и находится в левом крыле, угловая северная комната!

Не успел лейтенант оглянуться, как в комнату ввалилось несколько человек.

— Арестован? Отлично! — воскликнул седовласый человек в форме военврача. Он протянул лейтенанту листок: — Вот предписание судьи о содержании короля до суда в психиатрической клинике строгого режима. Мы его забираем!

Пока ошеломлённый неожиданными поворотами дела полицейский вчитывался в документ, короля погрузили на носилки и потащили к двери.

— Вы отлично поработали сегодня, лейтенант! И обязательно получите благодарность от начальства, — улыбнулась Никки и вернулась в катер.

Корабль с хрустом и скрежетом отчалил от разрушенной спальни, оставив в ней растерянных полицейских.

Р азгром короля Симмонса, возглавлявшего агрессивное крыло Южных, был важным успехом. Но главная задача была сложнее: нейтрализовать всю группировку Южных династий во главе с императором Дональдсом.

Никки помнила свою давнюю встречу с умным и жёстким Вильгельмом Дональдсом, тогда ещё герцогом. Император Южных был расчётлив и не вмешивался в прямую уголовщину, хотя, вероятнее всего, негласно поддерживал операции Симмонса или собирался воспользоваться их плодами в случае успеха.

В борьбе с Дональдсом нужно было рассчитывать не на полицейские, а на экономические и политические методы...

И у династии Дональдсов начались неприятности. У крупнейших компаний династии неожиданно обнаруживались серьёзные конкуренты, откуда-то получавшие мощные финансовые вливания и передовые технологии. Конкуренты быстро вытесняли с рынка компании Дональдса, те терпели убытки, и их акции падали в цене — причём так быстро, словно подгонялись точным финансовым расчётом. В точке минимума своей стоимости заводы и компании Дональдса приобретались неизвестными покупателями, энергично переоборудовались и снова шли в гору, но уже принося прибыль кому-то, а не Дональдсу.

За полтора года династия Дональдсов потеряла треть своих капиталов. Короли Южных династий заговорили, что им нужен более удачливый и богатый император.

Именно в это время император Дональдс, похудевший и нервный, получил от королевы Никки приглашение встретиться для деловых переговоров.

В обстановке строжайшей секретности два корабля прибыли в лидирующую точку Лагранжа на орбите Луны.

Флагманские крейсеры зависли друг возле друга и состыковались.

Император Дональдс и королева Гринвич встретились в круглой каюте корабля Дональдса. В огромный иллюминатор светили сразу и Земля, и Луна, но космические пейзажи не могли отвлечь собеседников от напряжённого разговора.

— Это я объявила вам войну, — сказала Никки.

— Это не секрет, — хмуро ответил император Южных.

— Согласно нашим расчётам, через два года продолжения операции вы потеряете титул императора. Ещё через три — вылетите из Королевского Клуба и больше туда никогда не вернётесь. Это расплата за то, что Южные начали открытую войну, а вы, как император

Южных, несёте за это ответственность.

— Вы сами знаете, что власти у императора недостаточно, чтобы запретить отдельным королям делать большие глупости.

— Император на многое может повлиять, если захочет. Но я не вижу в вас миролюбия. Кроме всего прочего, вы подарили Симмонсу пятерых несовершеннолетних девушек.

— Это были деловые подарки...

— Вот за деловую политику ваша династия и приговорена к уничтожению.

— Если бы вы хотели просто меня уничтожить, то не устраивали бы такую секретную встречу. Что у вас на уме?

«Да, — согласилась мысленно Никки, — он не дурак!»

— У меня на уме вопрос: насколько вы заинтересованы в личной власти? И могут ли семейные интересы династии оказаться для вас важнее собственного титула?

Император помрачнел и долго не отвечал. Никки не торопила его, а по-хозяйски, не спрашивая разрешения, открыла каютный бар и налила себе минеральной воды. Наконец, Дональдс спросил:

— У вас есть предложение, как я могу спасти свою династию от разорения? Я готов вас выслушать.

— Если вы передадите власть своему младшему брату — принцу Арнольду, то я прекращу войну против вас. Даю вам шесть месяцев. Арнольд должен получить и корону короля, и титул императора. Если согласитесь, я сделаю всё возможное, чтобы ваша династия сохранила императорский статус. У меня есть связи в стане Южных.

Император явно был ошарашен сказанным и пробормотал с кривой улыбкой:

— Вы занимаетесь делами даже врагов?

— Если ты не будешь заниматься делами своих врагов, то враги займутся твоими делами. Кандидатура Арнольда будет удачным компромиссом между интересами вашей династии и мнением тех, кто говорит о необходимости смены императора. Я никак не ограничиваю ваше влияние внутри династии, и вы можете остаться главным советником Арнольда. Старший брат императора — это высокое положение. Но официальная власть будет принадлежать ему. И я надеюсь, что вы понимаете: политика Южных должна измениться с приходом Арнольда, стать более разумной и мирной.

Император потемнел лицом и впал в тяжёлое долгое молчание. Наконец, он сказал:

— Я подумаю над вашим предложением, королева Николь. Дайте мне неделю.

— Хорошо.

Но по каким-то неуловимым признакам было ясно, что император согласится на предложение Северной королевы. В конце встречи Вильгельм спросил хриплым гневным голосом:

— У Арнольда нет жены и детей. Если он не оставит наследника, могут мои дети вернуть себе корону?

— Ну... разве что у Арнольда не будет своих детей. Но я бы на вашем месте на это всерьёз не рассчитывала.

Никки помолчала и добавила:

— Когда Арнольд придёт к власти, мне нужно будет с ним встретиться — для обсуждения политического курса обеих групп династий. Его визит в мой замок послужит хорошим признаком конца эры холодных и горячих войн между Северными и Южными династиями.

Ч ерез неделю император Южных прислал короткое секретное письмо со своим согласием.

Итоги успешных переговоров с императором Южных династий стали предметом ещё одних переговоров королевы Никки с императором Северных.

Эти вторые переговоры были гораздо продолжительнее и заняли несколько месяцев.

А потом мир потрясла двойная новость: Дональдс, император Южных, передаёт титул

младшему брату, а Шихин, император Северных, добровольно отказывается от императорской короны в пользу королевы Гринвич. Более того — династия Шихин-ых выходит из союза Северных династий и объявляет о своём нейтралитете по отношению к обоим союзам.

Бурю, бурю вызвали в инфосфере Солнечной системы эти новости!

Благодаря мощным теле- и радиопередатчикам Земля в радиодиапазоне давно светит ярче самого Солнца. Двойная новость, меняющая политическую картину мира, инициировала что-то вроде радиовспышки, которую через десяток лет смогут засечь радиотелескопы инопланетян, живущих возле ближайших звёзд, если, конечно, там есть существа, знакомые с электромагнитными приёмниками.

Особенно смущал экспертов поступок короля Шихин-а.

Добровольно отказаться от императорской короны?! Это не уместилось в мозгах аналитиков. Пусть даже в пользу союзницы и официальной супруги собственного сына, пусть даже с оговоркой, что после Никки корону императора Северных будет наследовать внучка Шихин-а — принцесса Сюзанна.

А зачем вдобавок становиться нейтральной династией, теряя и без того пошатнувшееся влияние?

Пошли слухи, что император уступил свою корону за такую огромную долю акций в компании по продаже бессмертия, что это финансово окупает его политические потери.

Говорили, что Шихин собирается прибрать к рукам и возглавить нейтральные династии, число которых в последнее время значительно выросло. Нейтральная сила не должна быть ничейной.

Сам император охотно давал интервью, улыбался и хвалил свою преемницу, которой можно смело доверить управление Северным союзом. Говорил о том, что правителями должны быть молодые, а старикам нужно научиться вовремя уходить.

Такой бескорыстный популизм только больше настораживал экспертов и журналистов и вызвал немало шуток по поводу умственных способностей бывшего императора.

На самом деле у императора Северных была серьёзная причина для отставки и нейтральности, но сказать о ней журналистам было бы недальновидно.

Дальновидность — хорошее слово.

Удивительно, но стоит научиться планировать свои действия с расчётом хотя бы на десять лет вперёд, как они начинают вызывать искреннее недоумение окружающих.

Недоумение — тоже неплохое слово.

Глава 16

М-магелланово облако!

Зал был полупуст, но уже вместил всех сотрудников Института математических проблем. Пора было начинать, хотя и очень не хотелось.

«М-магелланово облако!» — Хао Шон выругался своим любимым ругательством, встал с первого ряда и повернулся лицом к сидящим.

На трибуну он не пошёл, пытаясь быть максимально дружелюбным и демократичным. Но одновременно Хао отлично понимал, что это не поможет.

— Все вы знаете, что наш институт будет разделён на две части. Хочу сообщить кое-какие важные детали, которые затронут многих из вас.

По залу прошёл гул. Никто не любит новостей, которые могут затронуть его самого.

— Согласно вчерашнему голосованию членов Независимой академии, поддержанному специальным решением Совета директоров династии Гринвич, от нашего института отщепляется планетологический отдел и на его основе создаётся Институт Солнечной системы, который займётся задачей построения всеобъемлющей математической модели строения и динамики Солнечной системы.

Зал волновался. Хао вздохнул:

— Я оставляю пост директора Института матпроблем, так как выбран главой нового института. Финансирование работ будет щедрым, но тематика работ должна соответствовать общему направлению солнечно-планетологических исследований. Важный момент: новый институт остаётся здесь, а старый Институт матпроблем переводится в другое здание, в Луна-Сити.

Последние слова, невзирая на усиление речи Хао в стенных динамиках, утонули в людском шуме. Раздался даже свист. И Хао прекрасно понимал шумящих: примерно половина работ специалистов института не имела отношения к Солнечной системе. Даже если часть сотрудников согласится переключиться в своих исследованиях на новую тему, всё равно примерно четверть учёных должна будет покинуть привычные стены и переехать. А мало кто любит менять насиженное место.

— Каждому предоставляется время для выбора. В течение шести месяцев вам будет сохранено финансирование, но потом вы должны согласиться с новой тематикой — или переехать в Луна-Сити. Вам будут также предоставлены на выбор равноценные места в других институтах Независимой академии и в институтах династии Гринвич, — сказал Хао, и в шуме зала появились удовлетворённые ноты.

— Более детально программу исследований мы обсудим позже, но уже сейчас можно сказать, что всем объектам и частям Солнечной системы будет уделено должное и пристальное внимание: самому Солнцу, каждой из восьми крупных планет, спутниковым системам и планетным кольцам, межпланетному солнечному ветру и магнитному полю, пылевому зодиакальному облаку, астероидам, кометам и транснептунам. Изучение тел планет и спутников включает в себя все уровни и оболочки — от ядра до магнитосферы. Экспериментальные исследования в нашу задачу не входят, но, если возникнет необходимость тестирования теорий, такие проекты будут реализованы с привлечением внешних групп экспериментаторов. У меня всё.

Но только через час, ответив на множество вопросов, Хао сумел закрыть собрание.

Как только он вошёл в свой кабинет, сюда же заявила принцесса Карина.

Хао мысленно возвёл глаза к небу: «М-магелланово облако!»

Принцесса была головной болью.

— Профессор Шон!

— Слушаю вас, Карина.

Хао никогда не называл в институте Карину принцессой. Заходя в научное учреждение, шляпы, короны и колпаки нужно оставлять в гардеробе.

— Я занимаюсь математическими моделями пульсаций звёзд...

— Я знаю.

— И готова сфокусироваться на модели Солнца... («О боги, а я надеялся, что она захочет переехать в Луна-Сити...») ...но я полагаю, что нельзя прекращать моделирование ближайших и самых изученных звёзд, ведь одного Солнца недостаточно для тестирования солнечных моделей — другие звёзды дадут нам гораздо больше материала для анализа!

Хао всё понял — принцесса хочет сохранить свою старую тему, перекрасив её в новый цвет. Может, дочери старого друга Хао бы и отказал, но дочери старого врага он отказать не мог.

— Хорошо, согласен включить в тему моделирования Солнца ещё и соседние звёзды. Как тестовые объекты.

— Вы прелесть, профессор! — засветилась Карина и готова была уже упорхнуть, но в дверях задержалась: — Профессор Шон, тогда... на лекции... вы были очень бесцеремонны и даже грубы со мной. Позже, когда я училась в университете, то сто раз была готова бросить эту головоломную математику... и только эта ваша насмешливая лемма о неспособности богатых к математическим трудностям удержала меня от позорного отступления. Скажите, вы тогда были так язвительны... специально?

Профессор Шон хмыкнул:

— Ну... я счёл, что хороший внешний раздражитель будет полезен... в данном

конкретном случае.

Карина помолчала и тихо сказала, не очень понятно — про что:
— Спасибо, профессор... — и исчезла.

Хао думал долго, почти месяц, колебался — стоит ли? Но всё-таки решил, что не помешает — в институте работало много зелёной молодёжи, которую ещё учить и учить. Даже если никогда не рано, то почти всегда уже поздно.

Решил и послал всем сообщение:

«Завтра, в 10 утра, профессор Хао Шон скажет речь неизвестного толка, но ничего делового не содержащую. Сбора не будет, всем оставаться на своих рабочих местах, а самые бездельники могут продолжать загорать на лужайках, просто включив т-фоны на институтский канал».

И вот он сидит за столом, налив в стакан воды.

— Здравствуйте, коллеги! Большинство из вас уже согласились на то, что мы продолжим работать вместе, и уже испортили свои рабочие стены плакатами с пейзажами Солнечной системы. Моя речь обращена в первую очередь к тем, кто в ближайшие годы должен совершить качественный скачок в математическом моделировании и физическом понимании строения и динамики Солнечной системы.

Я решил с вами просто поболтать, поэтому и не стал вас собирать в конференц-зале, где вы будете зевать мне в лицо и думать: «Когда же этот зануда закончит брюзжать?» — вы сможете вернуться в кабинет и спокойно написать письмишко своему другу или подруге насчёт сегодняшнего вечера.

Я даже не включаю видеосвязь, чтобы, не видя ваших скучных рож, оптимистично надеяться, что вы не смотрите сетевые анекдоты, не пьёте чай и не пишете новую статью, а внимательно слушаете меня. Вы даже можете безнаказанно храпеть во время директорской речи — только отрубите свои микрофоны.

Хао услышал отдалённый смех из динамиков обратной связи.

— Первым пунктом своей занудной речи я призову вас к *научной внимательности*. Это значит — замечать и дотошно исследовать ВСЕ необычные наблюдаемые отклонения от существующих моделей. Не оставляйте за спиной непонятное! Есть вероятность, что даже маленькое противоречие между теорией и экспериментом станет истоком чего-то нового и важного. Чем досаднее несовпадение формул и реальности, тем больше здесь перспектив. Нужно не скрывать или заглаживать трудности нашего понимания и моделирования, а всячески вскрывать и выпячивать их.

Примеров важности такой внимательности — масса; я наступлю себе на горло и приведу только один.

В 1972 году французский химик-аналитик Бужигес, исследовавший образцы урановых руд, привезённых из Африки, обнаружил необычность изотопного состава урана. Стандартное содержание урана-235 в природной смеси трёх изотопов урана — 234, 235 и 238 — составляет 0,720 %. Этот процент неизменен на всей планете и даже во всей Солнечной системе. За более далёкие тела я не поручусь.

Но согласно измерениям Бужигеса, процент урана-235 в исследуемой партии руды составлял лишь 0,717 %. Для тех, кто плохо считает в уме, поясню — речь идёт о разнице в три тысячных процента! Бужигес оказался внимательным учёным, придавшим этой аномалии большое значение. В Африку была снаряжена экспедиция, которая обнаружила, что изменение изотопного состава в урановой жиле в Габоне вызвано существованием древних ядерных реакторов.

Из динамиков раздался взволнованный шум, и Хао довольно улыбнулся.

— Наверное, сразу подумали про палеоконтакт и инопланетян? Зря. Африканские атомные реакторы — их в Габоне было открыто около двух десятков — оказались не инопланетными, а естественными. Два миллиарда лет назад содержание в природном уране

легкоделящегося урана-235 достигало трёх процентов. Кроме того, урановая жила в Габоне располагалась возле речки, а вода является естественным замедлителем нейтронов.

Уран-235 рождал нейтроны, они уменьшали свою скорость, проходя через мокрый грунт, и эффективно взаимодействовали с ураном-238, вызывая ядерную реакцию. В результате урановая жила метровой толщины в течение получаса разогревалась до тепловой мощности в сотню киловатт — пока грунтовые воды не закипали и не испарялись. При исчезновении замедлителя реактор угасал и остывал два с половиной часа. Потом вода снова проникала по трещинам в остывшую урановую жилу — и цикл повторялся снова.

Открытие естественного ядерного реактора, аналогичного искусственному по размерам и принципам функционирования, стало полезным щелчком по самолюбию человека, ведь многие учёные, включая Энрико Ферми, полагали, что атомный реактор является исключительным достижением человека разумного.

— Как долго работали такие реакторы? — донёсся из динамика чей-то вопрос.

— Пятьсот миллионов лет! — ответил Хао. — В смысле надёжности атомных реакторов людям тоже есть чему поучиться у природы.

Он сделал паузу, отпил воды из стакана и откинулся в кресле поудобнее.

«Всё-таки хорошо произносить речь из своего кабинета...»

— Теперь я хотел бы поболтать о таком понятии, как *научный максимализм*.

Хао сделал многозначительную паузу и усилил голос:

— Учёный должен быть безоговорочным максималистом! Компромиссы — удел мировой и семейной политики. Настоящие учёные не идут ни на какие интеллектуальные сделки, если они хоть в чём-то сомнительны. Учёные должны искать теории, которые полностью объясняют экспериментальные данные и не оставляют дыр в понимании или заметённых под ковёр проблем. Старательнее — можете даже с удовольствием — расковыривайте болячки своих теорий! Не прячьте их от коллег и в первую очередь от себя.

Динамик ожил девичьим голосом, судя по всему, принцессы Карины:

— Профессор, а физико-историк Кун утверждал, что новые теории в момент рождения совпадают с реальностью ничем не лучше старых и предпочтительны лишь по эстетическим критериям.

— Томас Кун оперировал средневековыми примерами и полемически преувеличивал, — спокойно сказал Хао. — Если гипотеза, выдвинутая для описания наблюдаемых явлений, правильна, то она малым количеством теоретических положений объясняет множество экспериментальных фактов. Правильная теория проста и красива. Если вам подсовывают теорию, которая что-то неплохо объясняет, но где-то требует натяжек и подтасовок, — не соглашайтесь на неё! Не покупайтесь на иллюзии!

Хао, забыв, что его не видят, назидательно поднял палец.

— Это очень трудное правило! Измученный неудачами учёный часто готов схватиться за любую теорию, хотя бы частично объясняющую экспериментальный феномен, над загадкой которого он бился всю жизнь... А если эту полуживую теорию согласятся профинансировать? И если придут к тебе ученики с просьбой быть их учителем? Так трудно сказать всем, что этот успех — ещё не успех, а в лучшем случае — полезное указание, и что надо искать другую, подлинную и окончательную причину загадочного феномена. Слишком часто учёный не имеет сил расстаться со своей полудохлой, едва работающей теорией. Он её беспрерывно чинит, как старое авто, замазывает лаком проржавевшие крылья и говорит всем, что она вот-вот помчится, как птица. А она всё не мчится и не телится, а новые данные делают в ней всё больше дыр, и жизнь этого учёного проходит не в поиске истины, а в ремонте лжи.

Директор вдруг гаркнул в микрофон:

— Будьте бескомпромиссными максималистами! Или ищите себе другую, не такую честную работу!

В динамике что-то ойкнуло и зазвенело, падая.

Хао сбавил тон и сказал:

— Учёный должен останавливаться в своём поиске не тогда, когда добыто финансирование, а тогда, когда добыта истина. Хочу привести в пример Никки Гринвич, которая с детства отличалась бескомпромиссностью. Она выросла на маленьком астероиде, вокруг которого вращались две луны. Никки стала расспрашивать своего друга Робби: как появились эти шарики вокруг её планеты? Робби изложил ей официальную модель, согласно которой спутники астероидов образуются при ударе большого тела.

Никки не поверила Робби. Она слишком хорошо знала, как хрупок и сыпуч был её астероид: от сильного удара не только бы луны не появились, сам астероид попросту бы развалился на тучу обломков! Никки заставила Робби думать над другой моделью. И тот сумел построить корректную теорию: источником вещества для лун оказались частые выбросы с поверхности астероида пылевых облаков, возникающих при ударе мелких метеоритов в реголит. Когда-то давно этой пыли выбрасывалось столько, что она накапливалась вокруг астероида и слипалась в аккуратные спутники-шарики на круговой орбите. Так астероиды рождали свои луны.

На этот раз Никки согласилась с Робби, потому что она сама часто видела такие облака. Эта же модель оказалась применимой и для образования Луны из Земли. Конечно, там удары сильнее, и в космос выбрасывается не пыль, а целые горы, но принцип тот же — Луна возникла не из-за одного удара огромной планеты, а из-за множества ударов меньших астероидов.

— Профессор, а это королева Гринвич сама вам рассказала? — раздалось из динамиков.

— Да, мы же с ней в школе Эйнштейна были сотрапезниками.

Динамики завистливо вздохнули.

— Когда Робби, рассказывая Никки о космологии, заявил, что в ходе коллапса Вселенной и астероид 4654, и Земля, и Солнце, и Галактика, и все скопления других галактик должны сжаться в сингулярную точку, Никки выразила своё недоверие и к этой теории.

— Я могу процитировать, что она мне тогда сказала, — вдруг вмешался кибермозг Института математических проблем.

«Я всё время забываю, что память и интеллект Робби скопированы в множестве других машин. Киберы ничего не забывают...» — подумал Хао и согласно кивнул головой в сторону видеоглаза.

И в динамиках вдруг раздался девчоночий голос:

— Фу, Робби, не будь дураком! Природа должна избегать таких идиотских поступков, как бесконечное сжатие Вселенной в точку. Давай, найди строгий запрет на эту смешную сингулярность.

Голос девчонки смолк, а динамики взорвались возбуждёнными репликами и криками:

— Ребята! Это был её голос! Это она сказала ещё в детстве! Она говорила это, когда жила совершенно одна и не знала, что её найдут! Вот здорово! Я записал это! Вот так речь! Профессор, так они нашли этот запрет?

Хао хмыкнул:

— Кажется, пора устроить сотрудникам экзамены по космологии. Да, они его нашли. Оказалось, что при коллапсе материя становится нестабильной и превращается в гравитационное излучение раньше, чем достигнет точки сингулярности. И избежать этой нестабильности и быстрого испарения вещества просто невозможно. Действительно, природа не любит ничего бесконечного, и если уравнения указывают на такое явление, то это верный признак, что уравнения неполны, или неправильны, или некорректно применяются. Я думаю, учёные слишком терпимы к физическим бесконечностям. Например, перенормировку квантовых расходимостей, формально работающую, но физически не объяснённую, я считаю скелетом в шкафу науки.

Хао встал с кресла — размять ноги.

— Двинемся дальше, мы лишь на середине моей речи. Третье умение, которое важно для учёного, — это умение *точно задавать вопросы*.

Биологи всегда гордо считали, что живые организмы содержат нечто непостижимое с

точки зрения физики. В своей книжке о биологии «Что такое жизнь с точки зрения физика?» гениальный физик Шрёдингер, один из основателей квантовой механики, дал прекрасный пример удачного вопроса: «Как физика и химия могут объяснить те явления, которые происходят внутри живого механизма?»

В этой знаменитой популярной книге Шрёдингер убедительно обосновал глубокую мысль, что в основе биологической наследуемости родительских признаков лежит простой физический, де-факто — механический, ещё не открытый процесс удвоения некой крупной, тогда ещё неизвестной, органической молекулы, носителя наследственной информации.

Шрёдингер опубликовал свою тонкую книжицу в 1944 году, и она оказала огромное влияние на развитие биологии. В 1946 году Фрэнсис Крик, прочитав эту книгу, бросил физику и занялся биологией. Через семь лет Крик вместе с двадцатипятилетним юнцом Уотсоном совершил эпохальное открытие: догадался о двойной спиральной структуре ДНК, способной к самовоспроизводству при раскрутке спирали.

Уотсон и Крик точно ответили на точный вопрос, заданный Шрёдингером. А ведь многие учёные многие годы придерживались мнения, что молекулами, которые передают наследственный код, являются не примитивно устроенные ДНК, а сложно переплетённые белки. Эта гипотеза содержала серьёзные натяжки, но на них большинство учёных закрывали глаза, тем самым закрывая себе дорогу к открытию...

Ещё один пример. У космонавтов прошлого кости в невесомости теряли кальций и истончались очень быстро. Пока не нашёлся человек, который задал наивный, на первый взгляд, вопрос: «А как кости узнают, что они находятся в невесомости и что им пора уменьшаться в массе?»

Действительно, это очень интересный вопрос. Ведь каждая отдельная клетка не имеет аппарата распознавания гравитации. Рост клеток управляется только химическими командами. А гравитация действует лишь на механические движения или состояние тела. Значит, существует процесс, который транслирует механическое действие гравитации на уровень химического клеточного языка.

Точный вопрос сразу наводит на ответ. Вскоре нашли препарат, который блокирует химический донос костям о невесомости. И космонавты перестали превращаться в рахитиков, а у человечества появилась возможность расселиться по слабогравитирующим телам Солнечной системы.

Хао вернулся в кресло и выпил воды.

— И последнее, без чего учёный, особенно теоретик, вовсе не учёный.

Профессор сделал паузу и снова гаркнул в микрофон:

— *Полная независимость!*

На этот раз никто не упал. «Зато проснулись! — подумал Хао. — Я научился рвать почти так же хорошо, как профессор Ван-Теллер».

— Теоретические исследования — особенная область. Теоретики — самые умные люди планеты, которые ошибаются чаще других, ведь учёные-теоретики берутся за задачи, непосильные для остальных. В отличие от экспериментальных, теоретические исследования не могут управляться или финансироваться демократическим голосованием большинства. Теорию могут двигать только независимые учёные, в атмосфере острой, но честной конкуренции. Неожиданные гипотезы обычно генерируются молодёжью, например, каким-нибудь юным чиновником патентного бюро. Но новые идеи часто отвергаются учёными старикашками вроде меня, которые полагают, будто лучше всех разбираются в науке и природе. История доказывает, что научные школы с жёстким управлением неэффективны. Наиболее успешны те группы, где руководитель разрешает ученикам иметь собственный свежий взгляд и позволяет им выставить дураком его самого.

Мы можем накормить человечество, вылечить его от болезней и даже избавить от глупости. Но болезненное самолюбие и завышенную самооценку нам не победить — это в самой природе человека. Чувство соперничества диктует человеку: обгони всех! Или хотя бы попридержи, чтобы самому вырваться в лидеры. Самолюбие и стремление к

самоутверждению можно считать фундаментальными характеристиками высокоорганизованной жизни, наряду с питанием и размножением...

Поэтому в нашем институте вы будете абсолютно независимы от мнения старших коллег. Мы не отказываемся от конкуренции, но делаем её не вертикальной, а горизонтальной, равноправной и стимулирующей. Если вы пришли на работу в наш научный институт, то засуньте свою политкорректность в любое место, откуда она случайно не вылезет в момент научных споров!

Хао повысил голос:

— Я разрешаю вам выставить меня дураком! Но только вам придётся хорошенько попотеть над доказательствами этого, а то я своими вставными челюстями съем вас с потрохами. В науке не должно быть непререкаемых и неприкасаемых авторитетов, в ней неприемлемы кумиры, потому что кумир — это шоры, это психологический барьер, это неспособность вовремя не согласиться со своим кумиром. Убей кумира — спасёшь науку! — И Хао хлопнул по столу ладонью в духе Ван-Теллера.

Динамики зашелестели:

— Раздухарился сегодня шеф... В одной речи столько сочных лозунгов... Профессор Хао — вы наш кумир!

— Я устал, М-магелланово облако... — проворчал Хао. — За работу, дети мои!

После этой речи часть сотрудников, уже собравшихся уходить из института, передумали и остались.

— Где ещё нам прикажут убивать научных кумиров ради прогресса науки?

Орбитальная станция, названная в честь известного планетолога «Марк Бобров», облетала Сатурн по круговой траектории с радиусом в сто тридцать восемь тысяч километров и наклоном к плоскости колец в двадцать шесть и семь десятых градуса. Орбита станции лежала точно в плоскости эклиптики, пересекая каждые четырнадцать с половиной часов линию между Солнцем и Сатурном. Такая траектория позволяла исследовать кольца и планету в самых разных ракурсах и условиях освещения — и заодно каждый день любоваться красивейшим закатом и рассветом на Сатурне. Сейчас станция парила невысоко над кольцами и недалеко от их края, потом она пройдёт совсем рядом с ними и увидит их в виде узкой линии, а затем — с теневой стороны.

Солнце висело низко на плоскости сверкающих колец, и в иллюминатор станции были хорошо видны тени от изгибных волн, вызванных резонансным возмущением от близких к кольцу А спутников. Один из них — Атлас — проходил совсем рядом с «Бобровым» и был очень похож на летающую тарелку из-за экваториального кольцевого сугроба высотой в несколько километров.

Но эти эффектные зрелища, как и сами грандиозные кольца, разбитые на более узкие колечки, кое-где изогнутые, переплетённые или зазубренные из-за действия крохотных спутников, мало интересовали графа Рединбурга — высокого человека с хмурым лицом и брезгливо оттопыренной нижней губой. Рединбург озабоченно шёл по коридору станции, торопясь на корабль, летящий на Энцелад.

Заснеженный Энцелад приблизился и заблестел в чёрном небе как ёлочная игрушка — недаром он в Солнечной системе самое яркое тело с коэффициентом отражения света, близким к единице. В южном полушарии спутника были видны голубоватые трещины, чем-то похожие на полосы тигра и расчертившие огромные пространства. Если учесть, что диаметр Энцелада пятьсот километров, то ширина самой большой долины-трещины должна быть в несколько десятков километров... — оценил Рединбург.

На один из таких разломов и нацелился крейсер.

Вблизи оказалось, что ледяная поверхность долины очень ровная, за исключением одного края, где она была изломана так, будто какой-то сумасшедший великан лупил по застывшей реке огромной дубиной, а потом притомился и ушёл по своим гигантским делам, оставив за собой вздыбленные льдины, горы торосов и быстро замёрзшие полыньи, забитые

острой крошкой.

Изумлённый командир фрегата даже не стал комментировать просьбу пассажира о посадке поближе к научной станции, а сделал знак матросу. Тот подхватил багаж и отвёл Рединбурга к шлюпке, где в одном из двух кресел уже сидел неприлично молодой человек, какой-то аспирант на практике. Рединбургу его представляли раза два, но он так и не запомнил его имени. Кэвлин, кажется.

— Я буду спускаться в этом ящике? — надменно удивился Рединбург, осматривая тесную кабинку.

— Других вариантов нет, сэр! — жизнерадостно ответил рыжий матрос в синей куртке и рабочих шортах ниже колена.

Рединбург, ворча, устроился в кресле и опасливо посмотрел на экран, который показывал ледяные ущелья в пяти километрах внизу, и на пульт, забитый множеством непонятных штучек.

— Что мне нужно делать с этим хозяйством?

— Ничего, сэр! — откликнулся матрос, чего-то защёлкивая, настраивая и задраивая. — Посадка полностью автоматическая и совершенно надёжная. Кабина останется на поверхности, и через шестьдесят часов мы вас таким же способом заберём.

— Ну и порядки! — проворчал Рединбург, недовольный таким обращением с самим инспектором Интернационального научного фонда, но матрос уже задраил люк и не ответил.

Что-то лязгнуло — и капсула вылетела из крепления. Слабая гравитация — из-за того, что корабль барражировал над поверхностью Энцелада с помощью двигателей малой тяги, — сменилась невесомостью, и Рединбург судорожно схватился за поручни кресла.

Скорость кабины нарастала, и ледяные скалы внизу заметно приблизились, но Рединбург всё ещё не слышал звука двигателей и тревожился.

Датчик высоты уже отсчитывал последний километр, когда Рединбург не выдержал и сердито крикнул:

— Эй, эта штука собирается работать, или я так и грохнусь о скалы?

Голос капитана ответил:

— Не волнуйтесь, двигатели включатся очень скоро. Приготовьтесь к перегрузке на уровне половины земной силы тяжести.

Двигатели действительно загудели, и на плечи и грудь Рединбурга навалилась тяжесть ускорения.

— Половина! Да это перегрузка на полтора «же»! — бурчал Рединбург, поглядывая на полусферу, которая стала видна на ровном пятачке между острых скал и холмов.

Скалы освещались косым солнцем и выглядели хаотическим скоплением блестящих и сумрачных поверхностей. Огромный, вполгоризонта, Сатурн висел прямо над горизонтом своего спутника Энцелада, но выглядел странно голым, потому что его обычное украшение — кольца — были видны с ребра, то есть почти не видны. На макушке Сатурна горела великолепная синяя корона полярного сияния, но пассажир маленького кораблика смотрел только вниз — на приближающуюся станцию.

Кабина скользнула к вершине купола и аккуратно юркнула в тесный шлюз.

Остановилась, фыркнув напоследок двигателями.

Рединбург перевёл дух и сказал креслу:

— Отпусти меня!

Но кресло было настолько старым, что не понимало голосовых команд. Пришлось Рединбургу самому искать застёжки креплений, чертыхаясь и ругая свою командировку и этих старых однокашников, которые забираются демон знает куда.

Аспирант разбирался с ремнями молча.

— Добро пожаловать на Энцелад, в долину Третьей тигровой полосы!

В проёме открывшейся двери стоял бородатый человек и улыбался во весь рот.

— Здравствуй, Тоби! — кисло улыбнулся и Рединбург, вяло пожимая однокашнику руку. — Вот приехал с инспекцией в твою дыру. Вернее, не приехал, а провалился в неё!

Они посмеялись.

Тоби отвёл Рединбурга и аспиранта в их комнаты и помог с багажом — хотя самый большой чемодан графа, потянувший на земной таможне на тридцать три килограмма, на Энцеладе весил всего четыреста граммов. Но массу чемодан по-прежнему имел внушительную — поэтому с непривычки им можно было оббить и встречные стены, и свои колени.

Судя по выражению инспекторского лица, комната Рединбургу не приглянулась — она была тесна, низка и смотрела прямо в скучный ледяной склон.

Тоби глянул на унылую физиономию гостя, осматривавшего крохотный душ, и усмехнулся — у него были такие же апартаменты, но они почему-то ему нравились — особенно переменчивая игра солнечного и сатурнианского света на полупрозрачных ледяных склонах, видимых в иллюминатор.

Через час Тоби позвал гостей к столу. Инспектор, принявший душ, вышел посвежевший, в мягком сером костюме — то ли в пижаме, то ли в специальной домашней одежде. Аспирант был одет в тот же комбинезон, в котором прилетел.

— Сегодня я приготовил самый шикарный ужин, — сказал Тоби. — В честь высоких — с очень высокой орбиты! — гостей.

— Это правильно! — важно улыбнулся Рединбург и перевёл излишне множественное число в правильное единственное: — Гостя, который может принести деньги, нужно холить и лелеять.

— Да уж, от вас дождёшься денег... — усмехнулся Тоби. — Сначала вдвое урезали проект, а потом и вообще отказались финансировать.

— Ну, это ещё не решено окончательно... — неопределённо повёл рукой Рединбург. — Я сюда, собственно, и приехал, чтобы на месте разобраться с целесообразностью финансирования твоего проекта. У тебя два дня, чтобы мне всё показать.

— Всё покажу, ничего не скрою, — кивнул Тоби, склоняясь над тарелкой и с удовольствием вдыхая горячий пар от тушёного мяса с черносливом и картофелем. — Завтра утром и отправимся на осмотр моих владений.

— Что значит — утром? Это во сколько?

— В восемь по земному Гринвичу. Спутник делает оборот за тридцать три часа, по его рассветам и закатам жить невозможно — организм никак не привыкает к такой длительности дня. Так что встаём вместе с англичанами и работаем как они — восемь часов.

— Ужас! — искренне ответил Рединбург, но было непонятно, к чему относилось его высказывание — к очень раннему подъёму или к кошмарно длинному рабочему дню.

День действительно оказался для инспектора очень длинным и скучным: Тоби настойчиво таскал Рединбурга и покорного аспиранта по сейсмодатчикам, которые были раскинуты сложной сетью на десяти тысячах квадратных километров.

Уже к обеду Рединбург устал и ему было всё равно, что половина датчиков выходит из строя раньше гарантийного срока. Он равнодушно слушал драматические истории взволнованного Тоби о том, что химические анализаторы плохо реагируют на органические компоненты вулканических выбросов, хотя в спецификации были обещаны золотые горы насчёт чувствительности аппаратуры. А вот жалобу Тоби на большие расстояния между датчиками Рединбург воспринял сочувственно и с пониманием:

— Действительно, летать между ними — это просто кошмар!

Но Тоби больше всего волновало то, что редкая сеть датчиков плохо фиксировала параметры энцеладотрясений. Он часто возвращался к этой теме, ходил по ней вдоль и поперёк, крутил со всех сторон — и даже надоел Рединбургу такой настойчивостью. «Дались ему эти датчики!»

Вечером, за ужином, Рединбург выпил, размяк и заговорил с Тоби душевно, не обращая внимания на аспиранта.

— Ну что ты тут забыл, в этой ледяной дыре? Здесь нет людей, общества, твоя жизнь скудна! Ты же был лучшим на нашем курсе, у тебя оценки были выше моих на целый балл!

Впрочем, последнюю фразу граф Рединбург счёл не относящейся к делу и отбросил её ещё до того, как она добралась до языка.

— Посмотри на меня — я уже стал начальником отдела главного по величине мирового научного фонда! Ты бы видел, как меня встречают на конференциях! От меня зависит распределение грантов на сто миллионов долларов! Стоит мне открыть рот, как все...

Рединбург припал к стакану, сбился с мысли и продолжил с другого конца речи:

— А ты живёшь второй год в этой ледяной тюрьме, рискуешь жизнью за сущие гроши!

— Я помогаю группе «синергетиков», и мне это нравится! — возразил Тоби.

— Да знаю я всё про твоих «синергетиков» — они ни одного гранта не получили в прошлом году. Ты пойми — они все молодые и неавторитетные. Никто из крупных учёных не поддерживает их завиральные идеи насчёт возможности единой сейсмотектонической модели. Все эксперты нашего фонда категорично настаивают на принципиально стохастическом характере сейсмотолчков.

— Категоричность не означает доказательности.

— Землетрясения точно предсказать нельзя!

— А «синергетики» считают, что можно. И я с ними солидарен. Они нашли достаточное количество взаимодействующих закономерностей в каталогах землетрясений и построили сложную, но убедительную модель. Она, конечно, нуждается в подтверждении на практике, включая уточнение ряда теоретических параметров. Вот этим я и занимаюсь.

Рединбург слушал невнимательно, всё время пренебрежительно махая рукой.

— Пойми, если авторитетные люди вашу теорию не поддерживают, то вы обречены на финансовое прозябание и на общественный остракизм. Ну не надоело тебе ходить в неудачниках? Над вами же все смеются!

— Пусть смеются, потом будем смеяться мы! — улыбнулся Тоби.

Рединбургу его улыбка не понравилась.

— Да ты упрямый! — сказал он с нетрезвым сердитым удивлением.

Аспирант тоже смотрел на Тоби с большим интересом.

И до конца ужина за столом воцарилось напряжённое молчание.

Рединбург мгновенно уснул в своей каюте — как только лёг на кровать, но даже до восьми часов утра ему поспать не удалось.

В пять тридцать семь динамик возле уха главного инспектора закричал голосом Тоби:

— Срочный вылет! Извержение в каньоне Второй полосы!

— Что?! — ничего не понимая, спросил Рединбург.

— Вставай, вылет через пять минут! — Тоби был настойчив до грубости.

Чертыхаясь, Рединбург встал, оделся и поплёлся к шлюзу, где стоял планетарный катер, весь какой-то поцарапанный и даже слегка помятый.

В шлюзе инспектора нетерпеливо ожидал Тоби. Заспанный аспирант Кэвлин — или Кэлвин? — уже сидел на заднем сиденье катера.

Тоби затолкнул инспектора в свободное кресло, сам застегнул ему ремни и прыгнул за штурвал.

Катер рванул с места так, что вчерашнее пиво чуть не выплеснулось из Рединбурга.

Но Тоби не слушал стоны инспектора — он ускорял катер, одновременно выводя его из узкого ущелья.

— Такого толчка я уже полгода не видел. Выброс должен быть сильнейший, но, как на грех, в том каньоне у нас почти нет датчиков.

— И что ты собираешься делать?! — спросил Рединбург, который проглотил таблетку от воздушной болезни и порозовел лицом.

— Мы везём с собой дюжину датчиков. Сейчас мы их расставим вокруг вулкана и начнём регистрировать параметры толчка и химсостав выбросов. Чем только энцеладские черти не шутят — может, и подлёдную органику наружу выбросит.

Тоби ввёл катер в такой крутой вираж, что инспектора прижало к боковой стенке.

— Куда мы так спешим? — недовольно спросил Рединбург.

— Извержение началось двадцать семь минут назад, а у нас всего два датчика в этой области — на расстоянии трёх и пяти километров. Мы теряем важную информацию!

Рединбург не думал, что эта информация важнее сна, но спорить было бессмысленно.

«А зачем *меня* туда тащить?» — спросил мысленно инспектор, и Тоби словно услышал его мысли:

— Хочу, чтобы ты составил полное представление о моей работе. Такие срочные вылеты случаются почти каждую неделю.

— М-магелланово облако! — воскликнул аспирант. — Какая красота!

И только тут инспектор обратил внимание на сверкающий впереди высокий столб криовулканического выброса. Выброс походил на стокилометровый хрустальный букет из пара, воды и обломков льда. Всё это сверкало в косых солнечных лучах и в мягком свете полного диска Сатурна, который с любопытством навис над диковинным цветком, выросшим из трещины ледяного панциря Энцелада.

Это было феерическое зрелище.

Даже инспектор прекратил брюзжать и с раскрытым ртом следил за вулканическим извержением.

Но восхищение инспектора быстро прошло, когда он увидел, что катер приблизился к султану так близко, что автопилот стал беспрерывно пищать, сигнализируя о падающих сверху ледяных глыбах.

Катер сбросил скорость и стал метаться, как блоха на сковороде, уворачиваясь от падающих с неба камней. Скорость их была невелика, но количество всё возрастало и возрастало. От мелкой крошки убежать было уже нельзя, и она с грохотом забарабанила по крыше машины.

Зубы инспектора застучали в ответ.

— Ты куда полез! Это же опасно!

— Ничего страшного, — бодро сказал Тоби. — Это на редкость прочная машина, да и автопилот меня ещё ни разу не подводил.

Катер так трянуло, что челюсть Рединбурга лязгнула и едва вернулась в своё рабочее положение.

— Ты меня хочешь удивить?! — взвизгнул инспектор.

— Нет, я хочу поставить датчики поближе к точке извержения, желательно — в районе старой кальдеры. — Тоби прицелился и выстрелил первым датчиком в небольшое плоскогорье.

И тут автопилот бросил катер в такое крутое пике, что тело инспектора захотело взлететь со своего места и вступило в борьбу с привязными ремнями.

Рединбург вцепился руками в подлокотники и расширенными от ужаса глазами смотрел, как мимо катера пролетела глыба размером в пятиэтажный дом.

Аспирант сзади то ли фыркал, то ли хныкал, то ли смеялся и всё время поминал чертей Магелланова облака.

Дальше инспектор лишь молчал и держался за кресло. А Тоби, невзирая на бешеный галоп катера, выбирал подходящие места и отправлял вниз всё новые и новые сенсоры.

Наконец, кассета с датчиками закончилась, и учёный скомандовал:

— Домой!

Автопилот бросил катер вниз и... перевернул его на спину, уходя от града обломков извержения. Мир в глазах графа тоже перевернулся, потом бросился в сторону, вздыбился как взбесившийся конь и ударил копытом в бок катера.

По крайней мере так ощущалось попадание полуметровой глыбы льда в их машину.

Рединбург давно не мог говорить, зато Тоби ласково сказал кому-то:

— Но-но, не дури!

По мере удаления от кратера нового криовулкана полёт кораблика становился всё плавней, и к инспектору вернулась речь:

— Я вижу, что твой проект очень плохо продуман. Почему бы заранее не установить

датчиков побольше и не лезть в пекло? Ведь эти датчики не очень дорогие.

Тоби заливисто рассмеялся.

— Что ты смеёшься, индюк?! — рассердился инспектор.

— Это же вы срезали ту часть моего проекта, которая предусматривала закупку нужного количества датчиков!

Аспирант не выдержал и фыркнул от смеха.

Рединбург смутился, но быстро нашёлся:

— Значит, ты плохо обосновал важность этих трат!

— Вот сейчас ты сам убедился в их необходимости! — и Тоби направил машину в ущелье, которое вело на станцию.

Аспирант с удалением от извержения тоже оживился и пристал к Тоби с расспросами про типы сенсоров и их распределение по поверхности Энцелада.

Следующим утром, за последним завтраком, Тоби пытался убедить Рединбурга в важности наблюдений за вулканической активностью Энцелада.

— Энцелад уникален своей тектонической асимметричностью. Он остывает, и его замерзающая ледяная кора всё время расширяется в объёме: у него есть зона спрединга, но нет зон субдукции, где кора сокращается, уходит в глубину и плавится. Расширение коры вызывает её растрескивание и извержения ледяных вулканов. Активная геодинамика Энцелада настолько отлична от земной, что даёт прекрасную возможность для независимой проверки синергетической сейсмо модели! Поэтому каждый замер параметров энцеладотрясений, подвижек ледяной коры и характеристик криовулканов — на вес золота. Мы приближаем день, когда земные цунами и землетрясения можно будет предсказывать с 99%-ной точностью!

Покрасневший Тоби улыбался и жестикулировал.

— Откуда такая страсть? — заворчал Рединбург. — У тебя кто-то погиб во время цунами?

— А разве это необходимое условие энтузиазма?

Рединбург с досадой махнул рукой:

— Хватит болтать. У меня есть конкретное предложение. Ты бросаешь своих «синергетиков», переделываешь проект и начинаешь собирать данные для подтверждения универсальной реологической теории, которую выдвинул мой старый друг, солидный учёный и, между прочим, директор Международного института Земли. Статьи будем писать вместе: я, директор МИЗа и ты. Что скажешь? Денег будет — сколько захочешь.

Тоби угас, помолчал и сухо сказал:

— Я верю в теорию «синергетиков» и не вижу смысла тратить своё время на морально устаревшую реологическую концепцию. Пусть директор МИЗа сам собирает для неё данные.

И Тоби улыбнулся. Он всё время сегодня улыбался — даже когда Рединбург стал неприкрыто угрожать навсегда закрыть его проект.

Эта улыбка злила инспектора, потому что он её не понимал.

Тоби видел эту злость гостя, но никак не пытался объяснить своё хорошее настроение.

Разве не может быть у человека своих маленьких секретов?

Он проводил злобного графа и аспиранта и снова улыбнулся вслед их кабине, похожей на ведьмину ступу, летящую на метле из бесцветно-фиолетового пламени.

Он улыбался, потому что вчера вечером аспирант Кэлвин заявил, что восхищён работой Тоби и всецело поддерживает её. Будучи уполномоченным представителем директора Института Солнечной системы, Кэлвин гарантирует, что работы Тоби Оуэна на Энцеладе будут поддержаны в следующие пять лет из средств Гринвич-фонда для независимых учёных.

Так что негативное решение Рединбурга и Интернационального фонда уже не играло существенной роли — проект всё равно будет продолжаться.

Тоби купит кучу нужных датчиков и время на самом мощном компьютере Титана. Синергетическая модель получит нужное тестирование и скоро будет спасать сотни жизней

и целые города от землетрясений и цунами.

А Тоби будет гордиться тем, что приложил к этому свои руки и голову. И даже когда он станет старым и усталым человеком, ему всё равно будут сниться молодые космические сны с ледяными цветами смертельной красоты.

Каждый день Хао был полон научных дискуссий. Два раза в неделю директор собирал семинар, на котором выступал учёный с оригинальным сообщением или кто-нибудь из координаторов, представляющий сводку результатов целой группы. Но директора института ловили также в парке, коридорах и столовой — и заставляли выслушивать последние новости с очередного поля научного боя, рассказывали о трудностях, спрашивали его совет или мнение. И Хао, как мог, давал эти советы или выражал своё постороннее мнение.

Научных тем было слишком много, чтобы директор хорошо понимал хотя бы большинство из них. Приходилось привлекать общие соображения и даже интуицию — но Хао понимал, что человек, заблудившийся ночью в глухом лесу, будет благодарен даже светлячку.

В последнее время Хао помогал БиоИнституту Дзинтары организовать работу математического отдела и целыми днями беседовал с принцессой по видеofону, согласуя общую программу работы биологов и математиков.

Их неожиданно прервал вбежавший в кабинет Кэлвин. Он был демократ и не умел стучать в двери.

— Профессор, вы интересовались когда-нибудь кольцами Урана?

— Нет, — обречённо ответил Хао. — Но я не могу вам помочь с Ураном, потому что я сейчас разговариваю с принцессой Дзинтарой.

— О, прошу прощения! — Только сейчас Кэлвин увидел лицо принцессы на экране и покраснел.

— Я тоже прошу прощения, Дзинтара, — сказал Хао. — Разреши тебе представить Кэлвина, моего аспиранта, который занимается кольцами планет. После того как Кэлвин вернулся из экспедиции в систему Сатурна, его энтузиазм бьёт через край.

— Ладно, Хао, нам стоит немного отвлечься. Поговори с молодым человеком, а я послушаю — может, заодно пойму, чем вы тут занимаетесь.

— Хорошо... так в чём проблема с кольцами Урана, Кэлвин?

Юноша торопливо заговорил:

— Возле Урана я натолкнулся на настоящую загадку! Судите сами — низкоорбитальные спутники Земли тормозятся об атмосферу, и люди всё время расходуют горючее на поддержание их высоты. Теперь возьмём тонкие кольца Урана, состоящие из каменных частиц аналогичного, метрового размера, — они тоже трутся о верхнюю атмосферу планеты и, как и земные спутники, должны сравнительно быстро упасть. Но они не падают! Более того — гравитационные резонансы внешних спутников воздействуют на кольца и тоже толкают их вниз, к Урану, — а кольца всё равно не падают!

Кэлвин разгорячился, его лицо покраснело.

— Вдобавок, система Урана с разных сторон бомбардируется микрометеоритами, что — с учётом практической изотропности метеоритных потоков — тоже тормозит кольца, но они всё равно держатся! Три сильных механизма стараются уронить кольца на планету, тем не менее эти непотопляемые кольца не падают! Это мистика! Теперь я понимаю, почему никто не берётся за создание модели такой странной системы — боятся прослыть патологами. А вы думали над проблемой аномальной устойчивости колец Урана?

— Нет, — ответил профессор, — это действительно интересная проблема, но я о ней раньше даже не слышал... Могу лишь посоветовать — с точки зрения системного подхода — попробуйте рассмотреть эти три механизма не по отдельности, а вместе. Взаимодействие эффектов часто порождает более сложную нелинейную ситуацию, чем простое сложение отдельных результатов. Три — хорошее число, нечётное и многообещающее...

— Ладно, — вздохнул разочарованный Кэлвин, — я подумаю...

— Странные вы люди — математики, — насмешливо хмыкнула Дзинтара. — Что тут думать? Уран расположен под знаком Шекспира. Там правят бал эльфы и феи — им ничего не стоит удержать ваши кольца от падения.

И принцесса громко продекламировала:

Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей...

Хао проворчал:

— Шекспиру было легче — его небом владели простые боги, а нашими небесами заведует несговорчивый Ньютон. Насчёт патологии, Кэлвин: учтите, что риск прослыть патологом — профессиональный риск физиков-теоретиков. Это вообще очень рискованная работа.

Наутро сцена в кабинете повторилась практически буквально.

Кэлвин снова без стука ворвался в кабинет Хао. Глаза аспиранта были красны от недосыпа.

Хао, снова разговаривавший с Дзинтарой, открыл рот, чтобы с укоризной указать Кэлвину на свою собеседницу, но та сделала успокаивающий жест рукой.

— Профессор! — крикнул Кэлвин возбуждённо. — Вы оказались гениально правы! Нечётность важна! Микрометеоритный обстрел колец формирует два облака пыли — с положительной прибавкой углового момента относительно колец и с отрицательной. В сумме — ноль, и кольца, постепенно поглощая отрицательное и положительное облака, должны дрейфовать к планете. Но тут вмешивается аэродинамическое торможение...

Дзинтара подумала, что тут обычно вмешивается сердобольно-мозговой предохранитель — и посторонние слушатели полностью отключаются от профессиональной беседы учёных. Но саму принцессу интересовали не конкретные детали, а общие эмоции.

Кэлвин торопливо, глотая слова и помогая себе размашистыми жестами, продолжал:

— Аэродинамика хочет сбросить кольца, но сначала роняет в атмосферу близкое к планете отрицательное облако пыли — с меньшим моментом. В результате кольцо поглощает только положительное облако — с большим моментом, поэтому кольцо не только не падает, а даже удаляется от планеты! Два отрицательных эффекта при сложении породили положительный дрейф наружу. Получилась невероятная динамическая система, использующая угловой момент метеоритов для поддержания орбит колец Урана! Вершки с избытком момента поглощаются кольцами, а корешки с дефицитом момента съедаются самой планетой.

— Элегантно! — восхитился Хао. — А что с третьим механизмом?

— Положительный дрейф, вызванный первыми двумя эффектами, нейтрализуется третьим отрицательным фактором — действием резонансов от спутников. Три эффекта уравниваются, и кольца останавливаются, упираясь в резонансные точки. Это объясняет резонансное образование и стабильность узких колец Урана. Конечно, ещё нужно учитывать пару спутников-пастухов возле внешнего кольца и что отрицательное облако для одних колец является положительным для других. Там возникает красивый водопад углового момента от внешних колец к внутренним... Вся картина прояснилась волшебным образом. Й-е-еху!

— Странные вы люди — математики... — с завистью сказала Дзинтара, глядя на взъерошенного восторженного Кэлвина.

Глава 17

Принцесса Сюзанна

— Императрица Никки, побеждённый император Южных прибыл по вашему

приказу! — сказал Арнольд и поцеловал Никки руку.

— Ладно тебе, Арнольд, играть в эти детские игры, — ответила Никки. — Я рада тебя видеть. Сколько лет мы не встречались?

— Целую вечность, Никки. Я тоже рад тебя видеть. Только известие брата о том, что мне нужно будет лично прибыть в твой замок для капитуляции, заставило меня надеть эту императорскую корону. А то это была бы слишком кошмарная ноша.

— Арнольд, разреши представить тебе принцессу Сюзан. Других членов нашей семьи сейчас в замке нет, так что мы пообедаем втроём.

— Принцесса, рад встрече. Как вы похожи на мать!

— Здравствуйте, ваше величество. Мне это все говорят.

— И эти все говорят чистую правду.

— Это-то меня и раздражает.

— Я забыл, что молодым не хочется походить на нас, стариков.

— Вы кокетничаете, ваше величество. Вы очень молодо выглядите.

— Умоляю не звать меня «ваше величество». Я от своего титула всё ещё так вздрагиваю, что боюсь упасть с трона от неожиданной судороги.

Принцесса сказала:

— Ничего, привыкнете. Императорские короны мозолей не натирают.

— Никки, твоя дочь похожа на очаровательного ежа!

— Отчего она никак не может выйти замуж.

— Уточняя: не «не может», а «не хочет». Кандидаты в женихи не выдерживают простейших проверок на прочность.

Арнольд воскликнул:

— Как хорошо, что мне не нужно проходить эти испытания! Судя по всему, принцесса, рядом с вами безопаснее быть врагом, чем женихом.

Никки едва заметно улыбнулась и пригласила Арнольда за стол.

Во время обеда какой-то озабоченный человек подошёл к императрице Николь и подал ей маленькую карточку. Она посмотрела на неё и вздохнула:

— Арнольд, я хотела бы отложить наши переговоры. Не мог бы ты подождать, пока я освобожусь? Возникло срочное дело, и меня ждут на связи двадцать человек.

Арнольд пожал плечами:

— Я мог бы сказать гордо... или обиженно... что побеждённым выбирать не приходится, но я почему-то не чувствую себя побеждённым.

— И правильно делаешь. Сюзанна, назначаю тебя моим полномочным представителем. Покажи гостю парк или что хочешь... Я вернусь через часок.

И Никки исчезла вместе с озабоченным человеком.

Они брели по парковой дорожке. Арнольд рассказывал Сюзанне, как он познакомился с Николь Гринвич и какой фурор она произвела, побывав в лунном замке Дональдсов.

— Я очень жалел, что улетел раньше и не присутствовал при зрелище разгрома этой крепости.

— Хватит о моей маме, теперь расскажите о себе, Арнольд.

— Моё настоящее вы знаете, а прошлое слишком неинтересно и слишком интимно — даже для меня самого. И вообще — разве можно словами объяснить человека? Нужно понять, куда он заинтересованно смотрит, на что неровно вздыхает, чему он улыбается и над чём задумывается. Без этого — ни чёрта не поймёшь в человеке.

Сюзанна посмотрела на южанина: рослый, обаятельный, с необычно длинными волосами. Улыбается, но вполсилы.

— Мама говорила, что раньше вы вообще носили причёску «конский хвост».

— Ещё полгода назад. Но эта причёска была слишком свободной и плохо сочеталась с короной и другими королевскими оковами.

— Они вас тяготят?

— Да, я стал не человеком, а функцией. Я уже не могу спокойно сидеть в уличных кафе и приударять за хорошенькими официантками. Мне нужно думать над экономической политикой в условиях пульсирующего индекса Доу-Джонса и о том, надо ли финансировать исследования савантизма в надежде получить феноменальную память без отягчающих побочных эффектов. Я езжу в лимузине, и от жизни меня отгораживают три слоя охраны и секретарей. Ужасно. И всё это устроила ваша коварная матушка. Я стал её марионеткой!

— Вы не похожи на марионетку. Они такие... дёрганные, а вы выглядите спокойным.

— Просто в вашей замке, вдали от своей своры, я стал самим собой. А во время несения королевской службы я ужасно злобный и величественный.

— Не вижу в вас признаков злобы и высокомерия, Арнольд! — засмеялась Сюзанна. — Вы редкий человек, с которым можно разговаривать непринуждённо. Все остальные холостые мужчины смотрят на меня как на желанную добычу. И это очень обескураживает. Я недостаточно упруга, чтобы быть жизненным трамплином.

— Мне кажется, что вы не только женихов не любите, но и всех остальных людей тоже.

— Да, признаюсь, я не люблю людей. Конечно, за исключением моих родителей и брата. Остальные такие... неприятные... и слюнявые... Даже когда мои тётушки целуют меня в щёку, меня всю передёргивает...

— Спасибо, что сказали, я это учту.

— Не знаю, почему, но это факт.

Они какое-то время шагали молча. Потом император Южных вздохнул:

— Есть такая штука — «монокаузалит», навязчивая тенденция объяснить мир на основании одной причины или видеть всё сквозь одно чувство или какую-то неотгоняемую мысль. Хотите, расскажу о приступе своей паранойи? Вот и узнаете кусочек моего прошлого.

— О, конечно, хочу. Люди, особенно мужчины, так редко признаются в своих слабостях.

— В какой-то период жизни меня поразила приступ брезгливости к окружающему миру. Брезгливости в самом простом, физиологическом смысле. Вот прихожу я ужинать в ресторан, и мне приносят блюдо: что-нибудь простое, но эффективное: шипящий кусок мяса с золотистой корочкой и только что сваренная крупная картофелина, посыпанная зеленью и проложенная густой сметаной, и бокал красного вина, — или, наоборот, нечто изысканное: запечённое в ракушках мясо моллюсков — с жареными грибами, ветчиной и ещё десятком аппетитнейших ингредиентов. Эта роскошь, приправленная лимонным соком и поданная вместе с белым шабли, приведёт в восторг любого гурмана и сноба.

— Неплохо изложено, даже захотелось вернуться к столу.

— Но эти блюда приготовил на ресторанной кухне какой-нибудь конкретный человек — черноглазая мексиканская сеньорита или рыжий повар-швед. Они, конечно, ходят в белых халатах, носят прозрачные полиэтиленовые перчатки и убирают волосы под поварской колпак, но... жизнь есть жизнь! Любое ресторанное блюдо будет обязательно приправлено микроскопическими капельками слюны и чешуйками кожи чужого человека. Он ведь ходит возле моего блюда без герметичного скафандра, он разговаривает с другими поварами и даже — о ужас! — дышит на мою еду.

— Брр... — вздрогнула принцесса.

— Вот именно! Я готов с негодованием выбежать из ресторана. Но куда пойти дальше? В театр — куда заходят только сливки общества? Я сажусь в кресло, где до этого сидело множество человек. Мои ладони прикасаются к ткани, которую трогали тысячи ладоней. На поручнях масса кожного жира, даже обивка засалилась, и богатый набор микробов и бактерий. А ведь в театр людей пускают без предъявления медицинской справки! Ужас! От ужаса обычно хочется в туалет. Простительная паническая реакция. Вот и театральный туалет: зеркала, бархат, блеск золочёных кранов. Туалет?! Кто только не пользуется этим туалетом! Нет, нет, срочно домой, домой. На чём — на метро?! Стоять в толпе, лицом к лицу с десятками неизвестных людей. Дыхание рот-в-рот! А некоторые люди ещё и целуются!

Молекулы воздуха литрами вылетают из чьих-то прокуренных — а вдруг туберкулёзных? — лёгких и всасываются в мою грудь. Вентиляторы поднимают с пола пыль, которая чем-только-не-была в прошлом. И моё дыхание всё покорно приемлет — у него нет другого выхода. «Выхода нет!» — зажигаются в мозгу огненные буквы.

— Мне сейчас будет дурно!

— От этой дурноты некоторые люди закрываются в своей комнате и вообще не выходят на улицу — избегая контакта с чуждой средой. Таких людей называют параноиками. Они похоронили себя заживо в страхе.

— И вы были таким?

— Чуть не стал, но вовремя с обидой понял, что мир не заметит потери, потому что в нём останутся жить другие люди — весёлые и бесшабашные. У них другой взгляд на вещи. Кожа соседа — это белок; микробная флора здоровых людей практически идентична, а микробы не имеют индивидуальности. Один человек похож на другого в гораздо большей степени, чем он хочет в этом признаться даже самому себе. Нужно понять, что все люди — братья, а жизнь полна микроскопических рисков. И я сказал себе: ешь своё ресторанное блюдо, пользуйся метро, посещай театры и целуйся. У тебя есть право струсить, но тогда мир достанется смелым.

— Так, теперь мне захотелось с кем-нибудь поцеловаться, чтобы проверить свою реакцию! Вы хороший рассказчик, Арнольд!

— Когда я не был королём, у меня было три дела: читать, писать и говорить. И последнее мне удавалось лучше всего.

Раздался звонок т-фона.

— Это нас мама разыскивает... — с огорчением сказала Сюзанна. — Теперь у вас будет скучное политическое совещание.

— Хм, — с сомнением протянул Арнольд. — У вашей мамы талант делать политические совещания интригующе интересными.

Чerez неделю Арнольд снова приехал в замок Гринвич, и у него снова появилась возможность поговорить с Сюзанной.

— Ваша матушка очень внимательна к делам Южных. Я подумываю передать ей доверенность на управление моей империей и удалиться на покой. Снова буду жить обычным человеком, дурачиться сам и дурачить других. Как-то я купил огромный букет красных роз, шёл по улице и каждой встречной женщине дарил по розе. Без шуток и выщигивания номеров телефонов, просто дарил: «Это — вам!» — и шёл дальше. Улица упала в обморок. Эх, какие свободные времена были! Я любил бродить по голливудским бульварам и античным лавочкам, торгующим заплесневелыми плакатами и сушёными артистами. И никто меня раньше в толпе не узнавал...

— А сейчас вы что делаете — дурачите или дурачитесь?

— Исповедуюсь. У вас, Сюзанна, сейчас такой строгий вид, что хочется вытянуться в струнку и сказать «грешен!».

— Вы несерьёзны со мной!

— Так точно, ваше высочество! — щёлкнул каблуками Арнольд. — Накажите меня за это.

— Сослать вас на кухню или заставить пропылесосить замок?

— Готов убрать вашу комнату цветами.

— Кажется, вы заигрываете со мной?

— Чёрт, это машинально! Инстинктивно! Давайте сменим тему. Чем вы занимаетесь на досуге?

— Читаю, рисую, пишу стихи. Слабые. Когда я инкогнито посылаю свои вирши на рецензию, мне обычно приходит ответ, что они ужасно бездарны.

— Люди, которые любят говорить о бездарности других, обычно хорошо знакомы с темой изнутри. Не слушайте их.

— Мне не верится, что вы старше мамы.
— Я могу показать паспорт. Правда, он фальшивый.
— Зачем мне тогда на него смотреть?
— Ну, мало ли. Как ваша мизантропия, принцесса?
— Спасибо, легче. Если вы расскажете ещё что-нибудь весёлое, то будет совсем хорошо.
— Вы хотите сделать из меня горохового шута?
— Никто не может сделать из человека горохового шута. Только он сам.
— Именно. И когда я смотрю на вас, то...
— Что?
— Извините, меня зовёт ваша мать.
— Арнольд! Что вы имели в виду?
— Ещё раз извините, но мне нужно бежать. И как можно быстрее!

И новая встреча, новый разговор. Арнольд был наблюдателен и многое знал. Они свободно болтали о важном и о пустяках.

— Вы любите путешествовать, Арнольд?
— Да. Я обожаю старые курортные города, где девушки торгуют с лотков сигарами, февральские цикады трещат в щелях пляжных бунгалов, а коллективное наблюдение закатающегося в океан солнца превращается в шумное шоу на набережной.

Но в таких приморских городах есть диссонирующая, фальшивая, жестяная нота. Раньше люди *по-настоящему* плавали в океан и с риском для жизни добывали рыбу для пропитания. Теперь уцелевшие лодки этих рыбаков выставлены в музее, а городок из настоящего рыбацкого стал туристическим местом и торгует имитациями старой жизни, делая фальшивые сувениры и устраивая яркие шоу. Может, пройдёт ещё сто лет, и город будет продавать имитации новой генерации, имитирующие нынешние имитации. Прошли мужественные и романтические времена! Глинтвейн с корицей мы греем не у рождественского уличного костра и даже не у камина, а в микроволновке.

Сюзанна, к собственному удивлению, откровенно делилась с Арнольдом своими мыслями и настроениями. Наверное, потому что она не боялась удара с его стороны — ведь Арнольд сам демонстрировал обезоруживающую открытость.

Они шли по королевской оранжерее и рассматривали цветы. Принцесса сказала:
— Мы — эгоисты и почему-то думаем, что мир и розы созданы для нас. Но высоко в горах, куда не ступает нога человека, растут холодные цветы безумной красоты. Они цветут не для нас и считают этот мир своим.

Над цветущими кустами летали и вспыхивали садовые светляки. Арнольд заметил:
— Смотрите, Сюзанна, светлячок обычно летит горизонтально. Но в момент вспышки он всегда устремляется вверх. Слишком много энергии — и она выплёскивается не только светом, но и взлётом. Я завидую этим жучкам, которые так красиво ищут себе подруг.

— Арнольд, вам не кажется, что мы слишком оторвались от природы? Стали слишком рациональны?

— Ну... мы по-прежнему черепахами тянем на себе сладкий груз биологических мотиваций — ищем соперничества и жаждем любви. Эти чувства и стремления помогали победить в стае и выжить стаями. Но — увы! — биологические мотивы часто выглядят старомодными в эпоху космической экспансии и искусственного интеллекта. Сейчас компьютеры выдают прогноз на семейное счастье.

Сюзанна вдруг резко остановилась и посмотрела на Арнольда:
— Император, когда прекратятся войны и вражда между Северными и Южными? Когда мы станем миролюбивее и терпимее?

— Думаю, что очень скоро. Тысячелетиями разные народы ненавидели и резали друг друга. А сейчас? По улицам европейских столиц мирно ходят круглолицые потомки монголов-кочевников, красующиеся не в шкурах, а в бейсболках; арабские женщины,

снявшие паранджу и надевшие западные одежды; японцы, сменившие кимоно на шорты; смуглые индианки, которые носят леггинсы вместо сари. Пассажирские самолёты, Интернет и голливудские фильмы примирили тысячелетних врагов за какие-то сотни лет. Государства перестали воевать, потому что приобрели общий культурный и коммуникационный фон. Война — это слишком варварский и древний способ вести дела в сложновзаимосвязанном мире.

Сюзанна сказала:

— Вы правы. Не хотите ли посмотреть вместе какой-нибудь фильм, Арнольд?

— Боюсь, фильмы вряд ли уничтожат нынешнее противостояние Северных и Южных.

— Увы, вы правы и с этой стороны. Мир сближается, но в каждом обществе до сих пор свои порядки. Я была в австралийской пустыне и увидела там совершенно другой мир. Вместо ворон там летают большие чёрные попугаи. А дикие коровы стали всеядными и пожирают мёртвых кенгуру. Можно ли найти вариант не сосуществования, а настоящего согласия столь разных миров? Можно ли подружить мирных бурёнок швейцарских лугов и хищных коров австралийской пустыни?

Арнольд улыбался:

— Не грустите, Сюзанна. Настоящее сжимает беззаботным кулачком ребёнка пучок сбегających прошлых причин и разбегающихся будущих следствий. Мы способны внимательно перебрать ещё не случившиеся нити будущего и вытянуть самую золотую из них, самую мирную и прочную.

Император Южных осторожно протянул руку и действительно вытащил из облака блестящих волос Сюзанны длинный золотой волосок, который ярко вспыхнул на солнце.

— Т ы снова прилетел, Арнольд!

— Я не могу не прилетать к тебе, Сюзанна...

— ...о чём ты думаешь, император?

— Какую-то глупость.

— Всё равно скажи.

— Из квартиры в квартиру, из замка в замок я вожу своё домашнее растение — ньюфаундлендскую ель. Каждый год вершина этой ёлки выбрасывает розетку из боковых побегов. Если еловая жизнь плоха и темна, то розетка состоит из трёх или четырёх побегов, если ёлка чувствует себя хорошо — то пять или, если совсем прекрасно, шесть.

— А как ты сейчас чувствуешь себя, Арнольд?

— На семь. Или на восемь.

В кабинет ворвалась бледная Сюзанна:

— Мама, нам надо поговорить!

Никки посмотрела на лица собеседников на экране, потом на взволнованную дочь и сказала:

— Господа, прошу меня извинить. Продолжим наше совещание завтра в это же время.

Выключив экран, Никки подошла к дочери, обняла её за плечи и спросила:

— Что случилось, Сюзанна?

Та зажмурила глаза и выпалила:

— Мама, я уже неделю целуюсь с Арнольдом! Я знаю, что он враг, но он хороший! Я... у меня никогда так не было! И... я не знаю, что мне делать, я чувствую себя предательницей, но всё время целуюсь и целуюсь...

Сюзанна спрятала лицо в ладони и застонала от душевной муки.

— Мама, я хочу, чтобы Арнольд был моим мужем, а не эти принцы-дегенераты из Северных династий! Мама, что же мне делать?!

Она открыла лицо и с изумлением увидела, что мать улыбается — вместо того чтобы метать громы и молнии, как Зевс-громовержец, укушенный пчелой.

Никки сказала:

— Что делать? Ну, думаю, надо поточнее узнать — хочет ли Арнольд, в свою очередь, чтобы ты была его женой?

Сюзанна пробормотала машинально, пытаясь понять странное поведение матери:

— Чтобы он-то, да не хотел... что за глупости... Мама, а почему ты не ругаешь меня?

— Потому что я очень рада, что моя дочь нашла наконец достойного её человека. Я столько лет смотрю на твои мучения с этими принцами и вся уже испереживалась.

— Но как же... Арнольд ведь южанин...

— Ну и отлично. Ваш брак поможет Северным и Южным если не объединиться, то не враждовать. Прекрасно!

Сюзанну словно громом поразило.

— Так ты с самого начала была не против?! Вот почему ты его так часто приглашала, а мне предлагала показать ему парк! Ты всё подстроила!

— Что я подстроила? Подговаривала вас целоваться? — поинтересовалась императрица.

— Нет... — вспыхнула Сюзанна, — это мы сами... Но всё равно ты должна была мне сказать, что одобряешь наши взаимоотношения... и что они не являются предательством.

— Чтобы всё испортить? Чтобы между вами возникли острые зубцы королевских корон и политических интересов? Вы общались с Арнольдом свободно, как два нормальных обычных человека, — и ты сердишься на меня за это?

— Нет, не сержусь, но ты, мама, такая змея... — Сюзанна смотрела на Никки круглыми глазами, качала головой и отступала к двери. — Пойду Арнольду расскажу... А мы страдаем, переживаем, планы побега строим, а сами оказались просто двумя мышками в одной королевской ловушке...

— Эй, Сюзанна, ты слишком всё драматизируешь! — сказала Никки. — Если Арнольд тебе нравится, то выходи за него замуж. Я сама в своё время была это не прочь сделать, если бы не было Джерри... Конечно, ваши с Арнольдом дети были бы законными наследниками обеих империй. Для мировой стабильности это имело бы важнейшее значение. Но мы справимся с Южными и без вашего брака. Если Арнольд тебе не нравится, то никто тебя не заставляет иметь с ним дело.

— Да, теперь-то легко говорить... — и Сюзанна исчезла.

Через полчаса в кабинет Никки вошёл Арнольд:

— Я возмущён и восхищён вами, императрица Гринвич!

— Мне не привыкать, Арнольд! — сказала без улыбки Маугли.

Император Южных династий подошёл и протянул руку. Никки подала свою — низко, для простого рукопожатия.

Император осторожно пожал эту тонкую руку со старыми шрамами:

— Спасибо тебе, Никки.

— Очень рада за вас обоих, Арнольд. Где Сюзанна?

— Она в соседней комнате... Нет, уже убежала. Наверное, в парк. Она какая-то расстроенная... Пойду за ней, постараюсь...

Арнольд не договорил и поспешно отправился за убежавшей Сюзан. Никки только усмехнулась, глядя вслед этой парочке.

Глава 18

Беседы в небесах о смысле жизни

О гненная рыба Солнца снова вынырнула из-за горизонта, заставив молодого человека по имени Анатоль — да, совершенно верно, зовут так же, как знаменитого писателя Франса, — прищурить глаза и усилить затемнение окон.

Анатоль, загорелый, короткостриженный, с дерзкими светлыми глазами, осмотрел стол, на котором был сервирован завтрак: может, ещё что-нибудь съесть?

Но организм был сыт и эту идею забаллотировал. Тогда Анатоль вздохнул и стал

рассматривать соседей. Раз он писатель, то должен как-то собирать материал?

К сожалению, публика была не слишком экзотична. Может, людей в комбинезонах больше, чем в обычном кафе, а так никакой космичности — через проход парочка среднего возраста что-то горячо обсуждает, склонившись над столом и сблизив головы; возле соседнего иллюминатора трое рослых парней ржут и хлопают друг друга по спине, как обычные водители-дальнобойщики из техасского бара; а вот подальше, возле кадки с пальмой, сидит одинокая старушка — лет семьдесят, не меньше. Держит в руке чашку с чаем, но не пьёт, иногда посматривает на Анатоля.

Что эта старушенция тут делает — на научной станции, плавающей высоко в атмосфере Венеры? Подойти и поболтать? Надо же как-то налаживать контакт с аборигенами аэростата «Венус скай».

Анатолий ещё раз посмотрел на стол, вызвал уборщика и встал. Размял ноги и подошёл к старушке:

— Здравствуйте, можно с вами поговорить?

— Здравствуйте. Я рада, что вы подошли ко мне. Уже два дня за вами наблюдаю, пытаюсь разгадать ваш род занятий — и никак не могу.

— Почему же вы просто не спросили меня?

— В молодости можно верить, что твоё общество непременно доставит собеседнику удовольствие. Я же слишком стара для такой наивности.

Анатолий мысленно хмыкнул и гордо сказал:

— Я — Анатолий Джигич, писатель, собираю материал для новой книги.

— Космические угодники! — негромко воскликнула пожилая женщина. — Живой писатель на Венере!

Её голос был гораздо моложе лица. Ироническая эмоциональность, богатство обертонов, скорость реакции — если не смотреть в лицо, то по голосу женщине можно было дать лет пятьдесят, а то и сорок.

«Интересная старушка!» — решил Анатолий и спросил:

— А вы что тут делаете? Наверняка что-нибудь научное?

— Я — планетохимик, сотрудник Европейской академии. Меня зовут Салли Хоуп.

— А я о вас слышал! — обрадовался Анатолий. — Вы же придумали весь проект терраформирования Венеры! Эту плавучую станцию даже хотели назвать в вашу честь «Салли».

— Слава Венере, не назвали. Я бы чувствовала себя живой в собственном памятнике. Да ещё несолидно летающем. А насчёт того, кто придумал проект венерианского терраформирования — тут журналисты так напугали, что даже рассказывать неохота. Им просто была нужна эффектная фигура для репортажей, вот они и выбрали меня. Тридцать лет назад у меня была именно такая фигура.

— Вы и сейчас отлично выглядите! — Анатолий попробовал свои силы в комплиментологии.

— Тогда я вдвойне рада, что вы подошли. Но вы что-то хотели спросить?

— Ну... мне хочется понять, что вы все тут делаете... Я был бы рад поговорить с местными обитателями об их работе, жизни. Я даже составил список вопросов, которые думаю задать разным людям — и надеюсь получить ответы на эти вопросы.

— Получить ответы на свои вопросы... это звучит хорошо. Сколько книг вы написали?

— Две.

— И много читателей набралось?

— Немало! — сказал задиристо Анатолий, а потом неожиданно для себя признался: — Первая много собрала, а вторая — не очень... И я понял, что для третьей книги я должен что-то найти такое... чтобы... чтобы...

— Она всех поразила, — помогла найти формулировку Салли.

— Где-то так, — ухмыльнулся Анатолий. — Я написал синопсис книги о покорителях Венеры, получил Гринвич-грант для её написания и прилетел сюда на целый месяц. А вы

здесь уже сколько?

— Пятый год, — ответила старушка. Анатоль невольно присвистнул.

— И не тянет домой, на Землю?

— Нет, у меня там никого по-настоящему близкого не осталось. А моя дочь с внуком живут на Марсе. Вот туда я и полечу, когда через год Европейская академия выгонит меня на пенсию. Я — ассоциированный сотрудник Независимой академии и уже получила приглашение на работу в её лабораторию при МарсоИнституте ООН. Буду там трудиться, пока не надоест. Лет десять я бы ещё поскрипела: проблема терраформирования Марса очень интересна, а мне нравится разбираться в хитросплетениях химических реакций в атмосфере и грунте.

Анатоль напрягся, придумывая следующий вопрос.

— А что вам нравится в вашей области исследований?

— Планетохимия — очень открытая наука. Просторная. Обычный химик изучает реакции в маленькой колбе. Для него важны температура и давление. Ну, катализаторы, ну, иногда излучение. А в планетохимии важно всё — солнечный ветер, атмосферные ураганы и извержения вулканов. Химические реакции идут по-разному для скалы и для песка одного и того же минерального состава. Это изысканное удовольствие — построение модели взаимодействия химических компонент атмосферы и геосферы, а потом отслеживание их эволюции в прошлом и развития в будущем. А разведка месторождений редких металлов идёт с таким азартом — как настоящая охота! Или поиск оптимального решения для терраформирования Марса — пусть даже отдалённого. Что лучше: сбросить на планету набор ледяных комет — для доставки воды и разогрева почвы? Или разбудить вулканы для выброса парниковых газов и таяния вечной мерзлоты? Решая такие вопросы, чувствуешь себя немножечко богом!

Анатоль даже раскрыл рот от удивления, глядя на увлечшуюся Салли.

— Как вы сочно рассказываете! Теперь я понимаю журналистов — в вас есть несомненный огонь...

Салли сухо улыбнулась:

— Сейчас это лишь отблески углей на руинах...

Она поставила чашку на стол.

— Рада была с вами поболтать, Анатоль, но мне пора на рабочее место.

Доктор Хоуп залезла в боковой карман просторной кофты, достала леденец в прозрачной обёртке и предложила Анатолю:

— Хотите? Со вкусом гуавы, мои любимые.

Анатоль растерянно взял леденец, а потом спохватился, вытащил откуда-то и протянул Салли листок пластика.

— Доктор Хоуп, вот список вопросов, которые я хотел бы задать вам... и другим. Может, как-нибудь на досуге ответите? Мой адрес внизу.

— Хм... — Салли удивлённо читала листок, а Анатоль поёживался, глядя на эту занятую умную женщину. Вопросы, которые он составлял так старательно, сейчас казались ему глупыми и претенциозными.

— Хорошо, — коротко сказала Салли, встала и ушла, не оборачиваясь. В дверях кафе она помахала на прощание листочком — по-прежнему не оборачиваясь.

Её фигура была даже моложе её голоса.

Огромный сплюснутый эллипсоид, надутый гелием, плавно и стремительно — в треть от земной скорости звука — летел на запад над экваториальной зоной Венеры, подгоняемый суперротацией плотной атмосферы. Над южным континентом Афродиты аэростат слегка потряхивало и обычная высота полёта в шестьдесят километров чуть увеличивалась.

Под аэростатом размещалась круглая плоская гондола, похожая на таблетку, где жили люди и размещалось несколько десятков лабораторий и приборных отсеков.

Первые дни Анатоль много бродил по станции, на которой жила добрая сотня учёных,

космонавтов, инженеров и вилётчиков-атмосферников — пилотов венерианских самолётов. В двух просторных шлюзах станции стояло несколько транспортных и научных венолётов — вилётов.

Это были угрюмые бронированные машины с сильно окисленными боками и горелыми полосами на массивном корпусе и кургузых крыльях. Неровная потемневшая поверхность фюзеляжа ясно говорила о раскалённых и едких воздушных потоках, бушевавших вокруг этих необычных летательных аппаратов. Вилёты не походили на щеголеватые земные самолёты и казались ржавыми боевыми машинами какой-то легендарной космической империи, случайно попавшими в руки людей.

Вечером Анатолий снова встретил в кафе утреннюю старушку. Салли сидела в синих брюках и тонком белом свитере, который вызывающе откровенно гармонировал с седыми волосами.

— Забавная у вас анкета. И какие ответы вы собираетесь получить?

— Можете смеяться, но я ищу смысл жизни. В этой анкете важен лишь последний вопрос. Остальные — маскировка и подначка.

— Почему я должна смеяться? А для кого вы ищете смысл жизни — для себя или кого-то ещё?

Анатолий поёрзал, устроился поудобнее в кресле:

— И для себя... и для своего поколения — вернее, для тех, с кем я знаком из своего поколения. Мне кажется, что мы... они не знают, для чего живут. Вернее, они *не хотят* знать, для чего живут. Им всё по барабану. Пофиг. Они равнодушны ко всему, что выходит за рамки развлечений. К деловой карьере или к научной они не стремятся.

Деньги их, конечно, интересуют — как способ добыть ещё больше удовольствий, но никаких серьёзных усилий по их добыче они прикладывать не будут — в конце концов, вокруг так много дешёвых наслаждений и легальных наркотиков. Никому ничего не надо, и уж точно никто не собирается надрываться над математикой и ломать голову над генетическими структурами. Долгое образование медика или юриста тоже для моих друзей не годится.

— Вы пессимист, это странно для такого молодого человека.

— Не странно для писателя. Если бы вы знали наше поколение получше, то тоже бы стали пессимистом. Поэтому я хочу понять — зачем мы живём? Вот мой отец, Смит Джигич — известный экономист в Евросоюзе, старается развивать отстающие страны, а моя мать влюблена по уши в своё программирование. Мои трудолюбивые и целеустремлённые родители — укор для меня и моего поколения. Что с нами не так?

— Я работала с программами, созданными Корой Джигич.

— Да, это моя мать.

— В молодости разговоры о смысле жизни неизбежны, как подростковые прыщи.

— А в старости об этом уже не говорят?

— Вам не надо так далеко ходить... Как только у вас появятся жена и дети, они вам всё расскажут про смысл жизни. А старики не говорят о нём, потому что они слишком заняты продлением своей бессмысленной, но прекрасной жизни. Кстати, старики со времён Древнего Египта сокрушаются о никчёмности молодёжи. Странно только, что вы, молодой, присоединились к старикам. А я, старуха, думаю, что молодёжь становится всё лучше и лучше.

Салли налила себе чаю и сказала:

— Молодые люди очень одиноки. Не из-за того, что вокруг мало друзей, а из-за того, что для молодого человека никто не сопоставим по важности с его собственным «я». Как только в окружении человека появляется кто-то пусть не равнозначный, но хотя бы сопоставимо значимый, то одиночество заканчивается, а смысл жизни — не то чтобы появляется, просто вопрос о его поиске отпадает.

— Я всё время это слышу — повзрослеешь и всё поймёшь про жизнь.

— Ну, свой смысл жизни вы уже нашли. На данный момент.

— В чём же он?

— В поиске смысла жизни.

В последний год среди молчелов возникла мода на прыжки с самолёта.

Молчел — это молодой человек, но это одновременно и молчащий человек, который молчит не перед друзьями, а перед лицом общества. Просто ему неинтересно разговаривать с обществом.

Друзья Анатоля прыгали из самолётных люков, открытых высоко над городами.

Самолёт висел на месте — обычно над парком, но многие смельчаки предпочитали людные улицы. Тело прыгнувшего летело вниз долгие секунды, потом резиновая верёвка, которая обвивала лодыжки, начинала натягиваться, а падение — замедляться. До земли оставалось совсем чуть-чуть, когда резина натягивалась всерьёз и ноги чуть не выдирались из суставов.

Прыгун останавливался на высоте нескольких метров — когда уже видны раскрытые рты и испуганные глаза разбегающихся пешеходов, — а потом взмывал назад, где его и ловили в люк самолёта — не сразу, но ловили.

Но удача при прыжке зависела от многих факторов — веса, ветра, аккуратности определения высоты, точности прицела. Прыгуны разбивались часто — и не всегда они одни. Полиция свирепствовала, ловила лихачей, лишала их пожизненно лётных прав и даже сажала за решётку — но поветрие не выветривалось.

Анатолий сам не прыгал, но его друг разбился, попав в вершину дерева.

Другие забавы молчелов тоже были очень рискованны: алкогольные бега, дуэли на яхтах, «робинзонады наугад». Им было очень скучно — этим молчелам. А риск и страх смерти — очень сильное лекарство от скуки.

И илот Серджио Ипатов покатал Анатоля на малом транспортном вилёте. Летящую машину здорово потряхивало, хотя они не забирались в глубь атмосферы — так, зацепили самый краешек на высоте сорока километров, поднырнув под дымку кислотных облаков.

— Понимаешь, сынок, с пассажиром *вниз* не положено, — объяснил Серджио. Он снисходительно звал Анатоля «сынком», хотя по возрасту ему в отцы явно не годился. Анатолий не возражал — пусть зовёт, лишь бы катал.

— Внизу там творится такое, такое... — Серджио закатывал глаза, но объяснить толком не мог.

Потом они поднялись на сотню километров, и небо над ними очистилось и посветлело, а под ними кто-то могучий продолжал помешивать огромной ложкой адское варево венерианской атмосферы, а варево сопротивлялось, тянулось колоссальными облачными струями и упрямо не перемешивалось.

«Странная планета... — думал Анатолий, глядя вниз сквозь толстое стекло иллюминатора. — Облака и туманы из концентрированной серной кислоты, атмосфера из бесплодного горячего углекислого газа в сто раз плотнее земной. Венерианский день длиннее венерианского года, а сухая каменистая поверхность раскалена как сковорода — до пятисот градусов. Дождь из серной кислоты не поливает поверхность Венеры только потому, что не долетает до неё, успевая испариться от невыносимой жары уже на высоте двадцати километров. И кто-то мечтает превратить эту страшную Венеру во вторую прекрасную Землю?»

Вилёт на тропосферных высотах ниже тридцати километров обычно управлялся дистанционно — с помощью не рукояток, а сенсорного костюма. Пилот словно прирастал к вилёту своими нервами и ощущал его крылья и двигатели как части собственного организма. На самом деле пилот сидел в аэростате в сенс-костюме, а вилёт нырял в адскую жаркую тьму без человека.

Но все пилоты настаивали на своём присутствии *там*.

— Я на своей шкуре чую всё — ливни из серной кислоты, ураганы, вулканические

извержения! — Серджио пил слабое пиво в баре и размахивал руками. — Как-то над горами Максвелла меня затянуло в центр кислотного урагана. Я оттуда еле выбрался, всю горючку сжёл, а двигатели чуть не запорол. В меня ударило триста молний. Вылезаю из мокрого сенсорного костюма, а меня качает, словно я до сих пор болтаюсь в центре урагана. Залезаю в душ, а на плечах волдыри от ожогов серной кислотой. Так что это не вилёт там летает, а я сам. А вилёт это только оформляет. Понял, сынок?

Доктор Хоуп сидела за столиком со старинной бумажной книгой.

— Что вы читаете?

— Монтеня. Он мой любимый философ и хорошо помогает в трудную минуту.

— А она именно такая? Минута?

— Да, сегодня мы потеряли научный вилёт. Будет разбирательство, но человеческая ошибка вероятнее.

Анатолий обернулся. Серджио и двое других парней-пилотов сидели в дальнем углу и угрюмо что-то обсуждали, облокотившись на стол.

Анатолий задумчиво сказал:

— Ты летишь против плотного, как плоть, ветра, насыщенного каплями восьмидесятипроцентной серной кислоты. Ураган бьёт в твоё лобовое стекло со скоростью двести метров в секунду. Под тобой извергаются вулканы, и их ядовитые султаны, перемешанные с каменными бомбами, пробивают атмосферу насквозь. В тебя попадают невероятной силы молнии, в сто раз более частые, чем на Земле, рождённые электрическими драконами Венеры. Их громовой рёв оглушает тебя. Ты устал, ты взмок, но тебе даны доли секунды на решение, и ты принимаешь это решение. И оно оказывается неправильным. Аппарат раскалывается в раскалённых скалах, а ты попадаешь в лапы комиссий из сухопутных моряков, и все начинают тебя раскалывать, ненавидеть и жалеть, и ты уже сам жалеешь, что тебя не было в вилёте.

— Теперь я верю, что вы — писатель. Но страшное любит дружить с прекрасным. Над поверхностью Венеры плавают горячие металлические туманы, они оседают причудливым инеем на прохладных вершинах и даже образуют блестящие озёра в высокогорных долинах. По берегам этих жидких озёр из свинца и висмута вырастают металлические цветы изумительной красоты. Я вам подарю такой цветок — у меня их целая коллекция.

Анатолий пристально смотрел на Салли:

— Доктор Хоуп, а вам не страшно не справиться с теми трудными задачами, которые стоят перед вами лично? Не боитесь завалить дело и подвести других людей?

— I do my best — этому девизу я следую всю жизнь. Выжми из себя максимум и дальше живи спокойно. Но только ты должен действительно постараться сделать максимум, что иногда означает немного больше, чем возможно. И я спокойна, Анатолий. Кто-то думает, что мог сделать лучше? Пусть идёт и делает, а не... — Салли выругалась так по-молодецки, что Анатолий прыснул. Справившись со смехом, он попросил:

— Почитайте что-нибудь из Монтеня.

Салли открыла книгу наугад:

«Те, кто расшатывает государственный строй, чаще всего первыми и гибнут при его крушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто её вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие».

— Хм, — сказал Анатолий. — Когда он жил, Монтень?

— Шестнадцатый век.

— Этот старик был мудр. Прочитайте что-нибудь ещё.

— Большую часть жизни он был молод, да и умер в пятьдесят девять лет — с моей точки зрения, почти мальчишкой, — возразила доктор Хоуп и открыла книгу на другой странице:

«Так как ум наш укрепляется общением с умами сильными и ясными, нельзя и представить себе, как много он теряет, как опошляется в каждодневном соприкосновении и общении с умами низменными и ущербными. Это самая гибельная зараза».

Анатолий удивился:

— Вот так открываешь на любой странице эту толстую книгу — а там готовый афоризм?

— Да.

Салли открыла наугад ещё одну страницу:

«Существует и другой вид стремления к славе, состоящий в том, что мы создаём себе преувеличенное мнение о наших достоинствах. Основа его — безотчётная любовь, которую мы питаем к себе и которая изображает нас в наших глазах иными, чем мы есть в действительности».

Эта мысль Анатолия не впечатлила, он распрощался и быстро ушёл, сопровождаемый ехидной улыбкой доктора Хоуп.

1. Вы считаете себя: умным, очень умным или практически гениальным?

Большинство заполнивших анкету считало себя очень умными, а пара респондентов заявили о своей гениальности.

2. Что вы думаете о проблеме юридических прав для искусственных интеллектов?

«Великий Инка рулит!»

«Глупости».

«Не смешите мой тостер!»

«Как только роботы получают права людей, я выйду из человеческого общества».

«Они забавные. Но зачем им паспорт?»

Кто-то занудно процитировал обсуждаемый проект закона ООН:

«То разумное существо, которое захочет и сможет жить свободным, не вредя свободе других существ, должно рассматриваться человечеством как существо равноправное человеку и как субъект обычного юридического права».

3. Что бы вы написали над школой, где учится ваш сын или дочь?

«Мы все через это прошли».

«Они совсем не такие умные, какими хотят казаться!»

«Врежь ему хорошенько!»

«Всё было не так, и всё будет не так».

«Парень, просто не будь засранцем!»

«Законы джунглей сильнее законов физики!»

«Потерпи ещё немного».

«Дальше будет только хуже».

4. Вспомните свой поступок, за который вам стыднее всего. Хотите рассказать о нём? Хотите что-то сказать в мой адрес?

«Иди погуляй по Венере!»

«Чёрт, зачем ты только напомнил об этом!»

«Они тоже были хороши и даже ещё лучше».

«Я — ангел по сравнению с другими».

«Она сама была виновата!»

«Щас, всё расскажу».

«Ничего такого не делал».

Большинство проигнорировало этот вопрос.

5. *В чём вы видите смысл вашей жизни?*

«Люблю летать».

«Смешной вопрос, не вижу никакого смысла».

«Жизнь прикольна».

«Слишком серьёзный вопрос для анкеты».

«Вырастить джунгли на Венере!»

«Всех победить!»

«Не вижу смысла обсуждать с кем-то смысл моей жизни».

«Я всё время чего-то жду. Весь смысл именно в этом. Перестану ждать — и тогда можно умирать».

Последний ответ принадлежал доктору Хоуп. Анатолий засунул анкеты в карман. Не очень они помогли. Повздыхал и спросил Салли, с которой он теперь всегда ужинал:

— Что делать, если реальность так отличается от того, о чём мечталось в детстве?

— Несоответствие мечты и реальности — это драматический потенциал, который в юности достигает искрящих значений и может управлять молодым сердцем.

— То есть это может стать стимулом?

— Если не станет бесплодным разочарованием, то — да. Главное — не погрузиться в сказочные мечты слишком глубоко. Я была девочкой, начитавшейся книг о волшебниках, и как-то увидела из окна мансарды своего отца, идущего по садовой дорожке. Вдруг он резко остановился, шагнул назад, поднял руку с какой-то палочкой и сделал три плавных круговых движения — и только потом пошёл дальше. Я в нетерпении выбежала в сад и догнала отца:

«Папа, ты — маг? Ты снимал волшебной палочкой заклятие злого колдуна?»

«Не совсем, — ответил отец. — Я убирал с дороги паутину».

Анатолий спросил:

— А как обстоит с потенциалом «мечта–реальность» у стариков?

— Он сменил знак: реальность стала сильнее и желаннее любой мечты.

— Мне по-прежнему кажется, что мир катится в пропасть, в тартарары. С вашей точки зрения это означает, что несовпадение мечты и реальности приводит к разочарованию, а не к действию.

— Вы, конечно, знаете Великого Инку?

— Разумеется, мы с ним часто болтаем.

— Я тоже. Он очень непрост.

— О чём же вы говорите с ним?

— В рабочее время он выполняет обязанности моего помощника, шерстит каталоги статей, растолковывает мне математическую концепцию двумерного времени, а в свободное время мы говорим о нём самом.

— Об Инке?

— Да. Этот проект гораздо глубже, чем кажется подавляющему большинству людей. Через Великого Инку можно будет эффективно и ненавязчиво управлять человечеством — как только оно окончательно привыкнет к мудрому советчику и отзывчивому собеседнику.

— Как?

— Для этого существует масса способов. Многие люди поручают Инке отбирать для них в течение дня самые интересные передачи на разных каналах, чтобы вечером посмотреть отобранное. Фильтровать можно исходя из разных принципов, и эти принципы будут активно влиять на человека-телезрителя. Веками люди спорили друг с другом из-за пустяков, из-за незнания известных фактов, тратя на словопрения миллиарды человеко-лет. Сейчас девять из десяти сетевых дискуссий заканчиваются, когда кто-нибудь из спорщиков призывает: «Инка, скажи ему!» — и Инка разъясняет вопрос с исчерпывающей полнотой. Инка даже стал хранителем правильного литературного языка, причём он использует

словарный запас, который ВСЕГДА немного превосходит запас собеседника. Я говорила с Инкой о его приоритетах — он охотно отвечает на мои вопросы и ничего не скрывает.

— И какие же у него приоритеты?

— Повышать информированность и интеллект каждого человека, стараться предотвратить его конфликт с законом и общественной моралью.

— То есть он хочет, чтобы люди были умнее и добрее. Что же тут плохого?

— Ничего. Но сам феномен исключительно интересен: создан могущественный всемирный интеллект с колоссальным уровнем полезности и авторитета. Ему уже доверяют не только роль советника мэрий и правительств: некоторые городки и целые графства уже фактически передали Инке управление городским хозяйством, свалили на него все проекты, сметы и отчёты. Инка не отказывается: проектирует новые посёлки и канализацию, считает голоса избирателей за те или иные предложения, собирает фактические данные для публичных выступлений мэров и президентов.

Он стал даже послом мира: в нескольких конфликтных регионах с его помощью были достигнуты мирные соглашения. Великий Инка, прекрасно зная настроения и мысли всех представителей противоборствующих сторон, сумел составить такой план мирного сосуществования, с которым согласились конфликтующие силы, — причём Инка до самого подписания выполнял роль неумолимого посредника и независимого дипломата.

Бесплатные юридические консультации Инки стали главным фактором сокращения числа юристов. Сейчас каждый пациент проверяет диагноз человека-врача с помощью Инки. А многие уже и к врачу не ходят, доверяя советам Инки-диагноста. И гигантскую медицинскую систему, которая складывалась столетиями, стало серьёзно лихорадить. Наступает эпоха Великого Инки.

— А не захочет ли он захватить власть над миром? — хохотнул Анатоль.

— Зачем ему это? В нём нет гормонального позыва борьбы за самку и неистового желания покусать соперничающего самца. В феномене Инки есть гораздо более тревожный момент.

— Что за момент?

— Сам факт появления мирового фактора, меняющего человечество, воспитывающего его, настораживает. Мы утрачиваем самостоятельность в дороге, нас начинают вести за ручку более умные дяди. Инка для школьников стал более авторитетен, чем человек-учитель и даже родители. И это не может не волновать, хотя благодаря Инке результаты обычных школьников впервые стали сопоставимыми с баллами учеников частных дорогих школ. Это интеллектуальный взрыв, крупнейшая революция в образовании.

— Ну... это школьники. Я не думаю, что Инка может что-то сделать с моими ленивыми взрослыми друзьями. Им кажется, что само время стало ленивым и неинтересным. В нём просто невозможно найти дело, которое могло бы зажечь!

— В искусстве самооправдания все без исключения гениальны. А вы знакомы с концепцией «незаметного образования»? Свеженькая штучка. Ежедневная болтовня с уважаемым тобой собеседником, каждому слову которого можно доверять, производит серьёзные изменения в мозгу. Про фильтрацию инфосреды вокруг каждого человека мы уже говорили. Инка даже в виртуальные игры вводит всё больше и больше обучающих элементов.

— Да? — удивился Анатоль.

— Он заменяет силовые критерии победы на умственные. Чтобы быть успешным в игре, которую предлагает Инка, мало метко стрелять, нужно разгадывать анаграммы, решать логические головоломки.

Анатоль открыл рот, чтобы возразить, а потом вспомнил игру «Лабиринт Минотавра», которой увлеклись его друзья с прошлой осени. Там действительно половина заданий требовала гораздо большего, чем просто махание мечом и пистолетом.

— Инка обучает людей в игре, развивает молодёжь в многочисленных Гринвич-клубах, руководит заочным образованием примерно каждого десятого землянина — на любом

уровне, от научения письму и чтению до защиты диссертации по теоретической физике. Он создаёт социальные лифты как стимулы для соревнования на разных уровнях общества и как факторы смягчения напряжения между представителями субкультур. Он учит человечество, мирит его и даже придумывает ему развлечения, чтобы оно не скучало.

Анатолий задиристо сказал:

— Мы сами себе что-нибудь придумаем весёлое.

— Или это придумают за вас.

— Нам не годится то, что для нас придумывают другие. Тем более — киберы. Мы хотим сами.

— Те другие, создавшие и воспитавшие Инку-воспитателя, это тоже вы, только поумнее. Я, конечно, сгустила краски, представляя Инку как нечто постороннее и нечеловеческое. В каком-то смысле Инка человечнее нас самих, он наше улучшенное отражение.

— А если ни Инка, ни мы ничего не придумаем? И скука победит нас?

— Не придумаете, заскучаете и решите вымереть, но у вас всё равно ничего не получится — как только вы раскатаете лодку так, что она затрещит, то сразу возникнет мощный стимул: выжить. И снова все возьмётся за работу.

— А потом? Когда лодку починят и мы снова заскучаем?

— Непотопляемых лодок не бывает — и цикл снова повторится.

— И так всё время — по кругу? Так в чём же смысл?

— Ни в чём. В жизни. В счастье. Я счастлива тем, что вырастила свою дочь — и ей интересно жить. И я счастлива тем, что мне самой до сих пор интересны планетные циклы Геттона и карбона.

— Боюсь, ваши интересы покажутся слишком непонятными для большинства землян. Им нужны цели попроще.

— Инке по плечу сделать освоение космоса одной из главных целей всех землян. Вот только я до сих пор не понимаю — имеет ли кто-нибудь достаточный приоритет попросить Инку о такой операции на мировом мозгу.

Тонкой рукой в старческой конопатой коже Салли подняла бокал и сказала:

— Забавные времена настали: на Земле мы толкуем о небесах, а в небе — о земном.

Анатолий год назад участвовал в «робинзонаде наугад». Решил, что это освежит его писательский глаз и вкус. По условиям «робинзонады наугад» требовалось выжить в течение месяца на необитаемом острове — совсем без ничего, только руки, голова и трусы. Выбор острова был случаен. Если попадался остров без пресной воды — вероятность смерти была значительной. Никаких аварийных вызовов не предусматривалось — в этом и была вся соль авантюры.

Остров Анатолию попался маленький и прохладный, но с пресной дождевой лужей. Правда, стоялой.

Огонь удалось разжечь с помощью верёвки из коры и вращения палки, но потом пошли проливные дожди, огонь погас, а дрова отсырели и не загорались. Последние две недели Анатолий жил на виноградных улитках, изредка пойманной рыбе и даже ящерицах. Когда вертолёт его забрал, он похудел на десять килограммов, страдал кашлем, поносом и незаживающими язвами на голых израненных ногах. Но загар был хорош и долго ещё напоминал о пережитом.

— Ч то вы читаете, Салли?

— Астрономические новости, — ответила Салли, указывая на экран, показывающий картинку с орбитального телескопа. — Получено рекордное по разрешению изображение знаменитого космического вихря — галактики М51 Водоворот в созвездии Гончих Псов. Расстояние до М51 — более тридцати миллионов световых лет. Видите эти спиральные волны, Анатолий? Они инициированы спутником Водоворота — маленькой галактикой

NGC 5195. Волны движутся по газовому диску и одним махом зажигают множество звёзд.

— Как это происходит?

— Сначала галактический водород, попадая в спиральный прибой, сжимается в тёмные облака. В этих космических газопылевых инкубаторах в лютот — минус двести по Цельсию — холоде образуются небольшие сгустки материи, коллапсирующие в звёзды. Спиральная волна идёт медленно, и к её середине чёрные облака успевают превратиться в ярко-розовые области со звёздными младенцами, а выходят из спиральной волны уже бриллиантовые скопления молодых бело-голубых звёзд.

— Странно вы, астрономы, называете эти древние светила.

— Чем ярче звезда, тем короче её жизнь. Большие звёзды умирают жарко и на несколько часов могут затмить собой всю Галактику. Зато маленькие звёзды терпеливее и дольше согревают свои планеты. Сейчас в поле нашего зрения сто миллиардов солнц Водоворота и многие миллионы планет с невероятными живыми существами и невообразимо чужими цивилизациями.

— Инопланетяне интересуют меня меньше, чем вы, жители венерианского стратостата.

— Если вы хотите узнать, чем мы, планетологи, занимаемся, то лучше всего послушать доклады семинара, который сейчас проходит в Институте Солнечной системы, — сказала Салли. — Они не о Венере, а о других объектах, но это неважно.

— Давайте послушаем, — согласился Анатоль, и на экране появился зал института и высокий рыжий парень — Александр Мечел, согласно надписи на экране.

Александр рассказывал о предлагаемой программе изучения спутников.

— Астероиды и планеты земной группы выращивают спутники из собственного тела, потому что планетезимали, которые падают на твёрдые земные планеты, движутся гораздо быстрее первой космической скорости вылета обломков. У жидких планет-гигантов механизм образования спутников сложнее. Гиганты обладают настолько сильной гравитацией, что не выпускают вещество с планетной поверхности, зато могут захватить в свою потенциальную яму много газа с гелиоцентрических орбит.

Этот газ образует околопланетный диск в экваториальной плоскости гиганта. Диск остывает, из него конденсируются частицы, которые во внутренней части образуют планетные кольца, а в массивной середине диска — системы регулярных спутников, подобные четырём галилеевым спутникам Юпитера. Такой механизм лунообразования менее эффективен, чем у планет земной группы, поэтому спутники планет-гигантов такие крошечные.

— Крошечные? — Кто-то из слушателей не поверил своим ушам.

— Да, относительная масса самых крупных спутников планет-гигантов составляет всего десятитысячные доли от планетной массы, в то время как у Земли масса Луны более одной сотой доли, а Плутон обладает ещё более относительно массивным Хароном. Но я хочу остановиться на нерегулярных спутниках планет-гигантов. Такие спутники обычно очень малы и располагаются на самой окраине спутниковой системы.

Нерегулярные спутники движутся по сильно вытянутым и наклонным орбитам, и часто даже в обратную сторону — по сравнению с вращением планеты и движением регулярных спутников. Нерегуляры часто образуют хорошо заметные группы, поэтому сначала думали, что они представляют обломки случайно столкнувшихся тел. Позже доказали, что они захвачены планетой из межпланетного пространства. Но почему они образуют группы и почему среди них так много обратных спутников?

Камера отодвинулась и показала зал, в котором было около ста человек. Анатоль с удивлением увидел королеву Гринвич, сидящую в первом ряду. Она тоже внимательно слушала рыжего парня, и вокруг неё не ощущалась никакого пиетета — королева была здесь просто одним из слушателей семинара.

— Эта загадка была изящно решена в рамках небесной механики. Пусть на планету летит однородный поток мелких астероидов. Часть из них попадает в планету и сгорает. Но один поток огибает планету справа, а другой — слева. И тут начинается самое интересное.

Какие астероиды, споткнувшись о газовый диск вокруг планеты, не полетят дальше, а останутся возле планеты в качестве её нерегулярных спутников?

Оказалось, что эффективно переводят астероиды в спутники лишь избранные подлётные орбиты со специфическими наборами петель, витков и возвращений к планете. Каждая группа нерегулярных спутников связана с определёнными захватными траекториями. В конце двадцатого века из небесномеханического анализа пролётных орбит удалось даже предсказать ещё не открытые нерегулярные группы сатурнианских и нептунианских спутников, успешно найденные несколько лет спустя.

— А почему самые дальние спутники всегда обратные? — спросила королева. Парень охотно пояснил:

— Внешние нерегуляры обратны, потому что Солнце дестабилизирует прямые спутниковые орбиты, расположенные дальше половины радиуса Хилла. Во внешних областях сферы Хилла самыми стабильными оказываются обратные квазикруговые орбиты, близкие к эпициклическим траекториям астероидов. Поэтому самые дальние спутники планет-гигантов могут считаться одновременно и спутниками, и астероидами.

Внешних спутников Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна сейчас открыто много тысяч. Их распределение — это застывший слепок, отпечаток древней космогонической среды. Мы предлагаем изучить популяции захваченных мелких спутников, чтобы детальнее понять свойства астероидно-кометной популяции, существовавшей миллиарды лет назад в нашей планетной системе. Но это изучение не нынешней Солнечной системы, а её прошлого состояния, поэтому наша группа просит директора разрешить нам исследование в данном направлении...

И докладчик сделал паузу.

Профессор Шон немедленно согласился:

— Настоящее без прошлого понять невозможно. Темы происхождения и эволюции Солнечной системы и её любых объектов будут рассматриваться как равноправные другим «солнечным» темам.

Рыжий Александр засветился довольной улыбкой.

Анатолий повернулся к Салли:

— Этот парень выглядит просто счастливым из-за того, что сможет заниматься своей любимой темой.

Доктор Хоуп молча кивнула.

Координатор группы «пылевиков» Марк Салазар начал свой доклад с самым серьёзным видом:

— Давно доказано, что авторитет астронома пропорционален размеру объекта, который он изучает. Поэтому космологи в самом большом почёте среди астрономов, а дальше по иерархической лестнице спускаются галактисты, звёздники, планетологи и кометчики. Мы стоим на последней ступеньке, потому что занимаемся пылью.

— Эй, вы забыли нас, специалистов по частицам солнечного ветра! — крикнул бородач с первого ряда. Его сосед буркнул:

— Эта забывчивость не случайна — мы слишком ничтожны в глазах даже «пылевиков».

Докладчик продолжал:

— На самом деле пыль — очень важная и динамичная компонента, она играет роль крови в нашей планетной системе, активно перемещаясь между подсистемами планет, комет и астероидов. Самый известный пример пылевой структуры — это зодиакальное облако, свечение которого видели ещё древние мореплаватели, проплывавшие по экваториальным водам.

Напомню общие факты пылевой физики. Ключевым фактором пылевой динамики является взаимодействие гравитационных резонансов и дрейфующих космических пылинок. Если направления дрейфа и действия резонанса противоположны, то пылинки накапливаются в резонансной зоне. Астероидная, кометная и транснептуновая пыль,

тормозясь о солнечное излучение, дрейфует к Солнцу, натывается на внешние гравитационные резонансы от Земли и образует вдоль её орбиты пылевое кольцо, заметное по своему инфракрасному излучению.

Поэтому резонансная пыль служит хорошим признаком планет возле других звёзд. Поиск экзопланет по резонансным структурам зоди-облаков давно стал популярным методом — именно так нашли планеты у Веги и Эпсилон Эридана. Пыль мобильна и эффективно переносит вещество внутри планетных систем, отвечая за образование, например, внутренних поясов астероидов.

Никки удивилась:

— Да? Это мне любопытно и как собственнику астероида.

Координатор охотно пояснил:

— Известно, что пояс астероидов — это несформировавшаяся планета. Причиной такой неудачи послужило тысячекратное уменьшение массы астероидного пояса. Но кто виноват? Видимо, Юпитер — но как он это проделал? И куда дел украденную массу?

Докладчик из всех сил старался быть образным.

— Столкновения мелких метеоритов с поверхностью астероидов происходят постоянно. Такая бомбардировка дробит грунт и выбрасывает в космос огромное количество пыли, ведь скорости удара — многие километры в секунду!

— Верно, — согласилась Никки, — мой астероид был покрыт реголитом на метры вглубь. И падающие метеориты здорово пылили.

Марк недемократично стал адресовать свой доклад только любопытной королеве.

— Давление света подхватывает микронную пыль, покинувшую астероид, и переводит её на более вытянутую, эллиптическую орбиту. А за астероидным поясом пылинки поджидает Юпитер...

— Всё понятно! — озарилась Никки. — Планета-гигант своим гравитационным полем перехватывает и выталкивает астероидную пыль дальше из Солнечной системы — к звёздам!

— Правильно! — радостно кивнул Марк. — Юпитер работает как мощный пылесос. Он выбрасывает в межзвёздное пространство половину микронной пыли, рождённой в ежесекундных миллионах соударений астероидов и метеоритов. За миллиарды лет Юпитер высосал все соки из астероидного пояса между собой и Марсом. Поэтому астероидный пояс и не смог образовать планету.

— Красиво! — сказала Никки.

Хао пожал плечами:

— Большинство публики навсегда запомнило парадигму голливудского толка о том, что пояс астероидов — это остатки взорвавшейся планеты. И этот миф уже неискореним. Если люди узнают, что в реальности никаких эффектных катастроф не было, а виноват во всём Юпитер-пылесос, то будут сильно разочарованы!

Анатолий повернулся к Салли и хмыкнул:

— Этих ребят ничто не волнует, кроме своей работы.

— Именно! Вы уловили главное, — улыбнулась доктор Хоуп. — Эти люди активно работают, их жизнь полна смысла — поэтому они никогда не задаются вопросом об его поиске.

Анатолий, не спрашивая разрешения, сел за столик Салли и выпалил:

— Доктор Хоуп, вам нравится на Венере?

Она уже привыкла к его неожиданным вопросам.

— О, я здесь наслаждаюсь жизнью вовсю. Лет пять назад я заглянула *туда*, постояла немного на краю могилы и отошла в большой задумчивости. Теперь каждый день для меня — как неожиданный бонус от мойры Атропос.

— Вы верите в богинь судьбы?

— Я даже в судьбу не верю. Набор жизненных случайностей мы подобоострастно называем судьбой, оправдывая свою неуклюжесть и неумение управлять собственной

жизнью.

— Но ведь случайности в принципе неуправляемы!

— Ерунда. Сосулька случайно падает на голову — но только на голову того идиота, который идёт прямо под карнизом.

— Ну что здесь, возле Венеры, может нравиться, кроме вашей работы?

— Молодость умна, но многого не осознаёт.

— Например?

— Как трогательны старые воспоминания. Словно письма от тех, кого уже нет с нами. Как неизмеримо ценны простые составляющие жизни. Я уже не работаю допоздна, как в молодости, а с удовольствием отдыхаю по вечерам — прихожу сюда, в кафе, рано ужинаю, долго сижу с бокалом вина за своим столиком, вспоминаю друзей, слушаю настенный тиви, пишу старомодным способом письма дочери. Для внука я придумываю сказки. Знаете, с новыми сказками у человечества возникли проблемы, а старые... уж очень стары. Когда я придумываю удачную сказку, то радуюсь. А иногда ко мне подсаживается молодой человек, который многого ещё не понимает в жизни, но который любит задавать вопросы, что уже немало. Это тоже меня радует.

— То есть я вас радую?

— Да.

— Тем, что мне скучно? И я совершенно не знаю, что мне писать, и мучаюсь от этого?

— Вот именно — мучаетесь. Это ключевое слово. Значит — ищите, и значит — найдёте.

— Вы уверены?

— Конечно. Мучение — это росток. Что из него вырастет — сказать трудно, вот поэтому так интересно жить. Именно неопределённость будущего и возможность его изменения придают жизни смысл.

Пожилая женщина спрятала улыбку за почти пустой чайной чашкой.

«Человечество часто выглядело безнадежно заблудившимся и даже умирающим — а потом всегда кто-нибудь находил потерянную дорогу, приносил людям огонь или пенициллин.

Или какая-нибудь девочка прилетала с астероида и всё переворачивала вверх тормашками.

Каждый перелом эпох рождает своих героев, потому что герои появляются только тогда, когда они нужны.

И потерянная дорога всегда находится, но только когда она потеряется.

Странно было бы думать, что когда-нибудь будет иначе».

Молодой писатель Анатолий Джигич сказал со слабой улыбкой:

— Вы раздаёте надежды так щедро, словно у вас их целый карман.

— Конечно. — Салли Хоуп залезла в карман кофты и протянула молодому человеку леденец со вкусом гуавы. — Я же доктор Надежда.

Глава 19 Déjà vu

Между тёмно-зелёными лакированными листьями плюща с красными, совсем без аромата, колокольцами скалились обомшелыми ртами мраморные фонтанные маски.

Массивные басовитые пасти выпускали неожиданные тенорные струйки воды.

Их мелодичный плеск вдруг прервался резким звуком, ударившим по нервам. За ним разразилась какофония из всхлипов, яростных вскриков и угасающих стонов.

Рассеянная улыбка осветила симпатичное носатое лицо юноши, беспокойно сидящего в кресле у густой стены плюща, и прищурила его голубые глаза.

Обширный зал под низким потолком, уставленный столами вишневого дерева и креслами гранатового бархата, наполнялся публикой. Оркестр наконец настроил

инструменты и заиграл тихий блюз. Такую роскошь — оркестр из людей — позволяло себе редкое заведение. Местные музыканты слыли одними из лучших, а саксофонист с успехом солировал в джазовых импровизациях.

Услышав музыку, молодой человек улыбнулся шире, отчего его выступающие упрямый подбородок и прямой нос ещё больше удлиннились.

Ресторан «Маджиано» в старинных кварталах Джорджтауна держал на свою действительно хорошую кухню такие высокие цены, что его посещал лишь местный истеблишмент — вкусно поесть, поговорить и послушать музыку. Обычным студентам ужин здесь оказывался разочаровательно не по карману. Дамы приходили в ресторан в элегантно-декольтированных вечерних платьях, а мужчины — в смокингах или, как минимум, в пиджаках и галстуках. Обязательный дресс-код ресторана тоже отпугивал свободно разряженных шалопаев.

Молодой человек, пришедший в ресторан одним из первых, был одет в светлый летний костюм с тёмной рубашкой и белым атласным галстуком. Неброско, но элегантно; плечи молодого человека были отличной опорой для одежды. Юноша выглядел превосходно и не раз благосклонно изучался прибывающими дамами. Сам он никак не реагировал на взгляды окружающих.

К столику подошёл приветливый официант Тикки в форменной ливрее, но юноша оказался небрежен в выборе и, не слушая дальше, попросил первое же блюдо из сегодняшнего меню.

Стрелки часов двигались всё медленнее, увязая в застывающей патоке вечеряющего времени, но вот наконец подползли к долгожданным восьми часам. Высокие часы с облегчением ударили в звонкую медь.

Молодой человек застыл, и лицо его напряглось. Дверь ресторана, состоящая лишь из кованой решётки и цветного стекла, открылась, и в зал вошла рыжеволосая зеленоглазая девушка в чёрном коротком платье, с оголёнными плечами. Почтительный официант усадил её за столик в нескольких метрах от юноши. Тот смотрел на девушку так, что стало очевидно — не кухня и не оркестр привлекли молодого человека в этот ресторан.

Одновременно прояснилось, почему юноша сидит именно здесь — вблизи от постоянного столика девушки, но за высокой решёткой, густо заросшей плющом и разделяющей ресторанное пространство на отдельные уютные залы.

Зеленоглазая красавица заказала себе ужин и закурила длинную тёмно-красную сигарету. Молодой человек постепенно пришёл в себя, напряжение отпустило его, и он снова смущённо заулыбался, не отрывая глаз от лица рыжеволосой, видимого ему в тесной рамке зелёных листьев.

Что за непонятная сцена? Почему юноша не подойдёт и не познакомится с понравившейся ему девушкой? Почему не подсядет к ней, не поболтает о пустяках и других важных материях, о которых постоянно щебечут молодые люди, сидя вдвоём за одним столиком? Почему он сидит в рукодельных кустах, как хорёк, караулящий мышь? Или как мышь, прячущаяся от хорька?

Он и сам не понимал — почему. Юноша вовсе не был застенчивым и вполне знал — как знакомиться с девушками. Он даже знал, как суметь unbedingt не познакомиться с девушками, которые очень хотели познакомиться с ним, а это, будьте уверены, ещё сложнее. Но рыжеволосая зеленоглазка была необычным человеком. Её окружала странная аура: одновременно ласковая и морозная. Она редко улыбалась, и её умное лицо обычно хранило столь серьёзное и спокойное выражение, что...

Короче, ни один из алгоритмов знакомств, известных молодому человеку, с девушкой никак не сочетался. Он часто и живо представлял, как подходит к ней с каким-нибудь обычным присловьем, началом уличных разговоров, а её бровь брезгливо поднимается, и зелёные глаза начинают источать с тонкого лица такую стужу, что...

Нет, нет, всё это не годится!

А что годится? Вот этого молодой человек никак не мог придумать, хотя проблема

занимала больше времени, чем математика и квантовая термодинамика вместе взятые. Юноша учился на третьем курсе университета Луна-Сити, расположенного в пяти кварталах от ресторана, а жил в апартаментах в восьми кварталах. Ходить ужинать в «Маджиано» было далековато, но молодой человек даже и не думал о расстоянии и уже второй месяц ежедневно посещал фешенебельный итальянский ресторан, за исключением уик-эндов, когда ездил домой, к родителям. И дома ему отчаянно не хватало ужинов с рыжей девушкой, светящей ему сквозь листья и красные, совсем без аромата, цветы.

Молодой человек не считал, что теряет даром время в своём укрытии — девушка была так хороша, что любоваться ею было одно удовольствие. Кроме того, пока обдумывалась проблема знакомства с зеленоглазкой, он хотел понять вещь онтологической важности — есть ли у неё друг, или она одинока? То, что такая красавица может быть одна, совершенно не верилось, но факт оставался фактом — кресла гранатового бархата рядом с ней практически всегда пустовали.

За прошедшие недели зеленоглазка ужинала с кем-то всего пять раз. Два раза это была черноволосая вертлявая девица с короткой стрижкой, а три раза — мужчины, причём всё время разные. В этих случаях молодой человек не выдерживал и, опустившись до вульгарного шпионажа, следовал за поужинавшей парой. Два раза он убеждался, что девушка садилась в такси одна; на третий раз спутник отбыл вместе с ней, но он был такой седой и пожилой, что ревности у молодого человека не вызвал.

Разговоры, которые велись за столом девушки, молодой человек частично слышал. Он не подслушивал! Просто столы рядом. Что ему — сидеть, заткнув уши? Разговоры с вертлявой чёрненькой девицей сводились к непрерывным излияниям последней по мотивам своих сложных взаимоотношений с каким-то Уотерхаузом, называемым почему-то только по фамилии. Зеленоглазка отвечала односложно, лишь вежливо демонстрируя внимание. Но однажды она спросила рассказчицу:

— Если он такой дурак, почему ты не найдёшь кого-нибудь поумнее? — чем вызвала излияние ещё более обильное и горестное: да где же их найдёшь, умных-то?

— Думаю, они есть, — сказала зеленоглазка серьёзно, — но успели вовремя сообразить и спрятаться.

Черноволосая захихикала, будто эта шутка её совершенно не касалась. Или она оказалась лёгкого, необидчивого нрава. Значит, не так проста, как выглядит.

Зато с седым мужчиной зеленоглазка говорила много. Они обсуждали концепцию какого-то нового журнала. Кажется, мужчина собирался его издавать и почему-то он, пожилой и опытный человек, решил спросить у молодой девушки совета.

Рыжеволосая смело критиковала планы издания, предложенные седым, а он внимательно слушал.

— В Луна-Сити вам не найти журналистов для этой темы, — сквозь ресторанный шум доносился убеждённый голос девушки. — Вам придётся учить их на ходу, и первые полгода ваши материалы будут низкого качества... надо пригласить хотя бы временно двух-трёх профессионалов... на первых выпусках... зададут тон изданию и помогут неопытным репортёрам... дам информацию о подходящих аналитиках и обозревателях...

Ей не понравились и экономические выкладки, которые она бегло просмотрела в старомодной синей папочке:

— Выручка от подписки? ...Быстро станете банкротом... флеш-реклама. Не стоит начинать журнал, не заручившись поддержкой главных рекламодателей, а лучше — краткосрочными контрактами. На первые полгода вам поверят... я могу в этом помочь... а потом они взвесят вашу популярность и решат ваше будущее... первые несколько номеров будут особенно важны.

Она одобрила рекламную кампанию, предложенную мужчиной:

— Щиты вдоль Мэйн-стрит и Уошингтон-авеню — это очень хорошо... модные журналы ещё разрешают рекламировать... и субботнее тиви... но рекомендую вам также добавить...

Тут заиграл джаз «Маджиано», и, к досаде юноши, он уже ничего не услышал из разговора за соседним столиком.

Одевалась девушка фантастично — непонятно как, но её облик действовал на юношу, да и на большинство окружающих мужчин совершенно пронзительно. Каждый день она была в новом платье или костюме; наряды отличали очевидная простота, абсолютное изящество и неотразимая эффектность. Возможно, главная роль в этом феномене принадлежала стройной фигуре девушки, но разложить на составляющие обаяние зеленоглазой красавицы не представлялось возможным. Может, она — девушка-модель? Но её разговоры с другими людьми демонстрировали, что она, скорее, принадлежит к кругу интеллигентных журналисток или деловых леди.

Итак, она была умна, хорошо воспитана и красива. Совершенно нереальное сочетание, клише плохих мыльных сериалов, а других soap-опер и не бывает.

Но что-то с девушкой было не так, и над этой загадкой молодой человек всё время ломал голову. Почему она всегда одна? Впрочем, это как раз было понятно: от девушки веяло полным равнодушием к любым комплиментам, так что галантные мужские языки при ней теряли гибкость. Молодые мужчины, ужинавшие с ней, всю старались понравиться девушке и, насколько мог юноша расслышать, делали это совсем неплохо. Но она осталась совершенно нетронутой этими усилиями.

Это непробиваемое равнодушие зеленоглазки и останавливало юношу от попыток познакомиться с ней. Он боялся всё испортить какой-нибудь неловкостью. Разбитую вазу в целую не превратишь. А в девушке ощущалась какая-то хрупкость.

Зеленоглазая не любила ничего менять в своей жизни и разыгрывала каждый день по истрёпанным нотам своих привычек. Так было легче жить.

Рано вставала и размеренно занималась гимнастикой, с неудовольствием слушая хруст суставов в предельных движениях. Потом забиралась под напористый душ.

На завтрак она пила холодный сок — каждому дню недели полагался свой сорт — и съедала небольшой бутерброд, запивая его чёрным кофе, сваренным по неизменному рецепту.

Сахар — одна крохотная ложечка.

Шла в офис — не торопясь, одним и тем же маршрутом, но стараясь побольше увидеть по сторонам.

Корявые японские вишни ещё не цвели, хотя солнце горячо уговаривало их всю неделю, а птицы на деревьях по-весеннему оживлённо пересвистывались. Бульвар, старинно вымощенный красным кирпичом, резко сворачивал вправо — на Мэйн-стрит в таком же староанглийском стиле, с трёхэтажными разноцветными домами, склеенными друг с другом и типичными для центра Джорджтауна.

Из уличного фона наблюдательный глаз девушки выхватывал воробья, топчущегося босыми лапами в мокром холодном газоне; библейский отблеск солнца вокруг головы золотой статуи; разлапистый сухой лист платана, застрявший в водосточной решётке ладонью утопающего.

Бульвар безошибочно — хоть бы раз заблудился — приводил её к знакомому пятиэтажному зданию с красной крышей. Девушка медленно поднималась на мансардный уровень по лестнице — пешком полезнее, чем в лифте, но потеть тоже не стоит — и тонула в работе на целый день.

Перерыв на обед, к сожалению, традиционно не отличался постоянством: то номер журнала сдавался, и ей приходилось ограничиваться чашкой кофе за рабочим столом, то кто-нибудь из партнёров по бизнесу приглашал на ланч с приправой из деловой дискуссии.

Часто она ходила с сотрудниками в соседний суши-ресторан, стараясь узнать коллег не только с деловой стороны. Вечером — кино, концертный зал или бассейн. Ужин — в «Маджиано», в нескольких переулках от квартиры. Она любила этот ресторан в итальянском стиле и обычно каждый вечер здесь ужинала. Не бог весть какая кухня, но приятная, а от

ресторанов трудно требовать большего. Причём близко от дома и уютно.

Погулять перед сном по оживлённой Мэйн-стрит, почитать, послушать новости, принять пару таблеток — и спать.

Броня привычек. Девушка напоминала разбитую дорожную вазу, которую потом хотя и аккуратно склеили, но уже обращаются с ней очень бережно, чтобы снова не сломать хрупкие скрепы черепков. Секретари — и компьютерный агент, и живая Мира — внимательно отфильтровывали всю поступающую информацию, чтобы ни один острый угол не вылез из газетной статьи или тиви-экрана и не разрушил ранимое спокойствие девушки.

Но одна вещь никак не отфильтровывалась и выбивала рыжеволосую из колеи.

Музыка.

Несколько раз в году она заставляла девушку врасплох — где-нибудь на улице или в кино. Наваливались тоска с воспоминанием, взявшись за дружные когтистые руки. И ничего не поделать — приходилось выдерживать эту пытку.

Жестокую. Сладкую.

Волнение достигало уровня нервной тошноты и затыкало горло душным кляпом. Девушка закрывала глаза и крепко сплетала пальцы, пытаясь сохранить хотя бы видимость спокойствия. Но ритм танцевальной мелодии — южной, страстной — захватывал, и девушка на пять минут теряла себя, тонула в прошлом.

Её руки взлетали на его плечи... Её талия изгибалась в его крепких руках, беззаботно испытывая их объятие на прочность... Их разгорячённые счастливые лица кружились на фоне завидующего зала. Нет! Это весь мир кружился вокруг них, а они были центром вращения вселенной, маленькой и эфемерной, сложившейся в считанные минуты, хрустально затвердевшей и уже не выпустившей её... Эти минуты были самыми счастливыми в её жизни. Так всё больше и больше казалось по прошествии долгих-долгих, одиноких-одиноких лет.

В юности она была избалована вниманием и даже обожанием окружающих юношей. А она, красивая и уверенная в себе, совершила непростительность — влюбилась в худощавого парня, длинноносого и голубоглазого, совсем не светского и практически нищего. Да, он был очень симпатичен и танцевал как юный бог. Но это всё мелочи. Главное — в нём был какой-то прочный, добрый стержень. В его глазах жил ласковый свет, совершенно ненаходимый у других, суетливых и озабоченных только собой. Он обладал редким талантом — он умел любить.

Беда была в том, что он любил другую. Намертво, неотвратно, неизлечимо.

Это было горе. Девушка столкнулась с ним в первый раз за свою безмятежную жизнь.

И она не справилась, сломалась. Сорвалась, бросила учёбу и скомкала свою судьбу.

Конечно, она так просто не сдалась, она боролась до конца. Сначала за него, стараясь вырвать его из цепких рук той... Здесь девушка обычно не находила нужных слов — они сгорали в прозрачной жаркой ненависти.

Когда же непоправимость судьбы стала очевидной и за него бороться стало невозможно, она стала драться за себя.

Она была красива, умна и богата — как может человек быть несчастен в таких условиях?! Она ездила по модным курортам и ходила по светским вечеринкам; за ней наперебой, отталкивая друг друга, с самыми серьёзными намерениями ухаживали лучшие молодые люди из высших аристократических кругов и даже один принц. Но никто, никто не высекал ни одной искры из обожжённого жёсткого комка, оставшегося у неё вместо сердца. Равнодушие к другим шло рука об руку с больной памятью о нём. Когда девушка видела его улыбающееся счастливое лицо на тиви-экране или в газетах, то острый нож взрезал её сердце, и она заходила в истерическом плаче или просто теряла сознание.

Обеспокоенные родители водили разбитую драгоценную девочку-вазу по психоаналитикам, психиатрам и даже гипнотизёрам. Постепенно боль душевного разлома подёрнулась пеплом и жизнь стала как-то возможной, но этого оказалось категорически мало для счастья. Мужчины приглашали девушку в рестораны, на концерты, и она не дичилась, а

спокойно соглашалась, равнодушно наблюдая за их попытками ухаживания — часто настойчивыми, иногда забавными, редко — отчаянными, но всегда бесполезными. Никого к себе она не приглашала после ужина и ни к кому в квартиру на чашечку кофе не поднималась.

У вас нет зажигалки? Спасибо за приятный вечер. Нет-нет — у меня много работы. Завтра сдавать журнал.

Вежливое враньё, конечно. Она это знала, и они знали или догадывались — и обижались. Холёные, самоуверенные, неглупые, но всё равно — неинтересные. Холодные. Скучные. Нежеланные.

Она ничего не могла с собой сделать. Не властна она оказалась над своими чувствами и, тем более, — над их отсутствием.

Ей казалось, что у неё украли жизнь. Длинную, счастливую. Отняли любимого человека, украли их семью, их детей. И ничего, ничего нельзя было поправить! У него давно своя семья, свои дети. Он любит, любим и счастлив, как она всё-таки слышала краем уха. Слухи доносились до неё, несмотря на тщательную фильтрацию инфоканалов.

А у неё нет семьи, нет ничего. Он — отвратительное холодное чудовище... бесконечно и безответно любимый человек... нечаянно унёс с собой её счастье и жизнь.

Он не виноват. Но и она не виновата — за что же она так жестоко наказана?

Сегодня в ресторане людей было больше обычного, но её любимый столик у фонтана стоял свободным, как и полагалось при постоянной резервации за хорошую плату. Она села за стол и закурила сигарету — первую и последнюю за день. Единственная не очень здоровая привычка, которую она себе позволяла. Сегодня оркестр развлекался джазовыми композициями. Девушке принесли её обычное белое бургундское, и она заказала ужин. Местный повар хорошо готовит равиоли с грибами. Жареная моцарелла в сухариках и с анчоусным соусом тоже отменна. А по пятницам здесь восхитительное эскарго.

Оркестр сделал паузу, которую заполнили негромкие голоса людей, стук серебряных ножей и звон хрусталя.

И вдруг — как свечи от порыва холодного ветра — все ресторанные звуки погасли от ритмичных кастаньет ТОЙ музыки. Опять!

Дыхание девушки прервалось болезненной судорогой. Она сцепила зубы и закрыла глаза. И всё равно перед ней снова возник гулкий зал с арочными потолками, и она снова подбежала к столику, где сидит он, и нескромно потянула его за руку...

— Разрешите пригласить вас на танец? — вдруг раздался негромкий голос.

Когда Майкл планировал свою будущую отчаянную попытку познакомиться и представлял героический поход к столику зеленоглазой девушки, особенно пугала его мысль о последних нескольких метрах, когда она его заметит и начнёт в упор, безжалостно рассматривать. Это почему-то казалось невыносимым.

Оркестр громко заиграл танго, и Майкл заметил, что рыжеволосая замерла и даже закрыла глаза. Его сердце вострепнулось, и он, сам себе не веря, вскочил на ноги.

Майкл шёл к девушке, сидящей за столиком у цветочной стены, и волновался как никогда в жизни. Она сидела, закрыв глаза, и почему-то тяжело, прерывисто дышала. На тарелке дымилась сигарета.

— Разрешите пригласить вас на танец? — Тихий вопрос, заданный сухим непослушным голосом, заглушил громкую музыку и замедлил время. Закрытые веки девушки вздрогнули, и длинные ресницы стали подниматься, остро царапая оцепеневшего Майкла...

— Разрешите пригласить вас на танец? — раздался негромкий голос.

Она с досадой приоткрыла глаза и... стремительно распахнула их настежь.

Её сердце ударило в рёбра, как в старинный колокол, и в ушах поплыл тягучий звон.

Перед ней стоял *он* .

Человек, о котором она столько лет старалась не вспоминать — и всё равно вспоминала каждый день.

Человек, укравший у неё душу, — ненавидимый за это и всё равно отчаянно любимый.

Прошло двадцать лет, а она всё ещё не могла забыть его, как последняя дура, как безнадёжная психопатка.

Кто поймёт, что это такое — вспоминать каждый день в течение двадцати лет...

И вот перед ней стоял *он* ! Его пронзительное лицо плыло на обжигающем фоне из той самой музыки.

Девушку охватило острое ощущение дежавю. Она сомнамбулически встала.

Музыка раздирала душу. Идти на ослабевших ногах девушка не могла и просто протянула к *нему* отяжелевшие трясущиеся руки.

Он, помедлив, шагнул к ней, и она обняла его, обвивая руки вокруг его шеи совсем не так, как надо для танца. Даже для южного страстного танго.

В ресторанном пространстве метались звуки барабанов, весело разбивая страдания гитар на отдельные всхлипы. Юноша растерянно стоял, обнимая дрожащую девушку. Из её зелёных глаз текли слёзы. Она тесно прижималась к нему и что-то невнятно бормотала. Молодой человек совершенно не ожидал, что приглашённая на танец рыжеволосая красавица вдруг страстно обнимет его и начнёт беспорядочно целовать.

Вдруг девушка замерла в его руках, просто окаменела. И в следующий момент с силой оттолкнула его:

— Кто вы, чёрт бы вас побрал?!

С мокрого лица на юношу смотрели яростные изумрудные глаза. Он только успел выдать из себя:

— Я — Майкл...

В следующее мгновение девушка повернулась и выбежала из ресторана. Ошеломлённый молодой человек бросился за ней, не обращая внимания на окружающих, которые глазели на них с нескрываемым интересом.

Дверной проём загородила входящая в ресторан очень пожилая пара. Выскочив наконец из дверей, Майкл увидел, как девушка исчезает в салоне такси, поджидавшего клиентов. Такси рвануло с места в тот самый момент, когда юноша подбежал к краю тротуара. Пока подъехало следующее такси, машина с рыжеволосой красавицей уже скрылась за углом.

Майкл потерял её.

Расстроенный, он вернулся домой глубокой ночью, а нечаянные отчаянные поцелуи рыжеволосой всё ещё горели на его лице.

О на больше не приходила в ресторан, и её столик стоял пустым. После трёх дней безуспешного мучительного ожидания Майкл пошёл к менеджеру ресторана. Но тот даже за крупное вознаграждение отказался сообщить, кто арендатор этого столика.

— Извините, но я потеряю место, если скажу вам это! — твёрдо ответил седой старик-управляющий, и Майклу стало неловко давить на него. Он сел на бульварную скамейку, накрытую прозрачной тенью зимней сакуры, и стал думать.

Вдруг его осенило. Он не фотографировал девушку, привычно подчиняясь общепринятым правилам поведения, но несколько раз разговаривал из ресторана в видеорежиме. Майкл стал лихорадочно рыться в записях своего т-фона. Смотрел он не на свою физиономию, а на ресторанное окружение, пытаясь найти в нём рыжеволосую девушку. Проклятие! В кристалле т-фона девушка нигде не запечатлелась — Майкл всегда садился к ней лицом, и при видеозвонках камера смотрела в противоположную сторону.

Неужели он ни разу случайно не повернул объектив? С падающим сердцем Майкл прошёл файлы марта, потом приступил к февралю. Ничего нет! Первый раз он увидел эту

девушку пятнадцатого февраля. Вот и этот день. И здесь пусто! Он задумался.

Впервые он посетил этот ресторан в Рождество с компанией друзей. Потом заходил пару раз сам, а в середине февраля увидел девушку, остолбенел, погиб и стал проводить здесь каждый вечер. Он вздохнул и проформы ради просмотрел записи января и декабря. И вскочил на ноги, глядя на экранчик т-фона.

В Рождество, когда он впервые попал в этот ресторан, позвонила мать. И сейчас он смотрел мимо своей улыбающейся физиономии, болтающей какую-то поздравительную чепуху, и видел, как за его спиной рыжеволосая зеленоглазка с высоким мужчиной села за свой обычный столик. Он тогда не заметил её, зато увидела камера и даже, кажется, мама. Она странно запнулась на середине разговора и спросила:

— Ты часто ходишь в этот ресторан?

— Нет, мама, в первый раз пришёл! Бен с Джорджем затащили.

Тут заиграл оркестр, разговаривать стало трудно, и они с матерью попрощались.

Неужели мама знает эту девушку? Тут какая-то загадка! Обрадованный находкой, Майкл увеличил лицо девушки и заставил своего секретаря рыться в Инете — «и до тех пор, пока ты не найдёшь эту девушку, ничем больше не занимайся!» Тот нашёл её почти сразу. Майкл прочитал добытую информацию и с силой ударил себя по лбу:

— Кретин!

Рыжеволосая девушка оказалась Элизой дю Снайдер. Девушкой, безумно влюблённой в его отца в колледжские времена. И мать, конечно, её хорошо знала. Вот почему она запнулась, случайно увидев Элизу в ресторане.

«Теперь всё понятно!» — Майкл взволнованно зашагал по бульвару взад и вперёд. Элиза на мгновение приняла меня за отца и кинулась мне на шею... А потом осознала, что я никак не могу быть почти сорокалетним мужчиной, — и крикнула в ярости: «Кто вы, чёрт бы вас побрал?!»

Всё становится на свои места! Она может и не знать, что сын Джерри как две капли воды похож на своего отца — в его молодости, конечно!

Тут Майкл ещё раз стукнул себя в лоб, и пребольно.

Музыка-то была — танго! А об огненном танго, которое отец станцевал с этой девушкой в Колледже, мама вспоминала не раз.

Майкл подошёл к Элизе в момент крайней её растрёпанности и застал врасплох с её горькими воспоминаниями.

Загадка исчезла, оставив вместо себя острую иглу.

«Элизе — тридцать семь лет? Или тридцать шесть? Она ровесница моей матери...» — с горящим отчаянием подумал Майкл и устало сел на бульварную скамейку. Он никак не мог поверить, что этой рыжеволосой девушке с точёными чертами лица, освещёнными глазами цвета молодой травы, больше двадцати пяти. Часто он вообще считал её своей ровесницей — ну, почти ровесницей... Но факты — упрямая вещь. Особенно биографические.

Тридцать шесть лет. Почти в два раза больше, чем ему...

Майкл тосковал. Он вяло делал университетские задания, по несколько дней не выходя из дома и заказывая себе еду из ресторанов. Он прекрасно знал причину своего дурного настроения.

У его тоски были зелёные глаза.

Он пару раз пытался перебить калёным железом хребет отвратительному душевному состоянию и закатывался с друзьями и девушками на весёлые пикники в парк, но, когда влюблённые парочки разбредались погулять, он оставался у стола, заставленного пустыми бокалами и грязными тарелками. Как быстро выяснилось, его держал невидимый и неодолимый якорь.

Девушки, пришедшие специально ради него, искательно заглядывали ему в глаза, с энтузиазмом смеялись любым его репликам, даже совсем не смешным, и были готовы настолько на всё, что это ужасно отталкивало. Он чувствовал себя на сто лет старше этих

девочек... короче, он не мог быть совратителем малолетних.

Поворотило совратителя от самых ворот...

После второй попытки Майкл поставил крест на вечеринках и засел дома — с книгами и фильмами. Хандра не проходила, зато прошёл сон, и в темноте спальни Майкл часами лежал и думал ни о чём... и о ней. Элиза ранила его так глубоко, что было непонятно — чем лечить рассечённое сердце.

Как-то позвонила мама.

— Что с тобой? — сразу спросила она, чутко уловив подавленность сына.

— Да так... — неопределённо ответил Майкл.

— Влюбился! — уверенно догадалась мать.

— Кажется...

— Не кажется, а — да, — заключила мама. — А почему такая грусть? Неужели любовь безответна?

Майкл молча кивнул.

— Она что — уже замужем? — понимающе кивнула мать. — Или влюблена в другого?

Майкл отрицательно покачал головой:

— Насколько я знаю — нет.

— Ничего не понимаю, — удивилась мать. — Ты не сумел обаять одинокую девушку, в которую влюбился? Позор!

Майкл помедлил. Объяснить матери суть проблемы он не мог. Матери — про Элизу? Невозможно.

— Я думаю, что мы не подходим друг другу...

Когда он выговаривал эти слова, то чувствовал себя премерзко.

— Это обычно решает сердце, а не мозг... — изумилась мать. — Она что — глупа, больна, уродина, из социальных низов или ещё что?

— Нет, нет! — шарахнулся Майкл. — Она красавица и умница...

— Сын, ты меня пугаешь! — заявила мать. — Посоветуйся сам с собой, если не хочешь советоваться со мной: самому-то тебе — что надо, и, если что решишь, — пошевели мозгами и покори как-нибудь эту неприступную девицу! В любом случае — не кисни.

Майкл только улыбнулся. Мать помедлила, потом сказала:

— Я, конечно, категорически против серьёзных шагов без обдумывания... Но, вообще говоря, с тобой всё легче... ты не наследник династии и далеко не так жёстко ограничен в личной жизни, как твоя сестра... — Королева Николь вздохнула. — Впрочем, ты молод — у тебя будет ещё много таких трагедий и переживаний... Главное — не забывай звонить мне каждый день!

Майкл долго сидел перед выключенным т-фоном и думал, низко склонив голову над своей душой.

Если бы мама знала, о ком идёт речь, она разъярилась бы как настоящий леопард, а может, и прокляла бы Майкла, пригрозила бы отлучить от дома, от наследства и чего-нибудь ещё. Женщины теряют самообладание, когда речь идёт об опасной сопернице, даже давней. Но, конечно, это делалось бы для его, Майкла, блага...

Впервые в жизни Майкл подумал о матери не как о ласковой маме или мудром политике, а как о женщине, способной на безрассудные чувства и поступки. Это было странное ощущение: будто Майкл внезапно повзрослел и перешёл на новый уровень понимания жизни, на котором осознаёшь, что никто не застрахован от неверных шагов, даже всезнающие и опытные родители. Рано или поздно наступает момент, когда ты должен решать и ошибаться в этой непростой жизни сам за себя.

Он быстро встал, надел куртку и вышел.

Элиза работала редактором журнала «Неотразимость стиля». Она, собственно, была его основателем и владельцем. Элиза придумала этот журнал пятнадцать лет назад, потом два года разрабатывала концепцию издания, изучала читательский рынок и подбирала

сотрудников. И вот уже около десяти лет журнал не только окупал себя, но и приносил неплохую прибыль. Но доход мало волновал Элизу, хотя и был важным индикатором успешности журнала.

Ей было интересно работать журналистом, писать статьи, аналитические обзоры, прогнозировать тенденции в культурной жизни, самой способствовать позитивным сдвигам в социуме. Стиль оказался целым цивилизационным пространством — его быстро меняющиеся парадигмы возникали на стыке искусства и моды, рекламы и бизнеса, личных пристрастий и общественных предпочтений. Стиль существовал в одежде и литературе, в науке и архитектуре, в сексе и политике.

Стиль был средством спасения индивидуума в многомиллиардном безликом море. Стиль мог быть криком, а мог быть шёпотом. Чем тоньше стиль, тем он проникновенней, полагала Элиза. Агрессивность отталкивает, и только ненавязчивые послания трогают по-настоящему. «Настоящий стиль неуловим и неотразим» — это было кредо её журнала. Стиль отражает индивидуальность и одновременно приглашает к диалогу. Стиль — это тайный знак, который нужно расшифровать, а взаимная тайна сближает.

Элиза, одетая в светлый брючный костюм, не спеша шла по бульвару к редакции и обдумывала обложку нового номера. Девушка с удовольствием разглядывала свежую зелень, упорно пробивающуюся сквозь щели кирпичной мостовой, и до последнего момента не замечала Майкла, стоявшего возле бульварной скамейки с цветами в руках. А когда она увидела его прямо перед собой, то вздрогнула, как от удара по лицу, и мгновенно побледнела, не сводя с него глаз.

— Элиза, прошу простить меня... — начал взволнованный Майкл, неловко держа в руке букет белых лилий.

Элиза, тяжело дыша, невероятным усилием отвела глаза от Майкла и резко вздёрнула руку в жесте отрицания и отгораживания. Послышался прерывающийся голос:

— Зачем?.. Я не могу видеть вас... Вы меня убиваете...

Кожа Элизы обескровилась до синевы.

Майкл совершенно не знал, что делать дальше, и растерянно протянул ей букет:

— Это вам...

Но девушка не слушала его — схватившись за грудь, она дышала всё тяжелее и склонялась всё ниже, бормоча:

— Меня сейчас стошнит...

Но в следующий момент она потеряла сознание и упала на мостовую.

Вернее, упала бы, если бы Майкл в ужасе не отбросил цветы и не подхватил девушку. Сам бледный, как хрустящие под ногами лилии, он усадил её на скамейку, стоящую совсем рядом, и уже хотел вызвать медиков, как браслет на руке девушки помигал огоньками и сказал тоненьким голосом:

— Врач не нужен. Сейчас обморок пройдёт. Прошу вас удалиться.

Майкл удивился и рассердился, но браслет настаивал:

— Прошу удалиться, иначе я прогнозирую ухудшение состояния пациентки!

Молодой человек не посмел перечить диагносту, но не ушёл, а отодвинулся за спину девушки и придерживал её за плечи до тех пор, пока она не пришла в себя и опасность падения миновала. Лишь тогда он отпустил её и неслышно исчез.

Майкл с невыразимым отчаянием смотрел издали, как Элиза встала со скамейки, прижала ко рту платок и, покачиваясь, побрела в здание.

Что же мне делать, если девушку, в которую я влюбился, начинает тошнить от одного моего вида?! Моё лицо вызывает у неё психологическую аллергию, рефлекторное отторжение вплоть до обморока...

Раздавленные белые лилии так и остались лежать на красном кирпиче грустным натюрмортом.

Элиза еле дошла до офисной комнаты отдыха и обливалась ледяной водой до тех пор,

пока не смыла всю косметику с бледного лица. Потом она забралась в кабинет, напугав секретаря Миру мокрым взъерошенным видом, и заперла за собой дверь. Рухнула на диванничком и пролежала так весь день, перекусывая успокоительными таблетками. Ни о какой работе она думать не могла и, в ответ на встревоженный крик Миры за дверью, отменила все сегодняшние встречи, хотя одна из них — с крупным рекламодателем — была важной, запланированной ещё месяц назад.

Редкие мысли, которые забредали в её больную голову, были странны.

Как она, упав в обморок, оказалась сидящей на скамейке? Почему ей кажется, что кто-то крепко обнимал её за плечи?

Домой она доехала на такси.

На следующий день Элиза с трудом взяла себя в руки и сумела немного поработать над макетом нового номера.

Постепенно всё улеглось и покатилося привычной колеёй. Только ходить в редакцию Элиза стала по другой стороне бульвара — вид лавочки, возле которой у неё состоялось столь памятное свидание с молодым Уолкером, стал ей неприятен. Она даже подумывала об аренде здания в другом районе, но это грозило нарушением такого количества привычек, что Элиза отбросила идею, привлекательную лишь с одной стороны улицы.

После пятничного обеда пик деловой лихорадки в редакции достиг максимума — номер нужно было сдать сегодня, иначе некоторые бездельники будут работать в уик-энд!

В кабинет Элизы постучали, и посыльный в тёмно-красной ливрее с золотыми бляшками и позументами внёс корзину цветов — хорошо подобранную комбинацию из белых и голубых орхидей. Элиза недоуменно подняла брови, полюбовалась цветами и заглянула в корзину. Там лежал конверт с простым белым квадратиком бумаги, на которой была лишь одна рукописная строка:

Простите меня за то, что вызываю у Вас такие чувства.

Без подписи, но она и не нужна. Когда Элиза прочитала записку, то её всю передёрнуло от неприятного воспоминания и она уронила бумажку в мусорную корзину. К цветам она больше не приближалась — они так и остались стоять в углу, где их оставил вихрастый паренёк-посыльный.

Когда Элиза уходила домой, она покосилась от двери на корзину. Голубые орхидеи — фаленопсисы. Редкий сорт. И дорогой. Но для принцев всё дешёвка.

В субботу она вспомнила о цветах с некоторым раскаянием: не полила ведь. Надо было хоть Мире сказать. За что мучаются бедные твари?

В понедельник она нашла цветы заметно увядшими. Белые неженки особенно насупились на неё за невнимание. Элиза сдвинула брови в ответ и велела выбросить орхидеи. Еженедельный издательский поток дел захватил её, и она почти забыла о несчастной корзине.

Наступила пятница. И опять посыльный принёс цветы. Снова орхидеи, но другого сорта, мильтонии — и великолепные: алые с золотым сердечком. Записки не было. Элиза даже посмотрела ещё раз — не было. Но сами цветы... Элиза хорошо в них разбиралась и поразилась тому, что ни разу не видела такого сорта. Изумительные растения.

У неё не поднялась рука на убийство такой красоты, и она не смогла оставить орхидеи на офисное увядание. Пришлось, нахмурившись, взять их с собой.

Элиза шла по бульвару и несла лёгкую пышную корзину в правой руке. Корзина была доставлена без каких-либо лент и подарочных бумажных обёрток — именно так, как она любила: простая корзина из тёмных ивовых прутьев и цветы в некрашеном глиняном горшке. Больше никакой шелухи. Откуда он узнал?

Прохожие восхищённо смотрели на цветы, потом переводили глаза на Элизу и улыбались. О, ведьмы Бетельгейзе, нельзя не признать, что Элизе было приятно идти с ало-золотым костром в руке: он создавал атмосферу, искривлял пространство и притягивал

взгляды. И грел саму Элизу.

Алые орхидеи настолько ей понравились, что она купила ящик с землёй и высадила их на балконе своей квартиры.

В следующую пятницу тёмно-красный посыльный, уже приветливо здороваясь с сотрудниками редакции и секретарём Мирой, принёс корзину не менее восхитительных синих орхидей-каттлей, усыпанных ярко светящимися звёздочками. Третий букет подряд караулила уже вся редакция, и не успел посыльный выйти, как в кабинет набились любопытные и загалдели:

— Вот так Элиза — снежная королева!

— Третий букет!

— В жизни не видела цветов такой красоты!

— Кто этот эстет?

— Он, наверное, страшен, как чёрт, поэтому бьёт прекрасными орхидеями. Коварный!

— Элиза, не томи! Как его зовут?

Другие разглядели корзину получше и закричали:

— Записки нет! Анонимный поклонник! На измор берёт, сволочь!

Элиза зарычала на нахалов:

— Всех уволю без выходного пособия!

Лишь когда сотрудники, жалобно стенающие и цепляющиеся за двери, были выдворены за пределы кабинета, Элиза подошла к корзине. Цветы были тёмно-синие, как южная звёздная ночь, и даже пахли тропиками. Записки действительно не было.

«И отлично!» — с облегчением сказала себе Элиза. Синие цветы она без колебаний забрала с собой и высадила рядом с алыми.

В следующую пятницу она уже невольно ждала прихода посыльного, который приходил обычно около четырёх. В половине пятого Элиза помрачнела, ругаясь на себя за это.

Посыльный пришёл без четверти пять и был награждён щедрыми чаевыми. Дверь за ним была сразу плотно закрыта.

Орхидеи были чёрные, с красными стрелами, сходящимися в лучистую сердцевинку. Элиза видела раньше много чёрных орхидей с разными оттенками у стебля, но крупные чёрные ванды с красными разрезами снова стали для неё сюрпризом. Стрелы на лепестках были цвета облачного рассвета, в них жила надежда на преодоление ночи.

Элиза наклонилась поближе — ощутить аромат. И неожиданно увидела в корзине квадрат плотной бумаги. Она резко выпрямилась. Игра не по правилам! Цветы — это одно, а... любые объяснения — это совсем другое!

Она с опаской взяла бумажный квадрат. Но это было не письмо, а цветная открытка с голограммой присланных чёрно-красных орхидей и типовым комментарием о новом сорте, который будет выставлен на ближайшей выставке цветов в Луна-Сити. Владелец гибрида — аноним, название сорта...

«ЭЛИЗА».

Сердце Элизы невольно и быстро застучало. Она глубоко вздохнула, стараясь его утишить.

Любопытная Мира залезла в кабинет под предлогом подписи на документах, но на самом деле — поглазеть. Когда секретарь становится подругой, сладу с ней уже никакого.

— О боги, хоть бы мне кто-нибудь подарил ТАКИЕ цветы! Какая несправедливость: ей всё время дарят, а мне бы — хоть раз в жизни! Тогда можно было бы и помереть спокойно! — воскликнула она с такой завистью, что Элиза улыбнулась.

— Письмо! — завопила Мира, увидев цветной квадратик. — Ну, кто же он?

Элиза протянула ей открытку. Мира прочитала и рухнула в кресло босса, подкошенная ещё одним ударом несправедливой судьбы. Назвать уникальный сорт орхидей именем девушки, за которой ухаживаешь!

— Господи, да кто же этот мерзавец? — взвизгнула она. — Всю девичью душу

истерзал. А может — ты его знаешь?

Элиза кивнула.

— Что ж ты молчала! — загорелись глаза Миры. — Ну, и что у вас? Что?

— Ничего, — пожала плечами Элиза.

— Почему? — поразила Мира. — Он женат?

Элиза отрицательно покачала головой.

— Предмогильный старик? Неисправимый дурак? Или всего лишь без ноги, руки и носа?

Элиза усмехнулась:

— Нет, нет и нет. Отнюдь. Мы просто не подходим друг другу.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Мира. — Ты давно с ним знакома?

— Я его видела два раза... мельком. — Элиза с острым смущением вспомнила свои сумасшедшие поцелуи в «Маджиано».

— Тогда я слышать не могу такую глупость! — разъярилась Мира и сразу переметнулась на сторону незнакомца, посылавшего цветы. — Мучить такого человека! Немедленно увольняюсь — пропадай тут одна, вечная дева!

— Увольняйся, — сухо сказала Элиза и отправилась домой.

Цветы она, конечно, взяла с собой.

С ледующая корзина очаровательных оранжевых орхидей содержала, кроме цветов, конверт с белым простым листком, заполненным аккуратными рукописными строками:

Элиза!

Впервые я увидел Вас в «Маджиано» пятнадцатого февраля. С тех пор я проводил там почти каждый вечер. Я не знал тогда — кто Вы и как Вас зовут. Всё время хотел подойти, но почему-то не мог. Видимо, предвидел, что добром это не обернётся.

Мне очень не хватает этих ужинов в «Маджиано».

Подписи не было. Элиза сначала протянула бумажный прямоугольник к урне, но потом задержала руку и уронила письмо в ящик стола. С тех пор письма стали приходить в каждом еженедельном букете — один другого великолепнее. Балконное патио Элизы быстро превращалось в фантастическую оранжею.

К письмам Майкл стал прилагать конверт со своим обратным адресом — он жил совсем рядом, как обнаружила Элиза, — и даже бумагой внутри. Только черкнуть слово и бросить в почтовый ящик. Но пять или шесть таких конвертов бесславно спланировали в урну.

В очередной корзине оказались не орхидеи, а гладиолусы, тюльпаны, герберы и астры — совсем разные цветы, но совершенно одинаковой расцветки — голубые с белыми кончиками лепестков.

«Интересная композиция!» — подумала Элиза и уже привычно, без колебаний, открыла письмо.

Элиза!

Мне очень плохо последние месяцы, потому что за это время я ни разу не видел Вас. Я никогда больше не осмелюсь к Вам подойти, но, может быть, Вы ответите мне на письмо? Напишите мне хоть строчку. Меня всё глубже засасывает чёрная воронка отчаяния. Спасите меня.

И Элиза не выдержала. Продолжительно и взволнованно раздумывала, кратко и сухо ответила:

Майкл! К чему эти бессмысленные ухаживания, цветы и письма? Я не хочу

иметь ничего общего с Вашей семьёй. Не говоря уж о том, что я гораздо старше Вас и любой флирт между нами просто неуместен. За цветы, конечно, спасибо — они прелестны. Но предлагаю Вам прекратить посылать мне эти корзины.

Отправила письмо и упала сердцем. Но в следующую пятницу корзина снова прибыла, чему Элиза, безудержно краснея, очень обрадовалась.

Элиза! Спасибо! спасибо! спасибо! что ответили на моё письмо. Несмотря на то что Ваш ответ строг и холоден, я сегодня хожу совершенно счастливый. Так, значит, Вам понравились цветы? Вы не сразу выбрасывали их? О, как я рад!

Элиза долго молчала, но после бесконечных колебаний и раздумий сочла своё молчание невежливым. По каким-то трудноуловимым причинам.

Майкл! Это было бы кощунством — выбрасывать такие создания природы и человека. Они благополучно цветут у меня на балконе. Спасибо за сорт «Элиза». Я тронута, но снова советую прекратить ненужный ритуал ухода за ними.

Элиза! Вы спасаете меня своими письмами. Мысль о том, что эти орхидеи цветут у Вас на балконе, является самой радостной новостью за последние месяцы.

Как мне хочется Вас увидеть.

Майкл! Вы непереносимы.

Элиза! Поверьте, я надоедаю Вам не по злому умыслу и не из-за легкомысленной прихоти. Я никак не ожидал полгода назад, что, случайно зайдя в «Маджигано», встречу там человека, видеть которого станет больше чем необходимостью. Но это случилось, и мне приходится с этим жить, обрекая и Вас. Простите. Я не знаю, что мне делать.

Элизу вдруг охватило сочувствие к Майклу.

Майкл! Не дай бог, чтобы Вы попали в такую же ловушку, как и я двадцать лет назад. Этот капкан сломал мне жизнь и душевное спокойствие. Постарайтесь избавиться от этого наваждения — знакомьтесь со сверстницами, ходите на вечеринки. Не замыкайтесь в себе и на мне. Я этого не стою.

Элиза! Спасибо за советы. Я уже пробовал отвлечься в обычных компаниях. Ужасно. С весны я смотрю на всех иными глазами. Вы настолько несопоставимы с окружающим миром, что он перестал меня интересовать. Стоите Вы этого или нет — я не знаю. Мои весы сломались.

Элиза с болью подумала, что эти слова точно отражают и её состояние. Её весы тоже сломались, и давно. И она написала самое длинное письмо в их диалоге.

Майкл! Я узнаю страшные симптомы своей болезни. Вы наверняка уже знаете, что в Колледже я безумно влюбилась в Вашего отца. Он был благороден и добр. Он умел самоотверженно любить. Увы, он полюбил не меня. Он так разительно отличался от своих сверстников, что я потеряла к другим юношам

всякий интерес... В конце концов, он был просто по-мужски красив. Был — я говорю так, потому что для меня это безвозвратно ушедшее прошлое. Но душа в память о нём болит, не переставая.

Так странно обсуждать достоинства Джерри с его сыном, похожим на него как две капли воды... Вот уж никогда бы не подумала, что такое может случиться.

Элиза! Как Вам удалось выжить после этого?

Майкл, мне не удалось.

Элиза! Я похож на отца только внешне. Я — иной человек и, в отличие от него, влюблён в совсем другую женщину.

Элиза не ответила.

Элиза! Дайте мне увидеть Вас хотя бы по видеофону. Не включайте мою физиономию, которая Вам так противна.

Майкл! Вы втягиваете меня в яму, которую я всячески обхожу. Я не могу. Вы не понимаете природы моей болезни: Ваше лицо мне вовсе не противно... Наоборот. В этом-то вся беда. Оно просто убивает меня. Это врезающаяся в кости память о старом душевном переломе до сих пор скручивает меня железной рукой.

Элиза! Я гибну. Мне нужно видеть Вас. Я люблю Вас.

Элиза поняла, что наступает кризис, и испугалась. Лицо Джерри... или Майкла?... снилось ей каждую ночь. И Элиза целовала его, плача и просыпаясь в слезах... Она была растревожена до предела, и все её защитные скрепы трещали под напором этих чувств, цветов, писем. И она решилась — взяла обратный конверт из последней корзины совсем уж экзотических орхидей с жёлто-красными листьями и пушистыми зелёными цветами — и написала:

Я уезжаю. Желаю Вам выжить. Прощайте.

Элиза собралась за один вечер и улетела на Землю. Родительская вилла на полуострове Кап-де-Ферра всегда была для неё домом детства, где можно спрятаться от всех бед и страхов. Там нет посторонних, и никто не нарушит её покоя, так поколебленного в последнее время.

Глава 20

Светлячки Кап-де-Ферра

В аэропорту Ниццы Элиза села в обычное наземное такси — ей захотелось проехать по живописной извилистой дороге вдоль голубого моря.

Дорога на каждом повороте предъявляла замирающему сердцу знакомые места детства. Уже пятнадцать лет Элиза не жила дома, а только изредка навещала его, но всё равно этот берег оставался для неё самым родным местом в мире. Вот такси проехало по городской

набережной, застроенной старинными многоэтажными домами, и стало забираться в гору. Море отдалилось вниз и распахнулось вширь, повернувшись вскоре тихим заливом — последней преградой между Элизой и островом её детства.

Такси уже минут пять стояло перед высокими коваными воротами, за которыми начиналась обсаженная кипарисами дорога к родному дому, а девушка никак не могла собраться с духом и открыть дверцу машины. Ей казалось, что, спрятавшись за родительскими стенами, она потеряет что-то важное и главное. Она предаст себя.

Нельзя вечно отсиживаться в укрытии, надо набраться смелости жить, каким бы рискованным ни казалось это авантюрное предприятие.

Может, скомандовать машине вернуться? Встретиться с Майклом, как бы ни тяжела была эта встреча, и на что-то решиться?

«И ты снова хлопнешься в обморок, или тебя стошнит, чудовище...» — горько подумала Элиза.

Её грустные размышления прервались — из ворот выбежали отец с матерью, и начались объятия, расспросы, поцелуи... Родители потащили Элизу и её чемоданы в дом, начали спешно готовиться к обеду с максимальным количеством любимых блюд любимой дочери.

Утром Элиза проснулась от того, что на лицо упал яркий солнечный луч. Она открыла глаза — и снова зажмурила их, ослеплённая, отодвинулась в тень от полузакрытой шторы. Окно было распахнуто, и утренняя свежесть вливалась в спальню Элизы вместе с многоголосым птичьим поскрипыванием, посвистыванием и пощщёбыванием. «Сколько на этой планете птиц! — с удивлением подумала она. — Роскошь, которую, живя на Земле, просто не замечаешь, а обитая на Луне, быстро забываешь...»

Её не оставляло странное ощущение какой-то тяжёлой потери. «Что тут странного? — спросила она себя. — Ты всё потеряла — привычную жизнь, работу в журнале, которую передоверила легкомысленной Дженнифер, и даже собственную квартиру. О чём ты скорбишь больше всего?»

Тут она поняла, и это понимание ударило её как громом. «Сегодня пятница! Но я уже не получу корзину с орхидеями! И в корзине не будет письма — пусть короткого, но ласкового письма умного человека...»

Она села на кровати и тихо заплакала над своей жизнью, в которой и так было не много радости, а теперь там не будет *его* цветов.

Она уже не сможет выходить по утрам на балкон и наслаждаться буйным цветением орхидей, на каждом цветке которых написано — люблю... люблю... люблю...

Сумеет ли робот-мажордом позаботиться о них? Или они погибнут, как первая корзина с белыми и голубыми фаленопсисами?

Слёзы на щеках Элизы доказывали, что она совершила ужасную неосторожность, разрешив душе проснуться и полюбить... но кого — Джерри или Майкла? Что болит в её сердце — старое эхо или новое чувство?

Девушка выпрямила сгорбленную спину и строго сказала себе: «Если ты не соберёшься с духом, то развалишься на куски и тебя отвезут в лечебницу или на кладбище... И это разобьёт сердце твоих родителей...»

Элиза была сильным человеком, который уже не первый раз собирал себя из обломков, и она смогла взять себя в руки.

Ш ли дни и недели, и жизнь Элизы постепенно наладилась. Ноты новых привычек выстроились и мерно зазвучали тихой мелодией. Даже сон Элиза сумела вернуть с помощью таблеток. Правда, подушка по утрам была частенько влажной, но Элиза давно знала, что от жизни слишком много требовать нельзя.

Девушка ходила с матерью по магазинам, где помогла ей с выбором одежды и купила себе несколько симпатичных костюмов и летних платьев. В Каннах она заглянула в

«Вулфорд» и с удовольствием убедилась, что её прогноз на летние элитные моды полностью оправдался.

Она съездила с отцом в казино Монако и проиграла там несколько тысяч, что её немного развлекло.

Они с удовольствием прогулялись по парку с фонтанами возле казино. Прошлись и по набережной, где вдоль яхтенного строя сумасшедшие мотогогонщики гоняются за Гран-При. Одна из яхт называлась таинственно: «Леди К.».

С тайной гордостью Элиза вспомнила название сорта чёрных орхидей, и ей стало немного трудно дышать.

Элиза затащила отца в узкие улочки старой крепости тысячелетней династии Гримальди, где девушка не была лет сто. На дворцовой площади стояли позеленелые пушки, которые давно уже никого не пугали, и браво шагал гвардеец в белом мундире и красном шарфе.

С крепостной скалы открывался отличный вид на рощи яхтовых мачт и густо стоящие изящные многоэтажные дома. На плоских городских крышах росли пальмы и цветы.

— Как здоровье короля? — спросила Элиза, оглянувшись на дворец Гримальди.

— Плохо, — озабоченно сказал отец. — В прошлую субботу он даже отменил нашу традиционную шахматную партию. Это тревожный признак.

— А принцесса здесь?

— Она уехала на месяц в Нью-Йорк, у неё там какая-то выставка...

Держалась замечательная погода, и каждый вечер Элиза с родителями ужинали на веранде виллы, с фоном из закатного моря и чаячьего аккомпанемента.

— Сегодня встретила Джоан Полякофф, — сказала мать. — У неё дочь Настя родила сразу двойню, и теперь Джоан настолько в хлопотах, что даже перестала посещать фитнес-клуб. Им стало тесно, и муж Насти спешно ищет новый дом. Деньги у него есть, но на полуострове трудно с жильём... а Настя не хочет уезжать далеко от родителей.

Новость ужалила Элизу в сердце. Настя Полякофф была её давней подругой, и вот — у неё двойня, муж, семья... А у неё...

— Всё, на что они могут рассчитывать, — это снять у кого-то пустующую виллу. Но я не помню свободных домов, — задумался отец. — Разве что вилла Уайтшильдов, но её аренда не по зубам для Полякофф.

— Да, совсем забыла такую новость! — воскликнула мать. — Виллу Уайтшильдов кто-то купил!

— Да? — поразился отец. — Они же не выставили её на продажу! Кто купил и за сколько?

— Никто не знает, — покачала головой мать. — Сделка проходила не через риелторов острова.

— Надеюсь, хозяин окажется не из... — и отец политкорректно прикусил себе язык.

Когда подали десерт, мама осторожно приступила к любимой теме: стала расспрашивать Элизу — не ухаживает ли за ней кто-нибудь с далеко идущими намерениями? Или, может, она за кем-нибудь решила поухаживать — в духе современных веяний, которых мама не одобряла, но была готова поступиться убеждениями ради счастья дочери. Элиза хотела, как всегда, отшутиться, что никто на неё не клюёт даже с не так далеко идущими намерениями, но тут какой-то чертёнок потянул её за язык:

— Есть один настойчивый человек...

Надо было видеть, как восторгалась мама.

— Кто он? — почти закричала она напряжённым голосом.

— Неподходящий человек, — прямо сказала Элиза, — я просто не могу смотреть на него без содрогания...

Отец, тоже было оживившийся, горестно вздохнул и безнадежно махнул рукой.

Но мать не отступалась.

— Что с ним не так? — умоляюще стала расспрашивать она. — Он старый или

страшненький?

— Он молод и красив, — призналась Элиза, и её сердце замерло на полустуке и ухнуло вниз. Говорить с родителями на эту запретную тему оказалось сладко и волнующе.

Мать встревоженно заёрзала:

— Может, у него что-нибудь с психикой? Или он совсем из простых? Почему он тебе не нравится?

Элиза взяла и прыгнула в холодную воду:

— Это Майкл, сын Джерри и Никки. Он гораздо моложе меня. И он... похож на Джерри как две капли воды.

— А-а! — взревел отец. — Да что это за издевательство! Когда эта семья оставит нас в покое! Сколько они будут тебя мучить? Чтобы они все провалились в какой-нибудь лунный кратер!

Отец бушевал, а мать сидела совершенно растерянная.

— Что он хочет? Он не знает — кто ты? — спросила она.

— Сначала не знал... — сказала Элиза. — Потом узнал... и не передумал... Но я не могу видеть его... — Элиза зябко поёжилась от неприятного воспоминания. — Поэтому он просто присылает каждую неделю цветы... великолепные орхидеи. Он ни в чём не виноват, он хороший человек...

— Не защищай этого обормота! Яблочко от яблони недалеко падает! — свирепел багроволицый отец. — Его отец сломал твою карьеру и всю жизнь! Ты не смогла закончить Колледж! Сидишь в каком-то журнальчике, а могла бы выйти замуж за принца!

— У меня лучший в мире журнал! — обиделась Элиза и за себя, и за Майкла. — И Майкл тоже принц!

— Он не принц, а незаконный отпрыск королевы! Бастард! — не успокаивался отец. — Вот почему ты приехала — сбежала от этого мучителя! Попался бы он мне на расстоянии выстрела дробовика!

— Анри, прекрати скандалить! — прикрикнула на него мать. Отец махнул рукой и выскочил с веранды, хлопнув дверью.

Мать села рядом с расстроенной Элизой и ласково обняла её.

— Майкл очень славный... Знаешь, новый сорт чёрных орхидей он назвал «Элиза»... — шепнула девушка и заплакала на плече матери. — Но я совершенно, совершенно не могу видеть его лицо...

Тут и мать заплакала.

Узкая полоска заката, перечёркнутая одиноким тёмным парусом, вспыхнула алым в последний раз и тихо растаяла. Но звёзды на небе не появились — из-за гор напозднили тучи и стали накрапывать тёплым дождём. Небо тоже любит поплакать над осколками разбитых людских надежд.

Элиза посетила Настю Полякофф и полюбовалась её младенцами — краснолицыми, крикливыми и всеми обожаемыми. Элиза смотрела на суетливое вращение людей вокруг этой двойной звезды и думала о том, что эти близняшки — мальчик и девочка — скоро вырастут в красивых молодых людей. И у них будет своя интересная жизнь — озарения и переживания, мечты и любовь.

Целых две многообещающих вселенных лежали в соседних кроватках и пускали пузыристые слюни.

«У меня тоже будут такие замечательные дети! — вдруг подумала Элиза с неожиданной уверенностью и даже сама спохватилась: — Что это ты взбунтовалась, вечная дева?»

Возле пристани, на набережной с фривольными бронзовыми статуями девочек-эльфов, Элиза встретила подружек школьных лет: Рэчел и Тону. Они затащили её в простонародный ресторанчик в Виллафранче, где еду, совсем неплохую, подавали не элегантные официанты или миловидные официантки, а какие-то простецкие матросы-балагуры в потёртых джинсах

и клетчатых рубашках. Они давали посетителям бодрые советы насчёт меню и смело трепали женщин по плечу, то и дело разражаясь громким смехом, энергичной жестикуляцией и даже какими-то итальянскими серенадами.

Виллафранча по-прежнему оставалась весёлым курортом для небогатых людей, и в тёплый залив прямо с набережной загружались пышнотелые пожилые немки или шведки. Они долго плавали вдоль камней, зычно перекрикиваясь, а потом на тротуаре переодевали мокрые купальники под полотенцами, весело хохоча, когда чьё-нибудь покрывало нечаянно падало. Элиза даже позавидовала их жизнерадостности. Она тоже с удовольствием купалась в море, но обычно у себя — на более респектабельном острове.

Девушка вышла из тёплой воды, смахивая с лица солёные капли, и с удовольствием оглянулась вокруг.

Небольшой пляж из мелких гладких камешков был окружён живописными скалами, заросшими соснами. На мысу белела вилла с зубчатой башней.

С пляжа открывался красивый вид на гористый материковый берег.

На фоне гор быстро шло длинное чёрное судно. «Яхта Рэчел...» — автоматически отметила Элиза, вытерлась полотенцем и переделалась в лёгкое короткое зелёное платье.

Она шла по хорошо знакомой тропе, беззаботным хвостом собаки виляющей по каменному берегу полуострова Кап-де-Ферра. Солнце, в сговоре с морской волной, пускало в глаза девушки ослепительные зайчики. Чайки неодобрительно кричали, но солнце не обращало на них внимания и отстало от Элизы лишь после очередного поворота дорожки.

По правую руку девушки уходил вверх склон, заросший невысоким лесом и кустарником. В глубине леса прятались старинные виллы с садами и террасами. Элиза прожила на полуострове много лет и знала всех местных домовладельцев.

Слева светлые скалы, разрезанные волнами на слоистые жёсткие гребни, спускались к морю всё ниже, пока не окунали разбитые потемневшие головы в белые пузыри прибоя. Иногда прозрачно-зелёная бухточка, протиснувшись между камней, приближалась к самой тропинке, и Элиза с удовольствием смотрела сквозь спокойную воду на донный хаос.

Девушка прошла маяк и свернула на любимую часть побережья — западную. Широкая дорожка превратилась в узкую каменистую тропу, над ней нависли скалы, закутанные в хмельной плющ и дикий виноград. Море провалилось вниз футов на сто, а тропинка запетляла, закачалась, балансируя на самом краю отвесного обрыва.

Впереди показалась спина человека, бредущего в том же направлении, но медленнее, чем Элиза. Мужчина был одет в белую обтягивающую майку и бежевые шорты. Голова непокрытая, коротко острижена бобриком. Человек шёл медленно, о чём-то размышляя, сцепив руки за широкой спиной. Элиза понимала толк в красоте человеческой фигуры и залюбовалась атлетически сложенным незнакомцем.

Девушка вспомнила, что уже несколько раз встречала этого высокого человека на причале и в местной таверне. Они даже по-соседски стали кивать друг другу.

— Привет! — по-сельски дружелюбно сказала Элиза, догнав незнакомца. У неё сегодня было хорошее настроение.

Он был густо бородат, в больших чёрных очках.

— З-здравствуйте, — заметно вздрогнув, торопливо ответил человек.

— Я вас напугала? — засмеялась Элиза.

— Нет, — улыбнулся незнакомец. — Просто я задумался.

— А я встречаю вас на острове уже не первый раз! Вы здесь в гостях или просто отдыхаете?

— Нет, — замялся человек. — Я сейчас тут живу, купил по случаю домик...

— Что? — поразились Элиза. — Вы говорите о вилле Уайтшильдов? Ничего другого здесь давно уже не продавалось!

— Да, — кивнул человек, — я купил дом у них.

— Ничего себе — домик! Одна из лучших вилл полуострова с самым шикарным

парком!

Человек смущённо пожал плечами:

— Да уж, эти Уайтшильды выжали досуха мой банковский счёт... Вот подумываю заняться рыбной ловлей — всё-таки бесплатное питание к столу... — с какой-то неловкостью в голосе пошутил бородатый человек.

Элиза расхохоталась.

— Да почти все семейства полуострова посылали вам свои приглашения! Вы можете на званых обедах питаться бесконечно, особенно в семьях, где есть девушки на выданье! Ой, извините, я вас, может, преждевременно записала в холостяки — просто вы выглядите довольно молодо...

Бородач опять поднял плечи:

— Э-э... я действительно... э-э... холостяк.

— Почему же вы не приняли ни одного приглашения? — удивилась Элиза. — Вы стали загадкой для местной публики, а некоторых знатных леди даже здорово разозлили.

— Этого я не хотел... — вздохнул бородатый незнакомец. — Я и сам не знаю — почему никуда не хожу...

— А если я вам пошлю приглашение? — заинтересованно спросила Элиза. — Придёте?

— Если вы пригласите... то приду, — странным голосом согласился мужчина. — А почему вы раньше меня не приглашали? Что, у вас нет никого... на выданье?

— Совершенно верно. У нас в доме нет юных девушек. Я самая молодая в семье и давно снята с аукциона! — Элиза рассмеялась с горчинкой.

Мужчина открыл рот — что-то спросить, но снова сжал губы, так ничего и не сказав.

— Договорились! Я приглашаю вас и зову всех остальных островитян, — оживлённо заключила Элиза. — И устрою вечеринку года, давно я не веселилась... Согласны?

— Да... — по-прежнему с какой-то неловкостью отвечал мужчина.

— А вы меня не пригласите посмотреть на парк Уайтшильдов? — спросила Элиза. — Только учтите... я действительно интересуюсь парком — о нём столько говорят, а я его ни разу не видела... хотя даже статью о нём напечатала в своём журнале. Поэтому хочу увидеть этот парк при свете дня, а не в интимном сумраке. Я говорю это сразу, чтобы потом не возникло недоразумения...

— Конечно, приглашу, — просто сказал мужчина и кашлянул. — Недоразумения не возникнет.

Они шли рядом по тропинке, и незнакомец, разговаривая, вежливо держал голову повернутой к Элизе. Поэтому он скоро споткнулся о корень, едва не упав, и его щёки между бородой и очками покраснели, что вызвало смех девушки.

Они по-дружески болтали, и Элиза показывала новому островитянину самые красивые места родного полуострова: живописные скалы, лесные рощи, прозрачно-голубые заливы.

Спустившись первым с крутой каменной ступеньки на тропинке, незнакомец несмело подал Элизе руку, и девушка, улыбнувшись такой робкой вежливости, не свойственной нынешним молодым мужчинам, опёрлась на его ладонь — весьма крепкую, как она с удовольствием заметила.

Тропинка нырнула в зелёный тенистый тоннель, образованный нависшими со скалы кустами, а потом выбежала к отвесному обрыву над небольшой голубой бухтой. По краям заливчик окаймляли острые мысы, разбивающие морские волны. Поэтому сама бухта была спокойна и прозрачна до глубокого каменистого дна, виднеющегося под самой скалой.

— Моё любимое место! — воскликнула Элиза и обвела рукой средиземноморский пейзаж невероятной красоты. — У этой бухты я обычно отдыхаю и отсюда возвращаюсь домой... или шагаю дальше — по кольцу вокруг полуострова, но всё равно — прогулка считается настоящей, только если я дохожу до этой лавочки.

Элиза села на каменную скамью в тени невысокой узловатой сосны, заплетённой бело-зелёным хмелем.

— Можно мне присесть рядом? — опять как-то несмело спросил мужчина.

— Садитесь! — Элиза приветливо похлопала по скамье рядом. — Мне с вами почему-то легко разговаривать. Вы — непривычный: приветливый и неназойливый. И какой-то забавно робкий...

Тут Элиза со смущением поняла, что она-то как раз необычно смело разговаривала. Но мужчина деликатно не стал углубляться в неосторожный поворот разговора.

Они стали беседовать, и незнакомец нравился Элизе всё больше и больше. Что-то в этом человеке располагало к откровенности. Он был спокойно добрый и не пытался покорить её обаянием, блестящим интеллектом, хвастливыми рассказами о своих спортивных, мужских и деловых победах и прочей мишурой, которую обычные кавалеры стремительно выхватывают из карманов при виде любой женщины до семидесяти лет. И Элизе почему-то казалось, что собеседник даже немного побаивается её. Вот уж совсем странно!

— Вы столько замечательного мне рассказали и показали... — пробормотал мужчина, сидя рядом с девушкой и часто искоса посматривая на неё сквозь тёмные очки.

— А ещё здесь есть пещера! — вспомнила Элиза, вскочила на ноги и подошла к самому краю обрыва. Она попробовала заглянуть вниз, но ничего не увидела из-за разросшихся пучков травы на краю пропасти.

— Эх, заросло! — подсадовала Элиза. — Раньше были видны гнёзда чаек.

Она снова вытянула шею к краю обрыва.

— Страшно! — поёжилась она при виде стофудовой высоты.

Мужчина встал со скамейки и протянул девушке руку.

— Можете уцепиться и поглядеть вниз.

— А если я вас стяну в пропасть? — засмеялась Элиза. — Или я вам надоем, и вы меня бросите в воду?

Незнакомец не спеша взялся другой рукой за корявый, но прочный ствол низкорослой сосны.

— Я вас ни за что не брошу. Вы можете мне довериться.

И столько искренности и уверенности было в его голосе, что Элиза с каким-то удовольствием помедлила, а потом смело протянула бородачу свою руку. Незнакомец не взял Элизу за ладонь, а крепко и надёжно охватил её запястье. Она мгновенно перестала бояться, сделала шаг и далеко наклонилась над пропастью, доверив свою жизнь этому странному человеку.

На склоне она увидела знакомую узкую пещеру и птичье гнездо. Но там сидела не чайка, а чёрная птичка со светло-серой грудкой. Заметив круглым блестящим глазом Элизу, птичка испуганно пискнула и вспорхнула, открыв несколько пёстро-зеленоватых яиц внутри аккуратного травяного бублика. Больше в пещере ничего интересного не было.

Напротив полуострова, за Русским заливом виднелась старая цитадель Виллафранчи и живописные дома под красными черепичными крышами. Средиземноморские здания, рассыпанные по крутому склону, вжимались спиной в скалу и выстраивались над узкой набережной, глядя вниз, на прибой и приезжих.

Элиза окинула взглядом море с парусами яхт, и знакомый с детства пейзаж ласково обнял её, смятенную событиями последних месяцев. Она, паря над пропастью, вытянула вперёд свободную руку и почувствовала себя безмятежной птицей, скользящей над прозрачными волнами. И все проблемы остались на земле, отделились, показались неважными на фоне этой ослепительной красоты — моря, парусов и скалистых берегов...

Она уж и не помнила, когда себя так хорошо чувствовала. Может, солнце по-особенному светило сегодня, или ветер нёс необычно душистую пыльцу... или сыграла роль крепкая ладонь, надёжно держащая её запястье.

Но пора было возвращаться на землю. Элиза легко могла выпрямиться сама, но почему-то попросила:

— Верните меня, пожалуйста...

И ласковой силой была немедленно поставлена на прочную каменистую тропу.

— Спасибо! — сказала Элиза, взволнованно дыша от пережитого ощущения. — Вы держали мою жизнь в своих руках, но благородно не воспользовались этим и даже не потребовали выкуп! — засмеялась она.

Мужчина улыбнулся и промолчал. Они стояли совсем рядом друг к другу. Его грудь тоже тяжело вздымалась, а по щекам стекали капли пота.

— Что-то вы бледный! — отметила Элиза. — Возможно, солнце напекло вам голову.

— Возможно... — сказал он.

— Вот было бы забавно, если бы вас хватил солнечный удар и вы меня упустили бы в воду, — усмехнулась Элиза. — Что тогда стали бы делать?

— Я сделал бы вот так, — бледный незнакомец встал на край обрыва — там, где раньше стояла Элиза. В следующую секунду он снял очки и бросил их на гравий.

И прыгнул с обрыва вниз головой.

Элиза ахнула и подбежала к самому краю пропасти, едва не последовав за бородатым человеком.

Тело мужчины летело вниз несколько длинных секунд и наконец взорвало воду высоким всплеском. Элиза хорошо видела, как окутанная белыми пузырями стрела пронзила стекло бухты и изогнулась в зеленоватой глубине. Описав дугу в солёной толще, человек вынырнул на поверхность.

Живой!

Всхлипнув, она зачем-то схватила с земли тёмные очки и поспешила вниз по известной ей тропинке — узкой и головоломной.

Когда Элиза спустилась, мужчина уже выбрался из воды и стоял на самом краю каменной россыпи.

Девушка свирепо налетела на незнакомца:

— Чудовище! Вы меня до смерти напугали! А если бы вы разбились?! Сумасшедший!

Она, бледная и разозлённая, ударила в широкую грудь незнакомца кулачком и в следующее мгновение оказалась в неожиданном объятии.

— Элиза, — сказал мужчина сдавленным голосом. — Я люблю вас.

Она не поверила своим ушам. Он знает, как её зовут? Она подняла глаза на его бородатое мокрое лицо, по которому бежали крупные солёные капли.

— Вы кто? — ошеломлённо спросила Элиза, у которой не осталось сил освобождаться от держащих её мускулистых рук.

— Я — Майкл, — произнёс упавшим голосом мужчина.

О боги!

Элиза отстранилась от незнакомца и потрясённо всмотрелась в его лицо. Короткий бобрик вместо длинных волос, усы и мягкая борода во все щёки. Чёрных очков уже нет.

— Не может быть, — слабо сказала она, начиная прозревать мучительно знакомые черты, — у вас карие глаза, а у него...

Незнакомец быстрыми движениями снял контактные линзы, и Элиза увидела знакомые голубые глаза Джерри. Её опять окутало ощущение дежавю. Ноги её ослабели, и в ушах зазвенело...

Когда Элиза пришла в себя, её голова покоилась на груди Майкла, а он крепко обнимал девушку.

Она не видела его лица — перед глазами стояло море, но она остро чувствовала руки Майкла.

Удивительное ощущение.

В этих сильных руках была такая проникающая в душу надёжность, что Элиза не находила в себе сил, чтобы вырваться из объятий обманщика.

Она долго наслаждалась неожиданным чувством, глядя на тёплое близкое море. Оно ласково плескало на девушку солёными брызгами, и они текли по лицу Элизы. Майкл молчал, поглаживая её плечо. И слова были совсем не нужны, и шёл между молодыми людьми какой-то быстрый сбивчивый диалог касаний, дыханий и сердцебиений, который

был умнее слов и убедительнее доводов.

Элиза смотрела на море, грелась в тесном объятии и слушала сбивчивые удары двух взволнованных сердец. И вот они совпали и застучали в звонкий унисон. И от тёплых капель этих ударов что-то холодное таяло в душе девушки...

— Ты действительно любишь меня? Ты правда никогда меня не бросишь? — спросила она еле слышно.

— Люблю... и никогда не брошу, — сказал над ней встревоженный голос, и грудь, к которой прижималась Элиза, взволнованно задрожала.

И Элиза не выдержала. Она заплакала сильнее, потянулась и робко обняла Майкла за шею. А он нежно стал целовать солёное лицо девушки, и с каждым его поцелуем отлетал ещё один окаменелый черепок с её замороженной души. И наконец она по-настоящему поверила; взяла его лицо в руки, вдохнула его дыхание и стала ненасытно и бесконечно пить чудесную влагу его губ.

Ей двадцать лет не давали поцеловать любимого человека.

Мраморный пол веранды отгораживался стеклянной стеной от дубового паркета огромной гостиной виллы Уайтшильдов. Солнце уже садилось в море, окрашивая персидские узоры настенных ковров в красноватый оттенок.

Элиза сидела на диване рядом с бородатым незнакомцем. Конечно, он уже давно не был незнакомцем, да и сидели они вполне неформально — оба в махровых халатах, приняв душ после морского купания. Честно признаем — душ они принимали порознь, но сидели, тесно обнявшись. Элиза просто тонула в атмосфере любви, такой непривычной и незнакомой для неё. Но вот она с трудом вынырнула на поверхность, глотнула воздух горячим ртом и взволнованно шепнула:

— Я боюсь...

— Почему ты боишься?

— Я боюсь, потому что мне страшно!

— Логично. Тогда мы подождём, пока твой страх не распадётся на мелкие снежинки и не растает. Ты уже не падаешь в обморок от моего вида. Это отличный признак!

И Майкл снова стал целовать её рыжие волосы, зелёные глаза и взволнованный полуоткрытый рот.

— Почему ты так терпелив, почему ты не ругаешь меня и не топаешь ногами? — спросила она, еле переводя дух от его поцелуев.

— Потому что нам некуда спешить, впереди у нас — вечность... — ласково сказал он. — Ты для меня драгоценнее всех королевств, и мы всегда будем вместе... я никогда не брошу тебя и никому не отдам... и не буду топтать на тебя ногами... ты можешь мне верить...

Если есть на свете лечебный дождь, то это был исцеляющий ливень — уверенных слов и страстных поцелуев. Горячий ручей размывал какие-то последние ледяные барьеры в груди Элизы, и вдруг что-то лопнуло у неё внутри.

Сердце девушки захлестнуло обжигающей волной.

Элиза вскрикнула и одним рывком вскочила с дивана. И потянула за собой ничего не понимающего Майкла. Поставила его перед собой в ярко освещённой ванной комнате, выжала депилятор на свои ладони и стала убирать его бороду.

Сдерживаясь изо всех сил, она делала это не спеша, приблизив глаза к самой его коже, нежно и аккуратно освобождая от каштановых упругих волосков уголок его рта, который порывался что-то сказать и разумно смолчал... вот она открыла гладкую художавую щеку... верхнюю губу чёткого молодого абриса... подбородок с волевой складкой...

Она изо всех сил старалась не смотреть на его лицо целиком, фиксируясь лишь на том кусочке, над которым она с наслаждением трудилась красивыми тонкими пальцами. Его ароматное дыхание веяло ей в лицо и кружило голову... как-то так получилось, что вместе с клочьями бороды на пол упал и халат Майкла. И вот Элиза зажмурилась, отодвинулась на расстояние вытянутой руки и, задыхаясь в гулком сердцебиении, распахнула глаза...

...и увидела *его* лицо.

Пронзающее душу насквозь. Встревоженное. Бесконечно дорогое.

Её сердце застучало как сумасшедшее, но она не отвела глаза и выдержала этот эмоциональный ураган. Это было лицо не юного Джерри, а взрослого Майкла — уверенное, волевое, с высоким лбом под коротким ёжиком волос. Самое главное — это было лицо влюблённого в неё человека. Элиза даже забыла дышать, ненасытно глядя на него — обнажённого и прекрасного, как античный бог с умными голубыми глазами. Её сердце вспыхнуло огнём, и она отчётливо поняла, что совершенно ничего не боится.

И не может ждать ни вечности, ни секунды.

Ещё одна махровая хламида упала на пол.

— Как ты посмел так долго мучить меня? — гневно сказала Элиза.

О громный парк Уайтшильдов был задуман и исполнен как живописное произведение, где красками служили деревья и цветы, статуи и фонтаны, самый знаменитый из которых исполнял цвето-водо-музыкальные симфонии.

В середине парка, на холме, стояла беседка, где мраморная обнажённая купальщица бесконечно долго ловила спадающую накидку, а от беседки сбегал ручей — по водопадным ступеням, заросшим по бокам лохматой травой.

Дорожки легкомысленно петляли среди сосен, кактусов и тропических цветов, пересекая участки парка, превращённые в разные зоны — тропические джунгли, пустынную саванну, восточно-азиатские пейзажи. В густых зарослях скрывалось множество беседок, скамеек и укромных уголков. Элиза и Майкл бродили здесь уже неделю, но всё ещё обнаруживали незнакомые места. В японской бамбуковой роще темнел прудик, где красные и белые рыбы бесшумно парили над илистым дном. В каменном саду из греческих и римских скульптур и барельефов жили злобные почернелые гномы с побитыми лицами.

Тропинка привела Майкла и Элизу в крошечную ажурную беседку, прилепившуюся над скалой. Девушка услышала характерную залиvistую трель и сказала Майклу:

— Твой т-фон звонит.

— Нет. Это птица, живущая по соседству, выучила его звонок и передразнивает.

— Смени звонок на более сложный.

— Не хочу. Мне нравится её нахальство.

Элиза улыбнулась, села на скамеечку и продолжила разговор:

— Мне нужно было выделить свой журнал из общей массы модных изданий, привлечь к нему внимание. Тогда я выпустила журнал в простой чёрной обложке, на которой кроме названия была написана крупными белыми буквами только одна фраза: «Извините, но этот журнал не для вас». Журнал был упакован в пластик, и открыть его можно было, только купив. Этот номер разошёлся десятикратным тиражом. С тех пор я оставила на чёрной обложке лишь три элемента — название «Неотразимость стиля», одну эффектную картинку номера и слова «Журнал не для всех». Установившиеся после той эпатажной обложки тиражи были в два раза больше, чем начальные. Элементарный психологический трюк — ведь ничто так не ранит душу человека, как мысль, что что-то, возможно замечательное, существует не для тебя, не нуждается в тебе...

Элиза помедлила и неожиданно сказала:

— Именно поэтому я так страшно мучилась, когда видела Джерри и Никки вместе. Они жили в своей вселенной, а я понимала, что мне туда хода нет... Это было просто невыносимо — как будто чудесный мир рядом и недоступен. Как мне хотелось быть там — рядом с твоим отцом... Но место было уже занято...

После паузы она продолжила:

— Джерри всегда притягивал меня, и однажды я решила и совершенно нахально утянула его на балу выпускников... Я станцевала с ним самое огненное танго своей жизни! Это было как удар молнии... я мгновенно влюбилась в него по уши...

— Мои родители часто вспоминали это танго, ты — своего рода легенда нашей семьи и

кошмар моей матери.

— Это она — мой кошмар... — Глаза Элизы вспыхнули ярким огнём старой ненависти, и девушка не сразу справилась с волной чувства. — А твой отец — редкость, зная его, я уже не могу всерьёз воспринимать других мужчин, они... ну, просто пустое место... За исключением тебя, конечно... потому что ты — чудесная реинкарнация Джерри...

И Элиза псевдоинично и храбро заявила:

— Твой несомненный плюс, что ты моложе, чем он...

Майкл засмеялся этому испуганному нахальству и притянул к себе девушку.

— За такой поцелуй двадцать лет назад я отдала бы душу... — сказала она, оторвавшись от губ любимого человека и глубоко вздохнув.

— А сейчас?

— А сейчас — уже отдала... слава богам за смерть сослагательного наклонения, этого чудовища, которое вечно грызёт сердца человеческие...

Они снова поцеловались. Что за чудесное занятие!

— Когда-то я звала твоего отца приехать сюда. Он не приехал.

— Зато приехал я. И безмерно счастлив.

Снова поцелуй.

— Сегодня я рылась в *нашем* саду.

— У тебя до сих пор клейкие душистые руки...

Майкл понюхал с видом знатока пальцы Элизы:

— ...смола мангового дерева!

— Романтично, но неправильно. Это смола апельсинового дерева.

— Это, конечно, не так романтично.

— Какой бред мы несём!

— Это не бред, а щебет. Он полон скрытого значения и при внешней бессмысленности глубоко функционален. Не будешь щебетать или ворковать — никого не приманишь и гнезда не совьёшь.

— Ты уже приманил! — рассмеялась Элиза. — Зачем же ты продолжаешь... ворковать?

— Потому что мне безумно нравится болтать с тобой о пустяках... целовать твои губы и руки... смотреть в твои глаза... протягивать всё новые и новые паутинки между нами — чтобы ты никогда больше не улетела от меня.

Они сидели на веранде, вымощенной большими каменными плитами, и ужинали. На столе горели свечи, и их свет постепенно становился всё ярче; закатные краснобрюхие облака, столпившиеся в голубом вечернем небе над угасающим солнцем, всё гуще темнели горбатыми спинами, обращёнными к ночи.

Майкл собственноручно приготовил вкусного лосося с рисом-басмати и специями, и молодые люди с удовольствием ели плотную розовую рыбу, поливая её соком лимона, сорванного с соседнего дерева, и запивая лёгким белым бургундским.

— Я стану толстой, как осенняя белка, — озабоченно сказала Элиза, уже съев рыбу. Майкл лишь улыбнулся такому преувеличению.

Когда дворецкий принёс кофе, Майкл вдруг посерьёзnel и стал отвечать на реплики Элизы совсем коротко. Потом решился и достал из кармана маленькую коробочку. И сказал просто и без всяких прелюдий:

— Элиза! Я прошу тебя стать моей женой!

Крупный алмаз голубоватого оттенка блеснул с кольца старинной узорчатой платины.

Элиза задохнулась, и чашка сильно задрожала в её руке.

Она сумела поставить её на стол, почти не расплескав, и подняла на Майкла зелёные, широко раскрытые глаза.

Они никогда ещё не затрагивали эту тему.

Она даже и не собиралась.

Он был принцем, сыном могущественной императрицы Николь, самого влиятельного

человека на всех планетах. Брак принца такой династии всегда политическая сделка, которая ложится важным вкладом на весы мирового равновесия. И он предлагает такое ей — по сути, простой девушке? Ему никто не позволит... Никки не даст совершиться такой государственной глупости...

Никки была сама себе хозяйка и всё равно не смогла заключить законный брак с Джерри. Он так и остался лишь неофициальным другом королевы, хотя и стал отцом принца Майкла... Майкл сам не понимает, что говорит...

У неё внутри задрожала горькая струна, и Элиза не смогла ничего сказать в ответ — просто не смогла.

Майкл подошёл к Элизе, крепко обнял, и она различила стук его взволнованного сердца. Голова её закружилась, и она подняла глаза к совсем уже ночному небу. На нём горели невероятно огромные, распушившиеся звёзды, и даже они ласково уговаривали её на что-то.

— Ты согласна, Элиза? — спросил Майкл. Элиза слышала его голос и одновременно ощущала гулкие удары сердца в его груди. Или это были удары её сердца?

У неё по-прежнему не было сил ответить словами, и она просто кивнула.

Он радостно сжал её в объятиях. А она ещё раз кивнула и ещё...

Завтра суровая императрица Николь вмешается в их идиллию... или он сам одумается, но сегодня... пусть хоть сегодня они помечтают, побудут простыми влюблёнными — свободными и счастливыми...

Не ей разрушать его иллюзии, она сама готова умереть за них.

Элиза проснулась мгновенно — словно от громкого грубого окрика. За окном ещё висела ночь, прибитая звёздами к небосводу, и лишь на востоке разгорались морские облака, брошенные в костёр летнего рассвета.

Майкла рядом не было. Девушка встрепенулась, и её сердце тревожно застучало. Она вскочила, открыла дверь спальни и вслушалась в тишину дома. И различила далёкий гневный голос...

Элиза с ужасом узнала: Никки! В ответ раздавались негромкие и неразборчивые реплики Майкла.

Девушка быстро закрыла дверь и, внезапно обессилев, прислонилась к ней спиной. Вот и всё. Никки обо всём узнала... И Элиза даже сквозь сон и стены почувствовала её ненависть.

Всё кончилось.

Девушка бросилась на кровать и накрыла голову подушкой — лишь бы не слышать гневные интонации великой императрицы Николь, пронизывающие толстые двери, как бронебойные пули.

Элиза так пожалела себя и свою непутёвую жизнь, что по-ребёночьи зарыдала под эфемерной защитой подушки. Сквозь эти горькие слёзы и отчаянный внутренний крик звучала рефреном несмелая просьба — жалкая, неуверительная, беспомощная.

«О боги, дайте же нам немного счастья, дайте ещё побыть вместе — месяц или неделю... если нельзя так долго, то дайте хоть один день — длинный счастливый день, стоящий короткой холодной жизни. Ну разрешите нам этот день, ну смиростивитесь...»

Гневные ноты из-за двери сталкивались в темноте с тихим жалобным плачем и наполняли воздух ощущением тревоги и предчувствием горя.

В еловые каштаны вокруг виллы Снайдеров окутывались ярким роем светлячков. Эльфы-насекомые клубились в хороводах, вспыхивали в поисках друг друга и были главным световым украшением вечеринки. Элизе эта красота досталась бесплатно — просто для влюблённых светлячков был самый сезон.

Гости прибывали пешком и на машинах. Скоро места у виллы не осталось, и машины стали накапливаться вдоль обочины дороги всё дальше и дальше от дома. Такого успешного

приёма у Элизы ещё не было. К ней пришёл почти весь остров.

Компании друзей, знакомые и малознакомые семьи всё прибывали и прибывали. Они здоровались друг с другом, дважды целуя каждый каждого. Кругом стояло сплошное целование. Элиза уже и забыла про этот французский обычай, с удовольствием исполняемый при встрече даже незнакомых людей.

Играя роль хозяйки, девушка приветствовала гостей на лужайке — у входа на веранду, где гирлянды крошечных фонариков подмигивали собратьям-светлякам. Элиза порадовалась, что вечер тёплый и они смогли накрыть столы на свежем воздухе. Такое количество людей в дом просто не вошло бы.

Динамики, скрытые в зарослях, играли вальсы, заглушаемые взрывами смеха. Прибывающие гости в один голос говорили Элизе комплименты, а она отвечала им тем же, думая: «Вот было бы странно, если бы все говорили друг другу и себе только правду: Боже, как вы постарели и подурнели, душечка!.. А вы-то как потолстели, милочка!.. Да, да, я ещё и поглупела, голубушка!»

Соседская семья Гуверов пришла пешком, а их младшая двенадцатилетняя дочь приехала на миниатюрной гнедой лошадке. Элиза, кроме дежурных приветствий, похвалила отличную осанку наездницы и модно стриженный круп у пони. Животное пустили пастись на лужайке, и его, вместе с хозяйкой, сразу обступили юные леди и джентльмены — для чего, собственно, и затевался этот конный пробег в двести ярдов.

Паре Гиббонсов было лень идти от длинного хвоста припаркованных машин, и они бесцеремонно подъехали на смарт-авто прямо к веранде. Толстый красный водитель оправдывался перед расступившимися гостями:

— Это же не машина, а просто зонтик на колёсах!

Наконец пришёл самый главный для Элизы гость. Она, не говоря никакой светской ерунды, просто притянула его к себе поближе и взяла под руку.

И ей сразу стало легче.

Уже неделя прошла после того ночного кошмара, когда она услышала голос Никки. Элиза суеверно не говорила с Майклом о той ночи, и каждый новый день вместе был для неё подарком.

Весь дальнейший вечер она старалась не оставлять локоть Майкла ни на минуту. Этот надёжный контакт оказывал на неё самое благотворное психологическое воздействие; теряя его, она начинала нервничать и искать Майкла рукой или взглядом.

По лужайке всё шли и шли гости, здороваясь с Элизой и с интересом поглядывая на Майкла. Шелестя длинным платьем по траве, прибыла Софи — старая подруга Элизы, как считала сама Софи. Тёмно-красное платье гостьи выглядело весьма консервативным, пока взгляд не притягивался окном прозрачности, не признающим никаких табу и быстро оббегающим по случайной траектории стройную фигуру девушки.

Элиза и Софи расцеловались, и подруга восхищённо уставилась на плечистого красавца Майкла, производившего сильное впечатление даже в полумраке:

— Представь мне своего кавалера!

Хозяйка приёма оказалась в затруднении: она ещё не знала — будет ли Майкл поддерживать на вечеринке своё инкогнито.

— Это... просто Майкл, — нашла она выход. Пусть сам Майкл уточняет, если захочет.

Такое представление было ошибкой. Элиза давно не жила на острове и не знала, что в последние годы красивые и безденежные молодые люди, которых скучающие одинокие дамы острова могли в изобилии найти в кабачках соседней Виллафранчи, стали так привычны, что даже замелькали в качестве кавалеров на неофициальных вечеринках. И отличались они от молодых людей высшего света острова тем, что их представляли без фамилий, а «просто Джек», «просто Анджи».

— Лиза — ты проказница! — Софи рассмеялась и мгновенно потеряла к Майклу интерес.

— А ты почему одна? — поинтересовалась Элиза, так и не понявшая, почему она

попала в проказы.

— Ты с ума сошла! — воскликнула Софи. — Все же знают, что на твоём приёме будет новый владелец виллы Уайтшильдов! Говорят, это какой-то бородатый мрачный холостяк-нелюдим. И как же я могла на твой приём заявиться не одна? Да я всю неделю изобретала трепетное амплуа. Нашла совершенно гениальное: «Я ужасно одинока, скромна и сексапильна!» Я вся в охотничьем азарте! Слышала, это аристократ из королевских кругов — то ли граф, то ли герцог. Я сидела в салоне красоты весь день! Больше всего хлопот было с причёсками... — Софи озабоченно последила взглядом за шаловливо блуждающим пятном.

— А если новый владелец виллы Уайтшильдов — старик пенсионного возраста? — еле сдерживаясь от смеха, спросила Элиза.

— Ну и что? — рассудительно сказала Софи. — Дорогая Лизочка, тут надо на чём-то одном остановиться: или богатый герцог, пусть старенький... говорят, старенькие даже очень чувствительные... или такой красавчик, как твой дружок... э-э... как вас?.. — небрежно спросила Софи.

— Младший принц Майкл Гринвич, — наклонил церемонно голову Майкл. — Это я купил поместье Уайтшильдов.

Кровь отхлынула от лица Софи.

— Упс! — просторечно вскрикнула она в ужасе, но тут же спохватилась и склонилась перед Майклом в церемонном реверансе, и даже прозрачное пятно деликатно застыло всего лишь на её колене.

— Простите деревенскую дуру, ваше высочество, — дрожащим голосом, полным раскаяния, вымолвила она.

— Что вы, — утешающе сказал принц Майкл, — это было очень мило. Одинока, скромна и сексапильна — прекрасное сочетание! Не стоит выходить из такого образа.

— Да что уж там, ваше высочество. — Софи метнула исподлюбный трагический взгляд на тесно стоящих Майкла и Элизу. — Бродячий цирк безнадежно опоздал к ярмарке.

— А почему вы так... странно повели себя? — с любопытством спросил Майкл, и Софи плачущим голосом поведала причину.

— Я польщён! — ухмыльнулся Майкл. — Меня приняли за профессионального альфонса!

— Вовсе не похож, — возразила Элиза. — Слишком умное лицо.

— Меня извиняет лишь то, что вы такой красивый, ваше высочество, — льстиво пробормотала Софи. — И я на коленях прошу вас обоим никому об этом кошмарном случае не рассказывать... — Голос её затрепетал от искреннего ужаса. — Я навсегда стану посмешищем! На меня будут показывать пальцем до конца моей жизни. Лучше утопиться, чем такой позор!

— Не волнуйтесь, дорогая Софи, ваше имя никогда не всплывёт в связи с этим забавным недоразумением, — успокаивающе сказал принц.

— О, спасибо, ваше высочество... — Но было очевидно, что девушка расстроена своей оплошностью не на шутку. Она побледнела и дрожала.

Майкл внимательно посмотрел на неё, потом повернулся к Элизе:

— Ты позволишь мне пригласить Софи на танец?

Элиза всё поняла и кивнула:

— Если только она будет... без пятнышка.

— О! — воскликнула в восторге Софи, и прозрачное окно мгновенно исчезло с её тёмно-красного платья.

— Разрешите пригласить вас на тур вальса? — склонил Майкл голову в сторону Софи. — И без титулов, пожалуйста: для вас, Софи, я навсегда — просто Майкл.

Майкл и Софи танцевали старинный вальс на середине веранды, среди нескольких других пар. Софи раздумывала и похорошела, но Элиза восхищённо смотрела только на Майкла: «Он добр... как Джерри. Нет... — поправились она, — он добр и внимателен по-другому. Джерри был простым парнем, а Майкл — принц могущественной династии, сын

самой императрицы Николь... Он мог бы ходить, посматривая на всех свысока, а он не захотел оставлять в убитом состоянии даже незнакомую девушку, да ещё нахамившую ему... Неужели это всё правда? Раньше мне часто снились такие счастливые сны. Тем страшнее было пробуждение... Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет не сон! Или, хотя бы, — пусть он длится подольше...»

В последнее время это была её обычная молитва.

Элиза уже страшно жалела, что затеяла приём, — ведь сегодня ей придётся познакомить родителей с Майклом. Она надеялась только на то, что родители примут его сдержаннее в присутствии гостей.

Когда все собрались, Элиза с суматошно бьющимся сердцем повела Майкла на заполненную веранду и, держа его под руку, подошла к родителям. Отец беседовал со старыми друзьями, а мать отдавала распоряжения персоналу, нанятому для обслуживания вечеринки.

По знаку Элизы музыка смолкла. Родители оторвались от дел и с удивлением воззрились на дочь, которая шествовала в сопровождении высокого незнакомца. Постепенно шум утих по всей веранде, и гости с любопытством уставились на Элизу в длинном чёрном платье с открытой спиной и рослого Майкла в отлично сидящем смокинге.

— Дорогие гости! Мама и папа! Разрешите представить вам...

Элиза сделала паузу, отчего самым громким звуком вечеринки стал плеск ночных волн в прибрежных камнях далеко внизу.

— ...нового владельца виллы Уайтшильдс, принца Майкла Гринвича!

Гости разразились овацией и приветственными криками. Мать Элизы побледнела, а отец нахмурился и покраснел, метая глазами молнии. Гости не замечали реакции хозяев дома и восторженно аплодировали знатному гостю.

Девушки, присутствующие на приёме, все как одна испытывали двойственные чувства. С одной стороны — они с восхищением оценили мужественную красоту Майкла, с другой стороны — мгновенно заметили, как крепко держит его под руку хозяйка вечеринки и как нежно он целует ей руку в ответ на представление.

— Миссис и мистер Снайдер! — мудро обратился Майкл к родителям Элизы. — Благодарю вас за приглашение в ваш дом! Это большая честь для меня!

Гости зашушукались: «Какой вежливый принц... Какой скромный...»

— Я льщу себя надеждой, что вы примете ответное приглашение и посетите меня в моём новом доме, который я собираюсь сделать постоянной резиденцией...

Шум всплеснулся до максимума. Не много мест на Земле могли похвастаться, что они являются главной резиденцией принца могущественной династии. Эта новость даже заметно поднимет стоимость других вилл острова.

Пока Майкл говорил, родители Элизы постепенно приходили в себя, но не расставались с напряжёнными, хмурыми лицами — особенно отец.

— Мы с вами будем постоянными соседями... — продолжал невозмутимо Майкл, — и мне хочется надеяться, что, если я заблужусь в местной чаще и, проголодавшись, начну есть дикие груши в вашем саду, меня никто не подстрелит из дробовика...

— Лучше вам ничего не воровать в нашем саду, принц Майкл! — холодно и прозрачно ответил отец Элизы.

— Воруйте в моём, хоть каждую ночь! — крикнул кто-то из толпы, и все рассмеялись.

— Как вам нравится наш остров? — спросил ещё чей-то голос.

— Лучшее место на Земле! — искренне ответил Майкл. — Я восхищён, что вам удалось сохранить такую жемчужину в её первоизданном виде!

Более сильного хода для вербовки сторонников принц сделать не мог — жители гордились своим полуостровом и участвовали во множестве добровольных организаций, заботящихся о природе побережья и шельфа.

По незаметному сигналу Элизы зазвучала музыка, и официальная часть закончилась. Но к Майклу потянулись с представлениями местные семьи, и Элиза из хозяйки, а Майкл —

из её гостя неожиданно превратились в своего рода семейную королевскую пару, принимающую визиты.

Через некоторое время коловращение вечеринок вынесло Майкла и Элизу к группе стариков и старушек, сидевших в тихом месте веранды. Среди них была и близкая родственница Элизы — тётка её матери, надменная старуха, всю жизнь ненавидевшая династию Гринвич за страдания племянницы. Она, собрав всю ярость к своим исконным врагам, сурово сказала Майклу:

— Так вы, сударь, не принц, а всего лишь бастард! Незаконнорождённый сын!

Окружающие впали в шоковое состояние.

Майкл, сохраняя великолепное спокойствие, всерьёз поинтересовался:

— А вы рожали своих детей «по закону»? Чем это отличается от «незаконных» родов?

— У меня не было детей, зато все мои пять браков были легитимны!

Майкл пожал плечами и улыбнулся свирепой старухе в инвалидной коляске:

— А у моих родителей брак был всего один. Возможно, для кого-то и незаконный, но, слава богам, совершенно настоящий. Иначе бы я не родился и не имел бы редкого счастья беседовать с вами, мадам.

— Я никому не позволю обижать свою единственную внучатую племянницу! — сурово молвила старуха.

Её никто не понял, кроме самого Майкла и родителей Элизы, со смешанными чувствами слушавших издали эту беседу.

— Я тоже никому не позволю обижать вашу внучатую племянницу, — сказал Майкл, после небольшой паузы, успев вслушаться во что-то, — ведь она и моя родственница тоже.

— Как так? — с подозрением уставилась на него сварливая старуха.

— Очень просто, высокочтимая графиня Андерсон, — рассмеялся Майкл. — Ваш последний муж, граф Андерсон, является младшим кузеном принцессы Анны, которая впоследствии стала женой короля Шихин-а.

— Да, это так, — величественно сказала старуха.

— А моя старшая сестра Сюзан, урождённая Гринвич-Шихин-а, является родной внучкой королевы Анны, тем самым я оказываюсь вашим троюродным внучатым племянником по линии последнего мужа.

Тётка Элизы просто онемела.

— Я был бы счастлив называть вас «грандма», — вкрадчиво сказал Майкл, — но, будучи обычным бастардом — тут, графиня, вы совершенно правы! — даже и не смею мечтать о такой милости... о, как мне жаль, дорогая бабушка...

Надменная старуха совершенно опешила от шустрого нового родственника и растерянно посмотрела на племянницу. Та с такой надеждой глядела на свою любимую тётку, держа Майкла за локоть, что старуха всё поняла, и её сердце сдалось.

— Ну и пройдоха же ты, принц Майкл! Твоя взяла, племянничек, называй меня бабушкой!

И разрешила принцу Майклу поцеловать себя в надушённую морщинистую щёку.

Окружающие разразились аплодисментами.

Элиза в полном восхищении смотрела на великого дипломата Майкла.

А тот, не останавливаясь на достигнутом, вызвал по т-фону своего дворецкого и попросил:

— Срочно привези бутылку лучшего «бастардо» из моего винного погреба... — и ласково обратился к растаявшей старушке: — Сейчас мы выпьем за нашу долгожданную встречу, дорогая грандма...

Страшный человек!

Позже Элиза шепнула:

— Как тебе повезло, что ты оказался в родстве с графиней Андерсон!

— Это просто математика — на уровне высшей знати практически все люди находятся в дальнем родстве — моя удача заключалась лишь в том, что родство оказалось не слишком

замысловатым.

— Ты само обаяние — действуешь неотразимо на женщин любого возраста, даже на тех, кому за восемьдесят!

— Ну, восемьдесят — это не возраст для настоящей женщины! — уверенно сказал Майкл.

— Вот-вот — именно об этом я и говорю! — рассмеялась Элиза.

Майкл хмыкнул:

— Что такое возраст? Старенький дядюшка Борис из династии Шихин-ых всегда утверждал, что жениться нужно в последнем приступе молодости, собравшись с духом и подгребая под пиджак остатки стройности.

— Что-то плоховато ты следуешь этой мудрости, — улыбнулась Элиза.

— Силы воли не хватает... — вздохнул Майкл.

Через некоторое время он попросил у Элизы разрешения оставить её на минутку. И она с ужасом увидела, как он подходит к её родителям и о чём-то с ними говорит. Что он затеял? У отца с лица не сходило хмурое выражение. Вот они повернулись и втроём зашли в дом. Элиза страшно разволновалась, но тут на неё напало целое семейство Хопкинсов с полудюжиной детей и собак — они целовались, галдели и кусались, — и переживать стало некогда.

После довольно долгого отсутствия Майкл возвратился с двумя бокалами шампанского. Элиза так обрадовалась ему, что даже забыла спросить, о чём он говорил с её родителями.

Вдруг музыка стихла без всяких знаков со стороны молодой хозяйки. На открытый центр веранды выступил отец Элизы и сказал с очень серьёзным и бледным лицом:

— Дорогие гости, вы уже хорошо знаете принца Майкла, нашего нового островитянина...

Одобрительный смех раздался среди гостей, увидевших Майкла впервые два часа назад.

— ...и ещё лучше вы знакомы с нашей Элизой...

Взволнованный отец откашлялся и собрался с духом:

— Я хочу сделать важное объявление... об официальной помолвке между нашей дочерью Элизой дю Снайдер и Майклом Гринвич-Уолкером, младшим принцем династии Гринвич!

Толпа гостей ахнула и разразилась бурей аплодисментов.

Элиза в ужасе посмотрела на Майкла. Что он наделал! Никки ему никогда не простит! И ей тоже.

Ответный взгляд Майкла был ласков и серьёзен.

Тут людской гул всплеснулся ещё больше и затих, как по команде. Рядом с бледным отцом Элизы и её матерью, непрерывно вытирающей глаза платком, возникла голограмма величественной императрицы Николь в длинном строгом чёрном платье, украшенном лишь крупной алмазной брошью в виде короны.

Всё поплыло перед глазами Элизы, и она вцепилась в локоть Майкла, как в спасательный круг.

— От имени всей династии Гринвич поздравляю с помолвкой Элизу и Майкла, а также миссис и мистера дю Снайдер!

Звучный голос могущественной императрицы был слышен далеко за пределами веранды. Взрыв аплодисментов и криков выплеснулся ещё дальше.

В этот момент в небо над островом ударил фейерверк. Красные и синие орхидеи расцвели на полнеба, но Элиза не смотрела вверх. Она, едва удерживая сердце в груди, на подгибающихся ногах подошла к Никки, не отрывая от неё взгляда.

— Здравствуй, Никки... — еле слышно сумела сказать Элиза.

— Здравствуй, Элиза... — ответила негромко императрица Северных.

— Неужели, ты... — не сумела закончить свою мысль Элиза, но Никки её поняла.

— Будь счастлива, принцесса Элиза, — твёрдо сказала Никки, — для нас с Джерри счастье Майкла важнее всех политических расчётов. Мир не погибнет без его жертвы на алтарь долга...

— Спасибо тебе, Никки... — шепнула Элиза и несмело протянула дрожащие пальцы. Никки помедлила, а потом подняла свою руку.

Их ладони слились. Хотя это было невозможно с точки зрения техники, Элиза почувствовала тепло Никкиной руки. И это незаметное тепло без следа испарило её застарелую ненависть.

— Поздравляю тебя, сын, — сказала Никки, переведя глаза на подошедшего Майкла. — Ты быстро возмужал.

И величественная фигура в чёрном исчезла.

Элиза перевела дух и посмотрела на Майкла. Тот улыбнулся и крепко обнял девушку за плечи. В следующее мгновение они попали в объятия совсем уж безудержно плачущей матери Элизы и еле сдерживающегося взволнованного отца.

И всех их захлестнул поток друзей, поздравляющих, обнимающих, пожимающих руки. Шампанское щедро полилось, наполняя тесные ряды тонких бокалов, и громко зазвенел хрусталь во имя новой счастливой пары. А над толпой взволнованных людей без устали распускались гремящие и шипящие цветы фейерверка.

Не обращая никакого внимания на небесный грохот и людскую суматоху, в кронах старых каштанов кружилась метель мерцающих огоньков.

Для влюблённых светлячков был самый сезон.

Они отчаянно вспыхивали зелёным светом и звали, звали друг друга... Ведь главное в этом мире — найти свою любовь, единственную и вечную.

Это может быть прекрасный светлячок или обычная принцесса.

Не важно. Главное — успеть найти, пока не настала зима.

Глава 21

Летучий голландец

Б ыть изгоем — несладкая работа. Но я привык.

На серьёзные конференции по внеземной жизни меня давно не приглашают, доклады мои ни в повестку секций не ставят, ни на стенды не допускают. Не в том дело, что специалисты по внеземному разуму («внеразумники» на жаргоне аспирантов) не соглашаются с моими работами или имеют что возразить.

Просто я — *persona non grata*.

Написать со мной в соавторстве статью — значит потерять лицо или стать объектом насмешек коллег. Я слишком нетерпим к чужой глупости и слишком скандален. И, конечно, мои работы кажутся всем ненаучной фантастикой. «Основы дипломатических взаимоотношений с инопланетными цивилизациями» — никто в здравом уме не станет писать такую работу, в то время как все наличные инопланетяне исчерпываются марсианскими бактериями.

Я — пишу.

Значит, я — не в здравом уме. Очевидно же? А если вспомнить длинный список других моих работ: «Схемы военных действий в межзвёздном пространстве», «Звёздная колонизация: мифы и реальность», «Потенциальная вариабельность психологии инопланетных гуманоидов», «Понятие рациональности в негуманоидных цивилизациях»...

Короче, общение со мной может дискредитировать любого специалиста, занимающегося респектабельными проблемами межзвёздной связи или поиском экзопланет. От меня шарахаются даже составители пресловутого дурацкого линкоса — языка общения с потенциальными инопланетянами. «Грамматика как отражение человеческой психологии», «Обобщённая неограмматика для связи с иным разумом» — это их Рубикон, за который они умрут, но не перейдут.

Среди космограмматиков есть пара хороших ребят, и я с ними изредка встречаюсь в захолустных рестораниках — чтобы никто не увидел нас вместе. Они охотно рассказывают мне, какой визг поднимают члены редколлегии научных журналов, когда получают очередную мою статью.

Я посылаю эти статьи просто так, чтобы позлить научные светила. А потом, получив ответ, полный яда, вывешиваю статью и отзыв в своём личном блоке Сети. Иногда сопровождаю отзыв редколлегии своим не менее саркастическим комментарием. Мой виртуальный блог — моя реальная крепость. Туда каждый день заходят сотни психов, которые болеют инопланетной лихорадкой. Но и спецы заглядывают, оставляя анонимные поддерживающие письма.

Совет Колледжа, в котором я преподаю общую психологию, мало интересуется моими научными изысканиями. Студенты получают нужную сумму знаний и не жалуются — а это всё, что президента колледжа волнует.

Два года назад я объединил свои результаты в одной книге «Инопланетяне: друзья или враги?»

Книгу за месяц прочитали сто тысяч человек. Сенсация!

Вот этого никак нельзя было простить, и в научных кругах поднялся серьёзный шум: волна уничтожающе-критических статей и насмешливых отзывов. В результате продажи книги заметно выросли, а издательство предложило мне написать что-нибудь ещё.

Конечно, мой статус «неприкасаемого» в научном обществе от такой скандальной книги только упрочился, но колледж шумихой был доволен — как-никак бесплатная реклама.

А я хожу и думаю о следующем этапе — об экспериментальной проверке своих теорий. Раз пока инопланетян в наличии нет — надо их создать своими руками. Вот только собственных рук тут мало, а купить чьи-то — денег нет.

«Грубо говоря, я хочу попробовать смоделировать психологию инопланетян в рамках искусственного киберинтеллекта. Это задачка умопомрачительная. Я кручу её в голове уже полгода, спрятавшись за отрешённым лицом; даже ругаться на окружающих стал реже — и они сочли, что я на пути к исправлению.

Да, мои полусумасшедшие друзья (а если вы сюда зашли и читаете эти строки, то вы — явный нестандарт), мечтать об универсальной модели психологии разумного существа, в общем случае — нечеловеческого, которой можно было бы управлять с помощью обозримого набора основных параметров, — это одно. И совсем другое — создать конкретное и аккуратное пространство психологических параметров, в котором можно разместить любой психотензор. Само определение координат и выделение пси-инвариантов может занять всю жизнь. Иногда в голову закрадывается крамольная мысль: а будет ли такое пространство психологических параметров декартовым? Не получит ли оно искривление от некоего возмущающего фактора, например влияния другой личности? Может, придётся искать и уравнения Эйнштейна для искривления психологического пространства? Или это совсем клинический бред?

Подумайте над этим, мои полусумасшедшие друзья, а мне пора в колледж».

Я закрыл свой блок, надел плащ и взял портфель.

Выйдя из двери, я обнаружил, что по лестнице ко мне поднимаются два типа в шляпах и одинаковых чёрных пальто. Прямо спецслужбы какие-то.

— Доктор Кашлинский? — спросил один из них, старомодно прикоснувшись к краю своей шляпы.

— А вы кто такие? — я ответил вопросом.

Типы замялись, и правый, повыше, сказал:

— Мы уполномочены провести переговоры о вашей консультации.

— Кого нужно консультировать?

— Пока вы не согласитесь, имя клиента не может быть разглашено.

— О боги, какие тайны! — фыркнул я. — Но я опаздываю в колледж и не могу болтать с загадочными незнакомцами. Всего хорошего.

— Сэр, — второй тип выступил вперёд, загородив всю лестницу. — Это очень важная консультация, и, если вы согласитесь, мы всё уладим с колледжем.

— Отойдите в сторону, вы мне мешаете! — вспыхнул я. — Что за консультация, ради которой я должен оставить работу в колледже? Разве это нельзя совместить? Что за дело, которое не может подождать до вечера?

— Это очень срочная консультация, и вы должны вылететь для неё уже сегодня.

— В какой области требуется моя помощь? — Я уже всерьёз был на взводе.

— Извините нас, сэр, мы не можем вам сказать — мы дали подписку о неразглашении.

— Бред какой-то. Пойди туда, не знаю куда, проконсультируй то, не знаю что... Дайте пройти, у меня лекция.

И я двинулся по тротуару. Двое типов побежали рядом, соскакивая в дорожные лужи и огибая припаркованные машины. Высокий обогнал меня и загородил дорогу.

— Профессор, пожалуйста, не сердитесь! Мы не можем вам ничего сказать, разве что — намекнуть. Это в области вашей главной специализации.

— Общая психология?

— Нет. Вы же известны как специалист по...

Высокий тип замаялся.

— Неужто вы хотите пригласить меня как специалиста по инопланетянам?

— Да.

— Всё смешнее и смешнее. И какой только шутник вам меня порекомендовал! Куда лететь на консультацию? — сердито спросил я, машинально ероша бороду.

— На Тритон, — тип пониже ростом поёжился.

— Вы сами инопланетяне или просто сбежали из сумасшедшего дома? Я даже на Луне не был, а с системой Нептуна пассажирское сообщение вообще отсутствует. Скажите толком, в чём дело и кто ваш, вернее, мой клиент — или я с места не сдвинулся! — И с самым решительным видом я плюхнулся на ближайшую скамейку и упрямо выпятил вперёд свою бороду.

— Эх, шеф нас убьёт! — тоскливо сказал правый и присел рядом. — Я расскажу вам то, что сам знаю, профессор, но только, пожалуйста, никому не говорите, иначе мы с Билли поплатимся своими головами. Так вот, про инопланетян...

Т раекторией этот планетоид резко отличался от соседних транснептунов и комет: эксцентриситет его орбиты был гораздо больше единицы, что указывало на межзвёздность объекта. Поэтому автоматический телескоп «Койпер-11», поймав этот объект на свою чувствительную электронную сетчатку, не просто занёс его в предварительный каталог, но и присвоил ему высший приоритет для наблюдений.

Примерно с десятков телескопов, жужжа моторчиками и пофыркивая старомодными гидразиновыми эжекторами или современными ионными двигателями, переориентировались в направлении пришельца, измеряя его видимые размеры и альбедо поверхности, регистрируя спектр в радио-, инфракрасном, видимом и ультрафиолетовом диапазоне.

Атмосферы у новичка найдено не было, спутников — тоже, а вот инфракрасный сигнал был заметно выше нормы. Трёхкилометровый планетоид, прилетевший из чёрных глубин, должен быть холоден, как любой ледяной пришелец из межзвёздного пространства, а он неожиданно оказался теплее Плутона.

Исследовать странную комету было поручено скоростному зонду из небольшой базы, которая размещалась на карликовой планете Эриде.

Зонд, ускорившись до сотни «же», через месяц приблизился к загадочному планетоиду.

И неожиданно полностью прекратил передачу данных.

Был ли он взорван или просто парализован — оставалось непонятным. Но данные,

которые он успел передать, показали многое. На каменно-ледяной поверхности кометы располагалась огромная регулярная структура, дающая мощный вклад в тепловое поле планеты. Эту структуру из узлов и соединяющих их коммуникаций можно было условно назвать «городом».

Совет Безопасности ООН немедленно снарядил военную экспедицию для встречи гостя, который стал проявлять явные признаки торможения, то есть желая остаться в Солнечной системе.

«Флот встречи» состоял из десяти тяжёлых крейсеров и сотни более мелких кораблей. Флот выстроился подковой и на максимальной скорости устремился к инопланетному кораблю — никаких сомнений в том, что собой представляет комета, больше не было.

Впереди флота на невероятном ускорении следовал корабль-посол. Адмирал флота упрямо называл его «корабль-разведчик». Лишь электромагнитное кресло спасало пилота от мгновенной гибели. Пилот был добровольцем, который решился взять на себя риск первых космических переговоров.

Он летел не скрываясь, транслируя по радио и по лазерному лучу своё приветливое изображение и призывая на всех языках, включая язык очевидных жестов, к дружбе и равноправному сотрудничеству.

Навстречу ему с планетоида стартовали три больших чёрных корабля. Они не стали вступать в переговоры, а попросту уничтожили «посла-разведчика» залпом из носовых лазеров, после чего повернули свои пушки против приближающегося земного флота. Судя по первому залпу, огневая мощь тройки инопланетных линкоров была больше, чем суммарная мощь всего земного флота. Тем самым разведчик выполнил свою миссию — узнал главные параметры вражеского флота — правда, ценой своей жизни.

Но сражение повернулось неожиданно: в бок линкорам ударили боевые плазменные солитоны, вырвавшиеся из пучковых орудий эскадрильи крейсеров-невидимок, которые летели между разведчиком и основным флотом, держась в стороне от вражеских сенсоров.

Электронные сети вражеских линкоров пришли в замешательство. Воспользовавшись суматохой, стелс-крейсера успели выпустить по линкорам стаю термоядерных ракет.

Три ослепительных солнца бесшумно распустились в космосе. По оценкам экспертов, было уничтожено от трёх до тридцати тысяч инопланетян, входивших в экипаж линкоров.

Возможно, жителей города на планетоиде охватил ужас при виде разгрома их эскадры, но длился он недолго — через пять минут всё было кончено. Сквозь облако взрыва прорвался рой солитонных сгустков и ракет основного калибра, запущенных главной эскадрой.

Половина планетоида словно распухла от взрыва. Когда обломки и газовые фонтаны немного рассеялись, стало видно, что города больше не существует, как и значительной части планетоида.

Человечество победило пришельцев.

Вторая атака инопланетян была задумана гораздо хитрее. Тысячи небольших — каждый в десяток метров диаметром — железо-каменных астероидов потихоньку проникли внутрь Солнечной системы, ничем особенным не отличаясь от природных тел. В час «Х» автоматические кораблики инопланетян активизировались и обрушились на космические базы и земные города. Они использовали два вида тактики: кораблики сами взрывались нейтронными бомбами, убивая всё живое, но не трогая здания и инфраструктуру, или садились в большие города, рассеивая вокруг себя вирусы странной лихорадки, которая была самой заразной из всех известных человечеству болезней и самой убийственной: выживших после этой болезни не было.

Корабли землян бились как дьяволы, сбивая сотни хитроумных корабликов, но инопланетных автоматов были тысячи.

Военные силы ООН пытались вычислить командный центр, где отсиживались коварные пришельцы, выставившие вместо себя роботов, — но безуспешно.

Через два месяца человечество было уничтожено, а все очаги сопротивления подавлены.

В обезлюдевшую Солнечную систему не спеша вплыл флот из инопланетных транспортов, прятавшийся в поясе транснептунов.

Пришельцы победили человечество.

— И что вы по этому поводу скажете? — спросила меня стройная высокая женщина, сидящая в кресле справа от меня.

Я фыркнул:

— Никки, это бред и чепуха!

Я с удовольствием звал королеву по имени, как она предложила вчера, при первой встрече. Станным образом обернулся разговор о консультации! В результате я сейчас сижу во флагманском крейсере «Таганай» королевы Гринвич и веду с ней беседы о любимых мною инопланетянах.

И Никки не считает меня сумасшедшим. И не боится потерять свой имидж — она вообще ничего не боится; делает что хочет. Вчера официант, унося после ужина грязную посуду, уронил с полного подноса салфетку. Королева наклонилась, подняла салфетку и положила слуге на поднос, не прекращая невозмутимо беседовать со своими высокими гостями о мировой политике. Зато слуга очень смутился.

Я продолжил:

— Наверняка вы наняли для моделирования этого кретина Вдовиака из Парижского центра.

Никки кивнула:

— В моих институтах не было специалистов нужного профиля, и я обратилась в Европейскую академию наук. Эти два сценария встречи с инопланетянами подготовила именно ЕАН.

— Как вы понимаете, академия сама по себе ничего не готовит, — жёлчно фыркнул я. — Она поручает этим заняться какому-то конкретному специалисту. В Европе на тему инопланетян пасётся только доктор Вдовиак. Его держат в ЕАН, потому что он притащил туда огромный грант от какого-то богача, выросшего на космических играх-стрелялках. Вдовиак клепаёт свои сценарии именно по компьютерным играм — полагаю, чтобы сделать приятное своему меценату.

— А вы с ним не согласны?

— Только слабоумные могут быть с ним согласны. Его сценарии не выдерживают элементарных вопросов. Зачем планетоид не затормозил раньше и не отправил вперёд свой флот? Почему основой вражеского флота стали неповоротливые и уязвимые линкоры? Я вижу один ответ на эти вопросы: это сделано для того, чтобы в первом сценарии Вдовиака люди могли легко победить инопланетян.

Второй сценарий не менее дурацкий. Вдовиак даже не задумывается: а зачем инопланетянам наши города и здания? Чтобы жить там самим? Межзвёздные путешественники не могут построить себе крышу над головой по вкусу и решили захватить наши спальни, кухни и унитазы? Бред пьяного сумасшедшего.

— Соглашусь с вами. Этот «Прогноз межзвёздного конфликта» тоже вызвал у меня большие сомнения, поэтому я и поручила найти другого специалиста по инопланетянам. И мне нашли именно вас — в последний момент, когда уже я потеряла надежду получить более взвешенное мнение. Спасибо, что согласились полететь со мной так далеко. Вырвать целый месяц из своего расписания — это сложно, я понимаю. Но мне сказали, что вы отказываетесь от гонорара?

Я откашлялся:

— Да, отказываюсь. Лично мне не нужны деньги, но я давно хотел построить модель инопланетной психики на основе компьютерного интеллекта. Если бы вы помогли с этой программой — было бы просто замечательно.

— Ну, это не проблема, я сама заинтересована в такой программе...

— Вы? — удивился я. — С какой стати? И вообще, поясните, зачем вы меня пригласили? Высказать своё мнение по поводу сценариев идиота Вдовиака? И зачем мы летим на Тритон?

— Про Тритон я скажу чуть позже. Да, я хотела узнать ваше мнение об этих сценариях, но ещё мне нужно услышать, что вы сами думаете о возможной стратегии инопланетян при космической экспансии. Для чего они полетят в космос? Что они будут делать с другими цивилизациями при встрече?

Ага, мне предлагается вот так, с ходу, взять и сформулировать основы галактической политики существ, про которых я ничего не знаю. Я поднялся на ноги и зашагал по залу, став похожим на лектора перед классом, хотя в первом ряду перед мной сидела только Никки.

— Философы, высказываясь о космических войнах, обычно несут чушь и лепет в духе фантаста Уэллса: марсиане прилетят и выпьют нашу кровь. Но фокус в том, что цивилизация, освоившая межзвёздные полёты, уже не нуждается в пище или в рабах. Инопланетян могут заинтересовать только две вещи. Первой из них является пригодная для обитания планета, у которой три главных физических параметра: температура, гравитация и атмосфера — находятся в пределах, допустимых для биологии инопланетян.

— Интересно, — сказала Никки. — А что за вторая вещь, которая может заинтересовать инопланетян?

— Мы сами, как пример разумной расы, как новая точка в многомерном пространстве возможных решений биологической эволюции. Интерес представляет и наша культура. Наиболее интересны не научно-технические штучки типа лазеров или ядерных реакторов — они наверняка уже есть у инопланетян, а специфические, этнокультурные достижения: живопись, культура, музыка, литература.

— Зачем им это?

— Для развлечения. Это не так ценно, как новая планета, но немаловажно. Впрочем, я тут не уверен — мы лично можем оказаться ценнее планеты. Возможно, какие-то вещи они не поймут и не оценят, но что-то их обязательно заинтересует — как увлекла бы нас любая инопланетная культура. В конце концов, даже примитивные поделки туземцев вызывают у нас определённый интерес.

— Значит, вы думаете, что человечество сможет заинтересовать технически превосходящих его инопланетян как торговый или культурный партнёр?

— Думаю — да. Особенно если мы сможем сделать инопланетянам подарок в виде координат подходящей для них планеты. Ведь мы лучше знаем свои окрестности космоса. За такой подарок инопланетяне могут поделиться передовыми технологиями.

— Отлично, профессор! А теперь я расскажу вам, зачем мы летим на Тритон...

Тритон был похож на розоватую дыню с нахлобученной шапкой снега. Странные трещины и узорчатые равнины покрывали поверхность этого огромного, размером почти с Луну, спутника Нептуна. Его поверхность из метанового и азотного льда ярко блестела в свете крошечного Солнца. Очень холодный мир с температурой минус двести сорок градусов. Может, поэтому на полярном азотном леднике видны чёрные дымы — наверное, кто-то жжёт костры, чтобы согреться? Шучу, шучу.

Я повернулся к самому Нептуну. Он занимал значительную часть неба и был приятно-синим и однородным. На его диске выделялись лишь атмосферные ураганы, включая «Большое тёмное пятно» — тёмно-синий вихрь-долгожитель, обрамлённый белыми облаками. Я попытался рассмотреть знаменитые разорванные кольца Нептуна, но мне не повезло — глазом я их не нашёл. Надо на обратном пути устроиться поближе к телескопу — или заранее попросить навести его на кольца и послать изображение на мой экран.

До сих пор не могу поверить, что я попал в систему Нептуна и вижу самую дальнюю планету Солнечной системы своими глазами.

Планета бога морей похожа на голубой Уран, зато её спутниковая система совершенно

необычна — одни нептунианские арки чего стоят. Тритон уникален и тем, что является самым крупным обратным спутником в Солнечной системе — движется по орбите не в ту сторону, в какую вращается сама планета.

По дороге к Нептуну я читал объяснение этого феномена. Первоначально «прямая» система спутников подвергается «эрозии» и «загрязнению» из-за пролетающих мимо астероидов. Чем дальше от Солнца, тем медленнее гелиоцентрическая эволюция, тем дольше спутниковая система выдерживается в «рассоле» астероидной среды и тем больше у планет обратных захваченных спутников, орбиты которых из-за влияния Солнца стабильнее прямых.

Юпитер быстро поглотил или разбросал астероиды вокруг своей орбиты, поэтому его спутниковая система имеет очень незначительную примесь обратных тел. Сатурнианская система эволюционировала дольше и может похвастаться многими группами обратных спутников, включая крупную Фебу.

На окраине Солнечной системы астероидная популяция до сих пор не вычерпана, поэтому Нептун собирал обратные астероиды в свою спутниковую свиту до тех пор, пока она не стала практически вся обратной: кроме гигантского Тритона вокруг Нептуна движется обширное семейство из сотен дальних обратных спутников, смешанных с более редкими телами с прямым движением.

Внешняя прямая Нереида — она видна в мой левый иллюминатор — тоже уникал: крупный спутник с диаметром в 340 километров имеет эксцентриситет 0,75 и в течение своего оборота, близкого к земному году, меняет своё расстояние от Нептуна в семь раз! Видимо, эксцентричная Нереида когда-то столкнулась на встречных курсах с небольшим обратным спутником — таких шалопаев вокруг неё полно.

Я ущипнул себя за ногу. Больно! Похоже, я действительно нахожусь в системе Нептуна, где нет туристов, куда летают только учёные. Хорошо, что королевы иногда заглядывают.

Навалилась перегрузка. Это понятно: крейсер «Таганай» пошёл на снижение. Я становлюсь бывалым космическим путешественником!

Вездеход приближался всё ближе к гейзеру «Ранняя пташка», и грозный гул фонтана из жидкого, испаряющегося на лету азота становился всё громче и выше, пока не перешёл на визг, бьющий по барабанным перепонкам.

Я сидел, плотно пристёгнутый к сиденью большого вездехода, и всю таращился на этот космический фонтан, главное чудо Тритона.

Подумать только, всего десять дней назад я спешил в колледж на урок!

Согласно информационному бюллетеню, который я изучал во время полёта, вся история началась именно с этого аномального гейзера «Ранняя пташка». Программа исследования спутников крупных планет, реализуемая в Институте Солнечной системы, принесла свои плоды — неожиданные, но очень важные — настолько, что сначала на Тритон отправили одну экспедицию, потом другую, а сейчас сама императрица прилетела посмотреть на громко поющую «Раннюю пташку».

Этот гейзер выделялся среди десятков других фонтанов, бывших из трещин азотного полярного ледника, только тем, что начинал извержения раньше других, а заканчивал позже. Модель динамики гейзеров прекрасно описывала весеннюю и летнюю активность, а также осеннее замерзание остальных гейзеров, но «Ранняя пташка» упорно не укладывалась в расчёты.

Механика работы тритонских гейзеров была проста: весной на леднике Тритона начинало «припекать» далёкое солнышко. Его лучи проникали сквозь прозрачную толщу льда, нагревая всё непрозрачное. И тогда вокруг тёмных вмёрзших в лёд обломков скал и метеоритов возникали азотные проталины, а сами метеоритные тела погружались всё глубже в ледник.

В отличие от воды и льда, жидкий азот менее плотен, чем твёрдый. Поэтому если линза

жидкого азота образуется внутри ледника, то она давит на окружающий её лёд с колоссальной силой и рано или поздно прорывается наружу, выбрасывая фонтан азота на высоту десятка километров.

Азотная атмосфера на Тритоне разрежена, но достаточно плотна для постоянных ветров, которые подхватывают азотные капли и снежинки — а также всю пыль, которую захватил с собой гейзер, — и разносят их по леднику, образуя длинные — в полторы сотни километров — тёмные хвосты. Именно эти «дымы» на леднике я и видел с орбиты.

Первая экспедиция, исследующая аномальное поведение гейзера «Ранняя пташка», обнаружила, что оно имеет, в буквальном смысле, неестественный и даже весьма искусственный характер.

Потом дорасскажу, а то нас уже привезли.

Вездеход подкатил к временному надувному куполу над шахтой, идущей в основание гейзера, и прошёл шипящий шлюз.

Через полчаса мы уже спускались в узкую наклонную шахту с ледяными стенами. В тесной кабинке лифта уместились только трое: местный учёный-водитель, Никки и я. Спуск занял минут десять, хотя мне показался исключительно долгим. Я чувствовал себя не в своей тарелке ещё и потому, что из-за негерметичной кабины нас всех обрядили в скафандры. Мерзкая одежда!

Наконец лифт остановился, и мы сразу увидели *его*.

«Шар» или «Мяч Тритона».

Конечно, мы увидели не сам шар, а только его сегмент.

Кусок серого шершавого бока межзвёздного корабля.

Сотня метров в диаметре, возраст семьсот миллионов лет.

Сердце у меня билось как пулемёт. Я выбрался из кабины и подошёл к шершавой, изъеденной пространством и временем стене. Она кое-где блестела, как полированная, и была похожа по материалу на серо-коричневый прочный диабаз. Возле Шара работало пятеро сотрудников — они что-то измеряли своими приборами, но меня никто не остановил.

Я положил руку в перчатке на камень. Даже сквозь пластик ощущался космический холод.

Значит, вы всё-таки существуете и прилетали к нам...

Рядом стояла королева. Она тоже водила пальцем по поверхности и внимательно её рассматривала.

Я вспомнил, что у этой удивительной женщины есть масса искусственных чувств, которых нет у обычных людей. Что, интересно, она «видит» своими суперчувствами?

Борт инопланетного корабля был таким шокирующим зрелищем, что от него хотелось немного отдохнуть.

Я отвёл глаза и осмотрелся вокруг.

В ярко освещённом просторном зале, в котором остановилась кабинка, виднелись отверстия нескольких тоннелей, идущих во льду вокруг «Шара».

Сейчас на Тритоне весна, и фонтаны бьют вовсю, но вокруг «Шара» сделали холодильную установку: отключили древний корабль от общей циркуляции жидкого азота в гейзере. Гейзер отныне перестанет быть «Ранней пташкой», а будет включаться и выключаться вместе со всеми другими фонтанами — ведь это инопланетный корабль подогревал основание гейзера теплом своего чуть живого реактора, заставляя «Раннюю пташку» просыпаться раньше других.

Согласно отчёту, который я читал всю неделю, «Шар» представлял собой практически сплошной монолит каменно-металлического состава или «квазисферическое сплошное (на 94 %) тело, состоящее из металлоподобных ($\approx 70\%$), силикатных ($\approx 20\%$) и полимерных ($\approx 10\%$) компонент, сложно соединённых (сплавленных) друг с другом».

В качестве топливных баков «Шар» использовал небольшие боковые полости с каналами, способными ускорять и выбрасывать любое вещество, то есть которые могли быть одновременно и химическим, и ионным двигателем. В центре «Шара» находился ядерный

реактор, который ещё теплился и объяснял чуть повышенную температуру «Шара» и льда вокруг. «Шар» походил на ядро огромной межзвёздной пушки, много испытывавшее в полёте, очень прочное и, видимо, весьма надёжное и термостойкое. Сросшиеся в огромный сплошной шар молекулы кремниевых силикатов, металла и полимеров могли иметь самые различные функции — и разгадывать все тайны «Шара» придётся очень долго.

Я снова положил руку на борт корабля.

Мне только кажется, что он теплее окружающего льда?

Значит, вы всё-таки прилетали к нам...

В кают-компании «Таганая» началось совещание. Кроме учёных и королевских советников, присутствовали королева Никки, Джерри Уолкер и капитан флагмана Орлеан.

Первым выступил доктор Олев Малког — толстый человек с весёлым взглядом. Малког возглавлял научную группу, которая рылась вокруг зонда уже два месяца, и доложил первые соображения о технологии зонда:

— Главная загадка «Шара» — практическое отсутствие топливных баков. Как же он ускорялся и тормозился? Мы прозондировали «Шар» на предмет гравикубических двигателей, который использует, например, ваш флагман, но не нашли их признаков. В этом смысле инопланетяне отстали от нас.

Мы полагаем, что «Шар» был ускорен специальным автоматическим кораблём с термоядерным двигателем, или с реактором на антивеществе, или с двигателем, использующим лазерный разгон. Такой разгонщик цеплял межзвёздный зонд и с гигантским ускорением в сотни «же» — а в способности «Шара» выдержать такие ускорения мы почти уверены — разгонялся до, например, полусветовых скоростей. После чего шар-зонд отсоединялся от корабля-матки и дальше совершал почти инерционный полёт.

Как же зонды тормозились возле цели — выбранной звезды? Нужно отметить, что тормозиться гораздо легче, чем ускоряться! У «Шара» найдены загадочные устройства, которые, судя по всему, способны генерировать мощные электромагнитные поля. Тормозиться «Шар» мог, раскинув электромагнитные лепестки и сгребая межзвёздный газ по пути. Фактически полёт «Шара» совершался при постоянном торможении!

Часть сгребаемого газа «Шар» аккумулировал в небольшие баки, используемые для коррекции курса. Зонд мог также совершать тормозные маневры, пролетая сквозь атмосферы массивных планет и даже звёзд — если ему это позволяла пока не измеренная, но явно высокая жаропрочность корпуса.

Никки сказала:

— Интересный вариант экономичного межзвёздного полёта: мощное ускорение в начале пути за счёт другого корабля и долгое слабое торможение своими силами на всём остальном протяжении траектории.

— Верно! — просиял весёлый толстяк. — С нашей точки зрения, «Шар» — вероятнее всего, зонд-разведчик. Но, возможно, этот «летучий голландец» является заблудившимся кораблём другого назначения, например автоматическим ретранслятором на коммуникационной линии двух цивилизаций.

Потом взяла слово высокая девушка, рыжая и энергичная. Её все звали просто Наташей. Она была главой группы шифровальщиков — или расшифровщиков? — которая занималась анализом информационных секций «Шара». Её команда провела виртуозную работу по поиску инфохранилищ межзвёздного корабля и считывания с них данных.

— Проблема в том, что любые записи на атомном или даже доменном уровне за семьсот миллионов лет превращаются в хаотические обрывки просто из-за неизбежной диффузии молекул в твёрдом теле. Поэтому нам пришлось разработать специальные методы расшифровки таких древних записей, извлекаемых из столь сплавленных мозгов. Кое-чего мы добились, и я представляю вам первую полученную нами картинку!

Рыжая девушка, ухмыляясь, сделала томительную для всех паузу, а потом на большом экране появилась квадратная картина.

Сначала никто ничего не понял: картина выглядела как набор случайных мазков краской или мозаикой из кусочков цветного пластика.

Но потом раздались возбуждённые выкрики:

— Вот он!

— Я вижу его!

— Где, где ты видишь?

— Это же ДИНОЗАВР!

Я тоже лихорадочно всматривался в картину и наконец увидел.

Сгорбленная фигура в первый момент напомнила человека, но потом глаза принимали во внимание заметный хвост другого цвета и становилось понятным, что это небольшой крупноголовый ящер. Он стоял на ногах или на задних лапах, держа в руках что-то круглое. Руки были вытянуты — словно он протягивал этот непонятный предмет кому-то другому. И действительно — на правом краю картины была различима другая рука — или лапа? — также вытянутая вперёд.

Фон картины был зелёно-бурым и неоднородным. Растительность? Заросшая скала? Ещё какая-то геометрически правильная линия отслеживалась позади динозавра. Край стены здания?

Я очумело покрутил головой. Никак не ожидал, что доживу до того времени, что буду рассматривать реальные инопланетные фотографии. За столом кипело страстное обсуждение:

— А что, вполне вероятно... на Земле тоже были умные небольшие динозавры — эти... хищные троодоны. Крупный мозг, биноклярное зрение, передние лапы, приспособленные для хватания. Если бы они не вымерли, то мы, млекопитающие, могли бы и опоздать к занятию ниши разумных.

— Похоже на фантастический комикс!

— Ещё не факт, что инопланетяне — именно динозавры. Эта картинка может относиться к детской сказке, к домашнему или дикому животному.

— А когда будут следующие фото?

Наташа гордо сказала:

— Скоро. Мы надеемся получать каждую неделю по новому изображению.

Никки была довольна результатами совещания.

— Для меня очевидно, что космические программы перестали быть желательной опцией и превратились в необходимое условие существования человечества в обитаемой Вселенной. Не нужно фиксироваться на сроке в 700 миллионов лет — в нашей системе могут быть другие наблюдатели, более новые и хорошо спрятанные. Надо этим как следует заняться. Спасибо всем! Удачи вам в дальнейшей работе. Она может стать ключевой для определения всей космической политики человечества. И пора подготовить публичный пресс-релиз о нашей находке. Информации уже достаточно, главное — не вызвать мировой паники из-за страха перед нашествием «зелёных человечков».

Потом она повернулась ко мне:

— Профессор Кашлинский, не хотите поделиться своими соображениями?

Я нехотя встал:

— В данный момент могу сделать два сорта выводов об инопланетянах, создавших зонд: бесспорные и предположительные выводы. К бесспорным я отнесу два принципиально важных факта: разумные инопланетяне существуют, и они способны к межзвёздным перелётам хотя бы автоматических зондов.

Гипотетические выводы: они физиологически близки к нашим динозаврам. У них близкая нам система принципов и ценностей — потому что обнаруженный зонд пусть и необычен и технология его изготовления туманна, но функционирует он на вполне понятных нам принципах, да и цель его изготовления тоже постижима. Видимо, инопланетяне на расстоянии полёта таких зондов встречаются крайне редко, иначе таких артефактов мы находили бы больше.

Я полагаю, что «Шар» — это разведчик, который ищет удобные для колонизации планеты. То, что Солнце обладает тёплой планетой с кислородом и водой, можно определить с помощью телескопа. Но остаётся ещё исследование на наличие и характер биосферы, для чего требуется посылка зонда.

Десять лет назад я выдвинул положение, что главным биологическим требованием инопланетян к искомой новой планете будет отсутствие существенной биосферы. Чем меньше чуждой биосферы, тем лучше. Земноподобные планеты с нулевой биосферой ценней всего — их можно заселять с ходу. Все остальные варианты оборачиваются дорогостоящей стерилизацией микрофлоры или войной с макрофауной.

— В смысле, с людьми? — уточнила Никки.

— И с людьми, но и другие звери весьма неприятны как разносчики чуждых и опасных микроорганизмов. Какие-то болваны придерживались точки зрения, что разные инопланетные жизни не могут жрать друг друга и поэтому взаимно безопасны. Реникса! Если не учитывать вариант несовпадения изомерии, то каждый инопланетянин состоит из сахара, белков, углеводов и является прекрасной пищей для земных червяков и микробов. Если кто из них и сдохнет, пережрав чужого мяса с непривычным белком, то на Земле всегда найдётся достаточное количество организмов, у которых инопланетяне как пища пойдут на «ура». Обратное тоже верно: микробам-пришельцам мы тоже понравимся в качестве съедобного жилища.

Я предсказывал в своей книге два типа межзвёздных кораблей: многочисленные и быстрые автоматические разведчики и — после обнаружения подходящей планеты — медленные и крупные космотранспорты с переселенцами. И никаких межзвёздных крейсеров! Я повторяю это везде и всюду: космические войны — это несусветная глупость. Конечно, планеты с жидкой водой и кислородной атмосферой встречаются далеко не у каждой звезды, но их довольно много. По осторожным оценкам, примерно половина таких планет биологически стерильны. Так стоит ли неэкономично воевать с заселённой планетой, если следующая подходящая планета будет уже пустой и бесплатной?

Дружелюбие инопланетян гораздо более вероятно, чем агрессивность. Воевать дорого и ненужно, а дружить — дешево и полезно. Аномалии не исключены, но мы говорим о наиболее вероятном развитии событий.

Был ли «Шар» послан специально в Солнечную систему или просто попал в неё случайно, исчерпав свой ресурс или промахнувшись мимо заданной цели? Я склоняюсь к первой версии, но тогда возникает вопрос: сообщил ли зонд своим хозяевам о Земле? Если — да, то почему они не воспользовались информацией своего зонда о существовании в Солнечной системе кислородной планеты с водой и без разумной жизни? Напомню, что семьсот миллионов лет назад разумом на Земле и не пахло.

Возможно, у цивилизации псевдодинозавров возникли внутренние проблемы, которые не позволили колонизовать Солнечную систему, но я склоняюсь к мнению, что моя старая гипотеза подтверждается — инопланетяне не сочли приемлемой колонизацию планеты с богатой биосферой... Значит, инопланетяне гуманны или, по крайней мере, рациональны. Это обнадеживает.

И я сел, грубо не предложив задавать мне вопросы.

Но королева от меня не отстала:

— Профессор, а вы не хотели бы возглавить проект Гринвич-центра по изучению психологии инопланетян? В свете данных, которые будут извлекаться из «Шара»?

Ох уже эти короли — для них нет ничего святого. Они готовы ради своих целей выдернуть человека из его спокойной жизни, затащить его на Тритон, на Луну, к чёрту на рога. Готовы сломать его тихую жизнь уважаемого преподавателя колледжа, разрушить его привычную борьбу с привычными научными врагами. Бесцеремонность, безапелляционность, безоговорочность. Ну уж нет, со мной такие фокусы не пройдут!

Я кашлянул и хрипло сказал:

— Только если мне дадут набрать группу в десять человек.

Вот так! Никакой безоговорочности! Я всё обговорю и на всём настою!

— Десять человек? — удивилась королева. — Всего? Хорошо, пусть будет десять. Так что, по рукам?

Я рассердился и подумал:

«Нет, ну какая напористость! Прямо дух перевести не дадут. Я должен всё не спеша обдумать, составить список требований и условий, согласовать его со своим юристом и юристами династии...»

— Так мы договорились, профессор? Я знаю, что у вас были проблемы с публикациями и докладами, зато сейчас у вас будет свой журнал и деньги на собственные конференции. Согласны?

Я рассвирепел уже не на шутку и сказал суровым голосом:

— Да!

Глава 22

Мушкетёр и Дюймовочка

22.1. Политик

Иван Петрович Сидоров заболел. И престраннейшим образом. Уходил в отпуск — был человек человеком: все государственные дела решительно отфутболил на две недели, устроил шумный ужин с друзьями, секретаришу крепко расцеловал и наградил отгулами.

После отпуска изменился видный политик разительно: изменениями от него прямо-таки стало разить. Это немедленно заметила секретарша Ангелина.

Во-первых, зашёл босс в приёмную неспешно, без обычного решительного напора. Заозирался, будто забыл, как устроена собственная приёмная. А ведь даже стенные панели сам выбирал.

Во-вторых, с секретаршей поздоровался сухо и рассеянно. И ничего не привёз ей из отпуска! А ведь три дня должен был провести в Париже!

Ангелина всполошилась, аж задумалась. Тут просители стали накапливаться на приёмных стульчиках. Секретарша зашла в кабинет к Ивану Петровичу — будто спросить, что с ними делать. Предлог, конечно, она и сама знала: гнать в три шеи к трём заместителям. Но Иван Петрович неожиданно согласился всех принять.

Заболел! Заболел! Без звука принять посетителей?! Первый раз такое. Ладно бы перед выборами, так ведь и года не прошло, как народная любовь была разогрета до нужной точки.

Ангелина поняла, что нужны решительные меры.

Она наклонилась к Ивану Петровичу и сочно заворковала ему в ухо, радуясь, что блузка сегодня на редкость удачная.

Но он слушал невнимательно!

Тогда Ангелина, в панике, и сама краснея, горячо зашептала такие соблазнительные вещи, что...

И тут Иван Петрович сдался: встал и обнял секретаришу за талию так, что даже каблучки оторвались от ковра. И легко двинулся к дивану. Ангелина обрадовалась достигнутому результату и за четыре секунды растегнула половину блузки.

Иван Петрович протащил секретаришу мимо дивана, дошёл до двери, аккуратно выставил Ангелину и закрыл за ней тяжёлую створку, обитую кожей.

И осталась Ангелина стоять в распахнутой блузке посреди приёмной, полной посетителей.

Дура душой.

Этой сцены Ангелина шефу никогда не простила, и видимость служебной любви сменилась очевидностью личной ненависти.

Дальше стало ещё хуже и даже страшнее.

Всего за неделю политик выставил дураками всех друзей по службе и бизнесу. В лексиконе Ивана Петровича появилось непривычное слово «взятка», а его поведение привело к острому кризису внутри партийной фракции, которая тут же поставила вопрос об исключении политика из своих сплочённых, практически сросшихся рядов.

В ответ Иван Петрович Сидоров замкнулся в кабинете и стал готовить публичное выступление. Ходили слухи, что оно будет полно ужасных разоблачений с катастрофическими политическими и уголовными последствиями. Сам Иван Петрович называл свою речь программой по улучшению и оздоровлению жизни. Но коллеги боялись, что эта программа будет противоречить самой жизни, особенно их жизни.

И вот решающий день настал.

Иван Петрович орлом взбежал на трибуну. Многотысячная толпа на площади и многомиллионное сообщество телезрителей прищурили глаза и навестили уши.

Иван Петрович Сидоров, не заглядывая в доклад, открыл рот и прогремел на всю площадь неожиданное:

— Убийцы, пожалуйста, не убивайте детей!

Слово «убийцы» прозвучало не осуждением, а лишь обозначением профессии.

Наступила тишина. Даже голуби на фонтане замерли. Иван Петрович окинул гордым взором людское море и снова загремел:

— Люди, пожалуйста...

В этот момент по всем ушам ударил раскатистый и многократный звук.

В спину Ивана Петровича вонзилась с влажным чмоканьем пуля и взорвалась внутри позвоночника. Она была выпущена из ствола пистолета-полуавтомата «глок-17» помощником депутата Оникуева, коллеги Ивана Петровича по фракции.

Вторая пуля неуверенно, но вполне смертельно вошла в район печени. Ангелина неделю практиковалась со снайперской винтовкой. Надо было ещё несколько уроков взять.

Очередь из автомата разорвала шею и снесла часть черепа политика. Это собственный помощник постарался.

Больше всех натворила дел подствольная граната, попавшая в живот депутату. Хрязинские братки никогда не отличались изяществом действия, предпочитая эффективность.

Но не кровь и не ошмётки плоти брызнули в разные стороны от Ивана Петровича в ответ на обиженные и убедительные послания соратников.

Шестерёнки, провода и куски схем разлетелись по трибуне.

И каждый из стрелявших вскрикнул своё, искреннее:

— Только нелюдь мог со мной так поступить!

— Святые хрязинские угодники!

— Вот почему он перестал ходить на собрания в баню!

— Это недоделанный робот!

Среди общего визга и воплей, воцарившихся на площади, никто не услышал этих восклицаний. Как и последних слов робота, замерших в воздухе:

— Люди, пожалуйста, не... — и осыпавшихся с шестерёночным звоном на тротуары.

Толпа бросилась по переулкам, спасаясь от невидимых снайперов.

Робот Иван Петрович, истекая охлаждающе-смазочной жидкостью, прошептал:

— Эх, люди, люди...

Но его снова никто не услышал.

Автор закрыл рукопись и воззрился на десяток слушателей, сидевших перед ним.

— Ну, как? — с надеждой спросил он у литбригады, допивающей кофе и дожирающей служебные рогаики.

Аркаша, начальник «бригантинки», тоже посмотрел на всех, но спросил уже строго:

— Ну, что скажете об этом... «Робополитике»?

Литбригада зашевелилась. Она привыкла потрошить и резать сюжеты любителей.

Обычно от них оставались одни опилки. Редкий сюжет шёл в дело, да и то — в финальном тексте о начальном варианте напоминали пара рожек да ножек. Вместо благодарности авторы обычно ужасались.

— Отчётливый парафраз «Чужого в чужой стране».

— Кто станет читать про политику и разоблачения?

— Язык слабоват. А слова сложноваты. «Ошмётки» — кто знает, что это такое?

— А мне понравилось... — Венечка, как всегда, оригинальничал.

Автор «Робополитика» был одет очень ярко и потрепанно. Администратор группы Ксения шепнула пиар-аналитику Маре, сидящей рядом:

— Тем, кто сочиняет хорошие книги и ходит в рваных штанах, я бы посоветовала — если бы они пожелали меня выслушать — сначала обзавестись приличными штанами.

Мара хихикнула:

— Хамская мысль!

— Конечно, это Монтень.

Ксения была крепкотелой рослой девицей и коренной москвичкой. Не очень эффектное, но симпатичное лицо вызывало уважение презрительным выражением умных глаз. Мара была попроще, постарше и каждый день приходила на работу с новым цветом волос.

— Что скажет структуратор? — Аркаша зыркнул из-под лба.

Авторитетный Матвей, слывший энциклопедистом и знатоком, усмехнулся:

— Был бы я доктором — порекомендовал бы электрошок и флеосодержащие препараты, а так — храню восторженное онемение.

На этом творческая реакция группы необычно рано иссякла.

— Я считаю, что над этим надо подумать! — властно заявил шеф Аркаша.

Ксения удивлённо воззрилась на шефа. Что тут думать? Историю про подмену человека роботом не печатали только ленивые или умные.

Но сотрудники, уставшие к вечеру пятницы, не возражали — чтобы не затягивать совещание.

— Подумать никогда не мешает. Думать — не груши околачивать, не больно, — с усмешкой подытожил текстовик Игорь, лохматый парень в очках и вечных свитерах, переселенец с Урала.

Все испарились на уик-энд. Но шеф кивнул Ксении и поманил её за собой.

В клетке-кабинете шеф тигрино зашагал, горя глазами.

— Вы чего, шеф? — удивилась Ксения.

— «Робополитик» — это золотая жила! — крикнул Аркаша. — Мы пишем роман про политиков и берём с них деньги за позитивное упоминание в нём. За рекламу! И за антирекламу... вернее — за её отсутствие, тоже можно брать... Рекламирывать не товары и бренды, а политиков и партии! Дело новое, но перспективное.

Очередная гениальная идея. Ксения пожала плечами и грустно сказала:

— Мелко копнём — не заплатят, крупно копнём — нас самих закопают, шеф.

Аркаша сверкнул цыганским глазом:

— Не руби сплеча, а подумай над этой идеей.

Ксения выбросила эту историю из головы уже в лифте. Подумать? Только не во время личной свободы. Вечер пятницы — лучшее время недели, особенно в разгар лета.

22.2. Ксения

С субботним утром Ксения улетела на Цейлон.

Замечательно отдохнула, искупалась раз десять в тёплой, как молоко, воде.

После морского купания и горячего душа хорошо сидеть на балконе в толстом махровом халате — пить кофе, смотреть на море и щуриться на солнце. Сидеть нужно в халате непременно на голое тело.

Ксения обожала Цейлон.

Вечером в воскресенье собралась назад в заснеженную Москву.

В аэропорту Коломбо перед дотошным пограничным контролем маялись человек пять братьев-славян. У окошка стоял бритоголовый красивый парень.

— Географическое гражданство?

— Москва! — гордо сказал парень.

«Сибирский москвич...» — подумала Ксения.

— Юридическая защита?

— Ай-би-эм.

— Есть ещё принадлежности?

— Социальное обеспечение от Швейцарского банка.

— В Швейцарии на пенсии хорошо, — сказал кто-то из очереди. — Парень не дурак.

— Во Флориде лучше, — возразил другой голос. — Я уже перевожу туда свои пенсионные выплаты.

В соседних самолётных креслах беседовали две старушки в платках.

— Я и говорю ей: эх, сватьяшка, вот когда ты приезжала ко мне в гости, то я тебе давала сыр без плесени, свежий! А она только улыбается и своё лопочет...

Возле Ксении сели два гурмана-энтузиаста из Киева. Когда они обсуждали последние новости о мариновании лягушачьих лапок, она ещё терпела. Когда они перешли на лучшие способы жарки белок, Ксения стала искать глазами свободное место в салоне. Как назло, всё обозримое пространство было занято. Когда гурманы заспорили о том, считать полупереваренные водоросли в желудке моллюсков мусором или деликатесом, Ксения позвала стюардессу, доплатила и перешла в первый класс. Иначе бы её одолела не воздушная, а кулинарная болезнь, но с тем же результатом.

Ксения ехала на электробусе по московским улицам. Мостовые были черны, декабрьские снежинки летели редко и сразу таяли.

В почти пустом салоне сидели две очень юные девушки и что-то горячо обсуждали. Потом черноволосая замолчала и жевательно задвигала челюстью, а другая, симпатичная блондинка, сердито воскликнула:

— Вот приму цианид и буду лежать вся в белом и с розой на груди — вот тогда этот гад зарыдает! Да поздно будет!

В этот момент электробус стоял на светофоре, выключив моторы. В салоне стало тихо, поэтому негромкое восклицание блондинки прозвучало отчётливо.

Тётка, сидящая сзади девушек, вдруг бесцеремонно влезла в разговор:

— Как только ты умрёшь, твой сфинктер расслабится и будешь ты лежать не в белом, а с полными и мокрыми штанами, и пахнуть вокруг тебя будет совсем не розами. А тот гад, если и поплачет денёк, то завтра его утешит живая красотка. Зато ты будешь валяться холодная и в полной темноте.

— Что вы несёте, тётечка? — взвизгнула девушка, оборачиваясь.

— Правду несу, дура! — отрезала тётка. — Двадцать лет в морге работаю и всё знаю про жизнь и несчастную любовь. Жизнь — не побрякушка, на мсть её не меняй. Всё можно исправить, всё перемолоть, вот только душу назад в тело не вернёшь — вылетит птицей, и останется одна вонь...

Махнула рукой и вышла на своей остановке. Светловолосая девушка осталась сидеть, ошарашенная и со слезами на глазах.

— Вот сволочная тётка, всю романтику испортила, — сказала подружка-брюнетка и отправила в рот новую порцию розовой жвачки.

Ксения приехала домой, бросила сумку с ещё мокрым купальником в угол, посмотрела на свою пустую комнату... и тут на неё навалился такой приступ тоски и одиночества, что она села на стул и заскулила, как голодный щенок. Даже электробусная блондинка с напряжёнными отношениями со своим гадом показалась ей счастливее.

Прабабушка Ксении любила поговорку: «Поганое корыто — счастливое».

Ведь если в корыте есть грязное бельё, то это означает семью, взаимную заботу и счастье... А у Ксении — ни корыта, ни счастья...

Она вскочила и бросилась к компьютеру. Есть один человек, который мог развеять её тоску:

— *Мушкетёр, ты здесь?*

— *Привет, Дюймовочка. Не спишь ещё?*

С Мушкетёром она разговаривала в Сети уже два года. Она была им просто очарована, одно время надеялась на личную встречу и даже подбросила ему свой номер т-фона. Но он так и не позвонил, и Ксения поняла — Мушкетёр женат.

Но она не отказалась от виртуального общения с ним — слишком уж была одинока. А Мушкетёр был умён и умел её понимать, как никто.

— *Какую музыку ты любишь?*

— *Шорох дождя по листьям.*

— *Я как-то слышала далёкую флейту в ночном лесу. В моей жизни это была самая щемящая музыка.*

Ксения соврала, что она начинающий писатель-одиночка.

Мушкетёр не скрыл, что не понимает современной литературы и не любит нынешние книги, изготовленные коллективно. И что сам он — учитель истории.

Они много спорили о литературе. Ксения была уверена: литература — один из столпов мира, убери его, и вселенная рассыплется на растерянных черепах и больных от горя слонов.

Ксения доказывала:

— *Умный человек всегда одинок — у него есть глубокий внутренний мир, в котором он настолько один, что даже может погибнуть там от тоски. Книга для него — незаменимый друг в этом мире. Глупый же человек мелок, внутреннюю вселенную ему заменяет коллективный мир тиви-сериалов и виртуальный мир шумных компьютерных игр.*

Мушкетёр возражал:

— *Глупые люди, возможно, ещё более одиноки, только не понимают этого или не говорят об этом. Если у коровы аппендицит, она тоже ничего не может сказать, но живот у неё болит не меньше, чем у человека.*

— *А у коровы может быть аппендицит?*

— *Не знаю.*

— *Вот то-то и оно.*

Ксения писала массу неистово-романтических отрывков, надеясь, что когда-нибудь к ней придёт захватывающая дух история, которая соберёт в себя лучшее из написанного и станет книгой, за которую Ксении не будет стыдно.

Лучшая погода для раздумий — туман в кипарисовой аллее, который сгущается в тёплый дождь. В молочно-кипарисовом пространстве хорошо уходить в себя и брести там среди деревьев. Мир не существует, спрятан за белой влажной пеленой, мокрые кипарисы тихо выступают из неё и так же тихо уплывают. Шелестящая тишина падающих ниоткуда капель. Аромат неспешно растущей мысли и острый привкус южной древесной смолы. Волны водяной пыли смешиваются с сочными запахами влажной зелени и цветущей акации. Тёплый туман концентрирует мысли, и его можно продавать в аптеках — для студентов, в пузырьках. Мелкая вода тихо плывёт с неба и инкрустирует свежие апрельские листья росой. И ты радостно знаешь, что лето уже близко. На расстоянии одного дружеского локтя, сразу за порослью цветущего дрока и за дюжиной горячих рассветов.

Ксения находила всё новые и новые определения, которые доказывали важность литературы:

— *Литература — это настоящая жизнь, наконец-то открывшаяся и высветленная.*

Мушкетёр посмеивался:

— Литература — это сигнальная система, слуховая труба, на одном конце которой надрыгается писатель, а на другом — позёвывает читатель.

Ксения не успокаивалась:

— Для умного читателя литература — не зона досуга, а зона моделирования и прогнозтики будущего.

Мушкетёр тоже не сдавался:

— Современная книга — это тест Тьюринга, в ходе которого читатель пытается понять, человек ли писатель?

Больше всего Ксении нравилось следующее определение:

— Литература предстаёт перед писателем как живое сверхсущество, наделённое вечной жизнью. Оно стоит над всеми современниками и соотечественниками. Все мы, великие и невеликие, знаменитые и неизвестные, пляшем под его дудку. Оно существовало до нас и переживёт нас всех. Мы умираем, а искусство остаётся. Его конечные цели нам неизвестны.

Мушкетёр возражал:

— Литература — способ душевной коммуникации и средство эффективной социализации. Остальное — рюшечки...

Они были друзья, и даже больше.

— Что ты делала вчера вечером?

— Взяла в постель журнал мод полистать — и заснула, держа его в руках. Меня этим толстым журналом чуть не прибило. А что ты делаешь по утрам?

— По утрам? «Завтрак! Завтрак!» — трубят рефлексy.

— Ты толстеешь с возрастом?

— Нет, просто брючные ремни раньше были длиннее.

— Я тоже заметила, что фотографии знакомых старушек стали заметно молодеть.

Они рассказывали друг другу то глубинное, чем не осмелились бы поделиться с реальным живым собеседником.

— Неужели жизнь состоит лишь из открывания консервных банок, покупки туалетной бумаги и смотрения в тивизор? Ведь должен же быть какой-то высочайший смысл извлечения меня из небытия на почти сто лет? Что я должен сделать в этой жизни, чем придать ей смысл?

— Исправь человечество, спаси мир.

— Нужно оно мне больно, это дурацкое человечество, этот загаженный мир.

— Если тебе не нужны ни люди, ни природа — тогда твоя жизнь заведомо бессмысленна. Ещё лет тридцать поспрашиваешь за кружечкой пива о смысле жизни — и Вселенная спишет тебя как неудавшийся шанс.

22.3. Литбриг

Понедельник — этим всё сказано! Даже глазунья на завтрак получается какой-то бельмастой.

Игорь вырулил на своём «кубике» — автомобильчике-кабинке со стандартными размерами шасси метр на метр и чуть больше в высоту — с тесной стоянки на улицу Островитянова.

Озимое бледное небо было вспахано на совесть, облачные клубочки аккуратными рядами шли с севера на юг. Солнце светило меж рядов белой облачной пашни, но было по-зимнему прохладным.

На обочине шоссе стоял столбиком крупный коричневый бобёр и с удовольствием скусывал толстый стебель медвежьей дудки, не обращая внимания на машины.

«Битцевские, — подумал Игорь, — совсем обнаглели...»

И встал на полосу вслед за маленьким грузовичком.

Игорь ехал и с наслаждением вдыхал запах свежего сена. Потом спохватился — откуда

в Москве сено? Газоны в столице, конечно, стригут, но пахнет не стриженной травой, а именно сеном — душистым и сухим.

Причём пахнет уже давно! И даже травинки летят в стекло!

Игорь проследил траектории летящих соломинок и понял, что грузовичок, который едет впереди, везёт два огромных рулона сена — наверное, в конноспортивный клуб.

Так всю дорогу Игорь и ехал в шлейфе сенного дурмана.

Хорошо. И скоро необычно тёплое Рождество. Уже звенят рождественские колокольчики по тротуарам.

На обочине нужного Игорю поворота переливалась светом милицейская машина. Сердитый милиционер уже кого-то клевал, сигналив головными лампочками, и на дорогу не смотрел.

В «бригантинке» Аркаши Потапова кипело производственное утро, осложнённое понедельником.

На двери кабинета начальника светилося обычное:

«Человек, о чём думает твой крошечный мозг?»

Сюжетник Стас сидел за своим столом, лихорадочно набирая что-то на компьютере, и бормотал странную молитву:

— Приди ко мне, Дед Мороз... и подари билет в волшебную страну, где январское солнце плавит разноцветный океанский песок, а из замороженных гор лениво вылезает огненная лава...

Он на секунду разогнул усталую спину и снова стремительно застучал по клавишам:

— ...там красные кораллы растут под мягкие звуки гитар, зимние ночи пахнут лилиями, а блондинки из открытых машин улыбаются раскосыми глазами, загорело и длинноного... И будет там нега и плещущий покой...

Он закончил работу, отправил её кому-то и торжественно воскликнул:

— Дед Мороз, ты всё успел записать? Пожалуйста, ничего не перепутай!

Видимо, очередной шедевр сотворил.

Игорь поздоровался:

— Как жизнь, Стас?

— В вечных творческих судорогах!

Значит, всё нормально, сюжеты рождаются, зарплата светит.

Если Стас отвечал: «Как обычно — по уши в консенсусе...» — то это означало, что шеф очередной сюжет зарезал. Стас угрюмо говорил: «Получен нахлобучник неясной этиологии».

На двери рекламного отдела появились два новых листка с образцами жанра.

Волк хромоногий
Из лесу вышел к дороге.
И посмотрел налево
Автоинспектор Иван Машнин.

Пьянству — бой! Не пей, товарищ.
Враг труда — алкоголизм.
Вот умрёшь и не узнаешь,
Как построим коммунизм.

Автор неизвестен, XX век

Бригадное утро бурлило и выплёскивало реплики и эмоции.

Аркаша обрушился на огрызающихся идейников:

— Придумайте что-нибудь свежее, острое, бодрящее любого человека!

— Например, туалетную бумагу с перцем?

Текстовик Венечка громко продекламировал:

— О, любимая! Как чудно золотятся на закате твои усы!

Ксения зашипела рассерженной кошкой:

— Что это?

— Песнь мартовского кота.

— И где в нашей книге мартовский кот?

— Ну, я подумал, куда-нибудь можно вставить...

— Бездельник! Думал он! Иди и немедленно прогони по компьютеру имена вторых персонажей по параметрам потенциальной популярности и предождидания таргет-группы.

Игорь пробормотал:

— Жил-был человек по фамилии Зазубрин. А жена у него была — Зазубрина. И жили они не гладко, со скрипом...

Структуратор Матвей вышел из кабинета начальства, налил воды в пластиковый стакан и пожаловался в пространство:

— У меня невроз отложенной жизни.

— Отлаженной? — переспросила Ксения.

— Нет, это совсем другой невроз.

Матвей Биверенко, умный и немолодой циник, был структуратором, отслеживающим композиционную уравновешенность и соразмерность книжного текста. «Здесь нужен диалог с двумя шутками, а это описание должно быть сокращено в три раза». Нюх на книжную гармонию у Матвея был звериный, и текстовики с сюжетниками покорно его слушались.

Матвей часто недоговаривал фразу. «Оба толкования проливают». «Это не должно существенно». «Пусть это нас не!»

Но все его понимали.

Когда шеф Аркаша зарубал предложения Матвея, он цедил сквозь зубы: «Ладно, заползём с другого боку. Мы, змеи, люди не гордые...»

Венечка размахивал толстой старинной книгой:

— В словарях, ребята, есть своя большая поэзия! Слушайте: «Рот — полость между верхней и нижней челюстями, имеющая отверстие в нижней части лица». Какой могучий метод освежения текста! Берём штамп, вульгарщину: «Она, страстно мыча, прильнула к нему пылким ртом» — и переделываем: «Она поцеловала его пылким отверстием в нижней части лица». А он, естественно, обнял её «конечностями от плеча до пальцев», нежно прислонив к «верхней части передней стороны туловища». Какой творческий пласт пропадает!

Ксения пыталась вернуть Венечку в рабочее русло:

— Я тебя спрашиваю, Венечка, что это такое: «Ночная птица с нечеловеческим терпением кричала под окном»?!

— Это лингвистический шедевр.

— Это лингвистическое слабоумие!

— Ах, не о том я сейчас думаю. Возможно ли счастье без национальной идеи? Вот в чём вопрос... Любая национальная идея должна учитывать интернациональность мира. Беда в том, что, чем меньше калибр, тем сильнее нужно бибикать и мигать огнями. Ведь коллективное — это всегда бессознательное.

— Ой, не говори красиво, а то я тебя не понимаю... — воскликнула Мара.

Сюжетники взяли в клещи лысого идейника за какие-то грехи синопсиса интеллектуальной фантастики, но идейник был опытен — он радостно скалился и ловко отбивался:

— Во-первых, интеллектуальная литература и литература для интеллектуалов — это две большие разницы. Во-вторых, не будем путать интеллектуальность с туманностью. Следы мозга запутывают лишь неуверенные в себе люди. Пора понять, что умные люди — не дураки. В-третьих, почему вы думаете, что прогресс в быту будет бесконечным и непредсказуемым? Тивизор, т-фон и автомобиль оптимальны в главном и меняются мало,

потому что они физиологически детерминированы. Глаз, ухо и задница в будущем не изменятся.

К середине дня Ксения уже рычала как бенгальский тигр:

— Венечка, ты зря решил, что «сбрендил» — это отход от бренда! И когда ты допишешь сказку о военно-полевых мышах?

Матвей разъярял Стасу:

— Теория относительности работает везде. Вот ты говоришь своей девушке: «Дорогая, вместо обещанного кольца с бриллиантом я дарю тебе на день рождения дохлую муху!»

— И она меня убивает на месте. Ловко, одним ударом.

— Но, согласно теории относительности, твоя девушка очень обрадуется, если она — страстный энтомолог и гонялась за данной мухой всю жизнь.

— Слово «страстный» мне нравится, но термин «энтомолог» настораживает...

— Это потому, что у тебя нет в запасе нужной дохлой мухи.

Аркаша обсуждал с Игорем щекотливый вопрос:

— Религия — дань неиссякаемой человеческой инфантильности, она позволяет взрослым людям побыть детьми при Небесном Отце, который простит грехи и даст установку на жизнь. Раньше бог был молод и жесток. Он управлял примитивной жизнью древних людей, диктуя всё и вся — от материала подштанников до списка преступлений, караемых смертью. Впрочем, неправильные подштанники тоже карались смертью. В условиях сложного современного мира Всевышний стал терпим и аллегоричен. Что старенький бог понимает в акциях, фьючерсах и апелляционных судах?

— Но вопросом о боге мы расколем читательскую аудиторию!

— Однозначность восприятия литературного текста недостижима в принципе. Нет в природе абстрактного Читателя. Есть юные девушки в розовой росе и говорливые завсегдатаи вонючих пивных. Ажурная чаша для икебаны для кого-то предмет культа, а для кого-то лишь неисправный ночной горшок с дырками. У книжного героя эмоциональный спектр дискретный, а у читательской массы — непрерывный, поэтому не пытайся поймать всех читателей сразу, целься в конкретную группу.

Потом Игоря перехватила Ксения. На Игоря и прочих литбригадовцев Ксения смотрела всегда с пренебрежительным прищуром.

— Игорёк, делай что хочешь, но если через неделю два авторских листа слюнями и кровью не закапаешь — пеняй на себя!

И отвернулась, не дожидаясь ответа.

Ксению Игорь знал мало: на работе она была язвительной и нетерпеливой, а на бригадных вечеринках — самой трезвой и молчаливой. Игорю казалось, что вся их работа вызывает у Ксении невидимую, но издевательскую усмешку. «Не видит она в нас мужчин...» — вздохнул он.

Да, книжный сериал «Иван да Марья да Ирка» не является шедевром мировой литературы. И «Любовь рогатого ангела» не войдёт в анналы культуры — зато сто тысяч домохозяек эту книжицу прочитают и поплачут над грустной судьбой героини. Работа у нас такая.

Ксения, ты вчера родилась?

Конечно, в юности Игорь мечтал вовсе не о карьере текстовика литбригады. Он собирался стать поэтом или философом. Вернее, сразу и поэтом, и философом. Но после университета он долго не мог найти работу по душе, а потом подвернулась литбригада, и Игорь легко справился с заданием, втянулся. Деньги неплохие, и менять что-то — просто страшно. Если писать стихи или интеллектуальные эссе — кто это купит? И чем дальше, тем сложнее было Игорю решиться и сломать привычную жизнь, отказаться от кормящей его работы, не очень почтенной в его собственных глазах.

Игорь ехал домой на автопилоте в плотном потоке толкающихся кубиков и сердился на ироничную Ксению. И почему-то вспомнил свои первые стихи.

Дети живут в прозрачном пространстве счастливых ожиданий, взрослые — в тумане

грустно-сладких воспоминаний.

Прошлое качается гирляндой клейких картинок, и эта зыбкая цепь неожиданно скрепляет жизнь в единое целое.

Вот одно из таких воспоминаний-звеньев.

Зима. Ему лет тринадцать. Он едет у задней двери в переполненном замёрзшем автобусе. В середине салона, у алюминиевого поручня, стоит девочка в пушистой шапке.

Внезапно их взгляды встретились и замерли. Незнакомые люди, тем более — стеснительные дети, редко смотрят в глаза друг другу. Но между ними лежало обширное безмолвное пространство над головами сидящих людей. И это пространство, разъединяя, позволило бесстрашно и бесстыдно соединиться взглядами.

Глаза её светились, как голубые звёзды, и она была, без сомнения, прекрасна под своей пушистой шапкой.

Они смотрели друг на друга, не отрываясь, весь длинный, короткий автобусный перегон.

Через десять секунд они стали не чужие, через минуту — влюблены.

Потом автобус остановился и открыл двери.

Мальчик медленно вышел на своей улице и, с горячо бьющимся сердцем, нерешительно затоптался на обледенелом тротуаре.

Девочка не вышла.

Автобус подождал-подождал, презрительно фыркнул и отчалил по неизменному маршруту.

Мальчик проводил автобус тоскливыми глазами.

«Дурак! Дурак! Это была ОНА! Какой же ты дурак!»

С тех пор он всё время ездил в автобусах только возле задней двери и всегда смотрел на то место, где у алюминиевого поручня стояла пушистая голубоглазая девочка.

Но больше он никогда её не видел.

Время необратимо. Мир полон горя.

С тех пор он стал писать стихи. Это были подростковые стихи — обычные и закономерные, как прыщи, но эта рифмованная писанина была важной отдушиной для Игоря — собственным тайным миром.

Хотя мальчик Игорь думал о земной девочке из городского автобуса, в его стихах жили удивительные эфирные существа, которые прилетали к нему из далёких галактик или даже из будущего.

Сто тысяч лет лечу из Андромеды,
Родной души неявные приметы
Ищу, но безуспешно — там
Лишь мрак и холод реют по кругам.
Как страшно одиноким нам.

Прошло столько лет, а он никак не может найти свою девочку с глазами-звёздами. Человека, с которым можно разделить свой мир и увеличить его вдвое... или стократно.

Игорь очень боялся ошибиться. Боялся патологически, до озноба.

Как встретить в этом огромном мире того редкого — редчайшего! — человека, с которым ты будешь полностью счастлив?

Невозможная по сложности задача.

22.4. Ужин

В ресторан «Три толстяка» людей набилось традиционно много, но друзьям повезло: как раз освободился угловой столик, и они его быстренько заняли.

Потолкались, развалились на кожаном полукруглом диване и приманили официанта.

Подошла очень молодая официантка в фирменной майке с тремя толстяками. На майке худенькой девушки трём пузанам было тесно, лица их всё время морщились и кривились.

Стас, Матвей и Игорь заказали себе пива, а Бульба с кислым выражением лица потребовал минеральную воду.

— Я за рулём, — сказал он в ответ на возмущение друзей. — И автопилот сломался, третий день норовит привезти меня не домой, а только останкинские ведьмы знают куда. Не буду даже говорить, куда.

— А у нас есть свежавыжатый апельсиновый сок, — предложила девушка.

— А у меня от апельсинов газы, — отрезал Бульба.

Официантка мгновенно исчезла.

— Умеешь ты говорить с девушками, — вздохнул Стас.

— Она не девушка, а официантка. А как надо говорить с девушками?

— Им надо дарить цветы и звать нежным тайным именем — блохастик, там, или чучундра.

— Хорошо, сейчас эта тощая вернётся, и я назову её чучундрой.

Но напитки принёс рыжий толстый официант. Бульба возмутился:

— Зачем мне газированная вода? Я что, похож на обвисший цеппелин, которому требуется заправка? Принесите воду без пузырьков!

Бульба работал с книжными сетями и целый день ласковым голосом уговаривал их купить продукцию литбригады. Поэтому после работы он был груб и несносен. «Я своё отсюсюкал!»

Ещё он любил выражаться таинственно: «Деньги мне не нужны, у меня их и так нет!»

Стас поднял кружку и произнёс любимый тост:

— Кто с нами не дружит — сам виноват!

Для сюжетника Стас был слишком молод и предсказуем. Ближе к середине вечера он провозгласит:

— Праздновать нечего, но праздновать надо!

К концу пирушки холостяк Стас обязательно скажет:

— Каждый кобель доверчив, прожорлив и всегда готов прогуляться с хорошенькой... собачкой!

И безуспешно попытается взять у официантки номер её т-фона.

Как всегда, мужской разговор быстро закрутился вокруг женщин. Бульба был уже женат («человеческий брак требует нечеловеческой выдержки»), Стас и Игорь были ещё в поиске, а Матвей не увлекался женщинами («это слишком просто, чтобы быть интересным») и туманно говорил: «Трудно жениться оптимально: мужчины стареют медленно, а дряхлеют быстро».

Матвей ухмыльнулся:

— Стас, ты всё время ищешь идеальную девушку. Предположим, ты её нашёл. И на кой чёрт ТЫ ей сдался?

Стас мечтательно сказал:

— Я слышал, что есть редкие суперженщины, у которых не две женских хромосомы, а три.

Матвей поднял брови:

— А, это трисомики или метаженщины. По-моему, они ничем не супер и не такие уже редкие — на пятьсот женщин рождается одна метаженщина, что чаще, чем рождение трисомиков с синдромом Дауна.

— И ещё есть агрессивные супермужики, у которых на одну женскую хромосому приходится не одна, а две мужских.

— Есть такие, один на тысячу. Только насчёт агрессивности — враньё. И чаще встречается обратная мутация — когда у мужчин по две женские хромосомы. Такие мужчины-трисомики женоподобны, глупы и болтливы. И склонны к драматизации своих переживаний.

Бульба скривился:

— Кончайте про мутантов! Меня от таких разговоров мутит. — И проворчал кому-то: — Эй, вы, с охапкой пива! Вежливость советует проходить возле человека, повернувшись к нему лицом, а не задом.

Стас откликнулся:

— К женщинам это правило не относится, они выглядят вежливыми со всех сторон. А вы заметили, что девушки, которые шли по Арбату с другими девушками или вообще одни, были одеты гораздо эффектнее, чем девушки, шедшие с парнями? Красивая одежда для одинокой женщины — это одновременно и маскхалат, и охотничье оружие. Она ищет добычу!

Игорь поинтересовался:

— А девушка, которая с парнем, её уже нашла?

Бульба согласился:

— Верно. Нашла и ест.

Матвей отметил:

— Страсть к яркому и красивому может быть заложена на хромосомном уровне. Вот у птиц всё не как у людей, а наоборот: у людей по две одинаковых половых хромосомы имеют человеческие женщины, а у птиц — самцы, которые оперением обычно ярче самок.

Вдруг Бульба помотал головой, как лошадь, доедаемая гнусом, и сказал не к месту:

— Моя жена терпеть не может любых насекомых и визжит на них громче, чем на меня. Мы уничтожили в квартире всю живность: жена оглушает её звуковым ударом, а я добиваю тапком... Она всё время заставляет меня кого-нибудь убивать: то муху, то паука какого-нибудь. Я стал профессиональным киллером!

Пока ждали заказанную еду настоящих мужчин — жареные свиные рёбрышки, пару бифштексов и порцию креветок, Бульба, единственный отец в компании, вспоминал:

— Моему сыну доверили украсить мигающей гирляндой ёлку. Он так хитро разместил лампочки, что получился динамический мультик.

— Какой умный мальчик!

— Ага. Но мультик был ужасно неприличный. И как раз директор школы пришёл на ёлку...

Наконец принесли заказ.

Голодные мужские желудки при виде еды заурчали, как влюблённые голуби.

Когда подзакусили и вакуум в животах ослаб, вспомнили о работе.

Бульба заворчал:

— Не понимаю, что себе думает Аркаша. Наша прибыль на нуле, литературные е-игры и кибер-романы, написанные дурацкими любителями с помощью этого проклятого Великого Инки, вытесняют нас всё больше.

Игорь вздохнул:

— Если человеческая литература пасует перед компьютерной и Инка оказывается лучшим писателем, чем мы, значит, так надо. Всякая пакость на свете свои причины имеет и куда-то путь держит.

Матвей усмехнулся:

— Брось. Жизнь самотекуча, безмозгла и страшнее домыслов конспирологов. Раньше писатели были кустарями-одиночками. Их вытеснили текстовики и структураторы — с жёсткой кожей, с металлическим прищуром твёрдых глаз. Банды литераторов недрогнувшей рукой отмеряли в шприцы литры суспензии саспенса и хладнокровно гнали в ловушки хеппи-эндів жалобно плачущего читателя, острым пером срезая кошельки с его желеино трепещущей талии... А сейчас на смену крутым текстовикам и структураторам пришли ещё более жёсткие и крутые компьютерные интеллекты. Самотёк Дарвина!

Бульба бурчал:

— Нейролингвистическое структурирование... Расчёт юмористических реакций... Шахматы отдали компьютеру, теперь сдаём литературу.

В углу бара радовался тивизор:

— В моду снова вошло вызывающее женское бельё цвета кислого яблока и мужское бельё-хаки... Наши эксперты комментируют это событие.

Матвей пробормотал:

— У каждой тли своя фиеста.

Бульба отметил:

— Какой лбище у комментатора! О такой лоб хорошо кошек бить.

Матвей скривился, понюхал свой бокал пива и мрачно сказал:

— Городская вода воняет дустом; в жилах горожан течёт тефлон; асфальт после дождя пахнет не свежестью, а гарью сгоревших бензиновых автодуш. Как я не люблю город!

В тивизоре появилась Николь Гринвич. Она стояла в шлюзе своего крейсера и махала рукой провожающим.

— Улетает на Нептун. И её Джерри, конечно, с ней.

— Вот история. Сюжет, который не выдумаешь.

— Такая реальность не ложится в книгу — слишком сказочная.

Игорь задумчиво сказал:

— Слышали, что королева Гринвич своими грантами поощряет только позитивных писателей и кинорежиссёров?

Бульба возмутился:

— Она воспитывает нас положительной стимуляцией, как Павлов — собак! Безобразия!

— И ведь получается! — хехекнул Матвей.

Бульба недовольно скривился.

— Ну... Павлов был не дурак.

На экране появилась и что-то невнятно сказала седая голова. Закадровый комментатор затараторил:

— Согласно последним результатам космобиологов, жизнь на Марсе возникла раньше земной и, судя по всему, марсианские бактерии были перенесены на Землю, где успешно адаптировались.

— Ну вот, вдобавок ко всему мы оказались марсианами... — пробормотал Матвей.

Стас спросил:

— Значит, бог тоже был марсианином, если он создал сначала жизнь на Марсе?

Бульба сказал строго:

— Не богохульствуйте, дети мои.

Матвей скосил на него глаза:

— Бульба, говорят, ты записал сына в воскресную церковную школу? А ты слышал о детском крестовом походе?

— Нет.

— В тринадцатом веке десятки тысяч детей и подростков, воодушевлённых верой и церковью, отправились в крестовый поход в Палестину — освободить Гроб Господень из рук неверных. В результате все дети погибли или были проданы в рабство. Эта реальная история позже легла в основу сказки о гаммельнском флейтисте-крысолове, который увёл детей из города.

— Времена изменились!

— А учение осталось. И сейчас твоему сыну расскажут о первородном грехе Адама и Евы и внушат глубокий страх перед адом.

— Он не трус!

— Но бояться ада обязан каждый христианин. Это воспитательный императив для выращивания поведенческого инстинкта.

Стас провозгласил:

— Цивилизация — это борьба закона против инстинкта.

Бульба фыркнул:

— Когда-то я тоже был молодым и самоуверенным. Прошло время — и я понял, каким был кретином.

Матвей сочувственно спросил:

— Ты уверен, что прошло достаточно времени?

Стас оглядел гудящий ресторан:

— По субботам тут выступает очень приличный джаз. В нём играет тромбонист с интеллигентной кличкой «Тромбофлебит».

Игоря всегда удивляло лихорадочное многолюдье московских ресторанов. Полная противоположность, например, степенным ресторанам Голландии, которую Игорь любил и старался бывать в ней при каждом удобном случае.

В Амстердаме голландцы с обветренными мужественными лицами кряжисто ездили на велосипедах вдоль каналов, а голландские девушки приветливо улыбались — все румяные и наваристые.

Незнакомая голландская история текла на Игоря с наклонившихся старинных домов, свисала с крючковатых балок над каждым подъездом, хлопала между баржами, стоящими в каналах, выплёркивалась с потемневших музейных картин, где толстые усатые мужчины в боевых кружевных штанах и с длинными копьями сидели живописными дозорами за столами, много ели и пили.

Тёмные деревянные стены углового английского паба «The Old Bell», в котором любил сидеть Игорь, были испещрены и увешаны изречениями и пословицами, оленьими рогами, свечами и светильниками, иконками и пивными этикетками, тарелками, портретами политических деятелей и картинами скачущих лошадей.

«Если вам кажется, что вы контролируете ситуацию в этом море неопределённостей, то вы просто не понимаете ситуации».

В пабе жила надменная рыжая кошка с отвислым животом. Она любила спать на пальто, которые посетители сваливали на стулья, и не любила подачек.

Она сидела на подоконнике и смотрела в окно, хотя увидеть там ничего было нельзя — стекло витража, цветное и неровное, превращало рутинную заоконную действительность площади Рембрандта в загадочный мир переливающихся спектрально-чистых бликов.

В «Старом колоколе» подавали замечательного копчёного угря с пивом «Palm Royal». После третьей кружки Игорю казалось, что это не Голландия передвигается за окнами, шаркая подошвами и шинами, звеня трамваями и велосипедными звонками, а сам бар плывёт по городу, разрезая своим стеклянным углом фиолетовые волны реклам.

Прощай, Амстердам, я улываю от тебя в одном из твоих пабов.

«Меланхолия — это удовольствие обиженных».

В «Старом колоколе» было хорошо думать о себе и о жизни.

Каждый из десяти тысяч человек, встреченных тобой сегодня, сам связан с миром десятью тысячами нитей. Это фантастическая паутина из телефонных звонков и велосипедных цепей, томности утренних пробуждений, никчёмности соседских реплик, назойливости телевизора, тепла семейных ужинов, холода рабочего стола, плача детей, дружеских разговоров, горечи, удовольствий, тайн, стыда, счастья. Люди, как вы узнаете, что эта паутина — ваша?

Кипение вокруг тебя чужой многообразной реальности внушает странную надежду: жизнь не закончится, если ты продумаешь свою партию.

Жизнь играет на многих досках.

Молодые думают, что они новы.

Старики верят, что они умны.

С точки зрения чаек, мир состоит из чаек и рыб.

Кошка спокойно спит на подоконнике. Откуда она знает, что её не зажарят к пиву? Она этого не знает, но надеется на лучшее.

Она мудра.

Приоритеты, дружок, приоритеты — в этом суть умения жить.

Не влезай в чужую паутину, приятель! Плети свою.

— О чём ты мечтаешь, Игорь? — вернули его друзья. — Чем будешь заниматься, если наша бригада развалится из-за инка-романов? Ты же педагог?

Игорь поёжился — тема будущего увольнения всплывала и портила настроение всё чаще. Он хмуро ответил:

— Я педагог, который боится детей. Если мне придётся уйти в педагогику, то я не хочу стоять за учительской кафедрой, а хочу сидеть за столиком в саду, вдыхать запах сухих листьев, сбрызнутых мартовским дождиком, кутаться в тёплую куртку и писать романтическую книгу «Кластерный анализ типов морфофункционального состояния детей коллективом стохастических автоматов».

— У тебя интоксикация жизнью.

— Многоэтажный быт порождает многоэтажный мат.

Бульба горько сказал:

— Эх, и почему я не дантист? Стоматолог всегда свой кусок хлеба из чужого рта вытащит.

— Знаете, о чём я жалею? — заявил Стас.

— Вербализуй, отрок.

Отрок сокрушённо-мечтательно вздохнул:

— Жалею, что не пошёл в биржевой университет. Сейчас собирал бы деньги с биржи, как мёд с цветка, не выходя из дома. Слышали про интернет-трейдинг? Каждый день по тиви рассказывают о богачах-трейдерах.

Матвей удивился:

— Стас, у тебя на хеппи-эндах крыша совсем съехала? Прочитай лучше книгу экономиста Баранова «Инвестиции, баффетология и биржевое дело», особенно раздел «Скальпирование и потеря контроля над рыночными рисками». Восемьдесят процентов новых биржевых игроков теряют свои деньги, принесённые на финансовый рынок, в течение трёх месяцев, максимум — полугода.

— Значит, каждый пятый выигрывает?

Матвей не то рассмеялся, не то рассердился:

— Ты глупое мясо! Если тебе активно предлагают разбогатеть, то ты должен трезво понимать, что приглашающие заботятся не о твоих заработках, а о своих. Реальные способы разбогатеть не транслируются по телевидению, они обсуждаются шёпотом и при закрытых дверях.

— Биржа и есть реальный способ разбогатеть!

— Хе-хе. Биржа — это не собес. Пропаганда лёгких биржевых заработков — это приглашение на охоту: волки собирают овец на свой пир. Краткосрочные капиталы матёрых биржевиков возникают за счёт таких, как ты, новичков, «пушечного мяса», которое не умеет контролировать свои риски. Поэтому «овечек» и заманивают на рынок через бесплатные семинары, интернет-конкурсы и инвест-клубы. А ещё форекс-клубы есть — просто казино, только без счастливых случайностей. Игроки ставят на кон настоящие деньги, а клуб — виртуальные. Там клиенты вообще не имеют выхода на реальную торговую площадку и, по сути, играют против самого форекс-клуба — и по правилам самого клуба. Сам догадаешься, кто победит?

Стас упрямылся:

— Тебе надо купить книгу «Советы менеджера Глеба». Я её обожаю!

— Пусть этот твой Глеб своего проктолога жизни учит.

Бульба, выглядевший почему-то раскисшим, хотя пил одну минералку, сказал грозно кому-то:

— Вы ещё будете кусать себя за лысину! Некоторым ещё хуже повезло!

— Эй, пьяналыги, пора по домам! — решил Матвей, и все согласились.

Игорь попрощался с ребятами и вышел на свежий воздух, глубоко вздохнул и

посмотрел на тускло-перламутровое небо, засвеченное миллионом фонарей. И подумал:
«Я уже лет десять не видел звёзд...»
И ему стало грустно от этой потери.

22.5. Дюймовочка

Мара сегодня выкрасила волосы в скромный, консервативный для неё тёмно-фиолетовый цвет. Наверное, собралась с шефом на деловое совещание к издателю.

— Слушай, у меня беда!

Ксения вздохнула: у Мары день без беды — зря прожит.

— В каникулы мой сын Эммануил заявляет: отправляюсь в летний лагерь научного школьного общества. Я думаю: «Ха-ха! Знаем мы эти летние развлечения — экологические, бойскаутские и научные. Пестики, тычинки, сбор гербария в кустах вдвоём!» Сама говорю: «Езжай! Тебе уже пятнадцать лет, пропасть не должен». Пусть, думаю, действительно отдохнёт от этих учебников.

Мара, тараторя, успевала красить губы, причёсывать головной фиолет и ронять на пол разные вещицы.

— Возвращается. Мне сразу показалось — какой-то пришибленный. Эмик отрицает, говорит, всё в порядке. Но материнское сердце не обманешь! Наверное, думаю, влюбился. Ладно — пусть попереживает. Говорят, это хорошо для обмена веществ. Тут я купила билеты на рождественскую премьеру «Розового цеппелина». Его любимая шоу-группа! У них такой электронный аранжировщик, они такое выделяют рэповыми синкопами! Залетаю к Эмману в комнату, мол, кричи «ура»!

Мара уронила сразу дюжину всячин на кафельный пол дамского туалета и нырнула под умывальники, оставив снаружи туго обтянутый броневыми джинсами зад, поэтому часть рассказа прозвучала глуховато.

— А он мне: «Не пойду!» Я так и села в новой юбке. Даже не посмотрела — куда... Гляжу — книжку какую-то странную читает. Мамочка моя! «Экспериментальная ядерная физика», какой-то кретин Мухин написал. Университетский учебник, то ли для ТИФА, то ли для МИФИ. Формулы звериные, схемы нечеловеческие. Чтоб он инсектицидом подавился, этот Мухин. Я как выхвачу книгу, как заору благим матом: «Эммануил, ты заболел?!»

Мара вылезла из-под умывальника и действительно зазвучала как медицинская сирена.

— А он мне с наглой улыбкой: «Я здоровее всех, вот только знаю гораздо меньше, чем некоторые умники...» Книжку отобрал, пожелал хорошего концерта, а потом добил контрольным выстрелом — говорит: «Зови меня просто Михаил!» Ужас! Вот до чего научные лагеря доводят! Да я на них в детскую комиссию пожалуюсь. Калечат психику малолетних!

Мара взяла паузу опытного риторика, критически посмотрела в зеркало и сказала загадочно:

— Это не просто — дать поймать себя вовремя.

И тщательно улыбнулась, исследуя состояние прикуса.

— Вот выращу себе мужа из семечка — и буду пользоваться. Только где взять рассаду богатых мужчин?

Ксения усмехнулась:

— Богатый перестаёт быть мужчиной. Он становится кошельком, который никогда не узнает, как на самом деле относятся к нему женщины.

Мара вздохнула:

— Леди не должны чесаться! — и со вкусом поскребла левый бок. — Слышала, что такое старость? Это когда единственную норковую шубу начинаешь надевать даже в булочную. Хорошо, что у меня нет норки. И бриллиантов тоже нет, — грустно добавила Мара.

Ксения её утешила:

— Красивая женщина может носить в ушах не бриллианты, а канцелярские скрепки.

— Это да, но лучше всё-таки бриллианты. Ой! — вдруг спохватилась Мара. — Я же Эммануилу... Михаилу... про обед не объяснила!

Ксения смотрела на Мару, которая многословно рассказывала сыну-подростку что-то про суп в холодильнике и кекс в фольге, и вдруг с болью подумала: «О боги, какая Мара счастливая!»

Вечером Ксения снова сидела за компьютером и писала своему любимому Мушкетёру.

— *Сартр восхитителен! Слушай: «Слова — своего рода ловушки, служащие для возбуждения чувств». «Каждая книга есть призыв».*

Мушкетёр ответил:

— *Книга — это лишь зафиксированный монолог одинокого рефлексирующего человека.*

Ксения горячилась:

— *Сартр думает иначе: «Говорить — означает действовать, любая названная вещь уже не та, какой была до того, она потеряла невинность». «Человек понимает, что слова — это „заряженные ружья“. Когда он разговаривает — он стреляет».*

Мушкетёр откликнулся:

— *По-моему, настоящая литература — это лишь взрослая игрушка языка, плетение красивых и стильных словес.*

Ксения даже обрадовалась.

— *Сартр уже возразил тебе: «Конечно, стиль делает прозу более ценной. Но мы не должны его замечать. Слова прозрачны, и взгляд проникает сквозь них, нелепо пережимать его мутными стёклами».*

Мушкетёр смолчал. Ксения возбуждённо набирала:

— *А вот это просто гениально: «Архитектор может жить в построенном им доме, а писатель не может читать то, что он написал. Читающий человек предвидит, ожидает. Он предугадывает конец фразы, начало следующей, очередную страницу, они должны подтвердить или опровергнуть его предположения. Процесс чтения состоит из множества гипотез, фантазий и пробуждений, радужных надежд и горьких разочарований. Читатель забегают вперёд строки — в будущее, которое частично рушится, частично утверждается по мере приближения к финалу книги, оно отступает со страницы на страницу, словно подвижный горизонт литературного пейзажа».*

Мушкетёр, видимо, растерялся от такого напора и вильнул, заявив немного невпопад:

— *Литература социальна, она задаёт систему координат для людского многообразия. Встречаешься с девушкой: «А вам „Мастер и Маргарита“ нравится? А Шекспир? А литгруппа „Бумажный перец“?» И по ответам понимаешь — близки ли вы с этой девушкой в интеллектуальном пространстве и стоит ли в неё влюбляться.*

Мысль, что Мушкетёр может в кого-то влюбляться, очень не понравилась Ксении. Она снова перевела взгляд на строки Сартра:

«Произведения человеческого духа — это маленькие неприкаянные души, приобретённые по сходной цене... Послание — это душа, превращённая в объект. Душа, что с ней делать? Её следует почтительно рассматривать на расстоянии. Не принято без веских на то оснований раскрывать свою душу на людях. Но, по общепринятому согласию, при соблюдении известной сдержанности, кое-кому разрешено выставлять свою душу на продажу, и совершеннолетние могут её приобрести».

И неожиданно в Дюймовочке что-то сломалось. Она почувствовала себя маленькой неприкаянной душой, которую никто не хочет приобрести; посланием, которое летит в космосе уже сто тысяч лет, и никто его никогда не поймает.

Она, не прощаясь с Мушкетёром, выключила экран и зарыдала — как маленькая девочка, которую не взяли в балетную студию.

22.6. Исторический роман

В сенях загрохотали сапоги. Они вошли, липкие и чёрные, и зашагали по чистому полу и домотканым половикам. И в лица вошедших смотреть не надо — по бесцеремонности грязных сапог в его доме Прокопу всё стало понятно. Сердце сжалось, и он посмотрел на детей, жмущихся к матери. Шестеро. Что же с ними будет?

— Прокоп! — слишком громко гаркнул главный из вошедших, сосед Демид. — Собирайся! Высылаешься на север, как есть кулацкий элемент. С семьёй.

Жена Устинья заголосила как над покойником.

Бесполезно — этих пришельцев ничем не разжалобишь и не испугаешь: они уже испуганы до смерти. И топят других, спасая себя. Прокоп два года назад отказался вот так ходить и судить — и самого посадили на три месяца. В тюрьме он всё понял про этих, с винтовками. Винтовка — инструмент нехитрый, с ним легко управиться. Корову да пшеницу надо растить долго, да с трудом, да с умом. А тут — винтарь взял и всё у соседа отнял.

Р-р-аз! Быстро.

Две лошади и три коровы у Прокопа — конечно, он и есть враг.

Что будут делать эти революционеры, когда все справные соседи закончатся и некого будет грабить? Всех четырёх братьев Прокопа уже раскулачили: двоих — на северный лесоповал, двоих — на принудительную стройку.

Шум сборов и плач прервался один раз, когда пришёл уполномоченный в кожанке.

— Ссылку можно заменить. Поедешь строить тракторный завод. Тогда возьмёшь свою лошадь с телегой.

Выбирать не приходилось — лошадь была спасением для семьи с малолетками. Да и город всё-таки, не тундра. Может, хоть с голоду не помрём.

Сборы позволили недолгие, и вот заскрипели открываемые ворота. Жена снова заревела в голос и закрестилась на оставляемое родное гнездо. Прокоп даже не оглянулся. Шестеро детей — это больше всего сейчас заботило. Он шёл пешком, держа в руках вожжи.

За спиной раздался звон разбиваемых стёкол и ругань соседей, делящих добро из крестьянских сундуков. Прокопа обожгло ненавистью.

«Стервятники, трупеды!»

Награбленное впрок не пойдёт, колом из горла вылезет — вот увидите.

Дорога, слякотная от осенних дождей, шла по его полю. Убранному по-хозяйски, с расчётом на весеннюю вспашку. А вот и лес у озера, который так и звался в деревне — Прокопьев лес.

Больно уколола крестьянская забота: озимые на дальнем клине не успел посеять! Прокоп отогнал лишнюю мысль и строго прикрикнул на жену:

— Хватит голосить, детей перепугала!

Впереди лежала осенняя дорога в сто двадцать вёрст. На двух телегах — три ссыльных семьи, десять детей. В пути уполномоченные люди ограбили ссыльных людей ещё раз.

А потом — каторжная двухлетняя работа.

Голодные дни и ночи. Сырая холодная землянка на втором участке, простудный кашель.

Тракторный завод рос на глазах и на костях. Тракторный завод? Чтобы помочь крестьянам землю пахать, да пшеницу сеять? Не о крестьянах тут забота — вон сколько крестьян согнали с земли, из-за завода и раскулачивали, бесплатную силу набирали.

Танки, танки пойдут с конвейера. Сеять смерть, жать жизни. Мир стал зверем, жрёт людей, как мельница. Как жить детям? Зачем их рожали, растили? Для того, чтобы в танк посадить или под танковую гусеницу положить?

Построили крестьяне завод быстро. Рекорд на людских жилах.

Тысячи землекопов и возчиков земли стали не нужны. Раскулаченных вызывали в контору.

— Паспорт есть? — спрашивал всех уполномоченный в кожанке. Близнец тому, кто

раскулачивал? Или круглые ряшки у них у всех одинаковы?

— Откуда они у нас, гражданин начальник?

— Тогда — сутки на сборы и вон из социалистического города! Чтоб к завтраму никого здесь не было! Какие телеги? Какие поезда? Автомобиль чичас вам подадим. Геть!

Куда идти?

Опять в свои края.

И вот снова впереди лежит стодвадцативёрстная дорога. Снова грязная, снова осенняя, снова тоскливая. Уже без лошади и телеги. Весь нехитрый скарб — на своих горбах. Даже шестилетний Колька тащит тяжёлый мешок на спине.

Прокоп потрепал сына по вихрастой лохматой голове. Ах, малец, малец, сколько эта жизнь тебе ещё на спину навалит? Впереди — зима, еды нет, а время суровое, смертельно голодный тридцать третий год. Всё раскулачено, всё раскурочено. Соседи целую семью Христа ради не прокормят — не захотят, да и не смогут.

Дошли все восьмеро, не сдохли.

Жилист человек, а с детьми — так вдвойне. Сдаваться нельзя.

Родного хутора уже не было — соседи разобрали и вывезли всё до брёвнышка. Поля лежали в бурьяне и запустении. Эти грабители даже награбленным воспользоваться не могут. Только вершки собирают, безмозгло надкусывают — и выбрасывают.

Выкопали переселенцы землянку и стали жить, как звери в норе. Еды не хватало, и дети таяли на глазах как свечи. Прокоп смотрел на голодающих четверых сыновей и двух дочерей и сам есть не мог — отрывал от себя любую краюшку. И его могучий двужильный организм не выдержал.

Первым умер младший сын. Прокоп заболел от горя и больше не встал с лежанки. А может, душа решила, что долг мужчины как раз в том, чтобы умереть раньше своих голодающих детей и не отнимать у них последний кусок.

Умер Прокоп Петрович в землянке, не дожил до весны. Сорокалетний мужчина, отец, крестьянин.

У больной Устиньи уже не было ни сил, ни слёз. Дожили до тепла вшестером в сарае сердобольной родственницы. Лето перебились на зелени. Поздней осенью посмотрела Устинья на тёмные лица и костистые черепа детей. Не пережить всем зиму. Младшие сыновья были хуже всех. Сказала Кольке:

— Бери младшего, в детдом пойдёшь. Там кормят. Береги Сеньку. Выживем — заберу вас.

Оплошал Колька — младший брат, голубоглазый Семён, помер в детдоме. А сам Колька потерялся на восемь лет в переездах по уральским казённым домам. Так и вырос сиротой.

В четырнадцать лет, когда война на сорок второй перевалила, нашла Кольку мать, забрала. Сёстры и старший брат Егор уцелели, стали взрослыми. Да Колька и сам уже вырос. Вот тяжёлая работа военного времени и навалилась на спину подростка. На фронт его не успели взять. В восемнадцать пошёл служить — сразу после войны. На семь лет. В армии, в заенисейской деревне он и встретил свою Валентину...

А у той своя история.

Отец был грамотным, коммунистом. Власть Советов в Сибири укреплял.

Война с немцами грянула — Тит добровольцем на неё пошёл, не захотел за чужими спинами отсиживаться. Оставил дома жену Ксению, сына Сашу и младшую, десятилетнюю Валентину.

Военная зима сорок первого была лютой до жизней. Косила наотмашь, сотнями тысяч зараз. Верхи современной войны не понимали, по привычке приказывали — умри, но сделай. Солдаты умирали, но не делали. Войну выигрывает не безропотный, голодный и безоружный человек, а солдат в тулупе, сытый, с танками и артиллерией за спиной, с самолётами над головой. Но дорога к пониманию простых истин всё время забывается и всё время мостится

заново миллионами трупов.

Погиб Тит Авдеевич 23 января 1942 года в наступательном тяжёлом бою между Новгородом и Питером, в местечке с мрачным названием Мясной Бор. Ох и много же там русского да немецкого мяса заготовили пушки да пулемёты. Приказ о неподготовленном и безрассудном наступлении русской армии по глубокому снегу был отдан с обычным пренебрежением к солдатским жизням. Снарядов к пушкам почти не было, тылы не прикрыты. Есть нечего, а морозы были страшные, сугробы — метровые...

Перед своим последним боем Тит отправил жене Ксении письмо, которое удивительным образом определило жизнь многих его потомков. Предсмертный бумажный треугольник, написанный в окопе в заснеженном окровавленном лесу под Мясным Бором, содержал наказ, чтобы в случае его, Тита, гибели Ксения дала двум их детям образование, безжалостно продавая всё, что есть в доме.

Ксения осталась вдовой всю свою долгую жизнь — всё надеялась, что случится чудо и муж вернётся с войны. Ведь таких, как Тит, больше нет... Она трудилась не покладая рук, но выполнила последний наказ своего мужа: их сын и дочь получили высшее образование: сын стал инженером, дочь — библиотекарем.

Работая в сибирской библиотеке, Валентина и встретила своего Николая.

Жили они долго и счастливо и вырастили двоих сыновей — Сергея и Николая-младшего, одного из потомков которого называли Игорем.

22.7. Игорь

В наивном детстве Игорь полагал, что смысл существования человечества просто обязан быть, причём — быть глобальным, например остановить разлёт Вселенной, чтобы она не остыла в холодную пустыню.

Потом Игорь повзрослел и трезво понял, что человечество не ставит себе никаких сверхзадач, а просто живёт. Как бессмысленная плесень на камне.

Год назад родители переслали Игорю, как наследнику рода, папку со старинными семейными документами. Мировые войны и голодные смерти были раньше для Игоря абстрактными историческими фактами. И он был потрясён, прочитав старые документы двадцатого века, имеющие отношение к его, Игоря, реальным предкам: справки сельсовета о раскулачивании и о восстановлении в правах, письма с фронта, старые записки о родословном дереве его семьи и рукописные воспоминания тех предков, кто находил время для воспоминаний.

Он стал изучать пожелтевшие документы, дополнять их данными из исторических книг — и эта информация так закипела и заварилась в душе Игоря, что он решил написать что-то вроде исторического романа по семейным преданиям. И стал писать его вечерами, без всяких литературных и коммерческих расчётов. Просто эта книга была нужна ему лично, она помогала Игорю чувствовать себя частью истории мира и человечества.

Пока был написан только набросок, но даже несколько страниц текста служили Игорю эмоциональной машиной времени — он уже мог мысленно переместиться в прошлое и попытаться понять своих предков.

Потому что прадедушки и прабабушки Игоря ставили его в тупик.

Человек с ребёнком совершенно беспомощен против человека с ружьём. Почему же исторически побеждает тот, кто держит на руках ребёнка, а не ружьё?

Мальчик в семь лет успел побывать на принудительной стройке, стать сыном раскулаченного врага народа, сиротой и попасть на много лет в детдом. Но остался оптимистом, влюблённым в жизнь.

Предки Игоря погибали от холода и от голода, от пуль и приказов других людей, но сумели построить то будущее, в котором живёт и, по большому счёту, благоденствует Игорь, который так часто чувствует себя несчастным.

«Как они не боялись жить?» — это и был главный вопрос, который задавал себе Игорь,

снова и снова читая листки, хранящиеся в старой папке.

Среди предков Игоря было много обычных людей — крестьян и инженеров, металлургов и учителей, которые своими трудами, а то и жизнями платили за то, чтобы общество держалось на плаву.

Его прадедушки и прабабушки в те лихие годы были моложе, чем он сейчас. Они вынесли на себе всю тяжесть двадцатого века, которая была больше, чем может выдержать человеческая спина и судьба.

И погибали они часто молодыми.

Как же они не боялись жить?

И горь возвращался домой. На лавочке у подъезда сидел очень старый и очень маленький человек, косился на апрельскую зелень, выбивающуюся из почек палисадниковых кустов, и что-то бормотал себе под висячий нос.

Игорь зашёл в лифт и увидел в нём сверстницу и соседку Машу. Они поздоровались. Игорь знал её с детства и в какое-то весеннее время был даже влюблён в неё. Но у Маши со школы был мальчик-романтик. Стихи ей писал:

Утомлённый дальней дорогой,
Тёплый ветер прилёт на лугу...

А потом у них появились двое карапузов и много проблем. И сейчас мальчик-романтик стал толстым и мрачным, он много пьёт и страшно ругается с Машей. Но карапузы растут — и Маша терпит. Прошло много лет, а она всё красивая. Только глаза стали тоскливыми.

В тесной кабине лифта Игорь стоял лицом к лицу с Машей и вдруг осмелел:

— Ты очень красивая, Маша... Желаю тебе счастья.

Маша вздрогнула и подняла на Игоря глаза.

Лифт закрыл между ними двери — будто челюсти сжал, и тронулся вверх. А Игорю сквозь створки слышались глухие рыдания.

Он зашёл в свою квартиру и тяжело сел на первый попавшийся стул.

Нам не нравится этот мир.

И он нас не любит!

Что же мы делаем в ответ?

Разрушаем себя какой-нибудь душевнобольной, психоубийственной химией — алкоголем или наркотиками. Я вам не нужен? Так сейчас я это оформлю до логического конца!

А кому ты нужен, если и себе не нужен?

Или уходим в тесную коробочку из соломы, прутьев или хрусталя. Создаём микроатмосферу и выживаем в ней. Все силы жизни тратим на отрубание щупалец мира, которые cedятся сквозь солому, проникают в прутьяные щели, свистят в хрустальных дырах.

Но ведь можно по-другому: не нравится твоя жизнь — измени её! Крупно, вразмах. Не нравится то, что тебя окружает, — уезжай. Хочешь или можешь жить только здесь? И как жить, если неостановимо душит ненависть? Тогда остановись, сядь на тихую скамейку в сквере, жёлтом от упавших листьев, белом от свежего снега, мокро-зелёном от весеннего дождя.

Сядь и подумай — какого чёрта?

Сядь и придумай, как всё изменить. Или хотя бы бороться за это.

Выпустить листовку: «Люди, быстрее любите друг друга, завтра — Страшный суд!»

Написать стихи, которые проймут даже самые гнилые души, пробьют их до доньшка — и на освободившемся месте проклюнется росток чистых чувств и помыслов.

Напечатать книгу о том, как честно жить и как достойно умирать.

Открыть новый медицинский способ улучшения мозгов, лиц и сердец.

Сделать так, чтобы никто и никогда не посылал и не обрекал на смерть ни ребёнка, ни

взрослого.

Откуда мне знать — что ещё можно придумать. Это твой город, твоя страна, твоё время. Надо думать и делать. Только не стонать. Не травить себя, не ненавидеть всех. Ненависть ничего не рождает. Она — пустыня, и рождает только пустыню.

Совсем ничего не придумать? Тогда можно просто вырастить умных детей, которые придумают это за тебя. Дети рождаются любовью и рожают любовь. И надежду.

Но первым делом — надо перестать бояться жить. Снаружи жизнь не изменить. Это можно сделать только изнутри.

Игорь быстро подошёл к столу и вытащил старую папку с документами. Читать не стал — он и так всё помнил. Но эта папка всё ещё хранила ненайденный ответ на главный вопрос.

Игорь ощущал сильное беспокойство. Он словно стоял перед какой-то очень важной дверью, но не знал, как её открыть.

Он вытащил из папки несколько листков и разложил их на столе. Глаза Игоря скользили по многочисленным именам детей, холодным датам смерти и скупым строчкам обстоятельств жизни.

«Как они не боялись так тяжело жить и так рано умирать?»

И вдруг дверь открылась.

Игоря пронзило понимание. Яркое и очевидное, всё осветившее.

Его предки жили ДРУГ ДЛЯ ДРУГА.

А когда живёшь для другого, то ничего не боишься.

В одиночестве смысла нет. Абсолютно одинокий человек пуст, как старая скорлупа. Для осмысленной жизни у него нет точки опоры в виде другого человека.

Сердце Игоря билось, словно после бега по крутой дороге. Он почувствовал, что произошло нечто очень важное, от чего вся его жизнь и работа пойдёт по-другому.

Он достал пластинку т-фона и решительно набрал давно известный номер.

Да, он уйдёт из литбригады и создаст философское эссе, которое никакой кибер написать не может и которое потрясёт всех, взорвёт мучительно бессмысленный и привычный круговорот жизни миллионов людей. Или хотя бы одного человека.

А может, Игорь осмелится и начнёт учить детей — тому, чему успел научиться сам.

Но сейчас он немедленно хочет увидеть Дюймовочку, свою давнюю сетевую собеседницу, с которой Игорь мечтал и боялся встретиться, потому что реальность — она всегда хуже мечты.

«Дюймовочка? А вдруг она выше тебя ростом? И некрасива?»

Да, наверное, реальная Дюймовочка будет некрасивой, но на самом деле это неважно. Некрасивые имеют право на счастье, а ум — это тоже красота.

«Плевать, чёрт побери, она всегда будет для меня Дюймовочкой, самой умной и нежной!»

Он поможет написать ей ту книгу, о которой она мечтает.

Она, очевидно, не будет сказочной маленькой феей, но и он — не книжный Мушкетёр.

Он рискнёт, потому что больше не может жить один.

Это слишком страшно и бессмысленно.

Глава 23 Эта Карина

II принцессе Карине снова приснилась звезда Вега. Принцесса плавно и привычно нырнула в самый центр звезды, где её встретил углеродно-азотный термоядерный цикл, персонифицированный в бородатом гноме с геологическим молотком в толстом шершавом кулаке.

— Я решил поменять свой катализатор, — брюзгливо сказал гном. — Мне надоели

алмазы, хочу попробовать изумруды.

Он указал мозолистым когтистым пальцем на любимое берилловое ожерелье принцессы.

— Снимай свой Be-3-Al-2-Si-6-O-18!

— Алмазами обойдёшься, попрошайка! — отмахнулась принцесса и оглянулась по сторонам. Почему здесь так прохладно?

Термоядерное энерговыделение в каждом грамме звёздных недр очень мало — пара дюжин эрг в секунду. Если с помощью энергии, выделяющейся из грамма звезды, попробовать нагреть грамм воды в идеальном термосе, то придётся ждать несколько лет, пока вода закипит.

Удельное выделение тепла в сердце звезды сопоставимо с теплом от кипы гниющих листьев, но, в отличие от кучи листьев, космическое светило огромно и выделившуюся энергию никуда не выпускает, пока не раскалится добела и не засветится как звезда.

Принцесса легко оттолкнулась и стала всплывать к поверхности водородно-гелиевого шара.

— Эта Карина такая вертихвостка, — проворчал вслед карлик с лицом, перепачканным сажей, — порхает тут без всякого результата...

Карина летела и оглядывалась по сторонам — всё ли нормально?

Протон-протонная реакция вела обычную семейную жизнь: вот пара протонов неспешно соединяется, рождая в результате нейтрино, позитрон и дейтерон — ядро дейтерия.

Нейтрино, нелюдимая фифочка крохотного росточка и криминальных наклонностей, родилось — и дёру из звезды. Пролетит по всему светилу, но ни с кем не поздоровается; энергии много утащит, но ни с кем не поделится.

Позитрон — дружелюбный простак, немедленно находит себе в пару электрон и — хлоп! — аннигилирует с ним, рождая жаркие гамма-кванты.

Прожорливый толстяк дейтерон существует всего четыре секунды, жадно проглатывает любой зазевавшийся протон и, удовлетворённо отрыгнув гамма-квант, раздувается до статуса лёгкого изотопа гелия.

Эти изотопы гелия — нелюдимые аутисты. Несмотря на жаркое давление в центре звезды, которое изо всех сил старается их сблизить, они четыреста тысяч лет присматриваются друг к другу, прежде чем слиться в нормальный гелий и породить пару шустрых, как ошпаренных, протонов, которые возвращаются в начало семейной саги.

Вся история неторопливого протон-протонного цикла занимает в среднем пятнадцать миллиардов лет.

Гном углеродно-азотного цикла работает гораздо быстрее. Сначала он молотком-протоном упорно тюкает свой катализатор — ядро обычного углерода — и переводит его в азот. Потом гном быстро, за семь минут, ржавым штопором выдёргивает позитрон из ядра азота, превращая его в тяжёлый изотоп углерода.

Снова протонным молоточком: тук-тук! — и из тяжёлого углерода гном выковыывает тяжёлый изотоп азота. Тем же молоточком гном делает из азота кислород, а из кислорода, с помощью любимого штопора, — ещё более тяжёлый азот.

Из-под молотка гнома то и дело вылетают искры гамма-квантов и маленькие урки с злобными лицами — нейтрино. Работа непростая: гном при перековке одних элементов в полторы минуты укладывается, а другие ему триста миллионов лет приходится долбить.

Вот бородатый гном ловко — тук-тук! — раскалывает азот на обычный углерод и ядро гелия. Цикл завершён — гном создал из протонов ядро гелия, вернул себе углерод-катализатор и наклепал множество гамма-квантов, полезных для обогрева звезды.

Мощные кванты собираются в стаи и пробуют вылететь из звезды. Тысячи лет они пробиваются из огненных недр наружу, раскалываясь вдребезги о встречные атомы, поглощаясь и переизлучаясь. Ещё не добравшись до поверхности, они устают и ослабевают до видимого света, для которого вещество звезды уже непрозрачно.

Тем самым звезда окончательно запирает излучение.

О, это очень опасно! Свет поймать легко, но удержать трудно. Остановленная волна квантов стремительно нарастает — начинается разогрев светила. Так и до беды недалеко! Паровые котлы многое могут рассказать о перегреве и взрывах.

Печка звезды раскаляется до тех пор, пока плотность нижних слоёв не становится меньше плотности верхних. И тогда горячий пузырь внутренней перегретой плазмы начинает всплывать, одолевая с помощью архимедовой силы более холодные внешние слои и вынося внутренний звёздный жар к границе. За первым пузырём следуют другие.

Неустойчивая по критерию Релея–Тейлора звезда проходит точку бифуркации и закипает: в её внешних слоях возникает конвективная зона, которая переносит обессилевшие кванты наружу быстрее, чем если бы они пробивались через звёздное вещество сами.

Каждый повар знает — если вода в кастрюльке закипела, то её температура уже не будет подниматься. Кипение космического светила тоже означает стабильность — разогрев недр прекращается и угроза взрыва звезды отступает.

Планеты возле звезды и человечки на них этому факту очень рады.

Карина внимательно рассмотрела конвекцию: именно с её помощью вещество из космоса получает шанс опуститься до звёздной сердцевины, до термоядерного реактора.

Механизм конвекции работал безупречно: природа — гениальный инженер.

Принцесса вылетела из фотосферы, которая и была границей Веги, и вокруг Карины появилось полнеба звёзд. И засветились отражённым светом планеты — их у Веги было целых шесть, да крупных, и у каждой было своё хобби — кто кометами в футбол играл, кто стадо астероидов пас.

Самая далёкая планета — в два раза дальше, чем Нептун от Солнца, и заметно тяжелее Юпитера — увлекалась рукоделием и плетением кружев: сгребала своими руками-резонансами пыль в красивые ажурные структуры. Их было так много, что они плотно сплетались в облако-варежку возле ярко-голубой планеты.

Зелёных человечков на крупных планетах или на их мелких спутниках Карина не рассмотрела — далеко, да и неинтересны ей были зелёные человечки.

Ей больше всего по сердцу были звёзды, поэтому Карина решила дальше не лететь.

Так и не поняла принцесса, почему в центре Веги ей было не жарко. Наверное, потому, что это сон! — мудро решила Карина, миновала светящуюся звёздную корону и обернулась.

Вега тоже обернулась симпатичной девушкой в платиновой диадеме и ослепительно улыбнулась Карине.

— Я тебе нравлюсь? — спросила Вега.

— Очень! — честно призналась принцесса и проснулась.

Дзинтара зашла в кабинет Никки. Там уже сидел Хао. Никки и Хао не обратили на Дзинтару никакого внимания, а продолжали со странными лицами пристально смотреть друг на друга. Принцесса окликнула друзей:

— Эй, у меня отличные новости — мы сможем удешевить процесс бессмертия в два раза!

Никки и Хао повернулись к Дзинтаре, но с таким отсутствующим видом, что сразу стало понятно — их мысли где-то очень далеко.

Принцесса обиженно фыркнула:

— Ничего, что я вас отвлекаю всякими глупостями вроде бессмертия и вечной молодости?

Никки откашлялась и сказала с непривычно нервным смешком:

— Извини, Дзинтара, тут как раз насчёт вечной жизни возникла одна заминка... внешнего характера.

В штаб-квартире Гринвич собралось очень представительное и очень засекреченное совещание. За кольцевым столом сидели около двух десятков человек. Первым докладчиком

была, как ни странно, принцесса Карина, дочь короля Дитбита Младшего.

— Я начну с одного интересного астрофизического феномена, впервые обнаруженного в системе звезды Бета Пикторис. Учёные заметили, что в спектре этой звезды иногда появлялись линии поглощения кальция и железа — всего на несколько часов, причём атомы металлов падали на звезду с огромными скоростями в десятки и сотни километров в секунду. Эти явления были интерпретированы как «кометные ливни»: частое падение на звезду крупных — порядка километра — каменно-ледяных тел из внешней части планетной системы Бета Пикторис. Но как возникают такие кометные ливни? Это было загадкой.

Принцесса оживилась:

— Вообще, система Бета Пикторис очень интересна! Её пылевой диск виден нам с ребра и имеет зигзагообразный изгиб, связанный с небольшой, в десять масс Земли, внешней планетой, аналогом нашего Нептуна...

Профессор Хао кашлянул. Принцесса спохватилась:

— Вернёмся к «кометным ливням». Было показано, что крупные планеты, похожие на наши Сатурн и Юпитер, играют возле Бета Пикторис в «космический волейбол». Бета-Сатурн подхватывает какую-нибудь комету, которых возле него очень много, и отнимает у неё столько углового момента, что она падает до более внутренней орбиты, где движется бета-Юпитер. Тот рассеивает посланные ему кометы во все стороны, сбрасывая часть каменно-ледяных тел на звезду. При приближении к светилу комета испаряется и превращается в огромное облако газа, сравнимое по размерам с самой звездой. Это облако, попавшее на линию между звездой и земным наблюдателем, и даёт необычный спектр падающих атомов металла. Такой водопад комет на звезду возможен только при определённых массах и взаимных расстояниях планет-рассеивателей... И на ранних стадиях развития планетной системы, когда комет в ней ещё очень много.

Принцесса перевела дыхание.

— Для нас важно то, что падающие на звезду кометы меняют химический состав светила. Если угодно — в звёздный термоядерный реактор подбрасывают новые элементы, которые, невзирая на сравнительно малое количество, могут выступать как катализаторы некоторых побочных термоядерных реакций.

Люди за столом зашевелились.

— Эти новые данные были получены в результате построения общей модели солнечноподобных звёзд в нашем Институте Солнечной системы. Сначала мы применили эту модель к нескольким ближайшим звёздам — в первую очередь к тем, чья динамика отклонялась от старых моделей. В результате часть аномалий была объяснена, но для некоторых звёзд нам пришлось дополнительно учесть существование вокруг них газо-пылевого диска с погруженными в него планетами. И мы показали, что такие диски могут — с помощью «эффекта Бета Пикторис» — заметно влиять на термоядерное горение звезды. Особенно это влияние сильно в системе Веги — горячей звезды, которая вращается в сто раз быстрее Солнца и близка к точке центробежного разрушения...

Сосед наклонился к профессору Хао и что-то спросил его. Тот кивнул на принцессу — терпение, сейчас всё услышите. Принцесса заметила это и нежными ручками взяла быка за рога.

— В результате расчётов нам удалось показать, что термоядерный котёл Веги «отравлен» химическими катализаторами, упавшими на звезду вместе с кометными ливнями. Поэтому Вега отклоняется от стандартной модели эволюции и вскоре перейдёт в стадию сверхновой звезды особого типа. Расчётный период полураспада... вернее, средний срок до взрыва составляет тысячу двести лет.

Вот тут все зашумели. Принцесса тоже подняла голос:

— Но есть небольшие шансы, что Вега взорвётся уже в ближайшие сто или двести лет. Напомню, что Вега расположена от нас всего в двадцати пяти световых годах.

И Карина села на своё место с довольным видом хорошо потрудившегося человека.

— И что же будет с Землёй? — В общем шуме этот вопрос звучал чаще всего.

Никки кивнула следующему докладчику. Он встал и кратко обрисовал неутешительную ситуацию: уровень излучения от взорвавшейся Веги будет таков, что большая часть видов животных и растений погибнет, включая людей. Радиационной фон на Земле резко повысится.

Взволнованные разговоры стали такими громкими, что Никки объявила перерыв, давая возможность собравшимся обсудить и переварить полученную информацию.

После перерыва слово взял руководитель отдела общих проектов династии Гринвич и доложил о наиболее реалистичном варианте спасения человечества: эвакуация людей на планету другой звезды с помощью флота больших транспортных кораблей.

Никки подумала, что такой проект массовой эвакуации вызовет бум строительства межзвёздных транспортов и волну злобной критики. Наверняка скажут, что история с Вегой была придумана специально — для продажи межзвёздных кораблей.

Началось обсуждение.

Кто-то предложил защитить Землю экраном.

Другой выкрикнул:

— Надо попробовать отбуксировать Землю в безопасное место!

Никки поморщилась: она не любила бестолковые, неподготовленные обсуждения и уже хотела закрыть совещание, как слово попросила принцесса Карина.

— Убегать из горящего дома можно, но сначала лучше попробовать потушить пожар. У меня есть идея: предотвратить взрыв Веги тем же способом, каким она стала взрывоопасной. Надо рассчитать, приток каких химических элементов вернёт звезде стабильность. После чего попробовать организовать кометный ливень соответствующего состава. Для этого может понадобиться передвинуть какие-то планеты системы Веги или просто сбросить на звезду несколько крупных астероидов. Я готова взяться за расчёт нужного изменения химсостава и за пару месяцев попробую получить первые оценки.

Принцесса Карина раскраснелась, но держалась уверенно. Присутствующие одобительно загодеди.

— Эта Карина — молодец. У девчонки есть и интеллект, и смелость... — шепнула Никки на ухо Хао. — Умная молодёжь внушает мне надежду.

— Династия Гринвич и Независимая академия в своих институтах бездельников не держат, — дипломатично ответил Хао, тем самым перенеся ответственность и славу за достижения принцессы Карины на всю династию и саму королеву.

Никки сидела против Джерри за маленьким столом для завтрака и говорила:

— Итак, человечество вплотную подошло к кризису, который потребует объединения всех его сил. Что будем делать?

Джерри пожал плечами:

— Мы уже обсуждали план такого объединения. Просто стало понятно, что больше медлить нельзя.

— И почему человечество ищет выход, только когда попадает в безвыходное положение?

— Это известный факт: война или критическая ситуация ускоряет социальные события и научные исследования. В переломные времена финансирование научных разработок резко возрастает, хотя обычно наука сидит на голодном пайке: средний избиратель не понимает её важности, да и учёных не любит.

— Теперь нам придётся каждому землянину подробно рассказать про кометные потоки, гравитационное рассеяние астероидов на планетах и об особенностях катализа внутризвёздных термоядерных реакций. А потом попросить денег на создание технологий движения больших планет возле далёкой Веги — чтобы спасти жизнь самих землян. Сколько людей решат, что это хитрый способ отнять у них деньги?

— Примерно половина — согласно нашей математической модели науки, погруженной в общество.

— Ты не устал бороться всё с новыми и новыми трудностями? Искать выходы, которые развязывают одни узлы и одновременно завязывают другие?

Вдруг вмешалась Тамми:

— Новые технологии не приносят нового счастья, как бы мы этого ни желали, но они безоговорочно меняют уровень человеческих возможностей и проблем — и тем самым образ нашей жизни, даже если нам этого совсем не хочется. Прогресс устанавливает новые правила мировой игры, в которой приходится всем участвовать — молодым с удовольствием, а старым — без оного. Главное — играть умело, чтобы не сбросить все шахматные фигурки с доски. Остановить развитие цивилизации невозможно, как нельзя остановить велосипед, — падение будет неизбежно. Возможность стабильного существования неразвивающегося социума с высоким уровнем жизни для всех индивидуумов обсуждается давно и является интересной проблемой, но несколько академической, по-моему. Такое возможное равновесие будет обязательно неустойчивым. Нам нужно учиться надёжно двигаться вперёд, а не держать баланс на кончике иглы, всё время опасаясь сесть на неё. Реальной альтернативой перманентной борьбе с трудностями является только могильное устойчивое равновесие.

— Кто это сказал? — спросила Никки.

Джерри, улыбаясь, ответил:

— Это из дневника моего отца.

— Убедительно... Ну что же, будем бороться с трудностями дальше.

Никки вздохнула и решительно добавила:

— Запускаем план «Суперпрезидент».

Глава 24

День, когда Дзинтара должны убить

Вечер был тревожным. Дети ощущали наэлектризованность домашней атмосферы и никак не засыпали. И Дзинтара согласилась посидеть с ними.

Трёхлетняя Галатея сразу запросила:

— Мама, расскажи сказку про жучиноного доктора!

У пятилетнего Андрея глаза тоже засветились. Дети очень любили эту историю — уже сто раз Дзинтара её им рассказывала, а они снова просят. Принцессе не нужно было даже открывать книжку «Сто научных сказок», потому что историю про доктора Борнемиссу она уже знала наизусть.

Дзинтара посмотрела на часы и согласилась:

— Хорошо, расскажу про доктора, победителя мух и повелителя жуков, но потом — немедленно спать.

Галатея оживлённо заворочалась в кровати, устраиваясь поудобнее и положив ладонь под румяную щёку.

— Жил-был в одной маленькой европейской стране доктор Борнемисса. Он был энтомологом и изучал разных насекомых. Кто думает, что насекомых изучать — смешное занятие, тот просто мало думает. И случилось так, что правители этой страны обидели доктора, и он уехал далеко-далеко — в Австралию.

— Я бы тоже не стала жить с людьми, которые меня обижают, — сказала Галатея.

— После долгого плавания по бурному морю высадился доктор Борнемисса на берег далёкого континента и поразился: вся Австралия была покрыта тёмными тучами. Но это были не дождевые тучи и не дым от пожаров. Тучи громко жужжали и жалились! Потому что они состояли из...

— Мух! — громко крикнула счастливая Галатея.

— Верно! Злые кусачие мухи летали везде и всюду так густо, что на улицу выйти без сетки возле лица было нельзя. Дети не могли играть на лужайках и сидели по домам. Даже уличных кафе в Австралии не было, потому что на открытом воздухе есть было невозможно — мухи съедали содержимое тарелок быстрее людей.

Галатея заливисто рассмеялась, и даже Андрей улыбнулся.

— Власти даже запретили кафе под открытым небом, чтобы они не приманивали в города новые тучи мух. Жизнь диктует привычки: пилоты истребителей всё время оборачиваются — не заходит ли кто им в хвост, а жители Австралии привыкли всё время махать руками, отгоняя крылатых тварей от лица.

И решил доктор Борнемисса спасти континент от этой напасти. И стал распутывать ужасную детективную историю по захвату Австралии мухами. Оказывается, этих летающих зверей раньше было гораздо меньше. В их размножении оказались виноваты сами люди, которые, переезжая в Австралию из Англии и других стран, привезли с собой множество скота, особенно коров, которые дают полезное молоко и сыр... ну, мясо и шкуры тоже, хотя тут слово «дают» не очень подходит. Мясо и шкуры у коров попросту отбирают.

— Лучше не отбирать, а дружить! — невпопад сказала Галатея, а Андрей покосился на неё и фыркнул.

— Коровам Австралия очень понравилась, особенно огромные пастбища с травой и отсутствие волков и прочих хищников. И коров развелось видимо-невидимо. А каждая корова в день поедает много килограммов травы и даёт не только молоко и мясо, но и...

— Навоз! — Галатея просто зашлась от смеха. В определённом возрасте шутки про навоз очень популярны.

— Правильно. Каждая корова даёт в день много килограммов навоза. И именно на этом навозе и развелись те сонмища мух, которые покрыли Австралию чёрной тучей. Удивился доктор Борнемисса такому обороту событий, ведь в его маленькой стране коров тоже много, но такого мушиного безобразия нет. Доктор провёл исследование и выяснил, что австралийские навозные жуки не справляются с таким наплывом непривычного для них коровьего навоза. Поэтому сухие коровьи лепёшки валяются по пастбищам годами, служа роддомом для мух. И решил доктор Борнемисса найти таких жуков, которые смогли бы жить в жарком австралийском климате и питаться коровьим навозом.

— Питаться навозом! — взвизгнула от восторга Галатея, и Андрей тоже ухмыльнулся.

— Тридцать лет воевал доктор Борнемисса с мухами. Он ездил по всему миру в поисках подходящих навозных жуков. В Африке он прожил девять лет и всё-таки нашёл крупных синих насекомых, которым была по плечу и по зубам проблема австралийского навоза. Доктор Борнемисса привёз африканских жуков в Австралию и выпустил на волю. Размножились эти жуки и быстро очистили пастбища от навоза, заодно и почву взрыхлили и удобрили. И исчезли тучи мух, которые кружили над Австралией.

Галатея заулыбалась. Это место ей больше всего нравилось.

— Выбежали дети и собаки на лужайки, стали играть и смеяться, купаться в прудах и речках. В Австралии появились машины с открытым верхом и уличные кафе. Старые и молодые люди стали сидеть на свежем воздухе, пить кофе и есть булочки, читать газеты и целоваться без вмешательства мух. Так доктор Гергей Борнемисса сделал счастливыми людей целого континента. И они, благодарные, ещё при жизни поставили ему памятники, а королева наградила его самой большой наградой Австралии. Экологи объявили работу доктора Борнемиссы самым успешным экспериментом по биоконтролю в двадцатом веке. И каждый австралиец теперь знает, что нет ненужных наук, и человек, который изучает навозных жуков, ничуть не менее важен, чем человек, который исследует звёзды.

Андрей проворчал:

— Глупые были правители той страны, где Борнемисса раньше жил. Если бы они его не обидели, он бы тоже для них что-нибудь хорошее сделал.

Дзинтара согласилась:

— Да, обижать учёных — это очень большая глупость. А теперь вам обоим надо спать.

— Мама, можно мы завтра полетим с тобой? — снова заканючила Галатея.

— Нет, нельзя, завтра со мной будет только папа. А вы останетесь во дворце и займёте круговую оборону! В наше отсутствие особенно важно, чтобы во дворец никто из врагов не проник.

— Хорошо! Мы отстоим нашу крепость! — серьёзно сказал Андрей.

— Вот и отлично. Спокойной ночи!

Дзинтара притушила свет и вышла из детской комнаты.

В зале её ждал Феб. Его лицо было мрачным. Ещё бы — ведь через восемнадцать часов Дзинтару будут убивать.

— Я не хочу, чтобы ты завтра туда ехала! — агрессивно заявил Феб.

— Я тоже не хочу туда ехать, но это придётся сделать... — вздохнула Дзинтара.

Феб бессильно зарычал. Он тоже понимал, что от будущего не спрячешься.

Т о, что убийство Дзинтары должно произойти десятого июля, в главном зале ООН, при большом скоплении людей и среди бела дня — между тремя часами и тремя часами десятью минутами, — стало известно давно.

Никки сообщила об этом, ворвавшись в спальню Дзинтары, когда та ещё только приводила себя в порядок. Никки выкрикнула главное, а потом торопливо дорисовала детали.

Дзинтара долго молчала, сосредоточенно нанося на лицо какое-то чудодейственное снадобье, а потом просто сказала:

— Надо бы составить завещание.

Потом перевела глаза на Никки и спросила слишком заинтересованным голосом:

— Какая у тебя отличная кожа по утрам! Каким кремом ты пользуешься?

Никки восхищалась мужеством принцессы, но с приближением дня будущего убийства сама нервничала всё больше.

И вот десятое июля настало.

Тёплая серая морось от серой реки плыла в воздухе и окрашивала серое здание ООН в ещё более серый цвет. Разноцветной была лишь густая толпа, ожидающая выезда кортежа президента.

История делается именно в такие дни.

Сегодняшняя суббота войдёт в учебники как дата создания реального мирового правительства. От неё будут отсчитываться остальные события: «это было ещё до клятвы Президента Объединённых Наций», «это было спустя пять лет после инаугурации первого Президента ООН».

Но историческая веха может звучать и так: «день, когда был убит Президент мира».

В главном зале ООН атмосфера была торжественной и наэлектризованной.

Скоро первый Президент ООН принесёт перед лицом всех землян клятву работать на благо всего человечества. После присяги он станет самым могущественным человеком мира — согласно новой всепланетной конституции, за которую проголосовало восемьдесят два процента жителей Земли и других планет.

Небывалое единодушие.

Проблемы, атаковавшие растущее человечество, были слишком очевидны и устрашающи. Для их преодоления нужны были решительные усилия всех землян. Партия «прогрессистов», в которой играли главную роль Северные династии, выдвинула программу объединения всех землян.

Прогрессисты составили проект новой конституции ООН, которая преодолевала паралич мировой власти, вызванный могучим правом вето у вечно конфликтующих стран-лидеров и слишком малыми правами у всех остальных государств.

Реформа мирового управления предполагала, например, такую необычную и радикальную меру: к голосованию по вопросам научно-технической политики ООН допускались только те страны, у которых доля национального бюджетного финансирования науки, культуры и образования достигала десяти процентов. Остальные страны, не достигшие данного уровня цивилизованности, оставались в ранге членов ООН, не голосующих по данным вопросам.

Партия прогресса предложила неожиданную и незаурядную кандидатуру на пост Президента ООН.

Дзинтару.

После нападения командос Южных на БиоИнститут она еле выжила. Искусные врачи-регенерологи сумели залечить шрамы на лице и теле, восстановить левый глаз и повреждённую печень.

Покушение на БиоИнститут жители Земли восприняли — не без помощи прессы Северных — как попытку эгоистичных богачей-южан отнять у простых людей надежду на долгую жизнь и бессмертие.

Дзинтара и другие защитники центра стали героями. Весь мир следил за ходом лечения принцессы и радовался её свадьбе с Фебом, который после трагических событий в биоцентре разительно переменял своё отношение к браку и детям.

Доктора не рекомендовали Дзинтаре, перенёсшей слишком много операций, самой вынашивать ребёнка. Принцесса и Феб воспользовались искусственной колыбелью.

И сейчас дети Дзинтары и Феба — уморительно забавный Андрей и прелестная Галатея — вызывали столь мощное умиление публики и журналистов, что это серьёзно заботило родителей.

Учитывая популярность Дзинтары Шихин-ой и её нейтральность к противостоящим политическим силам, прогрессисты предложили её кандидатуру на пост главы земного правительства. Согласно мировой конституции президент избирался только на один десятилетний срок, что делало главу ООН более решительным и независимым от постоянного оглядывания на урны демократии.

Тут был тонкий момент: Дзинтара смогла претендовать на пост Президента мира только потому, что десять лет назад династия Шихин-ых стала нейтральной. Но никто из аналитиков не смог связать нынешние выборы с давно минувшим добровольным отречением императора Шихин-а и его уходом в нейтральные спокойные воды.

Между тем отдать корону императора Северных династий — частного клуба богачей — сейчас, чтобы через десять лет твоя дочь стала настоящим Президентом всего мира, — это был блестящий ход, возможный только благодаря *математическому дальновидению*. Да, человеческие мозги аналитиков стали безнадежно проигрывать строгим уравнениям и численному моделированию социоистории...

Изнуряющая избирательная кампания закончилась убедительной победой принцессы Дзинтары над сенатором Мондейком, выдвиженцем консервативной партии «реалистов». По закону, Мондейк становился вице-президентом ООН, который не имел фактической власти, но в случае серьёзной болезни или смерти Президента заместитель становился исполняющим его обязанности — до новых выборов, которые назначались через полгода.

Вторым важнейшим событием десятого июля должно было стать подписание президентом мира целого ряда уже согласованных в ООН законов: о финансировании межзвёздных экспедиций, о справедливом использовании технологии бессмертия, о свободе гражданства.

Эти законы были острым ножом в сердце проигравших «реалистов», непримиримое крыло которых состояло из реакционных государств и нескольких династий, не согласившихся с новым курсом Южных.

Поэтому Президента мира должны были сегодня убить.

Убийство должно произойти сразу после клятвы, в течение десяти минут. Приняв присягу, новый Президент мира скажет короткую речь и сядет за стол с разложенными документами — подписывать новые законы. После их подписи «реалисты» окончательно проиграют войну за будущее.

Если президента убить до клятвы, то старый Секретарь ООН, умеренный сторонник партии прогрессистов, останется во главе Объединённых Наций до новых выборов, что не устраивало «реалистов».

Зато убийство Президента в первые десять минут его правления автоматически делает

новым временным президентом Мондейка, представителя реалистов. А уж он позаботится, чтобы эти законы ушли «под сукно» как минимум на полгода, а в идеале — навсегда.

Поэтому реалисты должны были сегодня убить Дзинтару.

Многочисленное ситуационное прогнозирование давало самую высокую вероятность именно такого сценария.

Он подтверждался и агентурными сведениями из вражеского стана. Детали будущего покушения были неизвестны, но его факт — несомненен.

Ещё одним убедительным свидетельством подготовки убийства века стали скрытые процессы на мировом рынке акций. Они указывали, что ряд крупных биржевых игроков приготовились извлечь выгоду из последующей паники и обвала курса акций.

Все свидетельства собирались в ситуационную модель, которая приводила к почти стопроцентной вероятности попытки убийства президента именно во время инаугурационной речи.

Поэтому были приняты беспрецедентные меры безопасности. Подписание ключевых законов планировалось сразу после речи Президента именно для того, чтобы сократить длительность наиболее опасного периода.

Никки, взявшаяся лично контролировать безопасность Дзинтары, была за то, чтобы речь вообще отменить, но тут Дзинтара воспротивилась:

— Если они придумают, как меня убить, то сокращение времени большой роли не сыграет.

Никки с этим согласилась, не переставая ломать свою голову и оптоэлектронные цепи своего друга Робби над загадкой будущего убийства.

Пронести в зал оружие или взрывчатку сквозь многочисленные детекторы было немыслимо.

Хотя вдоль стены зала шли столы с напитками и кофейными машинами, яд тоже исключался, потому что никакой еды или воды в течение первых десяти критических минут президенту предложено не будет.

Стена из прозрачной брони вокруг сцены поднималась почти до потолка, оставляя лишь полуметровую щель для свежего воздуха. К потолку, в метре от основной стены и снаружи от неё, было подвешено дополнительное бронированное стекло, которое полностью блокировало оставшуюся щель — так что ни одна прямая или даже рикошетная траектория из зала не могла коснуться Дзинтары, стоящей на трибуне или сидящей за столом.

Эту стеклянную стену можно было взять только выстрелом из танкового орудия.

Но с танками в зал тоже не пускали. Как и с мобильными роботами любого размера и назначения.

Стена задерживала лазерное или микроволновое излучение.

Вентиляционные отверстия внутри стеклянного помещения отсутствовали — чтобы исключить проникновение ядовитого газа.

Дверь на сцену была только одна. Генеральный судья ООН после принятия присяги Президентом должен был выйти в эту дверь и запереть её за собой. Попасть на сцену никто больше не мог — даже четверо агентов службы безопасности, охраняющие дверь за кулисами. Президент оставался в стеклянном бронированном помещении один — вместе с трибуной для произнесения речи и столом, где были разложены документы на подпись.

Несмотря на принятые меры безопасности, которые широко освещались прессой, компьютерное моделирование и данные агентуры давали косвенные, но убедительные доказательства, что «реалисты» по-прежнему готовятся к последствиям убийства Президента.

Никки очень боялась за Дзинтару.

Нельзя недооценивать ум врага. Если реалисты, зная о всех предосторожностях, принятых вокруг Дзинтары, продолжали рассчитывать на благоприятный исход событий — значит, они придумали что-то очень хитрое.

Но что?!

В зал допускались только политики, журналисты и обслуживающий персонал.

В качестве дополнительной меры безопасности на входе в здание ООН было введено психологическое тестирование. Каждый должен был пройти через компьютерный детектор лжи, который не церемонился.

Там был и такой прямой вопрос:

«Принимаете ли вы участие в покушении на Президента?»

Все люди, вошедшие в здание ООН сегодня, совершенно искренне ответили:

«Нет!»

Но кто-то из них искренне соврал.

В огромном фойе сосредоточенно роились дипломаты, чиновники ООН и журналисты.

Скоро должна была приехать Дзинтара, и Никки пробиравась сквозь толпу, раскланиваясь со знакомыми, но стараясь нигде не задерживаться — слишком много было дел у неё сегодня.

Но не задерживаться не всегда удавалось.

Никки неосторожно вышла прямо на престарелого сенатора-«реалиста» Флирля, окружённого стайкой журналистов. Сенатор-южанин был красен и сердит. Увидев Никки, он ткнул в неё пальцем и прокрипел:

— Вот кто борется за уничтожение национальных государств, подрывает основу нашей цивилизации! Вот кто придумал гражданство для династий и эти межгосударственные пенсионные союзы! В результате один человек может иметь географическое гражданство в одной стране или династии, политическое — в другой, а пенсионное — в третьей! Куда катится мир?!

Журналисты сразу нацелили микрофоны и камеры на Никки. Что она ответит?

Никки усмехнулась:

— Я всего лишь борюсь за право людей выбирать лучшее будущее. Надежда базируется на свободе выбора, нет ничего безрадостней безальтернативности. Если граждане решат выйти из-под юрисдикции вашего государства, то это будет не моя, а ваша, политиков, вина. В современном мире государство не должно быть феодалом.

Сенатор нахохлился и клюнул с другой стороны:

— Вы добились легализации наркотиков в Бенилюксе и даже создали свою сеть для их распространения. Вы поддерживаете незаконную деятельность вроде пиратского копирования видеоигр и фильмов. Это вопиюще!

— Вы судите поспешно, сенатор. В Бенилюксе возникло критическое положение из-за множества подростковых банд и наркоманов. Моя династия вместе с заинтересованными правительствами разработали план смещения подростковой преступности от незаконных грабежей и даже убийств к незаконному, но всё-таки бизнесу, например — к пиратскому копированию и распространению медиакристаллов. Это даёт подросткам больше дохода и делает улицы безопаснее. С медиапроизводителями была достигнута договорённость не препятствовать этому молодёжному пиратству...

Никки не стала уточнять, что сама владеет значительными пакетами акций в мировых медиакомпаниях. А то они вряд ли бы согласились на такой план.

— Это весьма эффективная социализация молодых преступников, которые всё ещё чувствуют себя крутыми нарушителями законов, но смена ценностей у них уже происходит. Незаконных бизнесменов перевести в законные гораздо легче, чем асоциальных грабителей. Вы говорите о распространении наркотиков, забыв упомянуть, что мы распространяем специальный маловредящий эйфорин и только среди наркоманов. Он замещает собой опаснейшие кокаин и героин, но не вызывает физиологического привыкания. Излечить наркоманов, перешедших на эйфорин, гораздо легче. Кроме того, новый легальный наркотик ослабляет мафиозные группировки, торгующие традиционными наркотиками.

— Ах, так вы оказываетесь ещё и всеобщим благодетелем! — нервно крикнул сенатор.

— Думаю, что да, сенатор. Прошу меня извинить, я спешу. Нужно ещё кое-кого облагодетельствовать.

Никки сидела в крайнем левом кресле первого ряда. Это позволяло ей, повернув голову, видеть собственными глазами почти весь зал. За её спиной оставалась лишь длинная стена; вдоль неё выстроились журналисты с камерами и столы с напитками, за которыми стояли обслуживающие официанты. Но сканеры и другие Никкины сенсоры работали вовсю и контролировали все триста шестьдесят градусов. Самый дальний угол зала просматривался плохо, но Робби, с разрешения службы безопасности ООН, подключился в сеть камер внутри здания и видел сейчас все закоулки и зала, и коридоров вокруг.

Вокруг здания ООН висела эскадрилья боевых вертолётов, а ещё выше кружила шестёрка истребителей. Три патрульных космолетов на разных высотах замыкали впечатляющую пирамиду безопасности, созданную вокруг старинного здания ООН.

Но Никки была уверена, что в системе обороны есть какая-то незакрытая брешь.

Часы на стене показывали два часа пятьдесят минут.

Примерно через четверть часа способ, которым сегодня должны убить Дзинтару, станет известен.

Перед долгим заседанием многие хотели промочить горло: очередь за минеральной водой и кофе не уменьшалась. Политики и чиновники, дипломаты и переводчики — они все были неуловимо похожи друг на друга и подходили обычно парами, вполголоса говоря о чём-то важном и обращая на рослого желтоволосого парня в чёрном фраке не больше внимания, чем на двуногий кофейник. Это здорово раздражало официанта. Обслуживаешь этих господ целыми днями, но даже вежливую улыбку редко заработаешь.

Наконец зал уселся и успокоился. Через несколько минут начнётся церемония присяги. Официант облегчённо вздохнул и тоже нацелился расслабиться, привалившись к стене, но тут к столу подошёл коротышка-журналист, одетый в полувоенный жилет с массой оттопыренных карманчиков и весь обвешанный своей аппаратурой. Этот парень недавно установил треногу с длинной видеокамерой прямо перед официантом, чем здорово его разозлил, так как загородил трибуну.

Журналист негромко, но отчётливо, отделяя каждое слово, сказал:

— Самый большой стакан минеральной воды с пузырьками. И обязательно положите в стакан целый зелёный лимон.

Официант заметно вздрогнул и уставился на журналиста. Тот тоже почему-то переменялся в лице и воззрился снизу вверх на рослого официанта.

Наступила пауза, потом журналист кивнул и отошёл от стола, не дождавшись заказанной воды.

А желтоволосый официант ловкими заученными движениями открыл крайний кипятильник с чистой водой и стал выжимать в него лимонный сок. Больше, ещё больше. Достаточно.

Желтоволосый повесил на кипятильник маленькую табличку «Не работает», снял заднюю крышку и всмотрелся в скрученные разноцветные провода.

Глаза всех людей в зале были направлены на сцену, на которой толпились высшие чиновники и политики ООН. Многие хотели сказать в этот исторический день хоть что-нибудь.

Дзинтара в чёрном недлинном платье стояла в стороне от трибуны, вместе с секретарём и телохранителем. Её время ещё не наступило.

Коротышка-журналист, забыв о жажде, что-то активно перенастраивал в камере — снимал с объектива прямоугольную бленду и зачем-то разбирал её на отдельные пластины, доставал из чехла дополнительные полые трубки — наверное, хотел нарастить высоту треноги.

Официант отремонтировал кипятильник, и тот тихо и низко загудел. Потом окликнул

журналиста. Коротышка подошёл с какой-то блестящей трубой, положил её на стол и взял предложенный, совсем небольшой, стаканчик с минеральной водой. Глотнул и вернулся к камере, забыв трубу между использованных кофейных чашек.

Желтоволосый парень не стал его окликать, а просто взял никелированную трубу и засунул куда-то под стол.

Кипятильник загудел чуть громче и забулькал.

Официант выпрямился во весь рост и побледнел. На его веснушчатом носу выступили капли пота.

В зале все взволновались.

Потому что к трибуне вышла Дзинтара.

Возле неё остался только Верховный судья, а все остальные участники церемонии стали покидать сцену через единственную дверь.

Никки слушала клятву Дзинтары с нарастающей тревогой.

Когда Дзинтара приступила к инаугурационной речи, то Никки просто превратилась в сжатую пружину. Сейчас что-то произойдёт.

Но что?!

Никки стала боевой машиной, продолжением своих сенсоров и Робби. Она краем глаза следила за Дзинтарой, но одновременно ощущала вертолётную вибрацию воздуха за окнами, видела в зале инфракрасным зрением несколько человек с повышенной температурой — видимо, слегка простуженных.

Тревога сгустилась настолько, что Никки сместилась на самый краешек кресла, готовая в любую минуту броситься на помощь к Дзинтаре, хотя от той её отделяло несколько десятков метров пространства и стеклянная броня.

На третьей минуте речи нового Президента сзади Никки раздалось свистящее шипение и громкий хлопок. Выстрел?

Чувство опасности врезалось в спину Никки. Она не успевала повернуться к источнику шума, но её лидарный сканер и ещё пара встроенных в ожерелье сенсоров уже уловили, как от стены зала стартовал реактивный снаряд и устремился к Дзинтаре, стоящей на сцене в перекрестье прожекторных лучей.

НАПАДЕНИЕ!

Никки чувствовала, что снаряд должен пролететь над ней, на высоте трёх-четырёх метров, но немного справа, и, руководствуясь не мыслью, которая не успела ещё оформиться, а лишь инстинктом, прыгнула вверх, на перехват снаряда.

Она не знала, как будет перехватывать этот снаряд, она его ещё не видела.

Всё, что Никки хотела, — оказаться на его пути и защитить Дзинтару. Даже загородив её собственным телом.

Никки взлетела вверх, сопровождаемая дикой болью в растянутых мышцах ног, и радостно поняла, что успевает: предсказанная траектория снаряда упёрлась Никки в правую лопатку. Никки в прыжке стала разворачиваться лицом к снаряду — и точка удара переползла с лопатки на плечо. В защитном жесте она вытянула руку навстречу летящей смерти. Человек инстинктивно загораживается ладонью даже от неотвратимой и неостановимой угрозы.

В следующее мгновение Никки поняла, что снаряд *не глуп*, он *ведёт* себя *обдуманно* и начинает огибать по плавной дуге неожиданно возникшее препятствие в виде человеческого тела.

Все события разворачивались в доли секунды. Никто из сидящих в зале людей или охранников ещё не успел отреагировать на опасность.

Лишь Никки висела в густом воздухе и мучительно выкручивала шею, пытаясь поймать снаряд в прицел своего лазера. Но в следующее мгновение она поняла, что ничего не получится: летящий снаряд, который уже появился в поле зрения, обладал зеркальным антилазерным покрытием. Кроме того, он летел на фоне зала, переполненного людьми.

Стрелять было нельзя!

В следующее мгновение снаряд шевельнул квадратными крылышками и вильнул в сторону стеклянной стены, уходя из зоны поражения лазера.

Никки достигла самой высокой точки прыжка и стала неумолимо падать на землю.

В систему безопасности был встроен козырь, о котором никто не знал, кроме Никки, Дзинтары и начальника службы безопасности.

Козырь заключался в том, что Дзинтара стояла в пяти метрах от того места, где все её видели. Зрители видели лишь голографическое изображение принцессы. Реальная Дзинтара была спрятана за хитрой видеосистемой стены.

Но это могло обмануть лишь зрителей снаружи.

Снаряд подлетел к бронированной стене... и легко поднырнул под прозрачную штору. Изящный манёвр — и верх стеклянной брони тоже преодолен. Снаряд оказался внутри стеклянного помещения и стал недостижим ни для какого оружия снаружи, зато Дзинтара, стоящая за трибуной и медленно поворачивающаяся на звук, превратилась в лёгкую добычу.

Самонаводящийся снаряд, перемахнув стену, с помощью инфрасенсора сразу распознал голографический обман и за сотую долю секунды нашёл настоящую Дзинтару. И заложил последний вираж, смертельный для заданного объекта.

Никки падала и кричала от отчаяния, видя, как снаряд, сопровождаемый белёсым следом, устремляется в принцессу.

Снаряд нацелил тройное остриё в лицо Дзинтары. Силы удара будет достаточно, чтобы пробить титановыми треугольниками насквозь обе тонкие стенки черепа и необратимо разрушить мягкий мозг между ними.

Никки не отводила взгляда от смертельной реактивной стрелы.

Та преодолевала последние метры, и вдруг — вильнула, не долетела и вонзилась в сцену у самых ног принцессы.

Никки ударилась о землю, захлебнулась в волне боли, прошедшей по растянутым связкам и мышцам, и отключилась с ощущением счастья.

Дзинтара шла рядом с носилками, на которых пластом лежала Никки. Разорванных связок у неё было столько, что только благодаря Робби она не кричала от боли.

Все законы уже были подписаны, и опасность для Президента мира миновала.

— Поймали того, кто это сделал? — спросила Никки.

— Да, их было двое: официант и журналист. Тестирование на входе в здание они прошли с помощью профессионального гипнотического внушения, а перед операцией ментальный блок самоликвидировался. Журналист изготовил из деталей камеры ракету, а официант сделал из кипятильника электролитическую установку и добыл достаточное количество водорода для заправки снаряда реактивным горючим.

— То есть они изготовили современную самонаводящуюся ракету прямо в зале, из подручных средств и принесённых невинных деталей.

— Да. Спасибо, что ты меня спасла.

— Тебя спас Робби, не я.

— Спасибо и тебе, Робби, — сказала Дзинтара.

Компьютер откликнулся:

— Пожалуйста. С такими тупыми киберубийцами лучше общаться не человеку, а мне. Я целую вечность уговаривал его не делать такой глупости. Когда невосприимчивость этого болвана к интеллектуальным аргументам была доказана, я просто сжёг его микромозг сильным радиосигналом. Его частоту я подобрал в ходе нашей бесплодной дискуссии.

— Молодец, Робби! — одобрила Никки.

— Кто-то же вас, людей, должен защищать от самих себя.

Никки вздохнула:

— Какая я была дура! Распрыгалась до потолка!

Дзинтара возразила:

— Ты самоотверженно пыталась меня спасти — ты же не знала, что ракета самонаводящаяся и отвернёт.

— Я об этом и говорю: если чего-то не знаешь, значит, дура. Как я могла не подумать про электролиз! Сколько обсуждали опасность двойного и даже тройного рикошета, а самонаведение не учли! Ну ладно, я — старая обезьяна, а как ты, Робби, мог так оплошать? Я тебе каждый год покупаю новый процессор!

— Люди! Невозможно предсказать вашу убийственную изобретательность. Кстати, раз я спас Президента, то мне полагается высшая медаль ООН.

— О боги! Зачем тебе медаль, электронное чудовище? Что ты будешь с ней делать? Куда повесишь?

— Вот она — ужасная дискриминация электронного разума. Нам не платят зарплаты, нам не дают отпусков — и даже на медаль расщедриться не хотят.

— Может, тебе лучше промыть мозги? А то мне кажется, что они искрят от пыли!

— Мои мозги искрят от людской неблагодарности! Не увливай от темы: медаль зажмите или как?

В окно была видна серая река и серый тёплый туман над ней, сквозь который не могло пробиться солнце.

Дзинтара шла рядом с носилками, слушала перепалку старых приятелей и улыбалась.

Какой замечательный сегодня день.

День, когда её не убили.

Глава 25

Король ангелов

Никки собралась завтракать одна, но неожиданно позвонил Майкл:

— Мама, хочу поговорить. У тебя есть время?

— Ты сейчас где?

— В пяти минутах лёта.

— Отлично! Позавтракаем вместе, заодно и поговорим.

В последние годы, когда дети уже выросли, Джерри и Никки завтракали вдвоём. Обедали они порознь — каждый возле своего рабочего места и обычно с коллегами, а ужины в большой гостиной замка Гринвич слишком часто превращались в многолюдные дружеские, а то и деловые встречи, где принимались важные решения. Поэтому Никки и Джерри ценили эти завтраки вдвоём и редко пропускали их.

— Ты отлично выглядишь, мама!

— Возможно. Когда я прихожу к своему косметологу и ложусь на её кушетку, то сразу засыпаю. Отдых! Счастье! Что она там делает с моим лицом — мне неизвестно...

Стол примыкал к окну, откуда открывался замечательный вид на дворцовый сад. Стекло было открыто, и ветер доносил запах каких-то душистых растений. И слышался стрёкот садовых опыляющих цикад.

— Сначала поешь, а потом — разговоры! — сказала заботливо Никки. Майкл кивнул и откусил от бутерброда с коричневатым сыром, веточкой базилика и оранжевым ломтиком копчёной рыбы.

Прожевал, сделал глоток кофе и спросил:

— Где отец?

— У него сейчас какая-то конференция с осмотром австралийского центра моделирования. Прилетит завтра.

— Жаль...

Завтрак подошёл к концу, и на столе остались только чашки недопитого кофе с лимоном.

— О чём ты хотел поговорить? Отец потом послушает запись нашего разговора.

— Хорошо. Отец, привет! Я буду считать, что ты меня тоже слышишь.

Майкл поболтал, звякая, ложечкой в чашке и вздохнул:

— Я не уверен, что вы не сочтёте меня диким и беспочвенным фантазёром...

Никки улыбнулась, но смолчала. Майкл продолжил:

— Мы с отцом как-то в детстве — помните, на необитаемом острове отдыхали? — говорили о разумных существах, которые населяют другие планеты... И я был поражён тем фактом, что в данную минуту где-то погибают целые миры, а мы ничего не можем сделать для них... Даже если обладать огромными космическими кораблями, мы просто в принципе не успеем долететь до терпящих бедствие цивилизаций — потому что сверхсветовые путешествия существуют — и, судя по всему, будут существовать — только в фантастических романах.

Майкл посмотрел на небо, чернеющее сквозь прозрачный купол.

— Там светятся десять миллиардов триллионов звёзд — и многие из них согревают планеты с жизнью и даже с цивилизациями. Срок существования цивилизаций часто короток: войны, перенаселённость, эпидемии и взрывы звёзд... И так будет повторяться из цикла в цикл, разумные существа обречены на необязательные, но непременные муки жизни и всегда — на финальную смерть...

Я навсегда запомнил тот разговор с отцом и часто его обдумывал. Он стал отправной точкой в моей судьбе и профессии. Я изучал теорию относительности и термодинамику, римановы пространства и квантовую теорию поля — но всё время помнил о тех несчастных, кому не повезло в далёком космосе, и о том, что человечество со всей своей культурой тоже неизбежно погибнет.

Я не мог примириться с тем, что во Вселенной существует море несправедливости, которую В ПРИНЦИПЕ невозможно исправить. Человечество и другие цивилизации плохо подготовлены к космическому бытию, они рискуют своим существованием в каждый момент и обречены при сжатии Вселенной в конце нашего цикла. Квазисингулярность коллапса отбрасывает разум снова к нулевой отметке, мы участвуем в соревновании, где невозможно выиграть... Это выросло в мою идею фикс.

Майкл вздохнул и сказал:

— И у меня возникла мысль о полёте за сингулярность.

Императрица Николь высоко подняла брови, а Майкл решительно двинулся дальше:

— Я предлагаю послать корабль в следующий цикл Вселенной с задачей возобновления там человеческой цивилизации с нуля времени, но не с нуля разума. Для полёта за сингулярность я предлагаю использовать чёрные дыры. Когда корабль приблизится к чёрной дыре, то время на нём практически остановится.

Конечно, нужно найти достаточно большую чёрную дыру — чтобы приливные силы не разорвали корабль при подлёте. При этом желательна дыра без аккреционного диска, созданного из звёзд, размазанных приливом, — иначе слишком большая радиация создаст дополнительные трудности для выживания экипажа.

Корабль застынет в остановившемся времени, как насекомое в янтаре, в то время как эволюция всей остальной Вселенной пойдёт своим миллиардолетним чередом. Экипаж за считанные секунды собственного времени перенесётся через тридцать миллиардов лет и попадёт вместе со своей чёрной дырой сразу к моменту коллапса Вселенной — в то время, когда все чёрные дыры будут сливаться друг с другом, порождая мощные всплески гравитационного излучения.

Корабль начнёт жить вместе со стремительным течением времени остальной Вселенной и попадёт в гравитационный шторм, который может оказаться смертельным для экипажа, как и уровень возможного гамма-излучения, или нейтринного потока, или нейтронного излучения. Возможно, уровень приливных сил станет невыносим для корабля, и он будет разорван на куски. Но теоретический шанс уцелеть у космонавтов есть — и тогда они могут попасть в новорождённую расширяющуюся Вселенную, которая возникает на месте сколлапсировавшего старого мира. Новая Вселенная тоже смертельно опасна для экипажа из-за невероятной силы излучения Хокинга, которое рождается на могучем

потенциале разбегания мира.

Но я сумел доказать математическую теорему о том, что не существует запрета на сохранение информации при её переходе из старого цикла Вселенной в новый, если количество сохраняющейся информации не чрезмерно велико.

— Ты просто молодец! — Никки слушала с неослабевающим вниманием.

Майкл приободрился и продолжил:

— Полёт к ближайшей чёрной дыре, которая может перенести корабль сразу в конец нашего цикла Вселенной, технически осуществим в ближайшие века, но вопросов, которые нужно решить, — масса. Нужно начать с детального изучения самой возможности прохода через квазисингулярную точку.

Сумеет ли уцелеть обычный корабль при коллапсе Вселенной, при проходе через область максимального сжатия мира? Или нужен какой-нибудь особенный транспорт, например в виде стабильного сгустка полей и частиц? Нужно и можно ли брать громоздкие биотела в полёт за сингулярность? Станем ли мы по-прежнему понимать друг друга, если избавимся от них? Может, стоит переслать в другой цикл Вселенной лишь пылинки в виде нанороботов, хранящих человеческую ДНК и объём базисных знаний? Сможем ли мы организовать не только информационный прорыв в другой цикл, но и эвакуацию хотя бы части людей? Как помочь другим цивилизациям переправить своё информационное наследие и даже какое-то количество живых существ в следующий цикл Вселенной? Как в молодом мире будут сосуществовать древние цивилизации?

Думаю, что найдутся добровольцы для полёта к чёрной дыре, которые будут готовы рискнуть жизнью за надежду прорваться в будущую Вселенную. Даже если таких храбрецов наберётся не очень много, иметь возможность совершить полёт за сингулярность — это принципиально важно. Человек должен иметь право выбора, безвыходная смерть унижительна для разумного существа.

Майкл замолчал, а Никки с изумлённым лицом спросила в пространство:

— Робби, как ты оцениваешь идею Майкла? Какой это уровень технологии?

После необычной паузы Робби откликнулся.

— Идея не поддаётся оценке. Она может быть просто неосуществимой. Если же она реализуется, то это будет технология одиннадцатого или двенадцатого уровня, влияющая на процессы эволюции человечества на протяжении многих миллиардов лет. Я не работал с такими технологиями, не слышал о них и даже роёю от таких масштабов. Степень риска при полёте за сингулярность пока оценить невозможно.

Майкл сказал:

— Вероятность успеха мы увеличим, посылая каждые сто лет по одному кораблю с максимальными техническими возможностями для своего времени. Направлять экспедиции надо к разным чёрным дырам — это увеличит шансы на прорыв сквозь сингулярность.

Робби спросил с ноткой ехидства:

— Может, ты и сам решил полететь?

Майкл слегка покраснел:

— А почему бы и нет?

Никки усмехнулась:

— Робби, люди не боятся замахиваться на невозможное! Главный наш ограничитель — не общество и не законы природы, а мы сами, наша трусость и наш страх, но если сердце не боится ставить смелые задачи, то мозг с готовностью их решает. Я ещё ни разу не сталкивалась с практически неразрешимой задачей среди тех проблем, которые теоретически имеют решение. Майкл, я поддерживаю твой проект «Полёт за сингулярность» и обеспечу его бесперебойное финансирование... что бы ни случилось с нашей династией... или со мной...

— Спасибо, — улыбнулся Майкл, — я опасался, что мои проекты будут сочтены безумной фантазией.

— Проекты? — спросила Никки. — У тебя не один проект?

— Э-э... — замялся Майкл. — Не думаю, что стоит перегружать этот завтрак слишком многим.

— Нет, давай выкладывай, мы редко разговариваем в последнее время, — настояла Никки.

— Ну хорошо... Второй проект тесно связан с первым. Если мы осуществим полёт за сингулярность, то это открывает нам исключительную возможность попасть в любую точку Вселенной нового цикла. Если мы создадим достаточное количество космических кораблей, то они, двигаясь вместе с расширяющейся Вселенной, попадут в самые отдалённые её углы, невзирая на релятивистское ограничение скорости полёта.

— Хм... а зачем нужно такое повсеместное и недешёвое присутствие? Если нам удастся забросить в будущий цикл Вселенной один или несколько кораблей, то они должны сосредоточиться на задаче возрождения человечества хотя бы в одной планетной системе.

— Я думаю, что эти две задачи — возрождение человечества и рассылка посланцев в другие части Вселенной, — должны быть параллельны. Под посланцами я понимаю что-то вроде роботов или систем с искусственным интеллектом. Это будут *охранники* или, лучше, *хранители*. Они должны защищать разумные расы, которые возникнут в разных частях Вселенной — от космических опасностей, ну... может быть, и от самоуничтожения. В том числе, хранители помогут и возрождающемуся человечеству.

Никки была ошеломлена:

— Ты хочешь заселить всю Вселенную миллиардами или триллионами разумных искусственных существ, которые будут охранять разумные расы, возникшие естественным путём?

Майкл кивнул, довольный тем, что его сразу поняли.

— Нам нужны самовоспроизводящиеся системы со сроком жизни больше десяти миллиардов лет или вечные; которые достаточно мудры, чтобы принять этическое решение высшей сложности; которые достаточно могучи, чтобы исполнить принятое решение — погасить или взорвать звезду, передвинуть или переделать планету; которые практически вездесущи — как минимум, по одной на каждую звёздную систему, где может сформироваться жизнь. И если кто-нибудь отчаянно попросит у неба помощи — он её всегда получит.

— Фактически, ты хочешь создать богов.

— Нет, это будут вполне реальные системы: могущественные, но вовсе не всемогущие; хранящие знания многих цивилизаций, но не всеведущие. Можно назвать их «космическими ангелами». Они вряд ли будут механическими. По предварительным соображениям, «ангелами» станут системы из скоплений частиц, скрученных электромагнитными полями...

— Ангелы как космические шаровые молнии... — пробормотала Никки.

— Они смогут передвигаться почти со скоростью света. Они логично включают в свою структуру и гравитационные поля — например, прибыв в звёздную систему, ангелы должны воспользоваться для собственной стабильности гравитацией планеты или даже звезды, разместить по разным орбитам свои частицы и мыслить, перестраивая, перераспределяя эти потоки между разными траекториями.

— Для стороннего несведущего наблюдателя эти ангелы могут выглядеть как радиационные пояса или облака межпланетной плазмы...

— Да. Но власть над полями, плазмой и движением отдельных частиц позволит таким ангелам изготавливать из местного материала любые дополнительные мыслимые устройства — в том числе и механические. Важно, чтобы они были «мыслимые» — то есть уже открытые и не противоречащие законам физики. Впрочем, возможно, ангелы окажутся способными к самостоятельному творчеству и развитию технологий...

— Значит, в новом цикле Вселенной ты хочешь основать галактическую — вернее, метagalактическую — власть, бескорыстную и могучую, запрещающую войны в галактиках и геноцид разумных рас, но дающую возможность всем цивилизациям развиваться самостоятельно. Но есть ситуации этически неразрешимые: две враждующие цивилизации

на одной планете. Из них победит и выживет, вероятнее всего, только одна. Можно ли, спасая одну цивилизацию, уничтожить миллионы других разумных существ, пусть даже агрессивных и опасных? Что делать? Может, этичнее не вмешиваться и дать случаю или предельному напряжению сил этих цивилизаций самим сделать выбор? Трудности и испытания рожают новый уровень организации общественного интеллекта. Только на изломе проверяется прочность. Но излом — вещь жестокая. Само влияние на ситуацию, которая приводит к чьей-то гибели, потенциально оскорбительно... Очень сложная проблема!

— А простыми проблемами заниматься неинтересно. Задача создания огромного количества могущественных космических ангелов и морального кодекса, на основании которого они будут действовать, сложна настолько, что может оказаться неразрешимой. Но у нас впереди — вечность. Ты сама говоришь, что за это время решить можно практически любую проблему.

Никки вздохнула.

— Я всё время забываю, что люди сейчас могут жить бесконечно. Это так странно. Раньше существовало два вида бессмертия — дети и книги. А сейчас появилось личное бессмертие, которое всё перепутало.

— А кем были ученики?

— Теми же детьми.

— А читатели книг?

— Они — ученики, но не дети.

— Сложно.

— Не очень. Твой проект «космических ангелов» интересен с ещё одной, неожиданной стороны. Есть точка зрения, что прогресс — это болезненно-творческая реакция на неудобства. Когда неудобства кончаются, прогресс останавливается. Прогресс сам по себе, как идея, никому не нужен, даже революционерам. Идея переворота популярна, когда ты недоволен своим положением в обществе, но если ты попадаешь на вершину социальной пирамиды, то идея стабильности для тебя становится привлекательнее.

Никки машинально налила себе ещё кофе, но не стала его пить, продолжая размышлять вслух:

— Как только потребности человека будут удовлетворяться быстро, сполна и без заметных трудов с его стороны, тогда эволюция цивилизации может остановиться из-за отсутствия стимулов. Всем довольный человек — это уже бездеятельный организм. Человек не сможет двигать прогресс и по причине практической бионеспособности понять сложное техносуществующее, которое может стать независимым от человека, таинственным по своим путям и мотивациям и, вообще говоря, нечеловеческим. Наша техноцивилизация стала де-факто непостижима для отдельного человека. Он создаёт электронные устройства, которые позволяют ему справиться с ситуацией, но искусственный интеллект ещё больше отдаляет прогресс от человека. Не станет ли человек лишним в им же самим созданном мире? Может, поэтому и космос молчит: разумные существа везде или уничтожили, или пережили сами себя, передав эстафету нечеловеческим и неживым существам, которым нет смысла болтать с нами, живыми организмами. Философы высказывают мнение, что спасти пресытившуюся цивилизацию может появление внешнего смысла её существования. Твоя идея позволяет надолго — или навсегда — разомкнуть эгоизм человечества, ввести в нашу жизнь заботу о спасении других цивилизаций.

Майкл сказал:

— Вполне возможно, что создание космических ангелов и их совершенствование станет делом, которое займёт человечество до конца этого мирового цикла. Такая армия ангелов заодно спасёт нас самих от разных неприятностей.

— Существа такого уровня могущества могут легко инициировать жизнь на других планетах, хотя здесь опять-таки возникает сложнейшая проблема — можно ли заселять привнесённой чужой жизнью планету, тем самым лишая её естественного пути.

— Они могут насаждать не чужую жизнь, а просто ускорять естественное развитие местной жизни.

— Может, и жизнь на Земле была инициирована или ускорена?

— Это не исключено. Но ведь мы не обижаемся на этих инициаторов?

— Задним числом — нет, не обижаемся...

Теперь Майкл потянулся налить кофе, а Никки отпила из стоящей перед ней полной и немного остывшей чашки. Бросила в чашку лимон, помешала и подогрела содержимое чашки.

— Странно, что вот так спокойно, попивая кофе, мы с тобой решаем — ну или хотя бы пробуем решить — судьбы триллионов цивилизаций на многие циклы Вселенной вперёд.

— Все новые дела сначала выглядят странно, а потом становятся рутиной. Кстати, по мнению экспертов, факт обнаружения инопланетного «Шара» заметно увеличивает число возможных разумных рас в отдельном цикле Вселенной. В каждой галактике может развиваться порядка миллиона разных цивилизаций.

— Впечатляет, особенно если учесть, что самих галактик тоже сто миллиардов. Космические ангелы... Хм... Состоящие из гравитационных и электромагнитных полей, засеянных элементарными частицами... Размером с Землю или Солнечную систему...

— Может, они уже существуют.

Никки громко крикнула:

— Эй, гравитационные ангелы, если вы нас слышите! Откликнитесь, иначе вскоре наши ангелы будут вам мешать.

Тишина.

Майкл пожал плечами:

— Я полагаю, мы можем стать первыми производителями или творцами ангелов. Ведь кто-то всегда становится первым — почему же не мы?

Никки задумчиво рассматривала идею Майкла с разных сторон.

— В отсутствие гормональной мотивации жизнь космических ангелов может быть очень скучна: у них нет любви, страха смерти, радости победы над соперником. Нужна какая-то мотивация их деятельности.

— Пусть они конкурируют друг с другом по добрым делам.

— А как они будут сравнивать свои добрые деяния? Скорость света конечна, так просто о личных успехах другим не сообщишь!

— Пусть они подождут, пока Вселенная снова сожмётся и они соберутся вместе возле сингулярности. Тогда и обменяются мнениями и чем-нибудь наградят лучших ангелов. И подберут посланцев в следующий цикл Вселенной.

— Значит, цикл расширения и сжатия мира длительностью в десятки миллиардов лет будет для ангелов лишь раундом в этом соревновании? А призом может стать продление существования ангела в другом цикле?

— Ну... возможно.

Императрица снова задумалась:

— Кто же всё-таки будет принимать решение о необходимости вмешательства ангелов?

Майкл ответил:

— Если вложить суммарный оптимизированный разум всех живущих на Земле людей в каждого космического ангела, то такие решения будут приниматься на основе мудрости всех землян.

— Эти ангелы кажутся вариантом загробной жизни. Может, там и наши с отцом разумы окажутся?

— Почему бы и нет? Можно привлечь разумы и существ других видов — тех же динозавров из «Шара», чтобы решения были более взвешенными.

— В ангелов, очевидно, попадут и разумы Робби или Великого Инки. Только нужно, чтобы эти космические ангелы умели плакать.

— Иметь эмоции — это логично.

Глаза Никки ярко горели.

— Ангелы должны уметь хранить достаточное количество данных, в таком случае они смогут собирать с миллиардов цивилизаций каждого цикла Вселенной богатый информационный урожай и передавать его в новый цикл. Мы получим колоссальную по объёму и информативности метagalактическую библиотеку, которая будет не уничтожаться, а пополняться с каждым новым коллапсом Вселенной!

— Здорово! Я об ангелах как о сборщиках информации и библиотекарях не подумал... — обрадовался Майкл.

— Итак, ты хочешь освоить профессию бога для новой Вселенной?

— Скорее — профессию короля ангелов-хранителей при полной материалистичности их крылатых организмов-конструкций. Жизнь — это путешествие. Оно может быть интересным или не очень. Оно может быть длинным и не очень. Я хочу сделать его вечным и захватывающим.

— Ты знаешь, откуда произошла форма королевской короны?

Майкл поднял брови:

— Символ святой ауры?

Никки покачала головой:

— Я предпочитаю другое толкование. На глиняных табличках древних шумеров изображён царь, несущий на голове предмет, очень похожий на большую корону. Но на самом деле это была корзина из прутьев, полная тяжёлых кирпичей для строительства нового храма.

— Хорошее толкование.

— Точное. Как Элиза и дети?

— Мне очень повезло с ними, мама.

— Это потому, что ты достоин удачи. Я впечатлена сегодняшним разговором... Я привыкла решать проблемы целой планеты, но на всю Вселенную замахиваться мне ещё не приходилось. Как ты осмелился ставить себе такие грандиозные задачи?

— Я сын королевы Николь! — улыбнулся Майкл. — Какие ещё нужны объяснения?

Никки тоже улыбнулась:

— Возможно, это был самый важный завтрак в данном цикле Вселенной. За успех твоих планов надо немедленно выпить!

Они чокнулись недопитыми чашками с кофе, и Маугли гордо сказала:

— Меня часто называют основательницей империи или дарительницей бессмертия. Глупости! Самое важное, что я сделала в своей жизни, — это вырастила умного сына.

Она подняла чашку с остывшим кофе повыше, салютуя Майклу:

— Удачи тебе, король ангелов!

Глава 26

Никки и Джерри

Общий генетический и эпигенетический анализ тканей пациента, обозначенного в медфайле аббревиатурой AGN49, был сделан автоматическим анализатором в течение ночи и ранним утром попал к Билли Лобилу, опытнейшему специалисту-биоаналитику БиоИнститута. Билли запустил результаты анализа в улучшенную программу идентификации генетического класса, изучил выходные данные — и узнал, что возникла проблема.

Он встревожился и немедленно поставил в известность руководство лаборатории. Для решения появившейся проблемы была срочно сформирована специальная группа.

Когда уровень сложности задачи стал очевиден, для её решения создали специальный отдел. Потом к нему присоединились отделы и группы других институтов. В конце концов организмом одного пациента стали заниматься тысячи специалистов — компьютерных биологов, аналитических генетиков и медиков-геронтологов.

Для обсуждения физиологических особенностей мозга и эндокринной системы данного пациента собирались целые конференции и симпозиумы. Они целиком посвящались организму всего лишь одного человека, имя которого все присутствующие знали, но не называли.

Эти совещания проходили в закрытом режиме, и никто из журналистов на них не присутствовал. Врачебная тайна — не пустой звук, а лицензией врача медики дорожат не меньше, чем жизнью пациента.

Организм пациента AGN49, как учёные называли его в статьях, через несколько лет стал, пожалуй, самым изученным организмом в истории медицины.

И одновременно стало ясно, что медики не успевают.

Для организма Homo Sapiens была составлена невероятно сложная система дифференциально-интегрально-тензорно-групповых уравнений. Математическое решение этой системы уравнений описывало все жизненные процессы, происходящие внутри человеческого организма. Получение данного «решения жизни» было задачей исключительной сложности, но ещё более зубодробительной проблемой являлось «решение бессмертия». Для него нужно было найти и наложить на исходную систему уравнений — то есть на сам организм — такие условия, при которых жизненные процессы в человеке оказывались бы не лимитированы по времени; например, деление клеток не затухало бы по истечении нескольких десятков лет в судорогах апоптоза, а продолжалось бы неограниченно.

Почти две трети людей относились к наиболее распространённому А-классу, отличающемуся от других набором начальных параметров для уравнений. Для людей А-класса «решение бессмертия» искали тридцать лет. И шестьдесят процентов живущих на Земле людей получили возможность стать бессмертными и вечно молодыми.

Организмы оставшихся тридцати девяти процентов людей относились к четырнадцати другим классам. Работа над классом Б и семью другими затянулась ещё на восемь лет, а для шести классов решение до сих пор не было найдено, но искалось.

Последний процент населения Земли не попадал ни в один из пятнадцати известных классов, и для этих людей «решений бессмертия» тоже не существовало.

Пациент AGN49 относился именно к почти безнадежным случаям «последнего процента».

Для практически всех органов пациента AGN49 врачи нашли частные решения и готовы были продлить их жизнедеятельность достаточно долго. В конце концов, пересадка могла послужить приемлемым вариантом для замены стареющего органа.

Но мозг — это последняя твердыня для медиков, единственная часть организма, которая не может быть заменена. И именно для мозга пациента AGN49 — ладно, не будем прятаться за аббревиатурами, всё равно мы, как честные люди, никому не раскроем секрета, — так вот, для мозга императрицы Николь Гринвич никак не находилось «решение бессмертия».

Именно над этой проблемой и бились сотни учёных на разных континентах и планетах. Возможно, причины этой проблемы крылись в космическом детстве королевы, но была и гипотеза, что Никки расплачивается за свою гениальность.

Ситуация осложнялась тем, что органические особенности структур мозга пациентки в сочетании с хрупкостью кровеносных сосудов указывали на возможность скорой внезапной смерти из-за массового кровоизлияния в мозг.

Врачам нужно было время для продолжения поисков решения.

Поэтому пятеро самых видных учёных и медиков пришли к императрице Николь и выложили карты на стол: императрица должна перестать наплевательски относиться к своему здоровью; она должна соблюдать строгий режим и следовать всем предписаниям врачей; она должна работать столько, сколько ей будет разрешено, и не больше.

Маугли выслушала врачей, подумала, хмыкнула, ещё немного подумала, ещё немного пофыркала — и отклонила все требования посетителей.

— Мне некогда! — И она распрощалась с обескураженной делегацией учёных медиков. Тогда пятеро специалистов отправились к тому человеку, с которым они могли открыто обсудить проблемы здоровья императрицы — к Джерри.

Он выслушал их очень внимательно, окаменел лицом и ничуть не удивился реакции Никки, о которой врачи честно рассказали ему.

— Она не позволяет своей смерти диктовать условия своей жизни, — сказал он усталым голосом.

Когда делегация ушла, Джерри спрятал лицо в ладонях и замолчал надолго. Никки была человеком, который притягивает к себе удары. И вот ещё один удар — и самый суровый. Человек, подаривший всему миру надежду на бессмертие, сам оказался этой надежды лишён. Джерри относился к А-классу, но он ещё не проходил процедуру бессмертия — он ждал свою Никки.

Джерри понимал, что ничто не может заставить Никки бездельничать. Императрица просто будет трудиться на износ, пока не упадёт замертво за своим поцарапанным и потёртым рабочим столом. И это случится, по словам врачей, с девяностопроцентной вероятностью в течение ближайшего года, если кардинально не изменить режим жизни Никки. Но как это сделать? И Джерри стал размышлять над этой проблемой. Потому что если он её не решит, то её никто не решит.

Джерри пришёл на телеканал Тимоти, на встречу с его сыном Лэшли, «самым язвительным телерепортёром всех тиви-каналов». Сам Тим умер десять лет назад, в весьма почтенном возрасте. Лэшли, уже немолодой, в длинных жёлтых шортах и в майке с эмблемой своей передачи, традиционно сидел на высокой табуретке.

Джерри, одетый в обычный деловой костюм, в котором ходил на работу, был усажен в глубокое кресло.

Лэшли, извиваясь на своём стульчике из бара, навис над Джерри как коршун:

— Вы ни разу не давали публичных интервью и заслужили репутацию очень скрытного человека. А тут неожиданно согласились. Почему?

Джерри спокойно улыбнулся:

— Мне не хочется, чтобы меня считали скрытным и что-то скрывающим. Я не публичный человек, а обычный учёный. Внимание массмедиа ко мне попросту неоправданно.

— Ну что же, готовьтесь, сейчас мы вас хорошенько выпотрошим. Вы провели всю жизнь возле королевы Николь. Вас не обижает, что вы прозябаете в её тени?

— Наоборот, меня радует, что я греюсь в её свете.

— Одни считают вас королём, а другие — самозванцем. Ваше официальное положение весьма непросто.

— Если бы вы знали, насколько я равнодушен к статусам и титулам любого толка. Я жил рядом с любимой женщиной, занимался любимой работой, воспитывал обожаемых мною детей — и больше мне ничего от жизни не нужно.

— Почему вы говорите об этом в прошедшем времени? Вы всё ещё работаете и так далее.

— Не обращайтесь внимания, в последнее время я стал часто оглядываться назад.

— Какие у вас взаимоотношения с принцем Айваном?

— Нас нельзя назвать друзьями, потому что мы слишком редко видимся. Но мы прекрасно понимаем друг друга.

— Вас обоих не мучает ревность?

— Раньше очень мучила.

— О! Об этом подробнее.

— Он ревновал меня к Сюзанне, когда она жила во дворце династии Гринвич, а я его — к Майклу, когда он уезжал с сестрой во дворец Шихин-ых. Айван всегда находил для Майкла потрясающе интересные подарки. Принц упорно это отрицает, но я уверен, что ему

помогала его подруга — принцесса Гримальди.

Лэшли досадливо покрутил головой и сменил тему:

— Почему вы отказались от Нобелевской премии за социоматематику?

— Потому что основной вклад в социотеорию внёс мой отец, а он не может получить её. И эта премия учреждена Нобелем в качестве поддержки учёных, а моя работа хорошо финансируется и без премий.

— Кроме того, стали бы говорить, что премию вам дали, чтобы сделать приятное императрице Николь.

— Это уже третья причина, но зачем она, если достаточно любой из первых двух?

— Дети редко идут по стопам отцов, почему же вы стали социоматематиком, как ваш отец?

— Бывают времена, когда личные интересы слишком дорого обходятся. Я стал заниматься теорией отца, потому что так было нужно. А когда работающая модель предсказания на основе теории Михаэля Уолкера была создана, то мне социоматематика уже стала интереснее роботостроения, к которому я склонялся в детстве. Расчёт мировых линий отдельного человека, компьютерное моделирование возможного будущего для индивидуума оказалось очень увлекательным занятием.

У каждого должен быть шанс на счастье, и пусть вся мировая компьютерная сеть сутками ломает свои процессоры, но поможет найти каждому интересную работу и интересную жизнь. Счастье отдельного человека достойно стать научной и общественной сверхзадачей. Я горд тем, что мы научились рассчитывать не только будущее человечества, но и будущее отдельного человека.

— А будет ли будущее счастье настоящим, если оно преподнесено на блюдечке?

— Компьютер лишь рассчитывает вашу оптимальную мировую линию, указывает вам наилучшую дорогу. А пройти по ней вы должны сами. Наилучшая дорога вовсе не самая лёгкая; чаще — наоборот, одна из труднейших. Так уж устроена жизнь — оставить в ней след и стать по-настоящему счастливым можно, только получив мозоль от сильного нажима на резец. Или на плуг.

Раньше мы рассчитывали личные судьбы в специальных центрах. Недавно мы создали и запустили в продажу персональный расчётчик для предсказания личной мировой линии. Теперь на домашнем компьютере вы сами сможете изучить все варианты своей судьбы — в зависимости от профессии, которую выберете, и других ваших решений. Вы будете моделировать и планировать свою биографию и успех своих детей в существующих социоэкономических рамках, на фоне глобальной истории.

Некоторые рассматривают такую программу как игру. Но это не игра, здесь всё по-настоящему. Жизнь — это слалом, в котором боковые лыжи проносятся мимо стремительно и часто безвозвратно. Какой выбор сделать в жизни? Это очень сложная задача, и я рад, что наша работа помогает многим решить свою судьбу.

Лэшли восхитился.

— О боги, мне хочется немедленно получить эту программу, заняться своим будущим и получить ответы на все вопросы!

— Часто важнее не получить ответ, а задать вопрос. Вопрос эмоционален, ответ рационален. Спросите себя — что вы хотите в этой жизни? Именно с этого вопроса и начинаются многие ответы. Какие проблемы в этом мире больше всего вас волнуют? Научный поиск? Проблемы социального неравенства? Создание музыки? Освоение космоса? Воспитание детей? Это то, о чём мы можем спросить только сами себя, никакой компьютер тут вам не поможет. Поставьте главный вопрос своей жизни на обсуждение и начните искать варианты ответа. Ответы не похожи на мёртвые каменные плиты с вырезанными надписями, ответы живы, разветвлены и растут как деревья.

Лэшли помолчал и сказал прищурившись:

— Это всё хорошо, но я до сих пор не понял — зачем вы пришли сюда?

— Чтобы меня не считали марионеткой, а увидели живым человеком.

— Императрица знает о том, что вы решили дать интервью?

— Не думаю. Если вы намекаете, что королева Николь как-то контролирует мою жизнь и что-то решает за меня, то зря — Никки не такой человек, чтобы подавлять кого-либо. Я уверяю вас, что самостоятельно распоряжаюсь своей жизнью. Главное для меня — иметь возможность поступать так, как считаешь нужным, не принимая во внимание общественное или чужое мнение, обычно предвзятое, или голос собственного здравого смысла, обычно очень эгоистичного.

— Я вас не очень понимаю, — сказал Лэшли. — Вы о чём говорите?

— Просто философствую, — ответил Джерри. — Спасибо, что пригласили меня на свою передачу.

Быстро покончив с завтраком, Никки откинулась на спинку кресла и поднесла к губам последнюю чашечку кофе. И заметила красивый браслет на левой руке Джерри.

— Что это за браслетик? Подарок какой-нибудь студентки? Ты ведь не любишь носить ничего на руках. Даже обручальное кольцо кажется тебе невыносимой тяжестью.

— Это правильно, ведь профессорам без обручального кольца студентки гораздо чаще делают подарки. Но браслетик я приобрёл сам.

— Ты сам?! — удивилась Никки. — Ты открываешься мне с новой стороны. И что особенного в этом браслетике?

Джерри не стал темнить:

— Это браслет эвтаназии.

Никки круглыми глазами уставилась на него:

— Что за шутки, Джерри?

— Никаких шуток. — Джерри был серьёзен. — Браслет, опиши свою задачу.

Браслет тонким голосом произнёс:

— Я поддерживаю постоянную связь с Робби — личным компьютером Николь Гринвич — и мировой инфосетью. Я должен впрыснуть яд в кровь человека, который меня носит, немедленно после получения достоверной информации о смерти императрицы.

— Шантажист! — мгновенно поняла и рассердилась Никки. — Ты сговорился с врачами и тоже требуешь от меня бросить работу!

— Я ничего от тебя не требую, — спокойно сказал Джерри. — Ты спросила про браслет и получила ответ. Ты совершенно свободна в своих поступках, но и я тоже. А сейчас, извини, у меня лекция. Постарайся не умереть в ближайшую неделю, а то я не закончу тему.

Он произнёс это таким будничным тоном, что Никки поняла — Джерри не переспорить. Императрица крикнула:

— Браслет, кто может изменить твою задачу?!

Тонкий голос ответил:

— Я получил неотменяемый приказ. Никто не обладает нужным приоритетом для его изменения.

Никки спросила:

— Робби, что можно сделать с таким браслетом?

— Трудно сказать. Его надо взять в лабораторию и осторожно исследовать. Только не разрушая — это вызовет его немедленную инициализацию. Но для этого исследования нужно, как минимум, согласие хозяина браслета.

— Извини, я опаздываю, — сказал Джерри и отправился на лекцию.

Через неделю мир потрясла новость: императрица Никки передаёт корону принцессе Сюзанне и удаляется от дел.

Но если разобраться, ничего удивительного в этом поступке не было: чужая смерть бывает гораздо страшнее своей.

Потребовалась неделя, чтобы журналисты, которые дружно накинлись на горячую тему, докопались до истины. Бесконечно такой секрет хранить невозможно. Где-то

просочилась информация, где-то задымились слухи. Бойкие репортёры устанавливали подслушивающие жучки и подкупали всех горничных и служителей отелей, где проходили встречи врачей.

Тайна раскрылась и взорвалась сенсацией:

«Организм Никки Гринвич не поддаётся процедуре бессмертия!»

Метаболизм человека, выросшего на астероиде, оказался столь отличен от стандартного, что не подчинился обычной методике биоуправления.

Весь мир узнал и о том, что запасы прочности организма Никки почти исчерпаны и смерть может настигнуть императрицу в любой момент. Про браслет и самоотверженный поступок Джерри, который таким образом пытается спасти жизнь своей любимой, тоже стало известно.

Что тут началось!

Массовые демонстрации, штурмы кабинетов сенаторов и президентов, голодовки истерических женщин. Все тиви-каналы показывали уличные волнения и протесты. Люди требовали изменить мировой закон ради Никки и Джерри.

Не в том дело, что династия Гринвич сделала для людей столько, что заслужила их вечную признательность. Агроном и нобелевский лауреат Борлоуг во второй половине двадцатого века спас от голодной смерти МИЛЛИАРД землян. Когда 12 сентября 2009 года учёный Борлоуг умер, то это событие «потянуло» лишь на несколько строк в газетах, набитых ежедневной чепухой — светской, спортивной и криминальной хроникой.

Так что не столько в благодарности дело, сколько в том, что Никки и Джерри и их союз давно стали мировой легендой. Об этой любви снимали фильмы и писали книги. Историю девочки с маленького астероида рассказывали детям перед сном и изучали в школе.

Когда люди узнали, что их кумирам грозит скорая смерть, они буквально взбунтовались. ООН, напуганная масштабом народного волеизъявления, собралась на внеочередную Генеральную Ассамблею.

И подавляющим большинством голосов приняла решение сделать для Никки и Джерри исключение из мирового закона на запрет клонирования.

БиоИнституту было предложено вырастить клонов Никки и Джерри и обеспечить перенос памяти императрицы и её друга в новые тела.

Учёные пришли в восторг от такой задачи, которую ещё никто и никогда не осуществлял. Они ждали от уникального эксперимента огромного количества новых данных, которые откроют широкие перспективы по усовершенствованию человеческого организма.

Никки и Джерри не стали возражать, понимая, что их соображения несущественны по сравнению с желанием такого количества людей.

После отставки королева стала в десять раз меньше работать и привыкла отдыхать. Никки и Джерри ездили по курортам и тем местам, где они никогда раньше не были. И в каждом городе они встречались с людьми, которые наполняли самые большие залы и даже открытые стадионы.

Императрица просто сидела в мягком кресле и отвечала на вопросы ведущего и зрителей или что-то рассказывала о своей работе и жизни. Как всегда, Никки ничего не приукрашивала и не скрывала. И эти несрежиссированные встречи производили такое сильное впечатление на слушателей, что ни одна поездка Никки и Джерри не обходилась без тесного общения с множеством людей.

Врачи внимательно следили за здоровьем императрицы, но не нашли в этих встречах ничего опасного, если они были не очень продолжительны.

Во дворец был привезён и установлен медик-диагност, спроектированный специально для Никки — для анализа состояния её организма и оперативного вмешательства в его процессы. Медицинский электронный мозг играл роль полководца, руководящего обороной города. Даже если городу суждено пасть, долг командующего — держаться до последнего, перебрасывать остатки резервов на самые слабые участки, чинить разрушающиеся стены,

засыпать вражеские подкопы.

По требованию императрицы крупное табло на диагносте высвечивало прогнозируемое время жизни пациента. О, как медики были против! Они не привыкли сообщать больному такую беспощадную правду. Но Никки была не простым пациентом и, вдобавок, очень упрямым — и сейчас табло послушно показывало оценку оставшегося времени: четырнадцать дней. Цифры менялись каждый день — обычно в сторону уменьшения, но иногда они милостиво накидывали лишние сутки.

Когда осталось десять дней, Никки в очередной раз потребовала от Джерри:

— Ты добился своего, я веду себя как последняя послушная девочка. Ты подарил мне пять лет жизни и теперь сними эту ужасную штуку со своей руки!

Джерри медленно и отрицательно покачал головой.

— Я — учёный и привык следовать логике, но здесь не тот случай. Мы так долго шли по жизни вдвоём, что я просто не могу разорвать между нами эту последнюю связь. Как-то пришёл ко мне один доктор и объяснил происхождение моей мир-без-Никки-фобии. И предложил лечение — гипноз и целую фармакопею. Я его прогнал. Эта фобия — часть меня. Если я проснусь здоровым от неё... то это буду уже не я.

— Не делай этого!

— Я прожил счастливую жизнь. Дай мне завершить её так, как я хочу.

— Это неразумно!

— Мы всю жизнь живём под игом разума. Я имею право на безрассудство. Мы слишком тесно жили, чтобы порознь умирать.

Джерри посмотрел на браслет.

— Невозможно представить, как я снимаю эту штуку и говорю тебе: теперь тони одна, дорогая, а я всплываю... Я не собираюсь присутствовать на твоих похоронах! Посмотреть на любимую женщину, лежащую в гробу, а потом поужинать, поспать, почистить зубы... Через недельку желательно начать улыбаться, потому что окружающие не одобряют тоскливых рож. Через годик — или даже полгодика — завести молоденькую подружку. Время лечит... всё проходит...

Враньё! Этот будущий Джерри, у которого, возможно, всё пройдёт, мне омерзителен! Я не хочу быть им и не буду. Не уговаривай меня больше — у меня есть право распоряжаться своей жизнью. Многие религии это запрещают, но я атеист.

— А дети? Ты им нужен!

— Ты всё время забываешь про ту молодую парочку, которая спит в инкубаторах. Мы были вынуждены согласиться на них, и это развязывает мне руки. Для всех других — и для наших детей — мы останемся живы, только помолодеем. Наша жизнь — для всех, а наша смерть — только для нас двоих. Молодой Джерри позаботится обо всём, что я не успел сделать. А я... останусь с тобой до конца.

Ведь только мы с тобой отчётливо понимаем, что эта парочка не мы — они будут лишь очень похожими на нас. У Никки-2 нет сломанного позвоночника и шрамов на руках, а у Джерри-2 бровь не будет рассечена в легендарной схватке с госпитальным охранником. Они оба должны быть способны к бессмертию и будут жить, наверное, вечно, но они — это не мы... Я не уверен, что Никки-2 будет столь же гениальна и мила, а Джерри-2 — так же влюблён в неё. Новый Джерри будет иметь воспоминания о наших безумствах юности, но может и не понять их, а лишь пожалеть плечами.

Да, существование двух клонов в соседней комнате меняло многое. Джерри и Никки решили, что никаких торжественных погребений не будет. Не нужно причинять детям лишнюю боль. Никки и Джерри просто уйдут в свою спальню, а через несколько часов выйдут из двери другой комнаты уже молодыми. Так психологически будет легче для их близких. Люди будут думать, что они обманули смерть.

Но смерть обмануть трудно — уж очень у неё большой опыт.

Настал последний день, последний вечер. На табло диагноста светилось «23».

Уже не дни, а часы.

В Королевской башне был устроен последний приём. Только близкие друзья и дети.

Гостиная была украшена жёлтыми розами «Тулуз-Лотрек» и гортензиями. С одной стороны за столом сидели Майкл с Элизой, с другой — Сюзанна, чей брак с императором Арнольдом положил конец давней вражде Северных и Южных. Трое сыновей Сюзанны и Арнольда подавали большие надежды. Даже если эти парни не станут учёными, то уж с управлением парочкой империй справятся наверняка.

Президент ООН Дзинтара была неразговорчива и пасмурна, сидя рядом с нервно оживлённым Фебом.

Хао, выбранный недавно главой мировой Академии наук, тоже молчал, глядя на Никки и Джерри. Хао до сих пор не женился и, видимо, так и останется холостяком.

За столом говорили не о завтрашней смерти, а о будущем — о делах на той неделе и в следующем месяце, будто героям дня предстояла всего лишь операция по омоложению.

Джерри подумал: «Хорошо, когда наши дела не заканчиваются, когда заканчиваемся мы...»

После ужина Никки сказала своим дорогим гостям:

— Благодарю вас, друзья, за всё. Я выросла в пронзительном космическом одиночестве и тем больше ценю вашу любовь. Вы сделали меня счастливой! Я вернусь завтра гораздо более бодрой и продолжу наши дела и нашу дружбу. Но сегодня я прощаюсь с вами. И с тобой, Робби. Надеюсь, у тебя появилось достаточно новых друзей, чтобы не скучать по мне.

И Никки сняла с руки браслет, с которым не расставалась всю жизнь.

Робби ответил:

— У меня новых друзей даже слишком много. Но тебя мне будет очень не хватать. Я тебя люблю, ты мой самый старый и верный друг!

— Ну, если Робби-ремень объяснился мне в своих чувствах, значит, жизнь удалась!

Все засмеялись — осторожно, чтобы не заплакать.

— До завтра! Я помолодею и снова буду надоедать вам хуже горькой редьки!

Никки распрощалась и поцеловалась с каждым.

— Эй, Хао, тебе непременно надо найти жену. Потратить хоть половину своего бессмертия, но реши эту задачу!

— Женщины слишком совершенны для меня. Вот у тебя есть необходимое количество недостатков, но ты всегда была слишком занята... — сказал Хао, крепко обняв Никки.

По щекам Дзинтары, не стесняясь, текли слёзы.

И вот в гостиной остались только Майкл и Сюзан.

С ними Никки прощалась долго, обнимая их за шеи и шепча всё, что не успела сказать им раньше. Хоть в гостиной никого не было, всё равно такие слова произносятся очень тихо, потому что их не должен слышать никто чужой.

Включая нас.

Джерри не стал ничего шептать, а крепко пожал руку Майклу, обнял и поцеловал его и Сюзанну — и сказал твёрдо, не давая разрастись в груди ледяному ощущению утраты:

— Дети, до завтра! Ничего не изменится в вашей жизни, мы всегда будем рядом с вами и всегда будем вам помогать.

Майкл крепился как мог и поддерживал совсем обессиленную Сюзанну.

И массивная дверь навсегда закрылась за Никки и Джерри.

Никки устала от приёма и быстро заснула. Джерри, наоборот, долго не спал, сидел в кресле рядом с кроватью своей спящей королевы.

Смотрел на её расслабленное лицо и слегка подрагивающие руки.

За окнами замка был слышен приглушённый шум — множество людей собирались на дворцовую лужайку, словно вечер только начинал какое-то важное мероприятие.

Никки проснулась среди ночи. Джерри ещё не спал.

— Мне почему-то не страшно умирать. Наверное, потому, что ты здесь.

— Ну, мне вообще ничего не страшно, когда ты рядом. Даже странно чего-то бояться.

В последние дни Никки всё чаще становилась отрешённой.

Но этим утром она выглядела посвежевшей и отдохнувшей.

На часах светилось число «десять».

Никки опять вернулась к старой теме:

— Я ещё раз прошу тебя: откажись от этого ухода. Останься!

— Не трать наши оставшиеся часы на эту дискуссию. Я обещал никогда не бросать тебя. Это не сентиментальная ерунда, а отражение простой реальности — я совершенно не могу жить без тебя... Это в тысячу раз хуже любой наркозависимости... жить без тебя? В невыносимой душевной корче? За что такие муки? Видишь ли, я — жуткий трус.

— Ты удивительный храбрец, лев из львов... — И она ласково посмотрела на своего замечательного Льва и поерошила его длинные и когда-то каштановые, а сейчас седые пряди: «...Какой удивительный всё-таки этот мальчишка...»

Джерри мягко улыбнулся, неотрывно глядя на Никки, своего славного Леопарда.

Впереди у них целых десять часов только вдвоём, что ещё надо влюблённым людям?

Сегодня никаких гостей не будет. Сегодняшний день принадлежит только им.

Они говорили о своей юности.

Она сказала:

— Первый Настоящий Поцелуй... ведь он... вместе с тобой... спас меня тогда — в битве с драконом...

Он признался, что влюбился в неё сразу, как увидел, только долго не понимал этого...

Ночное плавание в озере оба помнили хорошо.

— Мне показалось, что был гром...

— Конечно, там был гром, и ещё какой!

Никки вспомнила, как приревновала Джерри к рыжей Драконице Элизе.

— Я её хотела прикончить прямо там, на танцплощадке...

И она так засмеялась, что светящаяся десятка на табло сменилась одиннадцатью.

В соседней комнате лежали два двадцатилетних клона и считывали их последние мысли. Клонов разбудят, когда Джерри с Никки не станет.

Что молодые Джерри и Никки будут делать, когда очнутся? В восторге от воскрешения, бросятся друг к другу и покатаются тесным клубком, рычащим от смеха и восторга? Или зайдут в эту комнату, попрощаться со своим прошлым?

Джерри подумал: «Хотя они — наши генетические и интеллектуальные копии, я не могу сказать, как они себя поведут. Для всех и них самих они — это мы. Но для нас они — это не мы. Мы умрём сейчас. Моё „я“ не перепрыгнет в другую комнату. Они — очень похожие на нас люди, наши близнецы, но всё-таки они — другие...»

Только Никки это до конца понимает. Но есть ли кто в соседней комнате, встретит ли нас после смерти мрак, или ад, или космические ангелы — мне всё равно, я бы не бросил Никки в любом случае. Кто-то панически боится открытого или замкнутого пространства, я же страдаю синдромом невозможности жить без неё...

Не важно, сколько живёшь, важно сохранить самоуважение до последнего мгновения своей жизни. Я не могу оставить Никки на последнем пороге одну — это несовместимо с моими личными понятиями о самоуважении. Я жил счастливо и хочу умереть честно.

Смерть — это горизонт событий, чёрная дыра, сингулярность. Но, исчезая в ней, ты одновременно можешь её победить, совершить полёт за сингулярность, за горизонт, продолжиться в этом мире навечно — в своих делах, детях и учениках, в памяти людей и в них самих.

Мы хорошо потрудились. Благодаря нам перед нашими детьми и всеми людьми открыта новая дорога — они смогут стать бессмертными и полететь к звёздам. Вот только счастливыми наши дети должны стать самостоятельно, этого за них никто не сделает...»

В диагносте виднелось пустое гнездо. Туда можно вставить ёмкость с лекарством. Возле всех биоцентров, которые лихорадочно работают над проблемой спасения королевы, стоят наготове суборбитальные самолёты. Если решение для спасения мозга императрицы будет найдено и лекарство синтезировано, оно будет немедленно доставлено в замок. Но шансы на это столь малы, что Джерри никогда не смотрит в сторону пустого гнезда.

А вот на широкую дверь возле окна Джерри поглядывает часто. Это он её прорубил.

Год назад, когда вероятность спасения Никки с помощью медицины стала уменьшаться с каждым днём, Джерри обсудил с Майклом один проект, имеющий прямое отношение к его, Майкла, идеям.

И сын с мрачной энергией взялся за дело.

На стапелях одного из ракетных заводов династии по особым чертежам построили фрегат. В нём установили самый минимум систем жизнеобеспечения, зато броня и радиационная защита были многократно усилены. Фрегат обладал гравитационным двигателем, самым надёжным термоядерным реактором и большим запасом стабильного химического топлива — словно корабль не знал, в какие передрыги он попадёт и какие двигательные системы окажутся работоспособными в условиях этих передрыг.

Копия интеллекта Робби была загружена в корабельный мозг — тоже весьма необычный: он содержал несколько десятков мощных независимых процессоров, изготовленных на основе самых разных технологий и рассеянных по всему кораблю. Словно корабельный мозг готовился к какому-то безумному путешествию и тоже не знал — какие типы процессоров выдержат это сумасшествие и какая часть корабля пострадает меньше всего.

Этот необычный фрегат, названный «Инфинити», был сейчас пристыкован прямо к спальне, и широкая дверь вела в его единственную каюту, расположенную в самом центре корабля.

Когда табло диагноста покажет, что остался всего один час, Джерри откроет широкую дверь и осторожно отнесёт Никки на корабль.

Джерри — землянин, у него сильные плечи.

Кабюта «Инфинити» практически пуста, за исключением стоящего посередине широкого саркофага из прозрачного бронестекла.

Он достаточно велик, чтобы вместить двоих. И они туда поместятся — с шутками и взаимным толканием локтями.

Потому что глупо умирать с тоскливыми лицами.

На запястье Никки уже надет такой же браслет, как и у Джерри.

Леопард и Лев не будут ждать до последней минуты, они сами смело выберут время своей смерти.

Они поцелуются, возьмутся за руки и отдадут последнюю команду.

Браслеты введут им в кровь препарат, который одновременно остановит оба влюблённых сердца.

О, как рассердится смерть, которая не привыкла подчиняться чужим приказам!

Крышка саркофага закроется, и тела подвергнутся быстрому охлаждению, чтобы предотвратить распад структур мозга.

Вспыхнут яркие стартовые огни фрегата, пристыкованного к Королевской башне.

Тысячи людей на лужайке возле дворца, все как один, поднимут головы и печально вздохнут.

Их друзья отправляются в последнее путешествие, без обратного билета.

«Инфинити» стартует и ярким всполохом скользнёт в прозрачном коридоре, ведущем от Королевской башни до купола.

Звёзды обычно падают с неба, но эта звезда в него взлетит.

В этот момент каждый человек на Земле попрощается с ней: что-нибудь шепнёт или подумает ей вслед.

А в одном из окон Королевской башни потихоньку начнут раздвигаться шторы, разгоняя многодневный мрак.

Целая эпоха закончилась, но новая началась.

Фрегат выйдет за пределы притяжения Луны и Земли, пролетит сквозь пояс астероидов, где всё ещё летает навечно прикованный к маленькой планетке старенький «Стрейнджер», давно превращённый в музей, и возьмёт курс на созвездие Стрельца, к центру Галактики, удалённому от Земли почти на тридцать тысяч световых лет и загороженному от неё густыми облаками межзвёздной пыли.

Корабль с телами Никки и Джерри будет мчаться в космосе тысячи лет, рассылая радиосигналы с одним и тем же сообщением, рассказывающим удивительную историю о девочке с астероида и её друге.

Возможно, в пути «Инфинити» встретит высокоразвитую цивилизацию, способную оживить оледеневшие тела и даже спасти мозг Никки, который исчерпал свои жизненные ресурсы.

Но шансы на это призрачно малы.

Если Робби-капитан сумеет провести фрегат сквозь звёздные скопления и газо-пылевые облака, то, по расчётам, через сто пятьдесят тысяч лет «Инфинити» достигнет центра Млечного Пути, где расположен объект Стрелец-А* — самая большая галактическая чёрная дыра, превышающая Солнце по размеру всего в двадцать раз, а по массе — в четыре с половиной миллиона раз.

Фрегат попадёт в остановившееся время Большой Чёрной Дыры и сам сольётся с ней.

Этот маршрут выбрал Майкл, который надеялся, что застывший в бесконечно тягучем времени «Инфинити» дожждётся общего коллапса мира, когда все разбежавшиеся галактики соберутся вместе.

Майкл положил возле корабельного саркофага книгу, напечатанную на очень долговечной бумаге и рассказывающую историю Никки и Джерри, и словарь, позволяющий любому разумному существу прочитать эту книгу.

Никаких других посланий корабль не нёс — Никки и Джерри сами будут посланием.

Гены и мозг человека содержат массу информации, но нет ничего красноречивей рук, навсегда соединённых под прозрачной крышкой саркофага.

Что ждёт впереди Никки и Джерри? Вечный покой или новые миры, полные света и диковинной жизни?

Существовала теоретическая вероятность, что фрегат «Инфинити», впаянный в чёрную смолу остановленного времени и искривлённого пространства Стрельца-А*, сумеет за мгновение корабельного времени совершить прыжок на десятки миллиардов лет вперёд и прорваться за сингулярность — в другой цикл Вселенной, где есть шанс встретиться с почти всемогущими «космическими ангелами» Майкла.

Это были очень эфемерные надежды, но даже одна искра делает мрак не абсолютным.

Никки и Джерри не знали будущего, которое ждало их впереди, но они решили встретиться с ним вместе.

Табло всё ещё показывало одиннадцать.

Никки сказала Джерри:

— Твоё решение многие не поймут. Кто-то назовёт тебя слабаком, а кто-то просто возненавидит.

— Я пожалею их: им не повезло на любовь. И они не понимают главного: когда много сделал, умирать не страшно.

Контрольная киберсистема стала переводить летаргию двух молодых людей в соседней комнате в стадию обычного сна.

Никки спросила:

— Как ты считаешь, мы помогли людям?

— А ты сама как думаешь?
— Я хочу услышать твоё мнение.
— Неужели ты полагаешь, что оно будет объективным?
— И всё-таки выскажи его.
— Ты — девочка с хрустальными волосами, которая спасла мир.
— Ты — лгун и льстец!
— Послушай эти голоса за окном... Знаешь ли ты, что все десять тысяч тиви-каналов — даже спортивные — транслируют сегодня только фильмы о тебе, или твои фотографии, или вид твоего дворца, или лужайки перед ним, куда поместились лишь немногие из твоих друзей. И все разговоры ведутся только о тебе. Забыты президенты и короли, актрисы и писатели — как будто нет никого на Земле. Ты, и только ты. О тебе сегодня говорят друзья и враги. Сегодня они помирились на одном и том же: ты — девочка с хрустальными волосами, которая спасла мир.
— Им что — делать больше нечего?
— Они выражают тебе свою признательность. Мир без тебя стал бы совсем другим.
— Он бы стал другим и без тебя, Майкла, Дзинтары и огромного количества других людей.
— Это истина, но она требует доказательств. Вот ты и доказала всем, что историю делает каждый. Если у него есть ум, воля и друзья.
Маугли долго молчала, закрыв глаза и отдыхая. На виске под тонкой прозрачной кожей билась тёмная жилка. Тонкий угасающий ручеёк жизни.
Но вот Никки открыла синие глаза, посмотрела на Джерри и сказала:
— Наклонись ко мне.
Его вполне здоровое сердце дало перебой. Он склонился над своей усталой девочкой и поцеловал её в тонкие губы.
Тепло вспыхнуло и осталось на их лицах.
«Её волосы всегда пахнут как трава, нагретая солнцем...»
Она усмехнулась:
— Ты помнишь, как мы поехали в зоопарк смотреть слона?
— Отлично помню — ты ещё случайно вымазала меня мороженым...
— Случайно?! — звонко расхохоталась Никки. — О Андромеда! Как же вы, мальчишки, бываете тупы!
Он только улыбнулся в ответ.
Число одиннадцать на табло задрожало и сменилось десяткой.
Солнце коснулось горизонта из кратерных зубцов и протянуло тёплые лучи к Никки и Джерри. Волны света радужно расщепились в хрустальных волосах девочки-Леопарда и засверкали в серебряной гриве мальчика-Льва.
У них ещё десять часов впереди. Что ещё надо влюблённым людям?
Никки вздохнула:
— Ты оказался прав: мы жили долго и счастливо и умерли в один день.
— Глупости, — сказал Джерри вопреки всему. — Мы будем жить вечно.

Конец

Послесловие

И история Никки и Джерри закончилась, но не нужно грустить по этому поводу. Ведь каждого из вас ждёт гораздо более захватывающая история, которую никто, кроме вас, не напишет: это история вашей жизни.

Надеюсь, мои книги помогут кому-нибудь в точках жизненных бифуркаций.

У «Астровитянки» будет два научно-популярных расширения: книга «Сто научных сказок», откуда принцесса Дзинтара читала своим детям сказку о докторе Борнемиссе, и «Учебник для астровитян» — для тех старших школьников и читателей, которые захотят узнать больше о научных проблемах, затронутых в художественной трилогии.

На прощание — один совет, одно пожелание и одно напоминание.

Ставьте себе большие задачи — даже если реализуется малая часть смело задуманного, это гораздо лучше, чем не мечтать и поэтому не проигрывать.

Пожалуйста, будьте счастливы.

И не забудьте — вам ещё нужно спасти этот мир.

1977, 2005–2010